Л. Е. Балашов

ФИЛОСОФИЯ

учебник

- Что такое философия?
- Краткий очерк истории философии
- Философская картина мира
- Философия человека
- Философия деятельности
- Задачи и упражнения по философии

«Дашков и К°»
Издательско-торговая корпорация

Л. Е. БАЛАШОВ

ФИЛОСОФИЯ

Учебник

5-е издание,
переработанное и дополненное

- **Что такое философия?**
- **Краткий очерк истории философии**
- **Философская картина мира**
- **Философия человека**
- **Философия деятельности**
- **Задачи и упражнения по философии**

Москва
Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
2019

УДК 1
ББК 87
Б20

Рецензенты:

Д. В. Джохадзе — доктор философских наук, профессор
Ю. М. Хрусталев — доктор философских наук, профессор

Балашов Л. Е.

Б 20 Философия: Учебник (систематический курс). — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2019. — 625 с.

ISBN 978-5-394-03367-4

В книге дается систематическое изложение основных тем философии в ясной и живой форме. Она может служить универсальным учебным пособием по философии — для студентов и преподавателей высшей школы, для учащихся и учителей старших классов средних учебных заведений.

В конце книги даются задачи и упражнения по философии.

Книга может быть полезна всем, кто интересуется философией, кто ценит мысль, понимает ее значение для жизни.

УДК 1
ББК 87

На 4-й стороне обложки помещены портреты (слева направо): Сократа, Д. Локка, Ф. Бэкона, А. И. Герцена, Гегеля, Б. Спинозы, Р. Декарта, Д. Дидро, И. Канта.

Отзывы и предложения направлять по адресу:
E-mail: lev_balashov@mail.ru

ISBN 978-5-394-03367-4 © Балашов Л. Е., 2019

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Для чего нужно изучать философию? 11

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ВВЕДЕНИЕ 14

Глава 1. Что такое философия? 14
1.1. Любовь к мудрости 14
1.2. Предмет и «части» философии 19
1.3. Философский плюрализм, многообразие философских учений и направлений 22
1.4. Практическая философия 30

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ 34

Глава 2. Философия древнего мира и средневековья 34
2.1. Зачем нужно знать историю философии? 34
2.2. Протофилософия 35
2.3. Ранние греческие философы 37
2.4. Сократ 43
2.5. Платон 44
2.6. Аристотель 47
2.7. Киники 48
2.8. Древняя философия после Аристотеля 49
2.9. Философия средневековья 51
Глава 3. Философия XV-XVIII веков 54
3.1. Философия эпохи Возрождения (XV—XVI века) 54
3.2. Ф. Бэкон 56
3.3. Р. Декарт 58
3.4. Б. Спиноза 59
3.5. Т. Гоббс 61
3.6. Д. Локк 62
3.7. Г. Лейбниц 63
3.8. Дж. Беркли и Д. Юм 64
3.9. Вольтер и Руссо 65
3.10. Французские философы-материалисты XVIII в. 66
3.11. И. Кант 67
Глава 4. Философия в XIX веке 72
4.1. Гегель 72
4.2. Послегегелевская философия 75
4.3. О. Конт 76
4.4. Л. Фейербах 77
4.5. Марксистская философия 78

4.6. А. Шопенгауэр 87
4.7. С. Кьеркегор 88
4.8. Ф. Ницше 88
Глава 5. Русская философия XIX — XX веков 95
5.1. Общая характеристика русской философии 95
5.2. Западники и славянофилы 98
5.3. П. Я. Чаадаев 98
5.4. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский 99
5.5. В. С. Соловьев 101
5.6. Н. А. Бердяев 102
5.7. Русский космизм 103
5.8. В. И. Ленин 104
Глава 6. Философия XX века 106
6.1. З. Фрейд 106
6.2. Феноменология 107
6.3. Экзистенциализм 107
6.4. Прагматизм 108
6.5. Логический позитивизм и аналитическая философия 109
6.6. К. Поппер 109
6.7. Психоделический мистицизм Карлоса Кастанеды. 110
6.8. Постмодернизм 112
6.9. Философия науки 113
6.10. Современная философская мысль 113
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ФИЛОСОФСКАЯ КАРТИНА МИРА 115
Глава 7. Философское понимание мира 115
7.1. Картины мира 115
7.2. Бытие, существование 120
7.3. Духовное и материальное (идеальное и реальное) 125
7.4. Источники построения категориальной картины мира 126
7.5. Категориальная структура мира 128
7.6. О категориальном детерминизме 129
7.7. Категориальная картина мира 131
7.8. Соответствия и антисоответствия между категориями 136
7.9. Материя и движение 139
Глава 8. Материя 142
8.1. Структура материи 142
8.2. Качество 148
8.3. Количество 150
8.4. Мера 158
8.5. Виды материи 162

Тело, мезоматерия, группа 163
8.6. Тело 164
8.7. Целое, строение, часть; система, структура, элемент 165
8.8. Виды тела 172
8.9. Группа (групповая материя) 173
8.10. Мезоматерия 175
8.11. Органические виды материи: организм, сообщество 176
О различии между организмом и сообществом 177
Виды организма и сообщества 179
Глава 9. Движение 181
9.1. Общая характеристика движения 181
9.2. Пространство 186
9.3. Время 188
9.4. Виды движения 192
Движение в пространстве 192
Движение во времени 196
9.5. Развитие 199
Глава 10. Противоречие 205
10.1. Общая характеристика противоречия 205
10.2. Структура противоречия 209
Простые (внутренние и внешние) противоречия 214
10.3. Внутренние и внешние взаимодействия (связь и столкновение) 216
10.4. Основные характеристики внутренних и внешних противоречий (взаимопереход и необратимый переход противоположностей) 222
10.5. Сложные (органические) противоречия 227
10.6. Гармонические и антагонистические противоречия 228
10.7. Золотая середина 231
10.8. Противоречия в мышлении 233
Парадоксы 234
Глава 11. Становление 236
11.1. Общая характеристика становления 236
11.2. Становление и развитие 239
11.3. Возможность 242
11.4. Действительность 247
11.5. Закон и явление 250
Закон и порядок 253
11.6. Причина — действие — следствие 254
11.7. Вещь — свойство — отношение 261

11.8. Сущность 265
11.9. Форма и содержание 269
11.10. Старое и новое 271
11.11. Эволюция и революция 273

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА 278

Глава 12. Учение о человеке (философская антропология) 278
12.1. Что такое человек? 278
12.2. Человек-общество-природа 279
12.3. Сущность человека 282
12.4. Происхождение человека 285
12.5. Организация человека 287
12.6. Личность человека 288
12.7. Типология человека 290
Глава 13. Жизнь, смерть, бессмертие 294
13.1. Жизнь. Смысл и цель жизни 294
Смысл жизни 295
Цель жизни 297
13.2. Смерть и бессмертие 300
13.3. Живая связь смертности и бессмертия 306
13.4. Как мы “делаем” бессмертие? 308
Продолжение человеческого рода, любовь 308
Творческое бессмертие 313
13.5. Потенциальное бессмертие 314
13.6. Актуальное бессмертие (жить настоящим, в настоящем) 319
13.7. Активное долголетие 321
Почему люди стремятся жить как можно дольше и почему надо жить как можно дольше? 323
Как поправить-укрепить свое здоровье? 325
Что надо делать для того, чтобы жить долго и счастливо? 326
13.8. Конечность и бесконечность существования в перспективе жизни 328
13.9. Человеческое счастье 332
Взаимосвязь смысла жизни и счастья 332
Что такое счастье? 332
Счастье: и результат везения, и результат борьбы-труда 334
Счастье — единство удовлетворенности и неудовлетворенности 335
Основа счастья — в единстве личного и общего 336

Можно ли сделать людей счастливыми, а тем более заставить их быть счастливыми? ... 336
13.10. Любовь ... 337
13.11. Человеческий смысл творчества ... 347
Какую профессию выбрать? ... 348
Глава 14. Гуманизм, либерализм и свобода ... 350
14.1. Гуманизм — философия человечности ... 350
14.2. Либерализм ... 354
14.3. Свобода ... 359
Противоположные взгляды на свободу ... 359
О так называемом парадоксе свободы ... 361
Свобода как возможность выбора ... 363
Способность выбора ... 366
Формула свободы ... 369
Зависимость и независимость ... 372
Глава 15. Учение об обществе (социальная философия) ... 375
15.1. Общество — взаимодействие людей ... 375
15.2. Структура общества ... 376
15.3. Государство ... 378
О природе власти ... 381
Разделение властей ... 382
Смена форм государственной власти ... 383
Многопартийность и демократия ... 386
15.4. Социальные группы (семья, коллектив, слой, этнос, нация) ... 388
15.5. Патриотизм, национализм, шовинизм ... 388
15.6. Отношения между людьми. Справедливость ... 390
15.7. Коллективизм и/или индивидуализм ... 391
15.8. Критика идей социализма и коммунизма ... 394
Механистический тоталитаризм ... 400
15.9. Мораль, право, политика ... 401
15.10. Золотое правило поведения ... 402
Золотое правило — главный принцип человеческого общежития ... 405
15.11. Добро и зло ... 411
Отличие моральных понятий добра и зла от общих понятий блага и зла ... 411
Что такое добро? ... 412
Добро и зло в аспекте соотношения действительности и возможности ... 414

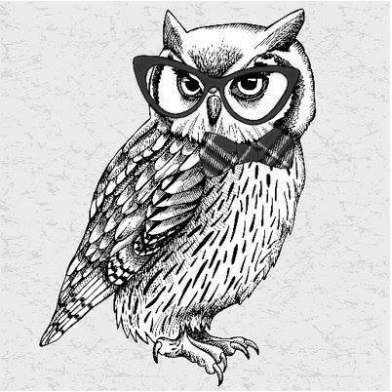
Человек по своей природе добр. Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология 416
Как бороться со злом и надо ли с ним бороться? 420
15.12. Об эгоизме, альтруизме и нормальном поведении 422
15.13. О культуре поведения 426
Нормальные взаимоотношения людей — тонкая материя 428
15.14. Культура 429
Феномен антикультуры 430
Пропаганда анормального в современном обществе 432
15.15. Наука 434
15.16. Искусство 435
15.17. Религия 436
Об атеизме и свободомыслии 443
Мистика 444
15.18. Цивилизация 450
15.19. Современность, история и будущее человечества. Глобальные проблемы. Космизм 451
Наше время и ложный объективизм 451
Глобальные проблемы. Глобализм и антиглобализм 453
Космизм 454
Экогуманизм 455
Человечество на рубеже веков 456
Человечество на рубеже тысячелетий 459
В чем состоит исторический прогресс? 460
Периодизация человеческой истории 461
Эволюция и революция в человеческом обществе 467
Особенности русской революции 1917 года и ее уроки 469

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ ФИЛОСОФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
Формы и методы человеческой деятельности. Философская методология 472

Глава 16. Деятельность, субъект, объект 473
16.1. Деятельность 473
16.2. Целесообразность, целеполагание, целенаправленность 477
16.3. Цель, средство, результат 479
16.4. Субъект и объект 482
16.5. Виды человеческой деятельности 486
16.6. Труд, отдых, игра, творчество 489
16.7. Психика 491
Душа и дух 493

Вера 494
Вера и убеждение 496
16.8. Сознание....497
Самосознание....498
16. 9. Воля 498
16.10. Язык....500
16.11. Опыт 501
Глава 17. Мышление....503
17.1. Как мы думаем? 503
17.2. Способности мышления 504
17.3. Качества мышления (хитрость, мудрость) 513
17.4. Рассудок (дедуктивная логика)....516
Рассудок и логика 516
Дедукция, рассуждение 517
Пределы дедуктивной логики 520
17.5. Вероятностное мышление 520
Предположение....521
17.6. Ум (интуиция)....522
Чутье, наитие, умонастроение, догадка 522
Что нужно для развития чутья, интуиции?....523
Ограниченность и абсолютизация интуиции....524
17.7. Разум (диалектическое мышление) 525
Идея — мысль Разума 525
Диалектика идеи 525
Место идеи в творческом процессе....529
17.8. Категориальный строй мышления....536
Категориальная логика мышления....537
Как категории работают-проявляют себя?....539
“Кухня” категориальной логики 544
Методологическая функция категориальной логики 548
17.9. Здравомыслие, здравый смысл (норма в мышлении, нормальное мышление) 551
Как мы думаем, так и живем 561
Глава 18. Творчество....562
18.1. Жизнедеятельность 562
18.2. Сущность творчества 562
Талант и гений 564
18.3. Познание....566
Знание и заблуждение 566

Заблуждение 567
Истина и ложь....568
Ложь во спасение....569
Правда....569
Знание и ценность....570
Сведение, информация....573
Описание....574
Истолкование, интерпретация, объяснение....574
Понимание....574
Первичное и вторичное знание....574
Этапы познания....575
18.4. Индивидуальное и коллективное познание....575
18.5. Формы индивидуального познания....576
18.6. Наука (коллективное познание)....578
Гипотеза....581
18.7. Рост научного знания. Научный прогресс, научные революции....583
18.8. Практика....584
Благо (ценность)....584
Виды практики....589
Изобретение....589
18.9. Игровая деятельность....590
18.10. Искусство (художественная деятельность)....591
18.11. Спорт....594
ЗАДАЧИ И УПРАЖНЕНИЯ ПО ФИЛОСОФИИ....596
Литература....619
Указатель имен....622



Для чего нужно изучать философию?

1. Философствует каждый и каждый решает для себя жизненно важные, поистине философские проблемы (об отношении к миру, о смысле и цели жизни, выборе профессии, о добре и зле и т. д.). Так не лучше ли вместо того, чтобы блуждать в лабиринтах проблем, поучиться философии у других?!

Представьте себе, что Вы учитесь кататься на лыжах. Снег глубокий и рыхлый — и Вы с трудом переставляете ноги, но рядом кто-то проложил лыжню — и Вы становитесь на нее, и двигаться сразу легче. Вы постепенно осваиваете технику хода, а потом уже можете идти самостоятельно, своей дорогой, но у Вас уже гораздо меньше шансов провалиться в снег или остановиться. Так и в философии[1].

2. Философия — коллективный разум людей. Быть на «ты» с коллективным разумом так же важно, как и обладать разумом. А разум — концентрированное выражение человека. Не случайно ученые-биологи называют человека «homo sapiens», человеком разумным.

Благодаря философии человек начинает ощущать себя гражданином мира, становится как бы вровень с человечеством и даже с миром в целом.

---

[1] Этот абзац — цитата из книги: *Ретюнских Л., Бобах В.* “Веселая мудрость”, М., 1994. С. 12.

3. Философия помогает человеку осознать себя в полном смысле человеком (не мужчиной или женщиной, не представителем той или иной национальности, религиозной конфессии или специалистом-профессионалом).

Она, в частности, помогает специалисту преодолевать свою профессиональную ограниченность, односторонность, т. е. защищает специалиста от того, что называют профессиональным кретинизмом (ограниченностью, узостью). Вспомним, что по этому поводу говорил Козьма Прутков: специалист подобен флюсу, полнота его одностороння.

Человек должен быть всесторонне образованным, культурным, развитым. Это достигается изучением наук по специальности, чтением научно-познавательной, художественной литературы, газет, журналов, развитием музыкального и художественного вкуса, практических навыков и умений... Философия стоит как бы в центре всего этого потока образовательных и воспитательных задач.

В 18 веке прусский министр Цедлиц «внушал своим подчиненным уважение к философии»; «студент должен усвоить, полагал министр, что после окончания курса наук ему придется быть врачом, судьей, адвокатом и т. д. лишь несколько часов в сутки, а человеком — целый день. Вот почему наряду со специальными знаниями высшая школа должна давать солидную философскую подготовку» (см.: А. Гулыга. Кант. М., 1977. С. 95).

4. Благодаря философии необыкновенно расширяется умственный кругозор, появляется и/или увеличивается широта мышления. Последняя помогает человеку понять-понимать других, учит терпимости, толерантности, учит не бояться чужого, т. е. защищает от ксенофобии.

5. Философия прививает вкус к отвлеченному, абстрактному мышлению и не в меньшей степени, чем математика.

Философская абстракция, в отличие от математической, наполнена жизненным смыслом; она не отвлечение от многообразного, а единство многообразного. Достаточно упомянуть такие абстракции, как «мир в целом», «пространство», «время», «материя», «дух».

6. Философия развивает мысль, способность мыслить. Изучение философии — настоящая школа творческого мышления.

7. Философия учит критичности, критическому мышлению. Ведь первое условие философствования: ничего не принимать на веру. В этом своем качестве философия помогает избавиться от предрассудков и заблуждений.

8. Философия помогает людям вырабатывать убеждения и, если нужно, выправлять их.

Надо помнить: убеждения формируют личность. Без них человек подобен флюгеру — куда ветер подует, туда и он.

9. Философия сообщает человеку то, что называют твердостью, неустрашимостью духа. Благодаря ей человек избавляется от опасного чувства муравья, мечущегося без какого-либо смысла между гигантскими корнями деревьев.

ФИЛОСОФИЯ
Фреска Рафаэля

Раздел первый. Введение

Глава 1. Что такое философия?

1.1. Любовь к мудрости

Название “философия” происходит от греческих слов “phileo” — люблю и “sophia” — мудрость, что означает любовь к мудрости, любомудрие.

Мудрость и сейчас остается существенным определением философского мышления. Философия есть мудрость, но не отдельного человека, а *объединенного Разума людей*. Иными словами, философия есть *коллективное мышление.* Как это понимать?

Во-первых, философия есть именно *мышление*, а не познание, не чувствование, не верование, не воле́ние, не действование.

Во-вторых, философия не просто мышление, а ***со-****мышление*, т. е. такое мышление, которое предполагает *мыслящее общение людей* или *мышление людей сообща*. Философия — коллективное мышление также как наука — коллективное познание, искусство — коллективное чувствование, религия — коллективное верование, мораль-политика-право — коллективное воле́ние, экономика — коллективное производство-распределение и т. д.

В-третьих, исходным и конечным пунктом философствования является не знание, не благо, не красота, а мысль, имеющая смысл-значение для других-многих людей, прежде

всего для самих философов. Конечно, коллективно мыслят и в науке, в искусстве, во всех других сферах человеческой деятельности. Но *это* коллективное мышление — лишь подчиненный момент научной-познавательной, художественной и т. п. деятельности. Оно философично лишь в той мере, в какой внутренне свободно, не связано непосредственно с производством знания, красоты, материальных благ и т. д. В философии коллективное мышление *самодостаточно*, максимально удалено от решения познавательных-художественных-практических задач. Стихия философии — это стихия чистой, самодостаточной мысли.

Философия — высшее проявление способности живого-человеческого к отсрочке реакции, действия, ответа для обдумывания того, как лучше действовать-поступать. Самое элементарное поведение — безусловно-рефлекторное, когда между ощущением и действием минимальное расстояние (например, отдергивание руки от горячего предмета сразу после прикосновения). Поведение человека тем сложнее, чем больше расстояние (задержка) между восприятием и действием, познанием и практикой. Философы — такие представители рода человеческого, которые в наибольшей степени олицетворяют-материализуют эту задержку.

Если философы что-то и предлагают нефилософам, то отнюдь не готовые ответы-рецепты, а их полуфабрикаты. Ведь мысль-идея — всегда полуфабрикат...

Раньше некоторые философы, писатели и ученые выдвигали положение о философии как науки наук. Это положение, правильно подчеркивая особую роль философии по сравнению с частными науками как общей мировоззренческой, методологической, идеологической основы научного познания, вместе с тем страдает существенным изъяном. Оно объявляет философию наукой и этим устанавливает жесткую связь между философскими представлениями и научными теориями. В действительности философия является особой формой мышления. Она включает в себя элемент научности, но не сводится к научной форме знания. Наука есть форма коллективного *познания*, в то время как философия есть форма коллективного *мышления* людей.

(В скобках отмечу, как во взглядах на соотношение философии и науки существует определенная путаница [когда философию представляют наукой], так и в вопросе о соотношении мышления и познания первое нередко представляют как часть, вид или форму второго. См. об этом ниже п. 17.1, стр. 504).

Кроме того, философия, в отличие от науки, не может обязывать, предписывать, указывать "как надо", быть законодательницей. Ее положения обладают только рекомендательной силой по отношению к другим отраслям человеческой деятельности. Выражение "философия — наука наук" отражает как раз попытку представить философию законодательницей наук, диктующей им свою волю, как себя вести.

Указанное выражение неправильно и в том смысле, что ограничивает взаимоотношения философии с другими отраслями человеческой деятельности только областью отношений с науками. Философия как форма коллективного мышления имеет непосредственное отношение и к науке, и к искусству, и к материальной практике, и к управлению обществом, и к индивидуальному опыту человека. Она рефлексирует по поводу всех этих форм деятельности, занимая положение центра или фокуса, в котором сходятся все формы человеческой деятельности. Иными словами, философия — средоточие, центр всех человеческих исканий и дерзаний.

В нашей стране философия длительное время была (и пока остается) сильно привязанной к государству и науке. Философские исследования проводятся в значительной мере в рамках или под эгидой Российской Академии наук. Неотдифференцированность философии от науки приводит ее к неоправданному онаучиванию, своеобразному философскому сциентизму. Наукообразный язык в философских книгах и статьях — весьма распространенное явление. В результате от философских исследований-размышлений ждут того же, что от научных исследований. Оборотной стороной такого подхода, т. е. стремления "онаучить" философию является ожидание от нее каких-то конкретных научных результатов, готовых ответов на поставленные жизнью вопросы. Поскольку это ожидание не оправдывается, наступает разочарование философией.

Наука, как уже говорилось, занимается познанием; философия же ничего не познает. Она лишь *осмысляет* ход и результаты познания (и не только познания, а и практики, искусства, вообще всего человеческого опыта). Науке — науково, а философии — философиево! Наука производит знания. Философия же вырабатывает и разрабатывает *идеи*. Не более того. Философские идеи — это идеи идей: научных, художественных, практических и т. д. Соответственно и *философствование* не прямо служит познанию, практике, искусству, а весьма опосредованно.

Философия в нашей стране должна обрести свое лицо и освободиться, наконец, от внешних пут. Никто, ни научные авторитеты, ни государственные, ни религиозные деятели не должны вмешиваться в дела философии.

Примером онаучивания, сциентификации философии являются попытки некоторых философов и философских школ выразить основные философские положения в форме законов. Раз в науке открывают законы, значит и в философии можно это делать. Наиболее ярким примером изобретения философских законов являются марксистские законы диалектики. Как мне представляется, только наука может претендовать на открытие и исследование законов предметной области. В философии же “закон” — лишь одна из категорий, парная категории “явление”, и называть этим же термином некоторые философские основоположения — это логическая ошибка. Либо мы должны признать, что “закон” является высшей категорией диалектики, либо признать, что слово “закон” в случае, когда речь идет о “законе диалектики”, имеет иной смысл, чем тот, когда им обозначают одну из категорий диалектики. Во втором случае создается опасность неоднозначного употребления термина “закон”, ведущая лишь к путанице понятий и к различным перекосам в мышлении.

Одной из причин использования в марксистской философии понятия “закон” применительно к некоторым ее основным положениям служит как раз вольное или невольное проведение аналогии между философией и наукой.

Говоря о том, что философия ничего не познает, я имел в виду, что "экологическая ниша" философии как особого типа культуры — не познание, а мышление. Целью философствования является не постижение истины, а мудрость. Ведь философствование и есть мудрствование (в хорошем смысле этого слова). Только наука "имеет право" заниматься познанием. Это ее особенность, ее "хлеб". Могут сказать: а как же быть с выражениями "философское знание", "философская наука" и т. п.? На это отвечу: слова "знание" и "наука" применительно к философии употребляются в ином смысле, нежели когда говорят о науке как типе культуры и о познании как отрасли человеческой деятельности. Ведь и в богословии нередко употребляют выражения "богословское знание", "богословская наука". Но ведь никто не считает "богословское знание" научным знанием, а "богословскую науку" действительно наукой подобно физике, биологии, социологии.

Когда говорят о философском *знании*, то имеют в виду не то знание, которое приобретается в процессе научного познания. Научное знание — результат познания реального мира, мира как объекта познания. Философское знание — результат внутрифилософских потоков информации, идущих от одного философа к другому. Если я прочитал сочинения Платона и понял их, то получил знание об учении Платона, о его идеях, взглядах и т. п. Сумма философских знаний — это прежде всего знание основных философских учений-идей прошлого и настоящего. Философское знание похоже на научное знание в том смысле, что оно, как и научное знание, более или менее адекватно, соответственно отображает предмет, в нашем случае — учение, идеи, мысли другого философа (других философов). Философски образованный человек — это человек, который более или менее адекватно воспринял и усвоил основные идеи философов прошлого и настоящего. Философское образование является основой философской учености и профессионализма. Слова "ученость" и "ученый" применительно к философу означают лишь то, человек основательно *учился* философии. Почти то же можно сказать о словах "на-

учность" и "наука". Применительно к философии эти слова означают *научение* философии. Кроме того, слово "наука" в сочетании с прилагательным "философская" (философская наука) означает тот или иной раздел философии, выделившийся в относительно самостоятельную философскую дисциплину, в отрасль философского знания. Философскими науками называют этику, эстетику, логику...

В последние годы дает о себе знать другая крайность: антисциентизм-иррационализм. Это определенно реакция на предшествующие десятилетия философского сциентизма-рационализма[1]. Раскрепощенные философы вдруг заговорили как богословы, мистики, ясновидцы, пророки...

Ни сциентизм, ни антисциентизм не делают философа философом. Мы, философы, должны научиться говорить своим голосом — без наукообразности и сциентизма, с одной стороны, и без религиозно-мистической, пророческой риторики-аффектации, с другой.

1.2. Предмет и «части» философии

Философы обсуждали проблему "частей" философии, ее структурированности с тех пор, как состоялось первоначальное накопление философских идей и появились первые философы-систематики.

Философия в ее полном виде может быть разделена на три части соответственно трем "предметам": объекту деятельности, субъекту деятельности и самой деятельности, точнее ее средствам-методам.

Содержание философии составляют наиболее общие представления о мире в целом, его категориальной структуре, о человеке и обществе, в котором он живет, о способах деятельности или освоения человеком мира. Графически предмет философии выглядит так: см. ниже, рис. 1.

---

[1] Рационализм — это когда утверждается верховенство разума в жизни человека, когда разум объявляется или признается последней инстанцией, которая может разрешить те или иные вопросы. См. ниже, п. 1.3, стр. 24.

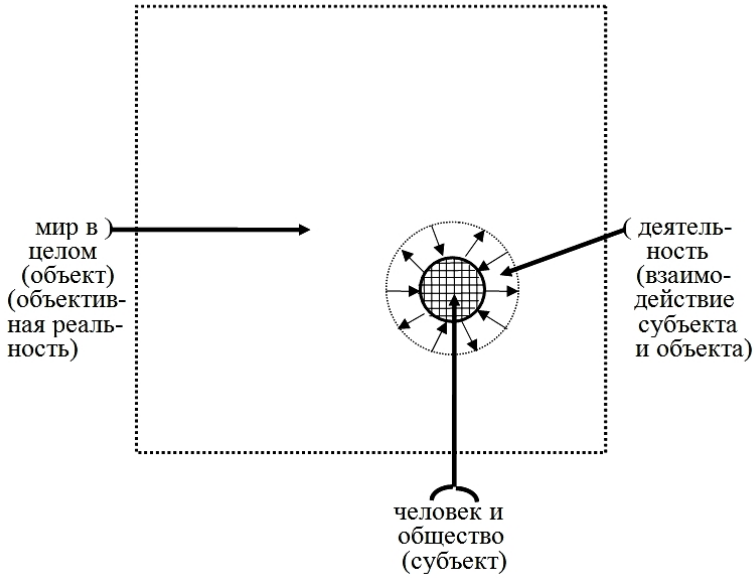


Рис. 1

Можно выделить три “части” предмета философии:

1. Мир в целом (объективная реальность), его категориальная структура (объективная система категориальных определений мира).

2. Человек и общество (субъективная реальность).

3. Деятельность, взаимодействие субъекта с объектом, способы и направления деятельности (мышление, познание, практика, искусство).

Соответственно трем “частям” предмета можно выделить три “части” философии:

1. Учение о мире в целом и его категориальной структуре — мировоззренческая “часть”.

2. Учение о человеке и обществе — философская антропология и социальная философия.

3. Учение о формах и методах деятельности — методологическая “часть”.

Как мировоззрение философия дает наиболее общее представление о мире в целом и его категориальной структуре.

Предметом этой “части” философии является объективная реальность, мир, как он существует сам по себе, независимо от человека и человечества. Мировоззренческий аспект философии выдвигает на первый план ее объективность, беспристрастность. В этой “части” она стремится к идеалу “научной” философии.

Как учение о человеке и обществе философия реализует принцип “познай самого себя” и ориентирует развитие человека и общества в определенном направлении. Этот аспект философии можно было бы назвать идеологическим. Он обнаруживает ее активный, действенный, субъективный характер, ее пристрастность.

Как учение о формах и методах деятельности философия служит общим методом познания и практики. Мало иметь представление о мире в целом, мало знать, чего хочет человек, надо также разрабатывать вопросы *успешной* деятельности по освоению (познанию и преобразованию) мира. Предметом методологической “части” философии является человеческая деятельность в ее многообразных формах, иными словами, взаимодействие субъекта (человека и общества) с объектом (объективным миром). Философская методология включает в себя:

1. Учение о творчестве.
2. Учение о мышлении.
3. Учение о познании.
4. Учение о практике.
5. Учение об игровой деятельности (искусстве, спорте).

В учении о мышлении центральным является вопрос об *идее*. В учении о познании центральным является вопрос об *истине*. В учении о практике центральным является вопрос о *благе*, *ценности*. В учении об искусстве центральным вопросом является вопрос о *прекрасном*, *красоте*.

Каждая из указанных “частей” философской методологии имеет свою систему специфических категорий-понятий.

Философия, как любая другая отрасль человеческой деятельности, развивается, усложняется, а, следовательно, диф-

ференцируется внутри себя. Идет процесс дифференциации философии и специализации ее отдельных частей. С другой стороны, время от времени возникают философские *системы*, "работающие" в направлении интеграции философских идей. **Дифференциация и интеграция философии — две стороны единого процесса ее становления-развития.**

Давно уже сложилось своеобразное разделение труда между философами. Они разделились на философов-специалистов (специализирующихся в какой-нибудь одной области философии) и философов-систематиков, стремящихся охватить единым мысленным взором все богатство философских идей. И те, и другие философы нужны современному обществу.

Если взять развитие философии за большие промежутки времени, то увидим, что время от времени появлялись всеохватывающие системы философии. В Древней Греции такой всеохватывающей системой была философия Аристотеля. В новое время каждый крупный философ претендовал на создание системы философского знания. Систематические учения оставили Декарт, Спиноза, Гоббс, Локк, Кант. Поистине Аристотелем нового времени стал Гегель.

1.3. Философский плюрализм, многообразие философских учений и направлений

Многообразие философских учений и направлений — от многообразия человеческих типов, характеров и многообразия форм деятельности. Еще Аристотель подметил, что взгляды философа определяются тем, чем он занимается. О Пифагоре и пифагорейцах он писал: "... так называемые пифагорейцы, занявшись математикой, первые развили ее и, овладев ею, стали считать ее начала началами всего существующего". Фихте отметил другое: «Какую философию ты выбираешь, зависит от того, что ты за человек».

И еще. Философы порой напоминают начинающих или плохих ездоков на лошади: сползают то на правый, то на левый бок, то вперед, к шее лошади, то назад, к ее крупу. Наши

мысли — скакуны, как поется в одной песне. И они могут понести нас не в ту степь.

Самое известное деление философов — на ***материалистов*** и ***идеалистов***. Оно же и самое древнее. Уже Платон делил философов подобным образом.

Материализм и идеализм различны главным образом вследствие различия их объектов. Объектом материалистической философии является природа и все остальное она рассматривает через "призму" природы. Главным объектом внимания идеалистической философии являются высшие формы человеческой, духовной, социальной жизни. Если за основу берется духовная жизнь человеческого общества — то это — объективный идеализм. Если же за основу берется духовная жизнь индивидуума, то это — субъективный идеализм.

Материалисты идут от природы, от материи и объясняют явления человеческого духа на основе материальных причин. Идеалисты идут от явлений человеческого духа, от мышления и на их основе объясняют всё остальное. Короче говоря, материалисты идут от мира к человеку и его разуму, а идеалисты идут от человека к миру.

Идеалисты пытаются объяснить низшее через высшее, а материалисты, наоборот, — высшее через низшее.

Материалисты рассматривают идеальное как слепок, отражение реального. Идеалисты, напротив, рассматривают реальное как слепок-продукт идеального. И те и другие по-своему правы. Материалисты абсолютизируют познавательную способность человека (ведь в познании реальное мы переводим в идеальный план; идеальное, полученное в процессе познания, лишь повторяет реальное, соответствует ему, разделяет то, что разделено в объекте и соединяет то, что соединено в объекте; в познании мы приспосабливаемся к миру, пытаемся слиться с ним, раствориться в нем). Идеалисты абсолютизируют управляюще-преобразующую способность человека (в управляюще-преобразовательной деятельности мы переводим идеальное в реальный план; реальное, полученное в результате такой деятельности, лишь повторяет идеальное, соответствует ему; в управляюще-преобразовательной деятельности мы приспосабливаем мир к своим потребностям,

пытаемся подчинить его себе, господствовать над ним, очеловечить, одухотворить его).

Нужно указать также на то, что материализм и идеализм весьма различаются в своих ценностных ориентациях. "Невозможно логическими доводами, — справедливо замечает Л. Н. Гумилев, — примирить людей, взгляды которых на происхождение и сущность мира полярны, ибо они исходят из принципиально различных мироощущений. Одни ощущают материальный мир и его многообразие как благо, другие — как безусловное зло...". За примерами не нужно далеко ходить. Вот мнение Гегеля: "... все духовное, лучше какого бы то ни было продукта природы". Прямо противоположного мнения придерживался биолог Р. Майер. "Природа в ее простой истине, — писал он, — является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа".

Другое известное деление философов — на ***рационалистов***, ***эмпириков*** и ***иррационалистов***.

Слово "рационализм" происходит от французского "rationalisme", которое в свою очередь происходит от латинского "rationalis", а последнее от латинского же "ratio". Одно из основных значений слова "ratio" — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть *противоречие*. С одной стороны понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может "часть" (а разум лишь "часть" человека, пусть главная, но всё же "часть") управлять, "вертеть" целым?

Да, действительно, разум лишь "часть", но такая, которая

делает целое целым. Разум — интегральное “свойство” человека, делающее его целым, т. е. он в известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “частями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни. И те и другие правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо *вне*разумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и т. д.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к разуму. Они — это логика и интуиция, рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание, всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики и т. п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Можно различать **умеренный** и **крайний рационализм**, **умеренный** и **крайний иррационализм**.

Умеренный рационализм достаточно самокритично относится к себе (пример: критический рационализм К. Поппера), отвергает чисто рассудочный, чисто логический подход к оценке явлений мира.

Крайний рационализм рассудочен, до омерзения логичен, расчетлив как вычислительная машина, выступает в таких мировоззренческих установках как лапласовский детерминизм, механицизм, технократизм, техницизм.

Умеренный иррационализм делает упор на эмоциональность, неповторимость, индивидуальность, пренебрежительно относится к логике, любит парадоксы и загадки (пример: философия С. Кьеркегора, экзистенциализм). Он абсолютизирует плюрализм. В искусстве выступает в форме абсурдизма, сюрреализма…

Крайний иррационализм обычно выступает в форме мистицизма. Для него всё тайна, всё чудо, возможно любое нарушение естественного порядка вещей (законов, правил, естественного течения жизни и т. п.).

Эмпиризм[1] — абсолютизация[2] опыта, промежуточного (между логикой и интуицией) способа мышления, вероятностного подхода. Он выступает в двух формах: сенсуализма и прагматизма. Сенсуалистический эмпиризм акцентирует внимание на чувственном опыте (sensus — чувство, ощущение), чувственном познании. Прагматический эмпиризм акцентирует внимание на двигательной активности человека, на физических действиях, приводящих к успеху. Сенсуализм пассивен, созерцателен; прагматизм активен, деятелен.

Эмпиризм занимает промежуточное положение между рационализмом и иррационализмом. Это видно из следующего.

Первое. Ясно, что между рационализмом и иррационализмом более глубокое различие, чем между рационализмом и эмпиризмом. И если располагать указанные философские-методологические позиции-установки в один ряд, то рационализм и иррационализм будут крайними членами этого ряда, а эмпиризм — средним членом.

---

[1] От греч. empeiria — опыт.

[2] Абсолютизация — преувеличение, гипертрофирование сверх всякой меры, возведение в абсолют, в нечто безусловное, самодовлеющее.

Второе. На промежуточный характер эмпиризма указывает и то, что он может тяготеть к рационализму, быть, так сказать, рационалистическим и к иррационализму, быть иррационалистическим.

Третье. Эмпирики отвергают крайности рационализма и иррационализма. Они достаточно скромно оценивают и рассудочную, дедуктивную логику, и интуицию, фантазию. Вспомним, как Ф. Бэкон, эмпирически ориентированный философ, выступал против дедуктивной логики Аристотеля. Органону Аристотеля он противопоставил свой "Новый Органон", в котором пытался обосновать универсальное значение индукции как научного метода. С другой стороны, эмпирики не жалуют интуицию (догадку, фантазию, воображение) и они выступают против мистицизма.

Вообще эмпирики слишком скромно оценивают человеческое мышление и разум, в частности. Эмпирики-сенсуалисты отдают предпочтение чувственному опыту. Их наиболее яркий представитель — Д. Локк — утверждал: "Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах". Вдумайтесь в эти слова: какое, в сущности, уничижение разума! (Зачем тогда разум, если в нем нет ничего, чего не было бы в чувствах?)

Эмпирики прагматического направления отдают предпочтение действию, практическому опыту.

Такая скромная оценка мышления и разума вполне корреспондируется с вероятностным характером эмпирического мышления. Ведь на основе опыта можно получить только вероятные выводы. В этом случае нет места ни дедукции, ни интуиции. А где нет дедукции и интуиции, там нет и Разума как высшей способности мышления, объединяющей то и другое. Да и о мышлении в целом приходится говорить как о некоторой условности, как о каком-то непонятном довеске к чувственности. В самом деле, что такое мышление без Разума, т. е. без Силы и Глубины?! Да и вообще, возможно ли мышление без взаимодействия (в широком смысле) логики и интуиции?!

Ниже приводится **схема соотношения рационализма, эмпиризма, иррационализма и "разумизма"** (рис. 2).

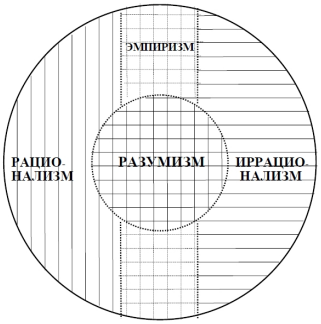


Рис.2

Как видим, она аналогична структурной схеме мышления (см. ниже, п. 17.2, стр. 506). Это позволяет не просто говорить о различии или противоположности указанных подходов, а классифицировать их, уточнить их место и роль в человеческой культуре.

Из схемы можно видеть, что наиболее сбалансированная позиция — это позиция "*разумизма*". Она охватывает все типы мышления (логику, интуицию, вероятностное мышление) и избегает крайностей-односторонностей рационализма, иррационализма, эмпиризма. Термин "рационализм" не подходит для обозначения указанной позиции, так как по-русски он может пониматься и как "разумизм", и как "рассудизм". Эта неопределенность в понимании термина создает постоянную опасность истолкования его в одностороннем смысле (как "рассудизм"). Это — во-первых. Во-вторых, односторонность рационализма как бы продуцируется-задается фактом существования противоположной позиции — иррационализма. Спор между рационализмом и иррационализмом — это, в сущности, ситуация позиционного конфликта, как в суде: между обвинением и защитой. Соответственно, должен быть верховный арбитр между рационализмом и иррационализмом. Им не может быть рационализм, поскольку он сам — одна из спорящих сторон.

Философов делят также на ***догматиков*** и ***скептиков***. Философы-догматики вырабатывают свои идеи либо излагают чужие и отстаивают их, т. е. рассуждают в основном в духе позитивного, конструктивного, *утвердительного* философствования. Напротив, философы-скептики настроены в основном на волну *критического, деструктивного* философствования. Сами они не вырабатывают идеи, а лишь критикуют чужие. Философы-догматики — это философы-изобретатели или философы-излагатели, а философы-скептики — это философы-чистильщики, философы-мусорщики.

Критическое философское размышление весьма полезно для определения и уточнения границ философствования, для выяснения того, что может философия, а что не может. Щуки в философии так же нужны, как и караси. На то и щука, чтобы карась не дремал — говорит пословица. В древности была целая школа таких философов.

Крайние догматики — это уже не философы, а люди, которые утверждают и отстаивают идеи несмотря ни на какие обстоятельства, без учета конкретных условий. Они не терпят никаких возражений и не выносят никакой критики. Крайние догматики — это либо фанатики, либо люди с окостеневшим рассудочным мышлением. Крайние скептики — тоже уже не философы, а люди, ни во что не верящие, подвергающие всё сокрушительной, уничтожающей критике. Это либо злопыхатели, которым всё не по нутру, либо очень мнительные люди.

Заслуживает внимания и такое деление философов: на ***субъективистов***, ***объективистов*** и ***методологистов*** — в зависимости от основного предмета философствования. Философы-объективисты акцентируют внимание на мировоззренческих проблемах, на осмыслении внешнего мира. К ним относятся натурфилософы, материалисты, онтологисты. Философы-субъективисты акцентируют внимание на проблемах человека и общества. К ним относятся большинство идеалистов, философы жизни, экзистенциалисты, постмодернисты. Наконец, философы-методологисты осмысляют преимущественно формы и средства человеческой деятельности. Это — кантианцы, позитивисты, неопозитивисты, прагматисты, представители лингвистической философии, философы науки.

В последние сто-двести лет появились философы, которые, образно говоря, обслуживают связь философии с другими формами культуры. Философия существует ведь не в безвоздушном пространстве. Как часть культуры она тесно связана с другими ее частями. Человеческая культура как таковая едина и многообразна. Если представить ее в виде дискретно-непрерывного поля, то на нем отчетливо выделяются некоторые “участки” — наука, искусство, практика, религия и, конечно, наша философия. Эти “участки” культурного поля, с одной стороны, относительно самостоятельны, независимы

друг от друга, с другой, — тесно связаны друг с другом, имеют между собой много промежуточных звеньев-переходов. Философия, например, плавно переходит в науку, а наука — в философию. С одной стороны, в философии работают сциентизирующие философы (философы науки, философы-методологи, специализирующиеся на проблемах научного познания). С другой, в науке работают философствующие ученые, разрабатывающие проблемы общенаучной и частнонаучной методологии. Такую же связь можно видеть между философией и искусством. Есть философы, специализирующиеся исключительно на философском осмыслении искусства и литературы, а есть философствующие искусствоведы и художники. Теперь, если возьмем философию и практику, то увидим, с одной стороны, философов-прагматиков, философов-инструменталистов, например, а, с другой, философствующих политиков, государственных деятелей, менеджеров, изобретателей, инженеров и иных практических специалистов. Если говорить о переходных звеньях между философией и религией, то их также немало. Есть богословствующие, религиозные философы и есть философствующие богословы и священнослужители.

И, наконец, существует очень небольшое количество философов, которых трудно отнести к какому-то одному типу, направлению. Это так называемые *чистые* философы, **философы-*систематики***, *создатели всеобъемлющих философских систем*. Я говорил о них в предыдущем разделе. Эти философы по-хорошему всеядны, их взгляды-интересы, симпатии-антипатии достаточно сбалансированы и именно они в наибольшей степени заслуживают звания *философов, т. е. людей, стремящихся к мудрости, мудрецов.*

1.4. Практическая философия

Практическая значимость философии вытекает из того фундаментального факта, что мысль может непосредственно влиять на действие: либо побуждать человека к действию, либо, напротив, тормозить, останавливать действие, отвращать от него.

Цель практической философии: побуждать людей ***с помощью мысли*** к правильным, хорошим действиям и отвращать от ошибочных, плохих действий. Говоря более точно, практическая философия — это философия, имеющая целью воздействовать на людей ***силой мысли*** через посредство слова, убеждения — в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации). Практический философ (подобно практическому психологу, психоаналитику, врачу, священнику, юристу) организует службу консультирования-собеседования-исповедания. Его задача: консультирование и собеседование по основным вопросам жизни, развития, любви, творчества, здоровья...

Если говорить более развернуто, то необходимость института практического философа диктуется следующим:

1. Философ, в отличие от представителей других профессий (психологов, врачей, юристов, сексологов, священников и т. д.), целостно рассматривает человека, во всех его жизненных проявлениях. Именно он способен разговаривать с человеком как с человеком, учитывать все аспекты человеческого бытия-опыта и как бы дирижировать всем инструментарием воздействий на человека. Психолог-психоаналитик ищет решение человеческих проблем в психике, врач — в восстановлении здоровья, юрист — в эффективном использовании законодательства и т. д. Лишь философ может оценить, какое средство следует использовать в тех или иных ситуациях. И именно он может предложить комплексное использование различных средств, т. е. координировать-дирижировать.

2. Кроме того, философ располагает таким средством решения человеческих проблем, каким не располагает профессионально ни один представитель какой-либо другой человечески-ориентированной деятельности. Этим средством является ***мысль***. Профессиональный философ — это человек, сделавший мышление (рассуждение, аргументацию, убеждение, критику) своей профессией. И именно он, только он, может профессионально использовать мысль-мышление в качестве средства воздействия на человека для решения его проблем.

3. Нужно иметь в виду, что философия незримо присутст-

вует в сознании людей, хотят они этого или нет. Люди так или иначе обсуждают философские проблемы, не называя их философскими. Эти обсуждения большей частью неквалифицированные и невежественные. Целое море псевдофилософских рассуждений можно встретить в теле- и радиопередачах, в кинофильмах, в книгах, газетах и журналах. Кроме того, многие специалисты-человековеды (психологи, врачи, юристы, священники и т. д.) помимо сугубо профессиональных разговоров и рекомендаций ведут со своими клиентами чисто философские беседы и дают советы философского характера. Они работают, по существу, на поле практической философии. Естественно, что все эти обсуждения и рекомендации в большинстве случаев оставляют желать лучшего. Ясно, что здесь должны работать философы-профессионалы. Практическая философия как раз и означает, что философ непосредственно работает с людьми, вместе с ними решает их фундаментальные вопросы жизни. Не с массами, не с аудиторией (как в случае со студентами или читателями), а с каждым желающим индивидуально! Суть практической философии именно в этом: в эксклюзивности, в адресности, в индивидуальном подходе.

4. Некоторые философы считают, что философия не должна снисходить до отдельного человека. Такой взгляд обусловлен, с одной стороны, пониманием философии как очень далекой от конкретного человека, а, с другой, пониманием проблем конкретного человека как ничтожных для философии. В том и другом случае мы имеем дело со своеобразным философским платонизмом, т. е. с абсолютизацией общего-всеобщего и недооценкой единичного, отдельного, специфического. Да, действительно, философия занимается вопросами предельной общности. Но ведь и каждый отдельный человек задумывается над подобными вопросами. Нет общего без отдельного, единичного, как нет и единичного без общего. Любой самый фундаментальный вопрос перипетиен, ситуативен, зависит от конкретной жизни конкретного человека, от его особенностей и особенностей его жизни. И, наоборот, любая конкретная жизнезначимая проблема тысячами нитей связана

с решением общих вопросов. Задача практического философа: постоянно высвечивать, проявлять эту связь общего и отдельного, связь фундаментальных философских и конкретных жизненных вопросов.

5. Введением института практических философов возрождается хорошая древняя традиция. В античную эпоху уже был подобный институт практических философов. Это софисты, учителя мудрости, учителя жизни. Среди них были, правда, и такие, кто учил лжемудрости, пустословию, софистике. Тем не менее, изначально в деятельности софистов было рациональное зерно. Своими беседами и мудрыми советами они реально помогали людям.

Практическая философия в истории человеческой мысли. К произведениям практической философии относятся такие, которые содержат мысли о жизни, человеке, об отношении к миру, обращенные ко всем людям и имеющие практический смысл, т. е. побуждающие к действию или отвращающие от него. Эти произведения, как правило, не носят характер исследования, а содержат рассуждения, отдельные мысли и рекомендации-советы. В духе практической философии писали Конфуций, многие античные философы, М. Монтень, Ф. Бэкон, А. Шопенгауэр... К произведениям практической философии можно в известном смысле отнести книги американца Дейла Карнеги и нашего Владимира Леви.

Раздел второй. Краткий очерк истории философии

Глава 2. Философия древнего мира и средневековья

2.1. Зачем нужно знать историю философии?

Историю философии нужно изучать потому, что она интересна и не менее, чем история искусств. Мы помним и любим Гомера, Шекспира, Рембрандта, Бетховена, хотя они жили давно. И философские идеи-творения — сродни произведениям искусства — обладают величайшей интеллектуальной ценностью. Многие из них неподвластны времени.

Здесь важен и такой момент. История философии — не просто собрание старых идей. Она — скорее сокровищница мысли. Вспомним хотя бы идею атомного строения вещества, выдвинутую Левкиппом и Демокритом две с половиной тысячи лет назад. Эта идея оставалась идеей более двух тысяч лет, до конца XVIII века, когда она нашла, наконец, подтверждение в научной теории атомов. Сколько еще подобных идей ждет своей реализации, подтверждения или проверки/опровержения!

Кроме того, философские идеи, высказанные давно, продолжают жить своей собственной жизнью, видоизменяться, развиваться, обретать новые черты. Генрих Гейне как-то заметил: “каждая эпоха, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза и видит в старинных созданиях человеческого духа много нового”.

Одним словом, изучая историю философии, мы изучаем философию.

2.2. Протофилософия

Люди философствовали с тех пор, как начали говорить. Однако поначалу это философствование не носило характер самостоятельных философских учений. Возникновению философии как особого типа культуры предшествовал период длительного развития протофилософии — философских идей-учений, вплетенных в ткань практического мышления, мифологических и религиозных представлений.

К протофилософии или предфилософии можно отнести учения древневосточных мудрецов, прежде всего Китая и Индии.

В Китае самым знаменитым был ***Конфуций*** (Кун-цзы — учитель Кун, 551-479 до н. э.). До сих пор многие китайцы живут по его заповедям. Возникла даже религия — конфуцианство, в которой на первом месте стоит почитание предков. Сам Конфуций не был апостолом религии и не считал себя пророком. Известно такое его высказывание: «Приносите жертвы богам, но держитесь от них подальше».

Конфуций учил как вести себя среди людей, в обществе, государстве. Он проповедовал жесткую социальную иерархию. Император подчиняется только небу, благородный муж — императору, сын отцу, жена мужу.

Разъясняя смысл человечности, Конфуций говорил: “Не делай другому того, чего себе не желаешь”. Это одно из первых упоминаний золотого правила поведения.

Конфуций еще говорил: «Люди по природе своей добры, но если человек не учится, природа его увядает». В этом изречении глубокая мысль: добро заложено в нас природой, но чтобы оно раскрылось, реализовалось, нужно учиться-трудиться.

Конфуций всячески пропагандировал идею золотой середины-меры. Он говорил: «Золотая середина, как добродетельный принцип, является наивысшим принципом». Он часто на-

поминал ученикам, что увлекаться крайностями вредно. В этом он похож на Аристотеля.

Для Конфуция было также характерно поклонение-почитание древности: «Передаю, а не создаю; верю в древность и люблю ее». «Эти слова могут быть девизом философской школы Конфуция, который считал себя рупором мудрости древних»[1]. Именно эта философия, с одной стороны, служила залогом стабильного-долговременного существования китайского общества, а, с другой, препятствовала в известном смысле прогрессу знания и культуры. Пушкинское «у стен недвижного Китая» как нельзя лучше передает особенность культуры и жизни китайского общества[2]. Конфуций хорошо выразил дух такого Китая и, с другой стороны, на многие века, как бы законсервировал мышление и поведение китайцев, став их кумиром.

Нельзя не упомянуть здесь ***Лао-цзы*** (род. в 604 г. до н.э., ум. в глубокой старости) — полулегендарного основателя даосизма. Он наряду с Конфуцием признан величайшим китайским мыслителем.

Конфуций и Лао-цзы — это как бы полюсы китайской мудрости. Конфуцианцы — по преимуществу государственники, последователи Лао-цзы — природники…

Своеобразной протофилософией является мифология. Многие философские понятия-идеи прошли школу мифологического мышления. Наиболее развитой мифологией была античная. Мифология Древней Греции — почти готовая философия. Илиада и Одиссея — отражение реальности и собрание мифов с философским подтекстом.

Естественно, что как особый тип культуры философия возникла именно в Древней Греции. Это случилось более двух с половиной тысяч лет назад.

---

[1] См.: Жоль К. К. Философия для любознательных. М., 1993. С. 15-16.

[2] Конечно, недвижность Китая не была абсолютной. Творческий дух китайцев давал о себе знать в целом ряде великих изобретений. Вспомним хотя бы изобретение бумаги, шелка, пороха, фарфора, компаса, книгопечатания, ушу.

2.3. Ранние греческие философы

Первый в истории философ — ***Фалес*** (625-545 до н. э.), живший на ионийском побережье Малой Азии, в Милете. Главная его идея — "всё есть вода". Эта идея — чисто философская. Он не опирался на какие-то мифологические представления, а исходил исключительно из того, что ему подсказывал разум. (Напомним, философ — это человек, для которого доводы разума — главный инструмент объяснения и понимания). Иными словами, Фалес пытался объяснить мир из естественных причин, т. е. из него самого.

Принимая за единое начало всех вещей воду, он первым попытался (в рамках философского, немифологического мышления) решить проблему единого и многого, сведя все многообразие вещей к воде. Чутьем диалектика он понимал, что за видимым многообразием скрывается единство природы.

Фалес не случайно избрал воду в качестве первоначала. Ее можно принять как средоточие всех противоположностей. Вода может быть холодной и горячей, превращаться в твердое и газообразное состояния; она не имеет определенной стоячей формы (т. е. является чем-то неопределенным) и в то же время она чувственно определена (ее можно видеть, осязать, обонять и даже слышать). Кроме того, вода, точнее один из двух ее элементов — водород — наиболее распространенное вещество во Вселенной.

О Фалесе известны две легенды, показывающие его силу и слабость как философа. Первая о том, как он, предвидя хороший урожай оливок, арендовал все маслобойни, стал диктовать цены на продукцию маслобоен и, таким образом, разбогател. Вторая легенда о том, как он, заглядевшись на звездное небо, упал в яму (мол, витает в облаках, а что под ногами — не видит).

Учеником Фалеса был ***Анаксимандр.*** Он выдвинул идею архэ, первоначала и в качестве такового рассматривал апейрон (беспредельное). Апейрон Анаксимандра — нечто вроде абстрактной материи, субстанции.

Анаксимен, развивая идеи Фалеса и Анаксимандра, рассматривал в качестве первоначала воздух, который, сгущаясь и разрежаясь, порождает воду, землю, огонь, т. е. все многообразие вещей и явлений.

Мудрецы их Милета зажгли огонь философской мысли в Древней Греции. Следующие за ними философы, выдвинули учения, в которых развивались принципы, неявно присутствовавшие у милетских философов. Так, поиски единого первоначала привели Ксенофана и Парменида к учению о всеедином бытии, а попытки найти рациональное объяснение видимому многообразию вещей вылились у Пифагора в учение о числовой закономерности, лежащей в основе всех вещей. Без милетцев не было бы и Гераклита.

Гераклит (544-483 гг. до н. э.) жил на ионийском побережье в Эфесе. От его сочинения "О природе" до нас дошло 126 разрозненных фрагментов. Они поражают своей философичностью, глубиной. Гераклит — автор знаменитого тезиса: «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды». Впоследствии этот тезис был сокращен до формулы "Всё течет, всё меняется" (panta rei). Отсюда понятно, почему началом всего существующего Гераклит полагал **огонь**, нечто чрезвычайно изменчивое и являющееся причиной изменения. Вот как он объяснял мир на основе своего учения об огне-архэ: «Мир не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами угасающим».

Гераклит был первым в истории сознательным диалектиком. (Первоначально «диалектика» означала искусство спора; в конечном счете, под этим словом стали понимать учение о реальных противоречиях, развитии, становлении). По Гераклиту всё чревато противоположностями или состоит из противоположностей. И эти противоположности суть одно, т. е. являют собой реально существующее противоречие. Он утверждал также, что всеобщая гармония выражается в виде лука и лиры. Лира — диалектика сохранения и собственно гармонии. Лук — диалектика изменения, борьбы, разрушения и созида-

ния. Что из них преобладает? До сих пор над этим вопросом бьются лучшие умы человечества.

Элеаты *— **с**оздатели качественной концепции бытия*. Они жили в Элее (Южная Италия). Их предшественником был ***Ксенофан***. Он одним из первых демифологизировал картину мира, дав природным явлениям естественное объяснение. Он считал, что боги выдуманы людьми по их собственному образу. (Путешествуя, Ксенофан столкнулся с поразительным фактом: люди по-разному представляют себе своих богов: "Эфиопы говорят, что их боги курносы и черны; фракийцы же представляют своих богов голубоглазыми и рыжеватыми"). Он был, наверное, первым критиком религии.

Парменид (540-480 гг. до н. э.) — самая яркая фигура среди элеатов. Он утверждал: «движения нет, небытия нет, существует только бытие» (сравн. у Гераклита: «все течет, все меняется»). Уничтожение, движение, изменение — не по истине, а лишь по мнению. Бытие едино, немножественно. Парменид представлял его как шар, в котором всё одно суть. Он провел четкую грань между мышлением и чувственным опытом, познанием и оценкой (знаменитое противопоставление «по истине» и «по мнению»).

Зенон, элеец, известен своими апориями (в переводе апория — затруднение, трудность) "Ахиллес и черепаха", "Дихотомия", "Стрела", "Стадий". Если Парменид доказывал существование единого, то Зенон пытался опровергнуть существование многого. Он приводил доводы, отрицающие движение, указывающие на то, что оно противоречиво и, следовательно, не существует.

Элеаты — авторы первых логических задач и мысленных экспериментов. Они во многом предвосхитили аристотелевские упражнения в логике.

Пифагор и ***пифагорейцы*** *— создатели количественной концепции бытия*. «Всё — есть число» — утверждал Пифагор (около 580-500 до н. э.). Все количественно определено, т. е. любой предмет не только качественно, но и количественно определен (или иначе: каждому качеству соответствует свое количество). Это стало величайшим открытием. Вся экспери-

ментирующая и наблюдающая наука опирается на это положение. Не случаен тот факт, что именно эксперимент с музыкальными струнами (один из первых в истории науки) привел к открытию, которое укрепляло веру Пифагора во всемогущество чисел, подтверждало принцип зависимости качества от количества.

Нельзя не отметить и негативную сторону пифагорейского учения, выражавшуюся в абсолютизации количества, числа. На основе этой абсолютизации выросли пифагорейский математический символизм и полная суеверий мистика чисел, которая сочеталась с верой в переселение душ.

Пифагор был основателем первого сообщества философов-математиков-ученых — Пифагорейского союза. Этот Союз стал прообразом Платоновской Академии.

Пифагор считается изобретателем термина «философия». Мы можем быть только любителями мудрости, а не мудрецами (таковыми могут быть только боги). Таким отношением к мудрости философы как бы оставляли «открытую дверь» для творчества нового (для познания и изобретения).

Эмпедокл из Агригента (о. Сицилия, ок. 490-430 гг. до н. э.) выдвинул учение о четырех стихиях, элементах мира (земле, воде, воздухе, огне) и двух силах, соединяющих и разъединяющих их (дружбе и вражде).

Анаксагор (ок. 500-428 до н. э.) — первый афинский философ. Известен своим учением о гомеомериях, подобночастных — семенах мира, которые смешиваясь в разных пропорциях, образуют всё многообразие вещей и явлений. Анаксагор выдвинул тезис: всё из всего (“Все во всем и всё из всего выделяется”).

Демокрит (460-371 гг. до н. э.) — величайший материалист, первый энциклопедический ум Древней Греции. Полагал, что все состоит из атомов (неделимых частиц) и пустоты (последняя — условие движения). Даже мысль он представлял как совокупность особо тонких невидимых атомов. Мысль, по Демокриту, не может существовать без материального носителя, дух не может существовать независимо от материи.

От Демокрита до нас дошло много умных мыслей. Вот некоторые: «Мудрость приносит следующие три плода: дар хорошо мыслить, хорошо говорить и хорошо поступать». «Глупцы стремятся к выгодам, доставляемым счастливым случаем, знающие же ценность таких выгод стремятся к выгодам, доставляемым мудростью». «Мужество делает ничтожными удары судьбы». «У кого характер упорядочен, у тех и жизнь благоустроена». «Мудрому человеку вся земля открыта. Ибо хорошей душе отечество — весь мир».

Жизнь Демокрита поучительна преданностью духу познания. Философ заявлял, что одно причинное объяснение он предпочитает обладанию персидским престолом.

Софисты. Слово "софист" (буквально «мудрец») не имело вначале отрицательного значения. Софистом был человек, философ, который добывал средства к существованию, передавая молодым людям определенные знания, которые, как тогда думали, могли быть им полезны в практической жизни. Впоследствии софисты

Самый известный софист — ***Протагор***. Он учил за вознаграждение "всякого, кто жаждал практического успеха и более высокой духовной культуры" (E.Zeller). Протагор больше всего известен своим тезисом: "Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют". Например, дует один и тот же ветер, но кто-то мерзнет при этом, а кто-то нет. Так разве можно сказать, что ветер холодный или теплый сам по себе? Логик А. М. Анисов комментирует: «Это очень удобная философия, поскольку позволяет оправдать все, что угодно. Раз человек есть мера всех вещей, то он выступает и мерилом истины и лжи. Отсюда тезис софистов о том, что каждое высказывание можно с равным успехом как обосновать, так и опровергнуть. Некоторые софисты готовы были доходить до абсурда»[1].

Это один вывод из тезиса Протагора. Однако, возможны и другие оценки тезиса, вполне позитивные. В самом деле, всю информацию, поступающую извне, человек пропускает через себя, через свое тело, личность, душу, разум. Естественно, что он волей-неволей выступает этаким мерилом-фильтром. Тезис

[1] *Анисов А. М.* Современная логика. М., 2002. С. 19.

Протагора и указывает на это свойство человека, на то, что человек при оценке-взгляде на вещи не может выпрыгнуть из самого себя, из своей «шкуры», быть стопроцентно беспристрастным, объективным, что в свои мысли-суждения он всегда вносит частицу себя, своей субъективности (и как индивидуум, и как представитель той или иной общности, и как представитель всего рода человеческого). Лучше об этой изначальной, неустранимой субъективности знать заранее, чем обманывать себя и других. Тезис Протагора защищает нас от всяких пророков, ясновидцев, лжемудрецов, которые объявляют себя носителями-хранителями истины-правды.

Давно подмечена зависимость оценки мира, других людей от того, каков сам человек. Л. Фейербах, например, говорил: «Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека». Человек представляет мир таким, каков он сам.

Если он представляет мир полным зла, то скорее всего сам таков или считает себя жертвой, пребывает в состоянии постоянной душевной дисгармонии (тревоги, беспокойства, недовольства).

У Шекспира есть такие строки:

И видит он в любом из ближних ложь,

Поскольку ближний на него похож. (Сонет № 121)

О том же писали В. В. Стасов («Всякий негодяй всегда подозревает других людей в какой-нибудь низости»), М. Ю. Лермонтов («Если человек сам стал хуже, то все ему хуже кажется») и многие другие. Грузинская мудрость гласила: «злой человек полагает, что все люди подобны ему».

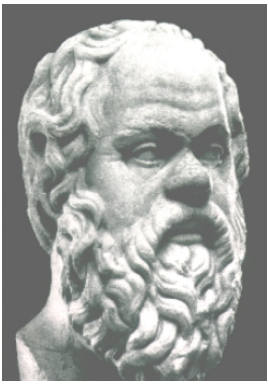
И, напротив, «чем порядочнее человек, тем труднее ему подозревать других в бесчестии» (Цицерон).

Верующий (христианин или мусульманин) представляет мир творением Бога, а неверующий склонен полагать, что мир существовал от века, «не создан никем из богов и людей».

При всей своей спорности, а может быть благодаря ей, этот тезис сыграл огромную роль в дальнейшем осмыслении фундаментальных философских проблем. Наверное, сам Протагор не подозревал, какое богатство идей содержит его тезис.

Софисты вслед за Зеноном Элейским с его апориями ставили мысленные эксперименты. К таковым можно отнести придуманные ими софизмы.

2.4. Сократ



Сократ (469-399 гг. до н. э.) — одна из самых ярких фигур в истории философии. Многие считают его олицетворением философа. Он не записывал свои мысли, а выступал-беседовал на улицах и площадях Афин. У него было много учеников. Самый знаменитый — Платон.

Учение Сократа знаменует собой поворот от размышлений о мире, космосе, природе (объективизма натурфилософов) к размышлениям исключительно о человеке и обществе, в котором человек живет (к субъективизму антропологии), от материализма к идеализму.

С точки зрения Сократа строение мира, природа вещей непознаваемы; знать мы можем только самих себя. “Познай самого себя” — любимый девиз Сократа. Высшая задача философии не теоретическая, а практическая: искусство жить. Знание, по Сократу, есть мысль, понятие об общем. Раскрываются понятия через определения, а обобщаются через индукцию. Сам Сократ дал образцы определения и обобщения этических понятий (например, доблести, справедливости). Определению понятия предшествовала беседа, в ходе которой собеседник рядом последовательных вопросов изобличается в противоречиях. Раскрытием противоречий устраняется мнимое знание, а беспокойство, в которое при этом ввергается ум, побуждает мысль к поискам подлинной истины. Свои приемы исследования Сократ сравнивал с искусством повивальной бабки (“майевтикой”), а его метод вопросов, предполагающий критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название сократовской “иронии”. Майевтика, буквально пови-

вальное искусство, — предложенное Сократом искусство извлекать скрытое в человеке знание с помощью наводящих вопросов.

Сократ выдвинул своеобразный принцип познавательной скромности: «**я знаю, что ничего не знаю**"[1] (сравн.: *Олкотт*: «Пребывать в неведении относительно собственной невежественности — такова болезнь невежд». *Дж. Бруно*: «Тот вдвойне слеп, кто не видит своей слепоты; в этом и состоит отличие прозорливо-прилежных людей от невежественных ленивцев»).

Известно еще такое высказывание Сократа: **нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть**. Мое возражение: нет ничего плохого в том, чтобы есть ради того, чтобы есть, и жить отчасти для того, чтобы есть. В этом высказывании Сократа — начало идеализма и холизма[2]. Получается, целое важнее части; часть однозначно должна подчиняться целому. (Целое — жизнь, часть — питание). С таким пониманием жизни можно далеко уйти. Мне представляется, ближе к истине другая формула: «человек есть то, что он ест».

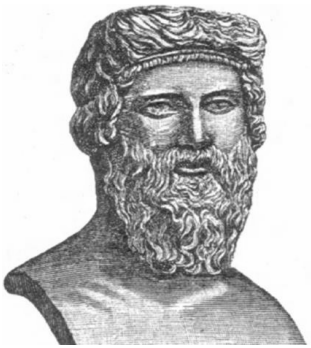
2.5. Платон

Платон (427-347 г.г. до н. э.) — один из самых известных философов древности. В этом с ним конкурировал только Аристотель, его же ученик. Последний многим был обязан Платону, хотя и критиковал его. От Аристотеля дошло выражение: «Платон мне друг, но истина дороже». Сочинения Платона в большинстве своем написаны в форме диалога. Счастлива была их судьба; почти все они дошли до нас.

---

[1] Доподлинно неизвестно, произносил ли Сократ эту фразу. В сочинении Платона «Апология Сократа» приводится близкое по смыслу рассуждение Сократа. Подобное утверждение ("Я знаю только то, что ничего не знаю") приписывается Демокриту. – B 304 Diels. См. примечание № 16 к «Апологии Сократа» издания 1968 года, под редакцией А. А. Тахо-Годи.

[2] Холизм (холос — целое) — концепция, утверждающая абсолютный примат целого над частями.



Настоящее имя Платона — Аристокл. Имя “Платон” (Platos по-гречески означает широкий) было дано ему за атлетическое телосложение (высокий рост, широкие плечи). Он был великолепным гимнастом и отличался в таких видах спорта, как борьба и верховая езда. Есть сведения, что за успехи в борьбе он получил первую премию на Истмийских и Пифийских играх. Платон уважал физическую культуру притом, что был идеалистом до мозга костей.

Он известен, прежде всего, своим учением об идеях и учением об идеальном государстве.

В *учении об идеях* Платон исходил из того, что человек в своей созидательной деятельности идет от идей к вещам (сначала идеи как образцы, затем вещи, воплощающие их), что в голове человека возникает много идей, которые не имеют материального воплощения, и неизвестно, получат ли они это воплощение когда-нибудь. Эти факты интерпретировались им следующим образом: идеи как таковые существуют независимо от материи в некотором особом мире и являются образцами для вещей. Вещи возникают на основе этих идей. Истинным, действительным является мир идей, а мир вещей — тень, нечто менее существующее (т. е. максимальным бытием обладают идеи, а мир вещей — нечто малосуществующее, т. е. изменяющееся, исчезающее). Идея в голове человека — это как бы акт воспоминания о мире идей.

Говоря о мире идей, Платон отчасти был прав. Ведь говорим же мы: «идея носится в воздухе» или «идеи носятся в воздухе». Помимо идей в головах людей существуют еще некоторая атмосфера идей, которой «дышат» люди определенного времени.

Последователи Платона, так называемые неоплатоники придумали целую иерархию понятий (от самого абстрактного-общего, обладающего наибольшим бытием, до самого кон-

кретного-частного-единичного, обозначающего конкретную вещь, ничтожную, исчезающее малую в смысле существования).

В *теории идеального государства* Платон отобразил эту умственную иерархию. Согласно указанной теории человеческое общество в лице государства довлеет над отдельной личностью. Личность считается чем-то ничтожным по отношению к к обществу-государству. От Платона тянется нить к тоталитарным идеологиям, нацистской и коммунистической, в которых человек рассматривается только как частица целого, как нечто, которое целиком должно подчиняться целому.

Для объяснения своих взглядов Платон приводил такой образ: мы, люди, находимся в пещере и не видим дневного света, как не видим и того, что делается за пределами пещеры. Но откуда-то идет свет, отражаясь на стене и по этой стене ходят тени. Мир вещей — это тени, которые мы непосредственно видим, а мир идей — то, что находится за пределами пещеры. Так Платон объяснял свою теорию идей. Он был прав, когда отделял идеи от вещей, духовное от материального и даже противопоставлял их. Правда, он слишком абсолютизировал это противопоставление. В какой-то мере понять его можно: на раннем этапе развития философской и человеческой мысли людям непросто было выразить эти противоречия жизни — грубо обрубая одно, они абсолютизируют другое. Для Платона общее — важнее, истиннее, реальнее частного, единичного. Он почти буквально понимал общность имущества, считая, что даже жены должны быть общими. Он также считал, что люди должны жить большими группами-коммунами. Все социалисты, коммунисты последующих веков черпали основные идеи у Платона.

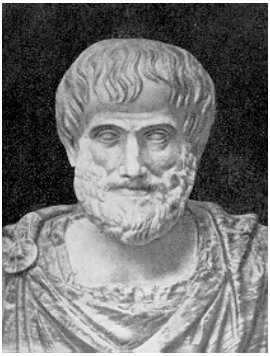
Негативная сторона платоновского идеализма: принижение телесного, физического по сравнению с духовным, представление тела как темницы души и, в конечном счете, принижение жизни по сравнению со смертью.

Критикуя Платона, нельзя в то же время не отметить, что он высказал много драгоценных мыслей-идей о поведении человека, о любви, творчестве, бессмертии, в частности, выдви-

нул весьма перспективную теорию творчества, сравнив его с рождением-воспитанием человека, с любовью (см. диалог «Пир»). Согласно Платону любовь и творчество — начала жизни; все сводится к ним. Они делают человека бессмертным: любовь — через продолжение рода; творчество — благодаря открытиям, изобретениям, искусству, архитектуре.

Платон основал первую философскую школу, которая называлась Академией. Она просуществовала почти тысячу лет.

2.6. Аристотель



Аристотель (384-322 гг. до н. э.) — ученик Платона, впоследствии основал свою школу, которая называлась *Ликей* (в латинской транскрипции — Лицей). Если Платон был идеалистом, художественной натурой, то Аристотель совсем иного типа — исследователь, который методично разрабатывал основные отрасли знания.

Аристотеля отличала не только любовь к деталям (скрупулезность), но и систематичность. Практически каждое его сочинение положило начало новым наукам (соч. «О животных» — зоологии, соч. «О душе» — психологии и т. д.).

Аристотель — отец логики (и сейчас ее порой называют аристотелевской). Он выявил основные правила логического мышления, сформулировав их в виде законов логики, исследовал формы логического мышления (рассуждения): понятие, суждение, умозаключение, доказательство, опровержение.

Аристотель был создателем учения о категориях, основных философских понятиях; им была разработана первая категориальная картина мира («система» категорий). Главное его сочинение — «Метафизика» — как раз посвящено этой теме.

Аристотель выступил с критикой теории идей Платона, считая, что идеи не могут существовать отдельно от вещей (идеи, по Аристотелю, не что иное, как формы вещей). Если

вспомнить разграничение всех философов на материалистов и идеалистов, то можно сказать, что Аристотель фактически высказал основную мысль материализма, т. е. что дух не может существовать вне материи (в противоположность Платону, который утверждал обратное). Эта борьба двух направлений длится вот уже почти две с половиной тысячи лет: идеалисты выступают за то, что духовное — особая субстанция, существующая независимо от материального и управляющая им; а материалисты и близкие к ним философы утверждают, что идеальное — продукт особым образом организованной материи и существует лишь в связи с материальным. Платон и Аристотель как бы воплощают эту борьбу указанных направлений мысли. В известной картине Рафаэля "Афинская школа" Платон показывает на небо, а Аристотель — на землю.

Аристотель критиковал платоновскую теорию идеального государства, выступал в защиту частной собственности против опять же платоновской идеи общности имущества. Фактически он был первым антикоммунистом. По его мнению, общее владение вызвало бы нерадивое отношение к работе и большие трудности при распределении ее плодов; каждый стремился бы получить лучшую и большую долю продуктов, но приложить меньшую долю труда, что привело бы к ссорам и обману взамен дружбы и сотрудничества.

Аристотель был вполне земным философом, не чурающимся самых житейских тем. Им разработана теория золотой середины (нормы-меры). Он оставил после себя гигантское количество умных мыслей-высказываний. Вот некоторые из них: «ничто так не разрушает человека, как продолжительное физическое бездействие»; «счастье есть благосостояние, соединенное с добродетелью»; «ум заключается не только в знании, но и в умении прилагать знание на деле».

2.7. Киники

Антисфен (435-370) — основатель кинизма, противник платоновских идей, отрицал реальность общего: "Лошадь я вижу, лошадности же не вижу". Истинное знание может быть только о единичном.

Недовольный настоящим строем жизни, ее искусственностью, испорченностью, он ищет спасения в возврате к изначальному, естественному состоянию. Внешним потребностям и слабостям культурного человека он противопоставляет отсутствие потребностей, выносливость и мнимое здоровье зверей. Согласно учению Антисфена и его последователей культура не улучшает жизнь людей, а только осложняет ее.

"Киник" (собака, по-латински "циник") происходит от слова "Киносарг". ***Диоген*** из Синопа, живший в бочке, демонстративно принял эпитет "собака". Слова "циник", "цинизм" ведут свое происхождение от киников. Киники не только звали назад к природе, не только опрощались, но и пренебрегали вследствие этого многими правилами приличия, морали, считая их ненужными условностями.

Киники породили традицию время от времени ругать культуру, отрицать благотворность ее достижений, отрицать прогресс. Это и Жан-Жак Руссо с его призывом "Назад к природе!", и наш Лев Толстой с его стремлением к опрощению, и некоторые нынешние (экстремистски настроенные) экологи, гринписовцы (гринпис в переводе с английского — зеленый мир).

2.8. Древняя философия после Аристотеля

Эпикур (341-270 до н. э.) — философ-материалист, последователь Демокрита. Как и Демокрит он считал, что все состоит из атомов и пустоты, но, в отличие от Демокрита, указывал на момент случайности в поведении атомов.

Эпикур известен больше не как атомист, а как практический философ, моралист. Он выдвинул теорию атараксии (безмятежности, невозмутимости), а также теорию разумных наслаждений (то, что называют гедонизмом). Сам Эпикур не был гедонистом в настоящем смысле слова. Он признавал важность наслаждения, но одновременно считал, что не нужно перебарщивать с наслаждениями, т. к. это ведет к страданиям.

Эпикур высоко ценил дружбу, посвятил друзьям много хороших строк в своих письмах к ним.

Эпикурейство (или *эпикуреизм*) — от имени этого философа. Эпикуреец — человек, который наслаждается жизнью. Обычно эпикурейцам противопоставляют *стоиков*. Сам же Эпикур не был... эпикурейцем в указанном смысле. В главной идее своей практической философии — идее атараксии (безмятежности) — он, пожалуй, ближе к стоикам. Тем не менее проблемы морали Эпикур разрабатывал в русле так называемой этики счастья (эвдемонизма: от эвдемония — счастье).

Стоики — оппоненты эпикурейцев. Если эпикурейцы радуются всем радостям жизни, то стоики настроены на волну полуаскетического, спартанского существования, готовы мужественно переносить удары судьбы (отсюда выражение — стоический характер). Проблемы морали они разрабатывали в русле этики долга (впоследствии это направление этической мысли назвали деонтологизмом). Именно они ввели в философско-этический оборот дотоле обыденное слово «долг». Слова “стоицизм”, “стоический характер” благодаря стоикам вошли в плоть и кровь жизненной философии человечества.

Родоначальник стоической философии — ***Зенон*** из Китиона (336–264 гг. до н. э.). Самый известный философ-стоик — ***Сенека***, живший в Риме в 1-м веке н. э. Его сочинение “Нравственные письма к Луцилию” до сих пор читают миллионы людей как своего рода энциклопедию житейской мудрости. Вот некоторые из его высказываний: «Трудно привести к добру нравоучением, легко примером»; «Без борьбы и доблесть увядает»; «Пьянство есть добровольное сумасшествие».

Скептицизм — одно из основных философских направлений эллинистического периода Древней Греции (Пиррон, Энезидем, Секст Эмпирик и др.). Характерно название сочинений Секста Эмпирика: «Против физиков», «Против логиков», «Против ученых». В последующем были отдельные философы-скептики, которые, однако, не создали своих школ (Мишель Монтень, Пьер Бейль, Давид Юм и некоторые другие).

2.9. Философия Средневековья

Средневековье — эпоха господства религиозного сознания. Философия в этот период была ничем иным, как служанкой богословия; т. е. она занималась в основном тем, что обслуживала религиозную веру. Особенно это характерно для такой проблемы, как доказательство бытия Божия.

Было много философских течений и идей, которыми посвоему богато средневековье. Тем не менее фактом является то, что это был упадок философской и научной мысли. Физически упадок выражался прежде всего в том, что в 529 г. н. э. император Юстиниан закрыл греческие философские школы, объявив их языческими (не соответствующими христианскому миропониманию). А до этого в 391 г. были запрещены олимпийские игры.

Итак, по Европе пронеслись цунами беспорядка-хаоса. Новые поколения европейцев постепенно забыли о достижениях античной культуры. Вот почему следующую за средневековьем эпоху назвали эпохой Возрождения. То, что в средневековье философия была подчинена религии, явилось в своем роде самоотрицанием философии; ведь она возникла именно как свободная мысль, которая не связана никакими авторитетами и догмами.

Первый выдающийся ум средневековья — ***Августин Аврелий,*** прозванный ***Блаженным*** (354-430 гг. н. э., Северная Африка), один из отцов церкви. Главное его сочинение — «О граде Божием». В этом сочинении он обосновал идею церкви, как вселенской организации. Католическая церковь была создана в соответствии с его идеями.

Августин интересен тем, что, во-первых, он хотел объединить все народы не в государственном смысле (это было невозможно), а в миротворческом, во-вторых, он резко противопоставлял духовное бытие человека физическому, разделив мирскую и церковную жизнь, всячески принизив и даже опорочив первую (но признавая, что она необходима для продолжения рода человеческого) и возвысив вторую, считая жизнь в церкви высшей. В этом втором случае идеи Августина приве-

ли к своеобразному церковному тоталитаризму, доведенному до абсурда, особенно с появлением инквизиции и сжиганием на костре тысяч невинных людей.

Августин явился родоначальником платонизма в христианской философии. Христианский платонизм господствовал в Европе вплоть до 13 века, когда был заменен христианским аристотелизмом Фомы Аквинского.

Тезису Августина, повторенному ***Ансельмом Кентерберийским***: «верю, чтобы понимать» («Credo ut intelligam»), ***Пьер Абеляр*** противопоставил тезис: «понимаю, чтобы верить». Ансельм требовал, чтобы разум формировался на основе веры. У Абеляра же разум — предварительное условие веры или должен удостоверить ее.

Схоластика (9—15 века н. э.) — средневековая «школьная философия», представители которой пытались рационально обосновать и систематизировать христианское вероучение. Для этого они использовали идеи античной философии (Платона и особенно Аристотеля). Схоластики абсолютизировали книжное знание. Их споры часто были оторваны от реальных проблем жизни. Поэтому в последующем схоластику большей частью воспринимали отрицательно. Тем не менее, в ее недрах высвечивалось много важных проблем. Так, схоласты дали своей дискуссией о природе общих понятий (универсалий) хороший материал последующим поколениям философов и ученых для анализа проблем языка и мышления.

Участников дискуссии называли ***реалистами*** и ***номиналистами***. Реалисты считали общее реальным, существующим в реальной действительности, что общим понятиям соответствует реально общее. Номиналисты считали, что общие понятия — это всего лишь имена, названия вещей (nomina в переводе на русский означает название). Реалисты и номиналисты делятся на крайних и умеренных. Крайние реалисты утверждают, что общее не просто реально существует, но и управляет всем сущим, господствует над всем; оно существует отдельно от вещей, в каком-то отдельном мире, например, в уме Бога. Умеренные реалисты утверждают, что общее существует реально, но не отдельно от единичных вещей, а в них са-

мих, и это общее осознается нами в виде общих понятий. Один из самых выдающихся философов позднего Средневековья Фома Аквинский принадлежал к числу умеренных реалистов. Он — последователь философии Аристотеля, а Аристотель рассматривал идеи и вещи в неразрывной связи друг с другом.

Крайние номиналисты считали, что нет даже общих понятий. Все понятия — слова, а слова — лишь знаки, метки вещей. Такая точка зрения до сих пор распространена в англоязычных странах.

Умеренные номиналисты признают общие понятия, но только в голове человека. Человек делает выводы — это свойство человеческого ума, а в самих же вещах общего нет.

Для номиналистов целое — лишь сумма частей. У них — детализированное, ситуативное мышление; они акцентируют внимание на деталях, частностях, ориентируются исключительно на конкретные ситуации.

У реалистов одна беда — за лесом не видят деревьев, а у номиналистов другая, наоборот: за отдельными деревьями не видят леса.

В социально-политической сфере номинализм оказался более конструктивным и успешным. Благодаря ему развивается западная либеральная демократия. А реализм способствовал укреплению разных деспотий, развитию утопических движений тоталитарного типа. Последние привели в XX веке к попыткам установить тоталитарные режимы (национал-социализм и коммунизм).

Реализм и номинализм — средневековые формы идеализма и материализма.

Фома Аквинский (Thomas Aquinas, 1225-1274, Италия) — вторая крупная фигура средневековой философии. До сих пор католическая церковь считает его своим крупнейшим философом. Он был очень образованным ученым, богословом, философом. Выдающимся философом Фома стал во многом благодаря тому, что освоил наследие Аристотеля, приспособив его к нуждам католического вероучения.

Глава 3. Философия XV-XVIII веков

3.1. Философия эпохи Возрождения (XV—XVI века)

В эпоху Возрождения философы переключили свое внимание со схоластических проблем и споров на науку, наблюдение, искусство, изобретение, политику. Они постепенно освобождались от влияния религии, провозгласив свободомыслие одной из величайших ценностей. На смену теоцентризму[1] пришел антропоцентризм. Человек и его проблемы ставятся в центре внимания. Антропоцентризм провозглашает человека центром Вселенной (что вокруг него все вертится, что не Бог главный, а Человек). На этой почве возрождалась античная традиция гуманизма. Гуманизм изначально против любой формы подневольной зависимости человека от кого бы то ни было. С него началось движение к осознанию людьми самих себя.

Пико делла Мирандола — гуманист эпохи Возрождения, который показывал, с одной стороны, несовершенство человека, а с другой, — направление, в каком он должен двигаться. В знаменитой «Речи о достоинстве человека» он вкладывает в уста Бога, обращенные к Адаму, такие слова: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные».

[1] Теоцентризм — представление, согласно которому Бог является главным предметом внимания и забот (почитания, поклонения, умилостивления). Мир и человек вторичны, производны от Бога и управляются им.

Человек здесь предоставлен самому себе, наделен способностью выбирать и совершенствоваться.

Наиболее известный гуманист эпохи Возрождения — ***Эразм Роттердамский*** (1469-1536). Главное его сочинение — «Похвальное слово Глупости». Он отстаивал веротерпимость.

Одно из первых проявлений свободомыслия — отказ от христианского теизма[1] и переход к **пантеизму** — философской концепции, согласно которой Всё есть Бог, а Бог есть Всё (Бог есть Природа, а Природа есть Бог). Пантеизм растворяет Бога в Природе. Согласно христианским представлениям Бог — высшее существо, которое существует над миром и управляет им. Пантеисты отвергают такую концепцию; они считают, что нет такого существа, которое всем управляет. Наиболее представительные фигуры этой формы свободомыслия — Николай Кузанский и Джордано Бруно.

Николай Кузанский (1401-1464) выдвинул идею совпадения противоположностей. Если взять многоугольник и увеличивать количество сторон, то в бесконечности этот многоугольник совпадет с кругом. Противоположности в бесконечности совпадают.

Джордано Бруно (1548-1600) — философ-бунтарь, воспринял идею Коперника о том, что не Солнце вертится вокруг Земли, а наоборот. И развил ее. Так, он утверждал, что звезды — это те же солнца, только очень удаленные от Земли, и поэтому их свет такой маленький. Вокруг звезд, как и вокруг Солнца, кружатся планеты, и на некоторых из них есть жизнь. Дж. Бруно утверждал, таким образом, фундаментальную идею **множественности миров**. В 52 года он был сожжен на «Площади цветов» в Риме. Его уговаривали раскаяться, отказаться от своих идей, но он был непреклонен. Дж. Бруно пострадал не только из-за своих идей, но и из-за критики католической церкви, в частности, из-за предложения конфисковать церковное имущество.

---

[1] Теизм (от греч. theos – бог) — вера в Бога, согласно которой он существует вне и над миром, является сверхъестественным личным существом, творцом и властителем мира.

Философия Нового Времени восприняла основные идеи эпохи Возрождения и развила их. Она имела антисхоластическую направленность и во многом носила нерелигиозный характер. В центре ее внимания были мир, человек и его отношение к миру.

17 век — арена дискуссий между рационализмом и эмпиризмом. С одной стороны: великие философы-эмпирики — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк. С другой — великие философы-рационалисты — Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц.

3.2. Ф. Бэкон

Френсис Бэкон (1561–1626) — английский философ, родоначальник английского эмпиризма, известен прежде всего как философ, одержимый идеей практического использования-применения знаний. “Scientia est potentia” (“Знание — сила”) — провозглашал он. Этим подчеркивалась практическая направленность научного знания, то, что оно увеличивает могущество человека. Схоластическое же знание, с точки зрения Бэкона, на самом деле не знание. Он противопоставил свою философию средневековой схоластике. (В самом деле, его девиз «Знание — сила» находится в явном противоречии со знаменитым высказыванием библейского проповедника “во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь” — Екклесиаст, 2, 18).

Основное сочинение Бэкона — «Новый Органон». В нем он попытался создать новый научный метод, дедуктивной логике Аристотеля противопоставил индуктивную логику. Дедукция — движение от общего к частному. Бэкон предложил противоположный ход — мы идем к общему знанию через частное, путем наблюдения и эксперимента.

Бэкон считал, что у людей много предрассудков и заблуждений. Эти предрассудки он классифицировал, выдвинув теорию четырех идолов (призраков) разума.

Идолы Рода или Племени. Призрак рода присущ самой природе человека. Уже с рождения человек обречен на то, что все вещи он рассматривает субъективно, через призму самого себя. К призракам рода относятся антропоморфизм, оживотворение природы или гилозоизм (мир — живой организм). Это выражалось в том, что в природе все действует в соответствии с какими-то целями, конечными причинами. Люди наделяли природные объекты функцией целеполагания.

Идолы Пещеры свойственны только отдельным индивидуумам. Они рождаются из индивидуальных особенностей человека. Каждый человек имеет свою отдельную пещеру. Он выдает свою личную интерпретацию за то, что существует на самом деле. Бэкон говорил, что у человеческого ума есть крылья, но неплохо бы к ним привязать гири, чтобы человек приземлялся и вставал на почву фактов.

Идолы Площади или Рынка рождаются в речевом общении людей, в процессе которого люди воображают, что их разум повелевает словами. Люди часто не понимают друг друга из-за того, что вкладывают в слова разный смысл. Идолы Площади препятствуют взаимоотношению людей.

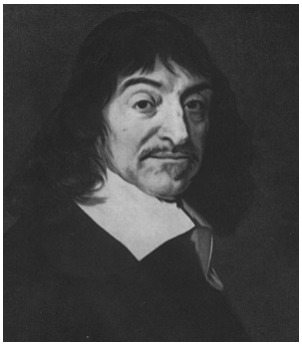
Идолы Театра или Теорий порождаются слепой верой в авторитеты, особенно в традиционные философские системы или религиозные доктрины. У Бэкона есть термин «философский театр». Люди принимают мысль старого философа за истину без анализа, без исследования.

Ф. Бэкон разработал методы научной индукции. Он считал, что человек должен не просто обобщать, т. е. идти от каких-то фактов к общим выводам, а проводить **анализ** фактов и только на этой основе делать общий вывод. Индуктивный метод не дает стопроцентной гарантии истинности утверждения, но он позволяет определить, какова степень истинности того или иного утверждения.

Ф. Бэкон считал, что только путем наблюдения и эксперимента можно делать какие-то научные выводы. Он и умер как ученый-исследователь, простудившись во время опыта над замораживанием курицы (набивал ее внутренность снегом). Бэкон был очень уважаемым человеком в Англии, лордом-канцлером. Основные философские труды он написал после отставки. Наиболее популярен его труд под названием «Опыты». — Это настоящий кладезь практической, житейской

мудрости. В “Опытах” Бэкон активно использовал один из основных методов практической философии — метод антитез. Он излагал аргументы за и против тезиса, предоставляя окончательный вывод читателю.

3.3. Р. Декарт



Рене Декарт (1596–1660) — французский философ. Многие считают его отцом философии Нового времени. В противоположность Ф. Бэкону Декарт подчеркивал значение ума-мышления, был философом-рационалистом.

Он считал, что в суждениях о мире надо опираться не на наблюдения и эксперименты, а на абстрактные умозаключения, основанные на математических понятиях.

Рационализм Декарта выражался прежде всего в тезисе «Я мыслю, следовательно, существую» (cogito ergo sum). Этот тезис имеет два смысла:

1) первый, который вкладывал Декарт: факт, что человек мыслит, самый очевидный и самый достоверный; поэтому из факта мышления вытекает факт существования;

2) второй смысл: “только мыслящий человек по-настоящему живет” или “как мы думаем, так и живем”. Человек мыслит, следовательно, существует. Биологи установили, что чем выше удельный вес головного мозга по отношению к телу живого существа, тем выше данное живое существо по степени развития. У человека самый высокий удельный вес головного мозга. Чем более человек мыслит, тем более он живет.

Декартовское «Я мыслю, следовательно, существую» — основа не только рационализма, но и идеализма. Ведь существование, бытие человека выводится из факта его мышления. Мышление первично, бытие вторично.

В области мышления Декарт почитал самым главным *сомнение*. Им выдвинут принцип методологического сомнения. Человек не должен сразу принимать на веру все, что ему го-

ворят или что он видит-ощущает. Он должен подвергнуть сомнению, а существует ли это на самом деле? Без процедуры сомнения нельзя понять природу вещей и прийти к правильному выводу. Декарт не был скептиком, он лишь считал, что нужно сомневаться, но не вообще, а только на определенном этапе познания, размышления: утверждение и критика этого утверждения; отрицание и критика этого отрицания; в результате мы избегнем многих ошибок.

Декарт — философ-дуалист. Он считал, что в основе мира лежит не одно начало, материальное или духовное, а два — и материальное и духовное: протяжение и мышление. Духовное существует рядом с физическим, а физическое (материальное) рядом с духовным. Они не пересекаются, а взаимодействуют друг с другом благодаря высшей силе, которая называется Богом. Декартовский дуализм послужил основой теории психофизического параллелизма, которая сыграла конструктивную роль в психологии и вообще в науках о человеке.

Поскольку Декарт был рационалистом, он считал, что разум человека изначально содержит в себе некоторые идеи, которые не зависят от действий и поступков человека, так называемые «врожденные идеи». Он в какой-то мере предугадал генетическую запрограммированность человека и, соответственно, мышления. У человека есть некоторые генетические структуры, которые превращаются в нервные клетки головного мозга, а те в свою очередь задают определенную возможность появления этих идей и мыслей. Декарт отчасти возрождает платоновскую теорию воспоминания или анамнезиса, что человек познает не путем обращения к внешнему миру, а путем воспоминаний, изнутри себя, из памяти.

3.4. Б. Спиноза

Бенедикт (Барух) Спиноза (1632-1677) — нидерландский философ-рационалист, считал себя учеником Декарта, взял от последнего многие понятия своей философии, прежде всего, представление о двух началах — мышлении и протяжении. Но, в отличие от Р. Декарта, он мыслил не как дуалист, а как философ-монист. (Монист — человек, придерживающийся

взгляда на окружающий мир как на нечто единое, целое, в основе которого лежит какое-нибудь одно начало.) Спиноза считал, что в основе мира лежит субстанция, которую он обычно называл Богом или, реже, Природой. Субстанция, Бог, Природа у него взаимозаменяющие понятия, означающие одно и то же. У Бога как субстанции имеются два атрибута: мышление и протяжение. Протяжение — пространственная категория, означающая, что нечто материальное имеет какие-то размеры и отделено от чего-то другого каким-то расстоянием. Спиноза говорил и о том, что субстанция может иметь бесконечное количество атрибутов, но он знает только два.

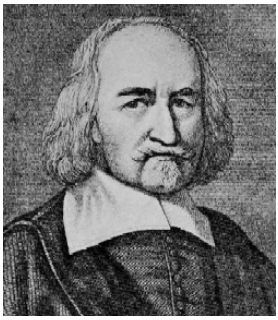
Осмысляя мир через призму субстанции, атрибутов (мышления, протяжения), модусов (видоизменений атрибутов) Спиноза выстраивает определенную иерархию понятий-категорий, которую можно назвать категориальной картиной мира. Он проанализировал многие философские понятия, возродив этим аристотелевскую традицию категориального анализа.

От Спинозы ведет свое происхождение знаменитая формула: «свобода — познанная необходимость» (у него она звучит так: свобода есть познание «с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи» [Этика, теорема 42]). Гегель по-своему осмыслил эту формулу, потом в марксизме она была основной в определении понятия свободы. Негативный момент учения Спинозы о свободе: оно в значительной мере фаталистично; согласно ему жизнь человека предопределена; человек должен осознать это и без сопротивления следовать своему предназначению.

В «Богословско-политическом трактате» Спиноза подверг тщательному анализу-критике Библию, показал, что в ней немало противоречий, критиковал представление о Боге как личном существе. Через эту критику Библии его называли князем атеистов. Он, конечно, не был стопроцентным атеистом. Его позиция — пантеизм, он отождествлял Бога и природу.

Философия Спинозы несла свет разума, была жизнеутверждающей. «Человек свободный, — писал он, — ни о чем так мало не думает, как о смерти; и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». Это его высказывание противоречило тому, что писали по этому вопросу Платон и христианские философы-богословы.

3.5. Т. Гоббс



Томас Гоббс (1588-1679) — английский мыслитель, последовательный материалист. Даже человеческую душу он понимал как какое-то материальное тело, как совокупность легких, невидимых частиц. Основные сочинения: «О теле», «О человеке», «О гражданине», «Левиафан» (это библейское чудовище, с которым Гоббс сравнивал государство). Гоббс оставил после себя систематическое учение, в котором рассматривал все разделы философии: о мире, природе, о человеке и обществе. Как и Бэкон, Гоббс был эмпириком, считал, что в основе знаний лежит опыт, т. е. непосредственный чувственный контакт с окружающим миром.

Гоббс один из первых рассмотрел проблему общественного договора. Он считал, что люди конфликтуют друг с другом по своему естественному состоянию. Это он сказал: «Война всех против всех». Чтобы люди перестали конфликтовать, убивать друг друга, они должны были договориться, заключить общественный договор. В результате общественного договора и возникло государство — институт, призванный гармонизировать человеческие отношения.

Как философ-эмпирик, Гоббс понимал нравственность в духе индивидуализма. Он утверждал, что «золотое правило поведения» является законом всех людей, основой нравственности. Гоббс — автор правовой по существу формулировки золотого правила (см. ниже, стр. 358).

3.6. Д. Локк

Джон Локк (1632 — 1704) — английский философ-просветитель, самый видный представитель эмпиризма, основоположник материалистического сенсуализма[1]. Он придерживался формулы: «Нет ничего в разуме, чего прежде не было в чувствах» (Nihil est in intellectu quod non fuerit prius in sensu)[2]. По его мнению на основе ощущений человек формирует свои знания, и благодаря этому мыслит. Локк выдвинул теорию «чистой доски» (tabula rasa)[3]. Согласно этой теории человек изначально представляет собой чистую доску и при столкновении с жизнью он получает массу впечатлений, которые закрашивают эту чистую доску. Локк способствовал развитию направления, которое считает, что человека формируют обстоятельства и что, изменив обстоятельства, можно изменить самого человека. Положительная сторона этого учения состоит в том, что оно настраивает на оптимизм, на то, что он может повлиять на свою жизнь, на судьбу. Негативная сторона учения заключается в переоценке влияния среды, условий, обстоятельств на жизнь человека. От Локка тянется нить к Песталоцци с его теорией обучения и К. Марксу с его теорией влияния обстоятельств на человека.

Локка считают *отцом либерализма*. Он произвел настоящую революцию в области политического мышления. По его мнению, права человека естественны и неотчуждаемы. Человек по своей природе — свободное существо. Свобода одного человека, если и ограничивается, то только свободой другого

[1] Сенсуализм (от лат. слова sensus – чувство, ощущение) – учение, признающее ощущение единственным источником знания.
[2] Средневековый тезис, восходящий к Аристотелю.
[3] Tabula rasa (лат. — чистая доска) — чистая, неисписанная доска, каковой, по мнению Локка и всех сенсуалистов, является душа до всякого опыта. Это выражение идет от Альберта Великого, но сама проблема была поставлена еще в античной философии. — См. Краткая философская энциклопедия, стр. 574.

человека. Локк выдвинул идею разделения властей (на законодательную, исполнительную, судебную). Он считал, что государственная власть не должна быть безграничной. Ограничить ее можно только разделением на три ветви власти. В истории политических идей это самая мощная идея.

Как и Гоббс, Локк считал «золотое правило нравственности» основой нравственности.

3.7. Г. Лейбниц

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) — немецкий философ-рационалист. Одновременно с Ньютоном разработал основы дифференциального и интегрального исчисления, предвосхитил некоторые идеи математической логики, выдвинул идею машинизации мыслительного процесса.

Он выдвинул учение о монадах (субстанциальных единицах). Последние — духовные сущности, которые не имеют частей и существуют независимо друг от друга. На Земле огромное число людей и душа каждого — уникальная монада. Монадология Лейбница — своеобразная теория идеалистического плюрализма. Главное его сочинение — «Новый опыт о человеческом разуме». В этом сочинении он спорит с Джоном Локком, в частности, выступил против учения Локка о душе как «чистой доске», а формулу сенсуализма — «Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах» — дополнил «кроме самого разума». Лейбниц считал, что изначально у человека есть предрасположенность к тому или иному мышлению — естественная логика, которая действует даже на бессознательном уровне. Эта естественная логика мышления позволяет упорядочивать опыт.

Лейбниц подчеркивал неповторимость каждого явления природы, каждой монады. Он выдвинул теорию об изначальном различии вещей, о том, что нет абсолютных копий, нет абсолютных тождеств и повторений.

Лейбниц — автор четвертого закона логики (достаточного основания). Это важный закон мышления, направленный против поклонения авторитетам и слепой веры. Он выдвинул также учение о предустановленной гармонии.

3.8. Дж. Беркли и Д. Юм

XVIII век — век Просвещения, распространения научного знания. Картина философских учений усложняется. Основная линия споров-дискуссий: между материалистами и идеалистами, рационалистами и эмпириками, между философами-догматиками и философами-скептиками/агностиками.

Наиболее выдающиеся мыслители 18-го столетия: Дж. Беркли, Давид Юм, Вольтер, Руссо, Дидро, Гельвеций, Гольбах, Кант.

Беркли и Юм продолжили традицию английского эмпиризма, но с иррационалистических позиций.

Епископ Джордж Беркли (1685–1753) — крайний эмпирик, выдвинул тезис: «Существовать — значит быть воспринимаемым» (esse est percipi). Он пошел дальше Локка, утверждая, что в мире нет ничего, кроме опыта. А опыт — это восприятие. Невоспринимаемого не существует — его основная мысль.

Далее, он утверждал, что все воспринимаемые нами объекты не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает. Он пишет: "...весь небесный хор и все убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа; их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми или познаваемыми..."

Если бы Беркли последовательно проводил свой эмпиризм, то такую субъективистскую позицию можно было бы назвать *солипсизмом* (буквально «наедине с самим собою») — точка зрения философа, считающего, что кроме него больше никого нет. Беркли, однако, не был солипсистом. Под духом он понимал божественный дух.

Не признавая существования объективного мира, материи, Беркли в то же время признавал существование Бога, был фактически идеалистом. Он был ярым противником материализма, написал книгу, в которой привел аргументы против материалистической философии, против существования материи.

Давид Юм (1711–1776) — философ английского Просвещения, критиковал религиозный и философский догматизм,

всякие доктрины и верования, которые укоренились в сознании людей. Он был философом-скептиком, антирационалистом. Юм известен своей мыслью о том, что не существует объективной причинной связи вещей, что причинность устанавливается лишь как факт психического опыта. Когда мы наблюдаем: за одним следует другое и это повторяется в разных ситуациях, то делается вывод, что одно есть причина другого. Юм полагал, что связь между вещами — результат психического опыта. Юм подверг сомнению многие христианские догмы. Вся деятельность Юма была направлена на раскрепощение человеческого разума.

3.9. Вольтер и Руссо

Вольтер (1694–1778) — французский философ-просветитель, писатель-сатирик. Боролся против абсолютной монархии и католической церкви. Вольтер проповедовал вольнодумство, свободомыслие (вольтерьянство в России стало синонимом вольнодумства). Он был одним из самых ярых критиков религии и церкви. Но его критика была непоследовательной. Так, он утверждал, что если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать. Он полагал, что если бы люди перестали верить в Бога, то они передрались бы и поубивали друг друга, нарушили бы все правила жизни и не смогли вместе жить.

Вольтер ратовал за политическую, идеологическую и религиозную терпимость, толерантность. Сейчас у нас часто повторяют такое его высказывание: «Ваше мнение мне глубоко враждебно, но за Ваше право его высказать я готов пожертвовать своей жизнью».

Вольтер написал ряд философских повестей, в частности повесть «Кандид», в которой высмеивал теорию, по которой все созданное Богом совершенно. «Наш мир — наилучший из миров», — утверждал Лейбниц. Вольтер остроумно поиздевался над этим.

Жан Жак Руссо (1712–1778) — французский философ-просветитель, оказавший значительное влияние на последующих философов и писателей. В своей «Исповеди» он откро-

венно описал свою жизнь, ошибки и промахи. У него также есть замечательная книга о воспитании. Руссо известен как теоретик общественного договора. Он считал, что люди изначально равны, но из-за образования государства возникло неравенство. Руссо хотел возврата в далекое прошлое, которое он называл золотым веком. «Назад к природе» — его призыв; он критиковал цивилизацию и прогресс[1].

Руссо был также теоретиком общественного блага. Он выдвинул идею общей воли, которую ставил выше частных воль. Руссо не был ни коммунистом, ни социалистом, но был приверженцем идеи всеобщего равенства. Он — предвестник французской революции.

3.10. Французские философы-материалисты XVIII в.

Дени Дидро (1713-1784) — последовательный материалист, давший образцы диалектического мышления. С его точки зрения мир — движущаяся материя; источник движения находится внутри материи (любое тело состоит из атомов, которые движутся).

Дидро был сенсуалистом, признававшим в то же время значение разума, мышления для познания. Он более или менее сбалансированно представлял процесс познания.

Дидро возглавил создание первой в истории человечества Энциклопедии. В значительной степени благодаря факту создания Энциклопедии XVIII век называют веком Просвещения.

Сподвижники Дидро — ***Гольбах*** и ***Гельвеций*** — были крупными философами-материалистами.

В XVIII веке пышным цветом расцвел **механистический материализм**. В это время механика была на подъеме (Ньютон незадолго до этого открыл основные законы механики) и философы стали очень многое уподоблять механическим процессам. В частности, они пытались механическим образом

[1] На это Вольтер язвительно замечал: “Когда я слушаю Руссо, мне хочется встать на четвереньки и бежать в лес”.

представить человека и общество. Так, ***Ламетри*** в сочинении «Человек-машина» уподоблял человека машине. Уже Декарт уподоблял организм животного механизму-машине, но Ламетри пошел дальше. Организм человека представлен у него как часовой механизм. Затем и общество стали уподоблять механическим системам. (Уже в XX веке Ленин сравнивал страну с огромной фабрикой, в которой все работает как слаженный часовой механизм. В советское время человек представлялся этаким винтиком государственного механизма. Одни, действительно, были согласны считать себя винтиками в огромной машине, т. е. ощущали себя как в армии: один как все и все как один. А другие это отвергали, за что и поплатились).

3.11. И. Кант

Иммануил Кант (1724–1804) — родоначальник немецкого классического идеализма, один из величайших философов. Он родился в Кенигсберге (ныне — Калининград), был типичным кабинетным ученым-философом, никогда не выезжал за пределы города. Его жизнь делится на 2 периода:

1. *Докритический*. В этот период Кант писал научные работы о земле, о небе, выдвинул гипотезу о происхождении Земли.

2. *Критический период.* Начало этому периоду положила книга «Критика чистого разума», изданная в 1781 году. Потом он издал «Критику практического разума» и «Критику способности суждения». В «Критике практического разума» рассматриваются проблемы морали, поведения человека. А в «Критике способности суждения» — эстетическое отношение человека к миру.

Переход от докритического к критическому периоду Кант называл коперниканским переворотом в философии. Он впервые детально исследовал нашу способность к мышлению и

познанию.

Кант считал, что объект сам по себе непознаваем, называл его «вещью в себе». С его точки зрения мы можем познать только явление, феномен (вещь для нас). Он избегал затрагивать тему о существовании мира самого по себе.

Кант, однако, был непоследователен, заявив, что существуют три непознаваемые вещи в себе: бессмертие души; свобода воли; Бог. Откуда он знает, что этих вещей три и что они именно такие, как он их назвал? Чтобы уйти от этого вопроса, он просто объявил, что в эти вещи можно только верить. Он придумал лукавую формулу, которая в определенном смысле воспроизводит теорию двойственной истины: "мне пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы освободить место вере".

Кантовская «диалектика». Если бы не было Канта, то не было бы и Гегеля. Кант видел противоречивость вещей, противоречия разума. Но он их принимал и не принимал, находился как бы на полпути от рассудочной логики к диалектике. «Диалектику» Канта лучше назвать *антилектикой*. У Гегеля другая крайность: он релятивизировал диалектику, противопоставив ее рассудочной логике. Если Кант видел противоречия и не знал, что с ними делать, то Гегель просто признал их и даже посчитал «корнем всякого движения и жизненности».

Кант знаменит своими антиномиями (антиномия — столкновение двух противоречащих утверждений, которые одинаково признаются имеющими место быть). Он рассмотрел четыре антиномии:

1) Антиномия конечности и бесконечности пространства и времени. В частности, он выдвинул два утверждения: «мир имеет начало» и «мир не имеет начала». Это несовместимые утверждения, но каждое из них верно, и он это доказал. Рассмотрим сначала утверждение «мир имеет начало». Кант отодвинул прошлое в бесконечность и спрашивает, как наступило настоящее время, если до нас была бесконечность. Отсюда следует, что мир имеет начало. Теперь Кант рассматривает утверждение "мир не имеет начала". Для этого представим, что мир ограничен во времени, а это значит: до него было время, т. е. до начала мира; и это время есть пустое время, че-

го быть не может, следовательно, мир не имеет начала.

2) Антиномия простого и сложного. «Все просто и все сложно».

3) Антиномия природной причинности и свободы воли. Кант утверждал, что человек, с одной стороны, существо чувственное, подчиненное законам природы, но с другой, вольное существо, отсюда вытекает кричащее противоречие: человек действует как звено в причинной цепи, но в то же время он свободно действующее существо.

4) Антиномия необходимости и случайности.

Особенность мышления Канта: он всегда мыслил на острие противоречий-противоположностей: “вещь в себе [сама по себе] — вещь для нас” (объективное-субъективное); “опыт — разум”, “долг — склонность”, «вера-знание» и другие. Кант не был философом середины-меры. Он всё время колебался между противоположными точками зрения, двигался как бы от одной крайности к другой. (Гегель в этом плане более уравновешен, у***мер***ен; он старался *соединить* противоположности в то время как Кант постоянно *сталкивал* их).

Кант первый из философов нового времени осознанно подошел к учению о категориях: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий». Он считал, что категории играют фундаментальную роль в мышлении. Но, к сожалению, он не развил эти свои идеи, только обозначил их. В деталях учение о категориях было разработано лишь Гегелем.

Этика. Кант придерживался так называемой «этики долга». Он считал, что моральное поведение человека зависит от того, как человек представляет себе долг. Морально он действует тогда, когда сообразуется в своих представлениях с вечным, неизменным нравственным законом, который философ назвал ***категорическим императивом***: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом»[1]. («Поступай лишь согласно такому правилу, которое ты мог бы желать возвести в общий закон»). В пояснение Кант приводит несколько примеров.

[1] *Кант И.* Соч. Т. 4. Ч. 2., М., 1965. С. 323.

Данное лицо до такой степени несчастно, что жизнь стала ему в тягость, и оно спрашивает, позволительно ли ему наложить на себя руки. Где искать ответа на этот вопрос? В категорическом императиве. Что было бы, если бы самоубийство сделалось общим законом? Было бы то, что прекратилась бы жизнь. Стало быть, самоубийство несогласно с нравственностью.

Или другой пример. Человек спрашивает себя, позволительно ли ему обманывать других людей. Согласно категорическому императиву этого делать нельзя. Если бы все люди обманывали друг друга, если бы обман стал общим законом жизни людей, то никакое общество было бы невозможно[1].

Справедливости ради следует сказать, что у Канта есть более мягкие и более близкие по смыслу к золотому правилу формулировки категорического императива:

1) «*Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом, так как будто бы максима твоего действия по твоей воле должна сделаться всеобщим законом природы*»[2].

2) «*Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству*»[3].

Кант резко противопоставляет любовь, склонности, желание человека его долгу. «Долг! — восклицает он, — Ты возвышенное, великое слово, так как в тебе нет ничего, угодливого, что льстило бы людям… только из него возникают необходимые условия того достоинства, которое и люди могут дать самим себе. Это именно то великое, что возвышает человека над самим собою (как частью чувственного мира)…» Из

[1] О категорическом императиве Канта см. также ниже, стр. 403.
[2] *Кант И.* Соч. в 6-и томах. Т. 4. Ч. 1. С. 260.
[3] Эту формулировку категорического императива Кант называл практическим императивом. См. его «Основы метафизики нравственности», разд. 2).

теории Канта вытекает, что человек поступает нравственно, когда поступает по долгу и ненравственно — по склонностям.

Кант вызвал мощнейший всплеск философской мысли в Германии. Появилась целая плеяда замечательных философов: Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах, Шопенгауэр...

Иоганн Г. Фихте (1762-1814) интересен тем, что выдвинул учение о субъекте, объекте и деятельности, их объединяющей. Фихте был субъективным идеалистом, философом, абсолютизировавшим субъективную сторону человеческой деятельности.

Фридрих В. Й. Шеллинг (1775-1854) разрабатывал проблемы философии природы (натурфилософию). Он выдвинул и обосновал идею тождества бытия и мышления, которую потом воспринял и развил Гегель.

Глава 4. Философия в XIX веке

4.1. Гегель

Георг В. Ф. Гегель (1770 — 1831) — великий немецкий философ, родился в Штутгарте, умер в Берлине. Был женат и счастлив в браке. В школьной характеристике его умственные способности оценивались как посредственные (вот пример гадкого утенка, который стал лебедем).

Первый его труд — «Феноменология духа» (1807). Основные труды: «Наука логики», «Энциклопедия философских наук», “Философия права”.

Философия Гегеля — абсолютный идеализм. Он считал, что мир есть саморазвитие абсолютного духа, который проходит три стадии: 1) Идея (тезис) — утверждение. 2) Природа (антитезис) — отрицание. 3) Дух (синтез) — отрицание отрицания.

Природа есть отрицание Идеи. Дух — возвращение Идеи к самой себе. На этой стадии осуществляется синтез логической идеи и материальной природы, т. е. синтез мышления и бытия.

Гегель был *философом-систематиком*; он пытался объять единым взором все проблемы бытия, человеческого духа и представить их в систематизированном виде. В «Науке логики» он рассмотрел основные философские категории, проблемы человеческого мышления, познания, деятельности. В «Философии природы» он исследовал сущность мира, бытия природы. В «Философии духа» — проблемы человека и общества.

Ценность его философии заключается также в том, что он дал категориальный анализ всех проблем. Его «Наука логики» является по существу систематикой категорий. В первой части

(«Учение о бытии») он говорит о категориях качества, количества, меры, пространства и времени, конечного и бесконечного, дискретного и непрерывного и т. д. Во второй части («Учение о сущности») он излагает вопросы, связанные с осмыслением категорий модальности, возможности и действительности, занимается исследованием того, как мы познаем мир, как углубляемся в сущность изучаемого, исследует проблему реальных противоречий.

Гегель — первый философ, который осмыслил проблему диалектических противоречий самым фундаментальным образом. Он открыто заявил, что противоречие — не ошибка, не недостаток нашего мышления, а корень всякого движения и жизненности, что мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как только в противоречиях, в единстве противоположностей. Из взаимодействия противоположных вещей, сторон возникает все богатство-многообразие мира. Правда, Гегель смешивал диалектические противоречия с логическими. Последние запрещает логика: если человек мыслит противоречиво, то он будет вести себя непоследовательно, путано, бестолково, безответственно и в результате не сможет нормально жить-действовать. Из-за этого смешения гегелевское учение о диалектических противоречиях не вполне свободно от релятивизма и софистики.

Третью часть «Учение о понятии» Гегель посвящает собственно мышлению, проблемам индивидуального сознания человека, объективного духа (наука, религия, искусство) и абсолютного духа, воплощение которого он видит в философии.

Всеохватность мышления Гегеля, его систематизм имели некоторые отрицательные эффекты. Он смотрел на человеческую жизнь и человека с высоты птичьего полета, поэтому его мало интересовала конкретная жизнь человека. Он даже говорил о ничтожности индивидуального сознания. Его философия — философия абсолютного-мирового духа. В абсолютном духе всё как бы растворяется (как бог в природе у пантеистов). Природа, люди, их жизнь, сознание являются лишь отдельными ступенями развития мирового духа. Гегелю интересно целое (история), а детали его интересуют лишь в отношении к целому (как бы за лесом не замечает отдельных де-

ревьев).

Карл Поппер — известный мыслитель XX века — назвал теории, подобные гегелевской, историцизмом. Историцисты рассматривают человеческую жизнь с позиции всего человечества, всего исторического развития, сдвигают свое внимание с проблем конкретной жизни на проблемы вселенские и подают советы как жить с позиции вселенской истории, законов исторического развития.

В социально-политической области историцистские идеи Гегеля послужили основанием для возникновения двух форм тоталитаризма: национал-социализма и коммунизма.

Гегель выдвинул такую периодизацию истории: сначала был Восточный мир, затем Греко-Римский и завершает историю Германский мир. Гегель назвал последние полторы тысячи лет истории именем одной нации. Это ли не национализм?! Далее, Гегель иногда высказывал идеи, которые можно назвать кровожадными и даже людоедскими. Он считал, например, что войны — полезная вещь, что они — средство самоочищения человечества. (Он весьма ценил Наполеона, а ведь последнего прозвали «людоедом»). Гегель поддерживал стремления отдельных лидеров вести войны. Здесь он фактически выступает с позиций антигуманиста. Воинственность гегелевской философии получила продолжение в философии Ф. Ницше и воплотилась затем в агрессивном национал-социализме Гитлера, который хотел покорить весь мир.

Гегель был духовным отцом не только национал-социализма, но и коммунизма. Как коллективист по умонастроению, он считал, что люди реализуют себя, только объединив свои усилия. Гегель проповедовал теорию, согласно которой люди фактически были марионетками, пешками в руках истории. Он утверждал, что целое имеет примат над частями. Он рассматривал людей как части мирового духа.

Последующие философы оценивали Гегеля как **панлогиста**, т. е. человека, который абсолютизировал логику, упорядоченность. Да, действительно, Гегель абсолютизировал порядок, закономерность, а историю рассматривал **как прикладную логику**. Это — большое заблуждение Гегеля. Оно было связано с тем, что Гегель — рационалист; он переоцени-

вал значение порядка в жизни людей. Он считал, что случайности существенно не влияют на исторические события, на их появление или смену, что они лишь ускоряют или замедляют ход истории. Гегелевская концепция — квазилапласовский детерминизм или органицистский детерминизм, когда отдельные структуры общества рассматриваются как части организма. На самом деле человеческое общество не является организмом, оно не чувствует, не движется как единое целое.

4.2. Послегегелевская философия

Гегель — последний гигант философской мысли, оставивший систематическое учение по всем отраслям философии. Нет такого философа, который мог бы сравниться с ним по широте и глубине охвата философских понятий-проблем.

После Гегеля философская мысль разделилась на два непримиримых направления. С одной стороны, традиционный рационализм вкупе с эмпиризмом приобрел форму сциентизма. Это и позитивизм, и марксизм, и эмпириокритицизм, и прагматизм, и логический позитивизм, и постпозитивизм, и аналитическая философия (отчасти), и философия науки. С другой, возникла мощная оппозиция рационализму в виде иррационализма и антисциентизма. Это направление представлено такими течениями как философия жизни, экзистенциализм, постмодернизм. К нему же относятся разные формы религиозной и мистической философии.

Философская мысль этого периода отличается гигантским разнообразием идей, взглядов, направлений. Этот период дал десятки имён очень интересных мыслителей, каждый из которых внес свой вклад в развитие философии. Например, для этого периода характерна детальная разработка основ (методологии) научного знания в разных аспектах. Это и позитивизм Конта, Милля, Спенсера, и эмпириокритицизм (Э. Мах, Р. Авенариус), и логический позитивизм, и феноменология, и аналитическая философия, и философия науки. Здесь есть серьезные достижения.

С другой стороны, в философии началась реакция отторжения рационализма, рационалистического оптимизма, про-

светительства и стали появляться в большом количестве философы, которым надоело рассуждать о мире, разуме, порядке, вообще на какие-то вселенские темы. Они все больше акцентировали внимание на конкретных проблемах, присущих человеку-индивиду. Философы увидели глубокие противоречия в том, как познает человек, как влияют на него знания. Философия последних 180 лет очень скептически относится к идее прогресса: социального, культурного, духовного. Философы и ученые стали все больше сознавать, что развитие человечества протекает по весьма сложному пути.

4.3. О. Конт

Огюст Конт (1798-1857) — французский философ, родоначальник позитивизма. Позитивизм — одно из самых значительных направлений философской мысли XIX–XX столетий. И сейчас позитивизм продолжается в виде философии науки и отчасти аналитической философии. Конт посчитал, что вся предшествующая философия никуда не годится и что на смену ей должна прийти наука, которая опирается исключительно на положительные знания. А эти знания могут возникнуть лишь в результате наблюдения и эксперимента. Это почти тот же эмпиризм. Конт не отрицал теорию, значение идей, но считал, что любое знание должно быть основано на фактах, на опыте. Отсюда его категорический вывод о том, что философия человечеству больше не нужна, поскольку она спекулятивна, темна, не основана на конкретных фактах, наблюдениях и экспериментах. На смену ей должно прийти позитивное знание. Вот поэтому его философию называют **позитивизмом**, т. е. Огюст Конт ознаменовал собой начало направления философской мысли, которое можно назвать антифилософией или сциентизмом в философии. Это направление получило широкое распространение в последние два века. Такому пониманию философии отдавали дань К. Маркс и Ф. Энгельс. Они считали, что философия как «шагреневая кожа» все время сжимается, постепенно из нее выделяются разные дисциплины. Энгельс говорил, что от прежней философии остается

лишь наука о мышлении — диалектика.

На самом деле, философия иначе соотносится с науками и с другими формами культуры. Она — особый вид культуры. Скорее всего Конт и его сторонники спорили не с тем, что философия спекулятивна, а они философию понимали как науку, хотели видеть в ней науку. Они отождествляли философские мысли-идеи с научными идеями-знаниями, и в этом их ошибка. Философия не наука, и она не дает знания. Это просто человеческое мышление, идеи, которые могут привести к знанию, а могут привести к заблуждению; могут привести к благу, а могут привести к злу. *Философия — это репетиционная площадка, на которой разыгрывается драма идей*; она — нечто виртуальное, предшествующее практическим или исследовательским программам.

4.4. Л. Фейербах

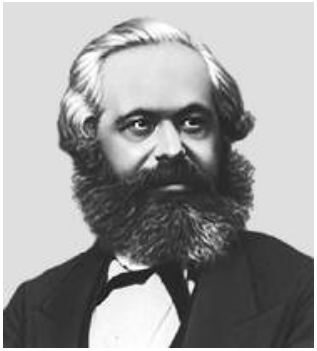
Людвиг Фейербах (1804–1872) — немецкий философ. Анализируя христианские представления, различные формы религии, пришел к критическому переосмыслению религии как типа сознания и далее, к критике философского идеализма. Главное сочинение Фейербаха — «Сущность христианства». Он не просто подверг критике веру в Бога, не просто декларировал атеизм. Он искал корни возникновения идей, связанных с верой в Бога. С его точки зрения идею Бога породили страх и невежество. Бессилие человека перед силами природы в конечном счете вылилось в идею всемогущего существа, которое управляет поведением человека и от которого на человека исходит благодать или испытания. Фейербах считал, что Бог — это абсолютизированный обобществленный человек. Он выдвинул тезис: «Человек — человеку Бог». Каждый человек — это Бог, т. е. для каждого из нас любой человек, наделенный всеми самыми хорошими качествами, является Богом.

Философию Фейербаха называют антропологической, антропологическим материализмом или натурализмом. Природу он рассматривал через призму отношения к ней человека. Че-

ловек для него не только духовное, но и телесное существо. Дух и материя слиты, нераздельны в человеке. Более того, он утверждал: «Бытие — это субъект, а мышление — предикат (нечто вторичное)». Мышление — свойство бытия.

Марксистская философия возникла на стыке гегелевской философии и фейербаховского материализма.

4.5. Марксистская философия



Карл Маркс (1818–1883) родился в Трире, в семье юриста. ***Фридрих Энгельс*** (1820–1895) — сын крупного капиталиста. Они были большими друзьями, их дружба — образец взаимопонимания между людьми. К. Маркс с самого начала отказался от обычной карьеры человека своего круга. Он поступил на юридический факультет Берлинского университета, но докторскую диссертацию написал на философскую тему. Он увлекся философией Гегеля. В то же время его интересовали экономические и социально-политические вопросы.

Ни Маркс, ни Энгельс не были профессиональными философами. Главный труд Маркса «Капитал» посвящен исследованию политической экономии. Маркс хотел написать систематический труд о диалектике, но так и не сделал этого. У Энгельса есть две относительно крупные работы: «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы», в которых он в систематическом виде излагает философию марксизма, экономическое учение и так называемую теорию научного социализма.

Марксистская философия берет свое начало в философии Гегеля. Маркс использовал даже гегелевскую манеру философствования. Некоторая спекулятивность, игра словами. Маркс иногда выражал свои мысли в парадоксальной форме. После периода увлечения Гегелем он пережил увлечение Фейербахом. Прочитав сочинение Фейербаха «Сущность христианства», он пересмотрел свои философские взгляды в сторону материализма и атеизма.

В сущности, марксистская философия — это эклектическое соединение элементов материализма и идеализма — гегелевской философии, французского, фейербаховского материализма и английского эмпиризма. Она стала грандиозным зданием, когда сотни философов в XX веке развили ее во всех направлениях.

В СССР марксистская философия была государственной, единственно признанной философией. Поэтому все талантливые философы, жившие в советский период, вынуждены были работать в рамках марксистской парадигмы. Возник интересный феномен: разные варианты марксистской философии. Был вариант ленинско-сталинского марксизма. Был вариант гегеле-марксизма. Наиболее яркий представитель последнего — Э. В. Ильенков. Был позитивистский марксизм, который ориентировался на методологию научного познания. Был своеобразный вариант экзистенциалистского марксизма.

Материалистическая диалектика. По Энгельсу это «наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления». В марксистской философии считалось, что Маркс и Энгельс произвели революционный переворот в философии прежде всего тем, что соединили материализм и диалектику. Якобы до Маркса материализм и диалектика развивались разными философами: материализм был метафизическим, т. е. антидиалектическим, а диалектика идеалистической, т. е. развивалась на почве идеализма. Маркс взял от идеалиста Гегеля диалектику и соединил ее с материализмом Фейербаха.

В марксистской диалектике вся проблематика сводилась к так называемым законам и категориям. Ф. Энгельсом были сформулированы три основных закона диалектики:

1. Закон единства и борьбы противоположностей (закон диалектического противоречия);

2. Закон перехода количества в качество и обратно (закон перехода количественных изменений в качественные);

3. Закон отрицания отрицания.

(Маркс и Энгельс утверждали, что это — гегелевские законы. На самом деле Гегель нигде не говорил о законах диа-

лектики. Концепция законов диалектики — упрощенная, примитивная интерпретация диалектических идей Гегеля.)

Как видим, на первом плане в марксистской диалектике— законы (диалектики). Они важнее явлений, так как управляют ими, а беспорядка и хаоса вроде бы нет. Когда утверждается мысль, что всё регулируется законами, то происходит крен в сторону порядка, закономерности. На самом деле, в мире и человеческом обществе хватает всего: и порядка, и беспорядка. Иными словами, существует очень сложная диалектика порядка и хаоса, необходимости и случайности, законосообразности и незаконосообразности, причинности и беспричинности. В марксизме все это сдвигалось в сторону порядка, законосообразности.

Наш мир — это вероятностный мир, и случайность играет в нем не меньшую роль, чем необходимость, закономерность. Выражение “законы диалектики”, хотим мы этого или нет, акцентирует внимание на познании закономерности, упорядоченности реального мира и оставляет в тени другую, прямо противоположную его сторону: неупорядоченность, многообразие явлений, стохастику. А это создает известный перекос в сторону механистического, лапласовского детерминизма, абсолютизирующего необходимость, закономерность, упорядоченность. Марксистская диалектика — это, в сущности, вариант квазилапласовского детерминизма.

Закон единства и борьбы противоположностей — главный в марксистской диалектике. В. И. Ленин называл его ядром диалектики. Особенность этого «закона» в том, что с внешней стороны он утверждает идею порядка, законосообразности (закон ведь!), на самом же деле он «позволяет» марксистам делать все, что угодно, учинять какой угодно порядок-беспорядок. (См. об этом подробнее ниже, стр. 235).

Два других «закона» диалектики — это не более чем философские мифы. Концепция «закона отрицания отрицания» навязывает историческим процессам жесткую схематику. Сначала должно быть утверждение, потом отрицание, а затем отрицание отрицания. Сначала тезис, потом антитезис, а затем синтез. На самом деле, всё в жизни, в обществе-истории мно-

говариантно, движется весьма сложными путями, где-то отступает, где-то движется по кругу, где-то развивается, а где-то становится, движется вперед. И человек не просто следует законам истории, а выбирает. Да, последующее отрицает предыдущее, но развивается только то, что не только отрицает, но и что-то утверждает. Из семени рождается стебель и он отрицает семя. Затем из стебля опять появляются семена-зерна. Происходит как будто отрицание отрицания. На самом деле, процесс намного сложнее. Имеет место не только отрицание, но и утверждение. Из отрицания старого отнюдь не следует утверждение нового. Отрицательное само по себе есть только отрицательное и положительного из него не выколупишь, не получишь.

Кроме этих основных законов в марксистской диалектике рассматривались разные философские понятия-категории, которые получили статус категорий диалектики. Это материя и движение, пространство и время, возможность и действительность, сущность и явление, случайность и необходимость, причина и следствие.

Исторический «материализм». Маркс считал, что в основе жизни человеческого общества лежит способ производства материальных благ. Способ производства разделяется на производительные силы и производственные отношения. Производственные отношения составляют материальный базис общества. А над материальным базисом надстраиваются такие формы общественного сознания как наука, культура, искусство, политика, право, мораль, философия, религия и т. д. По Марксу история человеческого общества — это ряд, сменяющих друг друга общественно-экономических формаций, в которых главную роль играет способ производства материальных благ. Он различал пять формаций: первобытнообщинный строй; рабовладение; феодализм (крепостной строй); капиталистический строй; коммунистический строй. Таким образом, согласно Марксу историей управляет закон смены общественно-экономических формаций. Каждая смена общественно-экономических формаций — это революция. Революцию он определял как локомотив истории, т. е. что она ускоряет исторический прогресс. В предисловии к «Критике политической

экономии» (1859) высказаны основные социальные идеи Маркса. Маркс понимал развитие человеческой истории по гегелевской схеме. Сначала тезис-утверждение, затем отрицание, потом отрицание отрицания. Первобытнообщинная формация, с точки зрения Маркса, была утверждением. В ней господствовала общественная собственность на средства производства, было все общее. Затем отрицание первобытной общины и последовательная смена антагонистических общественно-экономических формаций (рабовладения, феодализма и капитализма), в которых действовали законы классовой борьбы. В рабовладельческом строе — это отношения рабовладельцев и рабов, в феодальном обществе — помещики и крепостные, в капиталистическом обществе — буржуа и пролетариат.

Маркс считал, что в этих трех общественно-экономических формациях господствует частная собственность на средства производства, поэтому они конфликтны, антагонистичны, неустойчивы. Он указал на такую особенность развития этих трех типов обществ — смягчение степени эксплуатации человека человеком по мере смены одной формации другой. Самый жесткий тип эксплуатации — это рабство и самая мягкая форма эксплуатации — наемный труд, когда человек продает свою рабочую силу. Маркс утверждал, что прогресс цивилизации развивается в рамках этих трех формаций таким образом, что достижения культуры достаются ценой больших человеческих жертв. Он уподоблял развитие общества в этот период чудовищу, которое пило нектар не иначе, как из черепов убитых. Он считал, что период отрицания общественной собственности на средства производства должен смениться периодом отрицания отрицания, т. е. утверждения общественной собственности. Коммунистическое общество должно вернуться к первобытнообщинному строю, только на новой основе, со всеми достижениями культуры и цивилизации, которые человечество имеет. Мерилом общества будет не рабочее время, а свободное.

Маркс исходил из того, что первобытнообщинный строй — это общество, где господствует коллективизм, общинные отношения и общественная собственность на средства производства. Такой вывод он сделал на основе исследова-

ний примитивных сообществ людей (аборигенов Австралии, сообщества африканских племен и т. д.), которые были к тому времени сделаны разными учеными. В этих примитивных традиционных сообществах действительно господствует коллективизм и общинные отношения. Ученые спроецировали то, что существует в этих примитивных сообществах, живших в XIX веке, на первобытную историю человечества. С этим нельзя согласиться. Первобытная история человечества длилась не одну сотню тысяч лет и утверждать, что нынешние примитивные племена — это то, что было тогда, — значит, идти против исторического подхода. Долговременное существование этих племен можно объяснить тем, что в них господствовали отношения коллективизма, которые по своей сути консервативны. Они не прогрессировали и дошли до наших дней в примитивном виде. Скорее всего, вся остальная часть человечества стала цивилизованной потому, что имела своих предков не из этих примитивных племен, а из других, которые трансформировались в ныне живущие сообщества. Люди изначально были собственниками и изначально существовали наряду с коллективистскими индивидуалистические типы людей. В неизменном виде сохранились только коллективистские сообщества, а те сообщества, в которых был высокий удельный вес индивидуалистов, просто трансформировались. Наиболее высокий динамизм общественных отношений между людьми присущ тем сообществам, в которых высок удельный вес индивидуалистов, т. е. ярких личностей, людей, которые что-то изобретают, познают, творят, изменяют. Не было изначально Золотого века, т. е. времени, когда люди жили и гармонировали в своем общении. Всего между людьми было полно: и дружбы и вражды, и любви и ненависти. Обе эти силы (гармония и антагонизм) одинаково действуют в человеческом обществе. Это связано с особенностями человека как высокоразвитого живого существа. С одной стороны, человек стремится жить сообща (он — общественное существо), а, с другой, стремится жить обособленно-отдельно (по своим понятиям, не как другие).

Во взглядах на общество Маркс отнюдь не был материалистом, хотя и утверждал, что материальное бытие людей первично, а сознание вторично. Он практически оставался платонистом-гегельянцем, упор делал на так называемые законы истории, которые управляют поведением людей. Люди могут только открывать эти законы и использовать их, но по-настоящему не могут изменить ход истории своей личной волей. Позиция Маркса на историю — это позиция умеренного фатализма, т. е. вера в то, что история действует как нечто целое, а человек может либо ускорить историческое развитие, либо замедлить и не больше. История есть нечто великое, мощное, чему человек должен подчиняться. С одной стороны, как гуманистически ориентированный философ Маркс утверждал, что истинным субъектом исторического действия является отдельный человек («История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — ни что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»). Но, с другой стороны, он характеризовал сущность человека как совокупность общественных отношений («Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».) Отдельного человека, индивида он понимал как абстракт, как нечто отвлеченное, неконкретное. А сущность человека — не его индивидуальность, а то, что она — совокупность общественных отношений. Маркс здесь как бы забыл, что человек не только член общества, социальное существо, но и природное, животное. Человек — живое существо, и как таковое независим от общества, а, как член общества, независим от природы. Маркс же фактически сводил человека к обществу. Он вроде бы хотел показать, что человек не только природное существо, как у Фейербаха. А в итоге отождествил человека и общество. Человек у него оказался подчиненным обществу. Приведу еще одно его высказывание: «Отдельный человек слаб, но мы знаем, что целое — это сила». Маркс видит только одну сторону медали — слабость индивидуума и силу общества; в действительности отдельный человек может

быть сильнее общества. А в общем и целом они работают в одном направлении, сообща и у каждого своя сила. В чем-то сильнее индивид, а в чем-то сильнее общество. Общество — некоторое множество людей, взаимодействующих друг с другом. Оно не может многое из того, что может отдельный индивид (любить, чувствовать).

Маркс однозначно встал на сторону коллективизма. У него много высказываний на этот счет. В «Капитале» он рассматривает человека как олицетворение экономических категорий. «Фигуру капиталиста и земельного собственника я рассматриваю далеко не в розовом свете», — писал он. Здесь люди являются носителями определенных классовых отношений, оцениваются по своей принадлежности к рабочему или капиталистическому классу (классовый подход).

Маркс писал также: «Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе сможет развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества». Это холизм, абсолютизация целого. Марксисты считали, что богатство людей зависит от богатства общества: люди должны работать на государство, оно будет богатеть, а вместе с ним и отдельные члены общества. В XX веке они попытались доказать это на практике. В итоге ничего у них не получилось. Было создано общество всеобщего (относительного, конечно) равенства и всеобщей бедности. Теперь мы думаем с точностью до наоборот: чем больше в обществе обеспеченных и богатых людей, тем оно богаче.

Марксизм утверждал: человек — часть общества, часть социальной материи, что общество — высший этап развития природы. Марксисты полагали, что общество важнее природы. Это был по существу «социологический идеализм». Он возник на волне все более усиливающегося интереса интеллектуалов к социально-политическим проблемам. Социологическая мысль только зарождалась. Наука «социология» была лишь заявлена Огюстом Контом. Предметом социологии является не отдельный человек-индивидуум, а совокупности людей, разные социальные группы. Маркс один из первых об-

ратил внимание на то, что закономерности, которые действуют в группах, больших сообществах людей, не сводимы к закономерностям индивидуального поведения человека. Он абсолютизировал этот факт, сделав вывод, что социальные закономерности важнее природных и что они управляют человеком. Маркс был, так сказать, неофитом социологической мысли. Он обратил внимание человечества на важность исследования социальных структур разного типа и на то, что они не сводимы к особенностям поведения отдельного человека. Здесь Маркс прав. Неправ он тогда, когда возвел в абсолют эту несводимость.

Марксистская схема исторического процесса — и ложная и опасная. В октябре 1917-го года русские большевики, воодушевленные идеями Маркса, решили, что смогут построить коммунистическое общество, в котором будет все общее. Оказалось, такое общество невозможно создать без террора и репрессий.

Таков исторический «материализм» Маркса. Кстати, Маркс был идеалистом во взглядах на общество и потому еще, что плоды своего ума и воображения принял за реальную действительность.

Третья часть марксистского учения — это социальный активизм. 11-й тезис Маркса о Фейербахе гласил: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Вот Маркс и предложил проект изменения мира на основе своей концепции социальной революции. И всячески продвигал его в жизнь... Этот тот случай, когда человек, не очень хорошо изучив ситуацию в обществе, стал действовать в соответствии с тем представлением, которое он выработал. Такого рода активность вредна и опасна. Марксистская философия как бы спровоцировала, подтолкнула активных людей, которых достаточно в каждом обществе, поступать в соответствии с ее представлениями. В частности, она настраивала рабочих на выступление против капиталистов. Маркс утверждал, что новое коммунистическое общество будет рождаться в муках, в результате революции и войн, которые могут длиться до 50 лет. Как он сказал, так и случилось.

4.6. А. Шопенгауэр

Артур Шопенгауэр (1788–1860) — младший современник Гегеля. Он не признавал его и даже называл шарлатаном. Шопенгауэр противопоставлял рационализму-панлогизму Гегеля свой иррационализм и волюнтаризм. Главное его сочинение — «Мир как воля и представление» (1818 г.).

Шопенгауэр положил начало новому направлению философской мысли в Европе — **иррационализму**. Он исходил из абсолютизации психической жизни отдельного человека, а точнее, одной из психических способностей человека — воли. Вот почему его философию называют еще волюнтаризмом. Шопенгауэровский волюнтаризм — концепция, которая началом всего сущего объявляет волю, но не конкретного человеческого индивидуума, а всеобщую, мировую волю. В его картине мира началом всего сущего является некоторое стихийное бессознательное начало, которое управляет миром.

Шопенгауэр был философом-пессимистом. Он утверждал, что в мире господствует зло, поскольку мировая воля — злая, разрушительная в своей основе. Сколько бы человек ни боролся со стихией, она возьмет свое.

Шопенгауэр высоко ценил Канта, уважал его как творца идей. Он, в частности, взял на вооружение его идею «вещи в себе», которую переосмыслил как мировую волю. Он развил также кантовскую идею о примате практического разума над теоретическим. Поскольку под практическим разумом понималась воля, он, естественно, абсолютизировал эту способность человека.

Шопенгауэр сыграл также выдающуюся роль в становлении идеи практической (житейской) философии. При всем своем пессимизме, волюнтаризме и иррационализме он по-своему был умным и даже мудрым философом. Его «Афоризмы житейской мудрости» до сих пор заслуженно пользуются любовью читателя.

4.7. С. Кьеркегор

С. Кьеркегор (1813–1855) был предтечей экзистенциализма. Он считал, что нечего размышлять о мире, что единственно интересный предмет — это сам человек, его существование (по-латински экзистенция), его проблемы, тревоги и страхи. Главное произведение Кьеркегора: «Или-или» (1843). Он занимался анализом индивидуальных ощущений, чувств, эмоций, рассматривал человеческую жизнь в постоянных коллизиях и конфликтах. В таком подходе есть плюсы и минусы.

При жизни он не был признан. Только в XX веке философы обратили внимание на существование этого круга проблем. Возникло мощное направление — экзистенциализм. Оно стало популярным «благодаря» двум мировым войнам. Экзистенциалисты остро ощущали-переживали хрупкость человеческой жизни, тонкую грань между жизнью и смертью и заразили этим многих людей. Во второй половине XX века экзистенциализм сошел с исторической арены в основном из-за того, что катастрофы такого масштаба (когда в короткое время гибнут десятки миллионов людей) отошли в прошлое.

4.8. Ф. Ницше

Фридрих Ницше (1844-1900) — немецкий философ, представитель философии жизни. По образованию — филолог, работал профессором филологии в 1869-1878 гг., вынужден был оставить работу вследствие болезни. Главное сочинение — «Так говорил Заратустра» (I ч. — 1883, первое полное издание — 1892). Своим основным программным произведением Ницше предполагал сделать книгу «Воля к власти» (попытка «переоценки всех ценностей»), но оставил лишь массу заметок и афоризмов, которые были изданы сестрой в 1906 г. под общим названием «Воля к власти». Ф. Ницше был человеком болезненным, в декабре 1888 г. его разбил паралич. Вскоре у него наступило помрачение ума и последние десять лет жизни он провел в психиатрической лечебнице.

На ницшеанскую философию оказали значительное влияние волюнтаристская метафизика Шопенгауэра и дарвинов-

ская теория борьбы за существование. Учение Ницше — это, в сущности, первая биологизаторская концепция философии человека, получившая широкое распространение.

О философии Ф. Ницше ничего хорошего сказать не могу. Она экстравагантная, пронизанная софистикой, одиозная. Опереться на высказывания Ницше практически невозможно, поскольку он часто говорит об одном и том же «да» и «нет» или изъясняется скользко, двусмысленно. Поэтому дальнейший материал о его философии будет скорее похож на памфлет, чем на историко-философский очерк.

О Ницше вынужден говорить, поскольку велико его влияние на философию и культуру XX века, особенно в Германии. Немецкий нацизм в значительной мере базировался на его идеях.

В нашей стране Ф. Ницше был популярен в начале XX века. Затем большевики-коммунисты постарались забыть его (как Герострата). Сейчас он снова «в моде». Без конца переиздаются его сочинения, делаются попытки обелить, представить хорошим, студенты с охотой пишут о нем рефераты. Это с одной стороны. С другой, в обществе растут настроения, сходные с немецким нацизмом.

Кто такой Ф. Ницше на самом деле? Не как человек, не как философ, а как Явление. Я думаю, он — Гитлер философии и обращаться с ним нужно соответственно.

Ф. Ницше — философский юродивый, этакий философский Хлестаков. О себе он говорил: «Я — авантюрист духа, я блуждаю за своею мыслью и иду за манящей меня идеей». Главная книга Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» имеет подзаголовок: «Книга для всех и ни для кого». Непредубежденный читатель скажет: у человека не все в порядке с головой. И в самом деле, Ницше в большинстве случаев говорил абсолютно анормальные вещи, как юродивый. Ницше — певец анормального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Ницше — удивительно легковесный философ. Он абсолютно раскованно-цинично, без зазрения совести (философской, человеческой) лепит фразы, как ему заблагорассудится. Лишь бы было складно.

Тексты Ницше — сладкий яд, как сладкоголосое пение Сирен, губивших мореходов. И это непрерывное хвастовство-ёрничанье, этот пророческий, поучающий тон, это злопыхательство и осмеяние-очернение всего, что дорого нормальному человеку, эти бесконечные попытки всё перевернуть, поставить с ног на голову.

Ницше лично никого не убил, но он подготовил-взрыхлил духовную почву для преступников типа Гитлера, для преступлений против человечества. Он совершил многочисленные философские «преступления», попытался реабилитировать зло, «злую мудрость», «ложь», истину смешал-отождествил с ложью, постоянно высмеивал позитивные человеческие ценности (добро, милосердие...).

Ницше скорее не философ, а просто умник. Он умничает, использует свой ум не по назначению, не для того, чтобы стремиться к мудрости и решать проблемы на основе мудрости. Он вообще ничего не ищет. Он сразу лепит всё, что приходит на ум и непременно шокирующее, бьющее на внешний эффект. Он не аргументирует, не утруждает себя аргументами, а утверждает-изрекает как мистик-пророк. Он отвергает почти всё, что выработала философская мысль до него. Объявляя волю к власти основным стремлением человека, он поступает как антифилософ, как человек, который использует свой ум для объявления неинтеллектуальной способности (воли) главной человеческой способностью, т. е. для утверждения и обоснования антиинтеллектуализма (неразумия, безумия — говоря по-русски).

Вот пример ницшеанской антифилософии: одно из сочинений Ницше называется «Злая мудрость». Вдумайтесь в это название. Оно чудовищно-нелепо как круглый квадрат или горячий снег. Мудрость в принципе не может быть злой. Она средоточие-объединение трех фундаментальных ценностей жизни — добра, красоты, истины (см. об этом подробнее ниже, стр. 514). Мудрость тем больше мудрость, чем лучше она ведет к добру и лучше защищает от зла, поскольку зло — антидобро.

Ницше — антигуманист без всяких оговорок. Он целиком на стороне выдуманного им сверхчеловека (господина, белокурого бестии...) и, соответственно, с презрением-пренебрежением говорит о «человеке» (и производном от человека: человечности, гуманности, гуманизме). Под многими его словами с большой радостью подписался бы любой фашист-нацист. (Именно благодаря всем подобным мыслям-идеям Ницше его главный труд «Так говорил Заратустра» оказался в ранце фашистского солдата наряду с Библией и «Майн кампф» Гитлера). Он не только идейный вдохновитель гитлеризма, но и консультант, дающий конкретные советы всяким гитлерам.

От Ницше пошло выражение «падающего подтолкни». Если человек в чем-то слаб, то не надо ему помогать — пусть сам выкарабкивается или гибнет. Нет, наверное, более циничного высказывания в устах философа!

Ницше — величайший философский террорист всех времен и народов. Видманн, швейцарский критик, увидал в его книге «По ту сторону добра и зла» руководство по анархизму: «Книга пахнет динамитом», — сказал он. Сам Ницше, отвечая этому критику, написал «К генеалогии морали». «Я хотел, — пишет он, — произвести пушечный выстрел более гремучим порохом». Видите: Ницше даже динамита мало!

Философский терроризм Ницше даже не в этом. Это всё внешнее, поскольку лежит на поверхности. Ницше по своей сути духовный-моральный террорист. *Он попытался растоптать все, что дорого людям, философам, всё, на чем держится человеческая мораль и, соответственно, человеческое общежитие, человеческое общество вообще*. Ницше своим словом, своими идеями развязывает руки всем потенциальным убийцам, преступникам, террористам, диктаторам-тиранам. Он как бы подталкивает их к нарушению всех норм жизни, теоретически обосновывает поведение таких (маленьких или больших) преступников, как Родион Раскольников или Адольф Гитлер.

Ницше — фактически духовный отец всех, кто совершает преступления против человечества (человечности). Почему? Потому что о большинстве людей он говорит презрительно-ненавидяще как о быдле, стаде, толпе, навозе. Восхваляя тип

воинственного-злого человека (господина, сверхчеловека, белокурого бестии), он этим восхваляет войны, т. е. в конечном счете — массовое истребление людей. Если большинство людей — навоз, то нечего с этим большинством церемониться. Оно призвано к тому, чтобы унавоживать почву для сверхчеловека.

Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине. Фраза «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» произнесена в таком контексте: «А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее! Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина».

Дай мне, женщина, твою маленькую истину! — сказал я. И так говорила старушка: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» —

Так говорил Заратустра».

Это — фрагмент главного труда Ницше. А посмотрите, какое название главки: «О старых и молодых бабенках». Ницше не стесняется в выражениях. Он груб, развязен, циничен. Цинизм его вдвойне усиливается тем, что эти уничижительные для женщины слова он вкладывает в уста женщины же!

Ницше — ненавистник женщин. Посмотрите, как он характеризует «женское»: «Все женское, рабское, и особенно вся чернь: *это* хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы — о отвращение! отвращение! отвращение!» (— «Так говорил Заратустра». Главка «О высшем человеке»). Женское у него синоним рабского, черни. Уничижительно говорит о нем как «*этом*». Кроме того, он явно против эмансипации женщин. И три раза это «отвращение» с восклицанием, звучащее как проклятие по отношению к женскому началу жизни. Короткий текст, но сколько злобы, презрения, отвращения к женщинам!

Ницше — расист, восхвалитель арийской расы как расы господ. Утверждают, что он не был духовным отцом гитлеризма. Разговоры о «крови», о расах, о расе господ, об арийской (в отдельных случаях, германской) расе — разве это не протонацизм?! Да, конечно, Ницше не был националистом в узком смысле слова, более того, он (нещадно) критиковал немцев и отмечал «национальную узость» европейцев[1]. Зато

[1] См.: *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 201.

он был расистом, идеологом арийской расы как благородной расы или расы господ.

Говорят, что он не был антисемитом. Ложь! Да, он не был примитивным, грубым антисемитом. Но он был ненавистником евреев как расы рабов. «Все, что было содеяно на земле, — писал Ницше, — против «знатных», «могущественных», «господ», не идет ни в малейшее сравнение с тем, что содеяли против них *евреи*»[1]. — Этой фразы Ницше достаточно, чтобы его полюбили нацисты. На евреев он возлагал главную вину за всё, что было содеяно на земле против расы «господ».

Его высказывания о евреях лили воду на мельницу антисемитизма. (Достаточно сравнить всю сумму высказываний Ницше о евреях с тем, что говорил о евреях наш великий философ В. С. Соловьев. Разительный контраст! В. С. Соловьев — вот был истинный противник антисемитизма. Потому что он выступал против него с позиций гуманизма. Позиция же Ницше в отношении евреев двусмысленна, так как у этой позиции не было этой твердой и светлой человеческой основы [гуманизма].)

Известны англофобские высказывания Ницше. Это тоже «дрова», которые разжигали костер гитлеризма.

Кстати, кто сказал, что философия Ницше — индивидуалистическая?! Его расизм, англофобия, антиеврейство, валовой подход к людям — разве не свидетельствуют об определенном, пусть неявном, коллективизме Ницше? Похоже, Ницше использовал двойной стандарт в отношении коллективизма. Когда ему выгодно было порочить коллективизм (в виде стадности) он делал это с энтузиазмом. Когда же ему был выгоден валовой подход к людям, не как к индивидуумам, а как представителям разных социальных групп, к некоторым общностям (раса господ и раса рабов, критика евреев, англичан, немцев...), то он с таким же энтузиазмом выступал с коллективистских позиций. Ницше причудливо сочетал индивидуализм с коллективизмом.

Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности. Стиль Ницше — напряженный, проро-

[1] См.: *Ницше Ф.* Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 422.

чески-безапелляционный или едкий-иронический. Он всё время воюет (на словах, конечно).

Философия Ницше в целом очень напряженная. Он постоянно говорит сильные фразы, патетические или язвительно-ироничные, которые показывают, что человек — хищное, злое животное, что человек должен быть сверхчеловеком. Он абсолютизировал отношения антагонизма, конфликта, враждебности и напряженности. Либо ты победитель, либо ты побежденный (либо пан, либо пропал). Ницше утверждал, что общество — стая хищных волков. По Ницше человек реализует себя и всегда стремится утвердить себя как существо, которое стремится к власти. Он делил людей на победителей и побежденных, на героев и толпу, на сверхчеловеков и всех остальных. Это логически вытекает из его теории воли к власти. Тот, кто не стремится к власти — ничтожество.

Философия Ницше пронизана нигилизмом. Он призывал к переоценке всех ценностей, постарался разрушить все, что было наработано человеческой культурой. Мораль добра — хлам, совесть — чепуха.

Гитлер наверняка был вдохновлен Ницше, когда напыщенно провозглашал, обращаясь к солдатам: «Я освобождаю вас от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью»[1]. Сравн. Ницше: «Испытывал ли я когда-нибудь угрызение совести? Память моя хранит на этот счет молчание.» (Т. 1. С. 722, «Злая мудрость», 10). Или: Угрызение совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень» (Там же. С. 817, «Странник и его тень», 38).

Мартин Лютер Кинг говорил: «Принимающий зло без сопротивления — становится его пособником». Ф. Ницше — это воплощенное философское зло. **Кто принимает Ф. Ницше — пособник зла**.

[1] Основной постулат Гитлера в программном обращении к армии перед Drang nach Osten звучит так: «Солдаты, я освобождаю вас от древней химеры, именуемой совестью во славу Великого Рейха!».

Глава 5. Русская философия XIX–XX веков

5.1. Общая характеристика русской философии

Русская философская мысль вплоть до 18 века развивалась в рамках религиозных представлений. Первым памятником религиозно-философской мысли было «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона (11-й век). Тема «Слова» — тема равноправия народов, противостоящая теориям богоизбранничества лишь одного народа, теориям вселенской империи или вселенской церкви. Иларион указывает, что Евангелием и крещением Бог «все народы спас», прославляет русский народ среди народов всего мира.

В 15-16 веках возвышению Русского государства с центром в Москве способствовала теория, провозглашавшая Москву третьим Римом, по которой вся история христианства сводилась к истории трех Римов. Москва объявлялась недоступной для ереси твердыней православия, а задача создания русского государства ставилась в связь с задачей спасения всего человечества, искупительной миссией христианства. Эта теория возникла в конце XV века (митрополит Зосима, 1492 г.), а обосновал ее Филофей, старец псковского монастыря. В Послании к великому князю Василию III он писал: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твоё, что два Рима пали, а третий стоит, четвёртому же не бывать» (Цит. по: Памятники литературы Древней Руси: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 441).

До XIX века светское философствование в России было спорадическим явлением: отдельные философствующие умы (например, М. В. Ломоносов, Г. С. Сковорода, А. Н. Радищев), немногие их сочинения, которые не создавали философии как отдельные капли еще не создают дождя.

Собственно русская философия как явление культуры возникла и развилась лишь в XIX веке.

По сравнению с философией других стран Европы русская философия — более позднее явление. Это, в частности, связано с тем, что Россия влилась в мировое русло культуры и цивилизации позже других народов Европы. Лишь в начале XVIII в. Петр I прорубил «окно» в Европу. Потом длительное время Россия переваривала разные влияния со стороны Голландии, Германии, Франции, Англии и лишь в XIX веке она стала освобождаться от иностранного влияния и заговорила своим голосом, стала вполне самостоятельной. Появилась русская поэзия (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), проза (Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой), музыка (Глинка, Чайковский, Мусоргский, Бородин, Рахманинов, Скрябин), живопись (Репин, Суриков, В. М. Васнецов). Появились великие ученые (Н. И. Лобачевский, Д. И. Менделеев), изобретатели (П. Н. Яблочков, А. С. Попов). И это все появилось в XIX веке. Если взять конкретно философию России, то в этой области не было каких-то выдающихся успехов, как в науке или в искусстве. Почти весь XIX век русские философы говорили не своим голосом, а пытались воспроизвести разные западные философские концепции и учения, в основном, немцев. Было обожание Гегеля, увлечение Шопенгауэром...

В общем и целом русской философии дооктябрьского периода был свойственен человекоцентризм или этикоцентризм. Она обсуждала проблемы человеческого бытия, жизни и человеческих взаимоотношений, по каким нормам стоит человеку жить. В этом ее сила и слабость одновременно. Слабость в том, что ее предмет был ограничен (вспомним: философия состоит из трех частей: учения о мире; учения о человеке и обществе и учения о разных формах-методах человеческой деятельности).

Сила, ценность русской философии в том, что она строила свои идеи о человеке и обществе на основе литературной критики, анализа художественной культуры, литературы, живописи, музыки, т. е. эмпирической базой русской философии была русская художественная культура. В этом ее главное достоинство. Западная философия ориентировалась главным образом на естественные науки, а русская философия — на русскую литературу, на анализ ситуаций, образов, которые давала русская художественная культура. Достоевский и Толстой — два титана русской культуры — были философствующими писателями, и их литературные творения давали пищу для размышления многим философам.

Основные дискуссии развертывались между материалистами и идеалистами, славянофилами и западниками.

Нужно иметь в виду, что в царской России церковь не была отделена от государства и закон божий преподавался как обязательный во всех гимназиях и школах. Отказ от религии для русского человека был равносилен нравственному подвигу. Поэтому немногие отваживались открыто порвать с религией и церковью. Тем не менее, в русской философии XIX века ориентированный на естественные науки материализм стал мощным умственным движением. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Г. В. Плеханов — столпы русского материализма.

Все же поддержка государством религии и церкви сделала свое дело. В философии преобладало религиозно-идеалистическое направление, то есть количественно философов-идеалистов было гораздо больше, чем философов-материалистов. Это и П. Я. Чаадаев, и славянофилы, и В. С. Соловьев, и Н. А. Бердяев, и многие другие.

Следует упомянуть еще об одном философском направлении, весьма своеобразном, нетрадиционном. Это ***космизм*** (Н. Ф. Федоров, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский).

Таковы общие соображения, касающиеся русской философии XIX-первых десятилетий XX веков.

5.2. Западники и славянофилы

30-е — 40-е гг. XIX века были отмечены дискуссией между ***западниками и славянофилами***. Спор о путях развития России, о том, должна ли Россия развиваться как самобытная страна со своей культурой или она должна вбирать в себя достижения европейской культуры и ориентироваться на западные ценности. В этом споре обе стороны были правы и не правы.

Безусловно, Россия должна сохранять свою самобытность, не должно быть безоглядного следования общему «стандарту». Но боязнь славянофилов, что Россия потеряет свою особенность, не оправдана.

С другой стороны, западники акцентировали внимание на том, что Россия — часть человечества и в качестве таковой должна быть как все. Ясно, однако, что подражание западным образцам не во всех случаях хорошо.

Спор славянофилов и западников исторически разрешается компромиссом. Славянофилами были *И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, братья Аксаковы;* западниками — *П. Я. Чаадаев, В. Г. Белинский, А. И. Герцен.*

Расхождения между славянофилами и западниками были также во взглядах на соотношение коллективности и индивидуальности. Славянофилы представляли народ как организм, как единое существо. Для них каждый русский — частица народа и должен подчинять свои интересы и желания интересам народа. На смену славянофилам пришли затем *народники*. Славянофилы проповедовали коллективизм, общинное устройство жизни, православную идеологию, которая должна лежать в основе национальной жизни русского общества. Это в конечном счете вылилось в большевистское учение. Там тоже коллективизм ставился на первое место. Всё должно быть общим. А западники были настроены индивидуалистически. Они утверждали, что российское общество должно двигаться в направлении развития либеральных ценностей.

5.3. П. Я. Чаадаев

Первый западник — ***Петр Яковлевич Чаадаев*** (1794-1856), подверг сокрушительной критике общественный строй Рос-

сии, утверждал, что русские не внесли никакого вклада в развитие человечества. Царь объявил Чаадаева сумасшедшим и в течении 7-и лет философа наблюдал врач-психиатр. (Вспомним: с Чаадаевым дружил наш великий поэт Пушкин и не просто дружил, а посвящал ему свои стихи и писал стихотворные послания). Первое философическое письмо Чаадаева, опубликованное в 1836 г., содержало экстравагантную интерпретацию общественной жизни того времени. Чаадаев абсолютизировал ее недостатки. «Про нас, — писал он в первом философическом письме, — можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в человечество, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. И, конечно, не пройдет без следа то наставление, которое суждено нам дать, но кто знает день, когда мы найдем себя среди человечества, и кто исчислит те бедствия, которые мы испытываем до свершения наших судеб?». Он предлагал сменить православие на католицизм, полагая, что католицизм несет культуру и прогресс... Во многом Чаадаев был прав — в то время Россия ничего еще толком не дала миру. До XIX века она по-настоящему не проявила себя на мировой арене, разве лишь на военном поприще. К концу жизни Чаадаев смягчил свою позицию.

П. Я. Чаадаев сказал прекрасные слова о родине и любви к ней: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло. Теперь прежде всего мы обязаны родине истиной». «Любовь к отечеству — прекрасная вещь. Но еще более высокая — любовь к истине».

5.4. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский

Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848) оказал значительное влияние на духовную жизнь России как литературный критик, философ, атеист, западник. Его письмо к Н. В. Гоголю стало манифестом свободомыслия и знаменем

демократического движения. «Россия, — отмечал он в письме, — видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме... Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение».

Александр Иванович Герцен (1812-1870) — философ-материалист, атеист, западник. Философские сочинения — «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Его творчество интересно тем, что он очень много дал русской философии в смысле терминологии. Он ввел в философский оборот немало русских слов. А. И. Герцен сыграл значительную роль в демократическом движении России. Его периодические издания «Полярная звезда» и «Колокол» будили Россию от спячки деспотизма.

Герцен мудро понимал взаимоотношения человека и общества (см. цитату на стр. 376, п. 15.1). По его мнению, следует придерживаться средней линии между личностью и обществом, между индивидуализмом и коллективизмом. В этой связи вполне понятны его колебания между социализмом и либерализмом. С одной стороны, он считал, что диалектика Гегеля — алгебра революции, а социализм — применение логики Гегеля к политике. С другой, он во многом был либералом (в хорошем смысле слова).

Николай Гаврилович Чернышевский (1828-1889) — философ-материалист, революционный демократ, был одним из крупнейших представителей утопического социализма в России. Его роман «Что делать?» сыграл видную роль в становлении демократического движения в России.

С ранних пор он стал проявлять свое критическое отношение к существующим порядкам, выступал против самодер-

жавия. Эта революционная деятельность привела Чернышевского к аресту и ссылке на каторгу в 1862 г.

Основные произведения Чернышевского по философии следующие: "Эстетическое отношение искусства к действительности", "Очерки гоголевского периода русской литературы", "Критика философских предубеждений против общинного владения", "Антропологический принцип в философии", "Характер человеческого знания".

Отдельные высказывания Н. Г. Чернышевского:

"Прекрасное есть жизнь".

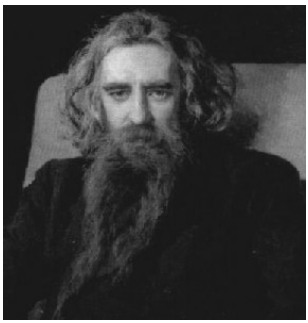
"Ошибки людей сильного ума именно тем и бывают страшны, что они делаются мыслями множества других людей".

"Прекрасное и красивое в человеке немыслимо без представления о гармоническом развитии организма и здоровья человека".

"Кто не испытывал, как возбуждает любовь все силы человека, тот не знает настоящей любви".

"Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести".

5.5. В. С. Соловьев



Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) — философ-идеалист, мистик, публицист, поэт. Он был наиболее крупным религиозным философом. Им была разработана идея **Богочеловечества**, т. е. идея, что России уготована миссия соединить Бога и человека в одном лице.

Соловьев — автор идеи «**русской идеи**». «Русская идея, — писал он, —

это признание социальной троицы, где каждый из трех главных органических единств: церковь, государство и общество, безусловно свободно не в отъединении от других, поглощая ли истребляя их, но в утверждении безусловно внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной троицы — русская идея». Он фактически реанимировал знаменитую триаду: православие, самодержавие и народность — в виде идеи: церковь, государство и общество. Соловьев был мыслителем, который утверждал примат государства, церкви и общества над отдельной личностью.

Соловьев выдвигал также идею **всеединства**. Он считал, что люди должны объединиться и тем самым избавиться от всяких конфликтов, споров. Это антиплюралистическая идея. В чем-то человечество едино, а в чем-то нет, поэтому нельзя в целом говорить о единстве или неединстве человечества.

В. С. Соловьев один из первых в России выступил за отмену смертной казни. Он внес значительный вклад в разработку проблем морали, гуманизма. Самое большое его сочинение называется «Оправдание добра».

5.6. Н. А. Бердяев

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — религиозный мыслитель, философ-мистик, экзистенциалист. Его основные сочинения: «Смысл творчества», «Философия неравенства», «О назначении человека» и т. д. Бердяев — противоречивая фигура. Он, с одной стороны, выступал против коммунизма и социализма. Осознав пагубность коллективистских идей, выдвинул свою оригинальную концепцию персонализма. По его мнению, отдельная человеческая личность (персона) — главная движущая сила истории. Ее права и свобода — то, на что должно ориентироваться государство и общество, т. е. Бердяев морально восстановил, реабилитировал индивидуализм. Во второй половине XIX века и начале XX века почти все умные люди в России были заражены идеологией коллективизма, в том числе Л.Н. Толстой, который утверждал, что объективные законы истории выше деятельности отдельного человека.

Бердяев попытался внедрить элементы западной философии (либерализма и индивидуализма) в сознание русского человека, но при участии соответствующим образом модернизированной религии.

Бердяев и Соловьев принадлежат к категории философов-иррационалистов. Они ставили интуицию выше разума. Бердяев каждую свою мысль лепил как отдельную самостоятельную вещь. Он сам признавался, что не способен рассуждать. Бердяев один из тех философов, которых большевики выслали из страны в 1922 году по указанию Ленина на знаменитом «философском пароходе».

5.7. Русский космизм

Космическую философию развивали ученые-философы: *Николай Федорович Федоров*, *Константин Эдуардович Циолковский*, *Владимир Иванович Вернадский*, *Дмитрий Иванович Чижевский* и некоторые другие. Они не были философами в чистом виде. Их заслуга в том, что они впервые поставили в повестку дня проблемы «Человек и Космос», «Человек и Вселенная», показали их злободневность. Они попытались осмыслить многие человеческие проблемы во вселенском масштабе, что следует ожидать от будущего, на каком этапе развития находится человеческая цивилизация.

К. Э. Циолковский видел будущее человечества в его распространении за пределы Земли. Он называл Землю ***колыбелью человечества***. Его самое знаменитое высказывание: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

В. И. Вернадский выдвинул идею «ноосферы». Ноосфера — в переводе означает сферу разума. Вернадский воспользовался учениями других ученых о биосфере. Биосфера — особый тип природы, в котором идет взаимодействие живого и неживого. Живые организмы погибают и накапливаются в земной коре. Взаимодействие живой природы с омертвевшей

природой, а через нее и с косной материей, дает нам биосферу.

В. И. Вернадский считал, что высшим развитием биосферы является ноосфера, когда живая природа все больше управляется разумом человека. Этим термином он хотел подчеркнуть, что влияние разума на процессы, происходящие на поверхности Земли, необыкновенно усиливаются вплоть до того, что разум начинает господствовать и возникает ответственность разума перед живой природой и самим собой. Человек все больше осознает, что его деятельность кардинально меняет облик планеты. В XIX веке такой проблемы не существовало. В наше же время ситуация изменилась коренным образом. Вернадский и другие русские философы обратили на это внимание и в этом состоит их главная заслуга.

5.8. В. И. Ленин

Владимир Ильич Ульянов (Ленин) (1970-1924) был, наверное, самым крупным продолжателем учения и «дела» К. Маркса и Ф. Энгельса. В СССР философию марксизма именовали не иначе как марксистско-ленинской. Как философ В.И. Ленин известен в основном двумя работами: «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и «Философские тетради» (1914-1915). На протяжении почти всего XX века В.И. Ленин был одним из наиболее читаемых и почитаемых авторов. Утопические идеи К. Маркса он довел до практического осуществления. Великий социальный эксперимент, начатый им и его соратниками в 1917 г., продержался до 1991 г. В. И. Ленин причудливо сочетал в себе черты утописта-романтика и практического деятеля.

Если говорить точно о том, кем был Ленин по жизни, то, наверное, его следует охарактеризовать как **философствующего политика**. Главное его дело — политика. А философией Ленин занимался постольку, поскольку она помогала ему в политической борьбе. Наиболее значимый труд по философии — «Материализм и эмпириокритицизм» — написан Лениным в 1908 г. в рамках философской дискуссии, развернувшейся в рядах его политических соратников и грозившей

перерасти в размежевание и раскол. Второй по значимости труд по философии — «Философские тетради» — представляет собой по преимуществу ряд конспектов книг Гегеля. Ленин конспектировал книги Гегеля в годы, когда он не мог заниматься активной политической деятельностью и у него было свободное время. Спрашивается, зачем он занимался изучением трудов Гегеля и других философов? Во-первых, Ленин хотел быть хорошо подкованным в философском отношении, поскольку марксистское учение, которому он следовал, зиждется на фундаменте **философских** идей. Он хотел уяснить для себя самые основы марксистской теории переустройства общества. Во-вторых, Ленин, как и Маркс, хотел написать систематический философский труд. Для этого он не только штудировал труды философов-классиков, но и писал тексты-заметки («К вопросу о диалектике», «Элементы диалектики», «План диалектики (логики) Гегеля» и др.), которые могли служить материалом для такого труда. Две причины помешали, однако Ленину осуществить свой замысел. Во-первых, Ленин был политиком до мозга костей и при всём своем интересе к философским занятиям не мог целиком отдаться им. А для написания систематического философского труда нужна была полная погруженность в стихию философствования. Во-вторых, время относительного политического безделья быстро закончилось для Ленина и после февраля 1917 года у него физически просто не было времени для занятий философией. Ленин так и остался в истории философствующим политиком. Тем не менее, философские работы Ленина представляют большой интерес и сами по себе, и как работы человека, оказавшего громадное влияние на ход исторических событий в XX веке.

Вот некоторые философские высказывания В. И. Ленина:

«…мы все-таки марксизму немножко учились, учились, как и когда можно и должно соединять противоположности (…) Ведь можно сочетать эти противоположные понятия так, что получится какофония, а можно и так, что получится симфония».

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и "опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения».

Глава 6. Философия XX века

6.1. З. Фрейд

Зигмунд Фрейд (1856-1939) — австрийский психиатр, психолог, основоположник психоанализа. С середины 90-х годов XIX века разрабатывал психоанализ — психотерапевтический метод лечения неврозов, основанный на построении свободных ассоциаций и анализе ошибочных действий и сновидений как способов проникновения в бессознательное.

Основным движущим фактором психики Фрейд считал энергию бессознательных психосексуальных влечений. Он обратил внимание европейского человечества на то, что очень много поступков человек совершает, руководствуясь не сознанием, а стихийно, поддаваясь импульсам. Он выдвинул теорию, что в этом бессознательном главную роль играет либидо (половое влечение). Впоследствии ученики и последователи Фрейда отказались от такого одностороннего подхода. Но то, что он обратил внимание европейцев на эту проблему — его заслуга.

Фрейд фактически содействовал возникновению в XX веке того феномена, который называется сексуальной революцией. Он духовно раскрепостил сознание европейцев, освободил от некоторых крайностей христианской морали.

В соответствии со своей теорией бессознательного, Фрейд разработал технику психоанализа. Психоанализ — это попытка разговаривать с человеком не как с представителем рода Homo sapiens, а как с уникальным существом. Технология психоанализа позволяет выявить в человеке такие неповторимые черты, которые подсказывают как этому человеку конкретно решить свои проблемы. Правда, здесь тоже есть некоторая абсолютизация. Человек слишком много внимания уделяет своей персоне. А ведь он — **открытая** «система», все

время взаимодействует с окружающим миром, и эти две части — внутренняя и внешняя — сбалансированы, в общем и целом равноценны. Когда много внимания уделяется внутреннему миру, то происходит сбой в психике человека, и человек вместо того, чтобы реально заниматься решением проблем, начинает искать какие-то нюансы в психическом поведении, искать и находить в себе какие-то отклонения, патологии. В этом состоит вред психологизма. Психоанализ рассматривает человека, по существу, как психопатическое существо, у которого всегда есть какие-то ненормальности, отклонения. На самом деле все отклонения находится внутри нормы (в широком смысле). А психоаналитики стараются заострить внимание человека на этих отклонениях и считают, что все проблемы, все несчастья возникают из-за того, что он отклонился от нормального.

6.2. Феноменология

Родоначальник этого направления ***Эдмунд Гуссерль*** обратил внимание на то, что очень многие наши представления вызваны искусственным путем, т. е. предложены кем-то. Гуссерль выявил разницу между естественным человеческим мышлением и теми культурными напластованиями, которые в последние века над этим мышлением возникли. Он показал, что все основные слова и понятия нашего мышления рождаются естественным путем в «глубине народного сознания». Им был предложен метод феноменологической редукции или выведения за скобки — чтобы научиться очищать естественное от шелухи искусственного.

6.3. Экзистенциализм

Экзистенциалисты утверждали примат существования над сущностью: человек не реализует свою сущность, а создает ее в процессе своего существования. Они подчеркивали уникальность и неповторимость человеческой жизни, ее несводимость к чему-либо общему — будь то сущность человека вообще или человеческое общество. Они резко противопостав-

ляли человека и общество. Они считали, что в обществе человеческая личность растворяется. Немецкое слово «Man» — неопределенное личное местоимение; общество понималось как некоторый Man — неопределенное, в котором теряется человек. Человек, оставаясь наедине с этим Man, должен оставаться нерастворимым в нем. Это тоже некоторая абсолютизация враждебных отношений человека и общества.

Наиболее яркими представителями этого философского течения были ***Мартин Хайдеггер***, ***Карл Ясперс*** — немецкие философы, а также ***Альбер Камю***, ***Габриель Марсель***, ***Жан-Поль Сартр***, ***Симона де Бовуар*** — французские философы.

Экзистенциалисты отвергли традиционную онтологическую проблематику. Для них мир как таковой не существовал. Кроме того, они отвергли проблематику, связанную с анализом человеческого познания и мышления. Они сосредоточили свое внимание на проблемах человека и человеческого существования, человеческих эмоций, воли и т. д. Их философия как раз пришлась на время после Первой мировой войны вплоть до Второй мировой войны, т. е. на самое трагическое время в истории европейского человечества. Основная направленность их мыслей была такая — судьба человека трагична, человек «заброшен в этот мир», жизнь сама по себе абсурдна. Они педалируют тему смерти, прямо-таки упиваются некрофилией. Чего стоит одно такое выражение «бытие перед лицом смерти»! Сейчас экзистенциализм — это уже история, но многие идеи этого течения были потом подхвачены постмодернистской философией.

6.4. Прагматизм

Прагматизм — специфически американское направление философской мысли. Деловая активность американцев должна была философски осмыслена и она получила это осмысление в виде прагматизма (греч. pragma — дело, действие).

«Принцип прагматизма» определяет содержание знания его практическими последствиями (Ч. Пирс). В работах ***Уильяма Джеймса*** (1842-1910) прагматизм формулируется как метод разрешения философских споров путем сравнения

«практических последствий», вытекающих из той или иной теории, и как теория истины: истина есть то, что «лучше «работает» на нас, что лучше всего подходит к каждой части жизни и нашего опыта».

6.5. Логический позитивизм и аналитическая философия

Логический позитивизм — «унифицированная наука» (М. Шлик, Р. Карнап, А. Айер, Г. Рейхенбах) — течение, занимавшееся методологическими проблемами науки 1-й половины XX века, прежде всего — роли знаково-символических средств научного мышления, отношения теоретического аппарата и эмпирического базиса науки, математизации и формализации знания и пр. Неопозитивисты утверждали: мы можем знать, что нечто истинно только в том случае, если это может быть логически и/или эмпирически продемонстрировано.

На смену логическому позитивизму пришла ***аналитическая философия*** (родоначальник *Л. Витгенштейн*, сфера распространения: англоязычные страны, Скандинавия). Она предполагает анализ, определение и как бы вычленение разных элементов или частей сложных вопросов, а также их соотнесение с разными абстрактными (метафизическими и методологическими) понятиями.

6.6. К. Поппер

Карл Поппер (1902–1994) внес заметный вклад в развитие философии науки. Он показал, что научное знание отличается от житейского знания-мнения тем, что оно основано на логике, дедуктивном выводе и на эмпирической проверке, эксперименте-наблюдении. Он выдвинул принцип, что если научную идею нельзя подвергнуть процедуре опровержения («принцип фальсифицируемости»), то она не имеет научного смысла и ее не следует рассматривать, т. е. только та идея или гипотеза является научной, которую можно опровергнуть,

иными словами, сопоставить с какими-то фактами, явлениями. Если это невозможно, то гипотеза не является научной и ее нужно отбросить.

Благодаря указанному принципу Поппер провел четкую разграничительную линию между наукой, с одной стороны, и философией, религией, с другой. Оказалось, что эти сферы смешивать нельзя. Философия отличается от науки именно тем, что философские идеи и представления не фальсифицируемы, т. е. не научны. В XX веке все большое число философов стало осознавать, что философия — не наука, а особый тип культуры.

Поппер также выдвинул концепцию *критического рационализма*. Она изложена в его книге «Открытое общество и его враги». Он считал, что рационализм должен быть критическим, т. е. разум сам себя должен критиковать. И в той степени, насколько разум самокритичен, он имеет право на какие-то утверждения.

Книга Поппера «Открытое общество и его враги» стала библией современного политического мышления. Она посвящена критике тоталитаризма и обоснованию идеи открытого общества.

6.7. Психоделический мистицизм Карлоса Кастанеды.

Еще будучи студентом ***Кастанеда*** (1929–1998 гг.) встретился в 1960 г. со стариком-индейцем и был покорен его личностью. (См. *“Учение Дона Хуана”, «Путешествие в Икстлан»*).

Философия Кастанеды — это результат использования психотропных средств, точнее психоделиков. Это, по существу, психоделическая философия, философия измененного сознания, искусственно вызываемой психопатологии.

Кастанеда продолжает традицию мистических, т. е. крайне иррационалистических учений. Он практически отрицает весь мир культуры и восстанавливает, по существу, мироощущение первобытного человека. Ее, пожалуй, можно назвать фи-

лософией первобытного человека, голого человека, который ничего не имеет кроме своего тела, ничего не знает кроме своих непосредственных ощущений-восприятий, ничего не хочет и не умеет делать кроме элементарных поведенческих действий (ходить, есть, пить, одеваться, умываться и т. п.), да изготовления и приема психоделических средств.

Современный человек — восприемник всей духовной и материальной культуры человечества, ее многотысячелетней истории. Для Кастанеды же ничего не значат ни Бетховен, ни Рахманинов, ни Аристотель, ни Гегель, ни Рафаэль, ни Рембрандт, ни Шекспир, ни Толстой, ни Эйнштейн, ни Дарвин, ни Петр I, ни Франклин Рузвельт, ни Эдисон, ни Форд. Кастанеде не нужна наука, не нужно знание, полученное учеными, не нужны открытые ими законы природы, не нужны изобретения человеческого гения, улучшающие и совершенствующие человеческую жизнь, не нужны ни серьезная, ни легкая, ни классическая, ни современная музыка, не нужна восточная культура единоборств-тела, не нужна индийская йога, не нужно освоение космоса, не нужны компьютеры, не нужно книгопечатание, не нужны радио, телевидение, не нужны автомобили, самолеты и т. п.

Мир кастанедовского человека — весьма упрощенный, примитивизированный, бедный — сосредоточен на чисто природных взаимоотношениях человека и среды. Пожалуй, он даже проще мира первобытного человека. Ведь последний по-своему много знал и умел: как добывать и поддерживать огонь, охотиться за животными, ловить рыбу, изготавливать орудия труда, рожать и воспитывать детей.

Философию Кастанеды можно еще охарактеризовать как психоделический мистицизм. Мир для Кастанеды — тайна, а всё, что делает человек — “бесконечная глупость” (“воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости” — К. Кастанеда. Избр. соч., М., 1994. С. 395).

Кастанеда на новом витке исторической спирали повторяет древнегреческих киников с их стремлением к опрощению, назад к природе, к животному состоянию.

6.8. Постмодернизм

Постмодернизм — новый вариант умеренного иррационализма, весьма размытое, широкое направление мысли. Он причудливо соединяет линию философии жизни-экзистенциализма и фрейдизм. К адептам постмодернизма можно отнести таких философов как *Ж.-Ф. Лиотар*, Ж. *Бодрийяр*, *Ж. Делёз*, *Ж. Деррида*, *М. Фуко*.

Постмодернизм явно односторонен, поскольку, во-первых, выводит за скобки всю предшествующую философию, нарушая тем самым принцип преемственности, и, во-вторых, опирается исключительно на художественную культуру и некоторые гуманитарные дисциплины (психологию, психиатрию, лингвистику). Он игнорирует методологию, наработанную естественными науками, математикой и тем направлением философии, который ориентируется на указанные науки и вообще на науку. Постмодернисты явно не любят точное знание, игнорируют достижения научно-технической мысли.

Постмодернизм — глупая претензия на исключительность. Называя всё, что было до него «модернизмом», он противопоставляет себя этому всему. Чисто подростковый подход: отрицать, крушить, ломать всё, что было до тебя или сделано не тобой, другими. Это такая же глупость, как если бы человек решил отказаться от сердца, легких, головы на том основании, что это всё — старое, тривиальное, надоевшее, что это из прошлого, «от предков», не ново и т. д. и т. п.

Постмодернисты, чураясь-избегая всяких канонов, стандартов, монизма, единства, абсолютизма и т. п., бросаются в другую крайность, а именно, в крайность плюрализма, хаоса, анормального, релятивизма[1].

Современный философ должен быть универсальным мыс-

[1] В. Т. Третьяков, журналист, в программе «Что делать?» (телеканал «Культура», 24.05.2009) привел такую язвительную байку на тему о безбрежном-беспринципном плюрализме постмодернизма: «Постмодернист — это тот актер, который сегодня играет преступника в криминальном телесериале, а завтра, выступая по другому телеканалу, говорит, что-то у нас много преступности и мои дети не могут спокойно ходить по улице».

лителем и учитывать в своих философских построениях по возможности весь человеческий опыт.

6.9. Философия науки

Начиная с О. Конта философия науки становилась и развивалась сначала в форме позитивизма, эмпириокритицизма, логического позитивизма, затем в форме критического рационализма К. Поппера и, наконец, во второй половине XX века приобрела черты самостоятельной философской дисциплины. Появились концепции Т. Куна (теория парадигм и научных революций), И. Лакатоса (методология исследовательских программ), П. Фейерабенда (методологический плюрализм и анархизм) и др.

6.10. Современная философская мысль

Современная философская мысль имеет следующие особенности:

1. Философы в большинстве своем, наконец, осознали, что философия — особый тип культуры, отличный от науки, искусства, религии-теологии. От попыток сделать философию наукой или даже преодолеть-элиминировать ее (в XIX — 1-й половине XX века) они пришли к пониманию ее автономности и значимости для человека. Философия профессионализировалась, появилась целая когорта людей, которые с юношеских лет и до конца жизни занимаются исключительно философией, для которых философия — профессия, а не любительство или сопутствующее дело.

2. Философия необыкновенно разрослась вширь, проникла во все сферы человеческой деятельности, возникли специализированные философские направления (философия науки, искусства, религии, практики, экономики, политики и т. д.).

3. Общество стало с бóльшим уважением относиться к философии и философам.

4. Философия возвращается в практику; становление практической философии.

Сейчас Россия освобождается от пут огосударствленной марксистской философии. Впервые возникла ситуация свободного развития философии. Появились десятки, сотни философов с замечательными идеями. Можно ожидать расцвет философской мысли.

Раздел третий. Философская картина мира

Глава 7. Философское понимание мира

7.1. Картины мира

Как я уже говорил вначале, философия состоит из трех частей — учения о мире, его категориальной структуре, учения о человеке-обществе и учения о методах и формах человеческой деятельности. Эти части философии в целом охватывают всю философскую проблематику.

Рассмотрим проблематику первой части философии, а именно, учение о мире в целом. Иными словами, попробуем нарисовать философскую картину мира.

Выражение “картина мира” появилось сравнительно недавно; оно стало популярным лишь в XX веке. Это выражение означает, что возможен общий взгляд на мир, что человек пытается осмыслить мир в целом и нарисовать в своем сознании некую картину, отображающую мир.

Люди всегда задавались вопросом, что такое мир, и что от него ждать? Одна из наиболее ранних картин мира — **библейская**. В первой книге Библии (точнее “Ветхого завета”) «Бытие» нарисована картина того, как возникает мир (бытие). Согласно этой картине мир создан Богом, неким всемогущим существом, который, однако, думает, говорит и действует как человек. Бог, по Библии, существовал еще до возникновения мира. Он создал мир за шесть дней. Сначала сотворил небо и землю, затем свет, затем сушу и воду, затем растительный и

животный миры. На шестой день он сотворил человека. Вот так схематично изображается сотворение мира. С точки зрения современной науки, эта картина происхождения мира не выдерживает никакой критики. За шесть дней создать все многообразие окружающего мира невозможно. Некоторые богословы предлагают рассматривать эти шесть дней не как календарные дни, а как очень большие исторические периоды. Однако, вся фразеология первой книги Библии указывает на дни творения в суточном исчислении («И был вечер, и было утро: день шестой». Бог, как какой-то скульптор, на шестой день слепил человека и вдохнул в него жизнь («И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою»). Имя первого человека «Адам» происходит от слова «адамах», что означает земля-мать, сырая красная почва, глина. Первую женщину по имени “Ева” Бог создал якобы из ребра Адама. Указывалось также, что Бог на седьмой день отдыхал. Ясно, что речь идет не о каких-то больших исторических периодах, а о днях. Эта библейская картина мира сохранилась до наших дней, и верующие, хотят они этого или нет, должны ее признавать. Было время, когда верующие совершенно серьезно считали, что у женщин должно быть на одно ребро больше, чем у мужчин. Их предположение не подтвердилось, так что, с этой точки зрения, невозможно представить, чтобы женщина была создана из ребра мужчины.

Библейская картина мира — не единственная религиозная картина мира. Развитая картина мира имеется, например, в индуистской религии.

В последние столетия сформировалась **научная** картина мира. Она основана на данных астрономии, физики, химии, биологии и выступает обычно как антитеза архаической (прежде всего, религиозной) картине мира.

Ученые в результате своих исследований выяснили, что представляет собой окружающий мир. В частности, они определили, что наша Земля существует 4,54 миллиардов лет, а возраст нашей части вселенной составляет 13,75 миллиардов лет, что границы Метагалактики отстоят от нас где-то на расстоянии 15-18 миллиардов световых лет. Световой год — это

земной год, за который пробегает световой луч (его скорость равна 300 тысяч километров в секунду).

Наше Солнце, вокруг которого вращается Земля и еще 8 планет, движется по эллипсу в Галактике (мы наблюдаем ее на ночном небе в виде Млечного пути). Галактика насчитывает 100 миллиардов звезд, подобных Солнцу. В центре Галактики находится так называемая черная дыра, которая и заставляет двигаться вокруг себя 100 миллиардов звезд. Эта черная дыра больше Солнца по массе в миллионы раз.

Метагалактика состоит примерно из 50 миллиардов таких же звездных систем как наша Галактика.

Физики установили, что в основе всех процессов, взаимодействий нашей части вселенной лежат 4 фундаментальных взаимодействия: электромагнитное, гравитационное, сильное (ядерное), слабое. Они также установили, что вещество состоит из молекул и атомов, атомы — из элементарных частиц: электронов, протонов и нейтронов, а те, в свою очередь, состоят из кварков, субэлементарных частиц с дробным электрическим зарядом.

Научная картина мира опирается на всю совокупность наблюдений, экспериментов, расчетов, которые ученые проделали на протяжении последних 2000-2500 лет. Она основана также на познании законов природы: физических, химических, биологических. Совокупность всех этих научных знаний дает в общем и целом *научную картину мира*.

Наука не дает, однако, полного, исчерпывающего представления о мире. Нет таких ученых, которые бы занимались миром в целом. Разные науки дают только мозаичную, фрагментарную картину мира. **По-настоящему о мире в целом могут говорить только философы.** Но философы — не ученые, они не исследуют природу, а лишь осмысляют то, что другие люди выработали как знания.

Если ученые осмысляют мир с помощью открытий, т. е. с помощью знаний законов природы и знаний о явлениях, то философы осмысляют мир через всю совокупность научных знаний, через весь человеческий и личный опыт. Все эти знания они пропускают через свой разум. Главный инструмент философского осмысления мира — фундаментальные фило-

софские понятия, категории. Речь идет о таких понятиях как бытие, материя, движение, пространство, время, качество, количество, возможность, действительность, причина, следствие, необходимость, случайность, тождество, противоположность, противоречие... Насчитывается более ста философских категорий.

Разные философы рисуют разные категориальные картины мира. Одни философы берут какую-то одну категорию за основу. Они понимают мир как некоторое монархическое государство, управляемое одной категорией-монархом, или как своеобразную матрешку, которая содержит внутри себя множество маленьких матрешек, т. е. одна большая категория последовательно включает в себя меньшие категории. Так, Спиноза брал за основу своей картины мира категорию субстанции и путем последовательного деления этой категории на множество составляющих (атрибутов и модусов) рисовал категориальную картину мира. Субстанция Спинозы имела два атрибута — мышление и протяжение, а они, в свою очередь, имели разные модусы (видоизменения). У протяжения Спиноза предполагал такие модусы как пространственное движение, время, необходимость, случайность, закономерность...

Наш В. С. Соловьев выдвигал в качестве главной категории, объясняющей мир, категорию всеединства.

Этих философов называют монистами — от слова монизм (гр. monos — один).

Другие философы представляли мир как некоторую совокупность, республику категорий. Они не выделяли какую-то одну категорию в качестве главной. Их называли плюралистами (от лат. pluralis — множественный).

Что такое категория? Самое общее определение таково: категория есть разряд, класс чего-либо. Если говорить о философских категориях, то это разряд, класс определенного рода понятий. Они отражают определенные категориальные срезы-стороны реальности, которые выступают как объективные категориальные определения мира. Например, когда мир рассматривается в пространстве и времени, то этим он определяется в двух категориальных срезах: в виде пространства и времени. Когда определяем что-то как действительное или

возможное, то рассматриваем мир в разрезе действительности и возможности. Если теперь возьмем *порядок* и *хаос*, то с помощью этих понятий осмысляем мир либо как упорядоченный, либо как хаотический, либо как то и другое вместе. Чего больше в мире: порядка или хаоса? — фундаментальная философская проблема. Согласно некоторым мифологическим представлениям, вначале был хаос, из которого возникает порядок, т. е. мир как бы движется от хаоса к порядку. (Рядом — репродукция картины И. К. Айвазовского «Хаос. Сотворение мира»).

Объективная основа категориальной картины мира — естественная система объективных категориальных определений мира (категориальная структура мира). Можно строить разные версии этой естественной системы. Категориальные определения — не просто некоторая совокупность, множество определений; они расположены в определенном порядке. Например, *пространство* рассматривается в связке-блоке с *временем* и *движением*. Категориальная структура мира обусловливает-порождает категориальный строй мышления (категориальную структуру, категориальную логику мышления). Категориальный строй мышления отражает категориальную структуру мира и отражает в той мере, в какой человек способен решать практические задачи. Т. е. о полном соответствии категориального строя мышления и категориальной структуры мира говорить нельзя. Категориальный строй возникает в мозгу человека очень сложным путем: и на основе биологического развития-становления, и на основе исторического, и на основе индивидуального развития-становления.

Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий. Об этом впервые со всей определенностью сказал И. Кант.

Наше категориальное мышление выражается прежде всего в виде вопросов, местоимений и местоименных наречий. Вопросы **кто? что?** обозначают предмет, вещь, тело, организм, живое существо. **Кто** означает одушевленный предмет, **что** — неодушевленный. Это первое категориальное различие между живым и неживым. Вопрос **какой** — какого качества, **сколько** — указывает на количество, **где** — пространство, **когда** — момент времени, **куда** — движение. Благодаря этим вопросам человек мыслит категориально. Категориальный строй мышления формируется еще в детском возрасте, в основном, от двух до пяти лет. В виде понятий категории осмысляются на более поздней ступени развития-становления человека.

Все люди имеют в голове ту или иную картину мира, но одни осознают это, а другие нет. И те, кто осознают, занимают ту или иную мировоззренческую позицию, в частности, причисляют себя к материалистам, идеалистам или как-то иначе характеризуют свои взгляды.

7.2. Бытие, существование

Среди разных философских понятий особым вниманием пользуется понятие бытия (существования).

Бытие — слово, имеющее много значений и в силу этого весьма неопределенное по содержанию. Его либо не нужно употреблять вообще (как философское понятие, категорию), либо определить, конкретизировать в системе категорий.

Вот некоторые значения этого слова.

1. ***Парменид***: «бытие есть, а небытия нет».

2. Проблема бытия мира. Мир существовал от века или он создан, сотворен кем-то (Богом и т. п.)? (Первая книга Библии, в которой повествуется о сотворении мира Богом, имеет название «Бытие»).

3. ***Декарт*** отождествлял бытие и мышление (“мыслю, следовательно, существую”).

4. С другой стороны, есть традиция противопоставления бытия и мышления (сознания). Бытие считается объективным, реальным, материальным, а мышление — чем-то идеальным, присущим только сознанию человека. (***К. Маркс*** говорил, например: бытие определя-

ет мышление [сознание]. Или: мышление, сознание — отражение бытия. Бытие первично, мышление, сознание вторично.)

Говорят еще: материальное бытие, идеальное бытие.

5. Существует также ***гегелевское*** представление о тождестве бытия и мышления, о том, что наше мышление более или менее соответствует бытию, а бытие, как таковое, это нечто, фигурирующее в нашем мышлении в виде понятий. У Гегеля это все настолько взаимосвязано — бытие и мышление, что трудно разобрать, что у него первично — мышление или бытие. Но как философ-идеалист, он безусловно склонялся к пониманию мышления как чего-то более достоверного, чем бытие. Наши понятия наиболее реальны, а в нашей чувственной жизни мы не те, не по истине. Гегель, таким образом, склонял чашу весов в сторону духовного, мышления.

У Гегеля «бытие» также рассматривается как первая ступень развития логической идеи («бытие-сущность-понятие»). Отсюда специфически гегелевские понятия: «чистое бытие», «наличное бытие», «определенное бытие», «бытие-в-себе», «бытие-для-себя», «бытие-для-другого» и т. д. По Гегелю бытие определяется в виде качества, количества и меры (последние — ступени развития бытия). Сущность — истина бытия, а понятие — истина сущности.

6. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?»

У Шекспира Гамлет говорит:

Быть иль не быть — вот в чем вопрос
Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивленье
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними?

Это не просто вопрос о жизни или смерти. Это вопрос о том, чтобы жить достойно, быть хозяином судьбы и т. д. и т. п. Для Гамлета быть — не просто существовать, а жить полнокровно и достойно.

7. В философии ***экзистенциализма*** бытие понимается в этом шекспировском-гамлетовском смысле, как сугубо человеческое существование, и когда употребляется выражение «смысл бытия», то имеется ввиду смысл человеческой жизни, человеческого существования. Сам термин «экзистенциализм» происходит от слова «существование», а существование и бытие часто признаются как тождественные понятия.

В экзистенциализме бытие понимается ограниченно, как субъективное-человеческое существование, и утверждается, что о бытии мира как такового, независимого от человека, говорить нельзя.

В XX веке все старые философские проблемы некоторые философы постарались просто отбросить, и всю онтологическую проблематику, которой занимались философы вплоть до Гегеля, считали псевдопроблематикой. Однако бытие нельзя рассматривать только в плане человеческого существования, мир существует все-таки объективно, и так или иначе он определен, как-то структурирован, в том числе и категориально, поэтому следует говорить и о нем, а не только о человеке и обществе.

8. В экзистенциализме тема бытия звучала часто и в такой трактовке: «***жизнь — бытие — смерть***». М. Хайдеггер часто употреблял такое выражение: «Бытие перед лицом смерти». Утверждалось, что смысл человеческого бытия заключается в том, что он — человек — переживает границы этого бытия, переживает тот факт, что человек когда-то умрет. Целостность человеческого бытия неизбежно связана с представлением о смерти, и философы-экзистенциалисты договорились до того, что посчитали тему смерти главной темой философии, что человек всегда, когда хочет затронуть основные стороны своего существования, то он всегда наталкивается на проблему смерти. Такое представление философов-экзистенциалистов родилось из трагической ситуации, которая была в мире в первой половине XX века (две мировые войны и гибель десятков миллионов людей). У многих философов сформировалось трагическое ощущение жизни, возник негативный фон сознания.

Французские философы-экзистенциалисты отмечали такой феномен, как хрупкость человеческой жизни, бытия. Человек одинок в этом мире, заброшен, постоянно переживает страх смерти. Здесь налицо тот самый негативный фон сознания, представлений философов-экзистенциалистов о человеческом бытии.

9. В экзистенциализме еще проводятся различия между ***подлинным и неподлинным бытием***. Хайдеггер утверждал, что неподлинное бытие — это бытие в обществе, а общество он рассматривал в смысле неопределенно-личного местоимения Man. Man — нечто неопределенное, диффузно-обезличенное. Бытие в обществе — неподлинное, а бытие перед лицом смерти — подлинное. В этом противопоставлении подлинного и неподлинного бытия он отразил реальную проблему человеческой индивидуальности и степени растворения человека в обществе. Действительно, общество — это общение, т. е. совокупность людей, как-то общающихся друг с другом. Когда слишком много общения, человек теряет себя, растворяется в обществе. Для человека важно соблюдение баланса между общением и уединением. Тьма философов, которые смешивали-путали уединение с одиночеством. На самом деле уединение «дру-

жит» с общением. Хайдеггер высветил эту реальную проблему, когда человек слишком много находится в обществе, то он теряет себя как личность, как индивидуальность. Сущность тоталитарной идеологии заключается как раз в этом. В коллективе человек может потерять себя. Хайдеггер подчеркивал сторону индивидуального бытия. Экзистенциалисты очень часто рассматривали тему одиночества в разных ситуациях. Но у них это все выглядит контрастно — либо ты включен в общество, либо выключен из него, тогда ты одинок. В действительности же всегда существует определенный баланс между общением и уединением. Внутренний мир человека, его индивидуальность сопротивляются общению, обществу.

10. ***Эрих Фромм*** — неофрейдист — попытался соединить фрейдизм с марксизмом, противопоставив «быть» и «иметь» (бытие имению). В книге «***Быть или иметь***» он утверждает, что для человека важнее быть, а не иметь. В марксизме частная собственность признана главным врагом человечества, а *иметь*, значит иметь что-то, какую-то собственность. Эта тема трактуется самым разнообразным образом не только в философских трактатах, но и в искусстве, литературе, кино.

Часто можно встретить противопоставление обладания чем-либо и жизни-существования, что последнее важнее первого. Безусловно, определенный резон в таком противопоставлении есть. Мы порой остро-глубоко переживаем обладание или необладание чем-либо. И ставим ***это*** переживание на одну доску с жизнью в целом. Фромм как раз и утверждает, что обладание менее значимо, чем сама человеческая жизнь. Это в общем-то правильное направление мысли. В самом деле, если зацикливаться на теме обладания-необладания, то можно прийти к такой ситуации, когда жизнь теряет смысл, если мы не обладаем чем-то (состоянием, любимым человеком, рукой-ногой).

С другой стороны, если человек *ничем* не обладает, то он как бы аннигилирует, превращается в ничто. Под обладанием здесь имеется в виду всё — знание, культура, материальные блага, общение. Такого необладания и представить трудно. **Человек всегда чем-то обладает**. Поэтому дилемма — «быть или иметь», с моей точки зрения, — псевдодилемма и лучше от нее отказаться.

11. Еще одно значение слова «бытие» — в таком высказывании: «***чтобы жить лучше, нужно быть лучше***». Это высказывание очень интересно. В нем разводятся понятия жизни и бытия. «Быть лучше — жить лучше» — здесь интересные оттенки понимания слова «жизнь», с одной стороны, и слова «бытие», с другой.

12. Другая проблема, которая поднимается философами, связанная с понятием бытия — ***быть или казаться***. Еще епископ Беркли говорил: «Существовать, значит быть воспринимаемым». Это тоже интересная проблема.

13. ***Бытие и сущее***. В.С. Соловьев: «Сущее есть являющееся, а бытие есть явление».

14. ***Бытие*** сопоставляется с ***временем***. Два примера:

А.С. Пушкин: Летят за днями дни,
и каждый час уносит частичку бытия.

М. Хайдеггер. Основное сочинение «Бытие и время».

15. Нужно также иметь в виду, что в русском (да и не только в русском) языке понятия «***жизнь***» и «***существование***» разводятся. Говорят, например: «жить, а не существовать!» («Истинное назначение человека — жить, а не существовать» — писал Джек Лондон). Получается, что существование и жизнь — разные вещи. И в самом деле, в русском языке слово «существование» при сопоставлении его со словом «жизнь» обладает гораздо более ограниченным смыслом. Так, говорить о смысле существования просто нелепо. Нет никакого смысла в существовании. Понимать человеческую жизнь как существование нельзя. Это не по-русски. Важно четко определять, в каком значении употребляются те или иные слова, понятия в естественном языке. Нельзя механически переносить слова из других языков в наш язык и понимать их так же, как в этих других. В русском языке слово «существование» (применительно к человеческому бытию) имеет гораздо более низкое значение, чем слово «жизнь». Если же брать слово «существование» в космическом, вселенском значении, как существование Вселенной, вещей, тел, всего, что существует, то, безусловно, это слово обозначает гораздо больше объектов, чем слово «жизнь». Жизнь означает только жизнь живого.

Правда, в биологии с XIX века употребляют выражение «борьба за существование». В этом случае «существование» выступает как синоним слова «жизнь» (в биологическом смысле), точнее синоним выражений «дление жизни во времени», «поддержание жизни».

Жизнь есть деятельность, а существование есть только сохранение чего-либо в течение какого-то времени, продолжительный период сохранения этого чего-либо в относительно неизменном виде. Поэтому чаще всего с существованием связывают существование неорганических тел и частиц.

В приравнивании жизни к существованию есть опасность редукционизма, сведения высшего к низшему (сложного к простому).

16. Проблема ***бытия и небытия (ничто)***. Переход от небытия к бытию означает возникновение чего-либо, а обратный переход означает уничтожение. Возникновение и уничтожение — фундаментальные понятия. В этом смысле различие слов «бытие» и «небытие» имеет определенный смысл. Сами слова «ничто» или «небытие» тоже имеют разные оттенки смысла. Ничто — нечто такое, что исключает бытие чего-либо вообще. Этот термин означает некоторую противоположность бытию (хотя **ничто** обычно сопоставляется не с **бытием**, а с **нечто**). А небытие — что-то более мягкое. Небытие какой-то вещи, чего-либо — это тоже философская проблема — как различать эти понятия.

17. Целый комплекс проблем, связанных с бытием, — это различные доказательства бытия Бога. Для религиозно настроенных интеллектуалов это гигантская проблема. Это ведь не просто бытие кого-то, кто существует вне нас, а и человеческое бытие, поскольку человек, по религиозным представлениям, создан Богом и зависит от него. Как утверждается в Евангелии: «Ни один волос не упадет с головы человека без божьего на то соизволения». Поэтому проблема доказательства бытия Бога касается непосредственно и человеческой судьбы.

18. В марксистской философии понятие бытия фигурировало еще в таком контексте — говорили о ***формах бытия мира*** или по-другому о ***формах существования материи***. К формам бытия мира относили пространство, время, движение. Мир, согласно марксистским представлениям — некоторая система форм бытия.

Выражение «форма бытия» означает почти то же самое, что и выражение «категориальное определение мира» (см. стр. 126).

В настоящей работе вместо понятия бытия используются другие слова-понятия: жизни, действительности, материи, реальности. Само оно используется исключительно как вспомогательное понятие-слово — подобно словам «есть, существует».

7.3. Духовное и материальное (идеальное и реальное)

Вопрос о соотношении материального и духовного, реального и идеального связан с исследованием человеческих форм деятельности — познания, мышления, практики, труда, психической и физической форм деятельности (см. ниже, стр.

486). Именно в контексте человеческой деятельности эти понятия имеют смысл. А в контексте онтологическом, бытийном, космическом-вселенском они не имеют смысла. Ведь идеальное не существует вне человека. А, следовательно, нет проблемы космического-вселенского сопоставления идеального и материального. Проблема первичности материального и вторичности идеального — надуманная проблема, потому что мы как бы изолируем идеальное от человека и ставим вопрос, что первично — идеальное или материальное? Идеальное — это наше сознание, психика, мышление и отрывать идеальное от человека, рассматривать его вне человека, субстанциализировать его просто недопустимо.

7.4. Источники построения категориальной картины мира

Мир в некотором роде упорядочен; эта упорядоченность выражается в определенной категориальной структуре или, по-другому, в естественной системе категориальных определений мира. Наше мышление отражает категориальную структуру мира в виде стихийно сложившейся системы категорий мышления, категориального строя. Философы осмысляют, исследуют обе эти системы категориальных определений, вырабатывают философские понятия, категории, которые более или менее адекватно отражают и естественную систему категориальных определений мира и категориальный строй мышления.

На рис. 3 (см. ниже) наглядно показаны связь и различие трех типов категориальных определений.

Первичными категориальными определениями являются определения самого мира, его самоопределения, т. е. естественная система категориальных определений, которая (как и мир в целом) существует независимо от человека и человечества. Вторичными категориальными определениями являются категории мышления, точнее стихийно сложившаяся система категорий мышления (категориальный строй мышления) — см. об этом выше п. 17.8, стр. 536-549.

Рис. 3. Типы категориальных определений (источники построения категориальной картины мира)

Третичными категориальными определениями являются философские категории и понятия. Аристотель, Гегель и другие философы пытались, в сущности, *открыть* естественные системы категорий мышления и категориальных определений мира. Эти попытки шаг за шагом приближали человечество к разгадке указанных систем.

Учитывая, что категориальная логика является в конечном счете отражением естественной системы категориальных оп-

ределений мира, ее с полным правом можно назвать *категориальной картиной мира*.

Итак, источником категорий мышления являются объективные категориальные определения мира, образующие естественную систему или, по-другому, категориальную структуру мира. Насколько категориальная логика мышления повторяет категориальную структуру мира — это уже другой вопрос. Для нас важно лишь то, что первая более или менее соответствует второй. В противном случае, мы и шагу не могли бы сделать в этом мире.

7.5. Категориальная структура мира

Вопрос о естественной системе категориальных определений мира — не только вопрос об источнике категориальной логики мышления. Это также и вопрос о том, что такое мир, как он существует сам по себе, как он представляется нам. Является ли он Вселенной астронома, космолога, физической реальностью, сотворенным бытием божиим или просто средой обитания человека. Можно ли вообще говорить о мире в целом, как целом? По крайней мере, дважды естественный язык подсказывает нам, что можно. Во-первых, через слово «мир», во-вторых, через слово «мировоззрение». Но можно ли представлять мир в виде конкретной системы материальных тел наподобие атома, планетной системы, галактики или метагалактики? Мир, безусловно, является системой, но не конкретных частиц, тел и не понятий, категорий, а того, что отражают понятия, категории. Ведь всякая конкретная система ограничена в пространстве и времени. А мир, по выражению Гегеля, нигде не заколочен досками. Вряд ли мир можно представлять и в виде системы духовных сущностей, гипостазированных понятий. Здесь тоже ограниченность, теперь уже субъективного порядка. Человек-субъект, проецируя свой духовный мир на мир реальный, тем самым ставит себе пределы в осмыслении мира *как такового*.

Мир — естественная «система» объективных, независимых от нас определений, которые отражаются в нашем мышлении в виде понятий и категорий. (В скобках замечу, слово

«система» по отношению к миру в целом употребляется с известной долей условности. Это слово выражает лишь одну из категорий, а она в свою очередь отражает лишь какое-то одно определение мира. В строгом смысле о мире в целом нельзя говорить, что он системен или бессистемен, упорядочен или неупорядочен, целостен, един или нецелостен, неедин. Все эти определения являются частными и лишь в своей совокупности могут характеризовать мир в целом).

7.6. О категориальном детерминизме

В связи с рассмотренной выше проблемой естественно возникает вопрос о категориальном детерминизме. Из всего анализа проблемы следует, что объективная система категориальных определений мира — это, по существу, система детерминаций или детерминации, обусловленности.

Вопрос, однако, не так прост. Обычно с детерминизмом связывают концепцию, признающую объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества[1]. Между тем такое понимание детерминизма недалеко ушло от механистического, лапласовского детерминизма. Детерминизм нельзя связывать только с тремя категориями: необходимостью, закономерностью и причинностью. Кто так делает, тот неизбежно скатывается на позиции лапласовского[2] детерминизма, т. е. отрицания или, в лучшем случае, полупризнания объективного существования случайности.

В самом деле, если мы связываем детерминизм только с объективным существованием необходимости, закономерности, то к какой концепции относить тогда признание объективного существования случайности? Ясно, что к индетерминизму. Ведь случайность противоположна необходимости. Если даже мы будем относить случайность к разновидности причинной обусловленности, то и в этом случае мы по-настоящему не избавимся от представления о ее чуждости де-

[1] См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983, С. 149.
[2] *Пьер Симон Лаплас* — французский ученый-математик. Он полагал, что устройство мира подобно часовому механизму.

терминизму. Обычное понятие детерминизма, связывающее его с указанной тройкой категорий, акцентирует внимание на необходимости, закономерности, т. е. в нем нет уравновешенного представления о случайности и необходимости как полюсах взаимозависимости. Как бы мы ни трактовали причинность, все равно упор в таком понятии детерминизма делается именно на необходимость, закономерность. Вспомним, что и причинная связь часто трактуется как необходимая, т. е. опять же в координатах вышеуказанных категорий.

Одностороннее понимание детерминизма было характерно для многих ученых недавнего прошлого. Например, для А. Эйнштейна. Напомню его спор с представителями копенгагенской школы физиков (Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером и др.) о том, какую роль играет беспорядок, случайность, неопределенность в физических процессах. Защищая позицию физического детерминизма, он утверждал, что все упорядочено («бог не играет в кости»). Копенгагенцы же по главе с Н. Бором отстаивали позицию физического индетерминизма, т. е. считали, что «бог играет в кости», что неопределенность, случайность, некоторая неупорядоченность в физических процессах в принципе неустранима. (На это указывало соотношение неопределенностей В. Гейзенберга).

По сути говоря, термины «детерминизм», «детерминация» не содержат специфического указания на категории необходимости, закономерности, причинности. В переводе с латинского *детерминировать* означает *определять*, *обусловливать*. Спрашивается, разве другие категориальные определения не определяют, не обусловливают? Например, качество и количество. Разве они не определяют предмет, не делают предмет таким, каков он есть? Или движение не подчиняет своей двигательной самости все существующее и происходящее в мире? А противоречие? А материя? Разве последняя не определяет реальные объекты, не «делает» их отличными от понятий об этих объектах и вообще от наших фантазий? Разве действительность, рассматриваемая в ее противоположности возможности и недействительности, не определяет реальное, действительное существование явлений, законов? Когда мы говорим о действительности или недействительности чего-либо, то разве не определяем этим что-либо? А возможность? Разве она не указывает на границы возможного, на его отличие от

невозможного? А случайность? Разве она не «участвует» в детерминации происходящего в мире? Случайность указывает на то, что возможны события, выпадающие из необходимого ряда.

Категории мышления являются отражениями объективных категориальных определений мира. В точном смысле слова определения мира и есть объективные детерминации. Среди них и случайность — как объективное категориальное определение мира — участвует в детерминации происходящего наравне с необходимостью.

Таким образом, категориальный детерминизм в самом глубоком смысле означает признание детерминации всего существующего и происходящего естественной системой категориальных определений мира. Все объективные категориальные определения участвуют в детерминации, детерминируют, определяют, обусловливают. Только благодаря такому пониманию детерминизма мы преодолеем его сближение или отождествление с лапласовским детерминизмом и выбьем почву из-под индетерминистских спекуляций по поводу случайности, свободы воли.

7.7. Категориальная картина мира

Вопрос о картине мира весьма не прост. Все мы интуитивно понимаем, что означает выражение «научная картина мира». Оно родилось скорее всего как антитеза религиозному пониманию мира, религиозной картине мира. Но когда речь заходит о картине мира в философском смысле, то возникают всякого рода вопросы. Главный вопрос такой: существует ли особая философская картина мира, отличная от научной? Положительное решение вопроса напрашивается как будто само собой. Если философия — мировоззрение (буквально «воззрение на мир»), с этим согласны многие, то она не может не быть картиной мира. И если философия отлична от науки, то и философская картина мира не может не отличаться от научной.

В чем же специфика философской картины мира? Научная картина мира изначально является мозаичной, фрагментарной,

так как она опирается на совокупность данных, получаемых в разных науках в результате наблюдений и экспериментов. Нет одной, синтетической науки, которая бы исследовала и объясняла мир в целом (как целое). Ведь наблюдения и эксперименты по самому своему существу касаются лишь отдельных частей или сторон мира. Мир в целом в принципе ненаблюдаем и с ним как целым нельзя проводить эксперименты.

Философия, в отличие от науки, не связана с какими-то отдельными наблюдениями и экспериментами. Она опирается на весь опыт человека, который неизмеримо богаче каких-либо наблюдений, экспериментов и связанных с ними гипотез, теорий. Философская картина мира использует язык категорий, — фундаментальных понятий, в которых сконцентрирован индивидуальный и общественно-исторический опыт человека. Категории — это краски и кисти философа, с помощью которых он пишет картину мира. Специфика философской картины мира и состоит в том, что она является ***категориальной*** картиной мира.

Выражение "категориальная картина мира" вполне правомерно. Слово «картина» давно употребляется в самом широком смысле, в том числе по отношению к миру в целом. Выше мы говорили о научной картине мира. В ходу такие выражения «физическая картина мира», «библейская картина мира». Чем же хорошо слово «картина»? Во-первых, «картина» означает нечто «отображающее», передающее определенное видение, чувствование человека. Во-вторых, это слово говорит о целостном отображении чего-либо. Уж если картина что-то изображает, то это что-то представляется в целостном, осмысленном виде. В-третьих, слово «картина» несет ту смысловую нагрузку, что оно включает в себя не только логически осмысленный, рассудочный момент, но и момент интуитивный, конкретно-образный, субъективный.

Выражение «категориальная картина мира» передает тот факт, что описание, объяснение мира осуществляется с помощью категорий, а язык категорий — особый язык, не сводимый ни к формально-логическому рассуждательству, ни к интуитивно-гадательному мышлению.

Задача философа сродни задаче художника, пишущего картину. Подобно художнику он передает лишь свое видение мира. Вообще нужно сказать, что философские учения и системы — это лишь ступени в лестнице, ведущей к более полному и глубокому осмыслению мира. Никто из философов не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Самое большее, на что философ может рассчитывать, это убеждение в том, что его взгляды на данном этапе развития философии ближе всего стоят к истине и отвечают духу времени.

Перейду теперь к краткому описанию предлагаемой категориальной картины мира. Первое и основное положение таково: **мир — это материя и движение; в мире нет ничего, кроме материи и движения.**

Наиболее фундаментальными определениями мира являются *материя* и *движение*. Они же основополагающие категории, составляющие ядро категориальной картины мира. Это значит, что все остальные категории являются частными определениями материи и движения.

Материя и движение — две стороны мира. Движение занимает равное с материей положение в мире. Это не означает, однако, признания дуализма материи и движения. Они разные и противоположные стороны мира, но вместе с тем не существуют друг без друга, более того, обусловливают, опосредствуют друг друга. Материя движется, движение материально. Можно говорить только о движущейся материи и материальном движении.

Далее. Пока мы говорим только о связи материи и движения, мы не идем дальше декларирования этой связи. Частица «и», которая соединяет слова «материя» и «движение» в одном суждении — слишком слабый аргумент в пользу диалектического, а не дуалистического понимания соотношения материи и движения. Чтобы выразить действительную связь материи и движения, нужно найти объединяющие их категориальные определения. Мы не преодолеем дуализма материи и движения, пока не найдем посредствующие звенья, в которых они соединяются. Этими посредствующими звеньями должны быть наиболее фундаментальные, после материи и движения, определения мира. Такими определениями, по нашему мнению, являются *противоречие* и *становление*.

Противоречие — всеобъемлющая, универсальная форма единства материи и движения. Оно осуществляет диалектическую связь материи и движения, «сталкивает» их как противоположные определения и в то же время сливает воедино, «делает» материю движущейся, а движение материальным.

Становление, в отличие от противоречия, не охватывает все формы связи материи и движения. Его нельзя применить к миру в целом, т. е. нельзя сказать, что мир становится. В мире, конечно, постоянно происходят изменения, превращения. Однако как целое он не имеет какого-то одного избранного направления всех изменений и превращений, что характерно для становления (как движения от низшего к высшему). Последнее имеет место лишь на отдельных «участках» мира, лишь для отдельных форм материи и движения (примеры: прогресс в живой природе, исторический прогресс). Таким образом, становление является особенной формой единства материи и движения.

Противоречие и *становление* относятся друг к другу, в известном смысле, как абстрактное и конкретное единство материи и движения.

Итак, в основе категориальной картины мира лежат четыре категории: *материя, движение, противоречие, становление*. Первые две являются самыми основными: они отражают определения, *образующие* мир. Вторые две *связывают* их. Наглядно схему взаимоотношения категорий можно представить следующим образом (рис. 4):

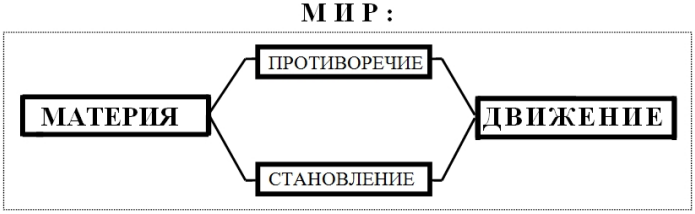


Рис. 4

На следующей странице — на основе этой схемы — дается *схематическое представление категориальной картины мира*, которое для краткости будет именоваться *таблицей категорий (табл. 1)*. Это — представление системы категорий в некотором воображаемом пространстве.

Таблица 1

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИЙ

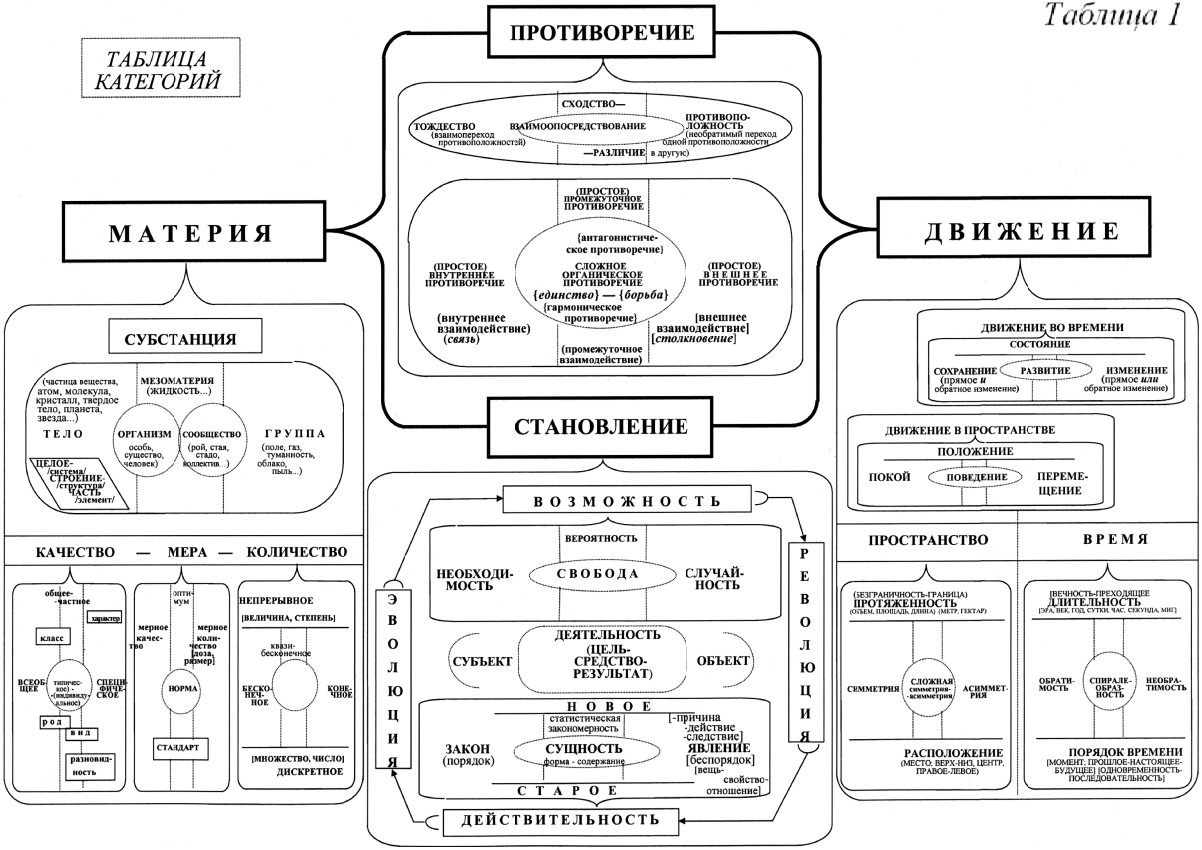


Таблица категорий является сравнительно простой. Каждая из четырех основных категорий расчленяется на целый «куст» категорий. Последние выражают в иерархическом порядке их отдельные стороны и частные виды. Конечно, это «расчленение» происходит только мысленно. На самом деле все категориальные определения одновременно соединены и разъединены, т. е. представляют собой некоторое единство многообразия или многообразие в единстве. Более того, все представленные в таблице категории, вернее, их объективные аналоги не существуют отдельно от единичных «вещей», материальных реальностей, т. е. о них нельзя говорить ни как о платоновских «идеях», ни как об универсалиях (в смысле средневекового реализма), ни как об онтологических сущностях, нейтральных по отношению к материальному и идеальному (в смысле «критической онтологии» Н. Гартмана).

7.8. Соответствия и антисоответствия между категориями

Практически во всех категориальных семействах имеются пары категорий и отдельные категории, которые определенным образом соответствуют друг другу, как будто одни и те же пракатегории «задались целью» повториться в ином обличье в каждом категориальном семействе. Это можно видеть из приводимой на следующей странице *таблицы соответствий и антисоответствий (табл. 2)*.

В качестве *категорий-опознавателей* в таблице приняты *тождество* и *противоположность*. Их выбор отчасти случаен, отчасти обусловлен тем, что они представляются достаточно абстрактными категориями, способными играть роль денег в сложном категориальном хозяйстве. Их также можно принять за те самые пракатегории, о которых говорилось выше. Смысл категорий-опознавателей в том, что с их помощью мы обнаруживаем, познаем соответствия между различными категориями. Например, если мы устанавливаем соответствие между тождеством и сохранением, а затем между тождеством и необходимостью, то отсюда можем заключить о соответствии между сохранением и необходимостью. Категории-

опознаватели помогают выявить неочевидные соответствия, т. е. соответствия между такими категориями, которые кажутся совершенно различными и несопоставимыми.

Таблица 2

категории--опознаватели родительские категории	**ТОЖДЕСТВО (О)**	**ПРОТИВО-ПОЛОЖНОСТЬ [1]**
мир	материя	движение
материя (стороны) (виды)	качество тело	количество группа тел
движение (стороны) (виды)	пространство движение в пр-стве	время движение во времени
тело	целое — строение — части (система — структура — элементы)	
качество (стороны) (виды) (отношения)	всеобщее — общее — частное — специфическое класс, тип род-вид-разновидность, характер подобие неподобие	
количество (стороны) (отношения)	бесконечное — квазибесконечное — конечное непрерывное дискретное равенство неравенство	
пространство	симметрия	асимметрия
время (образы времени)	обратимость «круг времени»	необратимость «стрела времени»
движение в простр.	покой	перемещение
движение во врем.	сохранение	изменение
противоречие (виды) [*взаимодействие*]	тождество — сходство — различие — противо-сть внутреннее противоречие внешнее противоречие (связь) (столкновение) (единство) (борьба)	
становление (стороны) (виды)	действительность эволюция	возможность революция
действительность	закон — статистич. закономерность — явление (порядок) (беспорядок, хаос) (единообразие) (многообразие)	
возможность	необходимость — вероятность — случайность	
явление	вещь — свойство — отношение	
	абсолютное	относительное
	«и» (конъюнкция)	«или» (дизъюнкция)
	ЛАПЛАСОВСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ	ИНДЕТЕРМИНИЗМ
	рационализм эмпиризм иррационализм	

Под «тождеством» и «противоположностью» в таблице расположены соответствующие им (соответственные) категории и понятия. Таблица фиксирует соответственность одних категорий (расположенных в одном вертикальном ряду) и антисоответственность других (расположенных в разных рядах). Соответственность и антисоответственность — это слабые, неполные тождество и противоположность категорий. Они представляют собой особый тип отношений между категориями. В левом столбце таблицы помещены «родительские» категории, к которым принадлежат или относятся пары противоположных категорий.

(Здесь нужно указать, что каждая категория одного ряда антисоответственна каждой категории другого ряда за исключением той, которая соответственно противоположна ей.)

Настоящая таблица соответствий — это как бы моментальный снимок 900 соответствий и примерно такого же количества антисоответствий (в таблице указаны 30 пар соответственных категорий, отсюда число возможных соответствий будет: 30 х 30 = 900). Она дает общее представление о соответственности одних категорий и антисоответственности других. В этом ее ценность.

Можно говорить об определенном воплощении двух категориальных рядов в женском и мужском началах жизни. Если верить теории В. А. Геодакяна, по которой женский пол воплощает сохранение и устойчивость, а мужской под — обновление и изменчивость, то женское начало следует признать соответственным ряду тождества, а мужское начало — ряду противоположности. В пользу такого понимания женского и мужского свидетельствует и тот факт, что женщины, как правило, более организованны, законопослушны, боязливы, а мужчины более хаотичны, импульсивны, раскованы в своем поведении, дерзки, больше склонны к риску (на эти факты указывает, в частности, статистика травматизма среди мальчиков и девочек — мальчики неизмеримо чаще травмируются по сравнению с девочками).

Далее, концепция соответствий позволяет увидеть, учесть или избежать, преодолеть разного рода абсолютизации, односторонности в частных подходах. Так, базируясь на представлении о равнозначности, равноценности двух рядов катего-

рий, она отвергает крайности монизма и плюрализма, лапласовского детерминизма и индетерминизма, рационализма, эмпиризма и иррационализма, сциентизма и антисциентизма, догматизма и скептицизма. Она не приемлет также крайностей тоталитаризма (этатизма) и анархизма, коллективизма и индивидуализма, консерватизма и либерализма, национализма и космополитизма.

В том варианте философии, который был принят в нашей стране длительное время, акценты делались на единстве, целостности, закономерности, упорядоченности реального мира и недооценивалось значение многообразия, неупорядоченности, случайности. Это создавало известный перекос в сторону механистического, лапласовского детерминизма. Перекос в философском мышлении приводил к перекосу и в любом другом мышлении: политическом, экономическом, управленческом... Разве не этим объясняется, что на протяжении десятилетий в нашей стране господствовало сознание морально-политического единства общества, создавался культ плана, культ командно-административных методов управления и почти полностью игнорировалось значение стохастических механизмов, в частности рынка, выборов и многопартийности. У нас постоянно говорили о сознательности, организованности, планомерности и боролись со стихийностью. А ведь стихийность в определенной мере так же важна, как и планомерность, организованность. Человеческое общество — живая статистическая «система» и ему нужен не твердый порядок, предполагающий систему жесткой детерминации поведения людей, а живой порядок-беспорядок, учитывающий в равной степени единство и многообразие, необходимость и случайность, общее и частное.

7.9. Материя и движение

Представление о парности, соотносительности материи и движения имеет глубокие корни в философии. Вспомним элеатовскую антитезу всеединого бытия и движения многообразного, учение атомистов о полном и пустом (атомах и пус-

тоте), учение Декарта о материи и движении, учения Толанда, французских материалистов XVIII века, Гегеля.

Как можно объяснить соотносительность, взаимоподчиненность материи и движения? Дело в том, что реальная диалектика мира подсказывает, что должна быть изначальная раздвоенность, противоречивость, симметрия, если можно так выразиться, основных определений мира. Мир в некотором роде упорядочен, т. е. так или иначе определен и его определения выражаются (плохо или хорошо) в системе категорий мышления и далее в системе философских категорий путем последовательного деления, членения категорий на противоположные определения. Первое деление начинается с самого первого понятия — понятия о мире. И оно, как уж было сказано, *раздваивается* на категории материи и движения.

Теперь взглянем на проблему с другой стороны. Мир противоречив, «соткан» из бесчисленного множества различных противоречий. Если рассматривать его как более или менее упорядоченное целое, то нужно признать, что множество противоречий — это не набор сосуществующих противоречий, расположенных одно возле другого и не связанных друг с другом. Оно представляет собой иерархическую систему взаимосвязанных противоречий. А иерархическая система предполагает основное противоречие, которое содержит в себе все другие противоречия. Такое противоречие по смыслу должно связывать основные, фундаментальные определения мира. Ими как раз и являются *материя* и *движение*.

В самом деле, для диалектически мыслящего философа должны быть очевидны соотносительность материи и движения, то, что они являют собой противоречивое единство. Поскольку это так, нетрудно представить различные и даже противоположные точки зрения на соотношение материи и движения. Ведь в противоречии акцент можно ставить и на единстве, тождестве сторон, и на их противоположности, внешности друг другу. Действительно, в истории философии наблюдается целый спектр точек зрения на соотношение материи и движения — от их неразличения к акцентированию внимания на их единстве, затем к их внешнему связыванию, далее к раздельному представлению, противопоставлению и, наконец, к

признанию одной из сторон соотношения ничтожной или даже недействительной. В последнем случае мы имеем дело с такими крайними позициями, как *элеатовская*, отрицающая движение, и *бергсоновская*, отрицающая материю в качестве носителя движения. Вообще-то в истории философии наибольшее распространение имели не крайние точки зрения, а промежуточные, приближающиеся в той или иной степени к диалектическому решению проблемы соотношения материи и движения. Среди этих точек зрения главенствующими были два подхода в зависимости от того, на тождестве или противоположности ставили акцент в указанном соотношении. В одном случае материя и движение рассматривались как внешние друг другу определения. В другом подчеркивалась, декларировалась их неразрывная связь, внутреннее единство. Первый подход был преобладающим в Новое время. Философы и ученые рассматривали материю как нечто косное, инертное, пассивное; движение отрывалось от материи, а источник движения видели в чем угодно, только не в противоречиях. Конечно, такой взгляд неправилен, но не потому, что ложен, а потому, что односторонен. Ведь и противоположный взгляд, акцентирующий внимание на внутреннем единстве материи и движения, неприемлем по той же причине. Он чреват опасностью сведения материи к движению.

Очевидно, истина лежит где-то посередине. *Материя и движение и внешни друг другу, и внутренни*. В этом состоит основное противоречие мира.

Итак, материя и движение являются основополагающими категориями. Все другие категориальные определения, какими бы важными и фундаментальными они ни были, являются лишь частными выражениями материи и движения (материи в отдельности, движения в отдельности и их единства).

В целях удобства изложения дальнейшего материала воспользуюсь членением категорий в зависимости от их отношения к материи и движению. Рассмотрим сначала группу категорий, относящихся непосредственно к материи, затем — группу категорий, относящихся к движению, и далее, категории, группирующиеся вокруг противоречия и становления, связывающих материю и движение.

Глава 8. Материя

8.1. Структура материи

Некоторые философы считают вопрос о структуре материи запретным для философов, объявляют метафизикой всякие попытки философски осмыслить ее структуру. Позволительно, однако, спросить: если не философы, то кто же? Ученые-естественники? Но ведь они, если и рассматривают вопрос о структуре, строении материи, то лишь применительно к отдельным видам материи. Как целое не сводится к части или сумме частей, так и вопрос о структуре материи в целом не сводится к вопросу о строении отдельных, изучаемых естественными науками, видов материи. Это хорошо видно на примере классификации видов материи. Ни один ученый-естественник не занимается этим вопросом в полном объеме. Почему? Потому что он как специалист ограничен и ограничен прежде всего рамками изучения природных форм материи. Человеческое общество ученый-естественник не включает, не имеет права включать в свою классификацию. Другое дело — философ. Он по определению является исследователем общих проблем, так сказать, специалистом по общим проблемам. Философ просто обязан заниматься классификацией видов материи в полном объеме. Он, как правило, это и делает. Если ученый пытается осуществить полную классификацию видов материи, то он неизбежно скатывается либо на позиции редукционизма (высшие формы сводит к низшим), либо на позиции идеализма (разрывает пропасть между высшими и низшими формами или подчиняет низшие формы высшим). Это происходит потому, что ученый судит обо всем со своей узко профессиональной точки зрения. Если он физик, то живые организмы и человеческое общество рассматривает так или иначе через призму физических форм материи. На-

против, ученые, занимающиеся изучением человеческого общества и слабо разбирающиеся в физике, химии, биологии, склонны абсолютизировать качественное отличие социальных форм от природных. Лишь философ, зная понемногу обо всем, владея категориальной логикой и рассматривая все как бы с высоты птичьего полета, может дать уравновешенное представление о различных видах материи.

Профессиональная узость мешает ученым осмыслить структуру материи и в том плане, что они, даже если объединят свои усилия, могут претендовать на создание только фрагментарной, мозаичной картины материи. Материя в целом, как целое им недоступна.

Таким образом, вопрос о структуре материи есть именно философский вопрос, и он не может быть перепоручен ученым.

Теперь взглянем на данный вопрос с точки зрения внутренней проблематики философии, взаимоотношения ее собственных категорий и понятий. Материя как философская категория и просто как категория мышления связана с другими категориями и понятиями, включена в систему категорий. Это значит, что ее структура выражается в тех или иных категориях, понятиях. Мы говорим о телах и частицах, об их целостности, структурированности, составленности из частей, об их качественной и количественной определенности, о различных совокупностях тел и частиц. Мы проводим различие между неорганическими телами и живыми организмами. И т. д. и т. п. Все это — отражение в категориях и понятиях реальной структуры материи.

Возникает вопрос: насколько адекватно эти категории и понятия отражают структуру материи. Если говорить об «элементной базе» материи, то, думается, на сегодняшний день человечество выработало достаточно категорий и понятий, выражающих ее. Вопрос, следовательно, в том, *как* из отдельных «элементов» «собрать» целое, *как* воссоздать структуру материи. Ведь эти «элементы» материи до сих пор рассматриваются философами рядоположенно, в отрыве друг от друга, в виде отдельных пар, групп категорий. Непосредственно к материи относят только «виды материи», тела, частицы, поля.

А вот категории «целое», «часть», «элемент», «структура», «система», «качество», «количество», «мера» и некоторые другие рассматриваются вне всякой связи с категорией материи, не осмысливаются как понятия, выражающие элементы структуры материи. Это существенно обедняет философское понятие материи, а вопрос о строении материи волей-неволей сводится к вопросу о классификации изучаемых отдельными науками, т. е. эмпирически наблюдаемых видов материи. Вообще получается «интересная» картина. С одной стороны, материя выглядит бесструктурной, диффузной (в философском смысле) категорией. С другой, категории и понятия, призванные выражать структуру материи, оказываются беспризорными, «висящими в воздухе», этакими безотносительными, независимыми философскими, логическими категориями.

Итак, ясно, что реальная структура материи должна выражаться в категориально-логической структуре материи, т. е. в системе субкатегорий материи. Здесь мы подошли, собственно, к рассмотрению структуры материи. См. ниже рис., стр. 180.

Стороны материи. Сторонами, т. е. ближайшими определениями, материи являются *качество* и *количество*, объединенные в *мере*. Любое материальное образование имеет качественную и количественную стороны. В мире нет качественно или количественно неопределенных образований.

Но стороны — не виды. Что же является видами материи и как виды относится к сторонам, т. е. к качеству и количеству?

Виды материи. Обычно видами материи называют конкретные типы материальных объектов, изучаемые науками о природе. Это, однако, не более как эмпирически найденные виды материи, притом не всей материи, а лишь наблюдаемой ее части. Философ, классифицируя подобные виды материи, лишь повторяет «зады» современных наук о природе вместо того, чтобы идти впереди их и указывать ориентиры в познании материи. Если говорить о видах материи в философском, категориально-логическом смысле, то нужно идти прежде всего от диалектики взаимоотношения сторон материи, от «логики» материи, точнее, от «логики» ее членения, дифференциации. Эта «логика» подсказывает, что виды материи

различаются в первую очередь по степени целостности: с одной стороны, мы видим *отдельные целостные образования*, а, с другой, их *нецелостные совокупности*; между теми и другими — целый спектр *промежуточных форм*. Отдельное целостное образование — это *тело*. Нецелостная совокупность — *группа, групповая материя*. Промежуточные формы — *мезоматерия*.

Различие между телом и группой — не просто в степени целостности. В них по-разному преломляются качество и количество, являющиеся сторонами материи. Для тела акцент падает на качество. Для группы — на количество. Диалектика сторон материи порождает диалектику ее видов. В этом и состоит «логика» материи, «логика» дифференциации ее видов. Обобщенно говоря, диалектика сторон и видов лежит в основе структуры материи.

Итак, различие между телом и группой обусловлено различным соотношением качества и количества. Это, так сказать, сущностное, категориальное различие. Эмпирическое же различие между ними можно проследить на конкретных видах материи, изучаемых отдельными науками. Примерами тела и группы являются вещество и поле, твердое тело и газ, звезда и межзвездная туманность.

Различие между телом и группой отчетливо проявляется в характере «поведения» этих видов материи. «Поведение» тела описывается динамическими законами, «поведение» группы — статистическими закономерностями. В этом плане тело можно охарактеризовать как нестатистический ансамбль частиц, а группу — как статистический ансамбль.

Тело представляет собой целое (систему), в котором части (элементы), как правило, разнородны и зависимы друг от друга, находятся в тесной *связи* друг с другом; «поведение» частей тела вполне упорядочено относительно друг друга, «регулируется» *внутренними* противоречиями. Вместе части тела образуют *структуру* тела. Группа представляет собой совокупность однородных элементов, относительно независимых друг от друга и находящихся в различных *столкновениях* друг с другом. «Поведение» элементов группы неупорядочено,

хаотично, «регулируется» *внешними* противоречиями. Группа является *бесструктурным* образованием.

Тело и группа — соотносительные виды материи. Всякому телу определенного типа соответствует группа этих тел. Примеры: вещество и поле, частица вещества (атом или молекула) и газ.

Теперь о *мезоматерии*, промежуточном виде материи. Ясно, что в природе существуют конкретные формы материи, которые носят промежуточный характер. Возьмем хотя бы жидкость. Она является промежуточным агрегатным состоянием — между твердым телом и газом. На уровне микрочастиц к промежуточным формам относятся самопроизвольно распадающиеся ядра тяжелых атомов. Не случайно ученые уподобляют их жидкой капле.

Органические виды материи: организм и сообщество. Тело, мезоматерия и группа являются универсально-всеобщими видами материи. За их пределами никаких других видов материи нет и быть не может. Логическое членение материи на указанные виды обусловлено, как уже говорилось, диалектикой взаимоотношения ее сторон (качества и количества) и именно в силу этого оно является полным, исчерпывающим членением.

Все конкретные формы материи, изучаемые различными науками, являются либо подвидами ее видов в отдельности, либо *объединяющими* видами (осуществляющими органический синтез, взаимоопосредствование видов материи). В последнем случае мы имеем дело с *живыми организмами* и их *сообществами*. Это *органические виды материи*. Наглядное представление о соотношении универсально-всеобщих видов и органических видов материи дает таблица категорий (см. выше, *табл. 1*).

Итак, к органическим видам материи относятся *организм* и *сообщество*. Частными видами «организма» являются одноклеточный организм, растение, животное (особь, живое существо), человек. Частными видами «сообщества являются колония клеток, рой, стая, стадо, племя, род, народность, нация, семья, коллектив, социальная группа, общество.

Приведенная выше классификация видов материи позволяет решить задачу категориального или, как еще говорят, сущностного, неэмпирического разграничения двух сфер природы и деления форм материи на низшие и высшие.

Определив стороны и виды материи, можно теперь составить полную картину категориальной структуры материи. Этой цели служит *диаграмма* (*структурная схема*) *категории* «*материя*» (см. выше *табл. 1.* Отдельно диаграмму материи см. ниже рис., стр. 180). Диаграмма в наглядно-логической форме дает общее представление о структуре материи. Из диаграммы видно, что все «пространство» материи делят между собой, «заполняют» качество, мера и количество. Каждая из этих категорий имеет свое отдельное «пространство» субкатегорий. Виды материи (тело, мезоматерия, группа) образуют внутри «пространства» материи свое замкнутое «пространство». Этим отмечается, с одной стороны, подчиненность видов материи ее сторонам, их производность от последних, а, с другой, их относительная самостоятельность и взаимосвязь. Определенную смысловую нагрузку несет также расположение видов материи по отношению к ее сторонам. Расположение тела и организма ближе к стороне качества указывает на их соответственность качеству. А расположение группы и сообщества ближе к стороне количества указывает на их соответственность количеству.

В верхней части диаграммы («пространства» материи) располагается *субстанция*. Эта категория занимает особое место в системе ближайших определений материи. Со стороны качества она выражает предел качественной общности, единства всех материальных реальностей. Со стороны количества она выражает предел бесконечности материи, т. е. ее абсолютную бесконечность. Таким образом, субстанция характеризует материю со стороны ее абсолютной, универсальной всеобщности и абсолютной, универсальной бесконечности. Она выражает общую, единую и бесконечную основу всех материальных реальностей. Это положение можно обернуть: в качестве субстанции материя выступает всеобщей основой (матерью, первоосновой) всех вещей.

Следует отметить одну важную особенность понятия субстанции. Это понятие выражает момент единства в материи, но не того единства, которое присуще каждому конкретному телу (в виде целого, целостности), а единства, присущего *всей* материи, материи в целом. Субстанциальность и целостность — разные понятия. Субстанциальное единство материи не исключает ее неединства, нецелостностности. *Материя едина и неедина, целостна и нецелостна.*

8.2. Качество

До сих пор о качестве говорилось как стороне материи. Теперь заглянем внутрь него и осмотрим его «хозяйство». Здесь, естественно, возникает вопрос о структуре качества, о системе субкатегорий (частных понятий, определений), составляющих содержание категории «качество».

Сторонами качества являются *всеобщее* и *специфическое*. *Общее* и *частное* — промежуточные моменты, звенья качественной определенности. Таким образом, структура качества выражается прежде всего в тетраде субкатегорий:

всеобщее — общее — частное — специфическое.

Указанная тетрада субкатегорий обусловливает *иерархию* уровней внутри качественной определенности реальных объектов. Уровни различаются по степени специфицировании и общности — от самого конкретного уровня, соответствующего данному, единичному предмету, до самого общего уровня, соответствующего абстракции материи вообще. Например, качество меди — это не только ее качество как *данного* элемента, отличного от других элементов; оно включает в себя и качество металла, поскольку медь является металлом, и качество химического элемента, поскольку медь является химическим элементом, и качество вещества, поскольку медь является веществом, и качество материи, поскольку медь является материальным образованием.

В самом деле: *специфическое* — то, что характеризует исключительно один, данный объект; *частное* — то, что харак-

теризует некоторые объекты (далеко не все, только часть объектов); *общее* — то, что характеризует не один, а два, либо несколько, либо многие, большинство объектов; *всеобщее* — то, что характеризует все объекты без исключения.

Специфическое, частное, общее и всеобщее дают общую схему иерархии качественных уровней. Они как верстовые столбы отмечают основные пункты в этой иерархии.

Внутри каждой из указанных категорий имеется своя градация уровней. Например, когда мы говорим об общем, то нередко употребляем выражения «более общее» и «менее общее». Это, так сказать, непрерывно-количественная градация уровней. Иной пример градации дает категория всеобщего. Градация уровней внутри этой категории носит прерывно-количественный характер. Всеобщее в пределах одной качественной определенности выступает как частное в пределах другой, более общей качественной определенности. Например, для млекопитающих всеобщим признаком является кормление молоком. А для позвоночных животных, являющихся более широким классом животных, этот признак не является всеобщим. Всеобщие разного уровня соотносятся друг с другом примерно так же, как бесконечный ряд четных чисел и бесконечный ряд натуральных чисел. Первый ряд, хотя и является «частью» второго, так же бесконечен, как и этот второй. Более того, указанные ряды равномощны, так как каждому элементу одного ряда соответствует элемент другого ряда. Разные всеобщие «ведут себя» подобным образом. Одно всеобщее может быть «частью» другого всеобщего и, тем не менее, оставаться всеобщим. Иерархия всеобщих разного уровня восходит как к своему пределу — к абстракции материи вообще. Все более и более «общие» всеобщие как бы теряются в дымке этой абстракции. *Материя вообще* является всеобщим всех всеобщих, универсально-всеобщим или всеобщим универсумом.

Иерархия качественных уровней предполагает как отграниченность, разнообразие, многообразие предметов, так и их связь, общность, единообразие. Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории «качество»* (рис. 5).

Существование качеств различной степени общности обнаруживает относительность различия качества и количества. Качественные различия на одном уровне выступают как количественные на другом, более общем уровне. Это позволяет измерять и соизмерять качественно различные объекты. Качество и количество — взаимопроникающие противоположности. В качественных определениях необходимо присутствует количественный момент. Так, мы говорим о качествах различной *степени* общности. Мы говорим также о качественном многообразии реальных объектов.

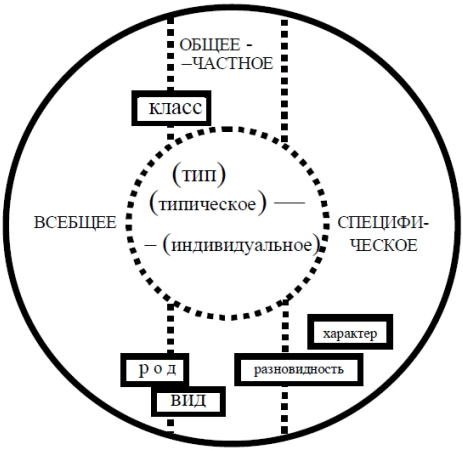


Рис. 5. Диаграмма (структурная схема) категории "КАЧЕСТВО"

8.3. Количество

В структуре материи количество занимает такое же место, как и качество. Оно является ближайшим определением, стороной материи, соотносительной с качеством.

Количество нельзя рассматривать как не-качество, т. е. нельзя изображать отношения качества и количества в смысле простого отрицания, по принципу «А и не-А». Количество и качество противоположны друг другу как *стороны* материи и в то же время суть одно, поскольку их общей основой, носителем является *материя*.

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории «количество»* (рис. 6).

Из этой диаграммы видно, что сторонами или моментами количества являются, во-первых, бесконечное и конечное, и,

во-вторых, непрерывное и дискретное. Отсюда следуют два «внутренних» (структурообразующих) определения категории:

1. *Количество есть единство бесконечного и конечного*.

2. *Количество есть единство непрерывного и дискретного.*

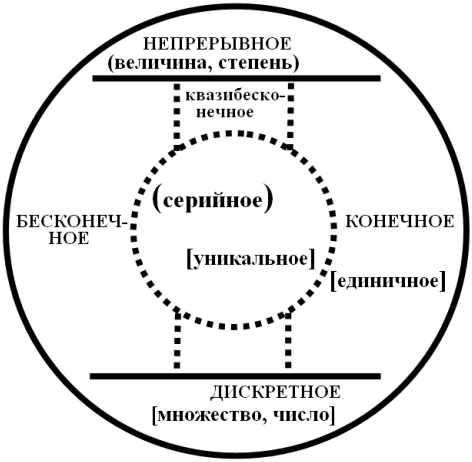


Рис. 6. Диаграмма (структурная схема) категории «КОЛИЧЕСТВО»

Эти определения количества выражают разные аспекты категории. Они дополняют друг друга. Между ними имеется определенное *соответствие*. Бесконечное соответственно непрерывному. Конечное — дискретному. В самом деле, непрерывное или континуальное таит в себе бесконечность. Мысленно его можно делить на сколько угодно частей, до бесконечности. С другой стороны, бесконечное по своей природе континуально. Круг, являющийся образом бесконечности, образован *непрерывной* линией, не отрезком линии, а именно *нигде не прерывающейся* линией.

Дискретное делимо лишь до определенного *предела*, значит оно конечно. Иными словами, дискретное есть *взаимоконечное*, т. е. взаимоопределение, взаимоограничение, взаимооконечивание конечных. Одно ограничивает, оконечивает другое; это другое делает конечным третье и так далее. Ряд оконечивающих друг друга конечных есть как раз дискретное. Или, по-другому, всякое дискретное — это сосуществующие или следующие друг за другом конечные. Для каждого конечного должно быть *другое* конечное. Они *вместе* и в то же время *разделены*. Разделенность конечных и есть прерывность, дискретность.

Структура количества аналогична структуре качества. Бесконечное и конечное соответственны всеобщему и специфи-

ческому. Чем в сфере качества является всеобщее, тем в сфере количества — бесконечное. Всеобщее есть качественное выражение бесконечного. Бесконечное есть количественное выражение всеобщего. То же можно сказать о специфическом и конечном.

Стороны количества: конечное и бесконечное. Философы и ученые всегда пытались осмыслить конечное и бесконечное в аспекте субординации категорий, подчиненности их какой-то одной категории. Чаще всего они относили их к категории количества, рассматривали как количественные определения.

В математике имеют дело с различными *идеализациями* конечного и бесконечного, возникают и конкурируют теории, берущие за основу либо одно, либо другое, либо третье. Так, существует *финитная* математика или математика конечного. А, с другой стороны, с ней сосуществует и конкурирует математика бесконечных множеств (актуально бесконечного). Существуют также и промежуточные концепции математики, признающие потенциальную бесконечность, но отрицающие актуальную. Ясно, что общие понятия, отражающие *реальные* конечное и бесконечное, не то же самое, что математические абстракции конечного и бесконечного. Как категории мышления (и, соответственно, как философские категории) они богаче и глубже математических понятий конечного и бесконечного. С другой стороны, последние обладают большей определенностью и они успешно «работают» в естественнонаучном познании и в практике. Математические и конкретно-научные абстракции конечного и бесконечного расширяют эмпирическую базу познания реальных конечного и бесконечного.

Вопрос о соотношении конечного и бесконечного следует решать двояко. С одной стороны, бесконечное *внешне* конечному, есть *выход за пределы конечного*; там, где есть бесконечное, нет конечного, и, наоборот, где есть конечное, нет бесконечного. Здесь налицо простое отрицание одного другим. Об этом говорит и этимология слова «бесконечное». С другой стороны, бесконечное — как «*свое иное*», как *противо**положность*** конечного — *внутренне* ему. Иными сло-

вами, отношение конечного и бесконечного является не только внешним, но и внутренним, не только отрицательным, но и *положи*тельным. Это такая пара противоположных определений, которые не существуют друг без друга, взаимоопределяются.

Нетрудно показать, что в известном смысле *всякое конечное внутри себя бесконечно*, т.е. то, что мы принимаем за конечное, *в себе, внутри себя* бесконечно. Нечто только тогда конечно, когда оно выходит за пределы самого себя, т. е. когда оно или сравнивается, или реально взаимодействует с чем-либо другим, или переходит в другое.

Возьмем сначала конечное в пространственном смысле — *ограниченное*. Всякий раз, когда мы говорим об ограниченном, то имеем в виду, что это ограниченное ограничено чем-то другим. Иначе невозможно было бы провести *границу*. Только при условии, что есть *другое,* кроме этого нечто, можно говорить об ограничении нечто. Другое и «делает» нечто ограниченным, т.е. конечным. Иными словами, всякое тело ограничено другими телами, а не потому, что оно *внутри себя, само по себе* ограничено. Значит, внутри себя ограниченное (нечто, принимаемое за ограниченное) неограниченно, бесконечно, попросту говоря — целая вселенная. Любое тело, атом или частица, если бы не было *других* тел, атомов, частиц, представляли бы собой вселенную. В какой-то мере это так и есть.

Теперь возьмем конечное во временном аспекте — как *временное, преходящее.* Всякое нечто когда-то не существовало и когда-то не будет существовать. Временное, преходящее означает, что до *этого* временного существовало *другое* временное, из которого оно возникло, и, в свою очередь, «уступит место» другому временному, которое будет существовать после него. Таким образом, *другие* временные до и после *этого* временного *оконечивают* его во времени. Но внутри себя, само по себе это нечто не конечно, не временно, не преходяще, а *вечно. Вечность* — не потусторонняя категория; она присутствует здесь, сейчас, внутри того, что мы принимаем за временное, преходящее. Диалектическая связь вечного и преходящего состоит не только в том, что первое «складывается»

из второго (преходящих «вещей»), а и в том, что вечное присутствует в самом преходящем. «Механизм» этого присутствия хорошо показал еще Эпикур на примере соотношения жизни и смерти. «Смерть, — писал он, — не имеет отношения к нам: ибо то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет никакого отношения к нам». Этим рассуждением Эпикур как бы развел жизнь и смерть по разным «углам». Он наглядно продемонстрировал, что конечность бытия и само бытие — разные «вещи». Об этом же говорит и другой его афоризм: «Когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем». Пусть смерть оконечивает жизнь индивидуума, но поскольку она нечто другое по сравнению с жизнью, постольку сама жизнь внутри себя не смертна, не временна, т.е. вечна, бессмертна. Правильно сказал Эмерсон: «Жизнь — это вечность в миниатюре». Мы живем ради того, чтобы жить, а не ради того, чтобы умереть.

Итак, вечное присутствует в том, что мы принимаем за временное, преходящее. Прав был Гегель, когда истинное бесконечное характеризовал как посюстороннее, замкнутое в себе, актуально бесконечное. Знаменательно, что истинную бесконечность он представлял именно в виде круга. Круг в настоящей версии категориальной логики является геометрическим образом *внутреннего* противоречия, определяемого как взаимопереход противоположностей. Круг же является образом обратимого времени («круг времени»), обратимых процессов, обусловливающих существование *целостных* материальных образований (стабильных элементарных частиц, атомов, молекул, твердого тела и т.д.). Вспомним также, что круг (колесо, шар) у многих народов был символом вечности, незыблемости, порядка.

Могут спросить: а как быть с бесконечным многообразием, неисчерпаемостью, всегда незавершенным процессом смены состояний? Это так называемая открытая или незамкнутая бесконечность. Вслед за Гегелем скажем, что она не является истинной бесконечностью. Она якобы — как бы — квазибесконечность. Ее место — где-то в промежутке между конечным и бесконечным. В ней конечное *переходит* в бесконеч-

ное. Открытая бесконечность не является подлинной бесконечностью еще потому, что она, если брать ее целиком, существует только в возможности, потенциально. Актуально она существует лишь в виде конечного.

Нужно иметь в виду: слово "бесконечное" обозначает, представляет не одно, а два понятия или, лучше сказать, две категории бесконечного: бесконечное в смысле *сильного* отрицания, *противоположности* конечного (антиконечного) и бесконечное в смысле *слабого* отрицания, *полу*отрицания конечного, просто как неконечное, нескончаемое. Первое бесконечное фигурирует в философии и науке под именами абсолютного, актуального, действительного, собственного, истинного, категорематического бесконечного. Второе бесконечное фигурирует под именами потенциального, несобственного, синкатегорематического бесконечного, неистинной, дурной бесконечности, бесконечного прогресса, ряда. В нашей *таблице соответствий* бесконечное в первом смысле именуется просто бесконечным, а бесконечное во втором смысле — квазибесконечным.

Моменты количества: дискретное и непрерывное. То, что дискретное и непрерывное — ближайшие определения, моменты количества, было известно давно, со времен Аристотеля, т. е. с тех пор, как категория количества стала предметом философской рефлексии.

Реальное количество не существует иначе как дискретное и непрерывное, *в виде* множества, числа, величины, степени. Процедура счета фиксирует дискретное количество, процедура измерения — непрерывное количество. Чисто количественный вопрос «сколько?» задается именно по отношению к дискретному количеству. Другой чисто количественный вопрос — «в какой степени?» — задается обычно по отношению к непрерывному количеству. Количественные отношения «больше», «меньше», «равно» имеют реальный смысл лишь в операциях сравнения, базирующихся на учете (совместном использовании) дискретной и непрерывной составляющих количества.

Что же такое дискретное и непрерывное как моменты количества? Ясно, что это не виды количества. Всякое *реальное*

количество есть некоторая количественная целостность, целокупность, которая существует только благодаря *единству* дискретного и непрерывного. Последние — стороны, «части» количества. Как нельзя представить реку без двух берегов, атом без электронной оболочки и ядра, так и количественную определенность нельзя представить без дискретной и непрерывной составляющих. Только в мыслях, в абстракции можно представить чисто дискретное или чисто непрерывное количество.

А что же является *видами* количества? Можно ли говорить о разных видах количества. Можно и нужно! Совершенно очевидно, что реальное количество бывает разным и, следовательно, его можно классифицировать по видам.

В самом деле, мы можем наблюдать, с одной стороны, реальные *совокупности*, *множества* разрозненных тел (например, груду камней, множество деревьев, звезд на небе, толпу людей), а, с другой, реальные *величины* отдельных тел, представляющие собой некоторую нераздельную (непрерывную) количественную определенность (величину отдельного камня, размеры отдельного дерева, степень яркости отдельной звезды, рост отдельного человека). Между этими крайними видами количества (множеством и величиной) — целый спектр промежуточных, переходных видов.

Различие между указанными видами количества — не выдумка людей, не плод абстрагирующей способности их мышления. Эти виды на самом деле существуют как реальные виды количества. Когда мы режем батон хлеба на отдельные куски, то осуществляем совершенно реальную операцию, преобразующую непрерывное количество целого батона в дискретное множество отдельных кусков хлеба. Когда мы с помощью горячего прессования превращаем металлический порошок в сплошной металл, то осуществляем операцию преобразования дискретного количества, множества металлических частичек в непрерывное количество цельного металлического изделия. Чтобы преобразовать реальную величину в реальное множество и наоборот, нужны порой значительные усилия или особые условия. Таковы, например, ядерные реакции распада и синтеза. С точки зрения количества реакции являются

ничем иным, как формами преобразования одного вида количества в другой (в случае распада — величины в множество; в случае синтеза — множества в величину).

Поскольку *всякое* количество — единство дискретного и непрерывного, постольку *разные виды* количества образуются не иначе как в результате *различных сочетаний* этих сторон количества. В *множестве* преобладает дискретная составляющая; это — *дискретно*-непрерывное количество. В *величине* преобладает непрерывная составляющая; это — *непрерывно*-дискретное количество. Таковы *реальные* множество и величина.

Реальное множество не является чисто дискретным количеством. Оно всегда есть некоторая целокупность элементов, а, значит, некоторая непрерывность. Множество не было бы множеством, если бы составляющие его элементы были абсолютно разделены, отделены друг от друга как нечто чисто прерывное. Ведь в этом случае его нельзя было бы отделить, отграничить от других множеств. Действительность же такова, что реальные множества отделены друг от друга и в гораздо большей степени, чем элементы самих множеств. Например, груды камней, лесные массивы, газовые оболочки Земли и Венеры. В случае, если множества не отделены друг от друга в большей степени, чем элементы внутри них, происходит неизбежное смешение этих множеств (например, диффузия газов) и образуется *одно* множество.

Так же и *реальная величина* не является чисто непрерывным количеством. Дело в том, что о большей или меньшей величине можно говорить лишь по отношению к *другим* величинам. А это значит, что мы должны выйти за рамки данной величины, прервать непрерывное, чтобы определить его значение (величину). Реальная величина не является абсолютно непрерывной и в том смысле, что ее всегда (в принципе) можно разделить, раздробить, рассечь, поскольку она — величина целого, которое по определению состоит из частей.

Следует, однако, иметь в виду, что «множество» и «величина» служат не только для обозначения *реальных* видов количества. В математике и других науках они используются для выражения отвлеченных понятий, специфических абст-

ракций. Математическое понятие величины по содержанию гораздо *уже* общего понятия величины. Так же и понятие множества, используемое в теоретико-множественной математике, имеет ограниченное, специфическое содержание, определяемое системой аксиом Цермело-Френкеля. Соотношение общих (или философских) понятий величины и множества и конкретно-научных понятий величины и множества — особая проблема. Смешивать эти два типа понятий ни в коем случае нельзя. По сравнению со вторыми первые неизмеримо богаче по содержанию, хотя и менее определенны, точны. Первые отражают все бесконечное многообразие реальных величин и множеств, данное в человеческом опыте, известное человеку и еще неизвестное. Вторые отражают лишь какие-то аспекты реальных величин и множеств в рамках тех или иных теоретических конструкций. Конкретно-научные понятия величины и множества могут лишь асимптотически приближаться по содержанию к философским понятиям величины и множества, никогда не сливаясь с ними.

К видам количества относятся также *число* и *степень.* В числе преобладает дискретная составляющая количества, а в степени — непрерывная составляющая.

8.4. Мера

Мера — единство качества и количества. Она то, что делает качество количественно определенным, а количество — качественно определенным. Вся материя мерно определена. В строгом смысле о мере нельзя говорить ни как о качественно определенном количестве, ни как о количественно определенном качестве. Это все односторонние определения меры. Мера есть именно единство качества и количества. Качественно определенное количество и количественно определенное качество суть лишь *стороны* меры. См. *диаграмму /структурную схему/ категории «мера»* (рис. 7). Примерами качественно определенного количества являются *доза*, *размер*, *удельный вес*. Примерами количественно определенного качества являются *стандарт*, *образец*, *эталон*.

В мере качество и количество *взаимо*зависимы, *взаимообусловлены*, *со*ответственны друг другу, *соотносительны*. Они функционируют в ней на паритетных началах, как равноправные партнеры-участники.

Суть меры в том и состоит, что она снимает, преодолевает качество и количество как односторонние определения (т. е. в ней преодолевается односторонность качества и количества).

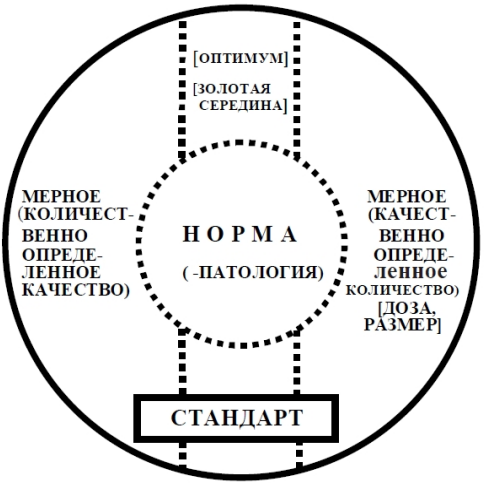


Рис. 7. *Диаграмма (структурная схема) категории* "МЕРА"

Данная здесь *общая* характеристика меры есть характеристика ее как категориального определения мира. Все другие характеристики меры являются либо односторонними, либо частными, либо имеющими лишь эмпирическое значение.

Например, меру характеризуют порой как определенный интервал количественных характеристик или изменений, в рамках которого может существовать данное качество. Ясно, что эта характеристика меры является неполной, односторонней. Во-первых, акцент в ней падает на количественную сторону. Во-вторых, в центр характеристики ставится понятие (количественного) интервала, которое имеет лишь частное значение. В самом деле, не во всех случаях мы можем наблюдать интервал значений «больше», «меньше» внутри данного качества. Яркий пример: заряд ядра атома.

Наука не знает (во всяком случае, на сегодняшний день) увеличения или уменьшения заряда ядра атома в пределах данной качественной определенности, Всякое увеличение или уменьшение заряда ядра атома сопровождается изменением качественной определенности атома. В ядре атома находится целое число протонов. А именно от их количества зависит заряд ядра.

Очень часто меру, как и качество, рассматривают лишь применительно к *отдельным*, *конкретным* телам, предметам, вещам, объектам. Это тоже односторонний подход. Меру имеют как отдельные, конкретные тела, так и их совокупности, как целостные образования, так и нецелостные. Носителем меры как категориального определения является не какое-то отдельное, существующее наряду с другими отдельными, а *вся* материя. (Мера вместе с качеством и количеством является ближайшим определением материи, а материя — родительской категорией по отношению к мере).

Иерархии качеств (специфических, менее общих и более общих) соответствует *иерархия мер*. *Специфические меры* присущи отдельным, данным, конкретным объектам. *Общие меры* присущи объектам того или иного вида, рода, класса, типа и т. д.

Общие меры являются общими не только потому, что они определяют качественно-количественную одинаковость или сходство объектов, но и потому, что они определяют качественно-количественное единство *совокупности* объектов. Поясним это на примерах. Так, разные виды живых существ воспроизводят себе подобных в разных количествах. Рыба может произвести на свет миллионы мальков, а самка млекопитающего всего лишь несколько десятков детенышей. Здесь очевидна связь качества и количества живых существ. С одной стороны, их количество зависит от их качества. Млекопитающие не могут размножаться в таком количестве, как рыбы. С другой стороны, качество особей зависит от их количества. Если рыба будет производить на свет не миллионы, а всего лишь десятки мальков, то данный вид вымрет, прекратит свое существование. Вообще существует совершенно определенная связь качества и количества живых организмов на Земле. Млекопитающих, например, на много порядков меньше, чем одноклеточных организмов. И невозможно представить обратную картину.

В неорганической природе подобную взаимосвязь качества и количества мы можем наблюдать, к примеру, у химических элементов. Водород — наиболее распространенный химический элемент. И это, безусловно, связано с его относительно

простой и устойчивой качественной определенностью. С другой стороны, весьма редки тяжелые радиоактивные элементы, что связано с их относительной сложностью и нестабильностью.

В человеческом обществе очевидным примером взаимосвязи качества и количества в указанном смысле имеется взаимосвязь качества и количества продукции, продуктов труда. Эта взаимосвязь осознается людьми как серьезная научно-практическая проблема и является предметом все более широких и глубоких исследований ученых-практиков, прежде всего стандартологов.

Стандартология, или наука о стандартизации, есть по существу наука о практически создаваемых и применяемых *общих, серийных мерах*, именуемых вполне справедливо *стандартами*.

Теперь о ***норме***. Это одна из разновидностей меры, субкатегория меры. На диаграмме категории «Мера» (см. выше, стр. 159) она помещена в центральном круге. Этим она определяется как субкатегория меры, осуществляющая органический синтез, взаимоопосредствование количественно определенного качества и качественно определенного количества. *Норма — это сложная органическая мера, характеризующая взаимосвязь, взаимоопосредствование качественных и количественных определенностей живых систем, как биологических, так и человеческих, социальных*. Примером нормы является здоровье. Если говорить о здоровье человека, то это весьма сложная, многогранная категория. Можно говорить о физическом, психическом, нравственном, духовном здоровье. Это всё меры нашей жизни, нашего бытия[1].

Близким по смыслу к понятию нормы является понятие *оптимума* или *оптимальности*. Это тоже субкатегория меры.

К разновидностям меры относится также понятие-образ *середины* или *золотой середины*.

Итак, внешние границы меры определяются ее принадлежностью к материи в составе подсистемы «качество-мера-

[1] Примером нормы применительно к поведению человека в обществе является *золотое правило поведения.* См. о нем ниже, п. 15.10, стр. 402.

количество», а внутренние границы — ближайшими к ней субкатегориями, такими как специфическая мера, общая мера, стандарт, мерное количество (доза, размер и т. п.), норма, оптимум, оптимальность, середина, золотая середина. Эти субкатегории образуют некоторое поле, пространство меры. Последнее показано на *диаграмме (структурной схеме) категории* «*мера*» (см. выше, стр. 159).

Помимо указанных субкатегорий меры имеется множество межкатегориальных понятий, образованных на «стыке» меры с другими категориями. К ним относятся, например, такие понятия: «мера» в значениях «единица или средство измерения», «мероприятие», «мера воздействия»; «измерение» (мера + действие, деятельность); «примерка», «размерность»; «стандартизация» (стандарт + деятельность, процесс); «нормализация» (норма + процесс, изменение); «нормирование» (норма + деятельность); «оптимизация» (оптимум + деятельность, процесс).

8.5. Виды материи

Противоположными видами материи являются *тело* и *группа (групповая материя)*. Они соответственны сторонам материи. Для тела акцент падает на качество, для групповой материи — на количество. Промежуточным видом материи является *мезоматерия*.

Подвидами тела являются стабильная элементарная частица, атом, молекула, кристалл, твердое тело, планета, звезда.

Подвидами мезоматерии являются нестабильная элементарная частица (например, резонон), жидкость (как среднее состояние между твердым и газообразным состояниями вещества).

Подвидами групповой материи являются газ, газопылевая туманность, физическое поле, любые хаотические совокупности тел.

Организм и *сообщество* — объединяющие (опосредствующие) виды материи. «Организм» объединяет тело, мезоматерию, группу при определяющей роли первого вида материи. «Сообщество» объединяет тело, мезоматерию, группу

при определяющей роли последнего вида материи. Подвидами организма являются одноклеточный организм, растительный организм, особь, живое существо, человек. Подвидами сообщества являются колония одноклеточных организмов, клеток, рой, стая, стадо, племя, человеческий коллектив, общество.

Тело, мезоматерия, группа

В учении древних о четырех стихиях в зачаточном состоянии заключена идея о различных логически взаимосвязанных видах, типах материальной реальности. Не случайно такие крупнейшие мыслители как Аристотель и Гегель взяли на вооружение это учение, не отбросили его как наивное и устаревшее.

Как уже говорилось, тело и группа — противоположные виды материи. Различие между ними отчетливо проявляется в характере их «поведения». «Поведение» тела описывается динамическими законами, «поведение» группы — статистическими закономерностями. В этом плане тело можно охарактеризовать как нестатистический ансамбль частиц, а группу — как статистический ансамбль.

Тело представляет собой целое (систему), в котором части (элементы), как правило, разнородны и зависимы друг от друга, находятся в тесной *связи* друг с другом; «поведение» частей тела вполне упорядочено относительно друг друга, «регулируется» *внутренними* противоречиями. Вместе части тела образуют *структуру* тела. Группа представляет собой совокупность однородных элементов, относительно независимых друг от друга и находящихся в различных *столкновениях* друг с другом. «Поведение" элементов группы неупорядочено, хаотично, «регулируется» *внешними* противоречиями. Группа является *бесструктурным* образованием.

Попперовские "облака" и "часы"[1] как нельзя лучше характеризуют эти два крайних типа материи.

Таким образом, тело и группа — полюсы материальной реальности. Они "нужны" последней как северный и южный полюсы Земле. Если бы материальная реальность представля-

[1] См. о лекции К. Поппера «Об облаках и часах» ниже, стр. 175.

ла собой только тело, то мир похож был бы на абсолютно упорядоченный твердый кристалл. С другой стороны, если бы материальная реальность представляла собой только группу, то мир напоминал бы мифологический Хаос.

Тело и группа — соотносительные виды материи. Всякому телу определенного типа соответствует группа этих тел. Примеры: вещество и поле, частица вещества (атом или молекула) и газ.

8.6. Тело

На протяжении сотен лет понятие «тело» рассматривалось как философская категория. Философы, жившие раньше, в большинстве случаев понимали материю именно как тело или совокупность тел. И вдруг о понятии «тело» забыли. Философы выбросили его из арсенала философских категорий, стали трактовать его как частнонаучное понятие (главным образом, как понятие механики и физики). Причина этого в общем-то понятна: в последние сто лет выяснилось, что материальная реальность является гораздо более многообразной и не укладывается в прокрустово ложе прежних представлений о телесности. Отождествление материи и тела, материальности и телесности стало невозможным.

Да, материя есть нечто большее, чем тело или совокупность тел. Это, однако, не значит, что тело потеряло значение философской категории и его нужно выбросить на свалку истории. Просто оно нуждается в обобщении, с одной стороны. С другой, надо ясно отдавать отчет в том, что это понятие должно занимать в системе категорий более скромное место, что оно превратилось из категории, равной материи, в категорию, обозначающую вид материи. Что бы ни говорили об устарелости прежних материалистических представлений, современные философы, чувствуя необходимость этого понятия, ищут и используют его эквиваленты или, лучше оказать, суррогаты — в виде таких понятий как «материальный объект», «материальное образование», «материальная система», «реальная вещь» и т. д.

Раньше было определено, что тело является видом материи, противоположным групповой материи.

Теперь рассмотрим собственное содержание категории “тело”. Здесь можно выделить два аспекта: 1) стороны тела и 2) виды тела.

8.7. Целое, строение, часть; система, структура, элемент

Тело как категориальное определение является целокупностью, объединяющей *целое*, *строение*, *части* или *систему*, *структуру*, *элементы*. Указанные понятия по отношению к категории тела играют роль субкатегорий.

Категории целого, строения и части всегда играли фундаментальную роль в осмыслении мира. Сначала как слова, а затем как понятия. Это обусловлено тем, что люди изначально делили что-то на части или из разных “вещей” делали что-то одно целое, анализировали и синтезировали.

Категории системы, структуры, элементов *как понятия* появились, видимо, несколько позже первой троицы категорий. Во всяком случае в русском языке они утвердились лишь в XX столетии.

Совершенно очевидно, с одной стороны, большое сходство двух категориальных триад, а, с другой, различие.

Различие между целым и системой состоит в следующем.

При взгляде на соотношение целого и частей идут от целого, видят-воспринимают в первую очередь целое, а части при этом могут быть скрыты от непосредственного восприятия. При взгляде же на соотношение системы и элементов идут от элементов к системе. Последняя может быть скрыта от непосредственного восприятия. Возьмем два примера: камень-булыжник и солнечную систему. Мы видим перед собой камень-булыжник и воспринимаем его как целое. Если бы мы находились внутри камня и непосредственно наблюдали его части-молекулы, их связи, то тогда сказали бы, что камень — система молекул. Поскольку этого нет, камень-булыжник для нас — целое, а не система. Напротив, о солнечной системе говорят только как о системе, а не о целом. Мы внутри этой сис-

темы, видим отдельные ее элементы: Землю, планеты, Солнце — и лишь затем уже постигаем умом, наблюдениями, расчетами, что все они составляют *систему*. О системе мы говорим и в тех случаях, когда собираем из разных элементов какое-то сложное устройство. Опять же здесь мы идем от элементов к системе.

Как видим, различие между целым и системой в данном случае обусловлено различием субъективных подходов, "точек отсчета". Объективно любое целое является системой, а система — целым.

Порой между целым и системой проводят такое различие: система — слабое целое, а целое — сильная система. Система — дискретная целостность, упорядоченная связь, порядок каких-то совокупностей. В системе как дискретной целостности части-элементы четко обозначены, выделены. Целое же — монолит, нечто непрерывное, сплошное, в котором части не выделены, не имеют никакого самостоятельного значения.

Не случайно слово "система" часто употребляют в значении "порядок". Между "целым" и "порядком" такой непосредственной связи нет.

Еще одно видимое различие между целым и системой: система представляется обычно как связь *разнородных* элементов, а для целого как будто безразлично, из каких — *однородных* или *разнородных* — частей оно состоит (пример целого как единства однородных частей: кусок камня).

Следует подчеркнуть, что *целое (целостность)* и *система* не имеют самостоятельного значения подобно телу, вещи и т. п. Целое и система — не виды материи. Их нельзя представлять как материальные образования. Они — лишь стороны-характеристики-определения материальных образованийтел *наряду* с другими сторонами-характеристиками-определениями. Да, тело — целое, система. Но оно же и совокупность частей, элементов, т. е. нечто, *состоящее* из частей, элементов. Оно же имеет определенное строение, структуру, т. е. нечто, *имеющее* строение, структуру. Когда отдельное материальное образование, тело рассматривают лишь как целое, систему, то волей-неволей возникает преувеличенное представление о целостности, системности отдельного материального образования.

Далее, очень важно, с одной стороны, сознавать универсально-всеобщее значение рассматриваемых категориальных триад, а, с другой, их недостаточность при характеристике живого, сложноорганизованных образований. Еще Гегель подметил, что категории целого и части в полную силу "действуют" в неорганической природе, а в живой природе они могут функционировать лишь в снятом виде, как подчиненные моменты более сложных или, как он выражается, "более глубоких" категориальных отношений.

Ф. Энгельс, имея в виду это высказывание Гегеля, справедливо отмечал в "Диалектике природы": "Например, уже часть и целое — это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе. Выталкивание семени — зародыш — и родившееся животное нельзя рассматривать как "часть", отделяющуюся от "целого": это дало бы ложное толкование. Части лишь *у трупа*" (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 538). К сожалению, в социально-политической области К. Маркс и его последователи, прежде всего В.И. Ленин, большевики, сплошь и рядом игнорировали это категориальное различие между целым и частью, с одной стороны, и органическими понятиями, с другой. Более того, Маркс и Ленин, представляя отношение общества и человека как отношение целого и части, явным образом абсолютизировали общество как целое, занимая, в сущности, холистскую позицию в данном вопросе.

Самое интересное, отдельные представители советской философской элиты прекрасно сознавали эту связь между абсолютизацией целого и практическим тоталитаризмом. В пятом томе "Философской энциклопедии" (1970 г.) И. В. Блауберг писал: "односторонняя трактовка тезиса о приоритете целого над частями сопряжена обычно с элементами мистицизма, а в сфере социально-политических теорий ведет к обоснованию тоталитаризма, к обесцениванию личности"[1].

Система, структура, элементы. Эти категории стали в последние десятилетия играть важную роль в научно-практических исследованиях, дав название двум мощным ме-

[1] См.: Философская энциклопедия. Т. 5, М., 1970. С. 474.

тодологическим направлениям: системный подход и структурализм.

Каждая из них играет свою роль в определении тела. *Система* характеризует тело как упорядоченное целое. *Элементы* характеризуют состав тела, то, из чего оно состоит. *Структура* характеризует порядок расположения элементов относительно друг друга.

Несколько простейших примеров.

Атом водорода состоит из двух элементов (протона и электрона), представляет собой систему этих элементов, и имеет определенную структуру, а именно, планетарную (электрон движется вокруг протона по стационарной орбите).

Молекула водорода H_2 также состоит из двух элементов, но уже не из протона и электрона, а из двух атомов водорода, представляет собой систему этих атомов и имеет структуру в виде восьмерки с двумя центрами внутри. Центры — это протоны — ядра атомов водорода, а восьмерка — это путь-орбита электронной пары, которая связывает ядра атомов. Последние колеблются-движутся относительно друг друга в некоторых центрах равновесия.

Кристалл — твердое тело, в котором его элементы (атомы, ионы, молекулы, группы атомов) расположены правильными, симметричными, периодически повторяющимися рядами, сетками, решетками. Как состоящий из определенных частиц он отличен от кристаллов, имеющих в своем составе другие частицы. Как система частиц он отличен от бессвязной хаотической совокупности этих же частиц. Как имеющий определенную структуру он отличен от кристаллов, состоящих из тех же элементов, но имеющих другую структуру.

На последнем примере хорошо видно, что система, структура, элементы дополняют друг друга в характеристике, определении тела. Без них тело — черный ящик и в лучшем случае может рассматриваться как вещь, которая проявляет свои свойства в тех или иных отношениях. А это чисто феноменологический подход, не позволяющий заглянуть внутрь тела. С феноменологическим подходом нечего делать, когда мы пытаемся разделить тело на части-элементы или, напротив,

соединить отдельные тела в одно тело. В операциях разделения и соединения, анализа и синтеза мы так или иначе, осознанно или неосознанно, имеем дело с категориями системы, структуры, элементов.

Философы обычно рассматривают указанные категории не в составе категориального блока “система-структура-элементы”, а парами: “система-элементы” или “структура-элементы”. Такой способ рассмотрения этих категорий вносит путаницу в их понимание, не позволяет достаточно точно определить их содержание. Это особенно касается понятий “система” и “структура”. Есть немало охотников отождествлять эти понятия, путать их. В самом деле, в обеих парах соотносительных понятий (“система-элементы” и “структура-элементы”) они занимают одно и то же место — как бы противоположны элементам. Отсюда возникает иллюзия, что они суть одно. На примере этих категорий мы видим, что парное представление категорий (в виде диад) может сильно подвести философа, методолога, ученого. (Мы можем привести немало таких не вполне удачных примеров парного представления категорий: “вещь-свойство” и “вещь-отношение”, “необходимость -случайность” и “необходимость-свобода”, “закон-явление” и “сущность-явление”, “причина-следствие” и “причина-действие”). Сопоставление понятий “система”, “структура”, “элементы” в составе одного категориального блока “система-структура-элементы” позволяет прежде всего уточнить их содержание. Что ближе к элементам? Структура или система? Расположить ли их цепочкой “структура-система-элементы” или цепочкой “система-структура-элементы”? Более естественно как будто выглядит последняя цепочка. В таком случае система и элементы — полюсы, а структура — промежуточное, среднее звено. Система и элементы категориально-логически противоположны друг другу, как единое и многое. Структура же, занимая среднее положение между ними, соединяет в себе черты того и другого, системы и элементов. В самом деле, интуитивно ясно, что структура, с одной стороны, похожа на систему, представляет собой некий порядок, а, с другой, подобно элементам, как бы “равнодушна” к связно-

сти-целостности. В структуре целостность не так выражена, как в системе. Структура — лишь порядок расположения элементов. А система — всегда целостность, упорядоченная целостность, порядок как целостность. Не случайно реальные тела, целостные образования называют порой системами. Солнечная система именно система, а не структура. Попробуйте тело назвать структурой. Получается чепуха. (В обиходе ученые, правда, употребляют иногда слово “структура” в значении “часть органического целого”, но никогда в значении “существующее само по себе, самостоятельное тело, целое”). Структура лишь предполагает, подразумевает целостность того, структурой чего она является. Система же — сама эта целостность. Мы говорим о структуре тела в одном случае и о системе элементов — в другом.

Вот и выходит, что понятия “система”, “структура”, “элементы” нужно выстраивать в виде цепочки “система-структура-элементы”.

Система. Итак, значение категории “система” определяется ее включенностью в категориальный блок “система-структура-элементы”. Если же мы посмотрим различные употребления слова “система”, то увидим, что они порой весьма далеки от категориального значения слова. Кроме основного, категориального значения это слово употребляется в значениях: “порядок”, “упорядоченность”, “структура”, “целое”, “сложная часть целого”, “классификационная система)” и т. д. Философы и ученые пытаются порой найти общее (общий знаменатель) во всех этих значениях и дать предельно широкое, всеохватное определение понятия “система”. Думается, эти попытки заранее обречены на неудачу поскольку, во-первых, “нельзя объять необъятного” и, во-вторых, стремление к всеохватности в определении ведет к обеднению-выхолащиванию содержания понятия. Нужно иметь в виду, что некоторые значения слова “система” несовместимы как огонь и вода. Например, значения “упорядоченное целое” и “классификационная система”.

Спрашивается, зачем нужно выделять категориальное значение слова “система” и почему оно именно такое, а не другое?

На первую часть вопроса я могу ответить так же, как это делал при анализе других категорий. Выделение категориального значения “системы” нужно прежде всего для того, чтобы очертить рамки-границы этого слова-понятия. Во-вторых, для того, чтобы не преувеличивать и не преуменьшать его значение. К сожалению, в истории философии, науки, культуры, политики мы имеем примеры того и другого. Одни философы и ученые (системщики, системосозидатели) абсолютизируют это понятие, другие игнорируют его и даже открыто выражают свое неприятие системной идеологии (антисистемщики). Системщики готовы всё считать системой, в том числе и то, что объективно не является таковой. Например, они готовы рассматривать и рассматривают мир как систему. С моей точки зрения, это грубейшая категориально-логическая ошибка. Ведь что получается? Одно из частных определений, пусть и очень важных, относится к миру в целом. С таким же успехом можно рассматривать мир как пространство, как время, как движение, как качество, как количество, как организм и т. д. и т. п. (Выше — см. п. 7.5, стр. 129 — я уже говорил о том, что понятие системы в его категориальном значении неприменимо к миру в целом, что лишь очень условно можно употреблять это понятие по отношению к миру).

Абсолютизация системности может быть также связана с трактовкой системы как порядка, т. е. в расширенном значении. Безусловно, система и порядок — соответственные категории и в этом смысле они могут в определенных ситуациях употребляться как взаимозаменяемые понятия. Однако, этих ситуаций не так много...

Элементы. “Элемент” рассматривается со времен Аристотеля как минимальный компонент системы или же максимальный предел ее расчленения. Этим определяется-фиксируется внутренняя граница тела. Тело как нечто пребывающее в самом себе, существующее само по себе выступает по отношению к другим телам, находящимся вне его, в виде целого, системы, а по отношению к телам, находящимся внутри его, — в виде того или иного элемента. Элементы и система как бы окаймляют внутреннее “пространство” тела. А структура его “наполняет”.

8.8. Виды тела

Эмпирически наблюдаемыми видами тела являются *неорганические микро-, макро- и мегатела*. К микротелам относятся молекулы, атомы, элементарные частицы, кварки. К макротелам относятся различные твердые тела, сравнимые с размерами человеческого тела. К мегателам относятся планеты, звезды, скопления звезд (галактики).

К особому виду тел относятся *органические молекулы и вещества, пребывающие вне живых организмов*. Они — либо продукты распада живых организмов, либо звенья в цепи биохимических превращений, либо исходный материал, фон для жизнедеятельности организмов. Они могут существовать самостоятельно, независимо от живых организмов. Это уже не неорганические тела, но и не живые организмы. Они занимают промежуточное положение между теми и другими.

Еще один вид тел — *организмы, пребывающие в состоянии анабиоза*. На Земле и в космосе их мириады. Они не живут, т. е. не живые, но и не мертвые, т. к. при определенных условиях способны к жизнедеятельности. Эти тела-организмы также занимают промежуточное положение, но теперь уже между неживыми органическими молекулами-веществами и живыми организмами.

Эмпирически наблюдаемые виды тела — лишь материал для категориально-логической классификации тел. Виды тела в категориально-логическом смысле — это такие виды, которые различаются между собой вследствие различного соотношения сторон тела (целого-строения-частей или системы-структуры-элементов).

С точки зрения триады “целое-строение-части” тела различаются по степени целостности.

С точки зрения триады “система-структура-элементы” тела различаются элементно (по составу), структурно или элементно-структурно. Пример чисто структурного различия: графит — каменный уголь — алмаз.

8.9. Группа (групповая материя)

Группа (групповая материя) — это бессистемная, бесструктурная, хаотическая совокупность внешним образом взаимодействующих (сталкивающихся) друг с другом тел. Пример чисто групповой материи — инертный газ. Составляющие этого газа химически неактивны, т. е. не вступают ни в какие химические реакции. Единственная форма взаимодействия между ними — это столкновения, которые не приводят ни к каким связям. А раз нет связей, нет и структуры. Инертный газ — абсолютно бесструктурное образование.

Для газа характерно броуновское движение молекул. Молекулы газа не связаны друг с другом, а сталкиваются, соударяются. Поэтому они никак не могут быть "частями", "элементами" в подлинном смысле.

И. В. Блауберг и Э. Г. Юдин групповую материю характеризовали как "неорганизованную совокупность", в которой связи между составляющими «носят внешний, случайный, несущественный характер». — Какая-то негативная характеристика, как будто мы критически оцениваем случайную связь мужчины и женщины, а не определяем вполне законное понятие. Хотя, с другой стороны, по-своему это логично: ведь само понятие "неорганизованная совокупность" отрицательно по содержанию, поскольку образовано путем приставления частицы "не" к положительному понятию "организованная совокупность". Во всем этом — и в словесном оформлении понятия и в негативных характеристиках его — видна нелюбовь рационалистически настроенных философов к хаосу, беспорядку, к тому, что не является системой, что не имеет структуры и т. д., и т. п. С моей же точки зрения, к беспорядку, хаосу, стихии нужно относиться также *философски уважительно*, как и к порядку, организованности, системности. Да, есть материя упорядоченная, организованная, системная, структурированная, оформленная. Но есть и материя неупорядоченная, неструктурированная, хаотичная. В ценностном смысле вторая так же значима для нас, людей, как и первая. С другой стороны, как не нужно нам слишком большого беспорядка, так не нужно и слишком большого порядка. В XX веке мы

достаточно натерпелись от твердого (нацистского и коммунистического) порядка. Кстати, слишком большой порядок в человеческом сообществе неизбежно ведет к слишком большому беспорядку. (Нацистский твердый порядок привел Германию к национальной катастрофе, к хаосу. Коммунистическая заорганизованность общества в России началась с губительной гражданской войны, сопровождалась невиданными репрессиями, затем сонным-застойным царством Л. И. Брежнева и закончилась тем, что поставила Россию на грань национальной катастрофы). Крайности, как говорится, сходятся!

Вернемся, однако, к обсуждаемому вопросу.

Как представляется, слова “группа”, “групповая материя” больше подходят для обозначения рассматриваемого вида материи, чем отрицательные выражения типа “неорганизованная совокупность”, “неупорядоченная материя”. Групповая материя играет значительную положительную роль в жизни человека. Достаточно упомянуть воздух. Он и средство дыхания, и теплорегулирующее средство, и условие, смягчающее климат у поверхности Земли, и вещество, позволяющее благодаря несвязанности составляющих его молекул и атомов двигаться человеку в пространстве. Воздух, правда, не является чисто групповой материей; в нем — масса активных элементов, которые образуют множество связей друг с другом, пусть временных, непрочных, но все-таки связей. И все же воздух — групповая материя, а не мезоматерия. Достаточно сравнить его с водой, жидкостью. В воде-жидкости значителен удельный вес структурно оформленных, упорядоченных, кристаллических образований.

Выше было отмечено, что в групповой материи акцент падает на количество. Что это значит? Качество групповой материи по сравнению с ее составляющими выражено минимально. Иными словами, групповая материя как целое почти тождественна в качественном отношении своим составляющим. Напротив, в количественном отношении она может быть весьма и весьма отлична от своих частей-элементов. Кроме того, она легко делится, являя собой некоторое реально существующее количество, множество, совокупность тел. В групповой материи количество выражено наиболее ярко, выпукло.

Составляющие групповую материю с очень большой натяжкой можно назвать элементами, частями. Ведь она не является ни системой, ни целым. Разве окружающий меня воздух является какой-то системой, целым? Или облака, представляющие собой большие скопления водяных паров. По сравнению с воздухом они являются более плотной материей, располагаются где-то в промежутке между воздухом и водой, т. е. между групповой материей и мезоматерией. И что же? Из наблюдаемого людьми нет ничего более изменчивого, неупорядоченного, неопределенного, неоформленного. К. Поппер в своей блестящей лекции “Об облаках и часах” противопоставил облака часам как нечто в высшей степени неупорядоченное, переменчивое, капризно-своевольное, иррегулярное и т. д. и т. п. У Поппера облака символизировали мир хаоса, беспорядка. Он совершенно справедливо расположил их на одном полюсе, а часы — на другом. Так и групповая материя в целом — это один полюс материальной реальности, а тело — другой полюс материальной реальности. Конечно, групповую материю можно представить как минимально упорядоченное тело, т. е. что она не противоположна телу как тип реальности, а является его крайне неупорядоченной модификацией. Так полагают те, кто считает порядок главным действующим лицом на мировой арене. Мы придерживаемся иного мнения. С нашей точки зрения в мире одинаково сильны позиции порядка и беспорядка. Соответственно, и групповая материя — не разновидность тела, а *противоположный* телу вид материи.

8.10. Мезоматерия

Мезоматерия, как мы уже говорили, — промежуточный вид материи. Она соединяет черты тела и групповой материи. Как тело она в какой-то мере целостна, как группа — представляет собой совокупность. В итоге мезоматерия *целокупна*, т. е. отчасти целостна, отчасти совокупна.

Далее, если тело структурировано, а групповая материя бесструктурна, то мезоматерия отчасти структурирована, а отчасти бесструктурна. Например, вода-жидкость отчасти

представляет собой полуупорядоченную совокупность кристаллов, а отчасти хаотическую совокупность отдельных молекул.

“Части”, “элементы” мезоматерии лишь отчасти являются таковыми, поскольку между ними нет жесткой-устойчивой связи.

Таким образом, категориальные определения “целое”, “строение”, “часть” и “система”, “структура”, “элементы” неприменимы к мезоматерии в целом. Вместо “целого”, “системы” правильнее использовать понятие “целокупность”. Вместо “строения”, “структуры” правильнее использовать понятие типа “полуупорядоченная совокупность”. Вместо “части”, “элемента” правильнее использовать понятие типа “подмножество”, “подгруппа”.

Мезоматерия в силу своего промежуточного характера многолика, может быть телоподобной и группоподобной. Так, между чистым газом и кристаллическим твердым телом располагается цепь промежуточных состояний: водяной пар, жидкость, аморфное тело. Водяной пар занимает промежуточное положение между газом и жидкостью, а аморфное тело — между жидкостью и кристаллом.

8.11. Органические виды материи: организм, сообщество

Люди давно заметили и по достоинству оценили различие между живыми существами и неорганическими телами. В упрощенной, приблизительной форме они зафиксировали это различие в грамматике языка. Согласно ей все имена существительные делятся на одушевленные и неодушевленные. Местоимение *кто* указывает на одушевленные предметы, местоимение *что* — на неодушевленные предметы. Также в науке и философии с некоторых пор стали проводить четкую разграничительную линию между неорганическим целым и органической целостностью. Подобное разграничение просматривается и в представлении о низших и высших формах материи. Здравомыслящие философы, ученые давно уже отказались от гилозоизма, оживотворения всей природы, с одной стороны, и

от механицизма, примитивного материализма, с другой.

Итак, к органическим видам материи мы относим *организм* и *сообщество*. «Организм» объединяет тело, мезоматерию и группу при определяющей роли первого вида материи. «Сообщество» объединяет тело, мезоматерию и группу при определяющей роли последнего вида материи. Частными видами «организма» являются одноклеточный организм, растение, животное (особь, живое существо), человек. Частными видами «сообщества" являются колония клеток, рой, стая, стадо, племя, род, народность, нация, семья, коллектив, социальная группа, общество.

О различии между организмом и сообществом

Разные философы, ученые и политики, увлекаясь организмическим подходом, нередко представляли те или иные сообщества организмами. Отсюда во многом их антидемократические, националистические, этатистские и тоталитаристские убеждения.

К сожалению, традиция изображать человеческое общество как организм весьма древняя. Ей отдали дань такие философские авторитеты как Платон и Аристотель.

Поучителен пример с К. Марксом. Как неофит социологической мысли и одновременно как приверженец коммунистических идей, он истолковывал соотношение *человека* и *общества* большей частью как соотношение части и целого/органического целого, т. е. рассматривал общество в духе холизма и органицизма, а отдельного человека как ничтожную частичку общественного целого, как представителя той или иной социальной общности.

С другой стороны, философы и ученые не раз высказывались в том духе, что сообщество особей, индивидов нельзя представлять как одну особь, как одного индивида, т. е. как организм. Н. М. Михайловский, например, писал:

"В организме все-таки страдает и наслаждается целое, а не части; в обществе все-таки страдают и наслаждаются части, а не целое" (с. 71). "Общество есть не организм, а совокупность неделимых организмов; оно состоит не из органов, специально предназначенных

для того или другого отправления, а из неделимых, имеющих все органы и потому исполняющих всю сумму отправлений" (с. 70).

Михайловскому вторит В. В. Вересаев: "Мы прекрасно понимаем, что коллектив сам по себе есть не что иное как отвлечение. У него нет собственного сознания, собственного чувствилища. Радоваться, наслаждаться, страдать он способен только в сознании членов коллектива".

Л. фон Берталанфи указывал на различие между организмом и сообществом. Он, правда, рассматривал сообщество как систему. Это весьма распространенная ошибка. Во-первых, сообщество не является системой, как организм не является неорганическим телом. И, во-вторых, оно (сообщество) не является системой, как хаотический "порядок" групповой материи не является системным порядком тела.

Возьмем для примера человечество, человеческое общество. Это — хорошо знакомое нам сообщество. Разве оно является системой? Человечество — такое сообщество, в котором отдельные человеческие сообщества (страны, нации, народности, племена, коллективы) в лучшем случае взаимодействуют друг с другом, но никак не составляют системы. С одной стороны, мы видим такие мощные объединения людей как США и Россия, а, с другой, совершенно оторванные от остального мира племена, группы индейцев, африканцев, австралийских аборигенов. Взаимодействие народов, стран-государств — это еще не система, не единство. Организация объединенных наций — весьма слабая форма связи людей (и даже не людей, а некоторых их сообществ, именуемых странами-государствами).

Мы знаем, что наряду с гармоническими, неантагонистическими взаимодействиями существуют антагонистические. Взаимодействие людей на Земле — это весьма сложный конгломерат гармонических и антагонистических взаимодействий. Наличие в этом конгломерате антагонистических взаимодействий (постоянно случающиеся горячие и холодные войны, локальные и глобальные катастрофы, то затухающий, то разгорающийся конфликт разных цивилизаций-культур <прежде всего европейско-христианской и мусульманской>, противо-

речия между Западом и Востоком, богатым Севером и бедным Югом и т. д. и т. п.) не позволяет сообществу людей превратиться в целое-систему.

Человечество в принципе не может стать единым целым, системой. Как только разрешаются одни противоречия-конфликты внутри него, тут же появляются другие. Предстоящий выход человечества в космос, т. е. заселение им необъятного внеземного космического пространства, еще более разъединит людей. Грядущая космическая цивилизация придет на смену земному человечеству, сделает сообщество людей еще менее похожим на целое-систему.

В живой природе различие между сообществом и организмом отчетливо можно видеть при сопоставлении колонии простейших (одноклеточных организмов) и многоклеточного организма.

Виды организма и сообщества

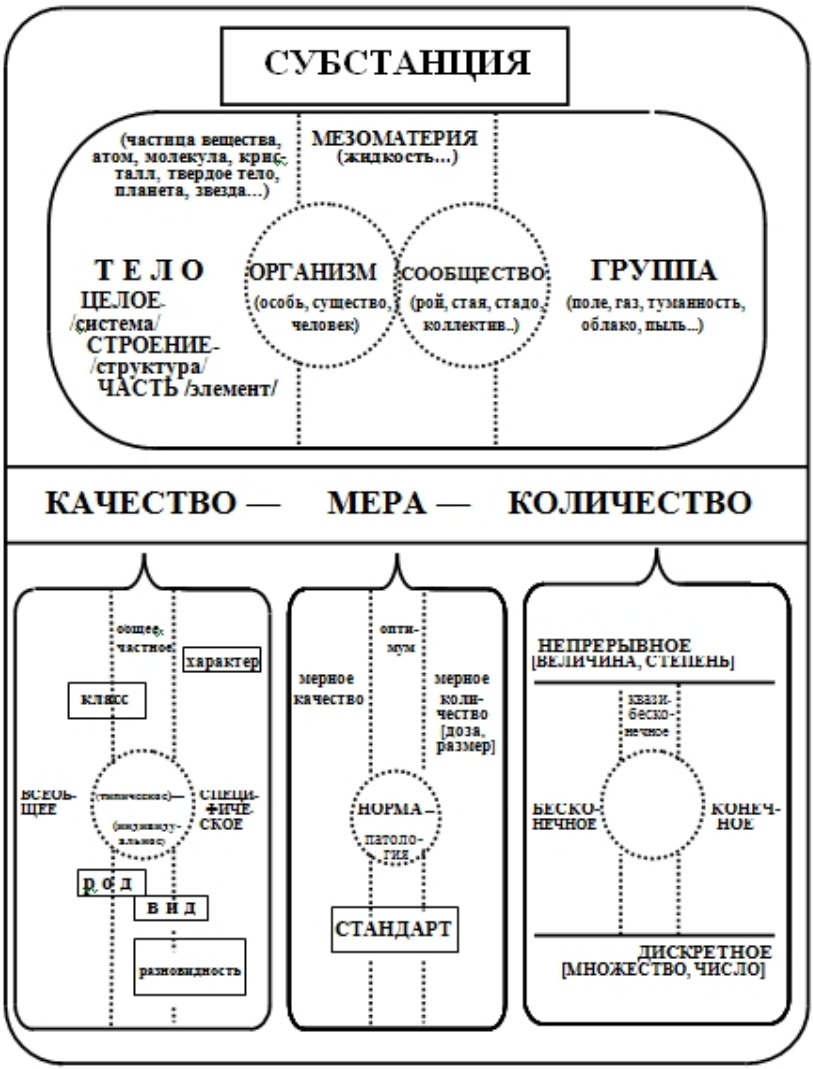
Видами организма являются одноклеточный организм, многоклеточный организм (растение и животное), живое существо, человек.

Видами сообщества являются колония простейших, сообщества растений (например, лес, саванна), рои, стаи, стада животных, популяции, человеческие сообщества.

Различие видов организма и сообщества обусловлено прежде всего различием уровней организации, по степени сложности. Организмы и сообщества тем выше по уровню организации, чем глубже взаимоопосредствование внутреннего и внешнего, порядка и беспорядка, необходимости и случайности и т. п. Самые простые организм и сообщество — это одноклеточный организм и колония простейших. Следующие по сложности — многоклеточный организм, размножающийся половым путем, и сообщества многоклеточных. Еще более сложные — живые существа, животные, обладающие нервной системой, психикой (высшие животные и их сообщества). Самые сложные на Земле — люди и их сообщества (семья, род, племя, коллектив, народ, нация, страна-государство, международные сообщества, человечество).

Субкатегориями организма (сообщества) являются *органическое целое, организация, орган, функция*.

Диаграмма (структурная схема) категории “материя”



Глава 9. Движение

9.1. Общая характеристика движения

Движение, как и материя, имеет сложную категориально-логическую структуру, выражается в системе субкатегорий.

Очень важно для уяснения категориальной сущности движения, с одной стороны, понимать его достаточно широко, всеобъемлюще, а, с другой, не допускать его расширительного толкования (о чем говорилось в разделе «Материя и движение»).

Пример узкой трактовки движения: понимание его как пространственного перемещения. Эта точка зрения давно уже оставлена большинством философов.

Другим примером узкой трактовки движения является понимание его как *изменения вообще* (Ф. Энгельс). Эта трактовка кажется на первый взгляд достаточно широкой. Она, во всяком случае, шире понимания движения как пространственного перемещения. Но вот вопрос: куда мы денем *покой*, *сохранение*? Эти понятия соотносительны *перемещению* и *изменению*. Перемещение как категориальное определение обременено своей противоположностью — *покоем*, а изменение — *сохранением*. Перемещение-покой и изменение-сохранение составляют единые категориальные пары, категориальные блоки. Мы не можем вырывать *перемещение* из подсистемы «перемещение-покой», а *изменение* из подсистемы «изменение-сохранение» и рассматривать их отдельно, как определения движения. Это было бы нарушением *категориальной логики*.

Из диаграммы категории «движение» (см. выше табл. 1 на стр. 135) видно, что сторонами, т. е. ближайшими к движению определениями являются *пространство* и *время*. Отсюда «внутреннее» определение категории таково:

Движение есть единство пространства и времени.

Это определение вытекает из всей совокупности представлений, связанных с категориальной картиной мира. Движение не может быть вне пространства и времени. С другой стороны, пространство и время *действительны* лишь в движении. Чем для материи являются качество и количество, тем для движения являются пространство и время.

Из положения, что лишь в движении пространство и время действительны, следует, что реальные пространство и время нельзя рассматривать как рядоположенные движению. Они — моменты, стороны движения, которое является родительской категорией по отношению к ним. Всякий последовательно мыслящий человек должен принять одно из двух: либо то, что пространство и время — моменты, стороны движения, либо то, что они — формы бытия материи *наряду* с движением. Я принимаю первую точку зрении и считаю, что у материи достаточно своих собственных определений и она вполне может «отдать» движению пространство и время. Богу богово, а кесарю кесарево. Материи материево, а движению движениево!

Если пространство и время являются *сторонами* движения, то значит *видами* движения должны быть такие, в которых обнаруживается различие пространства и времени, т. е. в которых последние «преломляются» по-разному. И действительно, такие виды есть. Это прежде всего — *перемещение* и *изменение*.

Интересно отметить, что в истории человеческой мысли наблюдаются две крайности в понимании движения, связанные с абсолютизацией каждого из указанных видов движения в отдельности. Одни философы и ученые рассматривали движение преимущественно или только как пространственное перемещение (атомисты, Декарт, Спиноза, Гоббс, Гассенди, Локк). Другие рассматривали движение как течение во времени, изменение, длительность, временно́й поток (А. Бергсон).

Сторонники концепции движения в пространстве в отдельных случаях заходили так далеко, что допускали возможность движения вне времени. Это можно видеть на примере того, как философы и ученые понимали распространение света. Пока О. Ремер в 1676 г., а Д. Брэдли в 1738 г. не установили, что свет имеет конечную скорость распространения, до тех

пор многие считали, что свет распространяется мгновенно, т. е. для его распространения не нужно времени.

Приведенный пример весьма поучителен. Он показывает, как важна правильная мировоззренческая и методологическая ориентация. Ведь если бы философы и ученые с самого начала стояли на том, что всякое движение есть единство пространства и времени, то они ни минуты не сомневались бы, что свет распространяется с конечной скоростью, что он перемещается в пространстве в течение какого-то времени. Отсюда не были бы сильно осложнены исследования Декарта и Ферма по геометрической оптике. И признание теории Ремера пришло бы как минимум на 50 лет раньше. Методологические ошибки, как видим, дорого обходятся человечеству.

Приведенный пример поучителен и в том плане, что он показывает необходимость *системного представления* категорий. Не какие-то обрывки связей категорий (в данном случае — движения и пространства), а система категорий в полном ее объеме должна лежать в основе *осмысленного* подхода к изучению и освоению мира. Некоторым философам может показаться искусственным деление движения на два вида: перемещение и изменение, т. е. движение в пространстве и движение во времени. В самом деле, различие между ними не так явно, как различие между пространством и временем. Более того, всякое изменение материального объекта сопровождается перемещением его частей или частиц, и, наоборот, всякое перемещение материального объекта означает то или иное изменение системы объектов, в которой он является частью или частицей. Как видим, отношение перемещения и изменения *взаимно*. Одно без другого невозможно. И всё же я утверждаю, что это два *разных вида* движения. Из того, что одно неразрывно связано с другим, не вытекает, что между ними нет никакого различия. Например, мужчина не может существовать без женщины, а женщина — без мужчины (иначе жизнь прекратилась бы). Тем не менее, мужчина и женщина не просто различные, а противоположные в половом отношении люди.

До сих пор я говорил о «движении в пространстве» и «движении во времени» в основном как о перемещении, в

первом случае, и изменении, во втором случае. На самом деле эти понятия не совпадают. «*Движение в пространстве*» — *целокупность моментов перемещения и покоя*. «*Движение во времени*» — *целокупность моментов изменения и сохранения*. Было бы ошибкой представлять движение только как перемещение или изменение. От этой ошибки один шаг к абсолютизации текучести, изменчивости и недооценке покоя, сохранения, устойчивости.

Почему сохранение и покой относятся к движению, хотя по видимости они не представляют собой движения, изменения? Дело в том, что изменение и сохранение, перемещение и покой — родственные категории и в качестве таковых они имеют общий корень. Этим корнем, родительской категорией, обнимающей указанные противоположные определения, может быть только *движение*. В итоге образуется целостная подсистема категорий, во главе которой стоит «движение». Если использовать понятия *прямого* и *обратного* изменения (а в природе все процессы состоят, по существу, из прямых и/или обратных изменений), то нетрудно увидеть, что *сохранение* — это тоже изменение, вернее *взаимопереход* прямых и обратных изменений. Собственно изменение, в таком случае, можно интерпретировать как прямое *или* обратное изменение или как процесс, в котором преобладают прямые или обратные изменения. В *сохранении* ни одно из противоположных изменений не преобладает; поэтому *в целом* мы наблюдаем сохраняющийся процесс. Те же рассуждения можно провести по отношению к перемещению и покою. В состоянии покоя противоположные перемещения уравновешивают друг друга. Особенно наглядно это видно на примере движения планет вокруг Солнца. Благодаря движению по эллипсоидной орбите они то приближаются к нему, то удаляются, а в целом находятся в состоянии относительного покоя, как бы привязаны к Солнцу, не падают на него и не «улетают» от него.

Итак, универсально-всеобщими видами движения являются «движение в пространстве» (перемещение + покой) и «движение во времени» (изменение + сохранение). За их пределами никаких других видов движения нет и быть не может. Логическое членение движения на указанные виды обуслов-

лено диалектикой взаимоотношения его сторон — пространства и времени, и именно в силу этого оно является полным, исчерпывающим членением.

Все конкретные формы и типы движения, изучаемые различными науками, являются либо подвидами его видов в отдельности, либо *объединяющими* видами, осуществляющими органический синтез, взаимоопосредствование перемещения и покоя (в рамках «движения в пространстве») или изменения и сохранения (в рамках «движения во времени»). К объединяющим видам относятся *поведение* и *развитие*.

Поведение — сложное органическое движение в пространстве, органическое единство (взаимоопосредствование) перемещения и покоя. Оно присуще живым организмам, существам, человеку, их сообществам. Перемещение и покой живых существ и человека коренным образом отличаются от перемещения и покоя неорганических тел. Во-первых, поведение живого существа органически соединяет перемещение и покой, в то время как в неорганическом мире они *разделены*. Если неорганическое тело перемещается (движется), то о нем нельзя сказать, что оно покоится, и, наоборот, если неорганическое тело покоится (например, камень на земле), то оно не перемещается (не движется). Поведение живого существа складывается из моментов перемещения и моментов покоя. Например, заяц, убегая, скрываясь от волка, не обязательно перемещается (бежит, скачет); он также делает остановки, замирает, прислушивается, оценивает обстановку, т. е. как-то *ведет* себя. Эти «остановки», т. е. пребывания в покое, органично входят в поведение зайца, в основе которого лежит стремление спастись от преследования волка. Или возьмем такую сложную форму поведения как танец человека. Это целый комплекс поступательных, круговых, вращательных движений, остановок, ускорений и замедлений.

Развитие — сложное органическое движение во времени, органическое единство (взаимоопосредствование) изменения и сохранения.

Развитию соответствуют в подсистеме «виды материи» *организм* и *сообщество*, в подсистеме «качество» — *индивидуальное* и *типическое*, в подсистеме «мера» — *норма*, в подсистеме

«противоречие» — *сложное противоречие*, в подсистеме «становление» — *деятельность*, в подсистеме «возможность» — *свобода*, в подсистеме «действительность» — *сущность*, в подсистеме «движение в пространстве» — *поведение* и т. д.

9.2. Пространство

Пространство — сторона движения, соотносительная с другой его стороной — временем.

Пространство само по себе еще не есть движение. Только в единстве с временем оно становится движением. С другой стороны, пространство не существует вне единства с временем, т. е. вне движения. Таким образом, пространство, рассматриваемое отдельно, — это всего лишь абстракция реального пространства.

Структура пространства выражается в системе определений, представленной на *диаграмме* (см. рис. 8 на сл. стр.). *Пространство есть прежде всего единство протяженности и расположения*.

Протяженность выражает непрерывно-количественный аспект пространства. *Расположение* выражает дискретно-количественный аспект пространства. Этим аспектам пространства соответствуют *длительность* и *порядок времени* — аспекты времени.

Протяженность делится на ограниченную и безграничную. Ограниченная протяженность в разных аспектах характеризуется следующими понятиями: *длина* (*ширина*, *глубина*, *высота*, *расстояние*), *площадь*, *объем*.

Единицами измерения протяженности являются метр, сантиметр, километр и т. д.

Расположение есть различие и тождество *мест*. *Место* играет такую же роль в системе пространственных субкатегорий, какую *момент* в системе субкатегорий времени. Различие мест выражается в понятии *рядоположенности*. Последняя — момент расположения. (Виды расположений и соответствующих им мест: левое-правое; верх-низ; спереди-сзади-сбоку; середина-край; центр-периферия; здесь-там; ближе-дальше; внутри-снаружи и т. д.).

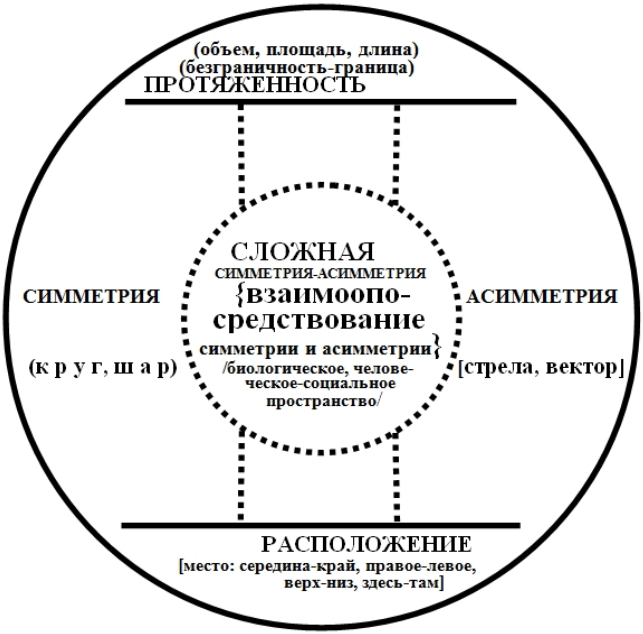


Рис. 8. *Диаграмма (структурная схема) категории «*ПРОСТРАНСТВО*»*

Место — ячейка пространства, где находится или совершается что-либо, откуда или куда движется что-либо. Слово «место» употребляется в самых различных контекстах. Одно только перечисление различных употреблений слова показывает, сколь многообразно содержание категории «место». Далее, *пространство есть единство симметрии и асимметрии*. Это — второе определение пространства. Симметрии и асимметрии в системе субкатегорий времени соответствуют *обратимость* и *необратимость*. В системе субкатегорий *движения во времени* им соответствуют *сохранение* и *изменение*, в системе субкатегорий *движения в пространстве — покой* и *перемещение*.

На диаграмме категории «пространство» в центральном круге представлены *сложные органические* формы пространства, к числу которых относятся биологическое пространство и человеческое (социальное) пространство. Последние еще

очень мало изучены. Тем не менее ученые уже оперируют этими понятиями, признают их особый статус, несводимость к неорганическим формам пространства. Так, например, они активно используют понятие *жизненного* пространства. Это понятие получило широкую известность и пользовалось дурной славой благодаря идее fix немецких нацистов о необходимости расширения жизненного пространства. Со времен второй мировой войны утекло много воды. Ученые теперь прекрасно сознают научную значимость этого понятия. Биологи исследуют его на материале поведения животных. То же самое ученые делают при изучении человеческого поведения. Они, в частности, выяснили, что каждому человеку необходим свой минимум жизненного пространства.

Понятие жизненного пространства не исчерпывает всего содержания понятия *человеческого* пространства. Важное значение имеют также понятия *внутренней среды* человеческого организма и *внутреннего мира* человека как субъекта, индивида, личности.

Понятие *социального* пространства, по-видимому, является частным или зависит от понятия человеческого пространства, поскольку *общество* не является *особой* реальностью, стоящей над человеком, в которую последний входит как часть в целое. Общество есть реальность *человеческих* отношений.

9.3. Время

Время — сторона движения, соотносительная с пространством. Само по себе время еще не есть движение. Только в единстве с пространством оно становится движением. С другой стороны, время не существует вне единства с пространством, т. е. вне движения. Отсюда следует, что время, рассматриваемое отдельно, — лишь абстракция реального времени.

Время выражается в системе определений-понятий, представленной на *диаграмме (структурной схеме)* — см. рис. 9.

Прежде всего, *время есть единство длительности и порядка времени*. Длительность выражает непрерывно-количественный аспект, порядок времени — дискретно-количественный аспект времени.

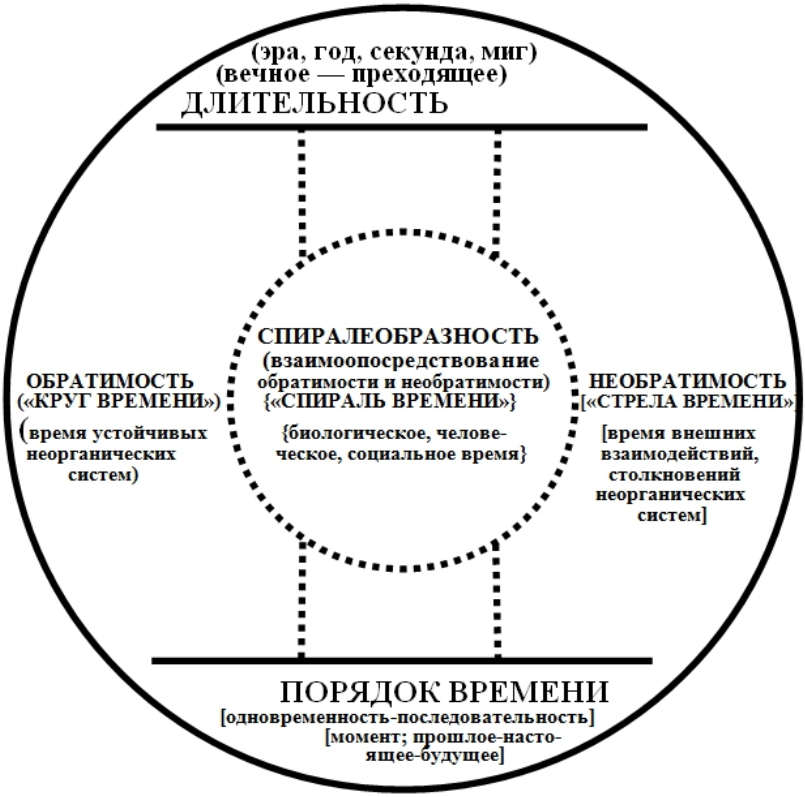


Рис. 9. Диаграмма (структурная схема) категории «ВРЕМЯ».

Длительность делится на конечную (*временное*, *преходящее*) и бесконечную (*вечность*, *непреходящее*, *бессмертие*). Конечная длительность характеризуется следующими понятиями: *миг*, *мгновение, секунда, минута, час, день, сутки, неделя, месяц, год, век, эра* и т. д.

Порядок времени есть тождество, различие и противоположность *моментов*. Частным случаем порядка времени является *последовательность*. Последняя выражает только различие или противоположность моментов времени.

Порядок времени или временной порядок включает помимо последовательности тождество, обратимость моментов

времени (*одновременность, одномоментность*). Виды последовательности: «прошлое-настоящее-будущее», «утро-день-вечер-ночь», «весна-лето-осень-зима», «детство-юность-зрелость-старость» и т. д.

Момент — ячейка времени, в которой пребывает или совершается что-либо, откуда или куда изменяется что-либо. Момент — чисто временное понятие; в движении во времени (изменении и сохранении) ему соответствует *состояние*.

Длительность и последовательность выражаются в понятии «*течение времени*». Последнее означает переход от одного момента времени к другому. «Течению времени» в системе субкатегорий пространства соответствует *путь* (дорога, траектория и т. п.).

«Течение времени» не тождественно изменению. Первое является абстракцией второго так же, как время является абстракцией движения во времени или вообще движения.

Когда мы говорим: «время не ждет» или «время остановилось», то этим выражаем *объективный* характер движения во времени, что что-то изменяется или сохраняется независимо от нашей воли и сознания. «Течение времени» или его «нетечение» указывает нам, что мы должны действовать, чтобы успеть «вовремя» или, напротив, не должны торопиться, «подгонять время». «Течение времени», являясь абстракцией движения во времени, является также и абстракцией *реального* времени. Измеряемое секундой, минутой, часом, сутками, годом и т. п., оно является *формальным*, *искусственным* временем и служит лишь в качестве *средства* человеческой деятельности. Такое время характеризует некоторое абстрактное изменение, общее, ритмически однородное, на фоне которого происходят реальные изменения или сохраняется что-то. Течение времени или формальное время есть не что иное, как система отсчета для всех реальных изменений, временных процессов, служащая для их сравнения (оценки их последовательности, одновременности, длительности, равномерности и неравномерности). Реальное время для каждого реального изменения свое, конкретное. Оно не является единым, общим для всех реальных изменений. В этом смысле человек не может использовать в своей деятельности только такое реальное время. Ему нужно единое «мировое» время, равномерно и непрерывно текущее. Оно будет формальным для почти всех реальных изменений кроме одного: времени обращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси. Формальное время — это как деньги; на него можно все обменивать; с его помощью можно все сравнивать,

оценивать. Формальное время — инструмент человеческой деятельности подобно тому, как деньги — инструмент товарообмена, экономических отношений производителей и потребителей. Часы служат для измерения формального времени (течения времени) и для относительного измерения реального времени.

Из того факта, что формальное время равномерно и непрерывно течет в одном направлении, от прошлого через настоящее к будущему, *не следует*, что реальное время реальных процессов также равномерно и непрерывно течет от прошлого к будущему. Реальное время, как установил А. Эйнштейн, может течь быстрее или медленнее в зависимости от скорости реальных изменений, а может и вообще не течь, как бы стоять на месте или быть обратимым.

Когда все время имеют дело с формальным временем в конкретных видах деятельности, то это порождает иллюзию тождества формального и реального времени. Реальному времени приписываются, навязываются свойства, черты формального времени, а именно: непрерывность, равномерность, заданный темп, необратимость (течение от прошлого к будущему).

Здесь мы переходим ко второму «внутреннему» определению времени: *время есть единство обратимости и необратимости*.

Это определение соответствует определению пространства как единства симметрии и асимметрии.

Реальное время столь же обратимо, сколь и необратимо. Оно протекает как бы в двух противоположных ипостасях: в виде обратимого и необратимого времени. Соответственно ему и все процессы в неорганической природе делятся на обратимые и необратимые. Существование необратимых процессов делает невозможной абсолютную обратимость времени, а существование обратимых процессов делает невозможной абсолютную необратимость времени.

В неорганической природе имеет место *взаимовлияние* обратимого и необратимого времени. В живой природе и человеческом обществе к этому взаимовлиянию прибавляется *взаимоопосредствование* противоположных «ипостасей» времени. В процессах развития и становления мы воочию видим органическое соединение, взаимоопосредствование обратимости и необратимости. В этих процессах время имеет *спиралевидную* форму, соединяющую «стрелу времени» и «круг времени», ритмичность, обратимость временного порядка.

9.4. Виды движения

Движение в пространстве

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории «движение в пространстве»* (рис. 10). В ней представлены четыре субкатегории: перемещение, покой, поведение, положение.

Перемещение и *покой* — противоположные виды или моменты *движения в пространстве*. В чистом, неопосредованном виде они действуют в неорганической природе.

Рис. 10. *Диаграмма (структурная схема) категории «*ДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ

Поведение — органический синтез, взаимоопосредствование перемещения и покоя. Эта категория действует в живой природе и человеческом обществе.

Положение — связующее звено между «движением в пространстве» и пространством; *это* нахождение материального объекта в том или ином *месте* пространства.

Отсюда «внутренние» определения перемещения и покоя будут такими:

Покой есть пребывание в одном и том же положении.

Перемещение есть переход из одного положения в другое.

Видов перемещения существует столько же, сколько пространственных фигур.

Шару, цилиндру, конусу и им подобным фигурам соответствует вращательное движение.

Кругу или эллипсу соответствует орбитальное движение. Прямой линии — прямолинейное, поступательное перемещение. Кривой линии — криволинейное движение.

Синусоиде — колебательно-поступательное движение (например, распространение волн). Спирали — вращательно-

поступательное или орбитально-поступательное движение (например, штопор — фигура высшего пилотажа) и т. д.

Перемещения различаются также по *скорости*, *ускорению* и *замедлению*. Различия по скорости могут быть весьма значительными. В современной науке существуют даже две различные механики: механика медленных перемещений (ньютоновская) и механика быстрых перемещений, сравнимых со скоростью света (релятивистская).

Скорость, *ускорение* и *замедление* — это межкатегориальные понятия, объединяющие количество и движение. Они характеризуют как перемещение, так и изменение.

Понятиями, объединяющими перемещение и количество (непрерывное) является *приближение* (*сближение*) и *удаление*. В системе субкатегорий **изменения** им соответствуют *увеличение* и *уменьшение*. Очевидно, можно говорить и о таком понятии (виде перемещения), которое объединяет перемещение и качество. (В системе субкатегорий **изменения** ему должно соответствовать *превращение* — качественное изменение). Таким понятием может быть *скачок*. Например, переход электрона в атоме с одной орбиты на другую носит характер скачка (при этом либо поглощается, либо излучается порция энергии). Скачок — не то же самое, что приближение или удаление. Последние носят характер плавного, непрерывно-количественного перехода (например, приближение планеты к Солнцу и удаление от него). Скачок в этом случае следует интерпретировать как дискретно-количественное перемещение. Это уже второе понимание скачка.

Поведение — сложное движение в пространстве, органическое единство (взаимоопосредствование) перемещения и покоя. Оно присуще живым организмам, существам, человеку, их сообществам. Перемещение и покой живых существ и человека коренным образом отличаются от перемещения и покоя неорганических тел.

Во-первых, поведение живого существа органически соединяет перемещение и покой, в то время как в неорганическом мире они *разделены*. Если неорганическое тело перемещается (движется), то о нем нельзя сказать, что оно покоится, и, наоборот, если неорганическое тело покоится (например,

камень на земле), то оно не перемещается (не движется). Поведение живого существа складывается из моментов перемещения и моментов покоя. Например, заяц, убегая, скрываясь от волка, не обязательно перемещается (бежит, скачет); он также делает остановки, замирает, прислушивается, оценивает обстановку, т. е. как-то *ведет* себя. Эти «остановки», т. е. пребывания в покое, органично входят в поведение зайца, в основе которого лежит стремление спастись от преследования волка. Или возьмем такую сложную форму поведения как танец человека. Это целый комплекс поступательных, круговых, вращательных движений, остановок, ускорений и замедлений.

Во-вторых, поведение живого существа органически соединяет упорядоченное, законосообразное перемещение (подобно движению планет вокруг Солнца) и неупорядоченные, хаотические перемещения (подобно броуновскому движению молекул). В неорганической природе перемещения того и другого рода также разделены. Одни неорганические тела перемещаются по строго определенным орбитам (планеты вокруг Солнца, электроны вокруг ядра атома). Другие неорганические тела движутся неупорядоченно, хаотично, случайным образом (броуновское движение молекул, перемещение элементарных частиц, приводящие к столкновениям). Поведение живого существа не является ни жестко упорядоченным (необходимым, законосообразным), ни хаотичным (чисто случайным), а соединяет в себе моменты того и другого, являясь в подлинном смысле *свободным*, т. е. основанным на возможности и способности живого существа выбирать путь в пространстве. Если мы возьмем поведение зайца, когда он убегает от волка, то наглядно увидим, что в его «убегании» одинаково присутствуют моменты необходимости, упорядоченности и моменты случайности, неупорядоченности. Момент необходимости состоит в том, что поведением зайца руководит инстинкт самосохранения, потребность в самосохранении. Вследствие этого его перемещения упорядочены, если брать их в целом (как поведение), так как они сводятся в конечном счете к движению в сторону от волка, уйти от преследования волка подальше. Момент случайности в поведении зайца сводится к тому, что стоящая перед зайцем проблема освобожде-

ния от преследования может быть решена по-разному, в зависимости от обстановки и наличных сил самого зайца (в частности, от степени его усталости). В реальной обстановке «убегания» заяц бежит не строго по прямой линии от волка, а зигзагами, совершая время от времени обманные движения, прыжки в сторону, останавливаясь, замирая и прислушиваясь и т. д. Заяц часто намеренно пытается запутать следы и этим самым бессознательно использует в своих «интересах» случайность. Для зайца в ситуации «убегания» случайное, хаотическое, непредсказуемое поведение — благо, а для волка такое поведение зайца — зло.

Если взглянуть на поведение живого существа или человека в течение всей его жизни (всего жизненного цикла развития), то можно увидеть, что моменты упорядоченности и неупорядоченности в поведении как бы распределены во времени, т. е. находятся в разном соотношении на разных стадиях жизненного цикла.

Движения младенца, ребенка по преимуществу хаотичны, беспорядочны, случайны. Младенец, например, может случайно ткнуть ручку в глаз и испугаться, заплакать. А кто наблюдал стайку ребят возле взрослых, то невольно, наверное, сравнивал поведение этой стайки с броуновским движением молекул. Во время перемены в школе творится самый настоящий бедлам.

Движения старика, напротив, очень скупы, строго упорядочены и совершаются лишь по необходимости (мы берем, конечно, крайний случай).

Движения человека в зрелом возрасте свободны, непринужденны, в меру расточительны и в меру скупы.

Будучи *сложным* движением в пространстве поведение может быть разной степени сложности (в соответствии с тем или иным уровнем организации живого). Поведение в этом плане подобно таким категориям, как развитие, сложное противоречие, организм, свобода, сущность.

Поведением обладают уже простейшие живые организмы — одноклеточные. Об этом пишут в своих исследованиях *этологи*. Они говорят и об элементарных формах, актах пове-

дения (клинокинезе, тропизмах и т. д.) и о «высших формах поведения».

У животных и человека четко прослеживаются две формы поведения в зависимости от суточного ритма активности: *бодрствование* и *сон*. Перемещение и покой как будто нарочно разделены, «разведены» по разным «углам» жизненного цикла. Получается, как в неорганической природе они разделены, так и в живой природе они *в какой-то мере* обособлены друг от друга. Формами обособления являются как раз бодрствование («экологическая ниша» для перемещения) и сон («экологическая ниша» для покоя). Нетрудно, однако, заметить, что это обособление не абсолютно, оно только «в какой-то мере». Формы обособления являются в то же время сложными формами опосредствования перемещения покоем (в случае бодрствования) и покоя перемещением (в случае сна).

Движение во времени

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) категории «движение во времени»* (рис. 11).

На диаграмме представлены четыре субкатегории: изменение, сохранение, развитие, состояние.

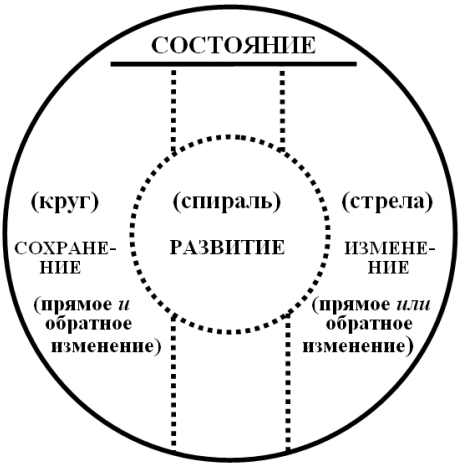


Рис. 11. *Диаграмма (структурная схема) категории* «ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ»

Изменение и *сохранение* — противоположные виды или моменты *движения во времени*. В чистом, неопосредованном виде они действуют в неорганической природе. *Развитие* — органический синтез, взаимоопосредствование изменения и сохранения. Эта категория действует в живой природе и человеческом обществе.

Состояние — связующее звено между «движением во времени»

и временем; *это — нахождение или пребывание материального объекта в том или ином моменте времени*.

Отсюда «внутренние» определения изменения и сохранения будут такими: *Изменение есть переход из одного состояния в другое. Сохранение есть пребывание в одном и том же состоянии.*

Таким образом, «движение во времени» выражается в двух субкатегориях и ни одна из них не является преобладающей, главной. В мире одинаково «сильны позиции» изменения и сохранения. Если в отношении *изменения* это более или менее ясно со времен гераклитовского *panta rei* («все течёт»), то в отношении *сохранения* вопрос не так прост. С одной стороны, все знают древнее изречение «ничего нет нового под луной». С другой, различного рода релятивисты, псевдодиалектики, революционеры очень не любят эту категорию и все, что за ней стоит. Философы стали серьезно обсуждать проблемы сохранения и говорить о консерватизме в хорошем смысле лишь в связи с открытием принципов-законов сохранения, прежде всего закона сохранения энергии, и с открытием фундаментального генетического консерватизма в живой природе.

Сохранение — это выражение тождества в движении во времени. А изменение — выражение различия и противоположности в движении во времени.

О категории «состояние». Виды материи, рассматриваемые с точки зрения их превращения друг в друга, суть **состояния** материи. Вопрос о состоянии чего-либо возникает всякий раз, когда речь заходит об изменении или сохранении этого чего-либо.

Всякое состояние есть в конечном счете состояние материи. Представления физиков об агрегатных состояниях вещества являются одним из лучших опровержений той точки зрения, что понятие состояния характеризует лишь данный объект предмет, явление. В самом деле, вещество — это не данный объект, а *вид* материи. Далее, если мы рассмотрим состояния вещества в отдельности, то увидим, что каждое из них имеет *свои* состояния. Например, твердое тело может находиться в более нагретом и менее нагретом состоянии. А если мы закалим сталь, то «переведем» ее из относительно

мягкого состояния в более твердое. Налицо многослойность, иерархия состояний.

Всякое изменение можно представить как переход или «кусочек» перехода из одного противоположного состояния в другое. Причем, степень противоположности между состояниями весьма различна. Например, сталь в качестве твердого тела может быть мягкой или твердой. Это одна противоположность состояний. Если возьмем твердое и газообразное состояния вещества, то это уже другая, более глубокая противоположность состояний. Если возьмем для сравнения вещество и поле, то это будет еще более глубокой противоположностью состояний физической материи. Наконец, если возьмем для сравнения вещество и антивещество, то это будет самой глубокой противоположностью состояний физической материи из известных на сегодняшний день. Вполне возможно, что наука будущего обнаружит еще более глубокие противоположности, т. е. еще более противоположные состояния материи. Материя беспредельна и беспредельна глубина ее противоположных состояний (беспредельна противоположность ее состояний).

Виды изменения. Непрерывно-количественные изменения: *рост, увеличение*, *уменьшение* (изменения величины).

Дискретно-количественные изменения: *размножение*, *вымирание тиражирование*, *рассеяние*, *распыление* и т. п. (изменение множества).

Качественные изменения: *превращение* (*возникновение* и *уничтожение*, *исчезновение*).

Целое + изменение: *объединение*, *соединение*, *синтез*, *слияние*, *интеграция* и т. п.

Часть + изменение: *разрушение*, *распад*, *разложение*, *дробление*, *разъединение*, *деление* (например, ядра атома) и т. п.

Структура + изменение: *деструкция*, *деформация*, *кристаллизация* и т. п.

Организация + изменение: *организация* (как процесс), *дезорганизация*.

Новое и старое + изменение: *обновление*, *старение*.

Как показывает анализ, все указанные виды изменения делятся на *прямые* и *обратные*. Можно заранее утверждать, что

и любой другой вид изменения, который не указан здесь, также делится на прямое и обратное изменение. Такова диалектика движения во времени. Прямыми изменениями являются процессы увеличения, размножения, возникновения, объединения, структурализации и т. п. Обратными изменениями являются процессы уменьшения, вымирания, разрушения, уничтожения, деструкции и т. п.

Отсюда легко перейти к категории сохранения. Те процессы, в которых прямое и обратное изменения более или менее уравновешивают друг друга, являются как раз *сохраняющими* процессами или процессами сохранения. Сохранение в таком случае можно определить как *взаимопереход* прямых и обратных изменений.

Прямые и обратные изменения в чистом виде мы наблюдаем только в неорганической природе (например, аннигиляция и/или рождение пары «частица-античастица»). В живой природе и человеческом обществе, а точнее, в процессах *развития* прямые и обратные изменения *опосредуют* друг друга и в целом изменение и сохранение в процессах развития глубоко опосредуют друг друга (см. рис. 12 на сл. стр.).

9.5. Развитие

Развитие *есть сложное органическое движение во времени, органическое единство (взаимоопосредствование) изменения и сохранения.*

Развитие — сложноорганизованное изменение циклического характера. В нем, как уже было сказано, осуществляется органический синтез изменения и сохранения. Момент сохранения в развитии выражается в понятии *повторяемости* или возвращения якобы к старому. Момент изменения — в понятиях *необратимость*, *поступательность*. См. ниже рис. 12.

Геометрическим образом развития, как и сложного противоречия, является *спираль*. Развитие органически соединяет *стрелу времени* и *круг времени* (периодичность, ритм), т. е. необратимость и обратимость.

Развитие — это реорганизующее, а не разрушающее или созидающее, изменение. Это изменение *во имя* сохранения

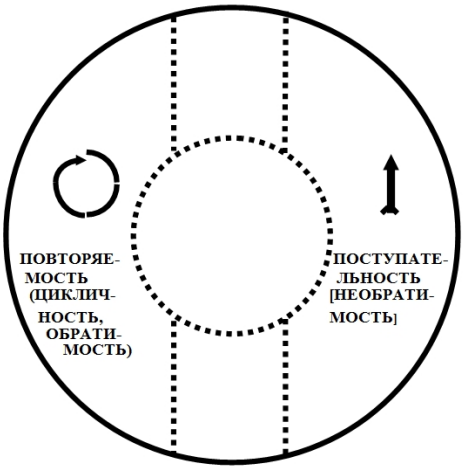


Рис. 12. Диаграмма (структурная схема) категории «РАЗВИТИЕ»

(наверное, можно сказать и наоборот: сохранение *во имя* изменения; ни одна из указанных сторон в развитии не преобладает, если говорить о развитии вообще, в целом, как категориальном определении).

Если рассматривать развитие с точки зрения соотношения *прямых* и *обратных* изменений, то вырисовывается такая картина. Когда речь идет просто об *изменении*, то это *либо* прямое изменение (возникновение, созидание), *либо* обратное изменение (уничтожение, разрушение). Здесь действует «закон» ***или***.

Когда речь идет о *сохранении* (сохраняющемся процессе), то в нем прямое и обратное изменение уравновешивают друг друга и в целом мы наблюдаем сохранение. В этом случае действует «закон» ***и*** (прямое ***и*** обратное изменение).

Теперь, если мы возьмем *развитие*, то увидим, что в нем действуют сразу оба «закона»: ***или*** и ***и***. Рассмотрим это на примере индивидуального развития человека. Сначала рождение, затем рост, взросление, возмужание. Здесь преобладают процессы, которые имеют характер прямого изменения (возникновение, созидание). На стадии старения преобладают процессы, имеющие характер обратного изменения (разрушения, уничтожения). В зрелом возрасте процессы созидании и разрушения уравновешиваются. Таким образом, в одном случае мы видим «или»: либо рост и взросление, либо старение и умирание; а в другом случае — «и»: созидание и разрушение в зрелом возрасте, т. е. человек в этот период одновременно растет и стареет, причем в одинаковой мере.

Далее, в зависимости от *глубины* взаимоопосредствования изменения и сохранения развитие бывает *разной степени сложности* (говорят еще о *низших и высших формах* развития).

Развитие *первой* степени сложности (низшая форма развития) это, очевидно, развитие простейшего живого организма, каковым является одноклеточный организм. Такое развитие имеет две стадии (ступени, фазы): рост (метаболизм) и деление (митоз). На стадии роста (метаболизма) мы видим опосредствование изменения сохранением. Формула опосредствования: (И – Сх – И), где И — изменение, Сх — сохранение. Если взять простейший метаболический процесс — ферментативную реакцию, — то увидим, что в этом процессе направленное *изменение* опосредуется ферментом — белком с *сохраняющейся* структурой. На уровне всеобщего метаболизма клетки таким опосредователем выступает молекула ДНК.

На стадии деления (митоза) мы видим противоположное опосредствование — сохранения изменением: (Сх – И – Сх). Сохранение в «лице» молекулы ДНК опосредуется митотическим процессом деления — молекула ДНК изменяется, но так, что в конечном счете она остается той же самой. Сохранение опосредуется изменением.

Таким образом, развитие 1-й степени сложности можно выразить в виде формулы взаимоопосредствования:

$Р^1 = (Сх – [И – Сх) – И]$

Развитие высших животных — это уже развитие n-ой степени сложности. В нем мы видим не две стадии (рост и деление), а несколько: зародыш, детеныш, взрослая особь, старая особь. Взрослая особь дает потомство. Так что и в развитии n-ой степени сложности просматриваются два фундаментальных процесса: рост и размножение, обмен веществ (метаболизм, ассимиляция + диссимиляция) и воспроизведение себе подобного.

Спиралевидность развития наиболее ярко выступает в факте воспроизведения себе подобного. Рождение и воспитание новой особи — это возвращение якобы к старому: рождению и воспитанию особи-родителя.

Как я уже говорил, повышение степени сложности развития обусловлено или выражается в *углублении* взаимоопосредствования изменения и сохранения. Это углубление происходит как бы скачками. Развитию 1-й, 2-й, 3-й и т. д. степени сложности соответствуют различные дискретные уровни взаимоопосредствования. Чем сложнее развитие, тем более глубокие слои (пласты) изменения и сохранения оно «захватывает» в результате взаимоопосредствования этих противоположных форм движения во времени.

Сопоставим для примера: *развитие* одноклеточного организма и *развитие* высшего животного. Последнее на несколько порядков сложнее-выше первого. И что же мы видим? Рамки сохранения и изменения у высших животных раздвинуты неизмеримо больше, чем у одноклеточных организмов. Глубина и спектр изменений намного сильнее выражены у высших животных (взять хотя бы такой аспект изменений, как энергетический: энергия преобразований в организме высокоразвитого животного не идет ни в какое сравнение с энергией преобразований в одноклеточном организме. То же можно сказать о сохранении или сохраняемости (устойчивости). Например, продолжительность жизни одноклеточного организма в среднем намного меньше продолжительности жизни высшего животного (мы не берем, конечно, случаи анабиоза, когда одноклеточные организмы могут в споровидном состоянии существовать очень долго). Выше я приводил примеры *индивидуального* развития, т. е. развития отдельных организмов, живых существ, особей, людей. Однако развиваться могут и их *сообщества*. Сообщество, если это действительно сообщество, имеет определенные черты организма и поэтому оно не просто изменяется, а развивается *подобно* организму. В самом деле, мы говорим, например, о народах, нациях, странах, цивилизациях, которые в прошлом «проходили» определенный цикл развития, «переживали» разные фазы своего развития подобно живому организму, а именно, *возникновение*, *подъем, расцвет, упадок, гибель* (сравн. фазы индивидуального развития человека: рождение, юность, зрелость, старость, смерть). — См. *диаграмму (структурную схему) высших форм развития* — 1 + n-й степени сложности (рис. 13).

Следует подчеркнуть: развитие сообщества подобно, но не тождественно развитию организма. Здесь скорее нужно говорить о двух *разных типах* развития: *историческом* и индивидуальном. Поскольку под историческим развитием порой имеют в виду то, что я называю *становлением* (см. ниже «Становление»), буду употреблять лишь выражение «развитие сообщества». Итак, в развитии сообщества более сильно выражены статистические, вероятностные моменты. Это, во-первых. Во-вторых, развитие сообщества, как бы сказать, менее правильно, менее спиралевидно. Оно может представлять собой только один сильно вытянутый виток спирали или несколько вытянутых витков. (Развитие организмов представляет собой, как правило, непрерывный ряд витков — длинную и достаточно сжатую спираль, или непрерывную цепь поколений). Одним словом, развитие сообщества по сравнению с развитием организма более «размыто», менее четко выражено и, в самом деле, напоминает становление. Развитие организма по форме ближе к кругу, а развитие сообщества — ближе к стреле. Исходный и конечный пункты в цикле индивидуального развития ближе друг к другу, точнее, более подобны друг другу, чем исходный и конечный пункты в цикле развития сообщества.

Рис. 13

Субкатегориями развития являются следующие:

♦ *цикл развития* (это как бы «целое» развития);

♦ *фаза, стадия*, *ступень развития* (а это как бы «часть» развития);

♦ *рост* и *размножение* (это как бы «непрерывное и дис-

кретное количество» развития; *рост* — непрерывно-количественное изменение [увеличение], а *размножение* — дискретно-количественное изменение);

♦ *эмбриогенез, рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть* — качественно отграниченные стадии индивидуального развития. Им соответствуют понятия *взросление*, *созревание*, *возмужание, старение, развитость, неразвитость, недоразвитость, взрослость* и т. д.);

♦ *возникновение, подъем, расцвет, упадок, гибель* — качественно отграниченные стадии развития сообщества (преимущественно, человеческих сообществ).

Таков примерный список субкатегорий.

Дадим некоторые пояснения диаграмме развития. Из диаграммы видно, что проводится различие между «взрослостью» и «зрелостью». «Взрослость» — это просто промежуточное состояние между «юностью» и «старостью», а «зрелость» — органический синтез всего положительного, что имеется в «юности» и «старости». Мы говорим, например, о зрелости индивидуума и отличаем ее от простой «взрослости». Показателем взрослости является возраст. Показателем зрелости является не только возраст, но и деяния, как говорят, не мальчика, но мужа. Для высшего животного показателем зрелости является не просто способность к воспроизведению себе подобного, а рождение и воспитание детеныша. Именно этим животное оправдывает свою жизнь. Зрелость — это такое состояние организма, когда возникает действительная связь поколений, когда передается эстафетная палочка родовой жизни другим поколениям.

Глава 10. Противоречие

10.1. Общая характеристика противоречия

Если выразить суть диалектики одним словом, то это будет *противоречие*. Когда мы говорим о *диалектике* чего-либо или называем нечто *диалектическим*, то подразумеваем под этими словами реальное противоречие, реальную противоречивость, противоречивый характер чего-либо.

В категориальной логике противоречие[1] занимает одно из центральных мест. Оно выражает абстрактное единство материи и движения. Оно есть то, что связывает их, что "делает" материю движущейся, а движение материальным.

Объективный смысл реальных противоречий — в том, что они не плод досужего воображения и не следствие логических ошибок, а присущи вещам и процессам объективного мира независимо от того, мыслим мы их или нет.

Противоречие осуществляет диалектическую связь материи и движения, "сталкивает" их как противоположные определения и в то же время сливает их воедино. Противоречие является всеобъемлющей, универсальной формой единства материи и движения. Иными словами, противоречивость реального мира имеет универсально-всеобщий характер.

"Внутреннее" определение противоречия таково: *противоречие есть возникновение и/или уничтожение противоположностей*. В этом определении противоречие характеризу-

[1] Здесь и далее речь будет идти о реальных, объективных, одним словом, диалектических противоречиях. В тех случаях, когда нужно провести различие между понятием реального противоречия и понятием (формально)логического противоречия, будут употребляться соответственно выражения "реальное, объективное, диалектическое противоречие" или "логическое, формально-логическое противоречие".

ется как единство *тождества* и *противоположности*. Последние являются *сторонами* противоречия. Возникновение противоположностей означает переход от тождества к противоположности; уничтожение противоположностей означает переход от противоположности к тождеству. Промежуточными звеньями, моментами, осуществляющими переход от одной стороны противоречия к другой являются *сходство* и *различие*. Таким образом, выстраивается цепочка переходов: "тождество-сходство-различие-противоположность". Противоречие есть *целокупность* указанных моментов. Каждый из них в отдельности не составляет противоречия. Только вместе они "делают" противоречие противоречием.

В нашем определении противоречия ключевым словом является "*противоположность*". Это слово нуждается в пояснении. Философы, при всем различии подходов к пониманию противоположности, сходятся в одном: что противоположность и отрицание (в смысле А и не-А) — не одно и то же. Так же и реальное диалектическое противоречие, определяемое через противоположности, *отличается* от логического противоречия, имеющего форму простого отрицания. Конечно, лучше было бы, если бы диалектическое противоречие обозначалось другим словом, но так уж исторически сложилось, что то и другое противоречия мы называем одинаково.

(Этим мы обязаны Гегелю — создателю учения о диалектических противоречиях. Именно он первый утверждал и пытался доказать, что диалектика противоречий пронизывает *всю* реальность. Как первооткрыватель диалектических противоречий Гегель не вполне ясно представлял себе их отличие от логических противоречий. В ряде случаев он изображал их в форме логических противоречий (как «А и не-А»). Но, с другой стороны, связывая понятие диалектического противоречия с понятием противоположности Гегель дал, сам того не подозревая, критерий разграничения диалектического и логического противоречий).

Итак, противоположность и отрицание — разные "вещи". Такие пары понятий, как "утверждение-отрицание", "белое-небелое", "стол-нестол", "движение-недвижение", не составляют противоположности, так как одно из этих понятий опре-

деляется исключительно через отрицание другого. Отношение отрицания только тогда является отношением противоположности, когда одна сторона не просто отрицает другую, а противостоит ей.

Чтобы определить противоположность, нужно выполнить, по крайней мере, три условия.

Первое условие: соотносящиеся стороны должны отрицать, исключать друг друга.

Второе условие: та сторона, которая отрицает другую, должна иметь помимо этого отрицательного содержания также некоторое положительное содержание, которое являлось бы ее собственным, самоопределяющим содержанием.

Этого условия вместе с первым еще недостаточно для того, чтобы считать соотносящиеся стороны противоположными. Поясним это на примере: зеленое по отношению к белому является небелым (имеет отрицательное содержание) — выполняется первое условие; кроме того, зеленое имеет вполне определенное положительное содержание, отличающее его от других небелых (красного, серого и т. д.) — выполняется второе условие; тем не менее, зеленое нельзя считать противоположностью белого.

(Кстати, гегелевское "свое иное" не может служить эквивалентом противоположности, так как оно не в полной мере характеризует последнюю. "Свое иное" обозначает лишь то, что иное нечто принадлежит к тому же роду, классу, что и само нечто. В вышеприведенном примере зеленое — это "свое иное" белого. Ведь они принадлежат к одному и тому же роду, а именно, к цвету. Не своим иным для белого является, например, звук, твердость, запах. Гегелевское "свое иное" может характеризовать противоположность лишь в тех немногих случаях, когда существуют два и только два объекта одного и того же рода, находящиеся в отношении противоположности. Например, для берега реки "своим иным" может быть только противоположный берег реки. То же самое справедливо для стороны улицы.

Итак, необходимо выполнить еще одно, *третье условие*: каждая из соотносящихся сторон должна иметь такое положительное и отрицательное содержание, которое делало бы ее не

просто "иным" другой стороны и не просто некоторым определенным "иным", а "иным" в наибольшей степени. Такое содержание имеют стороны, которые определены как *противостоящие* друг другу. Одна сторона противостоит другой, если она отрицает ее в наибольшей степени, является ее "отсутствием, которое выявлено в полной мере" (Аристотель), и если между сторонами имеется или возможно некоторое промежуточное состояние, по отношению к которому они выступают как крайние члены.

Данное условие обнаруживает тот факт, что между противоположными сторонами имеет место не только отношение отрицания, исключения, но и отношение взаимного полагания, обусловленности. В самом деле, если некоторая сторона определена как сторона отношения противоположности, то ей вовсе не безразлично, какая сторона ее отрицает; из всех отрицающих сторон она "выбирает" лишь ту, которая противостоит ей. Налицо отношение полагания: полагается противоположной сторона, противостоящая ей.

Рассмотренные условия определения противоположности позволяют охарактеризовать ее так: *противоположности* — это такие соотносящиеся стороны, которые исключают (*противн*ы друг другу) и обусловливают (*полага*ют) друг друга. Само слово очень точно характеризует понятие "противоположность".

Далее, следует иметь в виду, что не всякая *мыслимая* противоположность является *диалектической* противоположностью. Например, такие противоположности как "правое-левое", "верх-низ", "север-юг" осознаются обычно (обыденным сознанием) как застывшие, фиксированные противоположности. Диалектической является лишь такая противоположность, которая определена как *момент* диалектического противоречия. Сформулированное выше "внутреннее" определение противоречия характеризует не только противоречие, но и противоположность. В полном своем значении оно является *взаимоопределением* понятий противоречия и противоположности.

10.2. Структура противоречия

Как было сказано выше, *сторонами* противоречия являются *тождество* и *противоположность*. Они составляют основу структуры противоречия.

Далее, если мы говорим о *множестве* реальных противоречий, (а этот факт вряд ли кто будет оспаривать), то неизбежно возникает вопрос о видах противоречий, так как это множество заведомо не может быть ни собранием абсолютно одинаковых противоречий, ни собранием абсолютно уникальных противоречий.

Очевидно, что различие видов противоречий обусловлено, прежде всего, *различным* соотношением (взаимоотношением) сторон противоречий — тождества и противоположности.

Естественно предположить, что в противоречиях одного вида (назовем их противоречиями типа "P") преобладает *противоположность*, а в противоречиях другого вида (назовем их противоречиями типа «Q") преобладает *тождество*. Мы разделили, таким образом, противоречия на два типа: "P" и "Q". Основанием деления в данном случае является различное соотношение сторон противоречия — тождества и противоположности.

Посмотрим теперь, является ли это основание деления единственным. В жизни, в мире мы наблюдаем не только некоторое множество сосуществующих, рядоположенных противоречий, но и *иерархию* противоречий. Одни противоречия сосуществуют, расположены одно рядом с другим, а другие противоречия "взаимодействуют" и даже "связываются" друг с другом, образуя сложные, составные противоречия. Значит, противоречия могут различаться не только по характеру взаимоотношения их сторон, но и по степени сложности, составленности одних противоречий из других. Одни противоречия являются более сложными, а другие менее сложными или более простыми.

Таким образом, другим основанием деления противоречий является их деление *по степени сложности*. Противоречия составлены, в некотором смысле как матрешки, одни из дру-

гих. Деление противоречий по степени сложности будет чисто формальным, пустым, если мы не свяжем его с делением противоречий на тип "P" и тип "Q". В самом деле, разве можно назвать противоречие сложным, если оно составлено из однородных, одинаковых противоречий? Очевидно, нет. Обязательным признаком сложного противоречия следует признать его составленность из *разных* противоречий, а именно, противоречий типа "P" и типа «Q». Далее, видимо, есть предел деления сложных противоречий на более простые. Этим пределом должен быть переход от видов к сторонам противоречий, т. е. деление сложных противоречий на более простые прекращается там, где дальнейшее "расщепление" противоречий упирается в разделение самих противоречий (как категориальных определений) на их стороны — на тождество и противоположность в чистом виде. А мы знаем, что последние, по определению, являются *моментами* противоречия (грубо говоря, двумя половинками целого) и сами по себе существовать не могут.

(Да и противоречия не могут существовать сами по себе, без других категориальных определений — материи, движения и т. д., но это уже другой вопрос, выходящий за рамки данной темы).

Итак, ясно, что существуют противоречия, далее неразложимые. Это — *простые* противоречия. Остальные противоречия, составленные из них, являются *сложными*. Простые противоречия с точки зрения сложных можно интерпретировать как противоречия *нулевой степени сложности*.

Если сложные противоречия — это та или иная комбинация (взаимоопосредствование) противоречий типа "P" и типа "Q", то простые противоречия — это противоречия типа "P" или типа "Q", не опосредованные друг другом. В простых противоречиях "P" или "Q" преобладание одной из сторон — противоположности или тождества — может быть выражено в высшей степени. Иными словами, простое противоречие "P» в своем *крайнем* выражении почти равно противоположности, а простое противоречие "Q" в своем *крайнем* выражении почти равно тождеству. (В скобках заметим: в этом "почти" вся суть; ведь благодаря "почти" простое противоречие "P" отличается

от противоположности, а простое противоречие "Q" — от тождества). Кстати, мы не случайно говорили о простых противоречиях "P" и "Q" в их *крайнем* выражении. Как между противоположностью и тождеством существуют переходные, промежуточные звенья (различие и сходство), так и между различными простыми противоречиями существуют или возможны переходные, промежуточные типы, в которых преобладание противоположности (тождества) или совсем не выражено, или выражено слабо, слабее, чем в крайних типах простых противоречий. Можно выстроить такой ряд противоречий:

PP — P — p — pq — ? — qp — q — Q — QQ.

Полученные в результате двух делений *простые противоречия* «Q» и "P" — исходные, базисные виды противоречий. Это как раз те противоречия, которые обычно называют *внутренними* и *внешними* противоречиями. Более сложные противоречия типа "Q" или "P" не являются в чистом виде внутренними или внешними, так как они содержат в своем составе оба вида простых противоречий.

Теперь нужно выяснить, каков "механизм" и какова специфика простых (внутренних и внешних) противоречий. Мало утверждать, что во внутреннем противоречии преобладает тождество, а во внешнем — противоположность. Этим лишь обозначается их различие, причем не как простых противоречий, а как противоречий типа "Q" и типа "P". Вспомним: в общем определении противоречия говорится о возникновении и уничтожении противоположностей. Это не только переходы тождества в противоположность и противоположности в тождество, но и переходы противоположностей друг в друга — уничтожение одних противоположностей и возникновение других означает переход от одних противоположностей к другим или одних в другие. Подумаем теперь, как выразить внутреннее и внешнее противоречия через переходы противоположностей, чтобы при этом на первый план, в одном случае, выступало тождество, а в другом, — противоположность. Здесь возможны только два варианта: либо *взаимопереход противоположностей*, либо *необратимый переход одной противоположности в другую.*

Во взаимопереходе противоположности как бы гасятся, нейтрализуются и на первый план выступает *их тождество* (подобно тому как это имеет место в электрически нейтральном атоме водорода, состоящем из положительно заряженного протона и отрицательно заряженного электрона).

В ситуации необратимого перехода одной противоположности в другую как бы фиксируется состояние противоположности между начальным и конечным моментами перехода (ведь обратного перехода нет!). Здесь на первый план выступает *противоположность*. Отсюда следует однозначный вывод: *внутреннее противоречие есть взаимопереход противоположностей; внешнее противоречие есть необратимый переход одной противоположности в другую*. Этим решена задача определения внутреннего и внешнего противоречий.

Как уже говорилось выше, простые (внутренние и внешние) противоречия составляют самый фундамент иерархии противоречий. В чистом (неопосредствованном) виде они существуют только в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе их сложными (опосредованными) "аналогами" являются *гармонические* и *антагонистические противоречия.*

Эти противоречия являются сложными противоречиями типа "Q" и типа "P".

И последнее. Если в простых противоречиях мы видим переходы противоположностей, то в сложных противоречиях имеет место *взаимоопосредствование противоположных противоречий* (типа "Q» и типа "P"). Разница между опосредствованием и простым переходом противоположностей примерно такая же, как между каталитической химической реакцией и простой химической реакцией. В случае катализа химический процесс опосредуется катализатором — веществом, возбуждающим или ускоряющим химическую реакцию. В неорганической природе каталитические процессы случайны представляют собой лишь островки опосредствования. В живой природе каталитические процессы в виде ферментативных реакций составляют большую часть всех биохимических процессов. Без них невозможна жизнедеятельность организмов. И это не случайно. Взаимоопосредствование противопо-

ложных противоречий составляет само существо жизни, живого. (Об этом подробнее см. ниже).

Различие противоречий по степени сложности обусловлено различием по уровню (глубине) взаимоопосредствования сторон этих противоречий. Сложное противоречие 1-й степени есть непосредственное взаимоопосредствование простых (внутренних и внешних) противоречий. Сложное противоречие 2-ой степени есть взаимопосредствование непосредственных опосредствований внутреннего и внешнего противоречий и т. д.

Резюмирую сказанное. Все противоречия делятся на противоречия, которые составлены из других противоречий — *сложные* противоречия, — и противоречия, которые не составлены из каких-либо противоречий, а из которых составляются все остальные, — *простые* противоречия. Всякое сложное противоречие, каким бы сложным оно ни было, составлено в конце концов из простых (внутренних и внешних) противоречий, которые являются как бы элементарными кирпичиками, неделимыми атомами противоречивой структуры мира.

Внутренние и внешние противоречия действуют раздельно, самостоятельно, обособленно друг от друга лишь в неорганической природе. В живой природе и человеческом обществе они действуют как моменты сложных противоречий.

Деление реальных противоречий на простые и сложные имеет примерно то же основание, что и деление всех естественных процессов окружающего мира на живые и неорганические, биологические и физико-химические процессы. Окружающая нас на Земле неорганическая природа представлена тремя основными состояниями вещества: твердым, жидким и газообразным. Эти три состояния, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга; твердое тело не может быть одновременно газообразным, а газообразное — твердым; жидкость не может быть твердым телом или газом. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько связаны, опосредованы друг другом, что представляют собой нечто единое, органически цело-

стное. См. ниже поясняющую наглядно-логическую схему, рис. 14.

То же наблюдаем и в мире противоречий. Внутренние и внешние противоречия, как простые противоречия, разделены и исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Сложные же противоречия, подобно живым организмам, переплетают "крепким узлом" внутренние и внешние противоречия. Поэтому про такие противоречия можно сказать, что они являются одновременно внутренними и внешними и даже более того, про них нельзя говорить, что они только внутренние или только внешние противоречия.

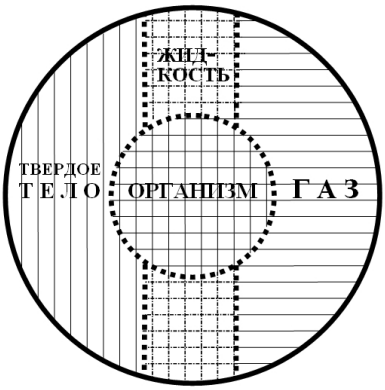


Рис.14

Наглядное и концентрированное представление о противоречии дает приводимая ниже *диаграмма (структурная схема) категории «противоречие»* (рис. 15).

Простые (внутренние и внешние) противоречия

Идея деления противоречий на внутренние и внешние впервые возникла, по-видимому, в марксистской философии. У Гегеля были лишь отдельные намеки на эту идею. Следует, однако, признать, что и в марксистской философии она не получила достаточного развития, носила скорее формальный характер. Ведь главное в идее то, что различные противоречия ответственны за разные процессы — внешние противоречия вызывают процессы изменения, преобразования, возникновения и уничтожения, а внутренние противоречия обусловливают процессы, направленные на сохранение целостности объектов. По Гегелю же и по мнению многих философов-марксистов противоречия — причина изменения, возникновения и уничтожения, но никак не источник сохранения целостных объектов.

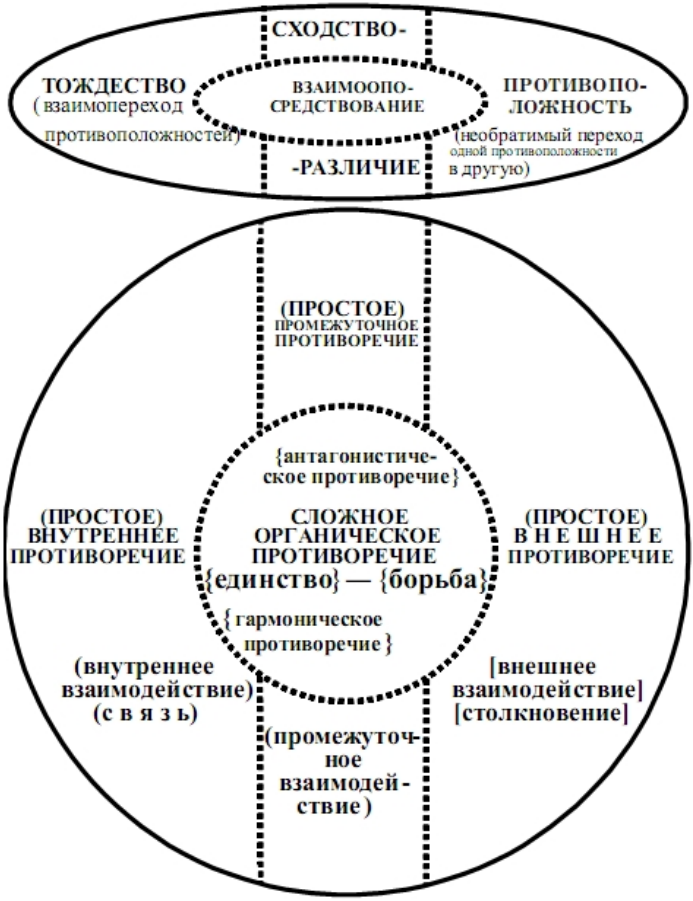


Рис. 15. Диаграмма (структурная схема) категории "ПРОТИВОРЕЧИЕ"

Различие реальных процессов и состояний определяется различием противоречий, порождающих или поддерживающих эти процессы и состояния. Те противоречия, которые обусловливают целостность, устойчивость, сохранение материальных объектов, естественно называть *внутренними*, а те противоречия, которые, обусловливая столкновение, внешнее взаимодействие материальных объектов, вызывают их изменение, естественно называть *внешними*.

10.3. Внутренние и внешние взаимодействия (связь и столкновение)

Внутренние и внешние противоречия являются простыми и в чистом, неопосредованном виде действуют лишь в неорганической природе. Их физико-химическими аналогами или эффектами являются *внутренние* и *внешние взаимодействия*. Рассмотрим подробнее эти взаимодействия. Ниже приводится *таблица* (табл. 3), иллюстрирующая различие между ними.

Таблица 3

Примеры внутреннего взаимодействия	*Примеры внешнего взаимодействия*
Связи внутри твердого тела	Столкновение бильярдных шаров, выветривание горных пород
Связи внутри кристалла	Взаимодействие кристалла со средой, в результате которого он растет или разрушается
Связи внутри молекул, атомов	Столкновение молекул, в результате которого происходит броуновское движение, тепловые процессы, диффузия газов
Химическая связь	Химические реакции, (разрушающие или образующие химическую связь)
Внутриядерная связь	Ядерные реакции распада или синтеза
Связи внутри стабильной элементарной частицы	Столкновение элементарных частиц, в результате которого рождается или аннигилирует пара частица-античастица
Испускание и поглощение квантов без воздействия извне (виртуальный обмен частицами внутри атома, ядра, нуклона)	Испускание *или* поглощение квантов в результате внешнего воздействия (столкновения частиц)

Из таблицы видно, что различие между внутренними и внешними взаимодействиями являются достаточно определенным.

Оно состоит в следующем.

Внутреннее взаимодействие осуществляется внутри целостного образования (почему оно и называется внутренним); оно направлено на сохранение этого образования; стороны внутреннего взаимодействия находятся в отношении взаимозависимости и взаимообусловленности. Чем прочнее и целостнее данное материальное образование, тем в большей зависимости друг от друга находятся составляющие его части.

Процессы, из которых складывается внутреннее взаимодействие, не нуждаются ни в каком внешнем источнике. Все изменения, которые имеют место во внутреннем взаимодействии, взаимно гасят, нейтрализуют друг друга и *в целом* объект, основывающийся на внутреннем взаимодействии, остается без изменения.

Для внешнего взаимодействия характерно другое. Его стороны относительно независимы друг от друга и встречаются случайным образом в форме столкновения. Внешнее взаимодействие направлено не на сохранение, а на изменение взаимодействующих объектов. Если внутреннее взаимодействие характеризует *связь* тел и частиц, их совместное, согласованное и потому упорядоченное движение (например, колебание атомных остовов в узлах кристаллической решетки твердого тела), то внешнее взаимодействие является источником хаотического, беспорядочного движения тел относительно друг друга (пример: броуновское движение молекул).

Внутреннее взаимодействие — это всегда какая-либо *связь* (в смысле связи частей целого).

Внешнее взаимодействие — это всегда какое-либо *столкновение*.

Различие между внутренними и внешними взаимодействиями объективно и не зависит от прихоти исследователя; внутреннее взаимодействие в любых отношениях является внутренним, а внешнее — внешним. Конкретный пример: между протоном и электроном могут быть два совершенно различных типа взаимодействия. В одном случае взаимодействие и электроном носит характер *устойчивой связи* между ними — это внутреннее взаимодействие; оно обеспечивает существование атома водорода, являющегося системой, объединяющей эти частицы. В другом случае взаимодействие носит характер *столкновения*, в результате которого изменяется состояние той и другой частицы (например, из свободных частиц они превращаются в связанные) — это внешнее взаимодействие. Считать одно и то же взаимодействие внутренним и внешним так же невозможно, как невозможно отождествить эти два типа взаимодействия.

На различие и даже противоположность внутренних и внешних взаимодействий указывает также то, что наряду с ними существуют *промежуточные* взаимодействия. Внутренние и внешние взаимодействия как крайние типы плавно переходят друг в друга, образуя промежуточные формы.

Между внутренними и внешними взаимодействиями нет непроходимой грани также потому, что сами они в реальной ситуации не являются чисто внутренними или чисто внешними. Внутреннее взаимодействие может вызывать эффекты, которые присущи внешнему взаимодействию. Приведем такой пример. Между Луной и Землей имеет место внутреннее взаимодействие, которое обусловливает их устойчивую связь друг с другом (между этими космическими телами действуют так называемые *консервативные* силы). Из наук о Земле известно, однако, что лунное притяжение, которое является одной из сторон этого взаимодействия, оказывает деформирующее влияние на земную поверхность, вызывает лунные приливы и отливы и даже сдвиги земной коры. Эти явления имеют признаки внешнего взаимодействия, так как они, порождая трения на земной поверхности, разрушают ее отдельные элементы и тем самым изменяют первоначальный облик Земли.

Также и внешнее взаимодействие может вызывать эффекты, имеющие характер внутреннего взаимодействия. Проиллюстрируем это на примере аннигиляции электрон-позитронной пары. Физиками установлено, что в процессе столкновения электрона и позитрона до того момента, когда эти частицы аннигилируют, они на очень короткое время образуют своеобразный электронный атом позитроний, — т. е. между электроном и позитроном возникает кратковременная связь, имеющая признаки внутреннего взаимодействия.

Теперь о внутренних и внешних взаимодействиях как *обратимых* и *необратимых* процессах. Идея деления всех физических процессов на обратимые и необратимые имеет свою историю. Ученые давно вынашивали ее. Макс Планк даже предсказывал ей большое будущее[1].

Обратимые и необратимые процессы, о которых пишут и говорят физики, суть не что иное как *научно-физическая мо-*

[1] См.: *Планк М.* Физические очерки. М., 1925. С. 12, 16.

дель внутренних и внешних взаимодействий. Эта модель приблизительная и тем не менее она дает определенные ориентиры в познании внутренних и внешних взаимодействий.

Итак, рассмотрим, почему процессы, происходящие во внутренних взаимодействиях, носят обратимый характер.

Выше говорилось о том, что внутренние взаимодействия обусловливают устойчивую связь элементов системы. Отсутствие в системе внешних взаимодействий, т. е. столкновений элементов, является залогом ее стабильности, неизменности, целостности. Сама по себе устойчивая физическая система измениться не может, а тем более разрушиться. Это запрещает закон сохранения энергии. Если она изменяется, то это значит, что она подвергается воздействиям извне (в пространственном отношении они могут идти изнутри, от изменяющихся элементов системы. Ведь всякая система ограничена не только извне, но и изнутри. В пространственном отношении она может подвергаться воздействиям как на внешней своей границе, так и на внутренней). Система, основанная на связях, сама по себе измениться не может.

Возникает вопрос, как примирить факт неизменности, устойчивости системы в целом с фактом тех изменений элементов, которые вызываются внутренними взаимодействиями. Ведь всякие взаимодействия, в том числе и внутренние, производят какие-то изменения. Возьмем любую систему, и мы найдем в ней те или иные изменения, движения элементов:

— в Солнечной системе планеты движутся вокруг Солнца и то удаляются от него, то приближаются к нему;

— в кристаллах и молекулах атомы колеблются вокруг некоторого положения равновесия, причем эти колебания не прекращаются даже при абсолютном нуле;

— электроны движутся вокруг ядер в молекулах и кристаллах, выполняя при этом роль связующих, цементирующих частиц;

— в атомах и ядрах атомов имеет место непрерывное излучение и поглощение виртуальных частиц — фотонов и пи-мезонов, осуществляющих связь электронов с ядрами и нуклонов с нуклонами.

Факты устойчивости системы в целом и многочисленных движений внутри ее можно примирить, лишь предположив, что каждому прямому изменению во внутреннем взаимодей-

ствии соответствует обратное изменение, которое как бы гасит, нейтрализует его и в целом система представляется как устойчивое, целостное образование. Это предположение подтверждается свидетельствами ученых-физиков и данными об орбитальных движениях в Солнечной системе, о колебаниях атомов и движении электронов в молекулах и кристаллах, об излучении и поглощении виртуальных частиц в атомах и ядрах.

Если говорить о данных, относящихся к взаимодействиям внутри устойчивых систем, то о них кратко можно сказать следующее. К настоящему времени установлено, что все физико-химические взаимодействия сводятся к четырем фундаментальным или элементарным взаимодействиям: сильному, электромагнитному, слабому и гравитационному. Эти взаимодействия осуществляются посредством переноса промежуточных (виртуальных) частиц. Во *внутренних* взаимодействиях, утверждают физики, имеет место непрерывный обмен виртуальными частицами, благодаря которому и существует устойчивая связь взаимодействующих частиц, тел.

В качестве примера внутреннего взаимодействия рассмотрим внутриядерное взаимодействие нуклонов. Носителями этого взаимодействия являются пи-мезоны. Непрерывно появляясь и исчезая, они переходят от одного нуклона к другому и обратно. Получается, что на некоторое время один нуклон становится более легким, а другой, пока он не возвратит первому нуклону полученный им взаимообразно пи-мезон более тяжелым, чем обыкновенный (невзаимодействующий) нуклон. Такое изменение массы нуклонов допускается соотношением неопределенностей ($\Delta p \cdot \Delta x \geq \hbar$ или $\Delta E \cdot \Delta t \geq \hbar$). В течение времени $4{,}7 \cdot 10^{-24}$ сек. неопределенность в энергии нуклона равна собственной энергии пи-мезона, а неопределенность в массе нуклона — массе пи-мезона. За это время нуклон может отдать и получить обратно пи-мезон. При этом закон сохранения энергии не нарушается. На обратимость процессов, происходящих во внутриатомных и химических связях, указывает *уравнение Шредингера*. В этом уравнении направление времени *не выделено*.

Интересен такой факт. В отсутствие измерения, т. е. пока отсутствуют возмущения, связанные с измерением, *обратимое уравнение Шредингера* играет роль достоверного закона природы, в то время как в процессе измерения оно уже не применимо и его место зани-

мают *необратимые статистические механизмы*. О чем это говорит? Это говорит о том, что *обратимое* уравнение Шредингера справедливо только для внутренних взаимодействий, в отсутствие возмущающих внешних воздействий, а *необратимые* статистические механизмы характерны для *внешних* взаимодействий.

В наблюдениях и экспериментах, связанных с исследованием микрообъектов, нельзя непосредственно обнаружить обратимый процесс, поскольку он является *замкнутым* (этакой вещью в себе), т. е. не выделяет энергии во вне. Обнаружить обратимый процесс можно только разомкнув его, т. е. частично или полностью разрушив, а это уже внешнее взаимодействие, необратимый процесс.

Обратимый, замкнутый процесс можно наблюдать лишь в том случае, если средства эмпирического наблюдения не оказывают существенного влияния на нормальный ход обратимого процесса, если они в энергетическом отношении неизмеримо слабее его. В качестве примера можно привести астрономические наблюдения орбитальных движений планет в Солнечной системе, которые осуществляются благодаря электромагнитным взаимодействиям. Последние не оказывают сколько-нибудь возмущающего влияния на гравитационное взаимодействие планет с Солнцем. Напротив, в квантовой механике и физике элементарных частиц наблюдения микропроцессов, осуществляемые с помощью электромагнитных волн различной длины и частоты, существенно влияют на них. Вследствие этого проблема взаимодействия прибора с микрообъектом занимает важное место в исследованиях физиков-элементарщиков.

Итак, прямые и обратные изменения во внутреннем взаимодействии в целом составляют *обратимый процесс*. Последний есть *взаимопереход* прямых и обратных изменений.

Как видим, *это* понятие обратимого процесса отличается от принятого в физике. Под обратимым процессом ученые обычно имеют в виду процесс, который *можно* обратить, т. е. обращение которого разрешено тем или иным физическим законом (например, обращение свободного падения тела на Землю разрешено законами механики; однако, с нашей точки зрения, свободное падение не является обратимым процес-

сом). Реально обратимым является лишь такой процесс, который *сам по себе* обращается (подобно движению маятника вправо-влево или движению планет вокруг Солнца). Именно таковы процессы, происходящие во внутренних взаимодействиях. Физическая абстракция обратимого процесса — лишь приближенная модель реального обратимого процесса.

Внутреннее взаимодействие — строго обратимый процесс. Это значит, что обратимость не является чем-то случайным, необязательным для него. Она характеризует самую суть внутреннего взаимодействия. Взаимодействие является внутренним лишь постольку, поскольку оно является обратимым, замкнутым в себе процессом.

И еще. Не следует отождествлять обратимость реального процесса с идеальной, абсолютной обратимостью теоретически мыслимого процесса. Идеально обратимый процесс есть процесс, совершенно изолированный от воздействия извне. Реальные обратимые процессы были бы таковыми, если бы в природе отсутствовали внешние взаимодействия. Но этого, как известно, не может быть.

10.4. Основные характеристики внутренних и внешних противоречий (взаимопереход и необратимый переход противоположностей)

От обратимых и необратимых процессов нетрудно перейти к внутренним и внешним противоречиям. Покажем, что в основе внутреннего взаимодействия лежит *взаимопереход противоположностей*, а в основе внешнего взаимодействия - *необратимый переход одной противоположности в другую*[1].

Как я уже говорил выше, все физико-химические взаимодействия сводятся в настоящее время к четырем фундаментальным или элементарным взаимодействиям: сильному, электромагнитному, слабому и гравитационному. Эти взаимо-

[1] Под *противоположностью* в том и другом случае мы имеем в виду противоположность обладания и необладания (лишенности). Еще Аристотель говорил об этой противоположности как основной противоположности бытия.

действия осуществляются посредством промежуточных, виртуальных частиц.

Рассмотрим три крайних случая взаимодействия частиц:

1) когда частицы связаны друг с другом — это случаи внутреннего взаимодействия;

2) когда связь частиц разрушается и

3) когда она еще только образуется — это случаи внешнего взаимодействия.

Сначала *первый* случай — *внутреннее* взаимодействие. Как известно, частицы, связанные друг с другом, имеют массу покоя, меньше той, которой они обладают, находясь в свободном состоянии. Благодаря обмену между ними третьей частицей и происходит непрерывное восполнение недостающей массы то у одной, то у другой частицы. Рассмотрим моменты этого восполнения на примере внутриядерного взаимодействия.

Момент 1. Пи-мезон, переносчик взаимодействия, находится в составе нуклона (а). Последний обладает достаточной массой покоя. В этот же момент другой нуклон (б) не обладает достаточной массой, так как пи-мезон, переносчик массы, принадлежит не ему, а нуклону (а). Налицо противоположность обладания и необладания. Положительной стороной этой противоположности является нуклон (а), а отрицательной — нуклон (б).

Момент 2 (промежуточная стадия). Пи-мезон оторвался от нуклона (а), но еще не принадлежит нуклону (б). В этой стадии нуклоны тождественны друг другу, так как каждый из них одновременно обладает и не обладает пи-мезоном и соответствующей массой покоя.

Момент 3. Пи-мезон в составе нуклона (б). Нуклоны поменялись местами: теперь нуклон (б) обладает пи-мезоном и необходимой массой, а нуклон (а) не обладает. Здесь опять противоположность обладания и необладания, но уже обратная той, которая была в момент 1. Положительной стороной этой противоположности стал нуклон (б), а отрицательной — нуклон (а).

Таким образом, мы наблюдали *взаимопереход* противоположностей. Этот взаимопереход не является однократным: обмен пи-мезоном между нуклонами ни на мгновение не прекращается и поэтому вновь и вновь будут возобновляться все три рассмотренных момента взаимодействия. Итак, если с фи-

зической точки зрения внутриядерное взаимодействие осуществляется благодаря обмену пи-мезонами, то с категориально-логической точки зрения это взаимодействие осуществляется благодаря взаимопереходу противоположностей. Это утверждение справедливо не только для внутриядерного взаимодействия, но также и для любого другого внутреннего взаимодействия, будь-то гравитационное взаимодействие космических тел, электромагнитное взаимодействие внутри атомов или же химическая связь внутри молекул и кристаллов. Все эти взаимодействия, как и внутриядерное, осуществляются благодаря обмену промежуточными частицами.

Рассмотрим теперь случай *внешнего взаимодействия*, *разрушающего связь*. В начальный момент этого взаимодействия частицы, связанные друг с другом, *не обладают* полной массой покоя, т. е. такой массой, которую они имеют в свободном состоянии. В конечный момент взаимодействия частицы, перешедшие из связанного состояния в свободное, *обладают* уже полной массой покоя. Таким образом, переход из связанного состояния в свободное есть в то же время переход от необладания к обладанию, т. е. переход отрицательной противоположности в положительную. Этот переход является необратимым. В самом деле, в соответствии с законами физики взаимодействие, разрушающее связь, не может само по себе восстановить ее, т. е. невозможен самопроизвольный переход данного взаимодействия из конечного состояния в начальное. А это значит, что переход отрицательной противоположности в положительную необратим.

Если проследить моменты *внешнего взаимодействия, образующего связь*, то можно увидеть картину, обратную той, которую мы наблюдали в предыдущем случае: в результате перехода из свободного состояния в связанное частицы теряют часть своей массы, совершается переход положительной противоположности в отрицательную. Этот переход также необратим, как и переход отрицательной противоположности в положительную в случае разрушения связи. Частицы, перешедшие в связанное состояние, сами не могут расторгнуть связь; для ее расторжения им нужна энергия, которой они не обладают.

Необратимый переход одной противоположности в другую имеет место и в том случае, когда внешнее взаимодействие не разрушает связь и не образует ее, а лишь передает импульс от одной частицы к другой. Это видно на примере упругого столкновения электрона с протоном. В начальный момент взаимодействия электрон *обладает* фотоном и соответствующим импульсом *q*, а протон *не обладает*. Налицо противоположность обладания и необладания. Положительной стороной этой противоположности является электрон, а отрицательной — протон. В конечный момент взаимодействия, после того как фотон перенес импульс от электрона и протону, противоположность обладания и необладания стала обратной той, которая была в начальный момент: теперь уже протон является положительной стороной, а электрон — отрицательной. Совершился переход одной противоположности в другую. Этот переход необратим, поскольку встреча частиц, разлетающихся после взаимодействия в разные стороны, и обратный перенос импульса крайне маловероятны.

Разобранные случаи показывают, что внешнее взаимодействие, столкновение осуществляется благодаря необратимому переходу одной противоположности в другую.

Если рассматривать внутренние и внешние взаимодействия не с точки зрения противоположности обладания и необладания, а с точки зрения противоположности форм энергии (кинетической или энергии движения и потенциальной или энергии покоя), то и в этом случае мы увидим переходы противоположностей друг в друга.

Во внутреннем взаимодействии — взаимопереход кинетической и потенциальной энергий.

Во внешнем взаимодействии — необратимый переход энергии движения в энергию покоя или же энергии покоя в энергию движения.

Примером необратимого перехода энергии движения в энергию покоя может служить рождение пары частица-античастица, а перехода энергии покоя в энергию движения — аннигиляция пары частица-античастица.

Итак, ясно, что внутреннее взаимодействие осуществляется благодаря взаимопереходу противоположностей, а внешнее

взаимодействие — благодаря необратимому переходу одной противоположности в другую. Взаимопереход противоположностей и необратимый переход одной противоположности в другую как *крайние* случаи переходов противоположностей представляют собой четко очерченные крайние типы противоречий. Взаимопереход противоположностей — ***внутреннее*** противоречие, поскольку он лежит в основе *внутреннего* взаимодействия, а необратимый переход одной противоположности в другую — ***внешнее*** противоречие, поскольку он лежит в основе *внешнего* взаимодействия.

Минимумы и максимумы противоречий. О них говорил еще Джордано Бруно: "Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей[1]. Это весьма важная и плодотворная идея. Она еще нуждается в своей разработке.

Кратко о минимумах и максимумах внутренних и внешних противоречий можно сказать следующее. Как уже было отмечено, эти противоречия не являются неподвижно противоположными категориальными определениями. В своих максимумах они, действительно, резко отличны друг от друга, но зато в своих минимумах они почти неразличимы и незаметно переходят друг в друга, образуя промежуточные формы.

К максимуму внешнего противоречия можно отнести всякое возникновение или уничтожение целостного материального образования (например, рождение или аннигиляция пары частица-античастица). Переход одной противоположности в другую является полным или почти полным.

К минимуму внешнего противоречия можно отнести всякое столкновение тел, которое не приводит к их разрушению или образованию новых тел (таковыми являются столкновение бильярдных шаров, упругое столкновение элементарных частиц). В подобном столкновении осуществляется лишь очень небольшая часть перехода одной противоположности в другую.

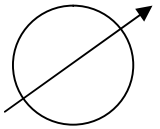
Максимумом внутреннего противоречия является такой взаимопереход противоположностей, при котором стороны противоречия наиболее полно переходят друг в друга. Взаимопереход сторон внутриядерного взаимодействия, например, осуществляется более полно, чем взаимопереход сторон химического взаимодействия. Пимезоны — носители внутриядерного взаимодействия — гораздо тяжелее и массивнее (в 270 раз!) электронов — носителей химическо-

[1] *Бруно Дж.* Диалоги. М., 1949. С. 291.

го взаимодействия. Чем ближе внутреннее противоречие к максимуму, тем устойчивее связь, основывающаяся на нем, тем труднее эту связь разрушить.

Наоборот, чем ближе это противоречие к минимуму, тем слабее связь, тем легче ее разрушить. Взаимопереход противоположностей при такой связи не является достаточно глубоким. Он затрагивает лишь самые поверхностные слои связанных частиц. Чем неустойчивее подобная связь, тем она больше напоминает столкновение. Например, в жидкостях всегда имеются группы молекул, которые на короткое время располагаются в правильную кристаллическую решетку. Малейшее воздействие со стороны других молекул разрушает эти "неустойчивые субмикрокристаллы.

Геометрические образы внутренних и внешних противоречий. Понятия внутреннего и внешнего противоречий можно выразить через геометрические представления.



Идеальным геометрическим образом внутреннего противоречия является *круг*, как воплощение замкнутости и бесконечности процесса взаимоперехода противоположностей.

Идеальным геометрическим образом внешнего противоречия является *стрела*; она, также как необратимый переход одной противоположности в другую, имеет одно направление, имеет начало и конец.

Если говорить о более точном соответствии геометрических образов реальным противоречиям, то следует сказать, что геометрическим образом внутреннего противоречия является не круг, а сильно сжатая спираль, а геометрическим образом внешнего противоречия — не прямая стрела, а слегка изогнутая. Эти поправки — результат взаимного влияния внутренних и внешних противоречий. Если бы не было внешних противоречий, то взаимопереход противоположностей длился бы бесконечно долго и конец в точности совпадал бы с началом; мир был бы точной копией элеатовского бытия. Если бы не было внутренних противоречий, то процессы в природе были бы совершенно необратимы и протекали бы очень быстро, мгновенно; господствовали бы абсолютная неустойчивость, абсолютный хаос и абсолютная раздробленность; мир был бы подобен кратиловскому потоку или мифическому первичному Хаосу.

10.5. Сложные (органические) противоречия

Как уже говорилось выше, отличие сложных противоречий от простых того же рода, что и отличие живых организмов от неорганических систем.

Всякое сложное противоречие составлено из внутренних и внешних противоречий, есть такая организация этих противоречий, при которой они не только исключают друг друга, но и обусловливают, дополняют, опосредствуют друг друга.

Сложные противоречия отличаются друг от друга прежде всего *степенью сложности*. Сложное противоречие 1-й степени составлено из простых (внутренних и внешних). Сложное противоречие 2-й степени составлено из сложных противоречий 1-й степени и т. д. Это аналогично тому, что мы наблюдаем при сравнении уровней организации живой материи. Одноклеточные организмы — простейший уровень организации живой материи и они составлены непосредственно из атомов и молекул — частиц и тел неорганической природы. Развитые многоклеточные организмы составлены из клеток. Человеческое общество составлено из людей — высокоразвитых живых существ.

10.6. Гармонические и антагонистические противоречия

По мере усложнения противоречий в живой природе и, далее, в человеческом обществе они дифференцируются на противоречия типа "Q" и типа "P" вплоть до возникновения полярно-противоположных. К таким полярно-противоположным сложноорганическим противоречиям относятся *гармонические* и *антагонистические* противоречия. Во-первых, преобладают внутренние противоречия, во-вторых — внешние.

Примерами гармонических противоречий в живой природе являются взаимоотношения мужских и женских организмов и особей, различные формы симбиоза растений и/или животных. В человеческом обществе это любовь, дружба, сотрудничество, кооперация, мир (как антитеза войны) и т. д.

Примерами антагонистических противоречий в живой природе являются различные формы борьбы живых существ — борьбы самцов за обладание самкой, борьбы за обладание пищей, территорией и т. д. В человеческом обществе — это вражда, война и т. д. (драка, схватка, бой, битва, поединок, сражение, борьба в узком смысле).

Между гармоническими и антагонистическими противоречиями "располагаются" промежуточные — слабогармонические и слабоантагонистические противоречия. В жизни мы можем найти немало примеров этих противоречий (например, приятельские отношения — в одном случае, и размолвка, ссора — в другом).

Сложноорганическим противоречиям типа "Q" и типа "P" соответствуют сложноорганические взаимодействия, каковыми являются, по нашему мнению, *единство* и *борьба*.

Единство[1] — взаимодействие гармонического типа; в его основе лежит гармоническое противоречие.

Борьба — взаимодействие антагонистического типа; в основе борьбы лежит антагонистическое противоречие.

Единство и борьба — это сложноорганические аналоги внутреннего и внешнего взаимодействий (*связи* и *столкновения*). Сравнивая, например, борьбу и столкновение, мы видим, что они, с одной стороны, похожи друг на друга, где-то даже совпадают, а, с другой, разнятся как сложное и простое. Столкновение бильярдных шаров или даже случайное столкновение людей на улице — это нечто простое, одномоментное. А вот борьба самцов или борьба людей на ринге, ковре — это весьма сложные, длящиеся во времени формы взаимодействия, в которых мы видим и множество разных столкновений, и разные кратковременные связи-сцепления.

Борьба, как правило, заканчивается *победой* одной стороны и *поражением* другой.

Наиболее острой формой борьбы, антагонистического противоречия в человеческом обществе является война (военное столкновение (конфликт).

Если теперь сопоставить *единство* и *связь*, то увидим, с одной стороны, их очевидное сходство, а, с другой, не менее очевидное различие, подобное различию между борьбой и столкновением. Единство, как правило, весьма сложное гар-

[1] "Единство" берется здесь лишь в одном из значений — как цельность многоразличного, сплоченность, сложная гармоническая связь противоположного (например, единомыслие, единство действий, любовь, единство семьи, единство народа, нации).

моническое взаимодействие, а связь — очень простое взаимодействие, сцепление. (Про связь можно сказать, что она механическая, а про единство такого не скажешь).

Нередко вместо слова "единство" употребляют слово "гармония"; при этом имеют в виду практически то же самое. Употребление слова "гармония" в самом широком смысле, эквивалентном слову "единство", дает нам право обозначить этим словом сложноорганические противоречия, лежащие в основе гармонических взаимоотношений, взаимодействий. То, что эти гармонические противоречия именно противоречия, не должно вызывать сомнения. Возьмем такой пример — любовь мужчины и женщины. В любви мужчина и женщина выступают как гармонические противоположности: только благодаря своим противоположным половым качествам они любят друг друга[1]. Их любовные взаимоотношения, духовные и физические, весьма сложны. Если они заканчиваются, то не победой или поражением одной из сторон, а общим делом их любви — рождением и воспитанием детей.

Гармонические противоречия направлены на воспроизведение, сохранение и развитие живых индивидов, на сохранение и развитие надиндивидуальных сообществ, в частности, на продолжение рода.

Антагонистические противоречия направлены на изменение, трансформацию индивидов и надиндивидуальных сообществ вплоть до их преобразования в другие, более высокоорганизованные индивиды, сообщества или до их уничтожения.

Гармонические противоречия — большей частью, по преимуществу "*внутри*" (внутри живого организма, индивида, сообщества), а антагонистические противоречия — большей частью, по преимуществу "*вне*", "*между*".

---

[1] Могут спросить, а как же гомосексуальные отношения? Ответ прост. Во-первых, гомосексуальные отношения не так уж часты; они — исключение из правила, которое лишь подтверждает правило. Во-вторых, и в гомосексуальных отношениях образуются так или иначе своеобразные противоположности, именуемые "активом" и "пассивом".

10.7. Золотая середина

Золотая середина — середина между крайностями, единство противоположностей, исключающее крайности. Находиться между Сциллой и Харибдой, между молотом и наковальней.

Крайность — это противоположность, исключающая, вытесняющая, не допускающая другую противоположность.

Крайность нежелательна или даже опасна. Опасная крайность — это либо Сцилла, либо Харибда.

«Бросаться в крайность» — нарушать меру.

Золотую середину можно представить в виде некоторого интервала значений на линии между противоположностями и крайностями:

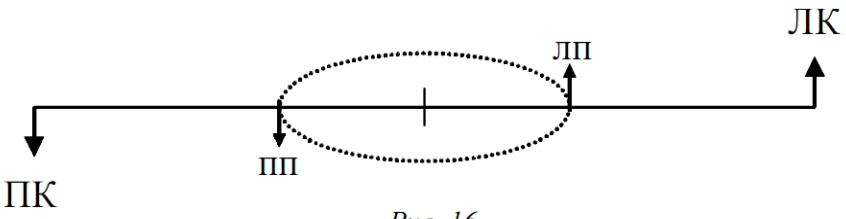
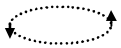


Рис. 16

ПК — правая крайность
ЛК — левая крайность

пп — правая противоположность
лп — левая противоположность

 — область золотой середины (нормы-меры)

Ниже приводится таблица противоположностей и крайностей (табл. 4), поясняющая схему взаимоотношения золотой середины, противоположностей и крайностей.

В Древней Греции идея меры или золотой середины была одной из самых важных в системе жизненных принципов. Девиз «ничего слишком» («всё в меру») был начертан на стене главного греческого храма — храма Аполлона в Дельфах. Величайший философ Древней Греции, Аристотель, разработал целую теорию золотой середины.

Таблица 4

↓	⟲		↑
ПК	пп	лп	ЛК
трусость	осторожность	смелость, отвага, храбрость	безрассудство, отчаянность
застенчивость, самоуничижение, забитость	скромность	гордость	гордыня, высокомерие, надменность кичливость
робость, стеснительность	стыдливость	раскованность	бесстыдство, цинизм
эгоизм, себялюбие	любовь к себе	любовь к другим	альтруизм, самоотвержение
скупость жадность	бережливость	щедрость	расточительность, мотовство
аскетизм	умеренность	полнота жизни	сибаритство, распутство
доверчивость	доверие	бдительность	подозрительность
скептицизм, неверие, безверие	сомнение, скепсис	вера	легковерие, фанатизм
пессимизм	реализм, трезвость	оптимизм	прекраснодушие, мечтательность
одиночество	уединение	общение	растворение в общении
национализм, шовинизм	патриотизм	интернационализм	космополитизм
В педагогике:			
диктат, деспотизм, тирания	требовательность	чуткость	попустительство

И впоследствии философы не раз возвращались к этой теории. А. Шопенгауэр, например, в подтверждение теории золотой середины приводил следующие соображения:

«Всякое человеческое совершенство родственно какому-нибудь недостатку, в который оно может перейти; но точно так же и, наоборот, каждому недостатку соответствует известное совершенство. Поэтому заблуждение, в которое мы впадаем иногда относительно какого-либо человека, часто основывается на том, что мы в начале знакомства смешиваем его недостатки с родственными им совершенствами или же наоборот. Оттого нам тогда осторожный кажется трусом, бережливый — скупым или же расточитель — щедрым, гру-

бость — прямотою и откровенностью, наглость — благородною самоуверенностью и т. д.» («Parerga und Paralipomena» — А. Шопенгауэр. Афоризмы и истины. М., Харьков, 2000. С. 657).

10.8. Противоречия в мышлении

Реальные противоречия (внутренние и внешние, гармонические и антагонистические) своеобразно преломляются, отражаются в человеческом мышлении.

Внутренние и гармонические противоречия могут выступать в виде логически непротиворечивых мыслей, суждений, высказываний. Внешние и антагонистические противоречия могут выступать в виде логически противоречивых мыслей, суждений, высказываний.

На одном полюсе мышления мы видим известные законы (принципы, правила) логики — прежде всего закон тождества и закон запрета противоречия. Они требуют тождества-соответствия в мыслях (об одном и том же), требуют тождества-соответствия мыслей предмету мыслей.

На другом полюсе мышления мы видим логически противоречивые суждения, парадоксы, антиномии и т. п. Они продуцируют несовпадение, нетождество мыслей (об одном и том же) вплоть до их противоположности, продуцируют несовпадение, нетождество, несоответствие мыслей предмету мыслей.

В первом случае работает *логика*, во втором — *интуиция*. Логика и интуиция — порядок и хаос мышления, мышление по правилам и мышление без правил. Логика — против отождествления нетождественного и растождествления тождественного, интуиция не против отождествления нетождественного и растождествления тождественного; она допускает и/или продуцирует противоречивые суждения, антиномии, парадоксы. Последние играют отрицательную роль в мышлении, мешают правильному (логическому) мышлению. Тем не менее именно они заставляют думать, будят мысль, тревожат, беспокоят мысль человека. Столкновение противоречащих мыслей неотъемлемая составная часть мыслительного процесса.

(Когда люди утверждают об одном и том же разное или даже противоположное, то возникает ситуация неопределенности или конфликта. Неопределенность, в свою очередь, в

зависимости от активности или пассивности субъекта может либо провоцировать постановку задачи, либо сковать и даже парализовать его волю. Ситуация конфликта возникает в тех случаях, когда требуется однозначное понимание или решение, а его нет и нет. Эта ситуация может возникнуть как в мышлении одного человека, так и в общении разных людей).

Парадоксы

Парадоксальный ум относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации.

Ж. Лабрюйер

...как только противоречия признаются, вся наука должна разрушиться.

К. Поппер

Концепция диалектических противоречий родилась из противопоставления формально-логическому закону запрета противоречия. Согласно этому закону нельзя говорить об одном и том же **да** и **нет**. Например, нельзя говорить, что человек существует и не существует. А некоторые философы (во главе с Гегелем) считают, что так можно говорить. Что такое движение по их мнению? — Тело находится в данном месте и в то же время не находится. Вот их характеристика движения как реально существующего противоречия в формально-логическом смысле. На самом деле, диалектическое противоречие — не утверждение и отрицание в одном пакете. Оно представляет собой некое единство, взаимодействие противоположностей. Последние же не только отрицают друг друга. Возьмем белое и небелое. Белое — утверждение, а небелое — отрицание утверждения. Ясно, что небелое не является противоположностью белого. Таковой является черное. В черном же есть содержание, которое путем отрицания белого никак не высвечивается. Ведь небелым является и зеленое, и красное, и желтое и черное. А черное имеет некоторое положительное содержание, которое понятием небелого не схватывается. Многие считающие себя диалектиками путают отрицание и противоположность. Они считают, что диалектические противоречия имеют форму отрицания и утверждения одновременно. Отрицательное понятие включает в себе абсолютно

всё. Если рассматривать небелое, то здесь имеется в виду цвет. А при формально-логическом подходе небелое — всё, кроме белого. Истинно диалектическая формула — это соединение противоположностей типа белого и черного.

В марксизме постоянно путали формально-логические противоречия с диалектическими, и от этого возникло много парадоксов и софистических уловок, которые приводили к грубым ошибкам и трагедиям. Это было характерно не только для марксистов. Есть такое высказывание Екатерины Медичи, матери французского короля Карла IX: “С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человечным” — так она сказала в оправдание резни гугенотов, устроенной в Варфоломеевскую ночь). Она обернула понятия. Это пример псевдодиалектики, парадоксального высказывания. То же у Шекспира: "Чтоб добрым быть / Я должен быть жесток" (Гамлет).

Известный философ XX столетия К. Поппер резко выступал против диалектики Гегеля именно по причине ее парадоксальности. Критический запал К. Поппера можно понять. Действительно, эта путаница с логическими и реальными противоречиями ведет порой на дорогу ложного и ядовитого философствования, что пагубно отражается на философии и культуре в целом. К. Поппер демонстрирует, какие опасные нигилистические выводы можно сделать из вроде бы безобидного отождествления Гегелем бытия и ничто. В самом деле, немецкий философ недвусмысленно заявляет о тождестве бытия и ничто, предварительно, правда, выхолостив содержание бытия [говоря о нем как о чистом, лишенном конкретных определений бытии]. По форме это тождество бытия и ничто выглядит как логическое противоречие “А и не-А”. А раз логическое противоречие — из него может вытекать всё, что угодно, в частности прямо противоположные жизненные концепции: оптимистическая, жизнеутверждающая и нигилистическая, жизнеотрицающая. Гегель как философ-оптимист склонял чашу весов в сторону бытия, бытийности [не случайно он “снимал” бытие и ничто не в исчезании, не в прехождении, а в *становлении*, т. е. в направленности к бытию]. Хайдеггер же из гегелевского отождествления бытия и ничто вывел нигилистическую концепцию “бытия, идущего к смерти”.

Глава 11. Становление

11.1. Общая характеристика становления

Становление не является видом движения, изменения, как это принято думать. Оно включает в себя движение, но не сводится к нему. В подлинном смысле становление есть единство материи и движения, т. е. того, что двигается, изменяется и самого движения, изменения. Изменение просто указывает на факт изменения, что происходит какое-то изменение. Становление указывает не только на факт *изменения*, но и на то, *что* изменяется, *каким образом* изменяется.

Далее, становление является не просто единством материи и движения, а *конкретным* единством. Это значит, что оно есть *особое* единство материи и движения, которое осуществляется в какой-то одной области мира. Мир в целом не становится и не развивается. Понятие становления характеризует лишь процессы, относящиеся к конкретным областям мира (например, к живой природе и человеческому обществу).

Примерами становления являются:

а) биологический прогресс — движение от низших форм жизни к высшим;

б) исторический прогресс;

в) индивидуальное становление человека как творческой личности (таланта, гения).

Интуитивно ясно, что *становление* является более фундаментальной категорией, чем *развитие*. Между тем философы незаслуженно обходят вниманием эту категорию. Если и употребляют термин «становление», то лишь как синоним развития или в значении «формирование», «восходящая ступень развития». В той мере, в какой понятие становления недооценивается, значение понятия развития преувеличено, гипертрофировано. Становление означает восхождение от низ-

шего к высшему (от низших форм действительности к высшим). Развитие же означает рост, усложнение, совершенствование в пределах одной и той же формы действительности. По отношению к развитию становление означает переход от развития меньшей степени сложности, так сказать, низшего порядка,
к развитию большей степени сложности, более высокого порядка.

Внутренними моментами становления являются возможность и действительность, эволюция и революция. Возможность и действительность — *стороны* становления. Эволюция и революция — *виды* становления. См. *диаграмму (структурную схему*) *категории «становление*» выше в Таблице категорий (табл. 1, стр. 135).

Первое «внутреннее» определение категории таково:

Становление есть единство (взаимопереход) возможности и действительности.

Становление только тогда является становлением, когда оно вовлекает в свою «орбиту» *все* моменты возможности и действительности, а именно, необходимость, случайность, свободу и закон, явление, сущность.

Второе «внутреннее» определение категории таково:

Становление есть единство революции и эволюции.

Это определение связано с первым следующим образом:

Революция есть превращение возможности в действительность. *Эволюция* есть превращение действительности в возможность.

Здесь необходимо ввести еще две категории, обозначающие разные «формы» действительности в аспекте становления. Это — *старое* и *новое* (*старая* и *новая* действительности).

Тогда приведенные выше определения эволюции и революции можно интерпретировать так:

Эволюция — вызревание в недрах старой действительности возможности новой, постепенная подготовка старой действительности к переходу в новую действительность. Переход же в новую действительность, т. е. реализацию возможности новой действительности осуществляет *революция*.

Эволюция — это превращение новой действительности в

старую, *старение* действительности.

Революция, напротив, — переход от старой действительности к новой, *обновление* действительности.

Почему переход возможности в действительность характеризуется как революция? Дело в том, что действительность — это целокупность, объединяющая явление, сущность, закон, и ее изменение, переход в другую действительность означает не только смену явлений, но и переход от старой сущности к новой, от законов, управлявших старой действительностью, к новым законам. Законы и сущности, как и явления, не вечны. Их смена также естественна, как и смена явлений. Правда, если смена явлений происходит все время, то сущности и законы меняются только в период революции, т. е. в период перехода старой действительности в новую, в период коренного изменения, обновления действительности.

В недрах старой действительности зарождаются законы новой действительности, но они выступают на данном этапе не как законы, а как *необходимость*. Последняя есть возможность нового закона, предпосылка возникновения нового закона. Закон есть действительность необходимости, есть реализованная необходимость.

Как я уже говорил, старое и новое являются моментами действительности в аспекте становления. В этой связи следует подчеркнуть, что становление включает оба перехода: от старого к новому *и* от нового к старому. Обычно, когда говорят о прогрессе, то видят только один переход — от старого к новому, обновление действительности. В тени остается другой переход: от нового к старому (нового в старое), старение того, что когда-то было новым. Ультрареволюционеры, сверхпрогрессисты постоянно забывают об этой второй стороне становления. Отсюда их нетерпение, торопливость. В самом деле, для того, чтобы можно было переходить от старого и новому, нужно, чтобы старое *было*, чтобы прежнее, предыдущее новое *как следует состарилось*, т. е. как можно полнее *одействительнилось* и *исчерпало* себя. Только при этом условии возможен переход от старого к новому. (А иначе это будет непрерывный переход от одного нового к другому новому, скачки, ведущие к хаосу).

11.2. Становление и развитие

Становление является по преимуществу движением от старого к новому. Не таково развитие. Оно — ряд изменений организма (сообщества), которые приводят к его усилению, т. е. это не переход от старого к новому, а *развитие нового*. Например, индивидуальное развитие человека от его рождения до зрелости. Здесь нет перехода от старого к новому и от нового к старому (как в случае становления). Дитя, ребенок не является старым. Это народившееся новое, которое затем развивается до полной зрелости, «развитости». Или, например, у человека обнаружились какие-то задатки, которые затем развиваются в способности, а последние — в талант.

Процессы развития и становления тесно переплетаются друг с другом. Так, указанные выше цепочки развития «дитя-юноша-взрослый» или «задаток-способность-талант» вплетаются, если можно так выразиться, в ткань становления. Если в одном отношении талант или гений являются *развитием* задатков, способностей, то в другом отношении следует говорить о *становлении* таланта, гения, т. е. о появлении нового, *небывалого*, о новом взлете человеческого гения (в смысле взлета человеческой культуры и гения вообще).

В отличие от становления развитие нельзя считать движением от низшего к высшему. Разве можно дитя называть низшим, а взрослого человека — высшим, или семя растения — низшим, а его плод высшим? Они несравнимы в этом плане. Нельзя также говорить, что взрослый находится на более высокой ступени развития, чем юноша. Да, конечно, для взрослого характерна «развитость», а для ребенка «неразвитость». Но эти ступени развития (неразвитость-недоразвитость-развитость или детство-юность-зрелость) нельзя называть более низкими и более высокими ступенями развития. Можно говорить о «возмужании», «созревании», «взрослении», «развитии», «росте», но не о «движении вперед» или движении от низшего к высшему, от старого к новому.

Конечно, человек в своем индивидуальном развитии повторяет некоторые этапы становления природы и человеческой культуры и в этом смысле можно говорить о его разви-

тии в смысле движения от низшего к высшему (он ускоренно «проходит» или «пробегает» этапы предшествующего становления). Но это движение «от низшего к высшему» принципиально отличается от того движения от низшего к высшему, которое происходило *впервые* в природе или в человеческой культуре.

Когда движение от низшего к высшему происходит *впервые* — это становление (отличительная черта становления как категориального определения — движение к новому, небывалому), но когда это движение «от низшего к высшему» «закрепляется» в виде постоянно повторяющегося циклического изменения, пробегания одних и тех же стадий, т. е. когда оно «закрепляется» в виде определенного «механизма», «организма» изменения, то это — развитие, а не становление. Так, в эмбриональном развитии живого организма повторяются некоторые стадии предшествующего становления — эволюции живого — это именно развитие, а не становление.

Уже длительное время предметом острой дискуссии в философии и биологии является проблема различных типов развития. Ученые и философы все больше приходят к выводу, что между *онтогенезом* (индивидуальным развитием) и *филогенезом* (историческим развитием) имеется *коренное* различие. Имевшее место в прошлом сведение филогенеза к онтогенезу, когда филогенез понимали как простую совокупность или цепь онтогенезов, связано помимо всего прочего с тем, что и тот и другой процесс обозначались одним и тем же понятием — «развитие». А ведь в «развитии», если брать этимологию слова, его происхождение, значительный удельный вес принадлежит тому, что впоследствии стали называть онтогенезом, эмбриогенезом, индивидуальным развитием. Развитие — это «развивание», «развертывание» того, что уже есть, было. В филогенезе же значительный удельный вес принадлежит тому, что появляется впервые, чего не было никогда, что по самому смыслу своему не является результатом «развертывания», «развития» существующего. Поэтому методологически неоправданным является обозначение (понимание) филогенеза как развития. Между филогенезом и онтогенезом столь глубокое различие, что их лучше причислить не к раз-

ным типам развития, а к разным категориальным определениям: онтогенез считать типом развития, а филогенез — типом становления.

Следует отметить, что различие между становлением и развитием можно только до известной степени уподобить различию между филогенезом, историческим развитием и онтогенезом, индивидуальным развитием. Дело в том, что становление может быть «свойственно» индивидууму (о чем говорилось выше), а развитие — *сообществу*, т. е. той или иной группе живых организмов, существ, людей, как-то связанных друг с другом. Сообщество имеет определенные черты организма и поэтому оно может развиваться *подобно* организму.

Пока для «становления» и «развития сообщества» используется один термин: «историческое развитие». По всей видимости и «филогенез» обозначает два разных понятия. Те ученые, которые сближают филогенез с онтогенезом, имеют в виду «развитие сообщества», а те ученые, которые противопоставляют филогенез онтогенезу, имеют в виду «становление», т. е. восхождение от низшего к высшему.

Важно не путать «становление» и «развитие сообщества». Сообщество может развиваться, но при этом оставаться в пределах одной и той же «формы» действительности, т. е. не изменяться в направлении от низшего к высшему. (Это видно на примере биологического вида, который представляя тупиковую ветвь эволюции живого, тем не менее может бурно развиваться).

Развитие — это, так сказать, запрограммированное изменение. Становление — незапрограммированное изменение, хотя, конечно, оно «имеет» объективные предпосылки. Но объективные предпосылки — не программа.

Специфическими субкатегориями становления являются «новое», «старое», «низшее», «высшее», «простое», «сложное», «эволюция», «революция», «движение вперед», «прогресс» и т. д.

Специфическими субкатегориями развития являются «детство», «юность», «зрелость», «старость», «созревание», «взросление», «рост», «возмужание», «взрослость», «развитость» и т.д.

Как я уже говорил, развитие бывает разной степени сложности. Самое простое развитие «свойственно» одноклеточным организмам. Самые сложные, высшие формы развития мы наблюдаем в человеческом обществе. Становление можно представить как переход или цепь переходов (восхождение) от низших форм развития к высшим, от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности.

Здесь следует дать некоторые пояснения относительно понимания становления как движения от низшего к высшему. Реальный процесс становления не так однозначен, одномерен, однонаправлен, как это может показаться при такой его характеристике. Движение от низшего к высшему — не столбовая дорога, не некоторый прямой или спиралеобразный путь. Только задним числом, ретроспективно можно оценить-определить, где низшее, а где высшее. Последнее при своем возникновении может оказаться (или показаться) этаким гадким утенком становления. И вообще, непосредственный переход от низшего к высшему может состояться совсем не там, где его ждут или где, казалось бы, он должен быть. Как отмечают биологи-эволюционисты, более высокие формы организации живого возникают не от самых развитых, но сильно специализированных форм, а от менее развитых и менее специализированных форм.

11.3. Возможность

Категория возможности является категорией, соотносительной с категорией действительности. Ей принадлежат все определения, выражающие в той или иной мере возможное, т. е. не существующее в действительности, но *могущее* быть.

Возможность есть предпосылка перехода одной действительности в другую или старой действительности в новую.

Как категория, соотносительная с категорией действительности, возможность включает в себя (за исключением невозможных и чудесных «явлений») *все виды* отсутствия действительности и наличия возможности: от самого случайного че-

рез менее и более вероятное до самого необходимого. Отсюда «внутреннее» определение категории возможности таково:

Возможность есть целокупность, объединяющая случайность, вероятность, необходимость, свободу.

Случайность и *необходимость* — противоположные стороны или виды возможности.

Вероятность является промежуточной категорией, осуществляющей постепенный переход от случайности к необходимости. Меньшая вероятность ближе стоит к случайности; большая вероятность — к необходимости.

Свобода — органическое единство, взаимоопосредствование случайности и необходимости.

Рядом *см. диаграмму (структурную схему) категории возможности.*

Случайность есть специфическая, единичная возможность, одна из многих возможностей.

Необходимость есть всеобщая (точнее одна, единственная) возможность, исключающая все другие возможности.

Далее, если *случайность* определяет многообразие возможностей, а *необходимость* — их единообразие, то *свобода* есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

Случайность — может быть так, а может быть и совсем по-другому, вплоть до наоборот. Случайность, таким образом, — это различие и противоположность, воплощенные в возможности, «существующие» как возможность.

Необходимость — может быть так и только так (должно

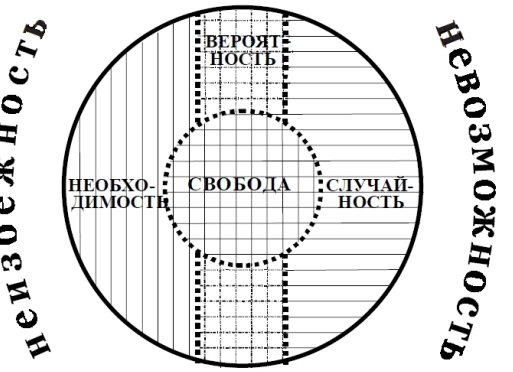


Рис. 17. Диаграмма (структурная схема) категории "ВОЗМОЖНОСТЬ"

быть так). Необходимость — это тождество, воплощенное в возможности, «существующее» как возможность.

Вероятность — может быть так, а может быть и несколько иначе в большей или меньшей степени.

Случайность — внешняя возможность; ей соответствует внешнее противоречие.

Необходимость — внутренняя возможность; ей соответствует внутреннее противоречие.

Вероятность — промежуточная возможность; ей соответствует промежуточное противоречие.

Свобода — сложная возможность, единство внутренней и внешней возможности; ей соответствует сложное противоречие[1].

В сфере действительности случайности соответствует явление, необходимости — закон, вероятности — статистическая закономерность, свободе — сущность.

О других соответствиях случайности и необходимости см. *таблицу соответствий* (стр. 137).

Если оценивать случайность и необходимость с точки зрения вероятности, то случайность можно интерпретировать как вероятность, приближающуюся или близкую к нулю, а необходимость как вероятность, близкую или приближающуюся к единице.

Собственно вероятность как *промежуточная* возможность между случайностью и необходимостью имеет место в интервале значений от близких к нулю до близких к единице. Случайность «плавно» переходит в вероятность. На границе перехода случайность носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической случайностью* (именно такая случайность является предметом математической статистики, теории вероятностей). Необходимость также «плавно» переходит в вероятность. На границе перехода необходимость носит явно статистический характер; ее можно назвать *статистической необходимостью*.

Про вероятность обычно говорят: малая (или меньшая) вероятность, большая (или бóльшая) вероятность — отмечая

[1] Подробнее о свободе см. ниже, п. 4.3 «Свобода», стр. 359.

этим постепенный, плавный переход от одной противоположной стороны возможности к другой. Следует иметь в виду, что слово «возможность» кроме основного, категориального значения (как категории, соотносительной с категорией действительности) имеет и другие, некатегориальные значения. Так, возможность часто употребляют в узком значении, как возможность наступления одного события или как большую или меньшую вероятность (в значении вероятности). Отсюда нередко происходит путаница понятий. Философы порой разделяют и даже противопоставляют категории возможности и необходимости, что совершенно неправильно с точки зрения категориальной сущности этих понятий. Ведь необходимость — это еще не сама действительность, а только возможность наступления действительного события, пусть даже если эта возможность носит категорический, императивный характер (об этом мы уже говорили выше). От необходимости до реального осуществления может быть дистанция огромного размера. Для этого нужен переход от одной категориальной «формы» — возможности — к другой — действительности.

Необходимость — это все то, что необходимо, но пока еще существует не в действительности, а в возможности. Поэтому необходимость — сторона, вид возможности. Повторяем еще раз: возможность, как категория, соотносительная с категорией действительности, включает в себя все виды отсутствия действительности и наличия возможности — от самого случайного, т. е. почти невозможного, через менее и более вероятное до самого необходимого вплоть до неизбежного.

Случайность и необходимость можно рассматривать в известном смысле как неопределенность и определенность.

Случайность есть некоторая неопределенность наступления того или иного событии, есть некоторое неопределенное поле возможностей.

Необходимость, напротив, есть определенность или, точнее, предопределенность наступления того или иного события.

Извечные *хочу*, *могу* и *надо* отражают в житейско-просторечной форме реальные категориальные определения: слу-

чайность, свободу и необходимость. В нашем «хочу» всегда есть элемент произвола или, как говорил Гегель, «случайности воли, хотения». «Могу» выражает степень нашей свободы, что мы можем реально. Чем больше мы можем, тем более свободны. И, наконец, «надо» выражает элемент необходимости в нашем поведении. Говорят, например: «есть такое слово «надо»! Говорят еще: «счастье — это когда «надо» и «хочется» совпадают». В самом деле «хочу», «могу» и «надо» должны соответствовать друг другу, чтобы человек был свободен и счастлив.

Кроме упомянутых выше «внутренних» категориальных определений возможность имеет еще «внешние» категориальные определения, расположенные как бы рядом с ней, родственные ей. Это — *невозможность* и *неизбежность*. *Невозможность* — тень возможности; она существует лишь как мысль, как понятие. Она находится с той стороны возможности, которая «заканчивается» случайностью. Ее вероятность равна нулю. *Неизбежность* находится с той стороны возможности, которая «заканчивается» необходимостью. Ее вероятность равна единице.

Невозможности как антиподу возможности соответствует понятие *недействительности*, являющееся антиподом действительности.

Невозможность и *недействительность* существуют лишь идеально, в сознании человека, в виде понятий, которым реально ничего не соответствует или скрывается (в случае недействительности) нечто другое. Тем не менее эти понятия имеют ту ценность, что они обозначают и объясняют целый ряд внутренних явлений сознания.

Мысли о невозможности или недействительности чего-либо имеют важное регулятивное значение. Они ограничивают произвол нашей фантазии, ставят предел достоверности чувственных восприятий и образов. Таковы, например, мысль о невозможности вечного двигателя или мысль о недействительности бога, ведьм, чертей. Если бы все плоды нашего воображения мы принимали как существующие или могущие быть в действительности, то это затруднило бы нашу деятель-

ность и даже просто сделало бы ее невозможной. Неразвитому уму очень многое кажется возможным. Он готов поверить и в «летающие тарелки», и в телекинез, и во многое другое. Своеволие мысли можно как раз сдержать путем неустанного изучения границ возможного и невозможного. А в сфере возможного есть такой «сорт» возможностей, о которых лучше не думать. Мы имеем в виду возможности типа маниловских мечтаний.

С другой стороны, неразвитому уму многое кажется невозможным. Он порой признает только то, что есть и что он сам пощупал и потрогал.

Правильно понимать соотношение возможного и невозможного — залог прогресса мысли и успехов в деятельности. Тот, кто считает слишком многое невозможным, обрекает себя на консерватизм, косность мысли, застой. А тот, кто считает слишком многое возможным, склонен к безудержному фантазированию, пустым мечтаниям и непродуманным импульсивным действиям.

В неорганической природе возможность выступает в виде неопосредствованных противоположностей случайности и необходимости, а также промежуточного звена — вероятности. В живой природе и человеческом обществе к этим видам возможности прибавляется *свобода*. Как взаимоопосредствование случайности и необходимости свобода появляется только на стадии живой природы, когда живые существа не просто взаимодействуют с окружающей средой, а осуществляют *деятельность*.

11.4. Действительность

Действительность — момент становления, противополагаемый возможности. Это — «внешнее» определение категории действительности. Только в соотношении с категорией возможности *действительность* может быть определена как специфическая категория, отличающейся от всех других категорий.

Как я уже говорил, весьма распространенным является употребление слова «действительность» в расширенном значении («объективной или материальной реальности», просто «реальности» или даже «мира в целом»[1]). Вследствие такого употребления слова существует постоянная опасность абсолютизации категории «действительность» и, соответственно, недооценки категории «возможность». Если говорить «по истине», «по логике вещей», то нужно признать, что понятие действительности по отношению ко всему миру (всей реальности) не имеет смысла. Оно охватывает лишь то, что существует в некоторый отрезок времени и в некотором пространстве. Не приходится говорить о действительности того, что было и чего уже нет и что будет, но еще не наступило. Также не приходится говорить о действительности (или недействительности) того, что выходит за пределы некоторой области пространства и находится в бесконечном удалении от нее. Мир в целом *абсолютно* бесконечен. Действительность же не является абсолютно бесконечной (т. е. абсолютно безграничной в пространстве и вечной во времени).

Понятие действительности охватывает некоторую совокупность реальностей, как-то связанных друг с другом. (Именно поэтому, кстати, мы называем действительность *целокупностью*). Конкретная связь реальных объектов является необходимым условием существования действительности как некоторой категориальной реальности в ее связности, целостности, сращенности. Ясно, что целостность действительности нельзя представлять в том же смысле, что и целостность тела, вещи (атома, например). Однако ее нельзя представлять и в смысле целостности мира в целом (равной, по существу, нецелостности). Понятие мира охватывает и такие объекты, связь которых «стремится» к нулю, а уж об их конкретной связи нечего и говорить.

Когда мы ведем речь о конкретных вещах и явлениях, то в хорошем приближении допустимо говорить о действительности в значении существующей реальности, подразумевая под ней только эти конкретные вещи и явления. Здесь наблюдает-

[1] См. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1991.

ся примерно та же картина, что и в случае евклидова и неэвклидова пространства. В нашем земном макромире мы можем со значительной долей истины считать, что все пространство является евклидовым. Но как только мы выходим за пределы этого мира, то должны принять во внимание, что понятие евклидова пространства имеет ограниченный смысл, т. е. его нельзя распространять на все пространство мира.

Если мы отождествляем действительность с миром, реальностью вообще, то трактуем мир, реальность, хотим мы этого или нет, лишь в аспекте действительности, а возможность либо вообще упускается из вида (на такой позиции стояли мегарцы, которых критиковал Аристотель), либо ставится в подчиненное положение по отношению к действительности.

Весьма опасно порой рассматривать конкретные проблемы лишь в аспекте действительности, существования. В качестве примера можно привести то, как трактуют некоторые моралисты и ученые-этики извечную проблему *добра* и *зла* (см. ниже, п. 15.11, «Добро и зло в плане соотношения действительности и возможности», стр. 414).

Структура действительности. «Внутреннее» определение категории таково: *действительность есть целокупность, объединяющая закон, статистическую закономерность, явление, сущность.*

Закон и *явление* — противоположные стороны или виды действительности.

Статистическая закономерность — промежуточная категория, осуществляющая «плавный», постепенный переход от закона к явлению или от явления к закону. Так называемые «теоретические» статистические закономерности ближе «стоят» к закону, а так называемые «эмпирические» статистические закономерности (устойчивости, регулярности) ближе «стоят» к явлению.

Сущность — органическое единство, взаимоопосредствование закона и явления.

См. ниже *диаграмму (структурную схему) категории действительности* (рис. 18).

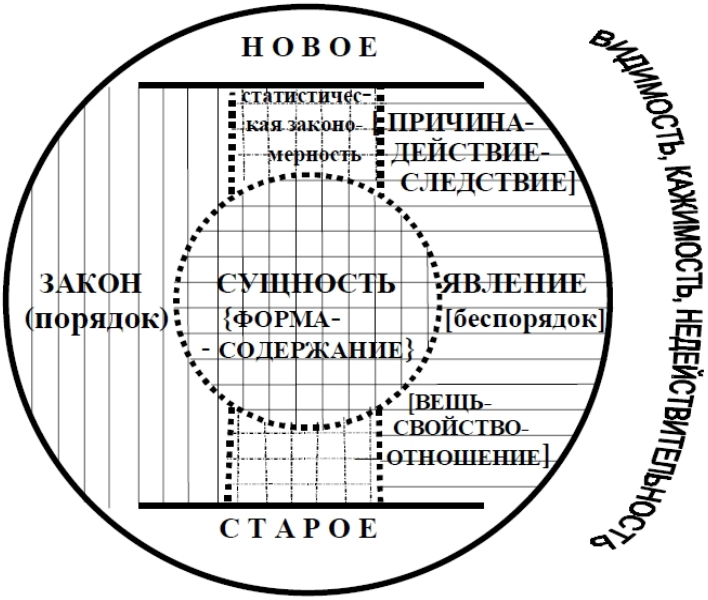


Рис. 18. Диаграмма (структурная схема) категории "действительность"

11.5. Закон и явление

Закон и явление, как необходимость и случайность, можно характеризовать в следующих аспектах. Прежде всего они противостоят друг другу как всеобщее, единственное и специфическое, единичное.

Закон есть всеобщая, единственная действительность.

Явление есть специфическая, единичная действительность, одна из многих действительностей.

Закон определяет *единообразие* действительности.

Явления в совокупности составляют *многообразие* действительности.

Закон — бывает так и *только так, единственным* образом. Он есть *тождественное* в действительности.

Явление — бывает так, а бывает и *по-другому* или совсем *наоборот*. Оно есть *различное* и *противоположное* в действительности.

Статистическая закономерность — бывает так, а бывает и *несколько* иначе, в той или иной степени «инаковости».

Закон есть *внутренняя сторона* действительности или внутренняя действительность. Непосредственно, через органы чувств или приборы, закон не наблюдаем, сам себя он не обнаруживает. Обнаружить или наблюдать его можно только косвенно, через явления.

Явление есть *внешняя сторона* или, короче, внешняя действительность. Его можно наблюдать непосредственно, через органы чувств или через приборы.

Закон представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами «определенность, «упорядоченность», «порядок» и т. п.

Явление, напротив, представляет ту сторону действительности, которую можно характеризовать словами: «неопределенность», «хаотичность», «неупорядоченность», «беспорядок» и т. п.

Порядок и беспорядок (хаос), упорядоченность и неупорядоченность — две «половины» «пространства» действительности, выражающие, с одной стороны, *законосообразную* действительность, а с другой — *являющуюся* действительность.

Закон как внутреннюю, ненаблюдаемую сторону действительности и явление как внешнюю, наблюдаемую сторону можно охарактеризовать кантовскими терминами — «вещь в себе» и «вещь для нас».

Как уже говорилось, между законом и явлением имеет место плавный переход, т. е. нет резкой грани. Есть законы, которые ближе стоят к явлениям, а есть такие, которые дальше отстоят от них. Более общие законы «охватывают», соответственно, большее количество явлений и, следовательно, дальше отстоят от каждого явления в отдельности. Менее общие законы «охватывают» меньшее количество явлений и, следовательно, ближе стоят к ним, полнее их характеризуют. Здесь можно провести аналогию между явлениями и законами, с одной стороны, и рядовыми подчиненными и начальниками, с другой. Чем более высокий пост занимает начальник, тем он дальше от рядового подчиненного.

То же можно сказать о явлениях. Подобно тому, как существуют более общие и менее общие законы, существуют и яв-

ления более частые и менее частые, т. е. менее редкие и более редкие. Например, дождь в пустыне — редкое явление, а в умеренной зоне — частое явление; или выпадение снега летом — чрезвычайно редкое явление в умеренной зоне, а зимой — частое явление; или крупный выигрыш в лотерее — очень редкое явление, а небольшой выигрыш — частое явление. Таким образом, как законы бывают различной степени общности, так и явления бывают различной степени «встречаемости» — от почти невероятных, небывалых, уникальных до обычных, рядовых, случающихся в массовом порядке.

Имеются еще апериодические и периодически повторяющиеся явления (например, землетрясения в первом случае и затмения солнца и луны во втором случае).

Частые, обычные или периодически повторяющиеся явления ближе стоят к законам, как бы непосредственно примыкают к ним. Именно о таких явлениях можно сказать, что в своей массе они выражают закономерность, являются формой проявления закона, ареной действия закона. Частые или массовые явления «управляются» статистическими закономерностями или «управляют» ими, что одно и то же.

Явления редкие, чрезвычайные, необычные, уникальные дальше отстоят от законосообразности; они по своему происхождению являются выражением чистой случайности. Именно такие явления генерируют беспорядок, хаос. (Например, такое чрезвычайное явление как землетрясение значительной силы в населенной местности дезорганизует жизнь людей, а порой и прекращает ее. Мощное извержение вулкана на острове «Санторин» несколько тысяч лет назад погубило высокоразвитую цивилизацию на Крите).

В неорганической природе закон и явление — только *полюсы взаимозависимости*, т. е. в какой-то мере внешни друг другу. Если они соприкасаются, то предстают как бы в разжиженном виде — в виде массовых явлений и статистических закономерностей, являющихся *промежуточными* состояниями между полюсами взаимозависимости.

В живой природе и человеческом обществе к этим отношениям закона и явления прибавляется их *взаимоопосредствование — сущность*.

Линия «закон — явление» характеризует действительность как бы в горизонтальном разрезе. Если же рассматривать ее в вертикальном разрезе, т. е. в аспекте становления, то мы увидим, что она «раздваивается» на *новое* и *старое* — новую и старую действительности. Это — виды действительности в аспекте становления. На *диаграмме* категории «действительность» они размещены по вертикали и отделены от остальных субкатегорий горизонтальными линиями. Новое и старое, как и сама категория действительности, являются целокупностями, объединяющими указанные выше субкатегории. Новая действительность включает в себя и новые явления, и новые законы, и новую сущность.

Закон и порядок

Эти две категории очень близки по смыслу. Любой реальный закон есть начало упорядочивающее. С другой стороны, порядок тем основательнее, чем больше он опирается на закон (законы). Последнее мы хорошо видим на примере соотношения социального порядка и правовых законов. Правовые законы — некоторое подобие естественных законов и их роль во многом аналогична роли законов природы. Как показывает опыт истории, социальный порядок, основанный на системе правовых законов, гораздо более прочен, жизнеспособен по сравнению с социальным порядком, основанным на руководстве, диктатуре, тирании отдельных людей (лидеров, монархов, вождей). (Любопытен и такой факт: известна любовь немцев к порядку; они же известны как законопослушная нация.)

Очевидно далее, что порядок, хотя и близок по смыслу к закону, шире его по содержанию. Порядок может быть там, где законами и не пахнет. Например, порядок в комнате, на полке, в расположении игральных карт и т. д. и т. п. По-видимому, различие между законом и порядком — того же рода, что и различие между стороной-полюсом и половиной. Закон — сторона-полюс действительности, порядок — половина ее «пространства». Кроме того, различие между законом и порядком обусловлено различием их «антиподов» — явления и беспорядка (хаоса).

11.6. Причина — действие — следствие

Эта триада категорий относится к категории «явление».

Явления различаются не только по степени встречаемости (частоте), но и по *зависимости* друг от друга. Одни явления вызывают, порождают другие. Первые выступают как *причины*, вторые — как *следствия*. Такое различие между явлениями, однако, не является абсолютным. Любое явление есть и причина, и следствие. Следствием оно является по отношению к тому явлению, которое вызывает, порождает его (например, удар кия по бильярдному шару является следствием толкания кия рукой играющего в сторону шара). Но это же явление выступает как причина по отношению к другому явлению, являющемуся его следствием (удар кия по шару — причина начавшегося движения шара).

Причинность означает переход одного явления в другое и ничего больше. Цепь причин и следствий — это цепь последовательных переходов от одного явления к другому, от другого к третьему и так до бесконечности. Мир явлений — это мир бесконечных причинно-следственных цепочек. Наглядный пример: если домино поставить на ребро в один ряд близко друг к другу, то при толчке крайнего домино упадут последовательно один за другим все домино. Внешний толчок является причиной падения первого домино; это падение является причиной падения второго и так далее. Другой пример: цепь причин и следствий, вызвавших смерть человека. Непосредственной причиной смерти может быть шок. Причиной шока — сильная боль. Причиной боли — ожог участка тела. Причиной ожога — прикосновение к горячему или горящему предмету. Причиной прикосновения — толчок этого человека другим человеком в направлении данного предмета. Причиной этого поступка другого человека может быть месть, злоба, ненависть и т. д.

Ярким примером причинно-следственной цепочки является цепная (химическая или ядерная) реакция.

Итак, любое явление есть причина и следствие, но в *разных* отношениях, по отношению к *разным другим* явлениям.

Иными словами, любое явление имеет причинно-следственный характер. Это значит, что нет беспричинных явлений, как нет и явлений, исчезающих без следа, в небытие. Какое бы явление мы ни взяли, оно обязательно стоит в ряду явлений, одни из которых порождают его, а другие являются его следствиями.

Вопрос о причинности — один из самых сложных философских вопросов. Вокруг него скрестились шпаги многих философских учений и направлений. И это не случайно. В мире явлений, т. е. в мире, относительно независимом от законосообразной действительности, причинность является единственным упорядочивающим фактором. Если нет причинности, то возможно все, что угодно. А от признания беспричинности до признания чудесности происходящего один шаг. Это уже не наука и не философия, а религия и мистика. Если и есть между явлениями связь, зависимость, то это — причинность.

Иногда так и говорят: причинность есть форма связи между явлениями. С таким пониманием причинности можно согласиться, если под причинной *связью* иметь в виду именно *зависимость* явлений, а, не ту связь, которая образует целостность. (Примером последней является химическая связь, образующая то или иное химическое вещество). Причинная связь есть просто зависимость одного явления от другого, а этого другого от третьего и так до бесконечности. В случае связи, образующей целостность, имеет место ***взаимо***зависимость сторон целого. А в случае причинной связи имеет место ***односторонняя*** зависимость одного явления от другого.

Таким образом, суть причинности в том, что она указывает на зависимость одного явления от другого, что то или иное явление возникло не из ничего, порождено не какой-то чудесной, сверхъестественной силой, а другим явлением. Землетрясение — явление, но в качестве причины оно порождает целый ряд других явлений — разрушение зданий, гибель людей, животных. В свою очередь, землетрясение — не божья кара, а следствие критических напряжений в земной коре, возникающих на стыке геологических платформ и в местах разломов.

Из принципа причинности, т. е. из признания всеобщности причинно-следственной связи явлений, вытекают два важных вывода:

а) *ничто не возникает из ничего и не исчезает без следа, т. е. не переходит в ничто.* Это — отрицательное выражение принципа причинности;

б) *всякое явление порождается другим явлением и, в свою очередь, порождает третье явление и так до бесконечности.* Этот вывод является положительным выражением принципа причинности.

Отсюда становится ясным, почему причинность относится к структуре категории явления. Ведь явления, мир явлений — это в подлинном смысле альфа и омега существования причинно-следственной связи. Искать причину явлений можно только в других явлениях, а не в чем-нибудь другом. Вне мира явлений ее нет и быть не может. Всякая причинно-следственная связь есть только звено в бесконечной цепи причин и следствий. Поскольку она состоит из причин-явлений и следствий-явлений, то как бы далеко мы не просматривали эту цепь в причинную сторону или следственную, везде увидим только явления. В. Я. Перминов, комментируя Декарта, отмечает, что такое понимание причинности есть *лозунг позитивной науки*[1].

Принцип «все явления имеют причину в других явлениях» ясно показывает, что причинность *целиком* принадлежит к миру явлений.

Следует особо сказать о том, что причинная связь обладает «свойством» необратимости, однонаправленности — от причины к следствию. Этим она отличается, как мы уже говорили, от связи, образующей целостность. Данное «свойство» причинной связи служит еще одним «аргументом» в пользу того, что причинность относится или принадлежит к структуре категории явления. Как мы установили раньше, явление и необратимость — *соответственные* категории. Необратимость в явлениях и реализуется в виде *однонаправленности* причинно-следственной связи. Причинно-следственная связь прямо, непосредственно выражает необратимый характер перехода от одного явления к другому. (Простой пример: чашка разбилось о пол; столкновение чашки с полом причина; бой

[1] *Перминов В. Я.* Проблема причинности в философии и естествознании. М., 1979. С. 161-162.

чашки — следствие. Это отношение причины и следствия нельзя обратить, т. е. бой чашки не может быть причиной ее столкновения с полом).

Представление об однонаправленном характере причинно-следственной связи прочно закрепилось в философии и науке. Более того, это представление используется как непререкаемый аргумент для обоснования тезиса о необратимости временного порядка.

Покажем теперь, что причинно-следственная связь относится исключительно к сфере *являющейся* действительности, что качество причины (следствия) могут иметь только явления, но никак не вещи, тела, предметы и т. п.

В самом деле, если употреблять понятие причины в точном категориальном смысле, то оно применимо не к вещам, телам, предметам, а именно к явлениям. Например, нельзя говорить: причина атома, бумаги, автомобиля, камня, ложки, электрона и т. д. Напротив, можно и нужно говорить о причине распада ядра атома, горения бумаги, движения автомобиля, загрязнения ложки, аннигиляции электрона. Причинами и их действиями, следствиями могут быть только явления, т. е. *отношения вещей через их свойства*, а не сами вещи. Именно воздействие одного на другое является причиной третьего. Если нет воздействия, то нет и причины.

Выше явление было охарактеризовано как *различное и противоположное* в действительности. И в этом случае причинность как нельзя лучше подходит к тому, чтобы характеризовать именно являющуюся действительность. Причинно-следственное отношение возникает там, где *нечто* имеет причину не в себе самом, а в *другом*. Представление о причинности есть представление о том, что *одно* есть причина *другого*. Одно явление порождается другим, это другое — третьим и так до бесконечности. Отношение порождения одного явления другим есть, иными словами, порождение *различия* и *противоположности* в действительности. И чем меньше следствие похоже на причину, тем больше оно *явление*. Говорят, например, о Явлениях Природы, Явлениях Духа. В этих выражениях подчеркивается как раз момент отличия явлений от того, что предшествовало им, из чего они возникли. Явле-

ние с Большой Буквы вносит в действительность *противоположение, контраст.* (Такое явление обычно называют *событием, феноменом).*

В отличие от являющейся действительности *внутренняя* действительность (*закон*) имеет причину, точнее, основание не в другой действительности, а в себе самой, т. е. является *причиной самой себя*, *causa sui*, как сказал бы Спиноза. Causa sui — это тождество с самим собой, но не причинность в истинном значении[1].

Гегель проводил в свое время различие между причинно-следственным отношением и взаимодействием. Он отмечал, что взаимодействие, в отличие от причинно-следственного отношения, хорошо выражается спинозовским causa sui («причина самого себя»).

В настоящее время ученые употребляют термин «взаимодействие» в самом широком смысле, как любое реальное отношение вещей. С другой стороны, они стали делить взаимодействия на внутренние и внешние, подразумевая под первыми циклические взаимодействия, носящие замкнутый характер, а под вторыми разные незамкнутые процессы, столкновения, соударения и т. п., т. е. то, что мы называем *явлениями*.

Внешние взаимодействия ученые называют взаимодействиями потому, что в них как минимум участвуют две стороны, действующие друг на друга. На самом же деле внешнее взаимодействие есть не взаимодействие, а воздействие одного на другое, почему оно и называется *внешним*. Когда мы ударяем по бильярдному шару кием, то передаем ему часть энергии кия и она уже не возвращается к кию. Во внешнем взаимодействии осуществляется необратимый переход энергии, импульса и даже массы от одного к другому. Это и служит основанием для различения причины и следствия.

Во внутреннем взаимодействии (например, во взаимодей-

[1] При органическом соединении (взаимоопосредствовании) внутренней и внешней действительности возникает новая «комбинация» причинности и законосообразности: *целесообразность*. См. об этом подробнее ниже, п. 16.2 «Целесообразность, целеполагание, целенаправленность», стр. 477.

ствии ядра атома и электронной оболочки) происходит *обмен* энергией, импульсом, массой между перехода сторонами взаимодействия. В нем нет выделенного перехода от одного к другому, поэтому нет и причинно-следственного отношения. Внутреннее взаимодействие, обусловливающее существование целостных объектов, не выделяет какого-то одного направления действия сторон и поэтому в подлинном смысле является *взаимодействием*.

Некоторые философы пытаются универсализировать причинно-следственную связь, распространить ее и на область внутренних взаимодействий. На самом деле каузальность лишь частичка всемирной связи.

Ученые и философы нередко говорят о *причинных законах*. Насколько оправданно это выражение с точки зрения категориальной логики? Ведь причинность относится к миру явлений, а закон характеризует внутреннюю сторону действительности. Как будто здесь противоречие. Нужно, однако, иметь в виду, что причинные законы не совсем законы, что они тяготеют к миру явлений и что истинной сферой причинных высказываний является уровень рассуждения о явлениях, о связи явлений. О причинных законах можно говорить только как о *частных*, т. е. таких, которые незаметно, плавно переходят в сами явления. Чем общее закон, тем он дальше отстоит от явлений и тем меньше он может быть интерпретирован как причинный закон.

Представление о причинно-следственном отношении будет неполным, если не упомянем о промежуточном звене отношения — ***действии***, связывающем причину и следствие. Действие и следствие иногда отождествляют, не проводят между ними различия. Отсюда путаница понятий и пустые споры об одновременности или неодновременности причины и действия (следствия). Авторы, акцентирующие внимание на отношении «причина-действие», склонны отстаивать тезис об одновременности причины и действия. А те авторы, которые больше обращают внимание на отношение «причина-следствие», отстаивают, как правило, тезис о предшествовании причины следствию. В итоге те и другие правы. Речь ведь идет о разных понятиях: *действии* и *следствии*. Если действие

причины — процесс создания следствия, то следствие — результат действия причины. Поясним это на примере. Если толкнуть шарик вдоль гладкой поверхности, то он начнет двигаться. Толчок является причиной возникновения движения. Последнее является действием причины. Шарик будет двигаться и после того, как действие толчка прекратится. Это его движение по инерции есть уже не действие, а следствие толчка.

Причина и действие всегда совпадают во времени, т. е. между ними отсутствует временное отношение «раньше-позже». Не может быть такого положения, когда причина есть, а действие отсутствует, или, наоборот, действие есть, а причина уже исчезла. Причина не существует до своего действия. Так же и действие не существует после причины. *Cessante causa cessat effectus* — с прекращением причины прекращается и действие. Например, если *ускоряющееся* движение тела имеет своей причиной некоторую силу, приложенную к телу, то с устранением этой причины прекращается и ускоренное движение. Согласно второму закону Ньютона $F = ma$ ускорение тела прямо пропорционально приложенной к нему силе и если сила обращается в нуль, то и ускорение прекращается). Предполагать существование действия *после* причины — это значит предполагать существование действия *без* причины, беспричинного действия. *Причина действует* — в этом выражении подчеркивается *живая* связь причины и действия, факт их одновременного существования.

Смысл понятия следствия состоит в том, что оно выражает *остаточный* эффект от действия причины. Следствие сохраняется после того, как действие причины прекратилось, или, во всяком случае, оно в качестве причины передает «эстафету» другому следствию. Принцип «причина предшествует следствию» является всего лишь развернутым (и, можно добавить, упрощенным, огрубленным) толкованием слова «следствие», корнем которого является «след», означающий то, что остается, сохраняется после некоторого воздействия, изменения. Следствие не так тесно связано с причиной как действие, но и оно обязательно «стыкуется» с ней во времени и пространстве. Непрерывность перехода *причина → дейст-*

вие → следствие — это, можно сказать, закон причинной связи. Между причиной и следствием нет никакого временного интервала, промежутка. Причина длится во времени (какое-то время) и ее дление непрерывно переходит в дление следствия. С другой стороны, следствие обязательно выходит за рамки временных границ действия причины. Это тоже закон причинной связи, выражаемый обычно в виде принципа «причина предшествует следствию». Суть причинности не только в том, что она порождает различие явлений (следствие должно быть отлично от причины, иначе оно сливается с ней), но и в том, что она *порождает различие во времени, различие моментов времени,* а именно, различие между прошлым, настоящим и будущим.

Отношение причины и следствия предполагает *конечность* существования причины во времени, временный характер ее действия, так как следствие так или иначе выходит за рамки временн***о***го существования причины. Иными словами, следствие *оконечивает* причину. И это вполне объяснимо с точки зрения логики соответствий. Причинно-следственное отношение как отношение *явлений* соответственно *конечному.*

11.7. Вещь — свойство — отношение

Выше речь шла об отношениях *между* явлениями. Теперь следует заглянуть *внутрь* явления. Если расчленить его мысленно на «части», то получим триаду категорий «вещь-свойство-отношение». Эта триада характеризует явление со стороны его внутреннего содержания. Отсюда «внутреннее» определение категории будет таким: *явление есть целокупность, объединяющая вещь, свойство и отношение,* или, по-другому*, есть отношение вещей через их свойства.*

Указанные субкатегории выражают различные моменты, стороны явления. Последнее только тогда имеет место, когда налицо все три момента. Ни вещи, ни свойства, ни отношения в отдельности не составляют явления. Они в таком случае суть лишь абстракции. Вещь только тогда *вещь*, когда она ***является***, т. е. когда она вступает в *отношения* с другими вещами и проявляет в этих отношениях свои *свойства*.

Таким образом, вещи, свойства и отношения служат для выражения, раскрытия *являющейся* действительности.

В традиционной формальной логике понятия вещи, свойства и отношения трактуются как предельно широкие абстракции, под которые можно подвести любые конкретные определения.

(В качестве аналогов этих понятий в логическом мышлении фигурируют понятия, признаки предметов и суждения, умозаключения. Понятия делятся на *конкретные* и *абстрактные* соответственно различию предмета, свойства предмета и отношения между предметами. Конкретными называются понятия, в которых мыслится предмет или совокупность предметов как нечто самостоятельно существующее. Абстрактными — понятия, в которых мыслится свойство предмета или отношение между предметами, взятые отдельно от предмета, предметов. Суждения делятся на экзистенциальные суждения или суждения существования, атрибутивные суждения и релятивные суждения или суждения с отношениями).

Соответственно и в философии существует подобная трактовка этих понятий. В этой трактовке есть то рациональное зерно, что в ней угадывается соответственный характер категорий. *Вещь* можно в известном смысле сопоставить с *тождеством*, а *отношение* — с *противоположностью*. Определение явления как *отношения* вещей через их свойства вполне оправданно с этой точки зрения. Ведь *отношение* и *явление* соответственны одной и той же категории — противоположности.

Вещь. «Вещь» нередко рассматривают как синоним понятий «тело», «предмет», «объект», «система». Между тем это существенно различные категории. Хотя в практике словоупотребления их сплошь и рядом отождествляют, приравнивают, это, однако, не дает права современному философу рассматривать их как одно и то же. С точки зрения категориальной логики указанные понятия обозначают разные категории, относящиеся к разным категориальным семействам, подсистемам. *Тело* — вид материи, о котором можно сказать, что оно движется. *Предмет* и *объект* — определяются в рамках категории *деятельности* как противостоящие *субъекту* (см. ниже

стр. 485-486). *Система* определяется в рамках категориального семейства, подсистемы «*система-структура-элементы*». *Вещь* — в рамках подсистемы «*вещь-свойство-отношение*». Таким образом все указанные категории имеют специфическое содержание и смешивать их недопустимо. Как мы уже говорили, историческое развитие и совершенствование языка и мышления идет по линии все большей дифференциации и уточнения слов, терминов, понятий. Если раньше было допустимо отождествлять указанные понятия, то теперь такое отождествление мешает их осмыслению как особых категорий, относящихся к разным категориальным подсистемам.

Вообще неправомерно определять вещь как отдельную самостоятельную реальность, вне подсистемы «вещь-свойство-отношение». Здесь, правда, есть одна трудность, которая заставляет философов вновь и вновь искать определение вещи не в системе «вещь-свойство-отношение», а на стороне, в системе других категорий, понятий. Трудность состоит в том, что определение вещи в системе «вещь-свойство-отношение» легко сбивается на определение (или понимание) вещи как совокупности свойств. А. И. Уемов приводит в своей книге известную формулировку закона Лейбница: «две вещи тождественны, если все их свойства общие»[1]. Из этой формулировки вытекает представление о вещи как совокупности свойств. А. И. Уемов отмечает, что еще Т. Гоббс и Х. Зигварт критиковали подобное понимание вещи.

Общее *категориально-логическое* решение проблемы соотношения вещи и ее свойств дал Гегель. Он писал: «Не надо впрочем, смешивать свойства с качеством. Говорят, правда, также: нечто *обладает* качествами. Это выражение, однако, неуместно, поскольку слово «обладать» внушает мысль о самостоятельности, которая еще не присуща непосредственно тождественному со своим качеством нечто. Нечто есть то, что оно есть, только благодаря своему качеству, между тем, как, напротив, вещь, хотя она также существует лишь постольку, поскольку она обладает свойствами, все же не связана неразрывно с тем или другим определенным свойством и, следовательно, может также и потерять его, не переставая из-за этого быть тем, что она есть»[2].

---

[1] См.: *Уемов А. И.* Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 8.
[2] *Гегель*. Энциклопедия филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 290 (§ 125).

Как видим, Гегель проводил различие между *нечто* и *вещью*. Нечто у него определено качественно и количественно, а вещь проявляет себя в свойствах. Именно этим вещь отличается от нечто. Под последним Гегель имел в виду то, что мы называем материальным *телом* (или группой тел). Действительно, о качественной определенности нельзя говорить, что тело ею обладает; она непосредственно слита с телом. А вот про вещь можно и нужно говорить, что она *обладает* свойствами. Вещь может не иметь того или иного свойства без того, чтобы она перестала быть *той же* вещью (обратите внимание: вещь ≈ тождеству!). В самом деле, если в различных отношениях вещь выступает всякими раз в новом обличье, в виде того или иного свойства, то *сама по себе* она есть *общая* или *тождественная* основа многих различных свойств. Авторы, характеризующие вещь как совокупность свойств, сводят ее по существу к отношениям. А это значит, что уничтожается *категориальная самость* вещи. Определение ее в подсистеме «вещь-свойство-отношение» означает не только то, что она определяется через свойства и отношения, но и то, что фиксируется ее *противоположность* отношениям. Если отношений *много*, то вещь *одна*. Если отношения различны и могут быть даже противоположны, то вещь в этих отношениях *одна и та же*. Отношение «перекидывает мостик» от *одной* вещи к *другой* и, следовательно, *делает* их различными. Различие вещей «покоится» на различии их отношений. Вещи вне отношений *неразличимы*, т. е. *тождественны*.

Из сказанного ясно, что следует понимать под вещью. Ее можно определить так: *вещь — тело, вступившее или находящееся в отношениях с другими телами и проявляющее в этих отношениях свойства.* Как только тело вступает в отношения с другими телами, оно «становится» вещью, проявляющей свои свойства. Если тело не находится ни в каких реальных отношениях с другими телами, то оно не является и вещью. Поскольку такого не бывает, т. е. тело всегда находится в каких-то реальных отношениях с другими телами, постольку оно всегда выступает как вещь в этих отношениях. Тело вне отношений — это истинная «вещь в себе», т. е. абстракция, которой реально ничего не соответствует. Можно, конечно, природные тела, о которых люди пока ничего не знают, называть условно «вещами в себе», так как они не являются «вещами для нас». Однако в таком употреблении «вещь в себе» не есть *истинная* «вещь в себе», поскольку она противопо-

ложна не вообще «вещи для другого», а только «вещи для нас». Всякая реальная вещь есть «вещь для другого», т. е. существует лишь как момент *явления*, отношения вещей через их свойства.

11.8. Сущность

Сущность — категория действительности, представляющая собой органическое единство, взаимоопосредствование закона и явления.

Если *закон* определяет единообразие действительности, а *явление* ее многообразие, то сущность определяет единство действительности в ее многообразии или многообразие действительности в ее единстве. Единообразие и многообразие предстают в *сущности* как *форма* и *содержание*.

Форма — единство многообразного; *содержание* — многообразие единства или многообразие в единстве. Иными словами, форма и содержание — это закон и явление, взятые в аспекте сущности, существующие как *моменты* сущности.

Сущность — сложная органическая действительность, соединяющая ее внутреннюю и внешнюю стороны. В сфере возможности ей соответствует *свобода*. В сфере видов материи — *организм* и *сообщество*. В сфере качества — *индивидуальное* и *типическое*. В сфере меры — *норма*. В сфере видов движения — *развитие* и *поведение*. В сфере противоречия — *сложное* противоречие, *единство*, *гармония* и *борьба*, *антагонизм*. В сфере становления *деятельность*, *субъект*, *объект*.

Категория сущности прошла длинный и трудный путь формирования, становления, развития. Это, пожалуй, одна из наиболее сложных и спорных категорий.

Так, философы *эмпирического* направления до сих пор не признают этой категории, считают ее принадлежащей исключительно к сфере сознания, но никак не действительности. Более того, некоторые из них просто третируют ее. *Б. Рассел* писал, например: ««сущность» представляется мне бестолковым понятием, лишенным точности». Пафос Рассела понятен. Он был эмпирически ориентированным философом, причем с

естественнонаучным небиологическим уклоном. Отсюда и его нелюбовь к понятиям-категориям, соответственным целому, вещи, тождеству, всеобщему, и его нелюбовь к *сложным органическим* понятиям-категориям, таким как сущность.

Нигилизм в отношении *сущности* так же губителен, как и нигилизм в отношении *живого существа, организма*, его *жизнедеятельности*, *развития*. Специфика сущности — это специфика живого по сравнению с неживым, органического по сравнению с неорганическим, развивающегося по сравнению с простым изменением, нормы по сравнению с неорганической мерой, единства по сравнению с простой связью и т. д. и т. п.

Итак, мы рассмотрели одну крайность в понимании сущности. Существует и другая крайность. Философы, исповедующие *органицизм* и *идеализм*, склонны абсолютизировать сущность и даже наделять ее самостоятельным существованием.

Абсолютизация сущности выражается, в частности, в том, что ее видят и там, где ее нет и быть не может. Например, в неорганическом мире, где никаких сущностей нет. (Смешно говорить о сущности грозы, камня, молекулы, планеты). Или в выдуманном, воображаемом мире одухотворенных, одушевленных сущностей, в религиозном представлении о *сверхъестественном* личном существе как сущности вселенной.

Абсолютизировал сущность и *Гегель*. Но он же первый дал ее категориально-логический портрет, первый попытался *разумно* (логически) оценить ее, очистить от религиозно-мистических и схоластических наслоений. Вообще учение Гегеля о сущности очень сложно, неоднозначно, полно одновременно спекуляций и гениальных прозрений.

Сущность и явление. Это отношение часто рассматривают как отношение внутреннего и внешнего. Это несколько упрощенный взгляд. Говорят, например: явление дано непосредственно, в наших ощущениях, а сущность *скрыта* за явлениями, дана не непосредственно, а опосредованно, через них. Действительно, в познании человек может идти от непосредственно наблюдаемого явления (явлений) к обнаружению сущности. Последняя как познавательный феномен часто ока-

зывается тем *внутренним*, которое пытаются *постигнуть*.

Однако, в познании мы можем двигаться и другими путями, в частности, от внутреннего к внешнему. Внешнее, явления могут быть скрыты от нас, непосредственно не наблюдаемы. Таковы многие физические явления (например, радиоактивность, радиоволны). Открывая, познавая их, мы ведем себя примерно так же, когда обнаруживаем сущность.

Вообще сущность как познавательный феномен не совсем то же, что сущность как категориальное определение действительности. Она может быть *сутью вещей*, т. е. характеризовать *неорганические* или *воображаемые объекты*. Она может быть явлением, если это явление скрыто, не обнаружено, не познано, т. е. опять же является *объектом* познания (особенно это касается явлений, которые носят весьма сложный, запутанный или масштабный характер, т. е. напоминают в какой-то мере явления живой природы). И т. д. и т. п. Сущность *только* как познавательный феномен воображаема, мнима, недействительна. Она существует, действует лишь в нашей познавательной *деятельности*, как характеристика одной из сторон деятельности, а именно *объекта деятельности* (вспомним, что *деятельность*, *объект* — это всё категории, *соответственные* сущности). Она светит, так сказать, отраженным светом, получаемым от *действительной* сущности, каковой является деятельность человека.

Сущность как категориальное определение действительности внутрення и внешня, непосредственна и опосредована, короче говоря, *сложна* и *органична*. Это хорошо видно на примере нашей собственной, человеческой сущности.

Каждый из нас носит в себе сущность; она безусловно дана нам непосредственно, она здесь, тут — в силу нашего рождения, развития, нашей жизнедеятельности. Она внутрення, поскольку «сидит» внутри нас, не всегда проявляется, не всегда дает о себе знать и мы не в полной мере знаем ее. Она внешня, поскольку проявляется, выступает в нашем поведении, поступках, деятельности, в объективных результатах деятельности, поскольку мы ее знаем. Так, Бетховен умер давно, а его сущность художника-творца продолжает жить, «выступать» в его музыкальных произведениях (ясно ведь, что музыкальные

произведения Бетховена внешни ему самому как объективированные результаты его творческой деятельности).

Говоря об отношении «сущность-явление», нельзя не упомянуть об отношении «закон-явление». Философы часто путают эти два отношения, благо есть одна, общая для них категория — *явление*. Когда отношения «сущность-явление» и «закон-явление» рассматривают изолированно друг от друга, как самостоятельные *пары* категорий, категориальных определений, то возникает представление о *противоположности* сущности явлению по аналогии с противоположностью закона явлению. Отсюда нередкое уподобление и приравнивание *сущности закону*, когда *сущность* рассматривают как категорию, однопорядковую и соответственную *закону*, следовательно, как *внутреннее*, *всеобщее* и т. д. и т. п.

Никто не задавался вопросом: а почему, собственно говоря, существуют две *разные* пары категориальных определений, имеющие в своем составе *одну и ту же* категорию (*явление*)? Отчего такая аномалия? Этой аномалии не было бы, если бы философы рассматривали указанные пары категорий не как самостоятельные, независимые друг от друга семейства категорий, а как «части» одного семейства: «закон-сущность-явление». *Сущность* в таком случае выглядит не как однопорядковая с *законом* категория, а как категория, *объединяющая* закон и явление, следовательно, имеющая черты того и другого. В самом деле, люди давно в практике словоупотребления различают *закон* и *сущность*. Если *закон* есть нечто всеобщее, общее в действительности, противостоящее специфическому и единичному (в нашем случае — явлению), то *сущность*, имея качество закона, т. е. обладая достоинством всеобщего, общего, в то же время имеет качество явления, а именно чего-то конкретного, единичного, специфического.

Выше мы приводили пример с сущностью человека. Последняя и всеобща и специфична, и единственна и единична, и типична (типологична) и индивидуальна, и серийна и уникальна.

(К. Маркс был не совсем точен, когда утверждал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду», что «в своей действительности она есть совокуп-

ность всех общественных отношений». Справедливо критикуя Л. Фейербаха за то, последний видел в человеке только природную сущность, он, однако, как и Фейербах, игнорировал *индивидуальную* сторону человеческой сущности, пренебрежительно отзываясь об *абстракте, присущем отдельному индивиду*. Для Маркса и его последователей эта неточность *дорого* обошлась. Сводя сущность человека к *социальной* составляющей, марксисты сделали его (человека) объектом социального экспериментирования и манипулирования и на этом сильно обожглись. Человек по своей сущности и социальное существо, и природное. Как природное существо он — родовое существо *и* особь. Как социальное существо он — член общества *и* индивидуум, личность. Игнорирование хотя бы одной из этих составляющих сущности человека ведет в конечном счете к тяжким последствиям, чреватым гибелью человечества).

В связи с проблемой сущности как единства закона и явления нельзя не упомянуть Аристотеля. Именно он первый подробно рассмотрел ее категориально-логический статус и, в отличие от Платона, увидел в ней не только черты всеобщего, но и единичного, «*вот этого*», создав тем самым предпосылку для адекватного осмысления категории.

11.9. Форма и содержание

Форма и *содержание* характеризуют не само явление и не саму действительность, а *сущность* действительности.

В сознании людей эти категории еще недостаточно отдифференцированы от таких понятий, как целое, строение и части, структура и элементы, вид и род. Это и понятно. Исторически слово «форма» связывалось со словами «материя», «вещество». Часто под «формой» понимали и продолжают понимать *внешнее очертание*, *наружный вид* предмета, а под «содержанием» — содержимое, то, что в буквальном смысле *содержится* в чем-то. С другой стороны, люди интуитивно понимают, что «форма и содержание» не то же самое, что «форма» в отдельности и «содержание» в отдельности. В искусстве, например, «форма и содержание» давно уже выступают

единым категориальным блоком, как *пара сложноорганических категорий*, характеризующих вместе художественную *сущность* произведения.

В первую очередь следует сказать, что форма и содержание как моменты, стороны сущности *взаимосвязаны. Форма содержательна*, а *содержание оформлено.* Далее, форма — это *законы*, ставшие моментами сущности, а содержание — это *явления*, ставшие моментами сущности. Форма — закон, опосредованный явлением. Содержание — явление, опосредованное законом.

Форма и содержание, как опосредующие друг друга закон и явление, *внутренни* и *внешни*. То, что имеют в виду под формой, на самом деле есть некоторое единство внутренней и внешней форм. Аналогично и содержание есть не просто содержание, а единство внутреннего и внешнего содержаний. Здесь опять же мы обращаемся к авторитету *искусства*. Деятели искусства и его ценители обычно хорошо улавливают разницу между внутренней и внешней формой, внутренним и внешним содержанием художественного произведения, образа. Теперь, если мы возьмем *поведение человека*, скажем его *поступки*, то увидим, насколько тонки и сложны *сущностные* характеристики человеческих поступков, насколько взаимосвязаны и дифференцированы их (внутренняя и внешняя) форма и (внутреннее и внешнее) содержание. Когда говорят, например, о внутренней и внешней *культуре* человека, то имеют в виду сложное гармоническое взаимодействие или, напротив, дисгармонию внутренней и внешней формы, внутреннего и внешнего содержания человека как субъекта культуры. Или, когда говорят о внутренней и внешней *красоте* человека, то имеют в виду опять же гармонию-дисгармонию внутренней и внешней формы человека. Причем совершенно явственно видно, что красота — это отнюдь не чистая форма; она тесно связана с содержанием, оплодотворяется им. Живая красота — это Форма Содержания.

11.10. Старое и новое

Старое и *новое* — виды действительности, взятые в аспекте становления. Различение старого и нового предполагает выход за пределы данной действительности, в реальность *взаимоотношений* действительности и возможности, а именно, в реальность *становящегося*.

Взаимоотношения действительности и возможности таковы, что одна «часть» возможностей вызревает в недрах *старой* действительности, является как бы ее детищем, а другая «часть» возможностей «приходит» со стороны, является внешней для этой действительности. Действительность лишь отчасти можно уподобить пауку, который ткет паутину из самого себя. Не все возможности вытекают из старой действительности. В том-то и состоит принципиальное отличие возможности от действительности, что она создает условия для возникновения совершенно другой, *новой*, *небывалой* действительности. Благодаря возможности (прежде всего случайности и свободе) новая действительность содержит в себе такие моменты, которых *не было* в старой действительности. Хотелось бы особо отметить роль случайности в возникновении нового. Это, конечно, не значит, что другие моменты возможности, в том числе необходимость, играют меньшую роль. Возможность «ведет себя» по отношению к действительности как *целокупность* всех своих моментов. Поскольку старое и новое — старая и новая *действительности*, постольку они выступают как *целокупности*, обнимающие собой все моменты действительности: явление, статистическую закономерность, закон, сущность. Можно говорить *в отдельности* о старых и новых явлениях, старых и новых законах (статистических закономерностях), старой и новой сущности. Но это будет определенная условность. *Старое* и *новое* являются старым и новым именно как действительности, как целокупности указанных выше моментов. Это можно видеть из следующего. Мы говорим о старых и новых вещах, событиях делах, друзьях, привычках, обычаях, временах, идеях и т. д. и т. п. Все эти «предметы» имеют значение старых или новых

не сами по себе, не в своей отдельности, а лишь в *контексте* жизни, индивидуальной или родовой, общественной, в *контексте* некоторого потока, целокупности изменений, происходящих в рамках жизни. Старого и нового нет вне жизни, вне ее изменений, трансформации. Иными словами, старого и нового нет в неорганической природе. Если мы говорим о старых или молодых горах (например, о старых уральских и молодых кавказских), то это не более, чем некоторое уподобление неорганического, неживого органическому, живому. Оно как всякое сравнение хромает. Говорят еще о новых и сверхновых звездах, о новолунии, о старом и молодом месяце. Это всё либо специальные научные термины, имеющие лишь отдаленное сходство с категориальным значением слов-прототипов, либо метафоры, либо остатки прежнего оживотворения неорганической природы.

Далее, как я уже говорил, не следует путать отношение «старое-новое» с отношением «старое-молодое». Старое и молодое характеризуют разные фазы, этапы *развития*. Старое и новое характеризуют разные фазы, этапы *становления*.

Не следует также путать отношение «старое-новое» с отношением «низшее-высшее». Различение старого и нового не есть различение *ступеней* становления, т. е. не тождественно различению *низшего* и *высшего*. Новое — это не всегда более высокое (более сложное, совершенное, лучшее), а старое — это не всегда низшее (менее сложное, совершенное, худшее). Различение старого и нового означает лишь то, что действительность как-то меняется: старая действительность обновляется, а новая стареет. Взаимодействие старого и нового — этот кристаллический раствор, в котором формируется более высокое, в котором делается возможным переход от низшей формы действительности к высшей. Хотя новое не всегда означает переход на более высокую ступень становления, без него этот переход вообще невозможен. Лишь в рамках переходов от старого к новому и от нового к старому (обновления и старения действительности) возможно становление, т. е. движение от низшего к высшему.

Диалектика старого и нового очень непроста. Правильно ли, например, говорить о возникновении нового как *отрица-*

нии старого и можно ли построить новое на развалинах старого? Или, может быть, новое — это хорошо забытое старое и ничего нового под луной нет? Вопросам несть числа. Консервативно настроенные люди склонны держаться старого, боятся изменений, нововведений; напротив, прогрессисты и революционеры хотят, жаждут нового. Кто из них прав? Или каждому свое?

Взаимоотношения нового и старого нельзя представлять как однолинейный временной процесс: сначала старое, а потом новое. Не всегда новое заменяет, замещает старое. Чаще всего оно становится рядом со старым, уживается с ним. Старое, конечно, теснится, уступает дорогу новому вплоть до исчезновения. Но это происходит не всегда. Посмотрите: практически все низшие формы жизни сохранились и продолжают развиваться, эволюционировать несмотря на то, что возникли и развиваются высшие формы жизни. Старое, древнее потеснилось, но не исчезло или не перешло целиком в новое. Более того, для нового в определенном смысле жизненно важно сохранение старого. В настоящее время люди много говорят об охране окружающей среды. А что это как не стремление сохранить старое, то, что возникло и развивалось до нас?! Новое, конечно, порой стремится уничтожить старое, чтобы жить и развиваться самому. Но оно же нуждается в старом, не может жить без старого. Такова диалектика жизни. Глупо уничтожать старое только потому, что оно старое, и поддерживать новое только потому, что оно новое. «Отречемся от старого мира» — это лозунг, мягко говоря, неумных людей. Жаль, что мы осознаем это только сейчас, в XXI веке.

11.11. Эволюция и революция

Эволюция и *революция — виды* становления. Лишь сравнительно недавно они были осознаны людьми как важные идеи-понятия. В неорганической природе им соответствуют постепенное изменение (постепенность) и скачкообразное изменение (скачок).

Эволюция и революция — процессы, которые охватывают собой *сложные органические* изменения, т. е. их необходи-

мым элементом являются процессы *развития*. Скачок и постепенность характеризуют сравнительно простые изменения. Они используются главным образом для характеристики неорганических процессов. Например, выветривание скалы вплоть до ее полного исчезновения — это постепенное изменение, а разрушение скалы в результате землетрясения — это скачкообразное изменение.

Кстати, эволюционная теория *Ламарка* и теория катастроф *Кювье* суть не что иное как попытки объяснения сложных органических процессов эволюции и революции с помощью неорганических понятий постепенности и скачка.

Примером редукционистского истолкования понятий эволюции и революции (в смысле неорганических понятий постепенного и скачкообразного изменений) является также их использование для характеристики *масштабных геологических* процессов. Последние, при всей вовлеченности в них биосферных процессов, остаются все же по своей природе *неорганическими*. В них нет процессов *развития*, нет *восхождения от низшего к высшему*, как это мы наблюдаем в живой природе.

Дарвиновская теория происхождения видов, хотя и использовала язык органических понятий, обладает тем недостатком, что она пыталась объяснить *революционные* по своей сути процессы (а происхождение видов относится к таковым) с помощью инструментария *эволюционной* теории. Лишь с появлением генетической теории мутаций стало возможным объяснение биологических революций. В этой связи, с категориально-логической точки зрения правильнее говорить не об эволюции живой природы, а о ее становлении. Ведь теперь совершенно ясно, что в живой природе наряду с эволюционными (постепенными) процессами время от времени случаются *революционные* (скачкообразные) процессы. И последние не менее важны для становления живой природы, чем первые.

Отношение между понятиями революции и эволюции обоюдно-симметрично. Как революция логически связана с эволюцией, предполагает ее, так и эволюция логически связана с революцией, предполагает ее. Иными словами, становление полноценно лишь при наличии обоих процессов: революции и эволюции. Без революции становление не двигается

вперед, не прогрессирует, «топчется на месте», «ходит кругами», повторяя, воспроизводя одни те же формы. Без эволюции становление эфемерно, нежизнеспособно, катастрофично.

Революция решает задачу достижения более высокой ступени становления через рождение нового, небывалого.

Эволюция решает задачу развития, совершенствования и распространения нового, укрепления его позиций на достигнутой ступени лестницы становления. Революция — это переход от более низкой, более простой формы развития к более высокой, более сложной форме. Эволюция — это развитие развития, т. е. развитие однажды возникшей формы развития.

Революция происходит от позднелатинского revolutio, что значит *поворот, переворот*. В самом деле, революция — это переход одной противоположности в другую, изменение вплоть до наоборот, поворот на 180 градусов и т. д. и т. п. В ней акцент падает на изменении, на противоположности. *Эволюция* происходит от латинского evolutio, что значит *развертывание*. В отличие от *революции* в *эволюции* акцент падает на сохранении, на изменении *внутри* сохранения, на развертывании того, что *есть*. Мы видим, что этимологически слово *эволюция* близко по смыслу нашему русскому слову *развитие*. Это, действительно, очень близкие категории. Тем не менее они отображают разные срезы реальности. *Эволюция* выступает в паре, в логической связи с *революцией*. У *развития* нет такой пары. Если теперь привести конкретный пример развития: эмбриональное развитие (эмбриогенез) — то увидим, что это развитие принципиально отличается от эволюции. Оно циклично, спиралеобразно, запрограммировано, протекает строго определенным образом и т. д. Эволюция не такова. Ее цикличность, спиралеобразность, запрограммированность не так выражены. Бессмысленно говорить о развитии зародыша как эволюции. Далее, если возьмем развитие человека от момента рождения, то и в этом случае разница между развитием и эволюцией очевидна. Индивидуальное развитие человека в высокой степени запрограммировано и генотипически, и фенотипически. Человек так или иначе «проходит» этапы детства, юности, зрелости... Если же он эволюционирует (например, в своем поведении, в своих взглядах), то эта эволюция может быть самой разной и непредсказуемой.

Биологическая революция — это возникновение нового вида (новых видов) живого, стоящего (стоящих) на более высокой ступени становления живой природы...

Революция, обновляя действительность, создает условия для дальнейшего эволюционного процесса, т. е. для перехода действительности в возможность (появления широких перспектив, открытия все новых и новых возможностей).

Выше, сравнивая становление и развитие, я говорил о том, что становление — это цепь переходов от низших форм развития к высшим или от развития одной степени сложности к развитию другой, более высокой степени сложности и от развития этой степени сложности к развитию еще более высокой степени сложности. Более общее представление о становлении как движении от одного уровня взаимоопосредствования, органического синтеза к другому уровню, а от этого другого к третьему и т. д. дает приводимая ниже *диаграмма* (рис. 19*)*.

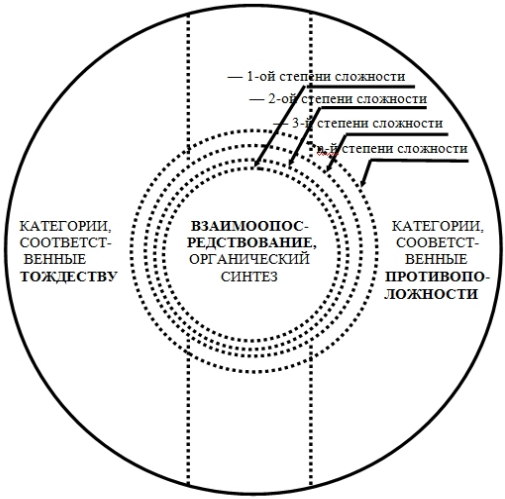


Рис.19

Графически становление означает расширение центрального круга, пошаговый «захват» или «освоение» «территорий», относящихся к противоположным категориальным определениям, соответственным тождеству и противоположности.

В смысловом плане это означает углубление взаимоопосредствования, расширение рамок органического синтеза этих категориальных определений. В самом деле, чем выше форма живого, тем она, с одной стороны, более устойчива, более едина, целостна и т. д., а с другой, более изменчива, более многообразна, сложна и дифференцирована... Человек является высшей формой жизни на Земле и в качестве таковой достиг наибольших успехов в деле освоения про-

странства и времени, движения, качества и количества материи, порядка и беспорядка, внутреннего и внешнего.

Говоря о *пошаговом* «захвате» «территорий», я хотел сказать этим, что расширение центрального круга или «захват территорий» не является чисто непрерывным, постепенным процессом, а включает в себя также дискретный, скачкообразный момент. Понятия эволюции и революции как раз и обозначают эти два разных момента становления. Эволюция характеризует становление как непрерывный, постепенный процесс, революция — как дискретный, скачкообразный процесс. (Употребляя выражения *постепенность* и *скачок* по отношению к эволюции и революции, мы в известной мере огрубляем, упрощаем эти понятия. Об этом нужно помнить. Ведь на самом деле эволюция не является чисто постепенным, непрерывным процессом, а революция — чисто скачкообразным, дискретным процессом (или, как говорят еще, перерывом постепенности). В эволюции мы можем наблюдать скачкообразные изменения, а в революции — постепенные изменения. Примером скачка в эволюции применительно к человеческому обществу является *реформа*. Эволюция и революция глубоко опосредуют друг друга и именно поэтому они не являются чисто постепенными или чисто скачкообразными изменениями. Эволюция — органический синтез постепенности и скачка при определяющей роли постепенности. Революция — органический синтез скачка и постепенности при определяющей роли скачка).

Диаграмма позволяет также объяснить с категориально-логической точки зрения феномены *одноплоскостного развития* и феномены *регресса, деградации, инволюции*. В случае одноплоскостного развития круг взаимоопосредствования не сужается и не расширяется. В случае регресса, деградации, инволюции круг взаимоопосредствования *сужается, сжимается* вплоть до шагового перехода на ступень ниже, на более низкий уровень развития. С помощью диаграммы можно объяснить и феномен смерти или гибели живого организма, существа, человека. В случае смерти или гибели круг опосредствования исчезает или сужается до самого низкого уровня, соответствующего элементарным формам жизни.

(Об эволюции и революции в человеческом обществе см. ниже, п. 15.19, стр. 467).

Раздел четвертый. Философия человека

Глава 12. Учение о человеке (философская антропология)

При мысли великой, что я человек,
всегда возвышаюсь душой.

В. А. Жуковский

12.1. Что такое человек?

О человеке говорят и пишут многие: писатели, ученые разных специальностей, религиозные деятели, философы... Писатели-художники изображают человека исключительно с субъективной стороны. Ученые исследуют его как объект. Они — объективисты. Религиозные деятели говорят и пишут о человеке лишь в связи со своей верой в сверхъестественное; для них человек — деятель-субъект постольку, поскольку воплощает, реализует потустороннее, надчеловеческое начало. Это всё односторонние точки зрения.

Лишь философу по плечу всеохватный взгляд на человека. Для него человек — и субъект, и объект, и един, и неедин, и "я", и "мы", и индивид, и человеческий род. Такой взгляд на человека обусловлен спецификой философа как универсального мыслителя. Конечно, и философы могут специализироваться и быть ограниченными в своих предпочтениях. Тем не менее по сравнению с другими "человековедами" они в большей степени ориентированы на универсализм во взгляде на

человека. По крайней мере, именно среди них встречаются мыслители, которые стремятся к этому универсализму.

Перефразируя известное утверждение *Пико делла Мирандолы* “кто не философ, тот не человек”, скажем: именно философ и только философ может полноценно ответить на вопрос “что такое человек?”

12.2. Человек-общество-природа

В предыдущем разделе речь шла о мире как объективной реальности. Если человек и рассматривался, то лишь как часть мира, объективно, а не субъективно.

В настоящем разделе человек рассматривается как субъект, деятель, в единстве двух значений: разделительном и собирательном.

В разделительном смысле человек — индивидуум, личность, живое существо. В собирательном смысле человек — человечество, человеческий род, человеческое общество.

Между тем и другим “человеком” существует определенная дистанция, которая в практике словоупотребления обозначается как противоположность “человек—общество” (или: “личность — общество”, “индивид — род”, “я — мы” и т. п.). Слово “человек” чаще всего употребляется в разделительном смысле. В собирательном же обычно употребляется слово “общество”.

Человек-общество — двойной субъект, в котором определяющую роль играет человек. Человек — первичный субъект, общество — вторичный. Человек “светит” своим светом, общество — отраженным. С другой стороны, эти два субъекта, как два магдебургских полушария, неразделимы. Человек для себя — субъект во всех отношениях. Общество не является субъектом для себя и тем более субъектом во всех отношениях. Для человека общество — отчасти объективная реальность, отчасти часть его самого. По отношению к природе общество — субъект; оно действует, преобразует природу, но по отношению к человеку оно и объективно, и нечто зависимое, являющееся, как я уже говорил, частью человека. Например, наука, как структурный элемент общества, не может су-

ществовать без отдельных ученых. Последние делают науку наукой! Или: философия, как коллективное мышление, с одной стороны, существует вроде бы независимо от отдельного философа, а, с другой, не существует вне мышления отдельных философов. Она может существовать независимо от отдельного философа (взятого в единственном числе), но не может существовать независимо от *множества* отдельных философов. Наибольшая реальность — не в отдельном человеке и не в обществе, а в чем-то среднем между тем и другим: в человеке-обществе или в обществе-человеке. Человек — общество — это человек, живущий в обществе; общество — человек — это общество, реализующее себя в отдельном человеке, живущее благодаря человеку (Сравн.: В. С. Соловьев: общество — развернутый человек; человек — концентрированное общество).

Общество и природа. Человеческое общество, являясь частью живой природы, в то же время соразмерно (в известном смысле) всей живой природе. Человек осваивает-воспроизводит практически все виды деятельности, качества и способности, присущие живым организмам и существам. Вот один пример: тигры и гепарды — бегающие животные, но поразному. Тигры — спринтеры, гепарды — стайеры. А человек может быть и стайером, и спринтером. Как спортсмен он бегает и стометровки, и марафонские-сверхмарафонские дистанции. И так во всем. Звери бегают, а птицы летают. Человек и бегает, и летает. Среди людей есть такие, которые обладают необыкновенно чутким обонянием, как собаки. Это, в частности, дегустаторы, парфюмеры. Летучие мыши обладают способностью ультразвуковой эхолокации. И человек освоил этот вид деятельности.

Продолжая оставаться частью живой природы, человеческое общество, в чем-то уже выходит за ее пределы. То есть, в каких-то отношениях человек превзошел живую природу. Например, с помощью телевидения и радио он может видеть и слышать на таких расстояниях, которые не снились самым способным животным. Человек может двигаться со скоростями, превосходящими на много порядков скорости самых быс-

троногих и быстролетающих животных. Ни одно живое существо по своей воле не может покинуть Землю и летать в космосе. А человек может!

Одним словом, человек продолжает живую природу, т. е., с одной стороны, является ее наследником и сохраняет с ней связь, а, с другой, выходит за ее пределы, превосходит и в чем-то даже отрицает ее.

Отношение к природе. Одни люди считают, что человек должен быть ближе к природе. На такой позиции стояли древнегреческие киники. Жак-Жак Руссо в XVIII веке провозгласил: «Назад к природе!».

Другие, напротив, считают, что с природой надо бороться, что она примитивна, низка, несовершенна и человек может и должен двигаться дальше от природы к высотам культуры.

Одни выступают за гармонию с природой, за то, чтобы ее не менять, не разрушать и не поправлять. Например, традиционная культура Японии основывается на максимальном сохранении естественных черт окружающей природной среды.

Другие — за активное вмешательство в «дела» природы, за ее изменение, преобразование. Широко известно высказывание селекционера И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача»[1]. Убедительно вроде бы звучат эти слова. В самом деле, имеется много случаев, когда мы не ждем милостей от природы, а берем их у нее. Например, добываем нефть и газ из недр Земли. Или путем селекции и генной инженерии меняем свойства продуктов питания в благоприятную для нас сторону. Начинаем уже вмешиваться в святая святых биологии человека, в его генетику.

Есть, однако, обратная сторона медали в деле преобразования природы. Всё больше вмешиваясь в кухню природы, мы вольно или невольно нарушаем ее естественные балансы вплоть до того, что губим ее. А губя природу, мы в конечном счете губим себя. Вот и получается: активное отношение к миру не должно быть залихватским.

---

[1] *И. В. Мичурина*, кстати, называли великим преобразователем природы.

Природа — наш дом и часть нас самих. И относиться к ней нужно так же, как мы относимся к себе. Что-то лелеем в себе, сохраняем, культивируем, а что-то меняем, переделываем…

12.3. Сущность человека

Человек рожден Природой и Обществом, но как Особая реальность, а не как природное или социальное существо. Иными словам человек не социальное и биологическое, а... *человеческое* существо. См. ниже (рис. 20).

Рис. 20

По данным современной науки человек принадлежит к роду homo sapiens, занимает высшую ступень в эволюционной лестнице живой природы. Биологи рассматривают человека как живое существо, наиболее высокоорганизованное и развитое среди живых существ на Земле.

В самом деле, человек — живое существо, а, следовательно, как минимум наполовину животное. Надо нам, наконец, перестать третировать животность в себе, не подавлять ее, а разумно управлять ею и даже развивать, культивировать. Фи-

лософия антиживотности — античеловеческая, антигуманная, вообще антивитальная философия. К сожалению, в нашей русской культуре эта философия антиживотности длительное время распространялась как зараза. Ею были поражены виднейшие представители русской культуры, такие как Л. Н. Толстой, В. С. Соловьев. Толстой неправильно противопоставляет человека животному как якобы живущему сегодняшним днем. Животные, по-своему жаждут бессмертия, "делают" его. Если бы они жили только одним днем, то давно бы сгинули с лица Земли. В противопоставлении человека животным, в его возвеличивании перед животными я усматриваю определенную идеалистическую (нереалистическую) тенденцию во взглядах великого писателя. Толстой говорил еще в уничижительном смысле о "животной личности" в человеке. Между тем *мы не так уж далеки от меньших братьев наших. Миллиарды лет развивалась и совершенствовалась живая природа. Человек со своей духовностью развивается каких-то несколько десятков тысяч лет*[1]. *Было бы большим самомнением считать, что все, чем обладает человек, он приобрел в эти несколько десятков тысяч лет*.

Конечно, человек — не только животное. За миллионы лет своего становления он нарастил в себе гигантский культурный слой. В этом смысле его можно охарактеризовать как ***культурное животное***. Культура — это, с одной стороны, то, чем отличается человек от животных, а, с другой, то, что является продолжением-усовершенствованием живого-животного в человеке. То есть человек и отталкивается от животных, и продолжает их. Такова его сущность. Иными словами, **сущность человека — сложное переплетение природного-биологического и социального-культурного**.

На следующей странице приводится схема «Пирамида человека» (рис. 21).

[1] Мне представляется, феномен человеческой духовности стал формироваться сравнительно недавно, лишь с возникновением письменности. Это где-то 6-9 тысяч лет назад.

ПИРАМИДА ЧЕЛОВЕКА:

Рис. 21

Эта пирамида показывает, что человек, как «Пан» М. А. Врубеля, вырастает из природы и практически слит с ней. В человеке природного неизмеримо больше культурного-социального. Надо всегда помнить об этом и не зазнаваться.

Знаменательно, что одни философы, писатели призывали “Назад к природе!”, а другие звали “Вперед, к высотам Духа!”. Истина, как всегда, где-то посередине. Эти взаимоисключающие призывы отражают противоположные тенденции в становлении человека.

Другой аспект сущности человека: то, что человек **един в разделительном и собирательном смыслах**. Он — индивид, индивидуальность, личность и в то же время — представитель рода homo sapiens, член общества. Человек, с одной стороны, хочет быть как все, а, с другой, не быть похожим на других,

чем-нибудь выделяться. Это — вечное противоречие жизни. Человек — не коллективист и не индивидуалист, а то и другое вместе.

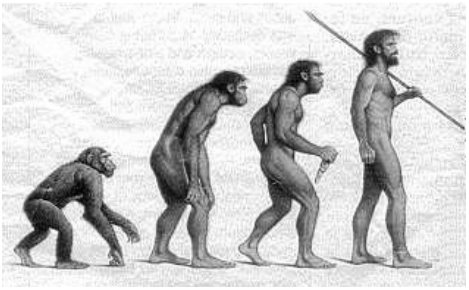
Далее, человек — сам себе хозяин, король, никому не подчиняется? Или ничтожная песчинка, овца в стаде? Очевидно, ни то, ни другое. Он — царь природы, господин мира и в то же время — песчинка в безбрежном океане вселенной; он всемогущ и немощен, ограничен и вездесущ, смертен и бессмертен, един и неедин.

К определению сущности человека очень подходят слова поэта *Г. Р. Державина*: Я телом в прахе истлеваю / Умом громам повелеваю / Я царь — я раб — я червь — я бог!

12. 4. Происхождение человека

Существуют разные точки зрения на происхождение человека (научная, религиозная, уфологическая-инопланетная). Философия выступает арбитром в этом вопросе. В настоящей книге излагается научная версия происхождения человека — наиболее приемлемая с точки зрения здравого смысла и наиболее обоснованная.

По мнению историка *Александра Александровича Зубова*, наукой доказано вполне, что человек произошел от животных, точнее, от предка, общего с современными человекообразными обезьянами. Об этом свидетельствует хотя бы генетическое сходство человека и шимпанзе. По разным оценкам оно составляет 95-99 процентов, т. е. человек генетически отличается от шимпанзе всего лишь на 1-5 процентов. И группы крови у человекообразных обезьян и человека практически совпадают. Имеется также много свидетельств животного происхождения человека, полученных археологами. Благодаря своим открытиям и находкам они выстроили цепь промежуточных, переходных звеньев от древних обезьян к современному человеку.



Первые древние обезьяны, дриопитеки, появились на Земле 30 млн лет назад. 6,5 млн лет назад (в период похолодания и засушливого климата) произошло разделение древних обезьян на гоминид, от которых произошел человек, и ископаемых обезьян, от которых произошли современные человекообразные обезьяны (гиббоны, орангутаны, гориллы, шимпанзе). Таким образом, первый прачеловек появился 6,5 млн лет назад. Это было установлено совсем недавно, в 2000 г. Первого гоминида именуют австралопитеком. Он был уже прямоходящим, жил в период от 6,5 млн лет назад до 1-го млн лет назад. Австралопитек еще не был homo. Ученые насчитывают восемь родов австралопитеков. Место их обитания — Африка.

2,5 млн лет назад от одного из этих родов австралопитеков произошли (в очередной период похолодания и засушливого климата) первые homo, именуемые «человек умелый» (homo gabilis). От homo gabilis 2 млн лет назад произошли homo ergaster.

От последних произошел 1,7 млн лет назад homo erectus (человек прямоходящий). Этот homo первым стал расселяться из Африки в другие части света. Подвидами homo erectus были питекантроп, останки которого были найдены в конце XIX века на острове Ява, и синантроп, обнаруженный на территории Китая. Питекантропы (буквально обезьянолюди) на самом деле были человекообезьянами, т. е. человеческого в них было больше, чем обезьянего. Синантропы оказались тупиковой ветвью становления человека: они вымерли, не дав потомства.

Опять же в Африке в результате эволюции homo erectus 800 тысяч лет назад возникает новое прогрессивное звено — гейдельбергский человек. Представители этого вида древних людей первыми ступили на землю Европы. Они были могучими охотниками (найден скелет слона, пронзенный 2-х метровым копьем).

От гейдельбергского человека, жившего в Африке, произошли две ветви древних людей. Одни проникли в Европу через Гибралтар. Это так называемые неандертальцы. Ученые спорят, был ли неандертальский человек предком современного человека. Склоняются к версии, что не был. Как установ-

лено исследованиями неандертальский человек (живший 500 тысяч лет назад) генетически весьма далек от современного человека. Правда, у некоторых нынешних европейцев находят черты неандертальского человека, т.е. не исключено появление метисов (помеси человека современного вида и неандертальца).

Другие представители гейдельбергского человека проникли из Африки в переднюю Азию и далее через Босфор и Дарданеллы в Европу. Именно от них произошел современный человек — homo sapiens. По данным археологии это случилось где-то 35 тысяч лет назад.

Дальше происходило разделение представителей рода homo sapiens на расы или подвиды — в результате расселения и жизни в разных природных условиях.

Существуют две теории происхождения человеческих расподвидов: моноцентрическая (сначала возник вид homo sapiens, а затем в силу указанных причин появились разные расы) и полицентрическая (гейдельбергский человек, расселяясь из Африки по всем континентам Старого света, образовал несколько ветвей homo sapiens, которые развивались параллельно). Историк А. А. Зубов считает, что моноцентрическая теория ближе к истине. По его мнению, если встать на точку зрения полицентрической теории, то трудно объяснить биологическое единство современных людей.

12.5. Организация человека

Человек представляет собой сложное целое, организованное определенным образом. Поскольку он не является неорганическим, неодушевленным телом, о его организации нельзя говорить как о структуре или строении. И о частях человека тоже нельзя говорить. Части могут быть только у трупа. Говорят, правда: строение тела. Но тело или организм человека — еще не сам человек. Иными словами, человек больше, чем его тело, организм.

Так что же такое человек в смысле его организации? Из чего он состоит? Это сложнейший вопрос…

Одно ясно: центральным моментом организации человека

является определенное соотношение, синтез, единство психического и телесного (физического), духовного и материального. Об организации человека можно сказать еще так: человек — это его дух, душа и его тело.

Как духовное-психическое существо человек наделен сознанием, мышлением, волей, чувствами, эмоциями. Как телесное (физическое) существо человек наделен разными физическими способностями: к питанию, активности-движению, половому общению.

В общем балансе человеческой жизни-деятельности ни физическая (материальная), ни духовная (психическая) стороны не преобладают, не довлеют одна над другой. Та и другая стороны одинаково важны. Их необходимо развивать, культивировать, совершенствовать.

К сожалению, в современном обществе, по крайней мере в цивилизованных странах, человек явно деформирован: многие его способности, стремления, импульсы сдвинуты в психическую, духовную сторону. Взять хотя бы образование. Оно нацелено, по преимуществу, на развитие духовных способностей человека. Между тем обучение-образование должно делиться пополам на занятия физического и духовного порядка. Под физической культурой следует понимать всё, что укрепляет физическое здоровье, что развивает и совершенствует телесные способности человека. Это и танцы, и бег, и закаливание, и гимнастика, и различные виды боевых искусств, и еще многое другое. Тело мстит человеку, если он плохо заботится о нем.

12.6. Личность человека

Личность — это индивидуальность, особенность, неповторимость человека и его целостность.

Личность = индивидуальность + целостность человека.

Личность как индивидуальность. О личности речь заходит тогда, когда говорят об особенности, индивидуальности, уникальности, неповторимости человека. Например, в случаях, когда хотят **установить личность** того или иного человека (умершего, потерявшего память, находящегося в бессозна-

тельном состоянии, сознательно скрывающего свою личность). Или в случаях, когда подчеркивают: **это личность**! В таких случаях говорят: яркая личность, сильная личность, незаурядная личность, великая личность и т. д., и т. п.

Личность как целостность человека. О личности заходит речь еще тогда, когда говорят о целостности человека, о соотношении человека как целого (его личности как таковой) и его отдельных качеств, черт, действий, поступков. Например, если человек совершил дурной поступок, то нередко смотрят, этот поступок случайный для данного человека (не характерен для него как личности) или типичный, характерный для него. В зависимости от этого решают вопрос о меньшем или большем наказании.

Видеть в человеке личность — это значит:

(1) уважать его, не считать пешкой в чьей-то игре, шестеркой, винтиком, т. е. относиться к нему как к цели, а не только как к средству. Кант был прав, когда выдвинул такую максиму поведения: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»[1];

(2) рассматривать его как субъект, а не как объект воздействий, манипуляций.

В личности аккумулированы наиболее фундаментальные и устойчивые черты человека. Человек может на какое-то время перевоплотиться, надеть личину, играть роль другого человека, одним словом, действовать не характерным для себя образом. Все равно, он остается в основе своей тем же самым, той же личностью.

Личность человека, если и меняется, то, как правило, с большим трудом и весьма медленно. Бывают, правда, и такие, у которых переменчивый характер и, соответственно, их личность размыта, не выражена четко.

---

[1] Эта формулировка категорического императива так понравилась молодому Шеллингу, что на ее основе он попытался дать свой вариант моральной заповеди: «Поступай так, чтобы… благодаря твоему действию ни одно разумное существо не полагалось только в качестве объекта, но как содействующий субъект» (Шеллинг. Новая дедукция естественного права).

12.7. Типология человека

Деление людей на мужчин и женщин — самое важное. Оно основано на коренном различии людей, на том, что в биологии называется половым диморфизмом.

К сожалению, современное цивилизованное общество по-настоящему не знает этого. В Древнем Китае не случайно все вещи и явления делились на «инь» и «ян». Ян (или Янь) — мужское начало, а инь — женское. Многообразие жизни человека, его многокрасочность, многоцветность, богатство в значительной степени обуславливается противоположностью полов.

Женский и мужской пол — два начала жизни. Женский пол отвечает за сохранение и устойчивость; мужской — за изменчивость и обновление. Женщина воплощает в себе начало сохранения, гармонии жизни. Она обеспечивает тыл жизни, ее устойчивость, продолжение. Мужчина воплощает в себе начало изменения, трансформации, дерзания, риска, борьбы, диспропорции. Он отвечает за передний край борьбы за жизнь, за ее прогресс.

Женщины более склонны к порядку, в частности, к чистоте, а мужчины — к беспорядку. Женщины более осторожны, мужчины более смелы.

Главное в женщине — красота. Главное в мужчине — сила. Сила женщины — в ее красоте. Красота мужчины — в его силе. Не случайно женский пол называют прекрасным, а мужской сильным.

Всё сказанное свидетельствует о том, что мужчины и женщины равны, играют равную роль в жизни. Попытки представителей того или иного пола одержать верх ведут лишь к ее деформации. Одинаково неприемлемы как мужской шовинизм, так и стремление некоторых феминисток к полной независимости от мужчин.

С другой стороны, «равенство полов не должно затмевать различий, обусловленных полом»[1]. Наличие мужчин и жен-

[1] См.: *Чертков В. П.* О любви. М., 1964. С. 146.

щин в обществе — первое и главное условие его существования, развития и прогресса.

Возрастное различие людей. В обществе в один и тот же момент времени *сосуществуют* и *взаимодействуют* разные поколения: дети, юные-молодые, взрослые, старики. Это обеспечивает *баланс динамизма* и *стабильности жизни*. Молодые придают жизни нужный динамизм. Старики оказывают стабилизирующее влияние на нее.

Факт сосуществования разных поколений указывает на то, что нет *чистой* смены поколений. Чем дольше будут жить люди, тем шире будет, при прочих равных условиях, представительство разных поколений в каждый данный момент жизни общества, тем глубже будет противоположность между долгожителями и юными членами общества. А это обеспечит лучшую преемственность, лучшую связь поколений, большее их разнообразие, более глубокое их взаимодействие и взаимообогащение. Вместо наблюдаемых ныне трех сосуществующих поколений (детей, отцов, дедов) будут четыре, пять, шесть и т. д. поколений. Сейчас люди радуются тому, что живы их родители, дедушки и бабушки, видят в этом проявление стабильности жизни, залог собственного долголетия. А как будет хорошо, когда будут живы прадедушки, прабабушки, прапрадедушки, прапрабабушки и т. д. Опыт предшествующих поколений передавался бы грядущим поколениям с большей основательностью, без потерь, связанных с уходом из жизни этих поколений. Ведь не секрет, что люди вновь и вновь повторяют ошибки прошлых поколений и чаще всего потому, что эти прошлые поколения не успели передать свой живой опыт. А сколько творческих находок, открытий, изобретений теряется по этой же причине?! Сколько людям приходится переоткрывать открытое, переизобретать изобретенное! (Могут сказать, что связь поколений обеспечивается через предметы материальной и духовной культуры (книги, например). На это нетрудно возразить: никакие предметы материальной и духовной культуры не заменят *живого общения* поколений, *живой передачи* опыта от одного поколения к другому.)

Таким образом, было бы прекрасно, если бы одновременно жили не два-три поколения, а *много* поколений. Перед нами была бы живая история, спрессованная в одном моменте времени. В *умножении*, а не смене, поколений — истинный источник прогресса. Соответственно и прогресс нужно понимать не как непрерывное изменение, обновление, а как живое диалектическое единство динамизма и стабильности, изменчивости и устойчивости жизни.

Смена поколений в чистом виде свойственна лишь самым примитивным формам жизни. Прогресс жизни помимо всего прочего состоит и в том, что постепенно увеличивается промежуток времени, в течение которого разные поколения (предшествующие и последующие) ведут *совместную* жизнь. Чем примитивнее животное, тем короче этот промежуток совместной жизни. Наиболее примитивные животные передают свой опыт только через зародышевые клетки, через гены. Высшие животные, напротив, передают новым поколениям не только гены, но и живой опыт, обучая и воспитывая детенышей, показывая им пример. Чем больше поколений будет находиться на одном "пятачке" времени, тем действеннее, эффективнее будет живая передача опыта от поколения к поколению, тем, следовательно, круче будет кривая прогресса.

Этническое деление людей. Этнос — это не только различие языка, культуры, но и различие физиологических типов человека. То и другое различие создает многообразие этносов. Чем больше этносов, тем богаче в целом человечество. Как из четырех нуклеотидов создается весь генотип человека, так из немногих этносов создается алфавит культуры человечества в целом. Если уничтожить все нации кроме одной, то для человечества останется мало шансов выжить.

Деление людей на городских и сельских. Жизнь в деревне — в основном растительная и животная. Жизнь в большом городе — по преимуществу культурная. Деревня и город дополняют друг друга: воспроизводство живой жизни, рост народонаселения идет, главным образом, за счет деревни; прогресс культуры, улучшение качества жизни идет, в основном, за счет города.

Малая деревня и большой город (мегаполис) — это своеобразные полюсы деревенской и городской жизни. Между ними — разные промежуточные формы, такие как поселки городского типа и малые города.

Деление людей по профессиональному признаку. Профессия для современного человека практически также важна как наличие полового признака. Взрослый человек, не овладевший той или иной профессией, — не состоялся как человек, паразит без всяких оговорок. Другая крайность — профессиональный кретинизм, абсолютизация принадлежности по профессии.

Частным случаем деления людей по профессиональному признаку является их деление на работников физического и умственного труда.

Людей делят обычно еще на богатых и бедных. Раньше марксисты придавали большое значение этому делению. Более того, оно для них фактически было главным делением людей. Отсюда теория классов, классового неравенства, классовой борьбы и революции низов.

Действительно, люди неравны по своему имущественному положению. Это неравенство может достигать внушительных размеров. Тем не менее, имущественное неравенство не имеет того фундаментального значения, которое ему порой придают. Ведь большинство людей — не богатые, не бедные, т. е. занимают среднее положение между самыми богатыми и самыми бедными. И именно это большинство «делает, творит историю», создает культуру, материальное и духовное богатство общества. Когда человек не богат, не беден — он, с одной стороны, не поглощен всецело поиском куска хлеба, не задавлен нуждой, а с другой, имеет стимул к совершенствованию, повышению своего благосостояния.

Глава 13. Жизнь, смерть, бессмертие

Жизнь, смерть, бессмертие *— магические слова, которые значат бесконечно много для каждого из нас. Люди задумывались над их смыслом с тех пор, как стали людьми. Особенно пытаются разобраться в них философы. И это естественно. Философы — специалисты по общим проблемам бытия. Для них жизнь, смерть, бессмертие имеют не личное только, а универсально-всеобщее значение.*

13.1. Жизнь. Смысл и цель жизни

Жизнь — способ существования живого (организмов, животных, человека), выражающийся как минимум в обмене веществом-энергией с окружающей средой и размножении (воспроизведении себе подобных).

У живых организмов и существ жизнь — биологическая форма деятельности, у человека — биосоциальная форма.

Для человека жизнь — деятельность вообще, интегральная деятельность, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова. На фоне жизни человек осуществляет специальные или специализированные формы деятельности, такие как общение, познание, практическая деятельность, труд, отдых и т. д. Эти формы деятельности существуют и развиваются лишь в общем контексте жизни, жизнедеятельности субъекта.

Существуют три уровня человеческой жизни или три жизни человека:

1. Растительная жизнь — это питание, выделение, рост, размножение, приспособление.

2. Животная жизнь — это собирание, охота, защита, половое и иное общение, уход и воспитание детей, ориентировочная деятельность, игровая деятельность.

3. Культурная жизнь или жизнь в культуре — это познание, управление, изобретение, ремесло, спорт, художество (искусство), философия.

Эти три жизни относительно самостоятельны, одинаково важны для человека, взаимодействуют, взаимовлияют и опосредуют друг друга. В итоге мы имеем одну весьма многообразную, богатую, противоречивую, **человеческую** жизнь[1].

Наличие третьего уровня жизни у человека делает его жизнь принципиально отличной от жизни растения или животного и это отличие увеличивается с каждым шагом по пути прогресса культуры.

На основе сказанного можно дать такое определение: **жизнь человека есть его жизнь как живого существа и жизнь в культуре**.

Смысл жизни

Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег

Р. Киплинг. Заповедь

Вопрос о смысле жизни есть прежде всего вопрос о том, является ли жизнь человеческая осмысленной, т. е. освещена ли она светом разума, мышления[2] или лишена смысла, бессмысленна, никак не управляется разумом человека.

Вопрос о смысле жизни есть также вопрос о ее ценности, значимости для самого человека. Имеет ли жизнь смысл, стоит ли жить?[3]

---

[1] Один студент в подтверждение «теории» трех жизней человека привел на семинарском занятии такую любопытную «байку»:
«Я расту — я растение.
Я расту и хожу — я животное.
Я расту, хожу и думаю — я человек!»

[2] “Смысл” очень близок по своему значению понятию мысли; “смысл” и “мысль” буквально сливаются в словах “осмысление”, “осмыслить”.

[3] Оба значения выражения “смысл жизни” вытекают из значения слова “смысл”. В Словаре русского языка С.И. Ожегова (1991 г.) это слово толкуется так: “Смысл, **1.** Содержание, значение чего-н., постигаемое разумом”.

В этом вопросе есть еще такой оттенок: о смысле жизни мы говорим тогда, когда жизнь осмысливается **в целом**, когда выясняются вопросы «**что такое жизнь**?», «**для чего, зачем живет человек**», «**для чего, зачем живу я**», «**что я делаю в этом мире?**», когда наша жизнь осмысливается в контексте жизни всех людей, вообще жизни на Земле, вообще бытия мира.

Нужно четко различать понятия “смысл жизни” и “цель жизни”. Когда перед человеком стоит цель стать, например, врачом, ученым, инженером, то в этом еще нет ответа на беспокоящий его вопрос о смысле жизни (во всяком случае ответ ощущается им лишь интуитивно, в чисто эмоциональном ключе). Человек в своих размышлениях идет дальше: для чего нужно стать врачом, инженером, ученым? Таким образом, если цель указывает на то, к чему человек стремится, то смысл жизни говорит о том, во имя чего он это делает.

Некоторые люди, в т. ч. некоторые философы, полагают, что смысл жизни в том, чтобы искать этот смысл. Н. А. Бердяев, например, писал: «Пусть я не знаю смысл жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла” (“Самопознание”, III глава). Такой взгляд на смысл жизни по форме не более чем игра слов, умничанье... Искать все время, всю жизнь смысл жизни — это какой-то инфантилизм. Взрослый, зрелый человек так или иначе находит смысл жизни и реализует его, живет осмысленной жизнью. Человек, ищущий смысл жизни, только пытающийся его найти, — это еще не определившийся, не сформировавшийся человек, который пока не состоялся как решающий жизненные задачи. Смысл жизни в этом похож на цель. Прежде чем достигать цель, двигаться от цели к результату, человек должен определить для себя цель, поставить ее. Но целеполагание — лишь первый этап. Человек совершает действия не для того только, чтобы поставить, определить цель, а для того, чтобы достигнуть ее. Так и смысл жизни. Поиск смысла жизни — первая часть проблемы. Вторая часть — реализация смысла жизни, смыслозначимая, осмысленная жизнь.

Далее, очень важно, с одной стороны, искать и находить смысл жизни, а, с другой, не переоценивать значение этого вопроса, не зацикливаться на поисках смысла жизни. Жизнь отчасти имеет смысл, а отчасти не имеет.

Жизнь имеет смысл в той мере, в какой она осмысленна, разумно организована, человечески значима.

Жизнь не имеет смысла, т. е. вопрос о ее смысле неуместен в той мере, в какой она автоматична и растительна, в какой она управляется инстинктами, регулируется органическими потребностями. Французское “селяви” (“такова жизнь”) как нельзя лучше передает ее автоматизм, растительность. Наличие этой второй стороны жизни позволяет человеку не напрягаться слишком сильно в поисках смысла жизни, не спешить с жизнезначимыми ответами и решениями, т. е. в какой-то мере расслабиться, отдаться потоку жизни, плыть по ее течению.

В чем же конкретно смысл жизни? Ясно, что каждый отвечает на этот вопрос по-своему. С другой стороны, в нем есть общие моменты. Это — любовь и творчество. В подавляющем большинстве случаев люди осмысляют-оценивают свою жизнь именно в русле этих двух категорий. *Смысл жизни — в любви и творчестве. Любовь поддерживает, умножает жизнь, делает ее гармоничной, гармонизирует. Творчество обеспечивает прогресс жизни.*

Цель жизни

> Человек наиболее живет в то время, когда он чего-нибудь ищет.
>
> *Ф. М. Достоевский*

> Жизнь — это процесс постоянного выбора. В каждый момент человек имеет выбор: или отступление, или продвижение к цели. Либо движение к еще большей боязни, страхам, защите, либо выбор цели и рост духовных сил. Выбрать развитие вместо страха раз десять в день — значит десять раз продвинуться к самореализации.
>
> *А. Маслоу*

Цель «задает» целостность деятельности. Если это цель жизни, то она определяет целостность жизни. У человека, не имеющего цели жизни, и жизнь не реализуется как органическое целое в биосоциальном, т. е. человеческом смысле. «Жизнь без цели — человек без головы» — гласит народная мудрость.

Не всякий человек ставит перед собой цель жизни, но если ставит, то этим человек полагает ее как *целенаправленную* деятельность.

Вообще в реальной жизни существует целое *дерево целей*. Цель жизни — это главная или общая цель жизни. Помимо нее существуют либо подчиненные, промежуточные, либо побочные цели. Подчиненные и промежуточные цели — это цели, осуществление которых открывает путь к главной цели жизни, приближает к ней. Побочные или параллельные цели — это цели, которые формируют всю "кухню" жизни, обусловливают полноценное гармоническое развитие человека. В своей сумме они не менее важны, чем главная цель жизни (например, цель укрепить здоровье средствами физической культуры, построить дом, различные увлечения, хобби). В некоторых ситуациях возникает конфликт между главной целью жизни и побочными целями. Этот конфликт может завершиться либо победой главной цели жизни, либо победой побочных целей.

Главная цель жизни — это цель, осуществление которой оправдывает жизнь человека в целом, как личности, субъекта, стоящего где-то наравне с обществом, осознающего свои цели как цели человека вообще или цели того или иного сообщества людей. В главной цели жизни по логике вещей сливаются воедино стремления человека как индивидуума и цели общества.

Проблема определения цели жизни сродни проблеме выбора профессии. В формировании цели жизни «участвуют» и случайность, и необходимость, и внешние обстоятельства, стимулы, и внутренние побуждения, мотивы.

Обычно под целью жизни понимают цель, которую человек ставит в русле профессиональной, творческой деятельности, которая ориентирует его в направлении создания нового, небывалого, новых материальных или духовных благ, ценностей.

На самом деле, если исходить из того, что смысл жизни состоит не только в творчестве, но и в любви, человек должен ставить перед собой как минимум две цели жизни. Одна цель касается реализации любви, животворчества. Она непрере-

каема, т. е. каждый человек независимо ни от чего должен ставить перед собой цель создать семью, дом любви, родить детей и вырасти их. Без этого не будет продолжения рода, продолжения жизни человечества. Другая цель жизни касается профессиональной, творческой деятельности человека.

Да и в творческой деятельности бывает и так, что человек не останавливается на выборе какой-то одной цели жизни. Яркий пример: две жизни А. П. Бородина как композитора и ученого-химика.

Если цель поставлена, то она становится законом деятельности, категорическим императивом, необходимостью, которой человек подчиняет свою волю.

Таким образом, можно видеть две стороны сознательной жизнедеятельности: *целеполагание* (поиски цели, выбор цели) и *целенаправленность* (целеустремленность, движение к цели, вернее, от цели к результату). Обе стороны важны для человека в равной степени.

Отдавая отчет в важности цели и связанных с ней целеполагания и целеустремленности, не следует, однако, абсолютизировать ее. *Жизнь в некотором смысле есть единство цели и бесцельности*, т. е. единство организованности и неорганизованности, труда и отдыха, напряжения и расслабления. Бесцельность реализуется прежде всего в том, что наряду с главной целью жизни существует множество побочных целей. Поиск и реализацию побочной цели (и вместе с тем отвлечение от главной цели) можно интерпретировать как бесцельность. Говорят же, что нельзя все время работать, думать об одном, что нужно отвлечься, развлечься, отдохнуть, снять напряжение, переключиться на другой род деятельности. Не случайно современный человек все больше внимания уделяет побочным занятиям, хобби, интуитивно сознавая, что на-

пряжение труда, главной цели, главного дела жизни может просто уничтожить его.

Нужно также иметь в виду, что жизнь человека не всегда протекает на уровне целеполагания и реализации целей. Человек может совершать целесообразные действия, минуя стадию целеполагания, чисто инстинктивно, безотчетно. Например, потребность в отдыхе, сне может “реализоваться” в виде цели (поисков ночлега и т. п.) или непосредственно — человек незаметно для себя уснул в метро. Или такой пример: когда человек случайно касается рукой горячего предмета, то он отдергивает ее — здесь совершено целесообразное действие, но нет целеполагания и сознательного стремления к цели.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие (не очень большое, но и не очень маленькое) или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

13.2. Смерть и бессмертие

В живой природе и человеческом обществе связь конечного и бесконечного приобретает характер *взаимоопосредствования*. Это отчетливо видно на примере соотношения смертности и бессмертия.

Первоначально живое являло собой скорее промежуточную, переходную форму конечного и бесконечного, чем их взаимоопосредствование. В *делении* простейших одноклеточных организмов мы видим некоторую нераздельность, непосредственный переход от конечного к бесконечному (конечное еще не отдифференцировано достаточно четко от бесконечного, а бесконечное от конечного; индивидуум и род еще не обособились друг от друга. Деление одноклеточного организма есть просто его *тиражирование*, копирование, повторение). Тем не менее, уже в делении выступают основные черты *размножения* — величайшего завоевания жизни.

Возьмем для сравнения кристаллическое тело и живой одноклеточный организм. Первое сохраняет себя лишь благодаря устойчивости химических связей между его «частями» и

устойчивости самих «частей» — атомов. Возмущающие действия среды сразу или постепенно разрушают кристаллическое тело, прекращают его существование, оконечивают. Конечность кристаллического тела, таким образом, не подконтрольна ему самому, внешня ему. Если нет возмущающих действий среды, то такое тело может существовать неопределенно долго, почти вечно. С другой стороны, оно совершенно беззащитно перед внешней средой и его существование может прекратиться в любой момент. В самом кристаллическом теле нет программы его оконечивания, саморазрушения, перехода в другое тело. Химическая связь, благодаря которой оно существует, «нацелена» только на сохранение, на «химическое бессмертие». Конечное и бесконечное оказываются для бытия кристаллического тела, хотя и взаимозависимыми, но все же достаточно равнодушными друг к другу противоположностями.

Совсем другое мы видим у живых организмов. Программа оконечивания заложена в них самих. Если химическая связь внутри кристаллического тела «нацелена» только на сохранение, то биохимические процессы, происходящие в живом организме, направлены не только на его сохранение, но и на преобразование, на переход в другой организм и даже на смерть, т. е. разрушение, распад — в случае многоклеточных организмов. Конечный срок жизни живого организма запрограммирован в нем самом: конечное, таким образом, присутствует в самом бесконечном, опосредует его. Это одна сторона соотношения конечного и бесконечного применительно к существованию живого. Другая сторона состоит в том, что хотя живой организм и оконечивает себя, он все же сохраняет, обессмертивает себя, делает себя бессмертным — *благодаря воспроизведению себе подобных*. Своим размножением организм как бы предупреждает разрушающее действие времени, осуществляет прорыв в бессмертие. Кристаллическое тело — игрушка в «руках» природной стихии, его время «жизни» целиком зависит от прихотей окружающей среды. Живой организм, включив в себя конечность, изменчивость, получил возможность приспосабливаться к изменяющимся условиям среды или приспосабливать их к себе и этим в какой-то мере обезопасил себя от них. Он поставил сам себе предел сущест-

вования, но так, что его конец совпадает с началом существования подобного ему организма, являющегося для него дочерним. Последний продолжает «дело» поддержания баланса с изменяющимися условиями среды и так до бесконечности. Живой организм, таким образом, обладает пластичностью, которая совершенно не свойственна кристаллическому телу.

Кристаллическое тело не знает воспроизведения себе подобных и поэтому по отношению к нему бессмысленно говорить о бессмертии рода. Его «жизнь» целиком ограничивается рамками «индивидуального» существования. Жизнь же организма неотделима от жизни рода. Его бренность как бы нейтрализуется, снимается в бессмертии рода. С другой стороны, последнее возможно лишь при наличии конечных существований отдельных организмов.

Далее, если внимательно приглядеться к различиям внутри живого, то можно увидеть, что для одноклеточных организмов, размножающихся путем митотического деления, противоположность конечности и бесконечности существования не так ярко выражена, как для многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. (Выше я уже говорил о том, что первоначально живое являло собой скорее промежуточную форму конечного и бесконечного, чем их взаимоопосредствование, предполагающее яркую выраженность того и другого как противоположностей). О конечности существования одноклеточных нельзя говорить как об их смертности. Соответственно и об их бессмертии в строгом смысле говорить нельзя. Ведь бессмертие — противоположность смертности. Одно без другого не существует. Если нет смертности, то нет и бессмертия. Мы же не говорим о разрушении кристаллического тела как о его смерти и о неопределенно долгом существовании тела как о его бессмертии. Конечно, и одноклеточные организмы погибают, если условия среды для них крайне неблагоприятны. Но их гибель не есть их смерть в точном смысле этого слова. В них самих нет «механизма», программы умирания, смерти, как это мы видим у многоклеточных организмов. Последние при *любых* условиях среды запрограммированы на смерть. Одноклеточные же запрограммированы только на деление, размножение и если погибают, то лишь

при неблагоприятных изменениях окружающей среды. Ученые говорят о проверенном в эксперименте делении парамеции в течение 8400 поколений как доказательстве возможности неограниченного процесса последовательных делений. Но сама жизнь демонстрирует нам это на каждом шагу. В настоящее время на Земле существуют и процветают многочисленные одноклеточные организмы, которые начали делиться, размножаться миллиарды лет назад. Они фактически не знают смерти! Они делятся и делятся практически бесконечное число раз, пока существуют благоприятные условия среды.

В свете сказанного хотелось бы обратить особое внимание на необходимость четкого разграничения понятий «гибель» и «смерть». Не все, что является гибелью, заслуживает названия смерти и, наоборот, не все, что умирает, гибнет. Строго говоря, смерть — это прекращение жизнедеятельности многоклеточного организма в результате *совместного* действия внутренних и внешних факторов жизни (естественного развития организма и неблагоприятных условий среды). Одноклеточные организмы, делящиеся митотически, не умирают, поскольку их естественное развитие приводит к делению, а не к смерти. Если их жизнедеятельность прекращается, то не в результате естественного развития, а вследствие неблагоприятных внешних воздействий. Поэтому прекращение их жизнедеятельности следует называть не смертью, а гибелью. Гибель — это прекращение существования чего-либо живого (или связанного с ним) вследствие внешних неблагоприятных воздействий. Гибнут не только отдельные живые организмы, но и их сообщества (надорганизменные образования — популяции, человеческие цивилизации, народы, государства), гибнут также предметы культуры и т. д.

Итак, феномен смертности возникает лишь на стадии многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. Эти организмы не просто гибнут, а умирают. Их смерть обусловлена как внешними случайными причинами, так и внутренними условиями существования, что дает основание рассматривать ее как необходимый момент оконечивания жизни многоклеточных организмов.

На запрограммированный характер смерти у высших организмов косвенно указывает такой факт. Отдельные организмы в силу каких-то наследственных аномалий ускоренно проходят этапы жизненного цикла и умирают намного раньше своих сородичей. Венгерский король Людовиг II в 14 лет имел большую бороду, а в 18 лет она поседела. В 30 лет Людовиг умер со всеми признаками глубокой старости. Медицинская статистика знает случаи, когда новорожденные оказывались маленькими стариками. Индивидуальное развитие многоклеточного организма закономерно приводит его к смерти.

Смерть как запрограммированный конец — эволюционное приобретение жизни и не исключено, что человек, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, может покончить со смертью. Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели.

Возникновение смерти как явления оконечивания жизни привело к большей дифференциации (большему противопоставлению) конечного и бесконечного. Смертность отдельного биологического индивида и бессмертие рода — это, в известном смысле, кричащие противоположности. С другой стороны, большая дифференциация конечности и бесконечности существования сопровождалась углублением их взаимоопосредствования, опосредствующих связей между ними. Половое размножение как раз играет роль такого опосредователя. Оно, с одной стороны, противопоставляет организм и род (конечное и бесконечное), а, с другой, является связующим звеном между ними.

Противопоставляющая роль полового размножения состоит в том, что оно, во-первых, делает ненужным индивидуальное «бессмертие» организма и, во-вторых, при половом размножении организм не повторяется полностью в своем потомстве, не тиражируется один к одному и, следовательно, не сохраняет себя в своей особенности. Конечность, особенность, индивидуальность отдельного организма выступает в этом случае ярче, острее, обнаженнее.

Роль полового размножения как связующего звена состоит в том, что оно «приобщает» организм к бессмертию и в гораз-

до большей степени, чем это было у делящихся организмов. *Продолжение рода* — реальное биологическое бессмертие высших организмов. В нем мы видим постоянный переход конечного в бесконечное, а бесконечного в конечное, причем так, что ни конечное, ни бесконечное не исчезают, но сохраняются как моменты этого перехода. В чисто конечном существовании нет продолжения рода, как нет его и в чисто бесконечном существовании.

В человеческом обществе происходит дальнейшее углубление взаимоопосредствования конечного и бесконечного. Проблема смертности и бессмертия осознается и решается как одна из важнейших проблем человеческого бытия.

Многие философы связывают эту проблему с проблемой смысла жизни. И это справедливо, поскольку данная проблема заставляет человека, хочет он того или нет, осмысливать жизнь в целом.

Жизнь, смерть, бессмертие — явления одного порядка. И если жизнь противоположна смерти, а смерть — бессмертию, то, следовательно, жизнь и бессмертие суть одно. Из этого умозаключения мы можем видеть, что бессмертие — не потусторонняя для жизни категория, а внутренне присуще ей. С другой стороны, смерть (как это мы выяснили раньше) не совсем внешня жизни, хотя и противостоит ей. Правильно поэтому сказать так: *жизнь создает и разрешает противоречие между смертностью и бессмертием*. В этой формуле — общее решение проблемы смертности и бессмертия.

Точка зрения, которая противопоставляет смертность и бессмертие, считает их несовместимыми, несоединимыми, в конечном счете парализует волю и разум людей или заводит их в тупик. В самом деле, тот, кто отрицает смертность и верит в личное бессмертие (бессмертие души), тем самым обесценивает реальную жизнь, как бы сказать, совместную жизнь души и тела. А тот, кто считает, что человек только смертен, стремится жить одним днем, не заботясь о будущем, не заботясь об улучшении жизни вообще, так как для него существует только понятие его конкретной, данной жизни.

Я взял крайние случаи, но они наглядно показывают, к че-

му может привести противопоставление смертности и бессмертия, абсолютизация одной из сторон этого противоречия жизни.

13.3. Живая связь смертности и бессмертия

Выше говорилось о том, что жизнь создает и разрешает противоречие между конечностью и бесконечностью существования. Это — общее решение проблемы. Как же конкретно "работает" указанное противоречие? По моему мнению, существуют три "механизма" связи (формы взаимоопосредствования) конечного и бесконечного применительно к человеку: *любовь*, *творчество*, *стремление к активному долголетию (продлению жизни)*. Как уже отмечалось, в живой природе взаимоопосредствование конечности и бесконечности существования осуществляется благодаря размножению организмов и, в особенности, половому размножению. Ясно, что и в человеческом обществе в снятом виде (на более высоком уровне становления) сохраняется это биологическое взаимоопосредствование. Семейно-брачные отношения и лежащая в их основе любовь являются естественным продолжением полового размножения. Воспроизведение себе подобных попрежнему остается первейшей обязанностью людей как живых существ. Между тем противоречие между конечностью и бесконечностью существования обретает новые, специфически человеческие черты. Границы взаимоопосредствования этих противоположностей раздвигаются благодаря появлению и развитию *творческой* активности людей. Творчество, как и любовь, служит реальным "представителем" бессмертия (бесконечного существования) в конечной жизни людей. Дети и творения — реальные опосредователи конечного бесконечным. Они же своеобразно оконечивают (сообщают завершенность) кажущейся бесконечной (нескончаемой) жизни индивидуума.

Третья форма связи конечности и бесконечности существования — стремление к активному долголетию, продлению жизни, последовательное решение проблемы нескончаемого существования.

Итак, с одной стороны, человеку суждено узнать, осознать,

что он смертен, невечен. С другой, человек жаждет бессмертия, стремится к нему, добивается его. И это понятно. Смысл жизни во многом состоит в том, чтобы *делать* ее бессмертной. Я не утверждаю, конечно, что человек может достигнуть полного бессмертия (личного, индивидуального бессмертия, как еще говорят). Но *стремиться* к бессмертию он *может* и *обязан*. Такую позицию, чтобы не путать ее с концепцией имморталиэма, можно назвать — по аналогии с философией — *филоиммортализмом*. Как не существует абсолютной мудрости и философы скромно именуют себя лишь любителями мудрости (буквально любомудрами), так не существует абсолютного бессмертия и люди могут называть себя лишь *филоиммортали*стами, т. е. стремящимися к бессмертию, охотящимися за бессмертием, любящими бессмертие, делающими его.

Стремление к бессмертию не есть просто стремление, подобно вечной охоте за убегающим призраком (как иногда бывает в дурном сне: мы чего-то добиваемся или пытаемся избежать и нам это никак не удается; в результате возникает ощущение мучительной неудовлетворенности, бессилия). Стремление к бессмертию осуществляется в форме его *делания*. Делание бессмертия как раз и выражает процесс движения, приближения к нему. Это движение, приближение осуществляется благодаря нашим сознательным усилиям, действиям — любви, заботе о потомстве, творчеству, борьбе за продление жизни.

Диалектика смертности и бессмертия сродни диалектике относительной и абсолютной истин. Абсолютная истина — это полное, исчерпывающее знание об объекте, иначе говоря, полное совпадение наших представлений с предметом познания. Мы никогда не достигнем абсолютной истины (объект бесконечен и познание его бесконечно), но стремится к ней должны, иначе не будет прогресса познания. Мы никогда не достигнем полного бессмертия, но стремиться к нему — наш долг, *иначе не будет прогресса жизни.* (Уподобление стремления к бессмертию стремлению к абсолютной истине тем более оправдано, что *познание* является видом творчества и в качестве такового вносит свой вклад в “делание” бессмертия.)

В соотношении относительной и абсолютной истин есть

еще один момент, который помогает понять соотношение смертности и бессмертия. Абсолютная истина не только цель познания, идеал, к которому стремится познающий субъект, но и нечто *налично присутствующее* в нашем знании. Говорят ведь философы, что в относительно истинном, ограниченном, приблизительном знании имеются *зерна* абсолютной истины. Абсолютная истина не отгорожена китайской стеной от относительной. И наше знание по-настоящему являет собой единство относительной и абсолютной истин. Так и жизнь человека. Да, она конечна, ограниченна в пространстве и времени. Но, с другой стороны, в индивидуальной человеческой жизни есть зерна бесконечности, вечности, бессмертия. Эти зерна я называю *актуальным* бессмертием. Делание бессмертия есть, таким образом, не только делание посмертного, *потенциального* бессмертия, но и делание сегодняшнего, прижизненного, актуального бессмертия. Об этом подробнее будет сказано несколько ниже.

13.4. Как мы “делаем” бессмертие?

Продолжение человеческого рода, любовь

Поскольку личное бессмертие невозможно, постольку перед людьми всегда стояла и будет стоять проблема продолжения рода, воспроизведения себе подобных. Как говорил Платон, смертное, в отличие от божественного, не остается всегда одним и тем же, но устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие.

Пока люди не изобрели иной способ воспроизведения себе подобных, они должны рожать-растить детей и решать связанные с этим проблемы любви, брака и семьи.

Прежде всего о проблеме рождаемости. Социологи и демографы давно уже бьют тревогу: падает рождаемость, все более угрожающими становятся факторы, ведущие к *депопуляции*, т. е. вымиранию населения. Демографы называют порог — 2,15 ребенка на одну женщину, — ниже которого происходит уменьшенное воспроизводство человека. Имеются уже целые страны, в которых уровень рождаемости значительно ниже

этого порога. Так, в Германии он равняется менее 1,4 ребенка на одну женщину. Не намного лучше положение в России, особенно в последние 30 лет.

Бич современного культурного общества — малодетная семья (однодетные и двухдетные семьи). Демографы подсчитали, что если бы все семьи были двухдетными, то население страны уменьшилось бы вдвое через 350 лет. А если бы все семьи были однодетными, то оно уменьшилось бы вдвое уже через 53 года. Дело как раз идет к тому, что преобладающей формой семьи становится однодетная. Более того, сама семья как социальный институт распадается. И это понятно. Возникла ситуация порочного круга. Малодетность приводит к тому, что последующие поколения людей, выросшие в малодетных семьях, утрачивают необходимые качества для совместной жизни в семье, вследствие чего заключаемые браки становятся все менее и менее прочными.

Факты таковы, что современному цивилизованному обществу грозит медленная смерть, если не будут предприняты серьезные меры по повышению рождаемости, укреплению семьи или ее преобразованию в иной социальный институт, благоприятный для воспроизводства человека.

Как видим, проблема “делания” бессмертия самым тесным образом связана с проблемой рождаемости и, соответственно, с проблемами любви, брака и семьи. Все наши успехи в области науки и техники, все наши культурные достижения ломаного гроша не стоят, если не будет решена проблема воспроизводства человека. В результате депопуляции, вымирания просто некому будет пользоваться плодами науки, техники, культуры. Современное общество развивается однобоко и рискует оказаться невольным самоубийцей. Нужен сбалансированный подход. Логика “делания” бессмертия требует, чтобы проблемам воспроизводства человека уделялось, по крайней мере, не меньше внимания, чем развитию экономики, науки, техники, культуры. Пока этого нет. Взять хотя бы любовь. Она находится как бы в фокусе проблем воспроизводства человека. И что же? Может ли общество “похвастаться” достаточным вниманием к нуждам и запросам любви? Нет, конечно. Когда любящие молодые решают создать семью, то

далеко не всегда они имеют возможность “свить свое гнездо”, т. е. жить совместно в нормальных жилищных условиях. Далее, очевиден такой факт, как ухудшение благосостояния семьи в результате рождения ребенка. Имеющие детей явно проигрывают в экономическом отношении тем, кто не имеет детей. Труд родителей по-настоящему не оценен обществом. Можно прямо сказать, что современное общество проводит антидетскую политику. Такая политика близорука и чревата медленной смертью общества. Нужно, наконец, осознать важность охраны самого человека как живого существа, как уже осознали важность охраны окружающей среды. Нужно осознать, наконец, необходимость неотложных мер по налаживанию устойчивого воспроизводства человека (не за счет “плодовитости” сельских жителей, которых становится все меньше и меньше, а за счет разумно организованного, сбалансированного труда, отдыха и быта городских жителей).

Теперь о ***любви***. Могут задать вопрос: почему я связываю продолжение человеческого рода с любовью. Первое — нечто жизненно важное, необходимое, второе — вроде бы всего лишь чувство, нечто эфемерное, не очень обязательное. Действительно, если любовь — только чувство, то, наверное, неправильно связывать ее исключительно лишь с половой любовью, от которой появляются дети. В том-то и дело, что любовь не только и даже не столько чувство. В главном своем значении она есть деятельность — *деятельность ума, души и тела*. К любви следует относиться как к особой форме человеческой деятельности. Как чувство, противоположное ненависти, она проявляет себя во всех видах человеческой деятельности и общения, но как *специальная деятельность* она осуществляется только в половом общении мужчины и женщины. Половое же общение нужно не только и не столько ради самого общения, сколько для продолжения рода. Значит и любовь в главном своем значении есть то, что лежит в основе продолжения человеческого рода.

Любовь-деятельность есть не просто эмоциональное переживание стремления к гармонии, единству, красоте, а само это делание-воспроизводство гармонии, единства, красоты. Именно таковы отношения мужчины и женщины.

Почему я подчеркиваю различие между любовью-

чувством и любовью-деятельностью? Такое разграничение необходимо для уяснения сути любви как одного из важнейших средств, факторов "делания" бессмертия. В качестве чувства любовь есть лишь некоторое психологическое состояние и ее связь с продолжением человеческого рода, т. е. с реальным "деланием" бессмертия кажется проблематичной или весьма отдаленной. В качестве же специальной деятельности она непосредственно "участвует" в "делании" бессмертия.

Далее, следует сказать, что любовь включает в себя не только чувства, не только половое поведение. Как деятельность она охватывает собой и половое общение мужчины и женщины, и вообще их отношения, и их отношения к родителям, детям, к другим, к окружающему миру. Иначе говоря, любовь мужчины и женщины не ограничивается рамками их полового общения, а как бы расходится кругами, охватывая другие их отношения, отношения к родителям, детям, родным, близким и т. д. Прекрасно сказал в свое время В.Г. Белинский: "*Любовь — поэзия и солнце жизни*". Да, любовь — солнце жизни. Ее лучи расходятся во все стороны жизни, освещают все, даже самые отдаленные уголки человеческой жизни. И это касается прежде всего отношений с родителями и детьми. Любовь к родителям подготавливает половую любовь, а любовь к детям завершает, венчает ее.

Любовь как великий фактор продолжения человеческого рода реализуется в полном смысле лишь в этом триединстве: как любовь к родителям, как любовная связь и как любовь к детям. Конечно, любовь к родителям и любовь к детям не носят характера специальной деятельности. Тем не менее, это не просто чувства симпатии, приязни, противоположные ненависти. Вместе с любовной связью они находятся на одной линии продолжения рода, являются выражениями могучего инстинкта продолжения рода. Вспомним, что по этому поводу писал Платон: животные "пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно". Это, конечно, верно и по отношению к человеческой

любви. Как деторождение, так и воспитание детей невозможны без любви. **Полноценный человек может родиться и вырасти только в условиях любви, в ее лучах.**

Говоря о любви как факторе продолжения рода, нужно иметь в виду, что в *человеческом* обществе она имеет и другое значение — просто как фактор общения, как связь, скрепляющая-цементирующая отношения мужчины и женщины, как первичная социальная связь. Порой это второе значение любви оказывается единственным (для мужчин и женщин, не имеющих детей).

В обоих своих значениях любовь раздвигает рамки конечной жизни человека. Как фактор продолжения рода она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни во временном аспекте, означает выход за пределы конечного существования во временном смысле. А как фактор общения (как чисто любовная связь) она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни в пространственном аспекте, означает выход за пределы ограниченного пространственного существования. В самом деле, вступая в половой контакт, человек в буквальном смысле выходит за пределы самого себя, "вторгается" в чужое пространство. Вообще, когда человек любит и любим, то его "эго" переходит в "альтер" и наоборот; он как бы растворяется в другом, отдает себя другому и одновременно обретает в другом самого себя, самоутверждается.

Кроме того, часы любви реально раздвигают временные рамки жизни, если иметь в виду не "выход за пределы", а глубину, интенсивность настоящего момента. Грибоедовское "счастливые часов не наблюдают" очень точно по смыслу. Для любви времени как бы не существует...

Примечателен тот факт, что во все времена писатели, поэты, художники рассматривали любовь как начало, раздвигающее пределы жизни, преодолевающее смерть.

Еще о любви см. ниже, п. 13.10, стр. 337-347.

Любовь не является единственной формой "делания" бессмертия. Другой формой обессмертивания жизни, как установил еще Платон, является *творчество*. Между любовью и творчеством существует тесная связь. Более того, они опосре-

дуют друг друга. Можно сказать так: любовь — это творчество живого, животворчество, а творчество — это любовь к истине, добру, красоте. Любовь и творчество делают одно, общее дело, но только разными путями. Они взаимно дополняют друг друга. Любовь без творчества ведет к застою жизни, к вечному повторению одного и того же. Творчество без любви бессмысленно и просто невозможно.

Любовь мужчины и женщины питает и поддерживает любовь к истине, добру, красоте. На этот счет имеется масса свидетельств.

Бывает, конечно, когда любовь и творчество мешают друг другу. Но это не правило, а исключение из правила и вызвано чаще всего привходящими обстоятельствами, ненормальными условиями любви и/или творчества.

Творческое бессмертие

Творчество является специфически человеческой формой "делания" бессмертия. Когда говорят о социальном бессмертии, то чаще всего имеют в виду творческую деятельность и ее плоды, которые обессмертивают человека.

Творчество незримыми нитями соединяет человека с другими людьми, обществом, раздвигает границы его отдельной жизни до масштабов жизни общества. Поэтому и говорят, что реальное бессмертие человека неразрывно связано с его жизнью в обществе, с тем, насколько его жизнь переходит или сливается с жизнью общества в целом.

Связь человека с обществом — залог его бессмертия. Но это не просто связь, не просто жизнь в обществе, совместно с другими людьми. Она выражается в *делах* человека и, прежде всего, в его *творческой деятельности*. Именно творческая деятельность выражает свободную человечную связь человека с обществом. Подневольный нетворческий труд не обессмертивает человека, а напротив, укорачивает его жизнь, убивает при жизни, отчуждая от него его человеческую сущность.

С тех пор, как люди осознали важную роль творчества в своем человеческом бытии, они говорили и писали о творчестве как *реальном* "делании" бессмертия. Пушкинское "нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и

тленья убежит" стало для многих бесспорным выражением реального человеческого бессмертия. Никакая религия и никакая мистика здесь не требуется. Будь творческим человеком, и ты будешь бессмертен. Эту мысль в разных вариантах высказывали много раз.

Бессмертие бессмертию рознь. Бессмертие гения — одно. Бессмертие таланта — другое. Бессмертие просто способного в чем-то человека — третье. Человек стремится не просто к бессмертию, а к большему бессмертию. Это подобно тому, как человек стремится не просто к знанию, а к большему знанию. Именно творчество в многообразных его формах (познание, изобретение, искусство) открывает перед человеком безграничные перспективы "делания" все большего бессмертия, все большего освоения-завоевания времени и пространства.

13.5. Потенциальное бессмертие

До сих пор я говорил о реальном бессмертии в плане различных форм деятельности (любви и творчества). Теперь "развернемся" на 90° и рассмотрим проблему "делания" бессмертия в плане разграничения самой деятельности и ее плодов. Реальное бессмертие в таком случае выступает в двух формах: как *актуальное* и *потенциальное*.

Хотя источник бессмертия один — деятельность человека в широком смысле, — само оно (бессмертие) расщепляется как бы на два вида соответственно тому, как деятельность "раздваивается" на *процесс* деятельности и *плоды* деятельности. Последние, хотя и являются результатами, следствиями процесса деятельности, живут затем *своей* самостоятельной жизнью, независимо от породившего их субъекта деятельности. Такова диалектика деятельности, и она-то служит основой разграничения двух форм бессмертия — актуального и потенциального.

Люди прежде всего заметили, осознали вторую форму — потенциальное бессмертие. И до сих пор больше всего сказано и написано о *потенциальном* бессмертии (как в превращенной форме — в виде религиозных-мистических сказок о потусторонней, загробной жизни, — так и в реалистической форме — в виде представлений о

посмертной славе, памяти потомков, об оставленных следах. Еще две с половиной тысячи лет назад Гераклит утверждал: “Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу — бренным вещам, а большинство набивает свое брюхо, подобно скоту”. Сказано несколько грубо, резко, но верно по существу. Действительно, лучшие люди сознательно стремились через свои дела к жизни в веках. Люди не просто поняли, осознали возможность потенциального бессмертия, но и сделали его объектом своих сознательных устремлений.

Поэты, как никто другой склонные раскрывать свой внутренний мир, интимные мысли и переживания, прямо пишут о своем желании обрести такого рода бессмертие. Вспомним крылатое выражение Exegi monumentum. Этим выражением начинается одна из од древнеримского поэта Горация. В ней высказывается надежда, что весь он не умрет, что лучшая его часть — поэтические творения “меди /бронзы/ нетленнее” — избежит смерти. На русском языке известны две вариации горациевского Exegi monumentum. Это стихотворения Державина и Пушкина. Они интересны не только талантливой передачей основных тем оды Горация, но и самим фактом своего существования, тем, что поэты вновь и вновь усматривают смысл своего творчества, своей жизни в “делании” бессмертия.

Говоря о потенциальном бессмертии как объекте сознательных устремлений человека нельзя не упомянуть о двух крайностях в подходе, отношении к бессмертию. Одна крайность — это когда стремятся обессмертить свое имя *любой* ценой, идут на какие угодно ухищрения и даже преступления, чтобы прославиться. Известный в истории пример: сожжение Геростратом в 356 г. до н. э. великолепного храма Артемиды Эфесской — одного из семи чудес света. Герострат сжег его с единственной целью — прославиться. Отсюда выражение — геростратова слава. В сущности, геростратовой славой обладают такие деятели как Гитлер. Стремление к славе ради самой славы — распространенный порок среди людей. В основе этого стремления лежит гипертрофированное представление о ценности, важности, значимости потенциального бессмертия.

Другая крайность — игнорирование возможности потенциального бессмертия или, попросту говоря, наплевательское отношение к тому, что будет после смерти. Наиболее ярко это отношение выражено в известном высказывании Людовика

XV — “После нас — хоть потоп”. В самом деле, некоторых не прельщает перспектива жизни после смерти. Стремление к бессмертию им кажется проявлением пустого тщеславия или даже выражением мистического умонастроения. Эти люди упускают из вида, что потенциальное бессмертие — не просто жизнь после смерти. Правильнее понимать его в более широком смысле — как *эстафету жизни*. Нам дали жизнь, нас воспитали, образовали, мы пользуемся плодами культурной деятельности предшествующих поколений. Поэтому и мы должны дать жизнь другим, внести свою лепту в сокровищницу человеческой культуры. На нас жизнь не замыкается; она лишь звено в цепи жизни человечества.

В эстафете родовой жизни человек должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям.

Жизнь — самоподдерживающийся процесс и, как видим, не только в смысле самосохранения, но и в смысле продолжения рода, сохранения и развития-прогресса культуры. “Жизнь истинная, — писал Л. Н. Толстой, — есть только та, которая продолжает прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей”. Как просто и вместе с тем сильно сказано!

Потенциальное бессмертие одинаково “смотрит” в будущее и прошлое. В будущее — с точки зрения того, что оставляет после себя человек. Это проблема следа. В прошлое — с точки зрения того, как продолжается жизнь и дело других в нем самом. Это проблема продолжения рода, освоения культуры, “вживления” подрастающего поколения в культуру.

В первом случае потенциальное бессмертие — дело самого субъекта бессмертия. Во втором случае оно переживается и осваивается теми, кто принял от ушедших, уходящих людей-поколений эстафету жизни.

Человек, стремящийся к бессмертию, должен рассматривать себя не просто в плане жизни для будущего, для других, следующих поколений, а как *звено в цепи бессмертия*, т. е. и в том смысле, что в нем самом продолжается жизнь предыдущих поколений. Чтобы иметь право на свое собственное бессмертие, человек должен пережить в себе бессмертие других,

живших до него людей. Если этого нет, то можно сказать заранее, что он обречен на бесплодие и забвение.

Как жизнь предков продолжается в жизни потомков, так и жизнь гениев прошлого продолжается в нас самих, в жизни сегодняшних гениев. Ньютон как-то сказал, обращаясь к Гуку: “То, что сделал Декарт, было шагом вперед. Вы прибавили к этому новые возможности... Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов”. Видите, как считает Ньютон: он стал гигантом мысли потому, что *стоял на плечах гигантов*. Какое удачное выражение! Ясно, что стоять на плечах гигантов — не такая уж простая задача. Нужно ведь на них “вскарабкаться”, соответствовать, быть конгениальным. В другую эпоху и в другой связи Р. Шуман сказал, что понять гения может только гений. И в самом деле, если ты понял, осмыслил, пережил труд и творчество другого, то заслужил этим право нести факел бессмертия. Да дело не только в том, что ты “заслужил”, а в том, что ты *загорелся* и волей-неволей несешь в себе эстафетный факел.

Выше приводились разные примеры потенциального бессмертия. Они указывают на то, что потенциальное бессмертие многообразно по своему содержанию, выражается в различных видах и формах. Здесь впору говорить об упорядочивании, классификации видов и форм этого феномена жизни.

Мы видим, по крайней мере, два *параметра* потенциального бессмертия: полноту и глубину (степень).

Полнота потенциального бессмертия — это бессмертие, обусловленное полнотой жизни, наличием в ней основных моментов: любви, приносящей детей, и творчества. Если одного из этих моментов нет, то и жизнь представляется неполной и даже ущербной. В таком случае и потенциальное бессмертие не обладает нужной полнотой.

Глубина (степень) потенциального бессмертия — это то, как далеко вглубь прошедшего проникает взор человека и как долго сохраняется оставленный им след.

Наверное, самое короткое бессмертие — это бессмертие любви, продолжение жизни в детях. Ведь оно ограничено рамками жизни детей после смерти родителей. Внуки лишь отчасти продолжают жизнь дедов, а потомки, родившиеся по-

сле смерти предков, имеют с ними еще более отдаленную связь. Однако и это короткое потенциальное бессмертие имеет различную глубину, определяется тем, как к нему относится человек. Если он не только дал жизнь детям, но и воспитал их так, что они в свою очередь продолжают родовую жизнь, воспитывают своих детей в том же духе, то его потенциальное бессмертие глубже, значимее того продолжения жизни в детях, которое не идет дальше детопроизводства. Человек должен быть по-своему дальновиден в любви и в семейной жизни вообще. Ему нужно думать не просто о детях, а о том, чтобы заложить в них уважение к предкам и сознательное стремление к дальнейшему продолжению рода. Ведь не секрет, что родители часто не думают об этой стороне воспитания детей. Они либо стремятся воспитать просто хороших людей (а это утопия: просто хороших людей не бывает), либо думают лишь о профессиональной или творческой судьбе детей. Дети же, помимо всего прочего, должны продолжить род. Воспитание их в духе уважения к детопроизводству, животворчеству — отнюдь не простая задача. Жизнь мстит тем, кто об этом забывает. Сколько уже родов, генеалогий кануло в лету из-за пренебрежительного отношения к животворчеству! Вырождение, вымирание грозит тем человеческим сообществам, которые легкомысленно относятся к ценностям продолжения рода.

Бессмертие дела, творчества тоже может иметь различную глубину. Об этом я говорил выше, в предыдущем разделе. Бессмертие творчества может быть не только долговечнее продолжения жизни в детях, но и, как сказал поэт, “бронзы литой прочней”. Все зависит от человека. Совершенно ясно, например, что бессмертие гения неизмеримо обширнее, долговечнее бессмертия таланта.

Конечно, не каждый может стать гением. Но стремиться в творчестве ко все более значительным достижениям — долг каждого творческого человека. В нравственном смысле все более значительные достижения суть не что иное как все более значительные услуги человечеству. Да и *сам* человек получает наибольшее удовлетворение от *наиболее* высоких результатов своей деятельности. **Человек должен заботиться о благе и счастье не только в рамках своего личного “я”, а в**

масштабе всего общества. Только тогда он будет истинно счастлив, а имя и дело его переживут века.

13.6. Актуальное бессмертие (жить настоящим, в настоящем)

Имеется множество свидетельств философов, ученых, деятелей культуры о том, что любовь и творчество раздвигают пределы жизни в глубину, открывают в ней самую настоящую бездну — то, что я называю актуальным бессмертием.

Между тем феномен актуального бессмертия до сих пор мало изучен и осмыслен. Если о потенциальном бессмертии говорили и писали многие и много, то о существовании *актуального* бессмертия догадывались лишь некоторые. В чем тут дело? Здесь можно указать три причины.

Во-первых, как я уже говорил, люди заметили, осознали прежде всего потенциальное бессмертие. Это связано с тем, что человек больше внимания обращает на конечные результаты, плоды деятельности, а по поводу самой деятельности, того, как она протекает, он не размышляет, а если и размышляет, то во вторую очередь. Потенциальное бессмертие, воплощенное в оставленных следах, кажется более зримым, реальным, чем актуальное бессмертие, переживаемое в процессе самой деятельности.

Во-вторых, религиозная концепция бессмертия ориентировала сознание людей лишь в направлении потусторонней, посмертной, загробной жизни, т. е. того, что я называю иллюзорным потенциальным бессмертием. Земную жизнь религия обычно рассматривала как нечто весьма зыбкое, быстропреходящее, временное, лишь в аспекте ее конечности, (малости, ничтожности).

В-третьих, невыясненность проблем актуальной бесконечности в математике и споры математиков по поводу существования/несуществования актуальной бесконечности отрицательно сказывались на разработке проблем актуального бессмертия.

Понимание бессмертия только как потенциального ущерб-

но. Ведь что получается? Моя смертная жизнь здесь, в настоящем, а моя бессмертная жизнь — там, в будущем, после моей смерти. Это разделение настоящей жизни и посмертного бессмертия мало чем отличается от христианского разделения земной жизни и бессмертной жизни души за гробом. Д. Дидро, имея в виду именно такое понимание бессмертия, писал: "потомство для философов — это потусторонний мир для верующего". В журнале "Крокодил" по поводу такого понимания бессмертия горькая шутка: "бессмертие плохо тем, что оно приходит посмертно". Человеку мало бессмертия потом. Ему подавай его сейчас, в этой жизни или вообще не говори о нем, молчи.

Актуальное бессмертие есть не что иное, как опосредствование конечного бесконечным, преходящего вечным. Оно может быть большим или меньшим в зависимости от глубины опосредствования. А она зависит от человека. В. Г. Белинский об этом хорошо сказал: "Жить — значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть. И чем больше содержания объемлет собою наше чувство и мысль, чем сильнее и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тем мы больше живем: мгновение такой жизни существеннее ста лет, проведенных в апатической дремоте, в мелких действиях и ничтожных целях".

Время имеет для человека разную ценность, разную степень глубины. Чем больше человек делает и чем более важные события в его жизни происходят, тем *острее*, *глубже* ощущение им каждого мгновения жизни, тем *интенсивнее* протекает его жизнь. О том, что время есть нечто *резиновое*, растягивающееся или сжимающееся, люди знали, догадывались давно. Сенека писал: "Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем". Немецкая поговорка гласит: "трудолюбие из одного дня два делает".

Известен феномен резинового времени. В. Демидов пишет:

"Если восприятие длины отрезка времени действительно зависит от того, сколько "опорных точек" сохранилось в памяти, становится понятным и такой парадокс: старики жалуются, что жизнь промелькнула, как миг, а детям все кажется, что годы тянутся

слишком медленно (...)" Для ребенка "каждый прожитый час открывает нечто неизведанное, любопытное. Память отмечает новые факты, — вот и ощущение медленного хода времени. А взрослый человек с устоявшимся бытом и привычками, в его жизни дни похожи друг на друга, а значит, нет информационно ценных обстоятельств, зацепок для воспоминаний, так что время субъективно ускоряет свой бег.

Мера информации — это мера неожиданности сообщения. Его нетривиальность". (Демидов В. Время, хранимое как драгоценность. М., 1977).

Да, именно новизна является тем фактором, благодаря которому интенсифицируется жизнь человека. Она — мера актуального бессмертия. Чем больше новизны в жизни человека, тем больше она длится. Особенно ценна та новизна, которая рождается в актах любви и творчества. Ценна тем, что это не новизна ради новизны. Новизна в любви и творчестве созидательна, ведет к новой новизне, раздвигает границы жизни не только актуально, но и потенциально (порождает как актуальное бессмертие, так и потенциальное).

Нужно жить так, чтобы день ощущался как год, а год как жизнь.

13.7. Активное долголетие

Выше была рассмотрена взаимосвязь смертности и бессмертия в общем плане, безотносительно к конкретным срокам индивидуального существования человека. Здесь, однако, есть еще один вопрос, который обычно упускается философами из вида и лишь в последнее время привлек их внимание. Речь идет о проблеме активного долголетия. Осознав, что конечность бытия есть нечто неизбежное, люди стали думать над тем, а нельзя ли расширить границы своего конечного бытия, нельзя ли продлить молодость, жизнь и т. д. Вспомним гётевское: "Остановись, мгновенье, ты прекрасно!" Это, конечно, мечта. Но почему мечту нельзя спустить на землю, оформить в виде конкретной цели, чтобы хоть в какой-то мере она приближала нас к мечте?! Некоторые размышляют так: если мы смертны, рано или поздно умрем, то зачем нам еще заботиться о продлении жизни, о каких-то лишних годах жиз-

ни и вообще, какое крохоборство считать годы, стремиться прожить как можно дольше несмотря на дряхлость, немощь и т. д. Таким людям все равно, сколько жить: сорок или восемьдесят лет. Действительно, есть такой тип людей. Это, как правило, короткожители. Они психологически не настроены на долгую жизнь, на то, чтобы специально заботиться о ее длении. Большинство же людей стремится не просто жить, а жить возможно дольше. И это нормально.

Вообще среди реальных противоречий жизни существует и это: *антитеза коротколетия и долголетия*. Весьма примечателен спор двух выдающихся писателей — 32-летнего Карела Чапека и 65-летнего Бернарда Шоу. Последний написал философскую драму "Назад к Мафусаилу", прославлявшую долгожительство. Карел Чапек возразил ему комедией "Средство Макропулоса". Бернард Шоу дожил до 94-х лет. Карел Чапек — всего до 48-и. Эти писатели своей жизнью продемонстрировали антитезу коротколетия и долголетия.

Проблема долголетия не сводима ни к проблеме продолжения рода, ни к проблеме творческого бессмертия. Не случайно пишущие на тему о смертности и бессмертии, как правило, игнорируют эту проблему и даже выставляют ее в односторонне негативном свете. И на это есть свои причины. В чистом виде стремление к долголетию, к возможно большему длению жизни превращается в пустое стремление прибавить годы к жизни, а не жизнь к годам.

Как есть короткожители, которым все равно сколько жить, так есть и фанаты-долгожители, которые стремление жить возможно дольше превратили в самоцель. Об этой крайности в поведении людей говорят примеры *долголетнего* прозябания, «дрожания», такие как описанные в мировой литературе 100-летняя жизнь премудрого пескаря из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина или такая же долгая жизнь Тимоти Форсайта из «Саги о Форсайтах» Д. Голсуорси.

Антитеза коротколетия и долголетия чаще всего выражается именно в этом ***противопоставлении качества и количества жизни***. Одни готовы пожертвовать или жертвуют количеством жизни во имя ее качества, а другие, напротив, готовы пожертвовать или жертвуют качеством жизни во имя ее

количества. Действительно, порой возникают ситуации “или-или”. Во имя высокого качества жизни человек может обречь себя на короткую, подобную молнии, жизнь. Такой человек — герой. Он рискует или вынужден рисковать в исключительных обстоятельствах. Есть целые профессии — военных, спасателей, испытателей и т. п., — в которых количество жизни приносится в жертву ее качеству. С другой стороны, боясь риска, люди жертвуют качеством жизни во имя ее количества. Их жизнь, хоть и долгая, но пресная, скучная.

Стремление к долголетию, если оно не сопровождается стремлением к достойной жизни, бессмысленно. Долголетие ради долголетия — все равно что страсть к накопительству, к деланию денег ради денег. Не существование ради существования, а *активное*, т. е. богатое чувствами, мыслями, действиями долголетие — вот задача для настоящего человека!

Воистину счастливы те люди, которые умеют соединить качество и количество жизни, для которых не существует ситуации “или-или”: прибавлять жизнь к годам или годы к жизни.

Почему люди стремятся жить как можно дольше и почему надо жить как можно дольше?

Жить нужно как можно дольше, во-первых, потому что человек лишь с годами накапливает опыт, знания, умения и чем больше он живет, тем богаче и продуктивнее его опыт, тем обширнее и глубже его знания и тем совершеннее его умения. Мудрость приходит с годами и чем больше лет, тем мудрее человек.

Во-вторых, нужно жить как можно дольше для того, чтобы решать *большие* задачи — такие, которые выходят за рамки нескольких лет или нескольких десятков лет жизни, которые требуют выхода за пределы обычного срока жизни. Для творческого человека нет предела дерзанию и его, конечно, стесняют рамки конечной жизни.

В-третьих, нужно жить как можно дольше для того, чтобы *живьем* передавать свой опыт младшим поколениям, чтобы предки и потомки (прапра-...дедушки и прапра-...внуки) имели

возможность *живого* общения, чтобы была ситуация не смены поколений, а *умножения* поколений.

Противоречие смертности и бессмертия находит, так сказать, свое непосредственное разрешение в борьбе за продление жизни, за активное долголетие. Проблема долголетия — особая проблема, имеющая для человека и человечества относительно самостоятельное значение. Она обнаруживает подвижность, условность границ между конечностью и бесконечностью существования. Благодаря ей люди осознали, что конечное и бесконечное не застывшие, неподвижные противоположности, что между ними есть переходы, промежуточные звенья. Стремление к долголетию означает переход (хотя бы маленький, частичный) ***от*** конечности ***к*** бесконечности существования, от смертности к бессмертию, выход за рамки чисто конечного бытия, движение в сторону бесконечного существования. Это стремление реализуется в разных формах и на разных уровнях.

На уровне отдельного человека решается задача так оздоровить жизнь, т. е. так наладить здоровый образ жизни, чтобы продлить ее до максимального предела видовой продолжительности жизни человека как представителя рода “homo sapiens”. Этот предел по разным оценкам ученых равен 120-150 годам. На уровне человечества решается научно-практическая задача раздвинуть рамки видовой продолжительности человека, изменить генетическую программу оконечивания индивидуальной жизни в сторону ее максимально возможного продления. Уже сейчас ученые трудятся над разгадкой генетического механизма, ограничивающего видовую продолжительность жизни человека. Безусловно, они разгадают этот механизм и найдут способы воздействия на него в сторону значительного увеличения видовой продолжительности жизни.

Почему люди не мирятся с тем сроком жизни, который им отвела природа? Позволительно ответить вопросом на вопрос: а почему, собственно, люди должны мириться с этим сроком жизни? Разве данное конечное число лет задано природой на все времена? Нет. Первые живые организмы на Земле сущест-

вовали от деления до деления всего каких-то несколько часов. За три с лишним миллиарда лет становления жизни этот срок жизни отдельного организма возрос с нескольких часов до нескольких десятков лет у высших животных и человека, т. е. примерно в 200 000 раз. Вполне естественно предположить, что природа отнюдь не остановилась на достигнутом сроке жизни и пойдет дальше в пролонгировании жизни. Нет никаких оснований полагать, что 100 лет жизни заказаны человеку на все времена. Если человек — вершина эволюции живой природы на Земле — живет в 200 000 раз больше простейших живых организмов, то, значит, возможно и такое положение, когда природа в лице человека, *становясь дальше*, *усложняясь* и *совершенствуясь*, выйдет на новые рубежи продолжительности жизни — в 200 000 раз против сегодняшних 100 лет.

Как поправить-укрепить свое здоровье?

Мудрый человек предотвращает болезни, а не лечится от них.

Китайская мудрость

К сорока годам человек или сам себе врач, или глупец.

Девиз натуральной гигиены

Не нужно доказывать, что здоровье человека — чрезвычайно сложная, индивидуально варьирующая, развивающаяся категория, связанная с его сущностью. И в то же время это самая что ни на есть *норма*. Здоровье — норма, нормальное состояние человеческого организма. Болезнь — отклонение от нормы, патология. Смерть — прекращение, уничтожение нормы.

Среднестатистически здоровье человека на 70-90 процентов зависит от образа жизни и лишь на 30-10 процентов — от других факторов (наследственности, медицины, чистой случайности).

Здоровый образ жизни, как правило, зависит от сознательных усилий системного характера. Человек должен еще в молодости выработать для себя программу гармонического раз-

вития и активного долголетия и следовать ей всю жизнь. Береги платье снову, а честь смолоду. То же касается и здоровья.

Что надо делать для того, чтобы жить долго и счастливо?

Мы, люди, — живые существа, часть живой природы. С другой стороны, мы не просто продолжаем живую природу, а создали свой особый, *человеческий* мир и живем по *своим* законам, порой наперекор живой природе, вопреки ей. Природа заложила в нас определенный цикл развития — рождение, рост, зрелость, старение, смерть. Мы, конечно, не можем пока изменить этот цикл, устранить из него две стадии — старение и смерть. Но в наших силах отодвинуть наступление старческой немощи и следующей за ней смерти. Раньше ведь как было. Человек большей частью жил как животное и старость принимал как должное. Думал, что старческую немощь не отменить, что если на роду написано с годами стареть, дряхлеть, наживать болезни, тяжелеть, терять силу и т. д., так тому и быть. Иному пожилому человеку говоришь: у Вас лишний вес, — а он в ответ: так положено, это возрастное. Да, действительно, если жить по животному (как задано природой), то при переходе от зрелости к старости сытая жизнь неизбежно приводит к избыточному весу, ожирению. Теперь, однако, многие люди думают по-другому. Они рассуждают примерно так: мы — разумные существа, много уже знаем, понимаем и поэтому должны направлять, корректировать естественный ход жизни, сопротивляться в отдельных случаях заданному природой. Если природа заложила в нас постепенное снижение двигательной активности после репродуктивного периода (20-30 лет), постепенное повышение аппетита сверх меры (вследствие понижения чувствительности к пище), то мы должны воспрепятствовать этому: не ослаблять двигательную активность, поддерживать ее на оптимальном уровне, питаться не в соответствии со своим аппетитом, а с учетом расхода калорий. В самом деле, каждый из нас, из тех, кто живет 35 и больше лет, на себе ощутил почти фатальное снижение двигательной активности и, как следствие этого, уменьшение лов-

кости, гибкости, потяжеление, появление жировых отложений, учащение и усиление различного рода заболеваний. Каждый невольно замечал за собой, что стал больше лениться, больше стремиться к покою, к пассивному отдыху, быстрее уставать и т. д. и т. п. С понижением двигательной активности люди слабеют, а слабея, быстрее устают. Усталость же приводит к желанию отдохнуть, т. е. к еще большему снижению двигательной активности. Возникает порочный круг: снижение двигательной активности — уставание — отдых — еще большее снижение двигательной активности и так до смерти.

Как мне представляется, каждый человек, если он не хочет плыть по течению жизни и быть рабом природы, должен на определенном этапе жизни выработать для себя программу полноценной, активной, долгой жизни. Это действительно должна быть *программа*, потому что от очень многих "вещей" зависит жизнь человека. Если кто-то думает, что может обеспечить активное долголетие с помощью каких-то пилюль, или какой-то диеты, или даже каких-то физических упражнений, тот глубоко ошибается. Нужен *комплекс* мер, действий, жизненных условий. Это не обязательно только специальные меры и действия по обеспечению долголетия, не обязательно какие-то особые жизненные условия. Если жизнь полноценна, то она при прочих нормальных условиях будет долгой и счастливой.

Я выработал для себя такую программу гармонического развития и активного долголетия:

1. Постоянная ориентация на полноценную жизнь, активное долголетие, бодрость духа, оптимизм, жизнерадостность и жизнелюбие.

2. Любимая работа, творческий труд.

3. Любовь, семья, дети.

4. Духовное совершенствование, постоянный контакт с духовной культурой человечества.

5. Физическое совершенствование, регулярная физическая нагрузка, всесторонняя тренировка тела, подвижный образ жизни.

6. Рациональное, полноценное, сбалансированное, экологи-

чески чистое питание.

7. Физическое и психологическое закаливание, повышение сопротивляемости организма к различным возмущающим факторам.

8. Контакт с людьми, соблюдение баланса между общением и уединением. Жизнь в соответствии с золотым правилом поведения: «не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе» и «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой».

9. Соблюдение баланса между трудом и отдыхом, между активным и пассивным отдыхом, напряжением и расслаблением.

10. Общение с природой; пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде.

Программа учитывает практически все факторы и условия жизни. Тем не менее возможны и другие варианты программы. Люди весьма различны и по своей генетике, и по своему воспитанию, и по условиям жизни. Здесь не может быть шаблона.

Десять пунктов программы — это концентрированное выражение огромного количества жизненных правил и действий. Они — всего лишь схема жизни.

13.8. Конечность и бесконечность существования в перспективе жизни

Имеется такое свидетельство об отношении Л. Н. Толстого к смерти. “Высокочтимый граф Лев Николаевич, — писал И. Н. Янжул, — последние годы имел слабость охотно беседовать о смерти... Я заметил ему как бы для утешения (в начале 90-х г.г., на собрании в Московском университете. — *Л. Б.*), с какой стати он так занят этим вопросом о смерти, когда он за свои великие труды уже *бессмертен* при жизни и будет таковым же после смерти. На что он мне ответил: “Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать”. В этом свидетельстве зафиксировано мнение творческого человека, который не может примириться с неизбежностью смерти. Борьба за активное долголетие решает только задачу продления жиз-

ни до каких-то пределов. Пусть это будут 120, 1000, 200 000 лет, но все же человек рано или поздно оказывается перед ситуацией *смерти*, когда его тело превращается в *труп*, т. е. в ничто.

Ни "делание" бессмертия в указанном выше смысле, ни активное долголетие не решают по-настоящему проблемы смертности и/или бессмертия.

Вопрос в том, можно ли вообще устранить смерть из жизни человека? Я уже говорил, что смерть как эволюционное приобретение жизни возникла на этапе полового размножения многоклеточных организмов. Превращение живого в труп отнюдь не является абсолютной неизбежностью для всякого живого.

Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели. Смерти нельзя приписывать абсолютное значение оконечивания. Нельзя отождествлять смертность, имеющую *частное* значение, и конечность, имеющую *универсально-всеобщее* значение. Да, все реально существующее содержит в себе момент оконечивания — такова диалектика конечности и бесконечности. Но из этого не следует, что *живое* оконечивает себя только через смерть. Последняя — лишь один из "способов" оконечивания живого. Одноклеточные организмы, делящиеся миллиарды лет, живут конечный срок (от одного деления до другого). А ведь они не знают смерти. Смерть как полное разрушение многоклеточного организма — до первичных органических и неорганических молекул — возникла на определенном этапе становления живой природы. Вполне возможно, что человек со временем найдет другой способ оконечивания своей жизни, не такой разрушительный как смерть. Не исключено, что, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, он может покончить со смертью.

Дальнейшее становление живой природы (уже на стадии человеческого общества) *может* привести к ликвидации смерти в смысле превращения живого в труп, к замене полного уничтожения *преобразованием* одного живого в другое наподобие деления одноклеточных организмов, в том смысле,

что отдельный человек, прожив определенный срок жизни, как бы переходит в другого человека, сохранив при этом основное содержание своего “я”. Конечность существования остается как момент жизни, но она не будет носить характер смерти в смысле полного уничтожения.

Смерть (как превращение живого в труп) была необходимым моментом на стадии развития многоклеточных организмов и в какой-то мере оправдана на стадии развития человечества до определенного времени. Это связано прежде всего с ограниченностью жизненного пространства и ресурсов.

Действительно, в каждый данный момент и жизненное пространство и ресурсы ограничены. Но кто сказал, что вместе с решением проблемы увеличения продолжительности жизни человечество не решит и проблему увеличения жизненного пространства и ресурсов?! Конечно, если исходить из предположения, что человечество будет жить *только* на Земле, то нетрудно предвидеть наступление момента, когда в результате размножения и увеличения продолжительности жизни людям станет тесно и ресурсы истощатся. В том-то и дело, что это предположение основывается на прошлом опыте эволюции живого и не учитывает возможности освоения человеком космического пространства. Чаще всего как раз и пытаются доказать естественность, необходимость смерти ссылками на живую природу, в которой гибель организмов и смена поколений обусловлены борьбой за существование и ограниченностью земных ресурсов. Но то, что верно для живой природы, нельзя механически переносить на человеческое общество. Люди, в отличие от животных, находят все новые и новые источники ресурсов и этому процессу нет конца. Наступает время, когда смерть человека перестает быть оправданной с эволюционной точки зрения, как ограничитель увеличения массы живого. С созданием управляемой термоядерной реакции и освоением (обживанием) космического пространства люди практически обеспечат себя безграничными ресурсами и могут увеличивать продолжительность своей жизни и размножаться до каких угодно пределов.

Человечество уже сейчас должно поставить перед собой задачу ликвидации смерти, т. е. замены ее каким-то *преобра-*

зовательным механизмом, который позволил бы более мягко переводить одно “я” в другое “я” без того, чтобы первое “я” переживало ужас полного уничтожения-распада. Следующее за первым я” второе “я” должно наследовать не только генетическую программу первого, но и его разум, самосознание, личность. Это наследование должно быть подобно тому, как наше “я” в зрелости или в старости наследует наше же “я”, бывшее в детстве или юности. Ведь не секрет, что мы *разные* на *разных* этапах жизненного пути. Мы, конечно, сожалеем, что детство прошло, юность прошла, что мы *другие*. Но тем не менее горечь об ушедших годах, о том, что мы другие, не сравнима с переживанием того, что нас когда-то не будет, что наше “я” исчезнет.

Да, абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия.

Идея индивидуального бессмертия сродни идее вечного двигателя. В сущности, это идеи-близнецы. Они ложны в своем абсолютном, предельном выражении, но истинны в смысле асимптотического приближения к некоторому пределу. Это можно видеть на примере идеи вечного двигателя. Эта идея основывается на представлении, что энергию можно получить из ничего. Если вместо слова “ничего” поставить выражение “все более энергоемкие источники”, то это представление будет справедливым. В самом деле, история развития энергетики такова, что человечество последовательно решало и продолжает решать задачи получения энергии из все более энергоемких источников. Сначала это были дрова, затем уголь, затем нефть и газ. В настоящее время осваивается ядерная энергия распада. На очереди — овладение термоядерной энергией синтеза, что даст человечеству практически неисчерпаемый источник энергии. Люди почти буквально будут получать энергию из ничего. Это ли не осуществление сказочной мечты о вечном двигателе!

Так и идея индивидуального бессмертия. В качестве религиозной сказки она вздорна, нелепа. А как научно-практическая задача “делания бессмертия” она не то, что вздорна, а необходима и решаема.

13.9. Человеческое счастье

Взаимосвязь смысла жизни и счастья

Взаимосвязь смысла жизни и счастья обнаруживается в том, что наличие определенного смысла жизни является условием счастья, а с другой стороны, стремление к счастью придает жизни определенный смысл. Бессмысленность существования — величайшее несчастье для человека и, наоборот, человек испытывает счастье, когда его жизнь становится глубоко осмысленной.

Что такое счастье?

Слово “счастье” одно, а мнений о счастье — великое множество. Еще Ш. Фурье писал: “В Риме во времена Варрона существовало 278 противоречивых мнений об истинном счастье, их числилось гораздо больше в Париже”. Почему существует такое множество мнений о счастье? Причины здесь две:

1. На поверхности явлений счастье отдельного человека выступает как нечто субъективное и случайное, что и вызывает обилие противоречивых мнений о нем.

2. Счастье даже в сущности своей — нечто весьма сложное, многогранное. Люди нередко брали какую-нибудь одну сторону, грань счастья и превозносили ее за счет других. Отсюда возникали такие, например, определения: счастье — в любви; счастье — в труде; счастье в том, чтобы делать людям добро и т. д.

На том основании, что существует множество разноречивых мнений о счастье, некоторые делают вывод, что не может быть единого, общего для всех представления о счастье. Что можно на это сказать? Как и всякое другое явление жизни, счастье каждого человека представляет собой единство общего и особенного. Бесспорно, каждый человек счастлив по-своему, но это не исключает общих моментов, присущих счастью людей вообще.

Обобщенно говоря, счастье — в полноте жизни, в том, чтобы все ее стороны — физическая, нравственная, духовная, эстетическая — были развиты и гармонировали между собой. Деятельным же выражением счастья являются любовь и творчество.

Ниже дана диаграмма счастья (рис. 22).

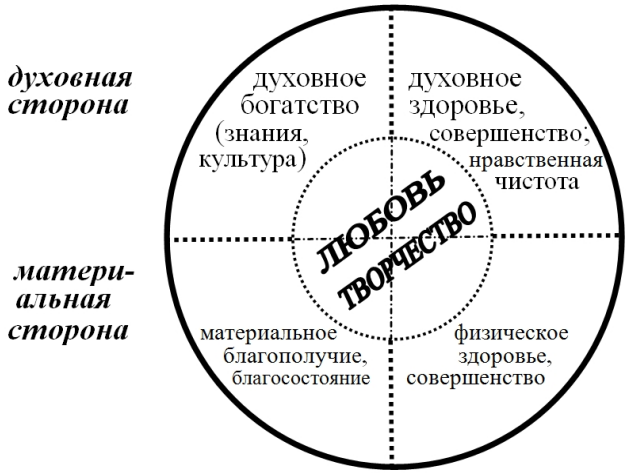


Рис. 22

Как видим, счастье многогранно. Его необходимыми условиями, предпосылками являются:

духовные: 1) духовное богатство (знания, культура);

2) духовное здоровье, совершенство, в частности, нравственная чистота;

материальные: 1) материальное благополучие, благосостояние;

2) физическое здоровье, совершенство.

Скрепляют все эти элементы-грани **любовь** и **творчество**. Без любви и творчества счастье — только возможность. Они делают его действительным.

Счастье: и результат везения, и результат борьбы-труда

> Ведите себя так, словно вы уже счастливы, и вы действительно почувствуете себя счастливыми.
>
> *Дейл Карнеги*

Существуют две крайние позиции в понимании счастья. Одни считают, что счастье — целиком подарок судьбы, результат везения, случайный дар. Другие утверждают, что счастье целиком зависит от человека, от его воли и желания.

В действительности оно — и результат везения, и результат борьбы-труда. “Фортуна, подобно робкой возлюбленной, хотя и любит дарить свою благосклонность, однако заставляет нас бороться за нее” — говорил Боуви. Или: “Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы” — Ж. Лабрюйер.

Обычно подчеркивают момент зависимости счастья от самого человека, а именно, что человек — кузнец своего счастья. На этот счет есть масса замечательных высказываний — от самых осторожных до самых сильных:

“Счастье не так слепо, как его себе представляют” — Екатерина II (Мемуары). “Счастливым надо уметь быть” — А. С. Макаренко. “Единственное искусство быть счастливым — сознавать, что твое счастье в твоих руках” — Ж.-Ж. Руссо. “Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается в готовом виде из рук благодетеля. И самая трудная часть задачи состоит именно в том, чтобы составить себе понятие о счастье и отыскать себе ту дорогу, которая должна к нему привести” — Д. И. Писарев. “Если хочешь быть счастливым — будь им” (неизв. автор).

И это справедливо. Хотя умом мы понимаем, что не всё от нас зависит, тем не менее настраиваем себя на то, что должны пройти свою часть пути к счастью **несмотря ни на что**. Своей деятельностью мы можем компенсировать невезение и даже поспорить с несчастливым жребием.

Счастье — единство удовлетворенности и неудовлетворенности

Нельзя понимать счастье как полную, абсолютную удовлетворенность жизнью. “Наше счастье, — писал в свое время Г. Лейбниц, — вовсе не состоит и не должно состоять в полном удовлетворении, при котором не оставалось бы ничего больше желать, что способствовало бы только отупению нашего ума. Вечное стремление к новым наслаждениям и новым совершенствам — это и есть счастье”.

Некоторые люди, достигнув кое-каких успехов в жизни, считают, что они уже достаточно счастливы и к большему им не нужно стремиться. Такие люди уподобляются муравьям, которые, если бы они были наделены разумом, думали, что они счастливы, если их муравейник в полном порядке. Человек тем и отличается от животного, что он не останавливается на достигнутом.

Настоящее человеческое счастье противоречиво по своей природе. Оно гармонически соединяет в себе удовлетворенность и неудовлетворенность. Будучи процессом счастье может ощущаться только благодаря постоянной смене удовлетворенности неудовлетворенностью. Если бы жизнь была сплошной цепью удовольствий, абсолютным отсутствием неудовольствий, тогда и само удовольствие не ощущалось бы как удовольствие.

Следует, однако, отметить, что не всякая неудовлетворенность является моментом счастья и гармонирует с удовлетворенностью. Моментом счастья может быть только творческая неудовлетворенность, неудовлетворенность достигнутым, которая не вызывает душевных страданий и не ощущается как несчастье; в такой неудовлетворенности заложен импульс дальнейшего движения вперед. Если же неудовлетворенность является результатом несбывшихся надежд, то это вызывает страдание и ощущается как несчастье.

Говорят иногда: несчастье — хорошая школа жизни. Да, это может быть в отдельных случаях. Но: счастье — лучшая школа. И вообще-то, права русская поговорка: счастье ума прибавляет, несчастье — последний отнимает.

Основа счастья — в единстве личного и общего

Основа счастья — в единстве личного и общего. Это вытекает из сущности человека. Трудно или невозможно быть счастливым, когда видишь вокруг себя несчастных.

«Только во всеобщем счастье можно найти свое личное счастье» — говорил *Т. Гоббс.* Об этом же писал художник *И. Н. Крамской:* «все существование человека не может быть наполнено только личным счастьем, или, лучше сказать, личное счастье человека тем выше и лучше, чем серьезнее глубже захватывают его общие интересы и чем менее встречает он в близком себе существе противодействия в этой потребности». Или: «Тот образ жизни самый счастливый, который представляет нам больше возможностей завоевать уважение к самому себе» (*Самюэль Джонсон*).

Можно ли сделать людей счастливыми, а тем более заставить их быть счастливыми?

В проблеме человеческого счастья есть сторона, связанная с межчеловеческими отношениями. Одно дело, когда человек хочет быть счастливым, стремится к счастью, создает условия для этого и т. д. и т. п. Другое дело, когда человек, не думая о своем личном счастье, стремится сделать счастливыми других, осчастливить других и даже всё человечество. Д. Дидро писал: “Самый счастливый человек тот, кто дает счастье наибольшему количеству людей”.

Насколько оправдано стремление принести счастье наибольшему количеству людей? Здесь возникает другой вопрос: а хотят ли люди, чтобы их осчастливили? Нет ли тут навязывания своей воли и своего понимания (в частности, своего представления о счастье) другим людям, всему человечеству? Нет ли тут эффекта непрошеного благодетеля, защитника, спасителя? В самом деле, кто просил этих “самоотверженных” делать других счастливыми, приносить другим счастье? Если они сами себя отвергают (самоотверженные ведь!), в частности, готовы пожертвовать своим личным счастьем, то как они могут понять, **что** нужно другим людям, **какое** вообще счастье нужно людям?! Человек, который сам не испытал счастья, — только теоретически представляет счастье. А теоре-

тическое счастье может сильно отличаться от действительного счастья, от того, что на самом деле нужно людям.

Стремление сделать других людей счастливыми — опасная утопия. Никто не может сделать кого-либо счастливым, а тем более принести счастье многим людям. Счастье — категория сугубо индивидуальная. Это значит, что только сам человек может сделать себя счастливым. Он — субъект счастья или несчастья. Человека можно сделать богатым (например, оставив ему наследство), дать ему пищу, кров и т. п., но сделать его счастливым нельзя! Когда родители думают, что могут сделать своих детей счастливыми, то они глубоко ошибаются. Ошибаются мужья и жены, думающие, что они осчастливливают друг друга. Ошибаются политические и иные деятели, думающие, что они могут принести счастье многим людям.

13.10. Любовь

“О любви не говори — о ней всё сказано” — эти слова из старой песни. Некоторые и в самом деле так думают: о любви не нужно говорить, а просто любить (т. е. не рассуждать, не теоретизировать по ее поводу). Нижеследующие строки не для этих людей. Они для жаждущих узнать о любви как можно больше, для тех, кто привык не только чувствовать, переживать любовь, но и размышлять о любви, чтобы она стала лучше, богаче, сильнее.

ЛЮБОВЬ-ЧУВСТВО И ЛЮБОВЬ-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Любовь не только и даже не столько чувство. В главном своем значении она есть деятельность — *ума, души и тела*. К любви следует относиться как к особой форме человеческой деятельности. Как чувство, противоположное ненависти, она проявляет себя во всех видах человеческой деятельности и общения, но как *специальная деятельность* она осуществляется только в половом общении мужчины и женщины.

К сожалению, до сих пор нет целостной философской или научной теории любви. Как объект исследования она отдана на откуп медикам, психологам, специалистам по этике. А они

рассматривают любовь каждый “со своей колокольни”. Медики — в аспекте отклонений от нормального полового поведения, сексопатологии, психологи — как эмоционально-психологическое отношение, специалисты по этике — как нравственную категорию. Недавно появилась новая научная дисциплина — сексология. Но и она рассматривает любовь преимущественно с физической стороны, как секс. Имеется также масса высказываний писателей, деятелей культуры, философов, ученых, религиозных проповедников, которые в силу своей разрозненности отнюдь не способствуют целостному пониманию любви. Отсутствие полноценной теории любви приводит к тому, что о ней формируются односторонние, искаженные представления. Среди этих представлений наиболее распространенным является представление о любви как чувстве, желании, влечении, т. е. как эмоционально-психологическом отношении субъекта к объекту любви. О любви как чувстве-страсти писали, наверное, почти все писатели прошлого. Да и современные писатели недалеко ушли от них. Данное представление настолько въелось в сознание философов и ученых, что они отдают ему дань в специальных книгах о любви, в словарных, терминологических определениях, призванных быть стандартами научного понимания любви.

Большая путаница от того, что одним и тем же словом обозначают человеческое чувство, противоположное ненависти, и человеческую деятельность, лежащую в основе отношений мужчины и женщины. Путаница эта, правда, исторически объяснима: раньше понятия людей были недостаточно отдифференцированы друг от друга, недостаточно определены в своем содержании, расплывчаты. Так и любовью называли, продолжают называть все, сходное с самым сильным чувством, рождающимся в отношениях мужчины и женщины. Это в какой-то мере оправдано. Ведь в основе любви-чувства и любви-деятельности лежит одно и то же стремление — к гармонии, единству, красоте (прекрасному). Любовь является конкретным (эмоциональным и/или деятельностным) выражением ***гармонического*** *противоречия*. (В самом деле, в любви мужчина и женщина выступают как гармонические проти-

воположности: только благодаря своим противоположным половым качествам они любят друг друга. Их любовные взаимоотношения, духовные и физические, весьма сложны. Если они заканчиваются, то не победой или поражением одной из сторон, а общим делом их любви — рождением и воспитанием детей[1]. Могут сказать, а как же гомосексуальные отношения? Ответ таков. Во-первых, гомосексуальные отношения не так уж часты; они — исключение из правила, которое лишь подтверждает правило. Во-вторых, и в гомосексуальных отношениях образуются так или иначе своеобразные, квази- противоположности, именуемые «активом» и «пассивом».)

Любовь-деятельность есть не просто эмоциональное переживание стремления к гармонии, единству, красоте, а само это **делание-воспроизводство** гармонии, единства, красоты. Именно таковы отношения мужчины и женщины.

Разграничивая любовь-чувство и любовь-деятельность, нужно еще отметить, что последняя не всегда связана с высоким накалом чувств, любовных переживаний, т. е. с тем, что обычно поэты и писатели-романтики только и называют любовью. Любовь-деятельность не есть что-то исключительное, встречающееся лишь изредка. Диапазон форм любви-деятельности весьма широк: от непосредственного полового импульса и контакта до высочайших форм любви, в которых половое влечение и общение “одеты” в самые нарядные, эстетизированные, духовно осмысленные “одежды” чувств и поведения любящих.

По мнению романтически настроенных людей не всякое половое общение есть любовь. Я утверждаю, что если половое общение происходит между нормальными людьми, то оно заслуживает того, чтобы его именовали любовью — так ведь в простом народе половое общение и называют “любовной связью”, “любовной жизнью”; еще говорят: “заняться любовью”, т. е. вступить в половое общение. Конечно, есть любовь и любовь. Есть любовь примитивная, ущербная, неполная и есть

[1] О любви как одной из форм «делания» бессмертия см. выше, п. 13.4, стр. 308.

любовь высокая, полная, настоящая. **Вообще любовь такова, каков человек**. И если мы всякого человека, каким бы он ни был, называем человеком, то и его половые отношения, какими бы они ни были, мы должны называть любовью.

ЛЮБОВЬ-СЕКС. Проблема любви и половых отношений приобрела в последнее время заостренную форму: как проблема любви и секса. Любовь и секс порой резко разделяют и даже противопоставляют. Конечно, если под любовью понимать только чувство, то, безусловно, любовь и секс — разные вещи. Если же любовь понимать как деятельность (в аспекте полового общения мужчины и женщины), то становится очевидным, что такая любовь необходимо предполагает секс. Ведь что такое секс, как ни поведение, связанное с удовлетворением половой потребности. А разве половая любовь возможна без полового влечения и действий, направленных на его удовлетворение? Нет, конечно.

(**Примечание**. Половая потребность — очень сложная категория. В своей основе она является органической подобно потребности в пище. Именно в этом качестве она вызывает поллюции у людей, воздерживающихся от половой жизни. И именно это ее качество заставляет многих людей в отсутствии полового партнера заниматься [осознанно или неосознанно] мастурбацией, т. е. самоудовлетворением. У человека половая потребность помимо этой органической основы имеет много других составляющих. Она духовно осмыслена, эмоционально насыщена, эстетизирована, встроена в культуру общения, в физическую культуру и т. д. Соответственно, удовлетворение половой потребности — весьма сложный процесс, далекий от простой органики, с той или иной степенью изощрения).

Некоторые утверждают еще, что секс возможен без любви, что удовлетворение половой потребности не всегда можно назвать любовью. Да, действительно, бывает так, что вступающие в половой контакт не называют свои отношения любовью и даже стыдятся называть их любовью. Но от этого любовь не перестает быть любовью. Миллионы людей любят и при этом никогда не употребляют слово “любовь”. (Это примерно так же, как все говорят прозой, но лишь немногие знают об этом.)

Если половое поведение исходит от человека и направлено на человека же (на противоположный пол), то оно всегда не просто секс, не просто физические действия, манипуляции, а любовь, человечески осмысленная, в той или иной степени одухотворенная, окрашенная человеческими чувствами сексуальность. Чисто по животному человек не может любить, как бы он этого ни хотел; он не может отринуть от себя свою человеческую природу. **Всякий секс человечен и потому заслуживает названия человеческой любви**.

Неправы те, которые под сексом понимают чистую физику половых отношений. Человек целостен в своих жизненных проявлениях и поступает всегда не только как животное, биологическое существо, но и как существо духовное, нравственное, социальное. Да, секс — физика, но не как нечто самодовлеющее, а как часть любовных, человечески любовных отношений мужчины и женщины, как *физическая сторона* их любви. Бывают, конечно, случаи, когда любовь и секс рассматривают в аспекте известного противопоставления любви настоящей, полноценной, духовно богатой и любви ущербной, духовно бедной, приближающейся к чисто животным отношениям. Мир любви так же велик и многообразен, как и мир человека, и существует столько же видов любви, сколько людей.

В сексе есть своя поэзия, своя эстетика и даже своя духовность! Сам по себе секс не виноват в том, что он бывает груб, примитивен, неэстетичен, бездуховен. Именно от людей зависит его качество. Грубые, примитивные натуры и секс делают таким. Напротив, умные, духовно развитые люди, ценящие физику отношений, и секс делают интеллектуально насыщенным, эмоционально богатым, изощренным, настоящим праздником-пиршеством жизни.

ЦЕННОСТЬ ЛЮБВИ ДЛЯ ЖИЗНИ. Существуют две крайности в оценке любви как фактора жизни.

Есть люди, которые пренебрежительно относятся к ней или считают ее необязательной для жизни. Их можно только пожалеть. Они лишают себя существенной части жизни. Большинство этих людей так или иначе влюбляются, увлекаются и занимаются сексом. Но всё равно, они не дорожат лю-

бовью и поддаются ее чарам как бы нехотя, удовлетворяют свои любовные желания в самом простом, примитивном варианте. Между тем любовь — мощнейший двигатель-фактор жизни, благодаря которому и другие ее стороны и сама она в целом, обретают смысл-значение, обогащаются, расцвечиваются тысячами красок. Под лучами любви всё представляется в самом лучшем свете, сама жизнь не только обретает смысл, но и становится постоянным источником радости-наслаждения. Любящий человек предрасположен к добру, к гармоничным отношениям с другими людьми, вообще со всем миром. Любящий человек, безусловно, любит природу, животных, растения. Любящий человек любит себя, свое тело и душу, свою любовь, хочет соответствовать ей, ее чарующей красоте-гармонии, хочет быть лучше, учиться, совершенствоваться, творить, созидать, дерзать, быть достойным предмета любви (любимой или любимого).

Любовь имеет величайшую ценность благодаря тому, что она является одним из самых сильных источников положительных эмоций, наслаждения и радости. А значение положительных эмоций трудно переоценить. Они ободряют, мобилизуют и, с другой стороны, смягчают действие разных стрессоров. Если положительных эмоций мало, то жизнь постепенно превращается сначала в прозябание, пустое существование, а затем в самый настоящий ад.

Без любви, без любовных утех человек лишается значительной части положительных эмоций. Он может стать из-за этого мизантропом, психопатом, быстро увядать, дряхлеть, стареть...

Если любовь служит злу, то это для нее *привходящее* обстоятельство. Сама по себе любовь не является ни вампом, ни убийцей... Ее нельзя ни демонизировать, ни представлять эдаким сладким ядом. В большинстве случаев любовь *нормальна*, т. е. такая, какой она *должна быть* или *имеет место* у мужчин и женщин.

Сама любовь внутри себя — целый мир, восхитительный и прекрасный!

Другая крайность в оценке любви: ее абсолютизация. Эта

абсолютизация может носить разный характер. Для молодых любовь может быть равна жизни, и они порой ставят вопрос ребром: если нет любви, то не стоит жить (без любви нет жизни). Сколько из-за этого драм и трагедий! Сколько искалеченных жизней, самоубийств! Художественная литература переполнена подобными сюжетами. Вспомним хотя бы трагедию Шекспира "Ромео и Джульетта". **Любовь стоит того, чтобы ради нее жить, но она не стоит того, чтобы из-за нее умирать.**

Еще одна абсолютизация любви: когда ради любви человек жертвует не жизнью, а другими существенными ее сторонами, например, любимым делом, творчеством... Погружение в любовь порой затмевает всё остальное. Человек становится рабом любви, превращается в сексуальную машину, в тряпку, растрачивает свою жизнь на любовные похождения или становится подлецом, нравственным уродом, преступником, убийцей.

Своеобразной абсолютизацией любви является также проповедь всеобщей любви, когда ее ставят в центр индивидуальной и общественной жизни. Выше я критиковал такую абсолютизацию любви в творчестве Толстого.

Итак, кто слишком много внимания уделяет любви, тот, как правило, становится ее жертвой. Погружение в любовь также опасно, как и бегство от любви. Вообще очень важно, с одной стороны, сознавать жизненную важность любви, а с другой, не переоценивать ее значение.

Самоценность любви. Нужно иметь в виду, что любовь относительно независима как от любящего, так и любимого, т. е. от субъекта и объекта любви. Ее относительная независимость от любящего проявляется в том, что она может застать его врасплох или возникнуть даже вопреки его воле и разуму. Ее независимость от объекта любви проявляется в том, что конкретный объект может быть не самым лучшим вариантом и, более того, как в поговорке "любовь зла, полюбишь и козла", объект может быть просто ничтожным или опасным для любящего. Чтобы любовь не застала человека врасплох и не диктовала ему своих условий, он должен готовиться к ней, наби-

раться опыта, учиться распознавать возможную любовную лихорадку и тех “любимых”, от которых ему надо держаться подальше.

ЛЮБОВЬ: НОРМА, ОТКЛОНЕНИЯ, ПАТОЛОГИЯ. Любовь как род деятельности в своей основе нормальна и в то же время допускает различные отклонения от нормы вплоть до патологии. Есть определенная трудность в оценке того, что является нормальным в любви, а что ненормальным.

По всей видимости, нормальная любовь — это половая любовь (между мужчиной и женщиной), которая поддерживает, гармонизирует, совершенствует настоящую их жизнь и воспроизводит новую. Короче: нормальная любовь — взаимная, разделенная любовь между мужчиной и женщиной.

Не следует думать, что нормальная любовь одинакова для всех, что она — образец идеальной любви, которой должна соответствовать реальная любовь.

Нормальная любовь едина и многообразна, типична и индивидуальна, серийна и уникальна. Она нормальна как нормален здоровый человек. Если здоровье для нас — непререкаемая ценность, то и нормальная любовь — такая же ценность.

Норма в любви — это мера, середина между крайностями, единство и динамическое равновесие противоположностей. Так — в общем и целом. Конкретно же норма флуктуирует в ту или иную сторону. Она по своей сути статистична. Поскольку нет идеальной середины, идеального равновесия, постольку нет и идеальной любви. Реальная любовь всегда чуточку отличается от того, что мы представляем как идеальное. И она разная у разных людей.

Нормальным является не только равенство полов, но и некоторое доминирование одной из сторон. Нормально не только равновесие духовного и физического, но и некоторое преобладание того или другого. У одних может быть более выражено эстетическое (дистантное) начало любви, у других — чувственно-осязательное (контактное).

Нормально различие спокойной и страстной любви. Вполне допустимо-терпимо различие любви с эгоцентрическим уклоном (когда человек любит больше себя, чем другого) и

любви с альтруистическим уклоном (когда человек больше любит другого, чем себя). И т. д., и т. п.

Ненормальная любовь — это всякая иная любовь.

Ненормальна безответная, неразделенная любовь, поскольку в ней жажда гармонии и счастья не реализуется. Ненормальна любовь наедине. Это то, что называют самоудовлетворением. Последнее может протекать в двух формах: в виде самопроизвольного удовлетворения полового желания, поллюции, либо в виде мастурбации, осознанных действий по самоудовлетворению.

Ненормально изнасилование. Ненормальна однополая любовь (гомосексуализм). Ненормально удовлетворение полового желания с помощью животных, мертвых и т. п. Ненормальна виртуальная любовь (по интернету).

Напомню, суть половой любви в том, что она представляет собой ***гармоническое противоречие*** и как таковая основана на ***противоположности*** полов. Без этого противоположения нет настоящей, нормальной любви. Самоудовлетворение, однополая "любовь" (гомосексуализм), изнасилование, удовлетворение полового желания с помощью животных, виртуальная любовь и т. д. — лишь тени, бледные копии, суррогаты любви. Они ненормальны именно потому, что представляют собой деформацию любви как гармонического противоречия. Например, сколько бы ни лелеяли, ни восхваляли гомосексуалисты свою "любовь", она всегда будет оставаться деланной, искусственной, основанной лишь на некотором подобии половой противоположности. Вследствие этого она всегда будет "любовью" сексуальных меньшинств, т. е. исключением из правила. Преувеличенное внимание к этой любви в современном обществе — временное явление, своеобразные издержки сексуальной революции.

Или виртуальная любовь (по интернету). Она может быть хороша, если является прелюдией или дополнением к живой любви. И она, безусловно, ненормальна, если замещает последнюю.

Чисто духовная любовь к противоположному полу (неразделенная или виртуальная), безусловно, лучше, чем безлюбое состояние (пустота чувств). Более того, она может быть по-

лезна в общем контексте жизни, как своеобразный любовный тренинг и как стимул к творчеству, к самосовершенствованию. Тем не менее, человек должен сознавать недостаточность такой любви, не зацикливаться на ней, стремиться к полноценным любовным отношениям.

То же можно сказать о самоудовлетворении. Оно лучше, чем ничего, но хуже нормальных половых отношений.

Ненормальная любовь — не обязательно патология. Она становится таковой лишь при определенных условиях, а именно: либо в результате психического заболевания, либо как следствие преступных действий.

ЛЮБОВЬ И БРАК. Половая любовь — основа брака. Тем не менее нельзя категорично утверждать, что брак по любви во всех случаях лучше брака по расчету. Любовь — необходимое условие брака, но не единственное. Для брака нужны и другие условия: жилищные, финансовые, единый подход к детям, человеческое взаимопонимание... Поэтому не должно быть противопоставления брака по любви и брака по расчету. Он должен быть и по любви, и по расчету!

Бывают случаи, когда девушка-женщина выходит замуж не по любви, вынужденно (по расчету или по принуждению). Здесь возможны два сценария развития событий:

1) лучший — когда супруги могут постепенно придти к взаимной любви, и

2) худший — когда брак превращается в пытку. В этом случае не следует испытывать судьбу, а нужно без промедления разойтись.

Следует иметь в виду, что современный брак принципиально отличается от того, который был еще сто лет назад. Особенно это касается супружеской жизни в больших городах.

Во-первых, появился так называемый *пробный брак* (когда молодые в течение достаточно длительного времени живут как муж и жена без оформления брачных отношений).

Во-вторых, широкое распространение получил так называемый *гражданский брак* (когда мужчина и женщина живут вместе как сожители, опять же без юридического оформления брачных отношений).

В-третьих, меняется характер супружеских (внутрибрачных) отношений. На смену строгому единобрачию (с отдельными, более или менее случайными супружескими изменами) приходит полулегальная форма брака «с прицепом» (брак + + внебрачные любовные отношения). Все больше жена для мужа перестает быть единственной женщиной, т. е. переходит в разряд главной, но не единственной женщины. Постепенно и муж для жены перестает быть единственным мужчиной, а приобретает статус главного (но не единственного) мужчины. В строгом смысле моногамия (единобрачие) канула в лету.

В-четвертых, скорее правилом, чем исключением становится череда-цепь браков в течение жизни (брак-развод-брак...). Иными словами, если рассматривать брак во времени, то он фактически стал полигамным.

Все эти изменения института брака, как мне представляется, не являются результатом падения нравов. Идет глубинный процесс либерализации правил жизни, расширяется сфера свободы человека, в том числе и сфера свободы любовных, сексуальных отношений. Институт брака лишь приспосабливается к этому изменению любовных отношений.

13.11. Человеческий смысл творчества

Как уже говорилось, смысл жизни человека — в любви и творчестве. В любви человек воспроизводит себя как *живое* существо. В творчестве он воспроизводит себя как *культурное* животное. Как таковое он не только потребляет культуру, но и создает, творит ее. Производство культуры, создание духовных или материальных благ и есть то, что обычно называют творчеством. Ученые вырабатывают знания, художники создают произведения искусства, новую эстетическую реальность, изобретатели создают новые предметы, которые увеличивают сумму материальных и духовных благ в обществе. Во всех трех случаях люди ощущают себя не только потребляющими, но и творящими. Не случайно во многих религиях идея Бога-творца является основной. Слово **творец** имеет вели-

чайшую ценность для человека. Творчество в целом обеспечивает прогресс жизни, делает человека более свободным, независимым. Человеческое стремление к бессмертию, вечности, бесконечности реализуется в творчестве. Вот почему любовь и творчество составляют сущность человека.

Какую профессию выбрать?

Во-первых, зачем надо осваивать какую-либо профессию?

В современном обществе в результате исторически сложившегося разделения деятельности существует множество профессий: от самых простых до самых сложных. Если человек хочет чего-либо достичь, он должен освоить ту или иную профессию. И чем большего он хочет достичь, тем больше он должен затратить сил на освоение профессии. Отсутствие профессии у взрослого человека означает, что он либо паразит (живет за счет своих родственников), либо способен только к простейшей работе (чернорабочего, уборщика, грузчика, носильщика и т. п.). В том и другом случае человек ничтожен, в буквальном смысле, находится на дне жизни.

Во-вторых, чем надо руководствоваться при выборе профессии? Советом близких, знакомых, интуицией, произвольным решением (случайным предпочтением), исследованием и размышлением?

Некоторые руководствуются советом близких (отца, матери и т. д.). В этом случае есть опасность необретения/потери своего «я». Ведь важнейшее качество взрослого человека — самостоятельность. Чаще всего выбор профессии по чьему-либо совету — это несамостоятельный, инфантильный выбор. Пользоваться советом других можно лишь при условии, если человек *сам* много размышлял, исследовал и колеблется в выборе. При равенстве альтернатив совет других может склонить чашу весов в пользу одной из альтернатив. В таком случае совет играет примерно ту же роль, что и случайное предпочтение (как при бросании жребия).

При исследовании и размышлении нужно подумать вот над чем:

1. Что такое я, что такое жизнь, для чего я живу, в чем смысл жизни? Зачем вообще нужно выбирать? Нужно ли ставить цель жизни?

2. От чего зависит выбор профессии? *Слагаемые выбора*: субъективные и объективные факторы, опыт предшествующей жизни.

Субъективные факторы: особенности психики, телесной организации, характера, мышления. Человек должен себя знать, какой он, чем отличается от других людей и в чем сходство с ними, в чем его сходство и различие с людьми разных профессий.

Объективные факторы: жизнь в данное время, в данном месте, в данной семье, стране. Человек должен иметь как можно больше информации о разных профессиях и тенденциях в развитии общества.

Опыт жизни: детские впечатления, увлечения и занятия, например, впечатления о работе врача или занятия музыкой, жизнь в семье музыкантов, творческие династии (как в цирке).

3. Как попробовать профессию, побывать хотя бы немного «в шкуре» профессионала?

Глава 14. Гуманизм, либерализм и свобода

14.1. Гуманизм — философия человечности

1. Гуманистическая философия — умонастроение *мыслящих* людей, *осознанная установка на человечность без границ*.

2. Человечность — безотчетный, непосредственный, стихийный гуманизм. Гуманизм — осознанная, осмысленная человечность.

3. Гуманизм исходит из того, что Человек рожден Природой и Обществом, но как Особая реальность, а не как природное или социальное существо.

4. С точки зрения гуманизма человек для человека — высшая ценность. Эта ценность приоритетна по отношению ко всем другим ценностям: материальным или духовным, природным или социальным.

5. Кто унижает достоинство других, тот сам обладает невысокими достоинствами.

6. Для гуманиста человек ценен сам по себе, как таковой, уже в силу своего рождения. Гуманист изначально положительно относится к человеку, каким бы этот человек ни был, законопослушным или преступником, мужчиной или женщиной, соплеменником или другой национальности, верующим или неверующим.

7. Будем лучше думать о людях, и они на самом деле станут лучше.

8. Гуманист осмысляет свое я в масштабах всего человечества. Гуманизм — своего рода лифт, соединяющий человека и человечество, поднимающий человека от его “я” до “мы” всех людей.

9. Гуманизм признает многообразие и единство человечества как равноценные данности. Признавая многообразие человечества, гуманизм выступает против попыток уменьшить это многообразие путем насилия или принуждения. Признавая же единство человечества, гуманизм выступает против попыток разорвать это единство, изолировать какую-то часть людей от остального человечества.

10. В споре индивидуализма с коллективизмом гуманизм занимает позицию третейского судьи. Он выступает как против крайнего коллективизма, ущемляющего индивидуальную свободу человека, так и против крайнего индивидуализма, игнорирующего или ущемляющего свободу других (всеобщую свободу).

11. Приверженец гуманизма осмысляет человечность как фундаментальную ценность, независимо от своей сословной или иной групповой принадлежности. Гуманизм ориентируется на конкретного, "вот этого" человека, на индивидуума, на человека как *уникальное* явление. В самом деле, как только мы думаем о человеке по принадлежности, как представителе той или иной социальной группы, общности, тут же испаряется индивидуальная составляющая человека, исчезает его уникальность, а это уже неполный, частичный, обобщенный, унифицированный человек. Гуманизм напрочь отвергает такое представление. В этом его коренное отличие от национализма, коммунизма, религиозного фундаментализма...

12. Коммунизм, долгое время рядившийся в тогу гуманизма, по своей сути антигуманен. Его можно квалифицировать как стыдливый антигуманизм. *Идеология классового подхода преступна*, *антигуманна* как антигуманны расизм, шовинизм, религиозный фанатизм и тому подобные идеологии, умонастроения, оценивающие людей по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе, общности.

13. Ученые-социологи исследуют человека как представителя той или иной социальной группы. Они абстрагируются от всей полноты человека для лучшего его анатомирования. Политики ориентируются в своих предпочтениях на те или иные группы людей. В том и другом случае человек рассматривает-

ся по принадлежности, не как субъект, а как предикат-объект. Известны и другие случаи (например, в медицине), когда человек рассматривается подобным же образом. Все эти случаи частичного рассмотрения-оценки человека оправданы и оправданы в той мере, в какой они не противоречат гуманизму. Гуманизм — тот узел, который связывает всех людей как людей, а не как представителей той или иной социальной группы. Гуманизм как бы говорит социологам: анатомируйте, препарируйте человека, но помните: вы имеете дело с неполным человеком; ваши исследования имеют только частичное значение. То же он говорит политикам, государственным служащим, экономистам, медицинским, социальным работникам: ваша деятельность важна для человека, но она все же имеет лишь частичное значение для него.

14. Человек всегда свободен; он изначально обладает каким-то минимумом свободы просто как живое существо; в то же время в нем заложено стремление к большей свободе, причем безграничное стремление. Отсюда все проблемы.

15. С точки зрения гуманизма человек как явление земной жизни **самодостаточен**. Если он и зависит от чего-либо, то не от каких-то потусторонних, сверхъестественных, надчеловеческих сил, а от среды обитания.

16. Естественным продолжением гуманизма применительно к природе является ***экогуманизм***. В основе экогуманизма лежит бережно-любовное отношение к среде обитания. Это и любовно-уважительное отношение к нашим меньшим братьям, животным, и охрана окружающей среды, и посильное воссоздание утраченных элементов природы, и совершенствование культурной среды, второй природы, созданной трудом человека. (См. подробнее ниже, п. 15.19, «Экогуманизм», стр. 455).

17. Если говорить о мире в целом, то он, безусловно, не является только средой обитания человека. Мир необъятен и как таковой не подчиняется человеку.

Гуманизм имеет свои границы; он не претендует на вселенство, на антропоцентризм, на то, чтобы человек рассматривался как центр Вселенной; он лишь указывает, что человек для человека — высшая ценность.

Утверждая достоинство человека, гуманизм в то же время выступает против возвеличивания, обожествления человека. Гуманизм и высокомерие несовместимы.

18. В споре науки и религии, мистики, паранауки гуманизм берет сторону науки. Наука дает знания, без которых человек слеп и беспомощен.

19. Гуманизм не приемлет крайностей рационализма и иррационализма.

Рационализм склонен абсолютизировать порядок; для него порядок может быть выше человека. Иррационализм, напротив, — в форме мистики, полумистики, любви к паранормальному и анормальному — склонен к анархии, пренебрежительно относится к порядку, и, в конечном счете, к ценностям нормальной человеческой жизни.

И пренебрежение разумом, и ориентация только на разум нечеловечны, а то и бесчеловечны.

20. Человеколюбие — это любовь к человеку как таковому, как живому существу. Оно предполагает и любовь к себе, и любовь к ближним и дальним, т. е. к подобным себе, ко всему человечеству.

Человеколюбие не исключает в отдельных случаях неприязненного отношения к конкретному человеку. Но в любом случае человеколюбивый человек не знает ненависти, презрения, пренебрежения к людям. Для него дурно поступающий человек скорее достоин жалости, чем ненависти, презрения.

21. Главное в гуманизме — не забота о человеке, не любовь к человеку, а *уважение* к человеку. Забота — это уже другое... Заботятся родители о детях, здоровые о больных, сильные о слабых. Забота может быть оскорбительна и даже вредна.

22. Для гуманиста ориентиром морального и, соответственно, правового поведения является ***золотое правило*** *(не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе; поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой)*.

Золотое правило поведения — главный принцип человеческого общежития, основа человечности.

23. Гуманизм противоречив в своей основе. С одной стороны, он выступает за равенство всех людей, т. е. с его точки

зрения все люди — человеки. С другой, он предоставляет каждому человеку право быть лучшим, быть **Человеком** с большой буквы.

24. Закон жизни: если хочешь *жить* лучше, то должен и *быть* лучше.

25. Идеал выражает стремление человека к совершенству и совершенному. Поскольку совершенствование беспредельно, постольку и идеал кажется недостижимым. Тем не менее человек, не останавливающийся на достигнутом, всегда стремится к идеалу.

26. Жизнь человека священна. Всякий покушающийся на неё должен знать: убивающий других людей — убивает себя.

14.2. Либерализм

В последние века идея прогресса в деле свободы как *политическая* идея стала знаменем мощного течения общественной мысли — *либерализма*[1]. Последний можно охарактеризовать как духовное течение, провозглашающее свободу высшей ценностью жизни, а движение к большей свободе — насущной задачей государственных и иных институтов.

Понятие либерализма нужно очистить от наслоений, порожденных ограниченными мнениями о свободе и мнениями, не относящимися собственно к либерализму как идеологии свободного человека.

Либерализм нельзя связывать ни с мягкотелостью-бесхарактерностью, ни с попустительством-вседозволенностью. В самоназвании либерализма нет ничего, что указывало бы на эти человеческие качества и действия. Свобода, как будет показано ниже, отнюдь не исключает твердости характера и ответственного поведения. Напротив, она предполагает их.

Тот, кто ругает либерализм, либо не дает себе труда разобраться в значении термина, либо — противник человеческой свободы. Отношение к либерализму — лакмусовая бумага прогрессивности или реакционности воззрений того или иного политического деятеля.

---

[1] От лат. liberalis — свободный.

Либерализм предполагает развитое и дифференцированное представление о свободе. Каждой сфере деятельности соответствует определенный вид свободы:

свободомыслие или свобода мышления
свобода убеждений
свобода совести
— свобода вероисповедания
свобода воли
социальная свобода
политическая свобода
— свобода слова, информации
— свобода собраний
— свобода объединений
— свобода передвижения
— свобода местожительства
экономическая свобода
— свобода предпринимательства
— свобода собственности
— свобода торговли
— свобода конкуренции
творческая свобода
— художественная свобода
— свобода научного творчества, исследования
— философская свобода
свобода любви
— сексуальная свобода.

Из этого далеко не полного перечня свобод можно видеть, что либерализм не является сугубо политическим движением. Он — движение всех тех, кто стремится к большей свободе.

Конечно, не все виды свободы охватываются понятием либерализма. Либерализм касается прежде всего и главным образом *межчеловеческих* отношений, жизни человека *в обществе*, *среди людей*. Но он положительно относится ко всем другим свободам, выходящим за рамки чисто межчеловеческих отношений (технических свобод или свобод по отношению к природным объектам: свободы полета, свободы выхода в космос и т. д.). Кроме того, есть такие виды свободы, которые предполагают не только свободу межчеловеческих отношений, но и вообще свободу человека (по отношению к при-

роде, миру). Возьмем, например, свободу передвижения. Ее компонентами может быть и политическая возможность передвижения, и экономическая, и техническая возможности передвижения. Экономическая и техническая возможности передвижения зависят не столько от межчеловеческих отношений, сколько от уровня технического развития средств передвижения и от общего уровня благосостояния людей. Из указанных к собственно либерализму относится лишь политическая составляющая свободы передвижения. Однако, либерализму не безразличны и другие составляющие этой свободы, поскольку политическая свобода передвижения — пустой звук, если отсутствуют экономическая и техническая возможности передвижения. Вообще либерализму небезразличен научно-технический, материальный прогресс, расширяющий пределы материальной, творческой свободы и тем самым служащий основой расширения свободы межчеловеческих отношений.

В марксистской философии либерализм как течение общественной мысли однозначно связывался с классом буржуазии. В Философском энциклопедическом словаре (М., 1983) читаем: "Либерализм, идейно-политическое движение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя и буржуазных "свобод" в экономич., политич. и др. сферах". Такое понимание либерализма по крайней мере дважды ошибочно. Во-первых, из-за весьма упрощенной модели социальной стратификации[1], выражающейся в теории классов, в частности, теории деления общества на класс буржуазии и класс пролетариата. Эта теория "укладывает" либерализм и иные общественно-политические движения в прокрустово ложе одного "класса". Во-вторых, в самоназвании либерализма нет ничего специфически буржуазного. Можно говорить об ограниченности какого-либо вида либерализма, но оценивать весь либерализм как буржуазный — грубая логическая ошибка.

Либерализм нельзя также изображать как "убеждение, стремящееся избавиться от традиций, обычаев, догм и т. д." (см.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 241).

[1] Здесь стратификация (лат. stratum слой + facere делать) — разделение общества на страты, слои.

Во-первых, либерализм не является негативным течением, которое только и стремится от чего-либо избавиться.

Во-вторых, нельзя традиции, обычаи, умственные стереотипы огульно зачислять в разряд того, от чего должен избавиться свободный человек. Сами по себе обычаи, традиции, стереотипы мышления и поведения как формы регулирования человеческих отношений, ни плохи, ни хороши. Более того, они занимают важное место в этом регулировании. Речь может идти лишь о *некоторых* обычаях, традиция, стереотипах, а именно о тех, которые устарели и мешают человеку в его движении к большей свободе. Либералу не к лицу отказываться от старого потому только, что оно старое, и поддерживать новое потому, что оно новое.

В своем естественном виде, по самоназванию, изначально либерализм вполне согласуется с *гуманизмом*. Более того, либерализм и гуманизм *соразмерны* друг другу. Не может быть либерализма без гуманизма, а гуманизма без либерализма. Гуманизм — это либерализм, взятый в аспекте человечности, либерализм — это гуманизм, взятый в аспекте свободы. Если называющий себя либералом выступает с негуманных или антигуманных позиций, то это не либерал в подлинном смысле. Если называющий себя гуманистом ругает либерализм, то он либо не понимает сути либерализма, либо не является по-настоящему гуманистом.

В самом деле, для либерала свобода — высшая ценность. И он уважает ее не только в себе и для себя, но и в других и для других. Если, допустим, человек признает свободу лишь для себя или для немногих, то этим он фактически отрицает её, поскольку свобода “в себе и для себя” носит весьма ограниченный (частный, не всеобщий) характер. Быть свободным среди рабов, в окружении рабов — нонсенс. Один умный человек сказал: «Если Вы наденете цепь на шею раба, другой ее конец захлестнет Вашу собственную». Давно подмечено, что тюремщик, охраняющий заключенного, во многом тот же заключенный. **По-настоящему свободным можно быть только среди свободных.** Поэтому истинный либерал ценит не только свою свободу, но и свободу других. Следовательно, он по определению человечен, гуманен.

Либералу, безусловно, близка формула, которую вывел в свое время Т. Гоббс: «*человек должен... довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе*»[1]. Эта формула — парафраз золотого правила поведения, и она прекрасно иллюстрирует связь свободы с человечностью, либерализма с гуманизмом. Либералу не чужд и другой парафраз золотого правила: "Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные"[2]. Этому правилу следуют старатели на Амазонке. В их среде практически отсутствует воровство.

В либералы порой записывались те, кто по сути был *недо*либералом, кто весьма ограниченно представлял свободу (как независимость от обычаев, традиций, как индивидуальную свободу). Эти *недо*либералы породили мнение, что либерал — законченный индивидуалист, стремящийся к замкнутости, самоизоляции. Что можно здесь сказать? Безусловно, это мнение ошибочно. Свобода по самой своей сути открыта, ничего общего не имеет с замкнутостью и изоляционизмом. Свободное общество — открытое общество. Свободный человек — открытый человек (для общения, взаимодействия, сотрудничества с другими). Трудно представить либерально настроенного человека этаким бирюком, мизантропом, сторонящимся других людей или живущим по принципу "моя хата с краю, ничего не знаю".

В споре индивидуализма с коллективизмом либерализм занимает позицию третейского судьи. Он выступает как против крайнего коллективизма, ущемляющего индивидуальную свободу человека, так и против крайнего индивидуализма, игнорирующего или ущемляющего свободу других (всеобщую свободу).

Особенность либерализма как общественного явления состоит в том, что он выступает не просто за свободу и не просто за свободу всех, а за б***о***льшую свободу, за *прогресс* в деле свободы. Поэтому в конкретной ситуации либерализм может вызывать неприятие и даже отторжение со стороны консерва-

[1] *Гоббс Т.* Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1991. С. 99.
[2] Из фильма Жака Ив Кусто 1984 г. о золотых приисках в бассейне Амазонки.

торов, всех тех, кто боится свободы, большей самостоятельности и независимости.

Поскольку прогресс в деле свободы предполагает изменения, либерал изначально, по определению настроен на реформирование, преобразование общества, порядков в сторону большей свободы.

Либерал может быть и консерватором, если на завоеванные свободы, на достигнутый уровень свободы покушаются, добиваются изменений не в пользу, а во вред свободе. Либерал не только провозвестник, делатель свободы, но и ее защитник, хранитель. Как провозвестник, делатель свободы он — прогрессист, реформатор и даже революционер. Как хранитель, защитник свободы он — консерватор.

Поскольку в основе идеологии либерализма лежит понятие свободы, именно от трактовки этого понятия в значительной степени зависит понимание сути либерализма.

14.3. Свобода

Выше, на стр. 243 (п. 11.3) свобода характеризовалась как категория возможности, представляющая собой органическое единство (взаимоопосредствование) случайности и необходимости. (См. там же диаграмму категории “возможность”, рис. 17).

Если случайность определяет многообразие возможностей, а необходимость — их единообразие, то свобода есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

Противоположные взгляды на свободу

В истории философии можно наблюдать две взаимоисключающие точки зрения на понятие свободы. Одни философы (например, Спиноза, Гольбах, Гегель) сближают это понятие с понятием необходимости; они либо отрицают наличие в свободе элемента случайности, либо преуменьшают его значение.

Свое крайнее выражение такая точка зрения получила у Гольбаха. «Для человека, — писал он, — свобода есть не что

иное, как заключенная в нем самом необходимость»[1]. Более того, Гольбах считал, что человек не может быть в подлинном смысле свободен, так как он подчинен действию законов и, следовательно, находится во власти неумолимой необходимости. Чувство свободы, писал он, — это «иллюзия, которую можно сравнить с иллюзией мухи из басни, вообразившей, сидя на дышле тяжелой повозки, что она управляет движением мировой машины, на самом же деле именно эта машина вовлекает в круг своего движения человека без его ведома»[2].

Другие философы, напротив, противопоставляют понятие свободы понятию необходимости и тем самым сближают его с понятием случайности, произвола.

Американский философ Герберт Дж. Мюллер пишет, например: «Говоря просто, человек свободен постольку, поскольку он может по собственному желанию браться за дело или отказываться от него, принимать собственные решения, отвечать «да» или «нет» на любой вопрос или приказ и, руководствуясь собственным разумением, определять понятия долга и достойной цели. Он не свободен постольку, поскольку он лишен возможности следовать своим склонностям, а в силу прямого принуждения или из боязни последствий обязан поступать вопреки собственным желаниям, причем не играет роли, идут эти желания ему на пользу или во вред»[3].

Подобное понимание свободы (по принципу «что хочу, то и делаю») мы находим и в немецком философском словаре[4], и в "Краткой философской энциклопедии"[5]. Гегель по этому поводу справедливо заметил: «Когда мы слышим, что свобода

---

[1] *Гольбах П.* Избр. произведения в 2-х т. Т. 1. 1963. С. 237.
[2] *Гольбах П.* Система природы. М., 1940. С. 105.
[3] *Мюллер Г. Дж.* О свободе. — Журн. «Америка», № 89. С. 24.
[4] См.: *Шмидт Г.* Философский словарь / Пер. с нем., М., 1961. С. 523.
[5] "**Свобода** — возможность поступать так, как хочется". — Это скорее определение не свободы, а своеволия. *Тацит* по этому поводу хлестко сказал: "Лишь глупцы называют своеволие свободой". Ср. *Хейз*: "Возможность делать все, что нам угодно — не вольность и не свобода, скорее это оскорбительное злоупотребление истинной свободой" (См.: Афоризмы. (По иностр. источникам. М., 1966. С. 61).

состоит в возможности делать все, чего хотят, мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли»[1].

А вот остроумное замечание из сборника тюремных афоризмов: делай, что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем.

Очень непросто, конечно, осознать присутствие в свободе обоих моментов: случайности и необходимости. Рассудочная мысль бьется в тисках «или». В марксистской философии несмотря на то, что все считали себя диалектиками, существовала какая-то случайнобоязнь при оценке и характеристике свободы.

Как это ни парадоксально, но свобода необходимо предполагает случайность, невозможна без нее. Еще Аристотель отметил, что отрицание реального существования случайности влечет за собой отрицание возможности выбора в практической деятельности, что абсурдно. «Уничтожение случая, — писал он, — влечет за собой нелепые последствия... Если в явлениях нет случая, а все существует и возникает по необходимости, тогда не пришлось бы ни совещаться, ни действовать для того, чтобы, если поступать так, было одно, а если иначе, то не было этого»[2].

О так называемом парадоксе свободы

К. Поппер следующим образом описывает этот парадокс: “Так называемый *парадокс свободы* показывает, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, так как дает возможность задире поработить кротких. Эту идею очень ясно выразил Платон, хотя несколько иначе и совершенно с иными целями”[3].

---

[1] *Гегель*. Соч. Т. 1. С. 44. См. также ниже, п. “О так называемом парадоксе свободы”.

[2] См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 70.

[3] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 328. Примечание К. Поппера: “См. “Государство”, 562 b-565 c. См. также “Государство”, 565 c-d: ...)”

В другом месте К. Поппер пишет: “Этот парадокс (свободы — *Л.Б.*) может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех.”[1]

Как видим, К. Поппер следует И. Канту в понимании парадокса свободы. Между тем уже Гегель подверг критике указанный кантовский тезис. Он писал: “... нет ничего более распространенного, чем представление, что каждый должен *ограничивать* свою свободу в отношении свободы других, что *государство* есть состояние этого взаимного ограничения и законы суть сами эти ограничения. В таких представлениях, — продолжает он критику, — свобода понимается только как случайная прихоть и произвол”[2].

В самом деле, если свободу понимать только в негативном смысле, как то, что надо ограничивать, она неизбежно сближается с прихотью-произволом[3]. Свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и ***допускается***. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из

[1] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 56. См. также: С. 145.

[2] *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 353-354 [§ 539].

[3] Именно такое понимание свободы присутствует в известной французской легенде. В ней рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека.

взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*. Гегель, споря с Кантом, выступает против представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

Итак, **на самом деле** нет никакого парадокса свободы. Ведь неограниченной, абсолютной свободы не бывает (своеволие, произвол — не свобода; да и они имеют свои границы). Реальная свобода всегда ограничена и извне, и изнутри (извне: внешней необходимостью, обстоятельствами; изнутри: потребностями и долгом). А то, что в результате свободных выборов к власти может придти тиран-диктатор (как это было в 1933 году в Германии), говорит лишь о том, что свобода сама по себе не дает абсолютных гарантий самозащиты. Свобода всегда заключает в себе риск, в том числе крайний риск уничтожения самой себя. Свобода — это возможность, а возможность может содержать в себе и отрицание.

(По поводу же абсолютных гарантий чего-либо можно сказать: их не бывает **в принципе**! Касается ли это свободы, безопасности, успеха, выигрыша, долгой жизни и т. д.).

Свобода как возможность выбора

Весьма распространенным является представление о свободе как *возможности выбора.* И это вполне справедливо. В этом понятии свободы отчетливо можно видеть наличие обоих противоположных моментов — случайности и необходимости. Рассмотрим это на конкретном примере. Выбор профессии — жизненно важная проблема практически для всех людей. Он содержит оба момента. Необходимый момент — человек, становясь взрослым, *должен* определиться в выборе профессии, чтобы реализовать себя — здесь нет выбора.

Случайный момент — выбор именно этой, а не какой-нибудь другой профессии, специальности в зависимости от *случайных обстоятельств* (места, времени и т. д.) или от *случайности хотения*.

Органическое соединение необходимого и случайного при выборе профессии происходит тогда, когда этот выбор осуществляется *по призванию*.

Далее, можно видеть, что *необходимый* момент выбора находит свое выражение в двух категориях — категории *потребности* и категории *долга* (моральной ответственности). Категория потребности выражает *личностно необходимый* момент выбора (человек нуждается, испытывает настоятельную потребность в каком-либо роде деятельности или в каком-либо предмете, который он может «добыть» только с помощью труда). Категория долга (ответственности) выражает *общественно необходимый* момент выбора (человек обязан, должен работать, трудиться, чтобы не быть тунеядцем, иждивенцем, паразитом). И потребность, и долг *внутренне* необходимы для человека. Только потребность идет от биологических механизмов регуляции поведения, а долг — от социальных механизмов.

(*Кстати о свободе и ответственности*. Во-первых, нельзя все вопросы взаимоотношения свободы и необходимости сводить к проблеме взаимоотношения свободы и ответственности. Последняя — лишь одно из выражений необходимости. Во-вторых, не во всех случаях свобода органически связана с ответственностью, так сказать, дружит с ней. Бывают такие формы ответственности, которые делают человека несвободным. Например, ответственность за преступление-злодеяние, ответственность раба, крепостного, заключенного. Таким образом, есть ответственность, которую свобода предполагает, и есть ответственность, которая отрицает свободу в том или ином отношении.)

Выбор профессии по призванию как раз объединяет оба необходимых момента — личностно значимый и общественно значимый.

Этим необходимым моментам выбора соответствуют два *случайных* момента: *субъективный* — случайность хотения, и *объективный* — случайность обстановки, обстоятельств, и т. п. (например, случайность рождения, стечение обстоятельств).

Под случайностью хотения[1] я понимаю определенную дозу произвола, которая всегда присутствует в стремлениях и действиях человека. Например, человек выбрал профессию по призванию — стал музыкантом. Это — свободный выбор. И тем не менее, при определении конкретного рода музыкального исполнительства, а еще чаще, при определении конкретного места работы человек может руководствоваться случайными, не связанными с профессией, предпочтениями, в частности симпатиями или антипатиями к возможным сотрудникам, товарищам по работе, к начальству и т. п. Эти симпатии и антипатии могут быть совершенно случайны по отношению к избранному роду деятельности.

В свободе как возможности выбора отчетливо просматриваются *субъективный* и *объективный* моменты.

С *объективной* стороны возможность выбора означает, что есть что-то, из чего можно выбирать. Объективные возможности выбора весьма многообразны.

В древние времена свобода противопоставлялась рабству. Тот является свободным, кто не раб — говорится в Евангелии от Иоанна (8; 33). Видимо, этим же пониманием свободы руководствовался Аристотель, когда писал: “свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого”[2]. Любопытно, что почти также характеризует свободу Гегель: “свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютно другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам”[3].

А вот какие мысли высказал *заключенный* по поводу жизни на воле: “Люди на воле и не подозревают, что значит — ходить по земле, куда и как тебе самому заблагорассудится, не ожидая команд и не прислушиваясь к ним.

Люди на воле не ценят еще одного великого права — права выбора, которого начисто лишен раб, узник; из словаря сво-

[1] Выражение “случайность хотения” встречается у Гегеля (см. его “Энциклопедию философских наук”, т. 1, § 145). Так он определял содержание понятия “произвол”.

[2] *Аристотель*. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 69 (Метаф. 982b 25).

[3] *Гегель*. Энциклопедия философских наук. Т. 1, М., 1974. С. 153 (§ 138).

бодных людей не исчезло слово “или”, их поступки не подчинены чужой и злой воле” (См.: *Воробьев Е.З.* Земля, до востребования). Человек выходит из тюрьмы на свободу. Это значит, что перед ним открывается масса возможностей жить нормально, по-человечески. Обычно перед человеком открыты *широкие* возможности проявить себя, поступать в соответствии со своими желаниями и потребностями.

Способность выбора

С *субъективной* стороны возможность выбора означает *способность* выбора. Человек, несмотря на огромные возможности, которыми он располагает, может оказаться неспособным выбирать. Это происходит либо по незнанию, либо по слабости ума, воли, либо вследствие неумения.

Люди обладают разной степенью и разными видами способности выбора. Вероятно, *общая* способность выбора выражается в понятии «*самостоятельность*». Чем большей способностью выбора (в количественном и качественном отношении) обладает человек, тем он более самостоятелен (при прочих равных условиях).

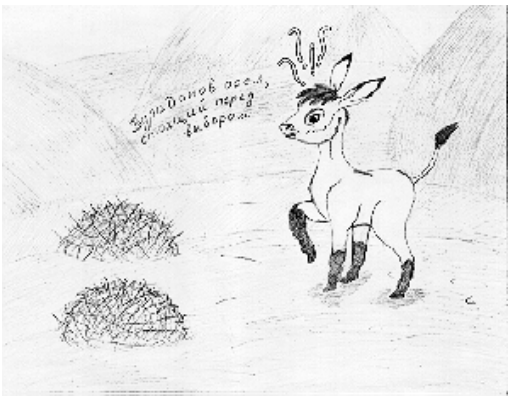
Способностью выбора обладают не только люди, но и животные и вообще живые организмы. Правда, для простейших живых организмов — одноклеточных — эта способность является минимальной. Они могут только осуществлять выбор между пищей и тем, что не является пищей. По мере усложнения и совершенствования организмов возрастает и их способность выбирать. Простейшие организмы и растения, например, не могут выбирать среду обитания, а животные могут. Животные ведут, как правило, активный поиск благоприятной среды.

Неспособны выбирать неорганические тела (кристаллы, камни, планеты и т. п.). Это и понятно. Они не осуществляют никакой деятельности. Их «поведение» целиком обусловлено либо необходимостью (например, движение планет вокруг Солнца), либо случайностью (например, движение пылинок в воздухе), либо вероятностью — промежуточным состоянием между необходимостью и случайностью.

Способность выбора определена выше как субъективный момент свободы. В свою очередь она распадается на два момента: *сознательный* и *волевой* (речь идет, конечно, о человеческой способности выбора).

Сознательный момент способности выбора означает, что человек *способен* обдумывать, «отмеривать», рассчитывать прежде, чем принять решение по какому-либо варианту действия, т. е. способен действовать «со знанием дела». Здесь действует правило: «семь раз отмерь, один отрежь». Лейбниц писал: «уже Аристотель удачно заметил, что свободными действиями мы называем не просто те, которые спонтанны, но те, которые вдобавок обдуманны»[1]. Лейбниц имел в виду то место в «Никомаховой этике», где Аристотель подробно рассматривает вопрос о том, что такое сознательный выбор. Сравн. немецкую пословицу: «Кому выбирать, тому и голову ломать» («Wer die Wahl hat, hat die Qual). Уместно привести здесь и знаменитое изречение из Евангелия от Иоанна (гл. 8, ст. 32): «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». (У меня тоже есть подобное высказывание: «чем объективнее взгляд человека на вещи, тем он более независим от них»). Конечно, эти высказывания односторонни, но они заостряют мысль и тем заставляют думать.

Волевой момент способности выбора означает, что человек *способен* принять решение по какому-либо варианту действия несмотря на недостаточность знаний, опыта или времени на обдумывание. Способность к волевому выбору, решению позволяет также избежать ситуации *буриданова осла*. В философской притче, приписываемой Буридану, осел сдох из-за того, что так и не ре-



[1] *Лейбниц*. Соч. в 4-х т.т. Т. 2. М., 1983. С. 175.

шился выбрать одну из двух равных охапок сена. Он не мог решить задачу предпочтения одной из двух равных возможностей.

В реальной жизни у людей сознательный и волевой моменты способности выбора не всегда одинаково выражены или развиты. У одних людей может быть более выражен сознательный момент способности выбора. Они хорошо и много обдумывают, «отмеривают", рассчитывают, но порой бывают нерешительны в окончательном выборе или облекают свои выводы, решения в осторожные, не всегда ясные, четкие формулировки. У других людей может быть более выражен волевой момент способности выбора. Тщательному обдумыванию, взвешиванию они явно предпочитают волевой подход, уповают на счастливый случай и даже на «авось».

В основе волевых, волюнтаристских решений лежит *случайность выбора*, когда чаша «волевого усилия» явно перевешивает чашу обдумывания, «отмеривания». Обдумывание и «отмеривание» основываются на познании и учете всех аспектов действительности и возможности, т. е. не только случайности, неупорядоченности, но и необходимости, закономерности, упорядоченности. Человек же, осуществляющий волевое решение, осознанно или неосознанно, абсолютизирует момент случайности, неупорядоченности и недооценивает момент необходимости, законосообразности. Вот откуда, кстати, связь философии волюнтаризма с иррационализмом. В познании существенную роль играет поиск и открытие закономерностей, управляющих событиями. Иррационализм — враг такого познания. Здесь волюнтаризм и иррационализм сходятся. Оба они абсолютизируют одну способность мышления — интуицию — и недооценивают или отрицают другую, прямо противоположную способность мышления — логику, рассудок. Эта последняя способность в большей степени, чем первая, направлена на осмысление и познание объективной необходимости, закономерности, упорядоченности. Интуиция же направлена главным образом на учет и использование объективной случайности, неупорядоченности бытия.

Формула свободы

По определению свобода есть взаимоопосредствование случайности и необходимости. Ее можно выразить формулой:

$$\mathbf{Св^1 = (Н — [С — Н) — С]},$$

где (Н-С-Н) — опосредствование необходимости случайностью;

[С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью;

$Св^1$ — свобода первой степени (не путать с понятием «степень свободы», используемым в механике, физике и некоторых других науках!).

Свобода 1-й степени присуща простейшим живым организмам (одноклеточным), способным к самостоятельному существованию.

По мере усложнения и совершенствования живых организмов становится сложнее, шире и глубже свобода их поведения, т. е. повышается степень их свободы. (В эмпирическом плане это выражается, в частности, в увеличении степеней свободы[1]. Самый сложный и совершенный организм — человеческий — имеет 600 мышц и, по меньшей мере, 250 степеней свободы!). В категориально-логическом плане повышение степени свободы выражается в *углублении* взаимоопосредствования необходимости и случайности. Это углубление можно представить *скачками* или *лестницей*. Свободе 1-й, 2-й, 3-й и т. д. степеней соответствуют различные дискретные уровни взаимоопосредствования. См. на следующей странице диаграмму “Уровни (глубина) взаимоопосредствования необходимости и случайности” (рис. 23).

Чем выше степень свободы, тем более глубокие слои необходимости и случайности она «захватывает» в результате взаимоопосредствования этих противоположностей.

---

[1] Степени свободы объекта — независимые характеристики, необходимые для однозначного определения положения объекта. В ньютоновской механике для описания состояния материальной точки имеем три степени свободы: пространственные координаты X, Y, Z.

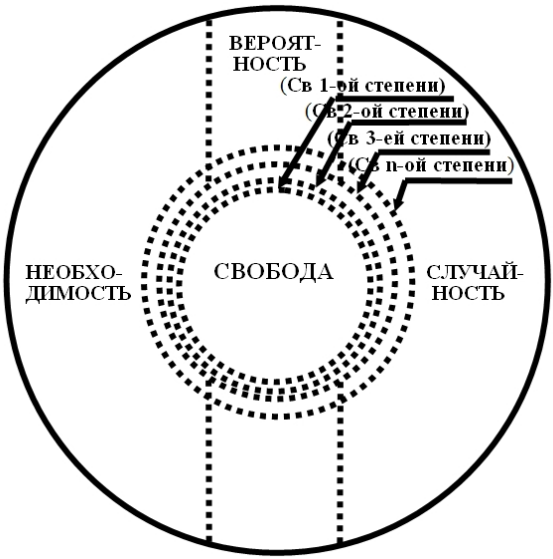


Рис.23

Свобода в человеческом обществе носит весьма сложный характер. Какой она степени — об этом трудно судить. Нужны исследования.

Если руководствоваться самыми общими соображениями, то можно предположить, что человек обладает свободой не ниже 7-й степени или еще выше. В самом деле, если предположить, что простейшие живые организмы (одноклеточные) обладают свободой 1-й степени, многоклеточные растительные организмы — свободой 2-й степени, животные — свободой 3–6-й степени (беспозвоночные, позвоночные холоднокровные, позвоночные теплокровные яйценосящие, млекопитающие или живородящие), то тогда человек должен обладать свободой не ниже 7-й степени.

Таким образом, *становление* живой природы и человеческого общества можно представить как ***прогресс в деле свободы***, т. е. как последовательное восхождение от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени.

Как понимать взаимоопосредствование необходимости и случайности? Попробуем пояснить это на близких для нас примерах, т. е. на примерах, взятых из жизни человека. Нужно только учесть, что эти опосредствования не будут такими однозначными, как на уровне свободы 1-й степени. Ведь если в последнем случае взаимоопосредствование необходимости и случайности является как бы непосредственным (либо [Н – С – Н], либо (С – Н – С)), то в рамках свободы, которой обладает человек, это взаимоопосредствование будет не непосредственным, а *многократно опосредованным*, как бы взаимоопосредствованием в кубе или в четвертой-пятой степени.

Поэтому в связи с большой сложностью взаимоопосредствования необходимости и случайности в человеческом обществе я буду намеренно представлять его по упрощенной схеме: (Н – С – Н) или [С – Н – С].

Рассмотрим первый вариант: [С – Н – С] — опосредствование случайности необходимостью. Возьмем такой пример. В науке известны так называемые случайные открытия, когда ученый искал одно, а находит совершенно другое. Такова история открытия явления радиоактивности Анри Беккерелем. Хотя это открытие и случайно, однако оно не состоялось бы, если бы не было опосредствовано необходимостью, а именно всеми знаниями, логикой мысли и направленностью интересов французского ученого. Как раз перед этим открытием было открыто рентгеновское излучение. Анри Беккерель все время думал об этом открытии, как свидетельствуют биографы, и это «думание» создавало особую атмосферу поисков. На фоне «думания» и было сделано открытие радиоактивного излучения солей урана.

Подобные открытия, даже самые случайные, не являются на самом деле чисто случайными. Они всегда опосредованы теми или иными необходимыми моментами. Случай помогает только подготовленному уму, говорил Луи Пастер.

Рассмотрим теперь второй вариант: [Н – С – Н] — опосредствование необходимости случайностью. Для примера возьмем ситуацию выбора профессии. С самого начала задано как необходимое условие взрослой жизни — работать, трудиться, выбрать ту или иную профессию. Однако эта необхо-

димость выбора опосредуется случайными предпочтениями или обстоятельствами. То же можно сказать о выборе любимого, суженого. Он изначально задан как необходимое условие взрослой жизни. С другой стороны, этот выбор потому и является выбором, что он обусловлен, опосредован массой случайностей. В делах любви большую роль играет Его Величество Случай и не только в отрицательном, но и в положительном смысле. Случайность является своего рода повивальной бабкой, помогающей рождению любви. Такую же роль случайность играет и в искусстве. Вот что писал, например Александр Грин: «Есть безукоризненная чистота характерных мгновений, какие можно целиком обратить в строки или в рисунок. Это и есть то в жизни, что кладет начало искусству. Подлинный случай, закованный в безмятежную простоту естественно верного тона, какого ждем мы на каждом шагу всем сердцем, всегда полон очарования. Так немного, но так полно звучит тогда впечатление» («Крысолов»).

С точки зрения анализа проблемы опосредствования интересна такая форма поведения — *намек*. В этой форме поведения сознательно используется элемент случайности. Намек может быть понят, а может быть и не понят. Следовательно, он может остаться без ответа. Тот, кто делает намек, хотел бы, чтобы он был понят другим или другими. Но, с другой стороны, он допускает, что намек может быть не понят и, следовательно, то что он хочет, может не осуществиться. Например, девушка намекает юноше о своих чувствах и желаниях. В основе этого ее поведения лежит потребность, т. е. необходимость. А по форме ее поведение носит характер *игры*, одним из проявлений которой является намек, специально подстроенная случайность.

Зависимость и независимость

Выше я говорил о становлении живой природы и человеческого общества как последовательном восхождении от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени. Но прогресс в деле свободы можно представить и как движение от зависимости к независимости, от большей зависимости

к меньшей зависимости. Человек как живое существо, безусловно, более независим от окружающей среды, чем животные. Современный человек более независим от нее, чем первобытные люди. Выйдя в космос и осваивая его, он даже стал преодолевать земное тяготение. (Кстати, фактом выхода в космос человечество решило задачу, превосходящую всё, что могла сделать живая природа на Земле.)

Зависимость и независимость — это еще две диалектически взаимосвязанные противоположные стороны свободы.

Так, ребенок в раннем возрасте максимально зависим от родителей. В зрелом возрасте человек минимально зависим и, соответственно, максимально независим от родителей.

Наверное, нельзя однозначно связывать зависимость с необходимостью, а независимость — со случайностью. Зависимость ребенка от родителей содержит в себе как элемент необходимости (создание благоприятных условий для жизни и развития), так и элемент случайности (например, зависимость от прихотей, ошибок, просчетов родителей, их незнания и неумения). Или другой пример. Человек тысячами нитей связан с обществом, в полном смысле слова «живет в обществе". И зависимость человека от общества — это не только его зависимость от многоликой социальной необходимости в моральном, правовом, экономическом, политическом смысле, но и зависимость от случайностей социальных изменений, конфликтов, потрясений, от случайности рождения и воспитания в данном обществе в данную историческую эпоху.

Так же и независимость может быть следствием не только субъективной или объективной случайности, но и субъективной или объективной необходимости. Тот же выход человека в космос, преодоление им земного тяготения — результат действия многих факторов, в том числе и такого как *логика* научно-технического прогресса. Или поведение человека в исключительно опасных для его жизни обстоятельствах. Такая субъективная необходимость как жажда жизни здесь всегда к услугам.

Соотношение *зависимость-независимость* выражает сте-

пени свободы (и, соответственно, несвободы) субъекта по отношению к другому, к объекту.

Человек, пока жив, всегда свободен, является свободным существом. Он изначально обладает каким-то минимумом свободы просто как живое существо. Но в то же время в человеке заложено стремление к большей свободе, причем безграничное стремление. Отсюда все проблемы.

Когда говорят о несвободе, рабстве, гнете, то не надо это понимать в смысле полного отсутствия свободы. Даже в самых стесненных обстоятельствах человек обладает определенным минимумом свободы, прежде всего, *способностью выбирать*. Это как раз и позволяет ему бороться за освобождение, за расширение свободы.

Как видим, понятие свободы весьма сложно, многоразлично; с одной стороны, чрезвычайно широко, а с другой, вполне конкретно. Соответственно и либерализм — весьма сложное, исторически развивающееся течение общественной мысли. То, что имеют в виду под либерализмом его сторонники или противники порой весьма далеко от его действительного значения. Нужно постоянно сверять свой субъективный взгляд на либерализм с естественным понятием свободы и производить корректировку этого взгляда.

Безусловно, либерализм, однажды возникнув, развивается по мере того, как расширяются пределы социальной и иной свободы, как люди решают задачи **прогресса в деле свободы**.

Глава 15. Учение об обществе (социальная философия)

15.1. Общество — взаимодействие людей

В первом приближении ***общество*** можно охарактеризовать как некоторое взаимодействие, общение людей или некоторая совокупность людей, взаимодействующих друг с другом, представляющая некую суммативную целостность, именуемую человечеством.

С одной стороны человек без общения жить не может, а с другой, он достаточно обособлен. Человек всегда стремится не только к общению, но и к уединению. Баланс между общением и уединением очень важная жизненная проблема. Тот, кто слишком много общается, чувствует, что как бы растворяется среди людей, теряет свою индивидуальность. С другой стороны, кто слишком уединяется, тоже разрушает себя, как человека, т. к. замыкается в себе, перестает питаться от мира, в котором живет. Очень часто те, кто замыкаются в своем одиночестве, теряют человеческую сущность, в буквальном смысле утрачивают человеческий облик.

(Когда слишком много общения, человек как бы растворяется в других, теряет себя, свою личность. Когда слишком много уединения, он начинает испытывать чувство одиночества, заброшенности, покинутости, ненужности. И то и другое плохо.

Нельзя жить слишком тесно. Притчей во языцех стали коммунальные квартиры, которые насаждали большевики в 20-е годы XX века. Все коммуны тоже канули в лету.

Но нельзя жить и в полном одиночестве. Тогда теряется связь с людьми, с обществом, а вместе с этим теряется и смысл жизни).

В притче А. Шопенгауэра о дикобразах говорится: «Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотою не замерзнуть. Однако вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод. — Так потребность в обществе, проистекающая из пустоты и монотонности личной внутренней жизни, толкает людей друг к другу; но их многочисленные отталкивающие свойства и невыносимые недостатки заставляют их расходиться. Средняя мера расстояния, которую они наконец находят как единственно возможную для совместного пребывания, это — вежливость и воспитанность нравов. Тому, кто не соблюдает должной меры в сближении, в Англии говорят keep your distance! Хотя при таких условиях потребность во взаимном теплом участии удовлетворяется лишь очень несовершенно, зато не чувствуются и уколы игл...»

Несколько в ином ракурсе о том же писал А. И. Герцен: “Своеволье и закон, лицо и общество и их нескончаемая борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может разумно освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, усмиряет бунтующую личность. Лицо ставит себя целью. Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить о них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только движение. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными людьми или мирно пасущимся стадом”[1].

15.2. Структура общества

Общество в известном смысле повторяет человека как живое существо. См. *диаграмму (структурную схему) общества (рис. 24)*:

[1] *Герцен А. И.* Соч. в 30-и т.т. Т. XIX. С. 184.

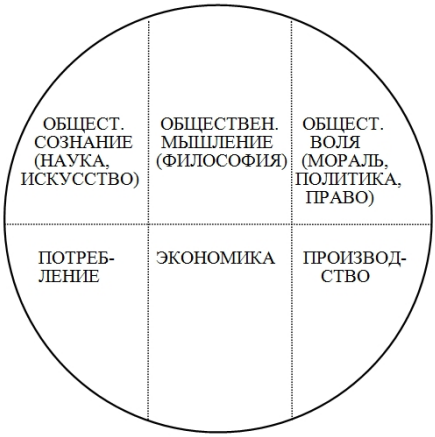


Рис.24

Человеческому телу соответствуют в обществе материальная культура, производство, потребление, экономика. Производство похоже на ассимиляцию, потребление — на диссимиляцию. Экономика — сложная форма регуляции взаимоотношения производства и потребления.

Различным формам психической жизни человека соответствуют в обществе общественная воля и общественное сознание.

Формами общественной воли являются мораль, политика, право. Они регулируют отношения между людьми.

Мораль регулирует отношения людей путем *убеждения*: внутреннего — через совесть, и внешнего — через мнение других, общественное мнение.

Право регулирует отношения людей путем *принуждения* — внешнего — со стороны государства, и внутреннего — через законопослушание. Если оценивать право с точки зрения свободы, то можно сказать так: *право — это взаимодопущение и взаимоограничение свободы*. Я уже говорил об этом выше. Из взаимодопущения свободы вытекают разнообразные *права человека*. Из взаимоограничения свободы вытекают не менее разнообразные *обязанности человека*.

Политика регулирует отношения людей и путем убеждения, и путем принуждения. Путем убеждения — через пропагандистскую деятельность политических партий, через их участие в государственном управлении, в предвыборных кампаниях и т. п. мероприятиях. Путем принуждения — через партийную дисциплину или через применение силы в социальных, военных конфликтах (например, через “принуждение к миру” — так было с враждующими сторонами в боснийском конфликте, когда международное сообщество и блок НАТО принудили эти стороны к соглашению).

Рис. 25

Рядом приводится *диаграмма (структурная схема) общественной воли (рис. 25)*.

Формами общественного сознания или духовной культуры являются наука, искусство, философия. Наука — коллективное познание, искусство — коллективное чувствование, философия — коллективное мышление.

Особым типом общественного сознания, воли и бытия является *религия.*

Исторические формы общества: род, племя, племенной союз, государство.

Род — большая семья, состоящая из близких и дальних родственников и возглавляемая кем-то одним (старейшим или вождем).

Племя — объединение родов, возглавляемое вождем.

Племенной союз — предгосударство.

15.3. Государство

Достоинство государства зависит от достоинства образующих его личностей.

Дж.Ст. Милль

Государство — политико-правовой институт, устанавливающий и поддерживающий общий порядок жизни в стране. Оно отвечает за управление обществом в целом на определенной территории.

Государство — инструмент компромисса и согласования интересов отдельных людей и их групп, средство гармонизации межчеловеческих отношений. Без государства люди по-

стоянно конфликтовали бы, убивали бы друг друга, воевали бы между собой.

Государство играет консолидирующую роль в объединении людей как этноса, как нации и в отдельных случаях — в объединении этносов. Без государства народ, этнос не является нацией. Нация — государственно оформленный этнос.

Государство — это власть + граждане (или подданные, в случае монархического государства). Ясно, что государство без власти существовать не может. (Это состояние общества называют анархией). Но и без законопослушных граждан оно не может существовать. Власть так или иначе должна кем-то управлять. А управлять можно только теми, кто управляем. Гражданское общество это как раз общество, состоящее в основном из законопослушных граждан.

Иногда политические деятели, так называемые государственники, без всяких оговорок и пояснений утверждают: "государство должно быть сильным, мощным". На самом деле государство должно быть не сильным-мощным, а ***соразмерным*** обществу, стране, т. е. должно быть в меру: ни слишком сильным, ни слишком слабым.

Позиция государственников односторонняя и потому неверна. Да, нынешнее российское государство в чем-то недостаточно сильно, например, законы еще не в полной мере отрегулированы и плохо исполняются, правоохранительные органы недостаточно борются с организованной преступностью. Но это только одна сторона медали. Другая сторона: государство всё еще очень сильно, чрезмерно сильно, особенно в вопросах, касающихся государственного управления гражданской жизнью общества. Показатели чрезмерной силы государства: разгул коррупции, остатки мелочной регламентации многих аспектов гражданской жизни общества (например, в вопросах регистрации граждан по месту жительства/пребывания), недостаточное развитие системы частной собственности, особенно на землю. Коррупция[1] государственных служащих в больших размерах указывает на то, что пока еще очень сильна власть государственного аппарата. Коррупция минимальна в двух случаях: когда сила государственной

[1] Коррупция — взяточничество, мздоимство и т. п.

власти подавляюща, сверх всякой меры (в ситуации диктатуры, тоталитаризма) или, напротив, когда вмешательство государственной власти в гражданскую жизнь общества минимизировано, т. е. когда чиновники при всем своем желании не имеют возможности брать/принимать взятки, когда государственная машина работает почти в автоматическом режиме.

Этатизм, ***государственничество*** — абсолютизация роли государства в жизни людей, предпочтение интересов государства (государственной власти, государственного управления) перед частными интересами отдельных людей и их групп. Этатизм так или иначе связан с абсолютизацией общественного целого и недооценкой человеческой индивидуальности или групповой (этнической, национальной и т. д.) особенности.

Крайняя форма этатизма, государственничества — ***тоталитаризм***. Тоталитаризм — всеохватное вмешательство государства в частную жизнь граждан, попытка органов государственного управления контролировать практически все аспекты жизни граждан. Тоталитаризм был невозможен до 20-го века, поскольку у органов государственного управления не было эффективных материальных средств контроля всех аспектов жизни граждан. В 20-м веке они появились, а именно, появились мощные транспортные средства (железные дороги, городской транспорт, авиация, автомобиль, речной и морской транспорт), средства связи (почта, телеграф, телефон), средства массовой информации (радио, телевидение, газеты и журналы).

Вообще, существуют разные точки зрения на роль государства в жизни общества. Р. Я. Левита пишет по поводу воздействия государства на экономическую жизнь:

«Концепцию активного воздействия государства на экономическую жизнь называли по-разному: дирижизмом, этатизмом (от фр. etat — государство; термин введен в оборот швейцарским политиком прошлого века Н. Дро), “интервенционизмом” (от лат. interventio — вмешательство; термин Л. Мизеса). (С. 60)

Для классического либерализма (Смита, Сэя и др. экономистов XIX века) характерна концепция государства — ноч-

ного сторожа: его функции — охрана спокойствия и имущества граждан. Для неолибералов (по мнению некоторых — Л. Мизес, Ф. Хайек, по мнению большинства историков экономических учений — Вальтер Ойкен, основатель Фрейбургской школы) государство, по выражению В. Рёпке, — футбольный судья, выходящий на поле не для того, чтобы самому играть или диктовать игрокам, куда бежать и куда бить, а чтобы гарантировать соблюдение игроками всех правил игры.» (С. 63) (См.: Р. Я. Левита. История экономических учений. М., 1995).

О природе власти

Т. Гоббс утверждал буквально следующее: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех» (Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 152)[1]. Это утверждение просто чудовищно.

Во-первых, почему общая власть непременно держит всех в страхе? Это какая-то теория анархизма (для тех, кто ненавидит власть и видит в ней лишь источник насилия, издевательств и, соответственно, страха) или теория господства (для тех, кто желает властвовать путем нагнетания страха). Нормальные люди никогда не терпели и не потерпят того, чтобы страх все время довлел над ними. В жизни страх занимает достаточно скромное место, в ряду многих других эмоциональных состояний (надежды, любви, веры, наслаждения, радости и т. д., и т. п.). Сводить власть к этому состоянию — большой примитив и большое заблуждение[2]. Власть — это

[1] Сравн.: М. Вебер: «Власть означает всякую возможность внутри данных социальных отношений навязать свою волю вопреки сопротивлению, безотносительно к тому, на чем такая возможность покоится» (См. «Иностранная литература», 1966, № 11, с. 212).

[2] Л. Н. Толстой писал: «Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насилием, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смирнее ходили по кругу» — *Толстой Л. Н.* Закон насилия и закон любви. III.

чрезвычайно сложная форма управления одними людьми других. Она имеет много разновидностей. Даже самая жестокая, деспотическая, власть не основывается только на страхе. Она использует тысячелетние традиции управления и подчинения, паразитирует на этих традициях.

Люди как разумные существа прекрасно понимают, что большие сообщества людей невозможны без известной организации, которая предполагает управление одних другими и, соответственно, подчинение одних другим. Именно в этом смысле люди признают власть, а не из-за страха. В подавляющем большинстве случаев одни люди подчиняются другим не из-за страха, а из понимания того, что иначе будет хаос и разрушение. Представим себе, что люди перестали бы подчиняться правилам дорожного движения и, соответственно, требованиям инспекторов ГАИ. Дорожное движение было бы просто невозможно. Люди соблюдают правила дорожного движения и подчиняются требованиям инспекторов ГАИ не из-за страха, а потому что знают, что если они все вдруг будут нарушать эти правила и игнорировать требования инспекторов ГАИ, то наступит дезорганизация дорожного движения. И так во всех видах человеческой деятельности, в которых люди как-то соприкасаются друг с другом, взаимодействуют.

Во-вторых, почему естественное состояние — «война всех против всех»? Откуда Гоббс сделал такой вывод? Он что, видел вокруг себя только ублюдков, которые готовы сломать хребет друг другу? А где же родительская, сыновняя и дочерняя любовь, где же любовь мужа и жены, где дружба людей, где их товарищество, братство, сотрудничество, кооперация, где просто чувства взаимной симпатии, приязни, человеколюбия? Или эти отношения и чувства людей тоже основаны на ненависти, порождающей войну всех против всех?

Разделение властей

Теория Локка и Монтескье о разделении власти основывается на признании того, что каждый человек, имеющий власть, склонен к тому, чтобы ею злоупотребить и для того, чтобы властью нельзя было злоупотреблять, нужно, чтобы власть ограничивала власть (путем сдержек и противовесов).

Принцип разделения власти нигде в мире не был осуществлен неукоснительно, но имел большое и позитивное влияние на формирование современных государственных организаций и политическое мышление. Он создал идею и практику конституционности. А для судопроизводства создал принцип судебной независимости и организационные условия его осуществления.

Ситуация разделения власти уменьшает возможность произвола в деятельности власть имущих. Не случайно возникла поговорка: всякая власть развращает, но абсолютная власть развращает абсолютно (автор: лорд Актон). (Сравн.: Ш. Монтескье «Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет предела»).

Существует, однако, другой взгляд на власть и, как мне представляется, более правильный. Б. Шоу говорил: «Вообще власть не портит людей. Когда у власти дураки, то **они** портят власть». Здесь еще можно вспомнить о такой поговорке: «не место красит человека, а человек место».

Власть как таковая — всего лишь инструмент для наведения и обеспечения порядка. Ею можно злоупотреблять, но не более того. По своему назначению она — важный элемент совместной жизни людей, общественных отношений.

Смена форм государственной власти

На протяжении последних тысячелетий основной формой государственной власти была наследственная монархия. Государство держалось на полубиологическом институте правления. То есть руководителями государства становились, как правило, не избранные народом люди, а биологические преемники умерших или ушедших в отставку правителей или, в случае ограниченного избрания, родовитые приближенные прежнего монарха. Институт наследования власти долгое время был мощным стабилизирующим фактором государственной и общественной жизни. С другой стороны, в последние века развивался другой институт государственной власти — институт избираемого (косвенно или прямо) народом

правителя (сначала в Нидерландах и в Англии, затем в Северо-Американских Соединенных Штатах, затем во Франции). Наибольший пик смены института наследственной монархии институтом избираемых органов государственной власти приходится на ушедший XX век. Подавляющее большинство стран мира к концу столетия перешло на парламентскую и президентскую форму правления. Этот переход, к сожалению, не был гладким и безболезненным. Он сопровождался такими катаклизмами как первая и вторая мировые войны и такими чудовищными режимами в некоторых странах как фашистский, коммунистический, религиозно-фундаменталистский. Фашизм в Германии и коммунизм в России, Китае, религиозный фундаментализм в Иране можно объяснить как проявление неопытности и хрупкости молодых немонархических режимов. Народы ряда стран, в которых рухнули монархические режимы, просто "растерялись", стали "шарахаться" из крайности в крайность. В Германии избиратели бросились в крайность национал-социализма, не разглядев в Гитлере политического экстремиста. В России временный республиканский режим не успел довести дело смены форм правления (с монархической на избираемую народом) до логического конца. Временное правительство оказалось настолько слабым, что позволило сравнительно небольшой группе политических радикалов захватить власть. Ему не хватило буквально трех месяцев до легитимной передачи власти избранному народом Учредительному собранию. В коммунистической России фактически установился псевдо- или квазимонархический режим, вроде бы без царя по форме, но с царем по существу. Ведь ни один коммунистический правитель не был избран народом (ни прямо, ни косвенно). Единственное отличие коммунистического "царя" от прежнего монарха только в том, что он получает власть не в силу биологического наследования или родовитости, а через своеобразный институт бюрократического наследования (первый заместитель становился руководителем страны после смерти или отставки прежнего руководителя). Из всех европейских держав Россия оказалась наиболее крепким орешком современной истории. Она почти весь XX век сопротивлялась естественному ходу событий.

В Иране отказ от института наследственной монархии означал переход к своеобразной переходной форме: симбиозу монархизма (институт духовного лидера страны) и президентско-парламентской республики. Эта переходная форма также носит все черты тоталитаризма.

Можно сделать вывод: для ряда стран тоталитаризм стал болезненным эффектом переходного периода (от монархии к республике).

Могут спросить: почему люди, народы разочаровались в институте наследственной монархии и почти повсеместно перешли к республиканской форме правления? На это есть несколько причин. Первая и самая главная — рост самосознания людей, рост сознания личной ответственности за дела страны, государства, переход от сознания *холопа-подданного* к сознанию **гражданина**, отказ от патерналистских представлений (в русском варианте — от веры в царя-батюшку). Ведь наследственная монархия практически исключает право жителей страны на участие в государственных делах, в частности их право на решение вопросов войны и мира, т. е. фактически вопросов жизни и смерти. Вторая причина — расширение сферы рыночных отношений, отказ от крепостничества и тому подобных феодальных институтов. Рынок способствует повышению личной ответственности каждого своего участника — производителя, торговца, потребителя. Участники рынка волей-неволей учатся мыслить и действовать самостоятельно, на свой страх и риск, учатся предприимчивости. А самостоятельность и предприимчивость — это такие качества человека, которые не терпят подчинение и пассивность.

Третья причина — просвещение и образование. Люди в своей массе стали больше знать и понимать. Вследствие этого они стали менее доверчивыми и наивными. А это привело к тому, что они сначала захотели контролировать власть (через своих представителей в парламенте и через конституцию), а затем и избирать правителей.

Вторая и третья причины, действуя сообща, способствовали усилению главной причины.

Многопартийность и демократия

До недавнего времени в нашей стране господствовала *одновариантность* почти во всем. А она *задавалась* существовавшей ***однопартийной*** системой. Мы были обречены на несвободу, на безвариантность, на застой, на удушливое состояние общественной атмосферы. В условиях однопартийной системы невозможны подлинные или, как говорят, альтернативные выборы в органы власти, невозможно действительное, неформальное разделение властей, невозможна полноценная свобода слова, невозможно в принципе правовое государство. Все ужасы сталинизма порождены в значительной степени однопартийной системой.

Однопартийная система противоестественна, так как она навязывает обществу, являющемуся живым статистическим ансамблем людей, структуру твердого тела. И, напротив, многопартийная система адекватна многообразной палитре человеческих типов, характеров, интересов. В современных условиях она является синонимом демократии. Если нет многопартийной системы, то нет и демократии.

Многопартийная система *самоценна*; она является *саморегулирующимся* механизмом управления обществом или, по-другому, формой *самоорганизации* народа. Она — естественная защита как от анархии, так и от тоталитаризма. В первом случае многопартийная система способна находить компромиссы между многообразными человеческими интересами, способна смягчать, так сказать, буферить столкновение интересов, т. е. не допускать превращения этого столкновения в опасные для жизни общества конфликты (войны, погромы, кровавые стычки разных групп и т. д.). Как защита от тоталитаризма многопартийная система ограничивает до нужных размеров власть административной системы, не дает ей возможности превратиться во всевластную организацию. Существование в обществе различных независимых партий позволяет обеспечить независимость средств массовой информации, судебных органов, учреждений культуры и т. д. — от всеохватывающего влияния государственного аппарата.

Разделение властей в условиях однопартийной системы может быть только декларируемо, но никак не осуществлено на практике. Партия, поскольку она является единственной политической силой общества, имеет все возможности держать в своих руках все ветви власти. И поскольку ветви власти зависимы от одной партии, они связаны друг с другом через посредство этой партии, а, следовательно, не разделены. Независимость различных ветвей власти друг от друга является условием их разделения. Никто не должен стоять *над* ними. Многопартийная система как раз создает условия для эффективного разделения властей и тем самым их ограничения. При существовании различных независимых партий невозможно, чтобы какая-то одна партия устанавливала безусловный контроль над всеми органами власти.

В обществе, как и в суде, должна существовать ситуация позиционного конфликта, т.е. кроме правящей партии должна или должны быть оппозиционные партии, которые спорят с ней, критикуют ее, а на выборах в органы власти борются за власть.

Демократию нельзя понимать как власть большинства. Это в подлинном смысле **власть народа**. А народ — не только большинство, а и меньшинство. Он — сложное диалектическое единство большинства и меньшинства. Большинство может уменьшиться и стать меньшинством, а меньшинство — увеличиться и стать большинством. Да, побеждают на выборах благодаря большинству и в этом смысле демократия — власть большинства... но только на данный отрезок времени!

Многопартийная система сродни рынку в экономике. Если рынок — это сосуществование и взаимодействие независимых экономических субъектов (производственных предприятий, торговых и финансовых организаций, потребителей), то многопартийная система — это сосуществование и взаимодействие независимых политических субъектов (партий, отдельных политических деятелей, избирателей). И как рынок является формой экономической демократии, так многопартийная система является формой политической демократии.

15.4. Социальные группы (семья, коллектив, слой, этнос, нация)

Народ — общность людей, имеющая один язык, одну культуру и одну территорию.

Народность — малочисленный народ.

Нация — народ, организованный в государство.

“Нация (от лат. natio — народ, племя) — народ, который создал себе зависящее от него правительство и имеет в своем распоряжении территорию, границы которой более или менее уважаются другими нациями (народ, организованный в государство). Нацию могут образовать несколько народов или части различных народов, например, Великобритания, Швейцария”[1].

15.5. Патриотизм, национализм, шовинизм

Патриотизм — любовь к Родине, нормальное, естественное отношение человека к своему отечеству (как к самому себе). Существуют разные формы патриотизма: любовь к малой Родине и любовь к большой Родине.

Национализм — гипертрофированный патриотизм, патриотизм, сопровождаемый ксенофобией, чувством неприятия или даже ненависти к другим нациям-этносам.

Шовинизм — крайний национализм, выражающийся в представлении о превосходстве своей нации над всеми другими.

О так называемой «русской идее». В последнее время у нас много говорят о русской идее, о необходимости иметь такую идею. Я лично против идеи “русской идеи”

Во-первых. Идея “русской идеи” — это всё та же негодная попытка монополизировать сознание российского общества, навязать ему какое-то одно понимание национального духа, один вариант национального самоосознания.

[1] Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 290.

Вспомним, автор “русской идеи” В. С. Соловьев, полагал, что она заключается в сознании триединства церкви, государства и общества. “Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы, — писал он, — вот в чем русская идея”[1]. Сколько претенциозности в этом высказывании! Так запросто он говорит за **всех** русских, уверенный в своей правоте. Мало этого, он хочет, чтобы **весь** мир жил в соответствии с этим сознанием. Тут тебе и мессианизм не хуже католического и империализм почище британского.

Во-вторых. Это не просто попытка монополизировать какое-то одно понимание национального самосознания, а вообще никуда не годная попытка свести всё бесконечное многообразие проявлений русского духа к одной мысли-идее. Ведь мысль-идея, как правило, выражается в немногих словах, в одном или нескольких предложениях. Представляете, гигантское духовное богатство такой большой нации, как русская, сводится к какой-то одной мысли-идее, к нескольким словам!

Нация не является целостностью, подобно организму. Она есть *целокупность*, *статистический* ансамбль людей, живущих в одном государстве, говорящих на одном языке, имеющих одну культуру. Единство нации держится не на какой-то умственной рефлексии, не на каких-то словах, произнесенных одним из национальных авторитетов, а на сложном взаимодействии-общении людей, живущих в одном государстве и говорящих на одном языке.

В-третьих, представление нации в виде идеи есть попытка заставить людей следовать этому представлению (раз идея, то, значит, ее надо реализовать, осуществить, воплотить, ради нее можно идти на смерть или убивать). Русская идея, раз принятая в одной формулировке, становится — как идея коммунизма или фашизма — императивом-регулятивом поведения, подчиняющим себе всех говорящих на русском языке. Это самый настоящий русский нацизм.

[1] См.: *Соловьев В. С.* Русская идея // Соч. в 2 т. Т. 2. С. 246.

15.6. Отношения между людьми. Справедливость

Существуют две крайности в понимании природы человеческих отношений.

Одни философы абсолютизируют изначально враждебный характер межчеловеческих отношений. Эта точка зрения представлена в известном древнеримском выражении “человек человеку — волк” и в не менее известном выражении Т. Гоббса “война всех против всех”. (Еще: “либо ты ешь, либо тебя едят” или “либо властвуешь, либо подчиняешься” — философствование бригадира сплавщиков, преступника из к/ф “Хозяин тайги”)

Другие философы абсолютизируют взаимную любовь-приязнь людей. Эта абсолютизация проявляется прежде всего в проповеди всеобщей любви. Наиболее ярко подобная точка зрения отражена в библейской заповеди “возлюби ближнего своего как самого себя”. Далее, она проявляется в идее всеобщего братства (вспомним лозунг французской революции: “свобода, равенство, братство!”). Немецкий философ Л. Фейербах и русский писатель Л. Толстой проповедовали всеобщую любовь.

Представители первой точки зрения — это циники-прагматики, которые считают неравенство людей естественным условием их совместной жизни, оправдывают его, защищают и даже освящают.

Представители второй точки зрения — это мечтатели-романтики-утописты, которые считают неравенство людей безусловным злом и выдвигают, поддерживают, освящают лозунг равенства.

В действительности ни то, ни другое в абсолютном варианте не существует и нереализуемо. В человеческом обществе одинаково представлены элементы того и другого типа межчеловеческих отношений: и дружба и вражда, и любовь и ненависть, и равенство и неравенство.

Справедливость

Справедливость — сложное, противоречивое понятие.

Есть справедливость, порождаемая различием людей (по происхождению, условиям жизни и способностям-делам).

И есть справедливость, порождаемая сходством-подобием людей (природным равенством [как живых существ], равенством как представителей рода homo sapiens, как граждан государства, как сынов отечества и т.п.).

Одна форма справедливости выражается в древнем изречении: “каждому свое”. Другая форма справедливости выражается в идее подобия и равенства.

Еще древние греки говорили об этих двух видах справедливости:

«Справедливость оказывалась такой важной потому, что справедливость — это закон, а закон для грека — все. Понимать ее можно было по-разному: для одних она означала «равнозаконие» — всем одно; для других, вроде Платона, «благозаконие» — каждому свое». (*М. Л. Гаспаров*. Занимательная Греция).

Абсолютизация одной из этих форм справедливости приводит к общей несправедливости.

Всеобщее равенство, если и возможно, то только как равенство в бедности.

15.7. Коллективизм и/или индивидуализм

Длительное время спор между коллективизмом и индивидуализмом в нашей стране однозначно решался в пользу первого. Считалось, что коллективизм совместим с гуманизмом, а индивидуализм нет. Однако, как мне представляется, с точки зрения подлинного, недекларируемого гуманизма коллективизм также неприемлем в качестве всеобщей нормы поведения людей, как и индивидуализм. Возведенный во всеобщую норму коллективизм разрушает в человеке личность, индивидуальность, навязывает ему конформистское поведение (овцы в стаде), превращает его в винтик общественного механизма.

Как можно видеть из сказанного, я не против коллективизма вообще, а против его возведения во всеобщую норму

поведения, против однозначной интерпретации человеческой морали как коллективистской.

Если говорить о коллективизме как одной из форм поведения, то, безусловно, он может иметь положительное нравственное значение. Еще Сенека дал хороший образ коллективизма. Он писал: "Запомним: мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть[1]. Древнеиндийская мудрость гласит: "Травинки, сплетенные в канат, могут слона связать". Еще одна мудрость, идущая из глубины веков: "Веника не сломишь, а прутья по одному все переломишь". Уже в наше время Булат Окуджава сочинил песню, которая начинается словами: "Возьмемся за руки друзья, чтобы не пропасть поодиночке". Эта песня стала знаменитой, а приведенные слова — знаменем сопротивления тоталитарному режиму. Нельзя отрицать, что коллективизм может умножать силы людей и помогать в решении задач, которые не в силах решить отдельные, не связанные друг с другом люди.

Зададимся, однако, вопросом: всегда ли, во всех случаях коллективизм хорош? При внимательном и непредвзятом рассмотрении этого вопроса оказывается, что коллективизм не всегда хорош, а в ряде случаев просто вреден и губителен.

Всегда ли цели той или иной группы людей согласуются с интересами отдельных людей и/или всего человеческого общества? Нет, не всегда. Назову, к примеру, такие негативные явления, как групповщина, кампанейщина, кумовство, местничество, ведомственность, национализм, шовинизм, расизм, бандитизм. А круговая порука? В свое время она была бичом крестьянских общин. Круговая порука — это в сущности другое название, так сказать, негативный слепок коллективистского принципа "один за всех и все за одного". Да, будем откровенны: столь уважаемый и почитаемый коллективистский принцип отнюдь не всегда служит нравственным целям. И не только взятый в целом, но и по частям.

Возьмем первую часть принципа. Существует немало ситуаций, когда лучше не "один за всех", а "один против всех".

[1] *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию, XCV.

Например, если ученый сделал открытие, установил истину, то он вправе выступать в защиту своего открытия, истины, даже если ему приходится идти против “всех”, большинства, многих... Вспомним Коперника и Галилея, выступивших против всеобщего заблуждения. Не случайно говорят, что истины не устанавливаются голосованием. Вообще вопрос о голосовании, о подчинении меньшинства большинству очень непрост. Мы знаем, например, что в отдельных случаях применяется право **вето**, когда один может заблокировать решение многих. А интересы национальных меньшинств? Далеко не всегда они соответствуют интересам большинства.

Если возьмем вторую часть коллективистского принципа — “все за одного”, — то его, мягко говоря, невсеобщность видна невооруженным глазом. Отрицательные примеры? Пожалуйста: кровная или родовая месть, культ руководителя-вождя.

Коллективизм может быть так же разрушителен, как строевой шаг солдат, идущих по непрочному мосту.

Нам не нужно единства во чтобы то ни стало, любой ценой. Когда говорят о положительном значении единства, то нередко вспоминают притчу о старике-отце и венике или принцип властителей “разделяй и властвуй”. При этом забывают, что единство любой ценой так же плохо, как и отсутствие единства. Недаром стало популярным такое выражение: “удушение посредством объятий”.

Когда индивидуализм распространен так же, как коллективизм, всеобщее оболванивание невозможно. Невозможны культ вождя, деспотизм, массовый террор и репрессии.

Индивидуалистов можно сравнить с графитовыми стержнями в атомном реакторе. Наличие определенного количества и качества графитовых стержней в массе ядерного вещества не дает возможности цепной реакции распада перейти в неуправляемую фазу ядерного взрыва. Если индивидуалистов мало, то коллективистски настроенные люди могут погубить сами себя и общество, в котором они живут. Коллективисты склонны к единству действий настолько, что они готовы (как стадо овец) увлечь себя каким-нибудь политическим безумцем в пропасть самоуничтожения или тупикового пути разви-

тия. Индивидуалисты при любой политической ситуации не дают себя увлечь теми или иными лидерами. Их настроения и интересы разновекторны и поэтому общество, в котором они занимают такие же сильные позиции, как и коллективисты, эволюционирует не так быстро, с оглядкой и осмотрительно. Разновекторные устремления индивидуалистов не позволяют обществу стать монолитом, который мог бы сорваться подобно камню в пропасть.

Одно дело — коллективизм как естественное стремление людей к объединению, как добровольное их объединение для умножения сил. Другое дело — коллективизм как принцип официальной морали, как всеобщий принцип поведения людей. В этом случае коллективизм теряет естественность, добровольность и приобретает характер императива, принудительной нормы-меры, "удушения посредством объятий".

Вполне в соответствии со своей доктриной уничтожения частной собственности коммунисты абсолютизируют *коллективистское* начало человеческой природы. Эта абсолютизация фактически ведет к отрицанию человечности, к антигуманизму. Ведь человеческая природа и генетически, и поведенчески *многообразна*. Она представляет собой статистический разброс коллективистских, индивидуалистических и смешанных типов. Делая упор на коллективизме, коммунисты этим вольно или невольно *шельмуют*, *подвергают остракизму* бóльшую часть человеческого сообщества (индивидуалистические и смешанные типы). Практика коммунистического строительства в XX столетии наглядно это показала.

Не меньшее зло — гипертрофированный индивидуализм, который мы наблюдаем в странах Запада. Главный минус индивидуализма — пренебрежение к ценностям рода, к воспроизводству человека.

15.8. Критика идей социализма и коммунизма

Ниже приводится материал, написанный в основном еще в советское время. В нем содержится заочный ответ всем

сторонникам идей социализма и коммунизма, утверждающим, что теория хороша, а исполнители были плохие. Я, напротив, убежден, что исполнители, прежде всего В. И. Ленин и его соратники, были незаурядными людьми. У них было достаточно сил и времени (1/6 часть суши и 73 года), чтобы провести свою теорию в жизнь. Кроме того, нельзя забывать, что этот социальный эксперимент был повторен в разных вариантах в целой дюжине стран почти на всех континентах. И везде практически один результат — крах социализма-коммунизма.

К сожалению, приводимый материал не потерял свою актуальность. Один высокопоставленный чиновник в телепередаче сказал буквально следующее: "коммунистическая идея — самая перспективная, самая человечная... она все равно будет осуществлена... пусть через 200, через 500 лет..." "Ошибались, напутали много, построили не тот социализм, о котором писали классики, а казарменный социализм..." Как часто приходится слышать такие разговоры! Неужели жизнь ничему не научила упёртых?!

Критиковать идеи социализма и коммунизма не просто. Авторы и сторонники этих идей исходят, как правило, из благих намерений — помочь человечеству избавиться от язв жизни. Казалось бы, что может быть предосудительного, античеловеческого в благих намерениях? Да, конечно, сами по себе благие намерения — вещь хорошая, и осуждать их может только злой человек. Однако в реальной жизни благие намерения, цели всегда соединяются с теми или иными средствами. И вот тут нередко возникает ситуация медвежьей услуги: мотивы, намерения, цели деятельности хорошие. благие, а результаты, последствия плохие, вредные. Совсем не случайно существует поговорка: "благими намерениями дорога в ад вымощена". Так вот, сколько бы сторонники идей социализма и коммунизма ни клялись в любви к человечеству, сколько бы ни работали для блага человечества, они неизбежно получат прямо противоположное тому, чего они хотели. В чем же здесь дело? А дело в том, что идеи социализма и коммунизма, как бы широко их ни трактовали, изначально содержат в себе концепцию средств, применение которых приводит к резуль-

тату, обратному, противоположному цели. Эта концепция средств базируется на определенной концепции человека и общества. В идее социализма базовым понятием является понятие общества (“социализм” происходит от латинского слова “socialis”, “socium” — общественный, общество). В идее коммунизма базовым является понятие общего (“коммунизм” происходит от латинского слова “communis” — общий). Таким образом, в идее социализма так или иначе акцент падает на общество и все общественное, социальное (общественные интересы, общественная собственность, общественные отношения, общественный строй) и, напротив, отодвигается на второй план отдельный человек, индивидуум, личность. В идее коммунизма акцент падает на общее (общие интересы, общая собственность, общий, совместный, коллективный труд и т. п.).

Совершенно очевидна связь между идеями социализма и коммунизма. Это идеи-сестры или даже идеи-близнецы. В том и другом случае акцент падает на надличное, надиндивидуальное, будь то общество, коллектив, класс, социальная группа или общее — общие интересы, общая собственность, общий труд, общее дело. Это смещение акцентов (с личного, индивидуального на надличное, надиндивидуальное) не так безобидно, как может показаться на первый взгляд или неискушенному уму. В случае последовательного проведения идеи социализма (не говоря уже об идее коммунизма) оно ведет к трем нежелательным следствиям:

1. К абсолютизации общественного целого, группового, коллективного, государственного, одним словом, надиндивидуального, и недооценке человеческой личности, индивидуальности. Эта абсолютизация проявляется, в частности, в известном моральном требовании ставить общественные интересы выше личных или, того хуже, подчинения личных интересов общественным. Она проявляется также в оценке коллективизма как безусловно положительной нравственной ценности, а индивидуализма как безусловно отрицательной ценности; также в положительной оценке альтруизма, самопожертвования, самоотверженности и осуждении эгоизма. Эта абсолютизация ведет в конечном счете к антигуманизму (в

“Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского капитан корабля задает риторический вопрос: “стоит ли внимания человек, когда речь идет о человечестве?!” Этим он саркастически оценивал мышление и поведение большевиков-коммунистов).

2. К абсолютизации общественного, социального в человеке и недооценке природного, живого, биологического начала в нем (в частности, к недооценке физической стороны жизни: материальных удобств, физического развития, физической любви, физической культуры). Отсюда крен в сторону полуаскетического, спартанского существования, пуританизм, ханжество.

3. К переоценке значения общественных отношений, общественных порядков, общественного строя в жизни и судьбе отдельных людей; вера в решающее значение социального реформаторства для улучшения жизни людей; вера во всесилие социальных идей, т. е. идей, направленных на преобразование, переустройство общества.

Социализм так или иначе связан с переоценкой значения обстоятельств в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния людей на обстоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: “Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человечными”.

(Относительно первой части высказывания можно заметить, что К. Маркс, к сожалению, был не одинок в подобной оценке человека. В его время это было почти всеобщее убеждение. Достаточно указать на И. Г. Песталоцци, знаменитого педагога, основоположника теории начального обучения. Последний утверждал: “Человека образуют обстоятельства”. Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует вопреки тем или иным обстоятельствам).

Социализм принижает или даже игнорирует известный жизненный принцип “человек, помоги себе сам”. Этот принцип выступал раньше как антитеза ожидания помощи от бога (“бог-помощь”, “спаси бог”). Социалисты на место бога по-

ставили общество. Указанный жизненный принцип исходит из той очевидной посылки, что человек — личность, субъект, что он активное существо, что именно он в конечном счете ответствен за свою жизнь, деятельность и никто другой: ни мать, ни отец, ни воспитатель, ни начальник, ни коллектив, ни общество Конечно, полностью ответственность с других не снимается. Но все же основная доля ответственности лежит на отдельном человеке, на индивидууме. Он — личность, субъект, от него исходит активность. Зрелость, взрослость человека определяется тем, насколько он самостоятелен-ответствен.

Для социалистов характерна вера в разумно организованное общество, иными словами, вера в организацию, во всесилие организации. Они фактически оказались в ситуации героев крыловской басни "Квартет". Они думали, что достаточно переустроить, реорганизовать общество, изменить общественный строй, и всё наладится, все люди станут хорошими и будут хорошо жить. В действительности же с изменением общественного строя люди не становятся автоматически лучше и не становится лучше их жизнь. Каким чудовищным самообманом было убеждение большевиков, выраженное в известном высказывании В. И. Ленина: "дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!" Да, Россию они перевернули. А она как Ванька-встанька снова встала на ноги! И это понятно. Одной только реорганизацией ничего нельзя добиться.

Чтобы улучшить свою жизнь, человек должен действовать во всех направлениях: и в плане совершенствования межчеловеческих отношений, и в плане гармонизации своих отношений с природой, и в плане работы над собой, самосовершенствования. Последнее, кстати, коммунисты и социалисты всех мастей всегда недооценивали или даже игнорировали. Для них человек не столько субъект деятельности, сколько объект воздействий, манипуляций.

Из абсолютизации общественных отношений вытекает преувеличенно негативная оценка частной собственности. Хрестоматийным в этом плане является высказывание Р. Оуэна: "Частная собственность отчуждает человеческие

умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей... Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к убийствам"[1]. В самом деле, все смертные грехи человечества социалисты и коммунисты готовы спихнуть на частную собственность, т. е. опять-таки на известное общественное отношение. И здесь отчетливо проглядывает переоценка роли общественных отношений в жизни людей. Как будто недостатки и пороки людей, их вражда и соперничество исчезнут сами собой, если будет уничтожено одно из общественных отношений — частная собственность. К. Маркс и Ф. Энгельс, кстати, так и говорили: "коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности" (см. Манифест Коммунистической партии). Уже в наше время член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев в речи на последнем съезде КПСС (1990 г.) повторил старые аргументы социалистов: "общественная собственность объединяет, а частная собственность разъединяет интересы людей и, несомненно, социально расслаивает общество".

Ясно, однако, что разность интересов людей, их пороки и вражда порождаются не только и не столько системой частной собственности. Тому доказательство — практика реальной жизни в условиях социализма, уничтожившего эту систему. Отсутствие частной собственности отнюдь не спасает человечество от межнациональной розни и вражды, не спасает отдельных людей от разных пороков. Причины человеческой розни и вражды гораздо глубже — они коренятся в биологической природе человека, в многообразных условиях его жизни. Если взять хотя бы биологическую природу человека, то мы знаем, что люди изначально, генетически весьма различны и даже противоположны. Различие их индивидуальностей порождает различие их интересов. А различие интересов порождает столкновения между людьми, их взаимную борьбу.

Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу.

[1] См.: Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982. С. 330.

Они утопичны в своей основе. Самое большее, чего могут добиться гуманистически ориентированные политики, это чтобы столкновения и борьба между людьми принимали цивилизованные формы, т. е. такие формы, при которых не унижалось бы человеческое достоинство, не уничтожался человек.

К счастью, люди давно придумали подобные формы. Это борьба на выборах, в парламентах, это экономическая конкуренция, спортивные состязания, творческие, профессиональные конкурсы и т. д. и т. п. Важно, чтобы указанные формы полностью вытеснили из человеческих отношений нецивилизованные, антигуманные формы конфронтации.

Механистический тоталитаризм

Механистический тоталитаризм — это представление общества как некой машины, механизма. Человек в таком обществе находится в системе жестко-детерминированных, однозначных связей и рассматривается, по существу, как винтик общественного механизма.

В. И. Ленин и последующие коммунистические лидеры представляли устройство общества на манер устройства машины-механизма, вполне в духе механистического тоталитаризма.

Так в программном произведении "Очередные задачи Советской власти" (март 1918 г.) В. И. Ленин прямо сравнивал народное хозяйство с часовым механизмом. Он писал: "Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может быть и речи" (с. 105).

На протяжении десятилетий это произведение Ленина изучали студенты вузов и техникумов, миллионы и миллионы людей, практически все представители умственного труда —

управленческая, научная, инженерно-техническая, художественная интеллигенция.

Соответственно многие руководители, ученые и деятели культуры были заражены идеологией механистического тоталитаризма.

В управлении страной — засилье инженерно-технических кадров, которое не преодолено до сих пор.

Фразеология руководителей всех уровней была насыщена механицизмами — словами и оборотами из языка механиков. Профсоюзы и комсомол (молодежная организация) рассматривались вполне официально как приводные ремни партии. Эта фразеология проникла и в песни. В авиационном марше "Мы рождены, чтоб сказку сделать былью" были такие слова: "а вместо сердца — пламенный мотор!". Сталин в своей знаменитой речи на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы не постеснялся назвать простых людей "винтиками", "которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела". Само имя "Сталин" весьма символично. В нем **стальной** смысл. Не случайно человек с этим именем стал преемником Ленина и правил страной 30 лет.

Весь общественный строй, особенно при Ленине и Сталине, носил полувоенный характер. А мы знаем, что военная организация в значительной мере машиноподобна.

15.9. Мораль, право, политика

Между моралью и правом имеется как сходство, так и различие. Общее между ними то, что они регулируют отношения между людьми, имеют дело с нормами и правилами человеческого общежития.

Различие в следующем. Право регулирует отношения между людьми с помощью законов и опирается на силу государства (полиция, армия, суд, тюрьма). Мораль же регулирует отношения людей путем убеждения, действия на их сознание, на их разум. Она опирается на силу общественного мнения, на силу порицания или одобрения людей и полагается на совесть человека.

Нормы права, установленные государством, выражаются в законах и являются обязательными для граждан государства. Государство обязывает соблюдать эти нормы, принуждая к такому соблюдению всей мощью своего аппарата. Право — ничто без аппарата, способного заставлять людей соблюдать нормы права.

Подобное различие морали и права можно выразить в такой игре слов. Если право в своем регулировании взаимоотношения людей опирается на **авторитет силы**, каковой является сила государства, то мораль опирается на **силу авторитета**, будь то отдельное мнение уважаемого человека, уважаемое общественное мнение или же внутренний авторитет, самоуважение, чувство собственного достоинства.

Далее, если право есть регулирование межчеловеческих отношений сверху, исходящее от воли государства, то мораль есть регулирование межчеловеческих отношений снизу, исходящее от воли и сознания отдельных людей или групп людей, создающих общественное мнение.

Политика — управление группами людей в форме маневрирования, компромисса или конфронтации в условиях неопределенности и/или конкуренции, конфликта интересов. Политика существует практически на всех уровнях социальной жизни и во всех сферах человеческой деятельности. Наиболее ярко она выступает в виде деятельности политических партий и органов власти.

15.10. Золотое правило поведения

В основе взаимоотношений человека с другими людьми, с обществом в целом лежит золотое правило поведения: «***не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе***» (отрицательная формулировка) и «***поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой***» (положительная формулировка). Нарушающий золотое правило поведения не может рассчитывать на доброе отношение к себе. В лучшем случае его не будут замечать; в худшем — будут обращаться с ним по принципу «око за око, зуб за зуб».

Золотое правило известно людям с незапамятных времен. Оно упоминается в одном из древнейших памятников письменности — древневавилонском сказании об Акихаре. У Конфуция (VI-V в.в. до н. э.) оно — основа поведения. В древнеиндийской «Махабхарате» (V в. до н. э.) оно предстает как норма норм.

Золотое правило приписывается двум из семи греческих мудрецов — Питтаку и Фалесу. Его можно встретить в «Одиссее» Гомера, в «Истории» Геродота, в Библии. В последней оно упоминается, по крайней мере, трижды: в книге Товита (4,15), в Евангелии от Луки (6,31) и в Евангелии от Матфея (7,12). Так называемые библейские заповеди — не убий, не кради, не прелюбодействуй и т. д. — **не что иное как частные и усеченные выражения золотого правила.** То же самое можно сказать о заповеди «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19;18. Евангелие от Матфея 22;39).

В Новое время о золотом правиле писали Т. Гоббс, Д. Локк, Х. Томмасиус, И. Г. Гердер...

У *Канта* золотое правило фигурирует под именем *категорического императива*. Он, с одной стороны, возвысил его (хотя и в превращенной форме) до значения главного принципа поведения людей, с другой, — унизил, назвав его общепринятые формулировки тривиальными и ограниченными. Категорический императив — преобразованное в духе ригоризма[1] и деонтологизма (этики долга) золотое правило: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом». Переформулировав правило в виде категорического императива Кант в значительной степени лишил его того, что делает его *золотым*, а именно, индивидуальной составляющей, нарушив этим меру, т. е. склонив чашу весов в пользу *надиндивидуального,* — общего, всеобщего. (Само на-

[1] Ригоризм (лат. rigor — строгий) — моральный принцип, характеризующий способ выполнения требований нравственности, заключающийся в строгом и неуклонном соблюдении определенных нравственных норм безотносительно к конкретным обстоятельствам, в безусловном повиновении долгу, даже вопреки целесообразности, интересам людей и общества. (Словарь по этике. М., 1983. С. 297).

звание воистину устрашающее: императив да еще категорический! Императив — повеление, требование, долженствование, приказ, закон! Одна только железная необходимость и ни капли случайности. Одно только долженствование и ни капли хотения).

Поверхностность понимания Кантом золотого правила проявляется, в частности, в том, что он не увидел в нем *основание* долга, утверждая, что оно якобы не формулирует обязанностей по отношению к другим. Разве золотое правило не указывает, например, на долг перед родителями? Разве оно не говорит о том, что если ты хочешь, чтобы твои дети относились к тебе подобающим образом, то ты сам *должен* таким же подобающим образом относиться к своим родителям? Или: если ты хочешь, чтобы родители относились к тебе хорошо, то ты сам *должен* относиться к ним хорошо. И т. д. Такое понимание Кантом золотого правила обусловлено ориентацией на надындивидуальное. В его категорическом императиве основание долга — всеобщий закон. Этим Кант ставит общество выше личности. Золотое же правило указывает на конкретного человека как на основание долга. И это справедливо, потому что ***нет крепче основания чем сам человек для себя***. Долг предполагает знание себя и других. А кого человек знает лучше: себя или других? Конечно, себя. Долг предполагает уважение и заботу. А кого человек уважает больше и о ком заботится больше: о себе или о других? Конечно, о себе. Это естественно. Основание долга находится не в каких-то заоблачных высотах, а в конкретном живом человеке со всеми его достоинствами и недостатками. Сам Кант, солидаризируясь с библейской заповедью любить ближнего своего как самого себя, подчеркивал при этом, что человек, не любящий себя, не может любить другого, т. к. такой человек свою ненависть к другому может фарисейски оправдывать своей самоотреченностью.

В русской философии о проблемах, связанных с золотым правилом, писал *В. С. Соловьев*. Вслед за Шопенгауэром он убедительно показал значение эмоций, психики как индивидуально-интимной основы золотого правила. Если люди руководствуются данным правилом безотчетно, то это в значи-

тельной мере благодаря чувствам совести и сострадания. ***Совесть*** отвечает преимущественно за реализацию отрицательной составляющей золотого правила. ***Сострадание*** — положительной. Совесть говорит: не делай другим того, чего не желаешь себе, т. е. не делай зла. Сострадание велит оказывать помощь страждущим, поступать с ними так, как хочешь, чтобы поступали с тобой в аналогичной ситуации.

Интимно-психологические «механизмы», реализующие золотое правило, указывают на то, что оно отнюдь не является некой абстрактной бездушной нормой, что оно глубоко индивидуализировано, психологично, имеет не только "*антенну"* в виде традиции, *общепринятого* правила поведения, но и "*заземлено"*, уходит корнями в самые глубины человеческого естества.

В. С. Соловьев, правда, слишком увлекся страдательной стороной золотого правила. Последнее опирается не только на чувства жалости, сострадания, но и на чувства любви, наслаждения и просто на любопытство, на интерес (одного человека к другому). Кроме того он называл золотое правило принципом *альтруизма* и это, как представляется, не совсем верно. Слово «альтруизм» происходит от alter, *другой* и в обозначаемом им принципе акцент, естественно, сделан на *другом*, *других*. Альтруизм — это самопожертвование, самоотверженность. В золотом же правиле акцент делается на ego, на данном человеке. Ведь от него, как от печки, «танцует» золотое правило. Последнее «не отворачивается» от ***я*** в сторону ***другого***, а «пытается» согласовать позиции ***я*** и ***другого***, найти общий знаменатель, общую меру между ними. Золотое правило потому и является мерой, нормой, что оно устанавливает определенный баланс интересов.

Золотое правило — главный принцип человеческого общежития

В положительной форме правило гласит:

поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

В отрицательной:

не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе.

Золотое правило дает целостное и концентрированное представление о нравственности, схватывает главное в ней: *отношение к другому как к самому себе*. Оно устанавливает, фиксирует, определяет *меру* человеческого в человеке, морально *уравнивает* людей и *уподобляет* их друг другу.

Моральное уравнивание — *количественная* процедура, моральное уподобление — *качественная* процедура. Вместе мы имеем *мерный* процесс: золотое правило предлагает человеку *соизмерять* свои поступки с поступками других, мерить своей меркой поступки других и, наоборот, мерить чужой меркой свои поступки; одним словом, оно предлагает находить *общую меру* своих и чужих поступков и действовать в соответствии с этой общей мерой.

В своей отрицательной форме золотое правило устанавливает *минимально низкую* планку морального отношения человека к другим людям, ***запрещает делать зло***, иными словами, устанавливает *минимум* нравственных требований к поведению человека.

В своей положительной форме оно устанавливает *максимально высокую* планку морального отношения человека к другим людям, ***побуждает к добру***, добродеянию, иными словами, определяет *максимум* нравственных требований к поведению человека.

Таким образом, золотое правило охватывает весь диапазон нравственных поступков и служит основой для различения и определения моральных категорий *добра* и *зла*.

Такую же функцию оно выполняет в отношении категории ***долга***. Взглянем на это правило со той стороны, как оно *соизмеряет* свои и чужие поступки. В *фундаменте* этого соизмерения, т. е. *изначально* лежит следующее. Люди, общество дали мне жизнь, сделали меня человеком (кормили, одевали, обували, воспитывали, дали образование и т. д.), т. е. они поступили со мной более или менее хорошо, так, как я *хотел бы*, чтобы со мной поступали другие. Соответственно я поступаю или *должен* поступать с ними (родителями, людьми, обществом), в частном случае, *должен* отплатить им тем же, т. е.

своим поведением я *не должен* ухудшать-уменьшать качество-количество жизни (данной мне и другим), более того, насколько возможно *должен* заботиться об улучшении-увеличении качества-количества жизни (моей и других, общества в целом). Это — общее понимание долга. Оно, естественно, разделяется на частные виды в зависимости от того, кого мы имеем в виду под «другими». Если «другие» — родители, то это долг перед родителями. Если «другие» — народ, нация, то это долг перед Родиной, если «другие» — все человечество, то это долг перед человечеством.

Выполнение долга конкретными людьми для здоровья общества имеет такое же значение, какое удовлетворение потребности имеет для здоровья отдельного человека.

Если мораль (нравственность) регулирует отношения людей, обеспечивает здоровье общества в рамках нормы-оптимума и ближайших отклонений от нее (сознание долга и выполнение его), то *право* регулирует отношения людей, обеспечивает здоровье общества в более широком смысле — недопущения, профилактики или лечения *патологических* отклонений от нормы-здоровья, именуемых правонарушениями и/или преступлениями. Чем для жизни-здоровья отдельного человека являются *болезни*, тем для жизни-здоровья общества являются *правонарушения* и *преступления*. Когда правонарушений и преступлений в обществе много, то это — больное общество в юридическом смысле. О здоровье общества в нравственном смысле говорить приходится еще меньше.

Золотое правило устанавливает связь-соответствие между жизнью-здоровьем отдельного человека и жизнью-здоровьем общества. Оно утверждает, что жизнь и здоровье общества базируются на жизни и здоровье людей, что *нравственность не самоценна, а имеет корень в жизни-здоровье конкретного человека*, является, так сказать, *естественным продолжением* этой жизни-здоровья. Нравственное здоровье, с одной стороны, является частью здоровья общества или совокупности людей (коллектива, семьи...), с другой, — составная часть индивидуального здоровья человека. Право тоже не самоценно. Оно является естественным продолжением нравственности. Оно в сущности, как и нравственность, основывается на золо-

том правиле. Об этом писал Гоббс (см. выше, стр. 358 — п. "Либерализм"). Примерно об этом же говорит давнее политико-юридическое правило: «Каждый обязан подчиняться лишь такому закону, на который он сам дал согласие». Это правило, может быть, несколько категорично, но верно по существу, поскольку опирается на золотое правило. В самом глубоком смысле ***право — это***, повторяю, ***взаимодопущение и взаимоограничение свободы.*** Из взаимодопущения свободы вытекают разнообразные *права человека*. Из взаимоограничения свободы вытекают не менее разнообразные *обязанности человека*[1].

Золотое правило обладает еще тем свойством, что оно **САМОДОСТАТОЧНО**, **закольцовано, имеет основание в самом себе**. Оно, в частности, соединяет «хочу» и «надо», случайность «хочу» и необходимость «надо». Это соединение дает в итоге то, что я называю *свободой*. Золотое правило — ***формула свободы***. Соединяясь в золотом правиле, «хочу» и «надо» взаимно допускают и ограничивают друг друга, устанавливают меру, у*мер*яют друг друга.

Соединяя «хочу» и «надо», золотое правило снимает также дилемму этики *счастья* и этики *долга*. Оно *требует* от человека только то, что он сам *хочет* по отношению к себе. Недаром правило называется *золотым*.

Его своеобразным негативным слепком является “правило”, которое выражается в известных словах “око, за око; зуб за зуб”, “мне отмщение и аз воздам”, в пословицах типа “как аукнется, так и откликнется” и т. п. Смысл “правила” в том, что если тебе сделали плохо, то ты имеешь право или должен отплатить той же монетой. Данное “правило” внешне похоже на золотое правило, но по сути своей является его антиподом. Оно действует тогда, когда *не* действует (нарушается) золотое правило. Насколько разрушительно оно для человеческих отношений, можно видеть на примере *мести* (если ты мне сделал плохо, то и я тебе сделаю плохо). Особенно разрушительна *кровная* месть, приводившая порой к уничтожению целых родов.

[1] Ф. Р. Ламенэ точно сказал: «Обязанность без права есть рабство; право без обязанности — анархия».

Могут спросить: если золотое правило такое хорошее, то почему люди нарушают его, почему они делают зло, не выполняют долга? Ситуация здесь примерно такая же как в случае со здоровьем и болезнями. Последние отнюдь не обесценивают здоровье. Напротив, заболевший человек стремится опять стать здоровым. Так и с золотым правилом. Нарушения правила не обесценивают его. В общем балансе человеческих поступков поступки, основанные на нём, безусловно перевешивают поступки, нарушающие его. Иначе мы имели бы дело с больным, гибнущим обществом.

Золотое правило далеко не так элементарно-очевидно, как это может показаться на первый взгляд. Для того, чтобы оно действовало, нужно выполнение, по крайней мере, двух условий:

А. Человек сам должен быть нормальным, здоровым или, если он нездоров и в чем-то анормален, то должен учитывать это нездоровье, анормальность при определении своего отношения к другому человеку (другим людям). Отношение к другому (другим) — это продолжение отношения к самому себе. Если курильщик, алкоголик, наркоман губит себя, губит свое здоровье, то ему противопоказано действовать в соответствии с золотым правилом (не вообще, конечно, а в определенном отношении: курения, приема алкоголя, наркотиков). Причем, если для алкоголиков и наркоманов такое противопоказание абсолютно, безусловно, то для курильщика есть возможность корректировки своего поведения в отношении других. Курильщик может сознавать вред курения и в соответствии с этим своим сознанием минимизировать наносимый им вред окружающим (например, стараться не курить в присутствии других — хотя в густонаселенном городе это практически невозможно).

Б. Человек должен уметь мысленно ставить себя на место других и таким образом корректировать свое поведение. Это непростая процедура. Очень часто люди вредят другим не по злому умыслу, а из-за своего недомыслия, в частности, из-за неумения мысленно ставить себя на место других в конкретной ситуации. Например, курильщик, зная о том, что курить вредно, всё-таки курит, не жалея не только себя, но и окружающих его людей. Почему так происходит? Потому что для курильщика удовольствие от курения перевешивает сознание вреда от этого курения. Куря в присутствии некурящих, он не думает (или гонит от себя мысль) о том, что некурящие отнюдь не испытывают удовольствия от его курения, а, напротив, страдают. Курящий не поставил себя на место других (некурящих). Иначе он испытывал бы вместо удовольствия одно страдание. Могут сказать, что данная ситуация с курильщиком говорит скорее не о его недомыслии, а о его черствости, бессовестности, его нежелании ставить себя на место другого. Безусловно, все эти внемыслительные моменты могут присутствовать. Но ведь для того и голова на плечах, чтобы продумать до конца последствия своей черствости-бессовестности. Если бы курильщик в полной мере обдумал, т. е. домыслил до конца свое поведение, то он увидел бы, что полученное им удовольствие от курения ни в какое сравнение не идет с тем вредом, который он наносит уже не своему здоровью, а себе как личности, как человеку. Допустим, он курит в присутствии некурящей возлюбленной, суженой. Этим он показывает свое пренебрежение к ней, несмотря на всю любовь, на желание жениться на ней. Обычно девушка-женщина хорошо чувствует такое пренебрежение и рано или поздно отказывает ему в своей благосклонности. Такая же ситуация возникает в случае, если курильщик позволяет себе курить в присутствии друга, близкого, нужного человека и т. п. Гораздо менее очевиден вред, который курящий человек наносит себе в случаях, когда он курит в общественном месте, в присутствии незнакомых людей. (Как часто автор этих строк, сам некурящий, чертыхался по поводу того, что впереди идущий по улице человек дымит сигаретой и не понимает, что он своим курением заставляет идущих за ним пассивно курить). В таких случаях курящий, как правило, не получает прямого

отпора, т. е. непосредственный бумеранг тут не действует. Тем не менее бумеранг и здесь налицо. Когда человек пренебрегает интересами незнакомых ему людей, проявляет неуважение к ним, то он не вправе ожидать от них уважительного к себе отношения. Хамство курящего человека соединяется, как правило, с хамством сквернословящего, дурно пахнущего, плюющего и т. д., и т. п. Одно хамство попустительствует другому. Возникает порочный круг хамства. В итоге увеличивается сумма зла, сумма взаимной озлобленности людей. В этой атмосфере неуважения друг к другу и наш курящий вполне может оказаться жертвой вольного или невольного хамства со стороны незнакомых людей. Здесь получается опосредованный бумеранг. Вывод: если бы курящий человек хорошенько подумал о последствиях своего поведения, т. е. всякий раз ставил бы себя на место других, некурящих людей, то он, безусловно, отказался бы от курения. Курящие люди, живущие в современном городе, так или иначе нарушают золотое правило. А это значит, что они поступают ненравственно, непорядочно. Не случайно во всем цивилизованном мире усиливается кампания за отказ от курения. Золотое правило не может нарушаться длительное время. Люди это чувствуют и стараются решить проблему.

Как можно видеть, при всей внешней мягкости золотое правило поведения весьма и весьма сурово по сути. В некоторых важных вопросах человеческого общежития его требования остаются пока нереализованными, что свидетельствует о том, что оно обладает значительным потенциалом, в частности, указывает на необходимость совершенствования межчеловеческих отношений, морали, права.

15.11. Добро и зло

Отличие моральных понятий добра и зла от общих понятий блага и зла

Благо и зло — наиболее общие понятия, употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности

предметов и явлений окружающего мира. Благо — положительно оцененное явление, положительная ценность (то, что приносит людям пользу). Зло — отрицательно оцененное явление, отрицательная ценность (то, что приносит вред людям).

Человек взаимодействует с другими людьми и с природой, поэтому положительную или отрицательную значимость имеют для него не только действия людей, но и природные явления, вещи (в т. ч. элементы второй природы, созданной трудом человека). Бывает так, что одни и те же природные явления в одних случаях — благо для людей, а в других случаях — зло. Например, дождь: в пору восхождения семян благо, а во время уборки урожая — зло.

Моральные добро и зло — это благо и зло в отношениях между людьми; это действия одних людей, имеющие положительную или отрицательную значимость для других. Если субъектом-носителем природного блага или зла является то или иное природное явление, то субъектом-носителем морального добра или зла всегда является человек как обладающее разумом, сознательно действующее, выбирающее существо.

Отношение человека к природе, к тем или иным природным явлениям может быть оценено как нравственное или безнравственное в том случае, если это отношение косвенным образом затрагивает интересы других людей, общества в целом.

Что такое добро?

Общее определение морального понятия добра складывается из “внешнего” и “внутреннего”.

“Внешнее” определение морального добра отвечает на вопрос: какова функция (или назначение) добра в жизни людей? Для чего нужно людям делать добро друг другу?

“Внутреннее” определение отвечает на вопрос: что такое добро и какое деяние человека следует считать добродеянием?

“**Внешнее**” определение: *добро есть такая форма отношения между людьми, которая осуществляет нравственную связь, духовное единение между ними*.

Зло, будучи антидобром, препятствует возникновению духовной связи или разрывает уже существующую.

Такие виды нравственной связи, как дружба, товарищество, братство были бы невозможны, если бы люди не делали друг другу добро.

“**Внутреннее**” определение: *добро — сознательная установка на служение жизни и само это служение жизни, понимаемой не только как личная жизнь, но и жизнь других, жизнь человечества и жизнь вообще. Конкретно добро выступает в виде бескорыстного благодеяния, за которое человек не ожидает вознаграждения.*

Это определение добра вытекает из положительной формулировки золотого правила поведения. В самом деле, пожелание *поступать так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой*, относится исключительно к тем случаям, когда возникают условия-предпосылки для бескорыстного благодеяния. Все остальные формы благодеяния не требуют соблюдения этого правила.

Зло в моральном смысле — это неспровоцированное нанесение вреда, ущерба кому-либо вплоть до убийства, уничтожения.

Характеристика добра состоит из двух частей: 1) бескорыстное и 2) благодеяние.

Смысл первой части ясен. Попробуем объяснить, что такое благодеяние. В самом общем виде благодеяние — любая деятельность, направленная на достижение блага. Это может быть и отдельный поступок, и ряд поступков, и сложная форма деятельности, такая, например, как творчество. Благодеяние может быть **чисто бескорыстным**, например, бескорыстная помощь кому-чему-либо. Оно может быть и **частично бескорыстным**, например, творческий труд, за который человек ожидает получить некоторое вознаграждение. Вообще всякий добровольный, добросовестный труд (на благо людей) содержит в себе и элемент бескорыстного благодеяния.

Одной из форм благодеяния является помощь. Она весьма многообразна. В словарях русского языка значение слова “помощь” раскрывается различными поясняющими словами:

1. Содействие в чем-либо, в какой-либо деятельности.

2. Поддержка в чем-либо.

3. Защита, выручка, спасение.

Из этих пояснений видно, что помощь имеет различную степень значимости для тех, кому она предназначена.

Наиболее значимой является **помощь-спасение**. Такая помощь предотвращает трагический исход. Как правило, она совершенно необходима спасаемому и без нее он не смог бы предотвратить трагический исход. Элементарный пример помощи-спасения: помощь утопающему.

Добро и зло в аспекте соотношения действительности и возможности

Утверждая неустранимость морального зла из жизни людей, общества, некоторые моралисты и ученые-этики аргументируют, как правило, по схеме: "добро существует лишь постольку, поскольку существует и зло".

В самом деле, добро и зло могут выступать как полюсы моральной действительности. Однако, можно ли на этом основании считать, что добро имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло?! Нет, нет и еще раз нет! Да, добро и зло соотносительные категории. Но соотносительность их можно понимать по-разному, как соотносительность действительно, в равной мере существующих полярных начал подобно соотносительности северного и южного полюсов, и как соотносительность действительного и возможного подобно соотносительности здоровья и болезни (человек может быть действительно здоровым и лишь потенциально больным, и наоборот, если он действительно болен, то лишь потенциально здоров). Бывают, конечно, эпохи, периоды в истории и просто ситуации, когда добро и зло в равной мере существуют и противоборствуют, когда трудно оценить, что сильнее: добро или зло. В таких случаях можно говорить об этих категориях как полярных началах моральной действительности. Но можно ли на этом основании утверждать, что существование зла всегда, во всех случаях необходимо для существования добра, что добро только тогда является положительной моральной ценностью, т. е. добром, когда оно противостоит ре-

ально существующему злу. Безусловно, зло может оттенять добро и "способствовать" его возвеличиванию, но отсутствие или исчезновение зла из реальных отношений между людьми отнюдь не влечет за собой исчезновение добра, нравственности. Подобно тому, как люди предупреждают наступление болезни, голода, принимая различные меры, они научатся и будут предупреждать появление зла, не позволяя ему перейти из сферы возможности в сферу действительности. Следует иметь в виду, что добро является отрицанием зла не только в том смысле, что оно преодолевает существующее зло или противоборствует ему, но и в том смысле, что оно может выступать как профилактическая мера, как предупреждение возможного зла.

Бетховен создал свои гениальные симфонии. Этим он оказал великую услугу человечеству. Разве это его добродеяние имеет смысл лишь потому, что существует еще и зло? Какая нелепость! Добро имеет самостоятельную ценность и не нуждается в том, чтобы зло его оттеняло и возвеличивало. Мы вдохновляемся музыкой Бетховена независимо от того, существует зло или нет. Она зовет нас на борьбу, но это не обязательно должна быть борьба с моральным злом. Есть много на свете проблем и дел, где нужна человеческая энергия, страсть, воля к победе и где моральное зло только мешает.

Нацисты во время второй мировой войны в одном только лагере смерти — Освенциме — уничтожили полтора миллиона человек. Разве мы можем хоть в какой-то мере оправдывать это преступление против человечества ссылками на то, что злодеяния необходимы для придания смысла добру, для его оттенения и возвеличивания?!

Итак, ясно, что добро и зло нельзя рассматривать только в плане *сосуществования*; их следует рассматривать в более широком плане, а именно, в плане *возможности* и *действительности*, действительного и возможного существования. Они могут сосуществовать и противоборствовать как полюсы моральной действительности, а могут соотноситься как действительное и возможное (в частном случае, как норма и патология). Ф. М. Достоевский, всегда очень чуткий к моральным проблемам, отказывался верить в то, что зло нельзя победить.

"Люди, — писал он, — могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей".

На примере добра и зла мы видим, как важно в методологическом плане не абсолютизировать категорию действительности. Такая абсолютизация может наделать много бед, либо ориентировать людей на пассивность, либо, еще того хуже, толкать их на совершение морального зла.

Человек по своей природе добр. Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология

Существуют разные мнения относительно того, добр или зол человек по своей природе. Одни считают, что человек по природе добр, другие, что он зол, третьи — что он не добр и не зол. Ф. Ницше, например, характеризовал человека как злое животное. А Руссо в "Рассуждении о неравенстве" [1754] утверждал, что "человек по натуре своей добр и только общество делает его плохим" — антитеза доктрине первородного греха и спасения в церкви.

С моей точки зрения, ***человек по своей природе — т. е. изначально, сущностно — добр. Злой человек — это аномалия, исключение из правила, нравственно больной человек.*** Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология, здоровье и болезнь. Добрый человек — нравственно здоровый. Злой человек — нравственно больной, нравственный урод, инвалид.

Нравственность родилась вместе с человеком, неотделима от него. А она не может быть без доброты, без добрых поступков.

Наличие зла и злых людей в мире вовсе не подрывает основы человеческого добронравия. Если люди болеют, то это не значит, что они не здоровы по своей природе.

Кстати, нравственность человека появилась не на пустом месте. Она, безусловно, имеет биологические корни. У высших животных есть то, что можно было бы назвать пранравственностью. Ведь что такое нравственность по жизни? Это

правила человеческого общежития, т. е. правила поведения человека в обществе. Подобные правила есть и у животных.

Когда пытаются *доказать необходимость морального зла*, то нередко рассуждают о том, что это зло оттеняет добро, что добро без зла как свет без тьмы — уже и не добро. Эти рассуждения фальшивы насквозь. Моральное добро имеет ценность само по себе и вовсе не нуждается в оттенении злом. Людям нет необходимости творить зло, делать зло друг другу, чтобы жить интересной, яркой, нескучной жизнью. На свете много интересных и полезных дел, которые требуют совместных усилий, дерзания, проявления творческой индивидуальности и которым, напротив, мешает злоумыслие отдельных людей.

Сопоставление добра и зла как света и тьмы или порядка и хаоса — ложное. Здесь есть определенное лукавство. Это тот случай, когда сравнение хромает. Да, благодаря взаимодействию света и тьмы (света и тени, черного и белого) мы можем видеть. В чистом свете и в чистой тьме ничего нельзя увидеть. То же с порядком и хаосом. Мы живем в мире, в котором порядок и хаос, упорядоченность и неупорядоченность находятся в сложном переплетении. Чистый порядок — порядок твердого тела — неживой, мертвый. И чистый хаос, беспорядок — как инертный газ — безжизнен, мертв. Если же говорить о добре и зле, то трудно представить доброго человека, который для того, чтобы быть полноценным человеком, должен совершать и злые поступки. Тем более трудно представить творческого человека, который для того, чтобы достигнуть результатов в своей деятельности, непременно должен сделать что-то дурное.

Мотив оттенения добра злом — известный мотив. Он звучит еще при сопоставлении жизни и смерти (1), здоровья и болезни (2), богатства и бедности (3).

1. В рассуждениях о пользе смерти нередко используется тезис: смерть нужна, чтобы по-настоящему оценить значимость жизни. К. Ламонт, например, пишет: “Я убежден, что откровенное признание смертности человека не только не по-

дорвет нравственность и не остановит прогресс, но, при прочих равных условиях, будет действовать как раз в противоположном направлении. Люди тогда поймут, что именно здесь и сейчас, если они вообще собираются когда-либо это делать, они должны развивать свои возможности, завоевать счастье для себя и для других, принять участие и вложить свою долю в предприятия, которые имеют, по их мнению, наивысшую ценность. Они поймут, как никогда раньше, реальность быстротечного времени и осознают свою серьезную обязанность использовать его наилучшим образом"[1]. В другом месте он пишет об объединяющем (!) значении смерти: "*Социальное* значение смерти также имеет свои положительные стороны. Ведь смерть делает нам близкими общие заботы и общую судьбу всех людей повсюду. Она объединяет нас глубоко прочувствованными сердечными эмоциями и драматически подчеркивает равенство наших конечных судеб. Всеобщность смерти напоминает нам о существенном братстве людей, которое существует несмотря на все жесткие разногласия и конфликты, зарегистрированные историей, а также в современных делах"[2].

Это и подобное ему мнения исходят из посылки, что без смерти человек не сознавал бы в полной мере ценности жизни. А теперь подумаем, правильно ли это? Если как следует поразмыслить, то можно увидеть, что ***есть тысячи способов чувствовать, сознавать, переживать ценность жизни без того, чтобы сознавать "перспективу небытия", "сталкиваться со смертью".*** Когда человек любит и любим, разве он не ощущает величайшую ценность жизни? Когда человек горит творческим огнем и у него получается дело, разве он не сознает ценность жизни? Когда человек видит солнце, улыбки людей, когда он здоров, счастлив, разве ему нужно еще что-то другое, чтобы ценить жизнь? *Ценность жизни в ней самой* и искать ее на стороне — у смерти ли, у потустороннего бессмертия ли — пустая затея, напрасный труд. Сознание самоценности жизни вызывает у всех нормальных людей, не сби-

[1] *Ламонт К.* Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 267.
[2] Там же. С. 278.

тых с толку пессимистической или утешительной философией, жажду жить как можно дольше, жажду *не умирать*[1].

Конечно, сознание смертности определенным образом влияет на умонастроение человека. Это сознание в отдельных случаях, действительно, позволяет ярче почувствовать ценность жизни. Но, во-первых, сознание смертности может не только оттенить ценность жизни, но и *затемнить, омрачить* ее и даже потушить свет жизни. Оно обоюдоостро. Во-вторых, совершенно очевидно, что *жизнь не нуждается в оттенении смертью.* Она, как я уже говорил, самоценна. В ней к тому же хватает своих теневых сторон, которые дают почувствовать ценность жизни и без такой страшной тени как смерть. Жизнь есть борьба и в ней неизбежны потери, неудачи, поражения.

2. В отношении *здоровья и болезни* также можно слышать разговоры о том, что человек по-настоящему чувствует здоровье тогда, когда он переболеет, когда во время болезни он оценит, как плохо быть нездоровым и как хорошо быть здоровым. Опять ложь. Для того, чтобы ценить здоровье, вовсе не требуется быть больным. Есть люди, которые в жизни очень мало болели, практически всегда были здоровы. Так что же, они несчастные люди, раз не переболели серьезными болезнями? Какая чушь! Положительная сила здоровья достаточно проявляется в кипучей, полнокровной жизни человека, в заботах, радостях, наслаждениях и волнениях, в борьбе, победах и преодолениях. Можно, конечно, понять тех людей, которые живут вялой, скучной жизнью, которые по-настоящему не используют, не эксплуатируют свое здоровье. Когда они заболевают, начинают страдать, вот тогда они начинают чувствовать всю прелесть здоровья. Их можно только пожалеть.

3. Тот же мотив звучит в высказываниях о положительной ценности бедности, нужды для творчества. “Некоторые писатели, — свидетельствует Ян Парандовский, — открыто осуждают материальное благополучие”. По их мнению, “нужда не позволяет заснуть, обленииться. Держа художника в постоянном напряжении, она возбуждает его энергию, закаляет харак-

[1] Бетховен как-то воскликнул: “О, как прекрасно прожить жизнь тысячу раз!” Я вполне его понимаю. Для творческого человека стеснительны рамки *смертной* жизни.

тер, заставляет быть гордым”[1]. Парандовский справедливо им возражает: “Но что бы ни говорилось бы в похвалу бедности, что ни рассказывалось бы о триумфах гениальных одиночек в их борьбе с нуждой, не следует все же усматривать в изморе голодом наилучшее средство для развития таланта. Как правило, нужда губит, и в ее беспощадных тисках погибли тысячи прекрасных умов, погибли в унижении и отчаянии”[2].

Во-первых, жизнь не сводится к преодолению трудностей, и, во-вторых, не всякие трудности-препятствия полезны человеку. Есть такие трудности, которых лучше не было бы. Искусство жизни состоит как раз в том, чтобы преодолевать трудности, которые помогают расти, и избегать такие, которые мешают.

Во всех этих утверждениях делается попытка уравнять положительное и отрицательное в жизни, поставить их на одну доску. Это негодная попытка. Человеку не нужна смерть, не нужны болезни, не нужна бедность, не нужно зло.

Как бороться со злом и надо ли с ним бороться?

Правилен ли толстовский тезис о непротивлении злу насилием или прав философ И. А. Ильин со своим антитезисом — о сопротивлении злу силою? И нужно ли вообще бороться со злом?

Толстой прав вообще, в общем контексте жизни. Жизнь в большинстве случаев нормальна, т. е. люди, как правило, не делают друг другу ничего плохого по злому умыслу. Поэтому зацикленность человека на теме борьбы со злом не вполне нормальна. Человек, тратящий все свои силы на борьбу со злом, живет негативной, отрицательной жизнью, вынужден отказываться от простых человеческих радостей, от любви, творчества, вообще лишает себя нормальной жизни. Он живет как бы со знаком минус. Такая жизнь может быть оправдана только в очень немногих случаях, например, если она продик-

---

[1] Парандовский Ян. Алхимия слова, М., 1972. С. 55-56.
[2] Там же. С. 56.

тована профессией (уголовный розыск, обвинение в суде...) или конкретными обстоятельствами борьбы с вопиющей несправедливостью.

Лучший способ борьбы с болезнями — не лечиться от них, а предотвращать, не допускать их, вести здоровый образ жизни. Лучший способ борьбы со злом — не сопротивляться ему, а не допускать его в принципе, предотвращать его. Толстовское "непротивление злу насилием" основано на убеждении, что человек по своей природе добр и если совершает зло, то большей частью не по злому умыслу.

Ясно теперь, что если И. А. Ильин и прав со своим антитезисом (о сопротивлении злу силою), то лишь в отдельных случаях. Что говорить, ведь злодеи все-таки есть и с ними как-то надо бороться.

Человек, делающий зло другим, прежде всего наносит вред себе, точнее, себе как человеку вообще, как *общественному* существу, причастному к жизни человеческого общества. Всякие оправдывающие аргументы, вроде “другие делают зло и я буду” (“если другие делают зло, то почему я не могу делать зло?”), “мне плохо и пусть страдают другие”, “мне наплевать на других” и т. п., при внимательном рассмотрении не выдерживают критики. Ведь они основаны на том, что нет человеческого *общества*, что люди — это шайка грызущихся друг с другом, воюющих друг с другом (по известному древнеримскому "человек человеку волк" или по гоббсовской формуле "война всех против всех"). Вся история человечества свидетельствует против такого взгляда на отношения людей.

Во-первых, рост народонаселения. Люди плодятся и размножаются.

По данным науки в начале верхнего палеолита (полмиллиона лет назад) было максимум 100 тыс. человек; в начале неолита — 1 млн человек; в начале новой эры — 200 млн человек; к 1200 г. — 400 млн человек; в начале 17 века — 500 млн человек; в 1800 г. — 600 млн человек; в середине 19 века — 1 млрд человек; в 1890 г. — 1,6 млрд человек; в 1999 г. (ноябрь)— 6 млрд человек, в 2018 г. (июнь) — 7,6 млрд человек. Прогноз на середину XXI века — 15 млрд человек. (С. П. Капица).

Если бы люди постоянно враждовали, убивали друг друга,

то их численность должна была уменьшаться. (Это, кстати, и происходит в отдельных случаях).

Во-вторых, рост продолжительности жизни. Первобытный человек жил в среднем не более 30-и лет. Сейчас продолжительность жизни во всем мире выше 50-и лет, а в наиболее развитых странах выше 70-80-и лет. Рост средней продолжительности жизни свидетельствует о том, что люди направляют усилия не на уничтожение друг друга, а на взаимную поддержку.

В-третьих, прогресс материальной и духовной культуры. Вражда и война всегда сопровождаются разрушениями, уничтожением культурных ценностей. Разрушения могут быть весьма значительными и даже превышать созидательные усилия людей. А что мы видим в общем и целом? — **Безусловное преобладание созидания над разрушением.** Люди строят, производят сельскохозяйственные и промышленные продукты, изобретают, открывают новое, творят искусство. И делают они это в большинстве случаев совместно, сотрудничая и кооперируясь, оказывая друг другу поддержку-помощь.

Зло означает разрушение. Если созидание преобладает над разрушением, то, следовательно, добро побеждает зло, добра больше, а зла меньше.

15.12. Об эгоизме, альтруизме и нормальном поведении

Моралисты выступают, как правило, против эгоизма и за альтруизм. Насколько это правильно и правильно ли вообще? Все зависит от того, что мы понимаем под эгоизмом и альтруизмом. Мне представляется, в этом вопросе много путаницы. Под эгоизмом нередко понимается б***о***льшая забота о себе и б***о***льшая любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим людям. А под альтруизмом просто заботу (“думание”) о других людях. В том и другом случае имеется смещение акцентов, которое искажает нравственную оценку эгоизма и альтруизма.

Возьмем ***эгоизм***. Как мне представляется, нельзя понимать

его как б***о***льшую заботу и любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим. Иначе мы объявим эгоистами всех без исключения людей. Ведь абсолютно естественна преимущественная забота и любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим. Давайте подсчитаем, сколько времени мы тратим на себя и сколько на других. И выясним, что практически во всех случаях тратим время больше на себя, чем на других. Это и сон, и питание, и туалет, и уход за телом, и одевание-раздевание, и устройство своего жилья, и учение, и отдых, и хобби. Давайте не будем кривить душой и честно признаем: мы думаем больше о себе, чем о других; любим больше себя, чем других; заботимся больше о себе, чем о других. И хватит упрекать в эгоизме себя и других только за то, что ты или кто-то другой позаботился о себе, потратил время на себя.

Эгоизм — это когда человек заботится о себе ***в ущерб, во вред*** другим, ***за счет*** других, когда в конфликтной ситуации "или-или" (столкновения личных интересов и интересов других: ***или*** то ***или*** другое, третьего не дано) человек делает выбор в свою пользу и **во вред** другим.

К сожалению, весьма распространенным является другое понимание эгоизма — как б***о***льшей заботы о себе, чем о других. Аристотель, например, писал:

"Помимо всего прочего трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, но он заключается не в любви к самому себе, а в большей, чем должно, степени этой любви; то же приложимо и к корыстолюбию; тому и другому чувству подвержены, так сказать, все люди." ("Политика" (1263 a-b))

Смотрите, как он сказал: эгоизм "заключается не в любви к самому себе, а в большей, чем должно, степени этой любви". Это слишком широкая и неопределенная формулировка, позволяющая трактовать эгоизм как *всякую* любовь к себе. В самом деле, что такое выражение "в большей любви к себе, чем должно"? Каждый может трактовать ее как хочет. Ведь под *должным* некоторые могут понимать и жизнь для других, са-

моотречение. Аристотель не дает здесь критерия для определения должного. Напротив, указание на эгоизм как на "б***о***льшую любовь к себе" кажется понятным и убедительным.

На поверку негативная оценка "большей любви к себе" (как эгоизма) означает, по закону противопоставления, моральный запрет на любовь к себе вообще, поскольку не определен *должный* размер любви к себе и любое, в том числе обманчивое, ощущение якобы *большей* любви к себе могут истолковать как эгоизм, т. е. как нечто дурное.

По большому счету, моральный запрет на б***о***льшую любовь к себе противоестественен. Он означает, что человек не может совершенствовать это чувство к себе, развивать его, культивировать, усиливать и т. д. и т. п. Ему остается только постоянно сдерживать себя в этом чувстве или лицемерить. Любовь, любая любовь — это такая "вещь", которая внутри себя имеет пружину расширения, усиления, развития, совершенствования и постоянное сдерживание ее может привести к самоуничтожению или к взрыву поведения, к непредсказуемым хаотическим действиям.

Альтруизм, самопожертвование, самоотверженность. Я утверждаю, что альтруизм также плох, как и эгоизм. Слово "альтруизм" происходит от латинского слова "alter" — другой. В мягком варианте альтруизм означает б***о***льшую заботу о других, чем о себе. В жестком варианте он может означать заботу о других ***в ущерб*** себе, вплоть до самоуничтожения. В этом жестком варианте он именуется по-русски самоотверженностью, самопожертвованием, самоотречением. И в мягком, и в жестком варианте альтруизм как норма поведения несостоятелен и губителен — как для самого альтруиста, так и для других.

Умные люди давно уже подметили губительность альтруизма для тех, на кого он направлен. Оскар Уайльд в "Идеальном муже" устами героя пьесы говорит: "Самопожертвование следовало бы запретить законом, так как оно развращает тех, кому приносится жертва". О том же писал наш А. С. Макаренко в "Книге для родителей". Он рассказал о конкретном случае материнского самопожертвования и отрицательных

последствиях этого самопожертвования. Им было наглядно показано, что *альтруизм одних почти неизбежно приводит к эгоизму других*.

Мало того, альтруизм может иметь разрушительные, катастрофические последствия для тех, на кого он направлен. Чрезмерная забота о других обычно приводит к тому, что эти другие почти буквально перестают заботиться о себе, становятся иждивенцами, паразитами, духовными и даже физическими инвалидами.

Выше было сказано, что альтруизм губителен как *норма поведения*. В принципе, эта оговорка насчет "нормы поведения" не нужна. Альтруизм *по определению* утверждает самопожертвование-самоотверженность как норму поведения. Иначе он не был бы "измом".

Героизм. Отвергая альтруизм как повседневное, обычное, нормальное поведение человека, я в то же время не отвергаю положительное значение отдельных актов самопожертвования-самоотверженности, когда человек оказывается в исключительных обстоятельствах, т. е. в ситуации "или-или" (или он заботится о себе, жертвуя другими, нанося вред другим, или он заботится о других, жертвуя собой). В этих обстоятельствах, делая выбор в пользу других, человек поступает как **герой**. Героизм в чрезвычайных ситуациях, на пожаре, на войне и т. п. вполне оправдан и обычен, если позволительно говорить о нем как нормальном явлении. Да, героизм — нормальное поведение в ненормальных (исключительных) обстоятельствах! И он же... — ненормальное поведение в нормальных обстоятельствах, в нормальной жизни.

Нормальное поведение. В большинстве случаев человек не эгоист, не альтруист и не герой, в меру заботится о себе и других. Потому что большинство случаев — это ситуации, когда забота о себе, любовь к себе и забота о других, любовь к другим неразделимы, суть одно. Возьмем любовь мужчины и женщины. Она тем больше любовь, чем больше в ней взаимности. Любя женщину, мужчина любит себя, свои чувства, свою душу и тело. И женщина любит мужчину в значительной мере благодаря тому, что она любит себя и любит, когда ее любят.

Любое общение — а мы купаемся в общении, — это улица с двусторонним движением. Оно необходимо предполагает *взаимный* интерес, приязнь, заботу. Там, где общение односторонне, оно быстро затухает или еле тлеет…

Теперь возьмем творчество. Наряду с любовью оно является важнейшим элементом жизни. Творчество — это и воспитание, и обучение, и образование, и познание, и искусство, и философия, и управление, и изобретение, техническое творчество. И что же? Практически любой акт творчества — одновременно акт для себя и для других. Иными словами, как и любовь, творчество не разделяет “для себя”—“для других”. Творя, человек испытывает высшую радость жизни и в то же время работает на всех людей, служит прогрессу жизни.

Если бы я был поэтом, то сочинил бы оду, поэму, гимн нормальному поведению, нормальной жизни человека. В нормальности есть всё для того, чтобы дерзать, чтобы любить жизнь и радоваться ей!

15.13. О культуре поведения

Культура человека складывается из двух частей: внутренней и внешней.

Внутренняя культура — это знания и умения, лежащие в основе жизни человека (образованность, развитый интеллект, добродетельность-нравственность, благородство, профессиональная подготовка).

Внешняя культура — это культура поведения, культура непосредственного контакта, общения с людьми, с окружающей средой. Внешняя культура рождается на стыке внутренней культуры человека с окружающей средой.

Внешняя культура в отдельных случаях может быть не связана с внутренней культурой или даже противоречить ей. Культурный и дельный человек может быть элементарно невоспитан. И, напротив, внешне воспитанный человек может быть пустой, безнравственный, без глубокой внутренней культуры.

Внешняя культура относительно независима от внутренней. Вольтер говорил: «Этикет — это разум для тех, кто его не

имеет». И он во многом прав. Ты можешь хорошо знать правила этикета и соблюдать их, но при этом не обладать соответствующей внутренней культурой, в том числе развитым интеллектом.

Внешнюю культуру называют по-разному: культурой поведения, этикетом, хорошими манерами, правилами хорошего тона, благовоспитанностью, культурностью... Это говорит о том, что в зависимости от конкретной задачи люди акцентируют внимание на какой-то одной стороне внешней культуры: чаще всего либо на знании правил поведения и их соблюдении либо на степени вкуса, такта, мастерства в овладении внешней культурой.

Внешняя культура состоит из двух «частей»: того, что идет от общественного мнения (разных общепринятых правил, этикета) и того, что идет от совести человека (деликатность, такт, вкус, манеры).

Существуют правила поведения разного уровня:

1) уровень общечеловеческих правил, принятых в современном обществе;

2) уровень национальных правил или правил, принятых в данной стране;

3) уровень правил, принятых в данной местности (в селе, городе, Москве);

4) уровень правил, принятых в том или ином общественном слое (в среде рабочих, в среде интеллигенции, в высшем обществе и т. п.).

5) уровень правил, принятых в том или ином профессиональном сообществе или общественной организации (медицинских работников, юристов, милиционеров, военных, государственных служащих, членов той или иной партии...)

6) уровень правил, принятых в том или ином учреждении (образовательном, медицинском, государственном, коммерческом...)

Если говорить о том, что идет от **совести** человека, то здесь тоже можно наблюдать большое разнообразие типов поведения: и деликатность и хамство, и хорошие и дурные манеры, и хороший и плохой вкус.

Человек может не знать тех или иных правил поведения, принятых в данном сообществе. Но если он обладает развитым интеллектом и развитой совестью, то может в какой-то мере компенсировать это незнание чутьем, интуицией, основанными на прирожденных или приобретенных деликатности, такте, вкусе.

Между правилами и внутренними регуляторами поведения имеют место очень сложные отношения. Они противоположны как внутреннее и внешнее, типичное и индивидуальное и в то же время «работают» в одном направлении.

Нормальные взаимоотношения людей — тонкая материя

Она легко рвется, если люди грубо обращаются друг с другом.

1. Надо стараться избегать резких слов. Мы говорим, например, нередко другому человеку: “не ори”, “не кричи”, а он всего-навсего громко говорит (от волнения, от возбуждения) или даже не повышал голос, но нам кажется, что он “орет”. Или, если человек сказал с нашей точки зрения несуразность, мы сразу “осаживаем” грубыми словами “не говори глупость, чушь”, “не болтай”.

2. Мы любим злословить. Женщину, чем-то нам не понравившуюся, называем “кошелкой”, “дурой”, «стервой», а мужчину — “козлом”, “лохом”, «придурком».

3. Человеку, с которым мы не согласны в чем-то, говорим: “ты врешь, лжешь”, “ты заблуждаешься”, “ты ничего не понимаешь”.

4. Мы любим крепкие выражения, грубые слова-паразиты (“блин”, “с...” и т. д.), сквернословим. Некоторые думают, что сквернословие, крепкие выражения “украшают” их. Да, в ненормальных отношениях это может быть так. Вспомним, однако, что говорил еще Аристотель: "из привычки сквернословить развивается склонность к совершению дурных поступков" (Политика, 1336 b).

5. Мы любим обобщать, легко делаем из мухи слона. Человек допустил оплошность, что-то не так сказал, сделал, а мы

сразу вешаем ярлык: "глупый", "эгоист", "хам", «подлец» и т.п.

6. "Это твои (ваши) проблемы" — невежливое и неуважительное отстранение от проблем другого человека. То же самое можно сказать по-другому: "я, к сожалению, не могу тебе (вам) здесь помочь".

"Это твои (ваши) проблемы" может быть просто хамским, оскорбительным, если говорящий несет отчасти ответственность за возникновение этих проблем.

Не нужно показывать-демонстрировать другому человеку, что он остался наедине со своими проблемами, что он одинок, что он не очень умен, не очень умелый, знающий. Если ты не можешь помочь другому человеку, то должен хотя бы не лишать его надежды на помощь и не лишать его самоуважения.

Ты хочешь совершенствоваться, быть лучше, быть достойным любви, добра, хочешь, чтобы тебя уважали? Так следи за собой, за своими словами-действиями, чисть себя, не давай себе в этом покоя!

15.14. Культура

К сведению тех, кто понимает под культурой нечто аморфное и безбрежное, кто включает в ее состав вещи, несовместимые с нормальной человечностью. **Культура — это совокупность знаний и умений, направленных на самосохранение, воспроизводство, совершенствование человека**[1] **и воплощенных отчасти в нормах жизни (обычаях, традициях, канонах, стандартах языка, образования и т. п.), отчасти в предметах материальной и духовной культуры**. Всё, что выходит за рамки этих знаний и умений, что разрушает человека или препятствует его совершенствованию, — не имеет отношения к нормальной человеческой культуре и служит только одному богу: богу антикультуры.

Различают культуры: духовную и материальную, внутреннюю и внешнюю, отдельного человека и того или иного со-

[1] Под ***человеком*** здесь имеется в виду и отдельный человек, и разные общности людей, и человечество в целом.

общества. Говорят еще о научной, художественной, политической, нравственной, технической, педагогической, языковой (речи) и т. д. культурах.

Феномен антикультуры

В последние 80-100 лет пышным цветом «расцвела» антикультура[1]. Сначала она поразила Запад, а после 1991 года активно внедряется в нашу российскую действительность. Черты антикультуры:

1) постоянная обращенность к теме смерти, некрофилия: бесконечные романы и фильмы ужасов, катастроф, триллеры, боевики и т. п., информационная некрофилия в средствах массовой информации [СМИ].

2) проповедь-пропаганда анормального в разных его видах: театр абсурда; философия абсурдизма; психоделическая философия; наркотическая антикультура; романтизация преступника [когда антигерои-преступники изображаются как герои], чрезмерное внимание к отклонениям в сексуальном поведении [садизму, мазохизму, гомосексуализму]; пристрастие к изображению психопатологии, болезненных проявлений человеческой психики, достоевщина.

3) нигилизм по отношению к старой культуре, разрыв с ней или попытки ее «осовременивания» до неузнаваемости, одним словом, нарушение баланса между традициями и новаторством в пользу последнего; новаторство ради новаторства, соревнование за то, чтобы своим «новаторством» сильнее удивить, поразить воображение зрителя, читателя, слушателя.

4) воинствующий иррационализм: от постмодернистских изысков и вывихов до восхваления мистицизма.

К сожалению, деятели культуры всё больше превращаются в оборотней — деятелей **антикультуры**.

Во-первых, вместо того, чтобы «чувства добрые» «лирой пробуждать» (А. С. Пушкин), «сеять разумное, доброе, веч-

[1] Не следует путать этот термин с термином «контркультура». Контркультура — протестная культура; в ней могут быть как положительные моменты для культуры, так и отрицательные.

ное» (Н. А. Некрасов), они пустились во все тяжкие: в изображение картин и сцен, демонстрирующих насилие, убийство, преступное поведение в целом, грубость, хамство, цинизм, всякие кривлянья, ёрничанья, издёвки.

Во-вторых, красота, прекрасное у нынешних деятелей культуры не в моде: чем уродливее-безобразнее изображаемое, тем лучше (примеры: «Жизнь с идиотом» Виктора Ерофеева, «Лебединое озеро» в постановке Мориса Бежара и т. п.).

В-третьих, истина не приветствуется. Характерный пример: в телевизионной рекламе прозвучало: «Реальные факты менее интересны, чем фантазии и заблуждения». Эта реклама многократно передавалась по телевидению. Вдумайтесь только, что внушается людям: мир иллюзий, ирреальный мир более интересен, чем реальная жизнь?! Да здравствуют маниловщина, мюнхгаузеновщина, кастанедовщина, всякого рода дурманы, духовные и материальные! — Это почти прямой призыв к безумствованию, к уходу из реальной жизни вплоть до наркотической бредомании.

Одним словом, ***добро, красота, истина*** — фундаментальные человеческие ценности, на которых основывается жизнь, — деятелей антикультуры почти не интересуют, а если и интересуют, то только в обертке-окружении анормального (отклоняющегося или патологического).

Антикультура — это чрезмерное развитие определенных теневых сторон культуры, раковая опухоль на ее теле. Опасность антикультуры не только в прямом действии на сознание и поведение людей. Она мимикрирует, маскируется под культуру. Люди нередко обманываются, ловятся на удочку антикультуры, принимая ее за культуру, за достижения культуры. **Антикультура — болезнь современного общества. Она разрушает культуру, разрушает человеческое в человеке, самого человека как такового. Она страшнее любой атомной бомбы, любого Усамы бен Ладена, потому что она поражает человека изнутри, его дух, сознание, тело.**

Пропаганда анормального в современном обществе

Современное общество, его атмосфера в целом заражены бациллами анормального (аморального, преступного сознания). Кино и телевидение переполнены сценами насилия, убийства, всякими ужастиками, монстрами, показами катастроф, гибели людей. Преступники и убийцы нередко выставляются героями (наглядный пример: часто демонстрируемый по телевидению отечественный кинофильм «Гений», где в главной роли известный киноактер А. Абдулов).

Мы наблюдаем бесконечное смакование подробностей-деталей насилия, преступлений, убийства, грубого/жестокого обращения с людьми. Язык и поведение литературных и киногероев, как правило, лишены нормальной человечности, деликатности, такта. Сплошное хамство, грубое обращение, грубый площадный язык вплоть до мата.

Всё это дети, подростки, молодые люди видят, впитывают в себя как губка, заряжаются этой негативной энергией, начинают подражать. Им начинает казаться, что всё в этом обществе возможно, допустимо, приемлемо. *Отрицательная энергия преступного сознания, разлитая в современной культуре, в фильмах, книгах, в средствах массовой информации, проникает в неокрепшие умы молодых людей.*

Да что говорить о молодых людях?! И взрослые, зрелые люди порой не выдерживают этого давления криминализированной культуры. Как-то по каналу НТВ был показан сюжет с поимкой серийного убийцы, врача скорой помощи Сергеева из Санкт-Петербурга. Уже в тридцатилетнем возрасте этот **любитель детективов** (как он сам о себе сказал на одном из допросов) встал на преступный путь сначала ограблений, а потом и убийств. На его совести 10 убийств!

Когда в литературе, в кинематографе, на телевидении — бесконечные боевики, детективы, то это неизбежно ведет к криминализации общества, к тому, что люди, вольно или невольно отравляясь всеми этими миазмами преступного сознания, всё в большем количестве становятся на путь преступлений.

Бесчисленные сцены с показом преступного поведения ведут лишь к увеличению преступности, воспитывают и плодят всё новых и новых преступников.

Деятели кино-телевидения, писатели порой оправдывают свое пристрастие к детективному жанру тем, что криминальные сюжеты их фильмов, телепередач, книг отражают жизнь, что якобы такова жизнь. **Я с полной ответственностью заявляю: они клевещут на жизнь, на людей, на Россию, на человечество!**

В подавляющем большинстве своем люди живут нормальной жизнью, родят, воспитывают, учат детей, строят, лечат, производят материальные и духовные блага. Преступность и борьба с нею — это лишь ничтожная часть жизни людей, России, человечества. Преступники, подобно болезнетворным микробам, могут лишь паразитировать на теле общества. Не этим живет общество! Основная жизнь людей — это либо любовь, рождение и воспитание детей, воспроизводство новой жизни, либо производство материальных и духовных благ, жизнь в культуре, материальный-духовный прогресс.

Всё остальное находится на периферии жизни. Преступность — это периферийная, маргинальная[1] жизнь. Соответственно и показывать ее нужно в этой пропорции. Не 80-90 процентов экранного времени, а каких-то 10 процентов. Художники, писатели, телевизионщики не должны идти на поводу у маргиналов и тех, кто готов смотреть жизнь этих маргиналов.

Кстати, первые используют порой такую аргументацию для обоснования своей позиции: людям нужно показывать интересное, занимательное; боевики, детективы, как правило, интересны, занимательны; значит, людям нужно их показывать. — Это логически ошибочная аргументация. Боевики и детективы — лишь малая часть интересного, занимательного.

[1] Маргинальный — находящийся на краю, на периферии, на обочине, в стороне; маргинал — человек с маргинальным сознанием и поведением. К маргиналам относятся преступники, политические и религиозные экстремисты, люди с девиантным (отклоняющимся) поведением.

Объем понятия «интересное, занимательное» неизмеримо больше объема понятия «боевик-детектив». Людям интересна любовь, перипетии любви, интересна борьба в разных ее некриминальных видах (в спорте, в поисках неизведанного, непознанного, в творчестве, в науке, в политике, в экономике), в том числе соревновательные формы борьбы, конкурентная борьба. Занимательны путешествия, приключения, исторические события, жизнь животных, растений, юмор, сатира, комедия и т. д. и т. п.

Ссылаются также на спрос, что де детективы пользуются повышенным спросом. **На самом деле это артефакт, искусственно вызванный феномен (когда предлагают на рынке в качестве интересного-занимательного преимущественно что-то одно, то и получают соответствующую реакцию в виде повышенного спроса на это одно).** Если бы писатели, кинематографисты, телевизионщики создавали больше интересной продукции недетективного характера, то и структура спроса изменилась бы в пользу этой продукции.

15.15. Наука

В философии наука рассматривается двояко: как элемент, тип культуры, как структурный элемент общества, играющий важную роль в его жизни, и как форма познавательной деятельности, форма поиска истины. Соответственно этому она и рассматривается в двух разных разделах философии. Как социально организованная форма познания — в настоящем разделе, а как форма деятельности — в разделе «методы и формы человеческой деятельности».

Итак, как уже было сказано вначале, наука — коллективное познание или, по-другому, социально организованная форма познания. Она встроена в культуру, в жизнь общества и оказывает гигантское влияние на все сферы жизни.

Два противоположных взгляда на науку: 1) она — всё в современной жизни (сциентизм) и 2) она играет ограниченную позитивную или даже отрицательную роль (антисциентизм). В первом случае имеет место преувеличение роли науки, во втором — пренебрежительное отношение к ней или ее демо-

низация. Очень важно не допустить скатывания в ту или иную крайность.

В самой науке постоянно идут споры между узкими специалистами и философствующими учеными, между эмпириками-экспериментаторами и теоретиками.

Одни считают, что наука играет в человеческих делах чисто инструментальную роль, на добро и зло «взирает равнодушно». Другие уверены в том, что наука как часть жизни тесно связана и с нравственными проблемами, и с политикой, и с материальной практикой. Здесь можно рассудить так: поиск истины имеет относительно самостоятельное значение и в то же время истина не отделена китайской стеной от добра, блага, красоты.

15.16. Искусство

Искусство — коллективное чувствование. В вопросе об искусстве постоянно идет спор между теми, кто делает упор на коллективности (крайнюю позицию занимают сторонники «искусства для народа, для всех»), и теми, кто делает упор на чувствовании (здесь крайнюю позицию занимают сторонники «искусства для искусства», «чистого» искусства).

Гегель отстаивал позицию первых. Он писал: «...Художественные произведения должны создаваться не для изучения и не для цеховых ученых, а они... должны быть понятны и служить предметом наслаждения непосредственно сами по себе. Ибо искусство существует не для небольшого замкнутого круга, не для немногочисленных очень образованных людей, а в целом для всего народа.» (Гегель. Соч. Т. XII. С. 280)

На такой же позиции стоял марксизм. Известно такое высказывание В. И. Ленина: “Искусство принадлежит народу”. В советское время это высказывание было руководящим принципом в художественной политике государства. Художественной интеллигенцией он переосмысливался в таких не менее крылатых словах Е. Евтушенко: «В России поэт больше чем поэт».

Сторонниками указанной точки зрения были два художественных гения России — Л. Н. Толстой и П. И. Чайковский.

Первый категорично утверждал: «Причина, почему декадентство есть несомненный упадок цивилизации состоит в том, что цель искусства есть объединение людей в одном и том же чувстве. Это условие отсутствует в декадентстве. Их поэзия, их искусство нравятся только их маленькому кружку точно таких же ненормальных людей, каковы они сами. Истинное же искусство захватывает сущность души человека. И таково всегда было высокое и настоящее искусство» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 136). Второй же был более мягок, но не менее убедителен: «Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору».

С другой стороны, деятели искусства всегда выступали за то, что искусство должно быть внутренне свободным, незаинтересованным, неутилитарным, одним словом, относительно самостоятельной сферой жизни.

В последнее время указанная дискуссия приняла форму борьбы между сторонниками-деятелями элитарного искусства (или искусства для немногих, для избранных) и сторонниками-деятелями массового искусства («масс-культуры»).

Мне представляется, в этом вопросе нужно отсечь крайности и признать, что имеют право на существование как искусство для многих, так и искусство для некоторых. Ведь и коллективность имеет разные масштабы-уровни: от узкого круга друзей-единомышленников до человечества в целом.

15.17. Религия

Религия является особым типом общественного сознания, воли и бытия. Как общественное сознание она выступает в виде коллективного верования, веры в сверхъестественное, прежде всего, в бога (богов). Как общественная воля она выступает в виде тех или иных норм-правил поведения, частью моральных, частью правовых, частью сугубо религиозных. Как форма общественного бытия она выступает в виде системы обрядов и религиозных действий (молитв, крестного знамения, поста и т. д.).

В известном смысле, религия — первоначальная синкретическая (слитная) форма культуры, свойственная детству человечества. Она содержит в себе и элементы знания, и элементы искусства, и элементы философии, и элементы морали и права… Начиная с античной эпохи она постепенно теряла монополию на истину, красоту, добро, мудрость. На смену религии пришли-приходят специализированные формы культуры — наука, искусство, философия… Сейчас религия в значительной мере утратила свои позиции в обществе, несмотря на отдельные всплески интереса к ней. Ведь человечество волей-неволей взрослеет, мудреет.

***Религиозная вера* — это *детское* сознание *взрослого* человека**. В самом деле, центральным пунктом религиозной веры является вера в бога. А что такое эта вера? — Не что иное как экстраполяция детского сверхуважения-сверхобожания родителей на отношение к воображаемому существу — богу, небесному отцу-вседержителю. Детское сознание ребенка, видящего в родителях, в отце и матери всемогущих существ, бесконечно любящего и боящегося их, сохраняется у некоторых взрослых в виде веры в бога — небесного отца-вседержителя. Это одно из проявлений инфантилизма взрослых.

Кстати, сами проповедники религии говорят о детскости как черте истинно религиозного сознания. В Новом Завете читаем: “Кто не примет Царство Божие как дитя, тот не войдет в него”. В картине М. В. Нестерова “Душа народа” мальчик идет впереди народа. Этим религиозно настроенный художник хотел выразить мысль, что путь взрослым указывает ребенок, что взрослыми должно руководить детское сознание.

Инфантилизм, детскость взрослых — весьма распространенное явление. Оно, с одной стороны, *постоянно возобновляется* благодаря воспроизводству новых и новых взрослых с такими особенностями психики-сознания-поведения, а, с другой, *поддерживается* всякими лидерами (начальниками, командирами, руководителями вплоть до государственных деятелей), поскольку взрослыми с детским сознанием легче управлять.

Инфантилизм взрослых выражается прежде всего в несамостоятельности. Последняя как медаль имеет две стороны:

безусловное некритическое подчинение-поклонение одному (своему) и безусловное отвергание, неприятие другого (чужого). Это как раз мы наблюдаем в поведении верующего. Верующий некритически-сверхположительно относится к своей религии и сверхкритически-сверхотрицательно к чужой религии, вообще к другим взглядам-представлениям-поведению.

Истинно взрослый, зрелый человек не нуждается в вождях, ни небесных, ни земных[1].

Как социальное явление религия выполняет три основные функции: ***утешения*** — для нуждающихся и страдающих ("Христос терпел и нам велел", обещание райской жизни за гробом), ***устрашения*** — для недовольных и дерзких ("Бог накажет", "Бог гневается", обещание адских мук после смерти, "геенны огненной", "плача и скрежета зубов", страшного суда) и ***заместителя любви*** — для всех, кто испытывает недостаток в реальной любви ("Бог есть любовь"). Во всех этих функциях имеет место иллюзорное замещение реальных чувств и действий: иллюзорное утешение, иллюзорное устрашение, иллюзорная любовь.

Потеря близкого человека — безутешное горе. Религия наперекор реальности смерти утешает: душа бессмертна и поэтому близкий человек по-настоящему не умер, что его душа попала в рай и т. д. и т. п.

Человек способен к асоциальному поведению (хулиганство, подлость, преступление, бунт и т. п.). Религия устрашает: бог всё видит, бог накажет, перспектива адских мучений после смерти или страшного суда.

Человек испытывает недостаток реальной любви. Религия предлагает вместо нее любить фантомы — бога и все его иллюзорное окружение (ангелов, богоматерь).

Религия во многом — духовный наркотик. Она уводит человека из мира реальности в мир иллюзий. Вместо реальной жизни, борьбы и любви она предлагает жить в мире фантомов, бороться с фантомами и за фантомы, любить одни фантомы и ненавидеть другие.

---

[1] Примерно так назвал первую главу своей книги "Здравый смысл войны и мира" Г. Уэллс: "Взрослым людям не требуются вожди".

Вера и сомнение. Религиозная вера — это преувеличенная, гипертрофированная, абсолютизированная вера. Она значительно ограничивает, если не заглушает, критическую составляющую человеческого мышления. Верующий человек готов поверить во всякую чепуху. Прав был Тертуллиан, когда утверждал: “верую, ибо абсурдно”. Религиозная вера — это, в сущности, слепая вера.

“Сатана — вот постоянный источник сомнения” “Нам не престало сомневаться. Сомнение против нас”. “Как нам предохраниться от сомнений?”. “Победить сомнение”. “Борьба с сомнениями” и т. д. и т. п. Вот что говорят обычно религиозные проповедники. Они, по существу, отрицают, третируют одну из важнейших составляющих человеческого мышления. Для них сомнение — враг, сатана. Это их отрицание положительной силы сомнения противоречит естественным законам человеческого поведения. Ведь сомнение — необходимый элемент во всех делах, где есть неопределенность, где присутствует риск. А таких дел большинство! Человек несомневающийся, лишенный сомнения — обречен. Такой человек крайне негибок, хрупок как хрупко очень твердое тело. Либо он должен избегать малейшего риска, малейшей неопределенности в делах, либо он рискует быстро “сломать шею”. Сомнение — это ответ на объективную неопределенность ситуации, на объективную необходимость постоянного выбора между различными вариантами, различными путями-дорогами. Человек в сущности всегда — этакий витязь на распутье. Перед ним море вариантов, он может поступать так или эдак. Здоровый скепсис всегда на вооружении у разума. Это защищает его от скоропалительных решений, а человека от необдуманных действий.

В прошлом ученых служители религии сажали в тюрьмы, сжигали на кострах, подвергали разным гонениям. Сейчас этого нет. Открытая агрессия против науки, ученых сменилась неявной или завуалированной агрессией: в виде борьбы с абортами, выступлений против экспериментов по клонированию человека, распространения антинаучных представлений в системе образования, через средства массовой информации,

шельмования всех, кто не верит в бога и доверяет только науке.

По поводу абортов. Католическая и православная церкви выступают категорически против абортов, приравнивая их к убийству человека. Сейчас в метро и других общественных местах можно видеть плакаты с осуждением аборта как убийства ребенка. Приравнивание абортов к убийству — чудовищная логическая диверсия[1]. Бесчеловечность аборта пытаются доказать ссылкой на бесчеловечность убийства. Бедная женщина, которая идет на аборт по разным негативным обстоятельствам, подвергается со стороны религиозных деятелей дополнительному моральному шельмованию. Ей и так плохо-тяжело, а тут еще фактическое обвинение в убийстве, которое наносит ей еще одну моральную травму...

По всем канонам науки и здравого смысла жизнь человека начинается не с его зачатия, а с его рождения, т. е. с появления на свет. Рождение и смерть знаменуют собой начало и конец человеческой жизни. Путь от зачатия до рождения — это путь от небытия к бытию. Здесь еще нельзя вполне определенно говорить о том, что человек **есть**. А если нельзя говорить об этом определенно, то нельзя и аборт оценивать однозначно как убийство. Убить можно только то, что **есть**, **живет**. Нельзя убить то, что еще не существует. Пока ребенок не вышел из утробы матери на белый свет, он — ***часть*** организма женщины и его жизнь до последних месяцев беременности ***неотделима*** от жизни женщины. Неотделима до такой степени, что если все-таки эту «жизнь» искусственно отделить, то ребенка, т. е. человека не получается. Вот почему такой аборт всеми нормальными людьми расценивается не как убийство, а как хирургическая операция.

Чем-то приближающимся к убийству можно расценивать только искусственно вызванный выкидыш мертвого ребенка,

[1] Логическая диверсия — разновидность подмены тезиса. Чувствуя невозможность доказать или оправдать выдвинутое положение, выступающий пытается переключить внимание слушателя на обсуждение другого, возможно и важного для слушателей утверждения, но не имеющего прямой связи с первоначальным тезисом.

который в иной ситуации (но в то же самое время) мог появиться на свет живым. И опять же однозначно оценивать этот искусственно вызванный выкидыш как убийство нельзя. Это весьма сложный вопрос. Выкидышу может предшествовать провоцирующая его ситуация, например: женщина может испытывать сильнейший стресс или даже быть не вполне вменяема. Другие люди, общество не могут знать **всех** обстоятельств поведения, жизни женщины в последние месяцы ее беременности и поэтому они не могут, **не имеют права** однозначно квалифицировать выкидыш мертвого ребенка как убийство. Здесь, как и в других подобных случаях, должен действовать принцип презумпции невиновности[1].

Вот почему только женщина — как субъект, как личность, как человек — только она одна может оценить, что с ней происходит и произошло, только она — распорядитель возможной жизни-нежизни своего ребенка. **Никто другой!**

Заранее обвинять женщину в убийстве того, чего еще нет и может не быть, — тяжкий моральный грех.

Для того, чтобы абортов было меньше и вообще чтобы они исчезли из нашей жизни, нужны не юридические запреты и нравственные осуждения, нужна гигантская работа по нравственному и половому просвещению людей, нужны научные исследования и технические-технологические прорывы по предупреждению нежелательной беременности.

По поводу клонирования человека. В США под давлением религиозных организаций принят закон, по которому запрещено государственное финансирование опытов по клонированию человека, его клеток, тканей и органов. Это самый настоящий обскурантизм.

В ноябре 2001 г. одна частная американская фирма произвела успешные опыты по клонированию некоторых клеток человеческого эмбриона. Это большой прорыв в познании механизма роста и размножения клеток человеческих тканей и

---

[1] Презумпция невиновности — положение, согласно которому человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана в законном порядке, т. е. в суде.

органов. Открывается путь к использованию этого механизма в медицинских целях, т. е. к выращиванию в искусственных условиях аналогов заболевших органов и тканей человеческого организма. И что же? Сразу же религиозные деятели «откликнулись». С заявлениями осуждающего характера выступили руководители двух самых крупных христианских конфессий — папа римский Иоанн-Павел II и патриарх Алексий. Один наш священник, выступивший по телевидению с комментариями по поводу этих опытов, поставил их на одну доску с бесчеловечными опытами фашистских врачей над пленными в Освенциме. В самих США эти опыты осудил президент Д. Буш и, более того, в связи с этим поставлен вопрос о законодательном запрещении клонирования человека и человеческих клеток в принципе. Между тем, правильно сказал один ученый: запретить клонирование человека — то же самое, что остановить восход солнца. К опытам по клонированию человека у религиозных деятелей — как сверхконсервативных людей — какое-то пугливое отношение. Вместо того, чтобы разобраться с этими опытами объективно, непредвзято, рассудительно — судорожная эмоциональная реакция отторжения. А ведь клонирование — не выдумка человека и тем более не плод его изощренного ума. Оно имеет место в природе. Однояйцовые близнецы — не что иное как результат естественного клонирования оплодотворенной яйцеклетки. Клоны человека живут среди нас и в них нет ничего монстроподобного!

Сейчас, в ситуации религиозного бума, переживаемого Россией, некоторые философы и ученые пытаются навести мосты между религией и наукой, возрождают теорию двойственной истины, говорят о многознании (разном знании об одном и том же). Появился даже журнал под таким названием («Полигнозис»). Что на это можно сказать? ***Если всё истинно, то истинна и ложь, т. е. всё ложно.*** Об этом говорил Аристотель еще 2300 лет назад: «Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, противоположное его собственному». Не может быть двух разных истин об одном и том же и не может быть двух разных знаний об

одном и том же. В современном обществе именно наука олицетворяет собой познавательную мощь человечества. Все остальные формы общественного сознания занимаются чем угодно, но только не производством знания. Поскольку религиозные деятели и всякие мистики претендуют на владение истиной (отличной от научной), они тем самым вступают в конфликт с наукой, что бы там они не говорили.

Об атеизме и свободомыслии

Атеизм — позиция несвободы. Атеист на "да" верующего должен говорить "нет", а на "нет" верующего — "да". Т. е. атеист не свободен в определении своей позиции по тем или иным вопросам, затрагиваемым верующими. Яркий пример несвободного атеизма — атеизм Ф. Ницше. Атеист и нигилист Ницше яростно нападает буквально на всё, что проповедует христианская религия, в том числе на то, что есть в этой религии нормально-человеческого.

Далее. *Атеизм отрицателен, деструктивен и поэтому логически неопределенен, т. е. допускает взаимоисключающие воззрения, в частности: гуманизм и антигуманизм*. Атеист Ницше был антигуманистом. Верующий-гуманист Тейяр де Шарден мне более симпатичен, чем атеист-антигуманист Ницше.

И дело не только во взглядах. Действия атеистов могут быть не менее разрушительны и опасны, чем действия верующих фанатиков. Это наглядно показала практика государственного коммунистического атеизма в СССР. Она также отвратительна, как и практика власть имущих религиозных фанатиков в средневековой Европе, в некоторых странах современного Востока.

Я отвергаю воинствующий, оголтелый атеизм, потому что вместе со всем плохим в религии, в поведении верующих он отбрасывает все хорошее или нейтрально-нормальное. Как быть с верующими, которые искренне верят в бога и которых не переубедить наскоками на религию, всякими разоблачениями? Как быть с творениями человеческого гения, в которых использованы религиозные сюжеты? Например, с "Сикстинской мадонной" Рафаэля или с "Явлением Христа

народу" А. Иванова? Ведь в этих творениях религиозный элемент, как правило, — не просто оболочка, а нечто внутреннее. Отделить одно от другого невозможно; иначе будет вивисекция (отсечение живого).

Свободомыслие предпочтительнее атеизма. Свободомыслящий не так связан, ограничен в выборе, как называющий себя атеистом. Атеист (буквально отрицающий бога) — так или иначе богоборец. Свободомыслящий не отрицает бога, а объясняет себе и другим феномен веры в бога, откуда эта вера взялась и почему бог существует только в воображении людей. *Свободомыслящий понимает, что вера людей в бога связана с разными сторонами их жизни и порой так тесно, что разочарование в этой вере может быть губительно для них.*

Атеизм ограничен не только своей чисто отрицательной, деструктивной позицией. Он ограничен также тем, что направлен в сущности не против религии как таковой, во всем ее многообразии, а лишь против идеи бога. Религия ведь не только вера в бога. Это и вера в ангелов, в сатану, дьявола, вера в святость отдельных людей, вещей, вера в чудодейственную силу молитвы, икон, креста, одним словом, в магию и т. д. и т. п. Атеист может отрицать бога и одновременно верить в какие-либо иные фантомы, т. е. сохранять в себе отдельные элементы религиозного сознания. Он может быть мистически настроен, суеверен, верить в астрологию, в телепатию, в инопланетян...

Мистика

Во всякой религии есть значительный элемент мистики. И во всякой мистике есть значительный элемент религиозности (религиозной веры, трепета, страха, поклонения, экстаза). Возьмем христианскую религию. Она напрямую использует элементы мистики. Семь основных христианских обрядов именуются таинствами (по-гречески мистериями). Это крещение, причащение, бракосочетание, священство, миропомазание, покаяние (исповедь), елеоосвящение (соборование).

А чудеса, описанные в Библии?! Они не поддаются разумному объяснению и, следовательно, могут быть истолкованы только в мистическом духе.

Могут спросить: а что тут плохого? Разве мистика — плохо? Резонный вопрос. Артисты, музыканты, художники, писатели и представители некоторых других профессий употребляют порой слова «мистика», «мистический» в положительном смысле (как слова «наваждение», «экстаз», «вдохновение»...). Их можно понять. Они **играют**, в том числе словами. Эта игра не вполне серьезна и часто напоминает детскую забаву или хулиганские выходки подростков. К настоящей жизни она имеет лишь косвенное отношение, расположена как бы по касательной. (Все прекрасно понимают, что в искусстве всё понарошку, в отличие от жизни, где всё взаправду. Искусство есть искусство, а жизнь есть жизнь.)

Однако то, что для художника имеет лишь значение игры, для верующего или мистически настроенного имеет вполне реальный смысл (грозный, чудесный, роковой, фатальный и т.п.).

Мистика как *мистическое умонастроение*, как *мистицизм* — это уже серьезно, это род умственной болезни. В таком виде она не забава и не предмет игры, а нечто *противоречащее разуму и разумному.*

Спрашивается, откуда возникает мистическое умонастроение? Всякая болезнь есть результат отклонения от нормы, некоторого нарушения меры. Мистическое умонастроение возникает как результат нарушения баланса между логикой и интуицией в сторону переоценки (преувеличения роли, абсолютизации) интуиции, интуитивного мышления. (Об интуиции подробнее см. ниже, п. 17.6, стр. 522).

Мистика (от греч. mystikos — таинственный) — стремление к таинственному или боязнь таинственного, страх перед таинственным. Таинственное, таинственность, таинство — все эти слова происходят от слова “тайна”. Они так или иначе абсолютизируют тайну. Последняя — то, что мы не знаем, но предполагаем, что она может оказывать влияние на нас.

Сама по себе тайна не содержит в себе ничего мистического. Очень много тайн люди хранят друг от друга. Известны такие виды тайн как военная, государственная, коммерческая, тайна вкладов, тайна исповеди, любовная тайна. В принципе, у каждого человека есть свои тайны, которые он хранит от других.

Тайна существует только в отношениях между людьми. Для нее нужны как минимум два субъекта. Один хранит тайну, а другой хотел бы раскрыть ее. Для тайны нужно, чтобы кто-то ее хранил и не просто хранил, но и охранял от кого-то. У природы нет тайн, так как она не субъект; она ничего не прячет и не охраняет. Приписывание тайны неодушевленным предметам или чему-то нечеловеческому — это уже мистика, мистическое умонастроение. Это приписывание является как раз результатом абсолютизации тайны, преувеличения ее роли в жизни человека. Преувеличенная тайна превращается в нечто таинственное, т. е. в такое, что нельзя раскрыть обычным, нормальным путем.

В основе мистического умонастроения — страх перед неизвестным или, напротив, желание чуда или надежда на него.

Суеверия. Своеобразным бытовым мистицизмом являются различного рода суеверия.

Суеверие — суетная, пустяковая, маленькая вера, верчушка, ближайшими причинами которой являются страх, надежда, невежество, глупость.

Страх и невежество вкупе с глупостью порождают суеверия, связанные с ожиданием дурного, худшего (дурные предчувствия, приметы, сны, предзнаменования).

Надежда, невежество и глупость, наоборот, порождают суеверия, связанные с ожиданием хорошего, лучшего (счастливые приметы, хорошие сны, гадания).

Суевериям больше подвержены женщины. Почему? Потому что они в целом более боязливы или, напротив, более восторженны по сравнению с мужчинами.

Суеверных людей много среди моряков, летчиков и артистов. Почему это так? Потому что представители этих профессий работают в условиях, связанных с большим риском. Чтобы как-то смягчить, нейтрализовать тревожные чувства они ищут опору в магических действиях (перекреститься, поплевать через левое плечо, постучать по твердому предмету и т. п.), предметах (талисманах и амулетах).

Правильно сказал один музыкант: «Достаточно проблем в жизни, чтобы быть еще суеверным».

О вере в судьбу. Слово «судьба» имеет два основных значения. Первое значение: жизнь в целом, прожитая жизнь, состоявшаяся жизнь, непростая (сложная, трудная) жизнь (см. кинофильм «Судьба человека»). Когда «*верят* в судьбу», то под словом «судьба» имеют в виду нечто иное, употребляют его в другом — втором — значении.

Второе значение: мифологический, полумифологический или просто суеверный образ будущего, возможности, в котором слиты наивные представления об объективном характере случайности и необходимости. В одних случаях люди подчеркивают аспект необходимости, неизбежности, говоря: «От судьбы не уйдешь», «чему быть — того не миновать», «что на роду написано, так тому и быть». В других случаях они выделяют аспект случайности, причем в двух вариантах: благоприятном (подарок судьбы) и неблагоприятном (удары судьбы). «Человек надеется и заботится потому, — пишет *В. Н. Шердаков*, — что его жизнь, с одной стороны, зависит от него самого, от его усилий, а с другой стороны, складывается в зависимости от обстоятельств, помимо его воли. Слово «судьба» и обозначало зависимость, предопределенность жизни от неподвластных человеку факторов — эпохи, природных, наследственных данных, воспитания, случая и т. д. Это понятие чаще всего имело мистический смысл, однако не следует забывать и о его реальном основании. Не случайно слово «судьба», уже лишенное религиозного смысла, удерживается в обиходной речи»[1].

Астрология. Она сейчас в большой моде. На страницах газет и журналов, в теле- и радиопередачах мы видим бесчисленные гороскопы и выступающих астрологов. По сравнению с религией астрология, так сказать, менее серьезна. Часто ее воспринимают как игру. И соответственно относятся к ее оценкам, советам, предсказаниям. Тем не менее и астрология делает свое черное дело, запутывает человека, пугает-запугивает его или тешит напрасными ожиданиями.

Астрология — наукообразная форма мистицизма. Сами астрологи заявляют, что астрология — наука. Эти претензии на

[1] *Шердаков В.Н.* Иллюзия добра. М., 1982. С. 210-211.

науку, научность ни на чем не основаны. Нет научного инструментария, нет научной методологии, нет открытых астрологами, строго установленных законов или явлений. В чем же тогда дело? А дело в том, что некоторые мистически настроенные люди и шарлатаны пытаются использовать авторитет науки. В современном обществе этот авторитет достаточно сильный и многие люди, настроенные на волну веры-мистицизма, не очень доверяя традиционным формам религии или даже относясь к ним скептически как к архаике, тяготеют к наукообразным или осовремененным формам веры-мистицизма, таким как астрология, сайентология, уфология и т. п.

Об использовании понятия «энергия» вне физической науки и ее практических приложений в технике. Основное значение слова «энергия» определяется его функционированием в физических формулах и законах. Его популярность обусловлена именно этим — достижениями физики и ее практических приложений в технике. Недобросовестные и/или наивные люди используют столь уважаемое физическое понятие энергии в разных других сферах: в медицине, в психологии, вообще во всем, что касается жизни человека. Они вольно или невольно эксплуатируют авторитет науки (в данном случае физики) для достижения своих целей. Они не понимают или не хотят понять, что использование слова или понятия «энергия» вне физики и ее практических приложений в технике автоматически меняет смысл этого слова-понятия, просто обесценивает его. Из точного научного термина «энергия» превращается в метафору, в слово, употребляемое в переносном значении. А употребляемое в метафорическом или переносном значении, оно становится расплывчатым, неопределенным. Им можно крутить-вертеть как угодно, наделять какими угодно дополнительными значениями... И сохранять при этом его легенду как научного понятия, как фундаментальной физической величины.

Основной порок всех употреблений слова «энергия» вне физики и техники (точнее, вне процедур измерения физической величины энергии) состоит в *редукционизме, в сведении*

высшего к низшему, сложного к простому, а именно в том, что вольно или невольно все сложные, высшие явления жизни, психики, духовной сферы пытаются напрямую, непосредственно объяснить через понятие-явление неорганической природы, т. е. через нечто относительно простое, свойственное всей неорганической природе. Человек, жизнь, дух низводятся до явлений физического мира. Ведь с точки зрения физического понятия энергии человек не отличается от камня, луны, молекулы, атома, элементарной частицы...

Конечно, и живое в определенном смысле не чурается энергетических понятий. Есть биомеханика (механика движений и усилий живого), есть приход и расход калорий в обмене веществ, есть весьма сложная биотехнология выработки-утилизации химической, тепловой и механической энергии. Это всё так. Однако во всех этих случаях энергия вполне физична, измеряема, вычисляема.

А что же нам предлагают, когда говорят об энергетике, энергетическом вампиризме, психической энергии, биоэнергии и при этом забывают об измерениях-вычислениях? Ведь без последних понятие энергии теряет всякий научный смысл, превращается в игрушку, в объект манипуляций для всяких шарлатанов и проходимцев.

Сейчас очень модно говорить об энергетическом вампиризме. Журналы и газеты пестрят сообщениями-рассказами об этом. На самом деле нет никакого энергетического вампиризма. Есть люди нормальные, порядочные, добрые — их подавляющее большинство. И есть люди злые, подлые, с отклонениями и разной патологией — их незначительное меньшинство. Сейчас этих людей нередко называют энергетическими вампирами. Обычную подлость и злобу мистифицируют, наделяют некоторых злых или просто неприятных людей какими-то сверхъестественными качествами. Будто бы эти люди не по своей воле и желанию действуют, а потому что они энергетические вампиры. Получается, с них снимают всякую ответственность за недобрые поступки. Они-де не вольны в своих воздействиях на окружающий мир.

Отсюда, кстати, и необычные способы борьбы с такими людьми: снятие порчи, сглаза и т. д. и т. п.

15.18. Цивилизация

> Наша цивилизация — не что иное, как сумма всех мечтаний, нашедших с веками реальное воплощение. И нужно, чтобы так всегда было и в будущем, ибо если люди перестанут мечтать, если они повернутся спиной к чуду Вселенной, то это будет верным признаком упадка человечества.
>
> *А. Кларк*

Цивилизация — культурно-историческая общность людей или сообщество людей с определенным типом материальной и духовной культуры. Непременными признаками цивилизации являются наличие государственного устройства общества и письменности. Государство объединяет большие массы людей; письменность (шире: способы хранения и передачи информации) создает условия для накопления, распространения, развития-совершенствования знаний-умений (культуры).

Подобно живому организму цивилизация переживает различные стадии своего развития-становления: зарождения, подъема, расцвета, упадка или трансформации в иную цивилизацию.

История последних нескольких тысяч лет — это последовательно-параллельное существование (смена и/или сосуществование) различных цивилизаций.

В настоящее время на Земле утверждается цивилизация европейского типа. Она имеет разновидности: континентально-европейскую, североамериканскую, японскую, латиноамериканскую... Кроме цивилизации европейского типа продолжают существовать более старые цивилизации: китайская, индийская, арабо-мусульманская. В одних случаях они постепенно трансформируются, насыщаются элементами цивилизации европейского типа. В других пытаются противостоять ей, сохранить свою самобытность.

15.19. Современность, история и будущее человечества. Глобальные проблемы. Космизм

Наше время и ложный объективизм

Сейчас стало чуть ли не правилом хорошего тона ругать наше время, говорить о его тяжестях и т. д. и т. п. В основном ругают те, кому за 50-60 лет. Здесь мы сталкиваемся с феноменом ложного объективизма. Этот феномен возникает в ситуации, когда человек, ориентируясь на объект, объективную реальность, старается вытравить из своего сознания всё субъективное, как бы вычесть себя из реальности. Такая позиция приводит к тому, что человек перестает учитывать свою особенность-субъективность при рассмотрении объекта и это приводит к ситуации самообмана, ложного объективизма. Ему кажется, что он объективно оценивает вещи. А на поверку сплошь и рядом незаметно для себя вносит в эту оценку свои субъективные черты, пристрастия, поскольку не учитывает их и, соответственно, не корректирует свою оценку. В итоге вместо настоящего объективизма мы видим субъективизм, рядящийся в тогу объективизма, ложный, мнимый объективизм.

Возьмем такой весьма распространенный и где-то даже обыденный пример ложного объективизма: брюзжание стариков по поводу испорченности нынешней молодежи, по поводу плохого нынешнего времени и, напротив, восхваление ими времени своей молодости. При этом они часто уверяют себя и других в том, что объективно оценивают то и другое время. Старики обычно забывают, что в молодости они были полны энергии, положительных эмоций, всё им казалось лучше и что в их старческом состоянии нет уже бьющей через край энергии, чувства большей частью притупились, остыли и господствуют болезненные ощущения, вызванные естественным ходом инволюции, одряхления. Отсюда старики склонны преувеличивать хорошесть времени их молодости и плохость настоящего времени. Поскольку инволюция (обратное развитие) начинается где-то после 25-и лет, в ситуации стариков могут оказаться и 40-летние и 50-летние...

Теперь возьмем пример исследователя, оценивающего наше время. Исследователь, в отличие от брюзжащего старика, старается быть *максимально* объективным, анализирует массу фактов, взвешивает всё “за” и “против” и только тогда делает выводы, оценивает. Если, однако, он не учитывает своей субъективности, то при оценке сложных явлений, таких как “наше время”, он сплошь и рядом будет тенденциозно анализировать и оценивать факты. Если этому исследователю за 40 или 50 лет, то он будет свои негативные эмоции проецировать на нынешнее время и это время у него будет таким же безрадостным, как его собственная теперешняя жизнь. Если бы этот исследователь взял на себя труд опросить 20-и — 30-летних молодых людей, то он большей частью встретил бы положительную или спокойную реакцию на нынешнее время. И в самом деле, как иначе молодым людям оценивать **свое** время! Они же **в другом** не жили. Исследователь, кстати, если он не хочет оказаться в ситуации ложного объективизма, должен учитывать не только свою субъективность, но и субъективность, субъективные ощущения **этих** молодых людей и вообще других, по возможности, **многих** людей.

Как мне представляется, исследователь, анализирующий и оценивающий “наше время”, не может делать какие-либо *научные* выводы, претендующие на *однозначную* истинность. Ведь феномен “нашего времени” настолько сложен, что любой научный метод-путь будет давать лишь упрощенную и потому одностороннюю картину происходящего в нём. Возможна лишь ***философская*** оценка нашего времени. А она по определению не претендует на безусловную истинность и безусловную объективность, беспристрастность. Да, конечно, “не надо мерить температуру общества, ставив градусник себе под мышки”. Но не надо забывать и о том, что “человек — мера всех вещей”. И других мер не существует.

В принципе, всегда находятся люди, которые ругают свое время, современную им эпоху, цивилизацию. Сколько было всяких уничтожающих характеристик, данных известными людьми своему времени (и в древности, и в новое время, и в XX веке)! Шекспир устами Гамлета говорил: «распалась связь

времен». Наш А. С. Пушкин характеризовал свое время как «жестокий век» (стихотворение «Памятник»). Кинорежиссер Андрей Тарковский утверждал: «современная цивилизация зашла в тупик» (из фильма о нем). И т. д., и т. п. Можно привести сотни-тысячи подобных высказываний. О чем это говорит? О том, что, как правило, не время плохое, а люди, настроенные пессимистически по разным обстоятельствам, думают и высказываются о своем времени плохо, т. е. спешат с негативными обобщениями, буквально совершают логическую ошибку поспешного обобщения.

Мне лично больше по душе слова русского философа И. А. Ильина: «**Никогда не жалуйся на время, ибо для того ты и родился, чтобы сделать его лучше**».

Глобальные проблемы. Глобализм и антиглобализм

Современное человечество нуждается не только в порядке на отдельных национально-исторических территориях, но и в порядке во всемирном масштабе. Отсюда стремление к глобализму, к созданию всемирных институтов, устанавливающих общий порядок жизни человечества.

Одновременно с этим стремлением всё больше дает о себе знать и прямо противоположное стремление — к антиглобализму. В принципе, перетягивание каната между глобалистами и антиглобалистами — это нормальное «качание маятника», динамическое равновесие сторонников порядка и беспорядка во всемирном масштабе.

Стремление к глобализму порождено возникновением глобальных проблем, глобализацией ряда процессов, происходящих на Земле. Глобализация — это и появление транснациональных корпораций, действующих в большинстве стран мира, и становление всемирного рынка финансов, товаров, услуг, и развитие транснациональных СМИ, интернета, и возникновение угрозы самоуничтожения человечества в результате термоядерной войны, и некоторые экологические проблемы, приобретающие глобальный характер.

С другой стороны, антиглобалисты выступают против стандартизации-унификации жизни на Земле, которую они

связывают с диктатом экономически развитых стран, прежде всего США.

Космизм

Земля беременна космизмом. Глобализм, глобальные проблемы — это, скажем прямо, узко, если смотреть на них с более общей точки зрения, с позиции космизма, вселенства.

Ведь уже совершенно ясно, что будущее человечества — в космосе, в освоении космоса, в распространении жизни за пределами Земли.

Глобальные проблемы сами по себе исчезнут по мере того, как люди будут строить поселения в космосе (на Луне, на Марсе и т.д.). Вернее, они потеряют свою актуальность и трансформируются в другие проблемы (распространения жизни в космическом пространстве, дивергенции жизни человечества).

Следует напомнить, что наш великий ученый К. Э. Циолковский видел будущее человечества в его распространении за пределы Земли. Он называл Землю колыбелью человечества. Это его высказывание — исключительное по своей философской значимости и глубине, особенно в свете всяких депрессивных разговоров об ужасной экологии, ограниченности ресурсов, о разрушительных катаклизмах на Земле и возможной гибели человечества.

Его самое знаменитое высказывание: «Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

Люди пока в большинстве случаев не понимают всего значения выхода человека в космос. Циолковский это значение хорошо понимал и мы, философы, должны разъяснять людям важность освоения космоса, что это освоение значительно раздвигает горизонты научно-технического, экономического, социального прогресса, в целом прогресса жизни.

Вся эта борьба глобалистов и антиглобалистов покажется по сравнению с освоением космоса просто мышиной возней.

Сейчас, как мы знаем, организация поселений на Луне ставится в практическую плоскость. США, Китай, Россия разра-

батывают такие проекты-программы. Нам, россиянам, нужно максимально ускорить разработку и реализацию лунной программы. Она потом с лихвой окупится.

Экогуманизм

1. Почему экогуманизм? Не может быть чисто экологической проблематики без человека. Экология и гуманизм неразделимы — как два магдебургских полушария. Вспомним: **эко** в переводе на русский язык — дом. Спрашивается, дом кого? Человека!

2. Подчеркиваю, экологическая проблематика — **не только**:

1) охрана окружающей среды (это, в сущности, какая-то негативная, в духе запретительства или запретительного импульса, работа), **но и**:

2) любовно-уважительное отношение к животным и растениям, вообще к живой природе,

3) посильное воссоздание утраченных элементов природы,

4) улучшение-совершенствование культурной среды, второй природы, созданной трудом человека.

В последнем случае обращает на себя внимание проблема жизни-проживания в многоэтажных домах. Человечество в XX веке избрало отнюдь не лучший вариант решения жилищной проблемы, построив многоэтажные города. Многоэтажный город — это воистину черная дыра человечества как биологического вида. Сокращение рождаемости, депопуляция в значительной мере обусловлены проживанием людей в многоэтажных домах. Квартира в таком доме подобна клетке для зверей в зоопарке; она отнюдь не способствует воспроизводству человека как живого существа. В этих квартирах мы удаляемся от матери-природы физически, биологически, умственно и теряем силу как Антей, оторванный от Земли.

Отчего мы, городские жители, загрязняем окружающую среду? Оттого, что у нас нет культуры положительного общения с природой. Первую природу мы видим большей частью через призму второй природы (через асфальт, стены домов, плохой воздух и т. п.). А последняя — часто — весьма бедная, убогая, примитивная. Получая негативный заряд от общения

со второй природой, неуважительно обращаясь с ней, мы переносим этот негативный заряд, неуважительное отношение и на первую природу. Мы бросаем окурок в подъезде, на асфальт тротуара и начинаем то же самое делать в лесу, в поле. Мы миримся с тем, что вокруг нашей квартиры грязь, убогость и начинаем гадить везде, в том числе на природе.

3. Выступая за охрану окружающей среды, за зеленый мир, я в то же время выступаю против крайностей экологизма, когда забота об Эко (Доме) затмевает или отодвигает на задний план заботу о Человеке, о его развитии и совершенствовании. К сожалению, такие люди появились. Их все чаще называют экологическими алармистами и экстремистами. Защита ими Природы выливается в стремление остановить Прогресс и даже в стремление «Назад к природе», жить примитивной жизнью человека прошлых эпох.

Человечество на рубеже веков

1. XX век — самый интенсивный, самый событийный век в истории человечества. Еще более интенсивным, богатым событиями будет наступивший XXI век.

2. XX век — время мировых войн-конфликтов, возникновения, подъема и краха тоталитарных режимов, гигантского научно-технического прогресса, революции в производстве и потреблении, крушения колониализма, колониальных империй, нового взлета художественной культуры.

3. Если считать критерием исторического прогресса прогресс в деле свободы[1], то XX век, несомненно, — это век прогресса. Самый главный шаг человечества по пути прогресса — выход в космос. И этот выход состоялся в XX веке. Фактом выхода в космос человечество решило задачу, превосходящую всё, что могла сделать живая природа на Земле. Ни один живой организм, ни одно живое существо самостоятельно, свободно не могут и не могли выйти в космос. Это оказалось под силу только человеку. Человек, таким образом, окончательно вырос из штанишек биологического становления.

[1] О становлении-прогрессе см. выше, п. 11.11 “Эволюция и революция”, стр. 273.

4. XX век оказался переломным в истории человечества и в истории живой природы на Земле. Было создано термоядерное оружие, применение которого в больших масштабах может привести к гибели человечества и высших форм жизни на Земле. Речь идет о ядерной зиме, которая может наступить в результате широкомасштабной термоядерной войны.

К началу 80-х годов прошлого века учеными США и нашей страны независимо друг от друга было установлено путем изучения компьютерных моделей, что накопленных в мире ядерных зарядов достаточно для полного уничтожения жизни на Земле. Будучи взорваны, они помимо прямого поражающего воздействия, поднимут в воздух несметное количество пыли, дыма и пепла, которые на многие месяцы плотной пеленой окутают нашу планету, закрыв ее от солнечных лучей. Это вызовет резкое снижение температуры атмосферы и поверхности Земли и приведет к ее оледенению.

Впервые возникла реальная возможность-угроза быстрого самоуничтожения человечества и уничтожения высших форм жизни в результате термоядерной войны.

5. В XXI веке не произойдет ничего экстраординарного. Человечество не погибнет, но и не решит всех своих проблем.

6. **XXI век будет, несомненно, веком дальнейшего мощного прогресса в деле свободы.**

Это, *во-первых*, будет век первых поселений людей в космосе.

Во-вторых: будет, наконец, решена задача создания управляемой термоядерной реакции. Энергетически человечество перестанет зависеть от традиционных полезных ископаемых и в значительной степени станет независимым от Солнца как источника энергии.

В-третьих, будет решена в основном задача обеспечения экологической безопасности. Человечество научится отслеживать и устранять отрицательные экологические последствия своей деятельности.

В-четвертых, существенно вырастет число государств с демократической формой правления. Если в XIX веке таких государств насчитывалось единицы, а к концу XX века их стало десятки, то в XXI веке их станет большинство. К концу XXI века подавляющее большинство конфликтов между людьми и их группами-сообществами будет разрешаться пра-

вовым путем. Роль Организации объединенных наций и подобных ей международных организаций в жизни человечества значительно вырастет.

В-пятых, будет идти дальнейшая гуманизация жизни общества.

В частности, благодаря информационно-компьютерной революции отдельный человек будет более независим от властных структур, от государства, от общества и в то же время будет иметь возможность устанавливать контакт с все большим количеством людей, с обществом.

Будет продолжаться смягчение нравов. Это прежде всего — гуманизация пенитенциарной системы (мест заключения), отмена смертной казни вообще, даже за особо тяжкие преступления. Человек, идущий на убийство по злому умыслу, будет рассматриваться как людоед, психически больной со всеми вытекающими последствиями (принудительное лечение вместо тюремной изоляции от общества).

В-шестых, в XXI веке люди найдут принципиальное решение проблемы наркомании. Сначала эта проблема будет обостряться и к середине века достигнет апогея. Затем общими усилиями ученых, политиков, педагогов, врачей будет найден общий подход к ее решению.

В-седьмых, будет продолжаться научно-техническая революция.

7. **В XXI веке далеко не всё будет так безоблачно.**

Вполне возможно применение ядерного или иного оружия массового уничтожения и гибель из-за этого сотен тысяч и даже миллионов, десятков миллионов людей. Применение ядерного оружия скорее всего будет иметь место (1) в конфликтах типа конфликта между Индией и Пакистаном, и (2) в террористических актах отдельных людей и небольших террористических групп.

Вообще проблема борьбы с терроризмом в самых разных его проявлениях будет одной из основных проблем человечества в XXI веке.

Вполне возможны кровавые войны и гибель в их огне миллионов (десятков и даже сотен) людей. В этом плане XXI век будет ненамного лучше XX века.

Наиболее вероятны кровавые войны в результате межнациональных, межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Опасность исламского фундаментализма будет нарастать в начале XXI века. К середине века возможно ослабление его влияния.

Вполне возможны экологические катастрофы типа Чернобыля. Земля-матушка в конце XXI века будет напоминать лоскутное одеяло из опасных и безопасных зон жизни. Человечество не сразу научится отслеживать и устранять отрицательные последствия своей деятельности. Плата за это — гигантские зараженные территории, сравнимые с размерами небольших государств.

Вероятность наступления ядерной зимы и гибели земного человечества хотя и очень мала, но всё же существует. Учитывая эту вероятность, люди должны как можно быстрее решить задачу создания автономных поселений в космосе (на околоземной орбите, на Луне, на Марсе и т. д.).

8. Предвидя опасности, которые ожидают человечество в XXI веке, нужно уже сейчас думать над тем, как их минимизировать или устранить.

Человечество на рубеже тысячелетий

Теперь о том, что было и что будет в МАСШТАБЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ.

1. Возрастание численности людей. В 3-м тысячелетии численность всех людей возрастет на много порядков, в основном за счет внеземной части человечества.

2. В первом тысячелетии люди еще не знали пределов Земли, не знали друг о друге (Америка, Австралия, частично Африка и Евразия практически ничего не знали друг о друге).

Во втором тысячелетии люди узнали пределы Земли, узнали друг о друге, стали взаимодействовать друг с другом.

В третьем тысячелетии люди создадут космическую цивилизацию, освоят околосолнечное пространство и с большой долей вероятности начнут осваивать галактическое пространство. Может быть даже они выйдут за пределы галактики и будут осваивать пространство Метагалактики.

Если во втором тысячелетии люди ничего не знают о существовании внеземных цивилизаций, а лишь предполагают, что таковые существуют, то в третьем тысячелетии, безусловно, будут установлены контакты с внеземными цивилизациями.

3. В третьем тысячелетии сильно изменится биологический тип человека. Будет идти, с одной стороны, процесс дивергенции, расхождения генетических типов людей вследствие увеличения разнообразия условий их космической жизни, а, с другой, процесс конвергенции, схождения генетических типов вследствие естественного или искусственного смешения типов.

4. В 3-ем тысячелетии люди увеличат продолжительность своей жизни как минимум, на порядок.

5. Вполне возможно создание небиологического и/или смешанного (биотехнического) типа человека.

6. В 3-м тысячелетии люди освоят околосветовые скорости, а может быть и сверхсветовые.

В чем состоит исторический прогресс?

Критерий исторического прогресса: *прогресс в деле свободы*. Конкретно это выступает в виде усиления-дублирования естественных биологических органов: органов чувств, действия и движения, психики-мозга и т. п.

Прогресс в скорости и в возможностях передвижения: приручение лошади, изобретение колеса, колесной повозки, лодки, парусного корабля, паровоза, железной дороги, парохода, автомобиля, самолета, вертолета, космической ракеты, космического корабля.

Прогресс в возможностях действия: овладение огнем (генерирование тепла, приготовление пищи, изменение формы материала), изобретение стрелы и других метательных снарядов, изобретение пороха, машин и механизмов (водяной и ветряной мельниц, ткацкого станка, самопрядки и т. д.), паровой машины, электрогенератора, электродвигателя, динамита, атомной бомбы, атомного реактора.

Прогресс в возможностях физического развития: возникновение и развитие физической культуры и спорта.

Прогресс в возможностях профилактики болезней и их лечения: возникновение и развитие медицины, в частности, изобретение антибиотиков, пересадка сердца и других органов.

Прогресс в способах добывания пищи и добывания-выращивания различных материалов для одежды и т. д.: охота с применением орудий, скотоводство, земледелие, современное сельское хозяйство.

Прогресс в возможностях получения информации: зрительной: изобретение очков, телескопа, микроскопа, подзорной трубы, бинокля; внечувственной: ультразвука, радиолокации, радиотелескопов.

Прогресс в возможностях сохранения и передачи информации: изобретение членораздельной речи, письменности, переход от иероглифической к буквенной письменности, изобретение глиняных плиток, бумаги, книгопечатания, телеграфа, телефона, радио, кино, телевидения, проигрывателей, магнитофонов, ксерокопирования, видеотехники.

Прогресс в возможностях сохранения, передачи и переработки информации: изобретение ЭВМ, персонального компьютера, интернета.

Прогресс в возможностях эмоционального общения: развитие искусства и художественной литературы.

Прогресс в возможностях познавательной деятельности и общения: возникновение и развитие науки.

Прогресс в возможностях интеллектуальной деятельности и общения: развитие философии.

Периодизация человеческой истории

Человеческую историю можно разделить на четыре больших периода:

1) первобытный период: присваивающе-производящий;

2) аграрно-ремесленно-торговый (начиная с неолитической революции до конца XVIII в.);

3) машинно-информационный (с конца XVIII века — с момента изобретения паровой машины — до примерно середины-конца XXI века);

4) космический.

Первобытный период — присваивающе-производящий

период. Это не только эпоха присваивающей деятельности, иначе первобытные люди ничем не отличались бы от животных. Особенностью первобытных людей по сравнению с высшими животными было то, что они присваивали себе природные богатства с помощью изготавливаемых ими различных орудий деятельности: огня, рубила, топора, ножа, лука, копья, сети и т. д.

Первобытные формы объединения людей еще близки к стадам-стаям животных: это семьи, общины, роды, племена, племенные союзы. Если семьи и общины во многом напоминают семьи-стаи-стада высших животных, то роды, племена и племенные союзы — это уже чисто человеческие объединения. Они основаны не только на родстве, общности происхождения, но и на общности языка. Язык, членораздельная речь — мощное орудие общения людей, их взаимодействия в разных видах деятельности.

В первобытном обществе можно выделить два больших периода:

1) присваивающе-орудийный, доогненный

2) огнеделательный (последние примерно 500 тысяч лет, по некоторым данным — 1 миллион лет).

Отделение человека от животных началось на присваивающе-орудийной стадии. Именно орудийная деятельность способствовала революционным изменениям в биологии предчеловека, значительно увеличила удельный вес головного мозга, стала основой для следующих революций в становлении человека.

Овладение огнем — первая революция в истории собственно человечества. Оно резко увеличивает производительность человеческого труда, увеличивает досуг, усиливает общение людей и тем самым расширяет возможности развития членораздельной речи.

Овладение и пользование огнем — главный фактор изменения антропологического типа человека, прежде всего относительное-абсолютное уменьшение челюстной части и относительное-абсолютное увеличение объема мозга. Благодаря огню человек лишился волосяного покрова. Труд сам по себе этого сделать не мог (ведь есть некоторые виды животных,

которые находятся в состоянии трудоподобной активности, например, бобры, белки, птицы, и тем не менее они имеют густой покров). Постоянный обогрев с помощью огня позволил людям селиться в местах с холодной зимой. Искусственно был создан перепад температур: у домашнего очага теплокомфортно, а за пределами дома холодно. Выходя из дома люди стали одеваться, сначала в звериные шкуры, а затем изготавливая ткани и тканевую одежду. Искусственный покров в виде одежды и привел в конце концов к потере естественного волосяного покрова. Физический труд сыграл здесь не пусковую роль, а роль ускорителя-катализатора процесса.

Пользование огнем развивает ловкость, манипуляционные способности человеческой руки, способствует развитию орудийной деятельности. Ведь огонь — нечто весьма переменчивое, капризное, опасное. Человек должен быть ловким, уметь работать руками и всем телом, чтобы поддерживать огонь, держать его в определенных рамках и добиваться от него нужного эффекта. По поводу орудийной деятельности следует сказать особо. Ничто так не принуждает человека постоянно пользоваться орудиями, как огонь. Ведь голыми руками его не возьмешь. Нужно держать в руке палку, рогатку или что-нибудь подобное, чтобы поддерживать и использовать огонь. Нужно заготавливать для огня хворост, что-то вроде дров. Значит, надо манипулировать руками, ломать-рубить прутья, ветки, стволы. Даже охота на животных с использованием дубинок, рогаток и метательных орудий не так универсальна-постоянна как пользование огнем. Огнем учатся пользоваться все, от мала до велика, и мужчины, и женщины, и взрослые и дети. Далее, для приготовления мясной пищи на огне человек вынужден учиться разделывать туши убитых животных, а для разделывания он волей-неволей осваивает режущие и рубящие инструменты (нож и т. п.).

Благодаря владению огнем человек значительно расширил свои представления о свойствах различных предметов.

Утверждение Ф. Энгельса о том, что труд создал человека, является неверным. Это утверждение базируется на марксистской апологии людей из низших слоев общества, занимающихся разными видами физического труда — ремесленниками, крестьянами, ра-

бочими. Марксисты называют их трудящимися и противопоставляют их "паразитам"-эксплуататорам. Вспомните: труд и капитал, "трудовой народ", серп и молот, плехановскую группу "Освобождение труда". Эта апология труда сослужила дурную услугу Ф. Энгельсу в исследовании проблем происхождения человека. Как в отношении современных ему социальных проблем преобладал упрощенный, классовый подход, так и в отношении проблем происхождения человека Ф. Энгельс допустил упрощенчество. *Труд сам по себе не мог создать человека.* Посмотрите, как трудятся бобры, белки, птицы, заботящиеся о потомстве. Они же не стали разумными существами.

Труд — это деятельность, которая не прямо, а лишь косвенно, опосредованно служит удовлетворению потребностей. Непосредственный прием пищи не является трудом. А вот поиск пищи, создание ее запасов (как у белок) и т. п. является трудом. Бобры возводят плотины и поддерживают их в хорошем состоянии. Это весьма опосредованная деятельность, лишь создающая условия для удовлетворения потребностей. Даже труд с использованием тех или иных орудий не является фактором становления человека, его прогрессивного восхождения к вершинам культуры. Примитивные сообщества аборигенов в Австралии до прихода европейцев занимались орудийной деятельностью, изготовлением орудий и тем не менее жили на одном уровне культуры многие тысячи, десятки тысяч лет, практически не прогрессируя. Сам по себе труд не только не может быть причиной-фактором происхождения человека, но и не может быть причиной-фактором дальнейшего исторического развития-становления человека к вершинам материальной и духовной культуры. Для того, чтобы человек стал человеком и все время поднимался-становился, он должен творить, быть творческим существом. Именно творчество (познание и изобретение) превратило обезьяну в человека и подняло его на небывалую высоту. Творчество находится в сложных отношениях с трудом. Труд может быть вне творчества, быть рутинной репродуктивной деятельностью. С другой стороны, если труд и входит в творческую деятельность, то лишь как элемент (как одна из "частей"), а не как главный фактор. Труд необходим для творчества, но недостаточен. Творчество возникает в результате синтеза труда и вдохновения, т. е. труда и антитруда. Иными словами, в творчестве обязательно должен быть элемент, прямо противоположный труду.

Вообще скукой веет от утверждения, что труд создал человека. Неужели всем человеческим в себе мы обязаны только труду? Неужели на свет мы рождены для того, чтобы потеть, потеть и потеть?

И разве первобытный человек только трудился? Разве он не отдыхал, не развлекался, не веселился? Разве эта нетрудовая сторона жизни не развивала его?

Второй большой период человеческой истории, следующий за первобытным — это аграрно-ремесленно-торговый период (начиная с неолитической революции, примерно от 9-6 тысячелетия до н. э., и до конца XVIII века). Совершается переход от преимущественно присваивающих форм деятельности, когда человек в основном присваивал готовые продукты природы (животных, растения, полезные ископаемые), к сельскохозяйственному производству (скотоводству и земледелию), ремесленничеству, промышленности, торговле.

Возникает разделение труда: между скотоводством, земледелием, ремесленной деятельностью, торговлей, государственно-политической и жреческо-религиозной деятельностью, между физическим и умственным трудом, между инженерной, научной, художественной, философской деятельностью.

Формы объединения людей приобретают характер территориальных — возникают и развиваются государства. На смену родам, племенам и племенным союзам приходят народности и нации с их своеобразными обычаями, традициями, материальной и духовной культурой. Устная речь дополняется письменной. Письменность развивается от иероглифической к буквенной, от рукописной к книгопечатанию.

Третий большой период истории можно охарактеризовать как машинно-информационный: с конца XVIII века (с момента изобретения паровой машины) до примерно середины-конца XXI века, когда появятся первые поселения людей в космосе. Люди объединяются не только в отдельные государства, но и в межгосударственные союзы, в мировое сообщество наций.

Основной особенностью третьего периода является необыкновенное усиление всех человеческих способностей: прежде всего физических, благодаря машинной технике, и умственных, благодаря информационной технике.

Машинная техника этого периода отличается от орудий труда, простых машин и механизмов предшествующего пе-

риода тем, что ее силовые, энергетические параметры не лимитируются мускульной силой человека, животных (быка, лошади, осла) или силой падающей воды и ветра. Напротив, от десятилетия к десятилетию они растут в очень высокой прогрессии — от силы пара к ядерной энергии. Подъемная сила двигателей космических ракет равна уже тысячам и десяткам тысяч лошадиных сил.

Информационная техника — не только письменность, полиграфия, почтовая связь, но и электрический телеграф, телефон, радио, грамзапись, магнитофон, телевидение, видео- аудиотехника, ЭВМ, компьютерная техника. Эти информационные средства значительно усиливают психические и умственные способности человека на всех стадиях информационного процесса (получения, сохранения, переработки и передачи информации).

Машинная техника и информационные средства — эти материальные усилители человеческих способностей — являются, с одной стороны, результатом развития человека, его творческих способностей, таланта, гения, а, с другой, сами необыкновенно развивают его, все его способности.

Третий период — эпоха становления массового образования и обучения, массовой физической культуры и спорта. Постепенно люди переходят в своем большинстве от растительно-рутинной жизни, освященной веками и тысячелетиями сельского труда, к *жизнетворчеству*: научному, художественному, изобретательскому, управленческому, философскому...

Четвертый большой период — космический. Начало эмбрионального развития космической цивилизации (в недрах машинно-информационного общества) можно датировать 1957-1961 годами, когда был выведен на орбиту первый искусственный спутник Земли и состоялся первый полет человека в космос.

Ближайшее будущее человечества — *космическая цивилизация*. Человек сначала будет осваивать околоземное пространство, затем околосолнечное и далее — галактическое пространство. Он значительно изменится как живое существо,

приобретет самые разные биологические формы. Часть космического человечества (а может быть и всё человечество) откажется от живорождения и будет выращивать потомство в искусственных биологических условиях.

Освоение космического пространства будет сопровождаться дальнейшим прогрессом науки, техники, искусства и других форм культуры.

На смену общей судьбе человечества как земного сообщества живых существ придет множественное сосуществование космических цивилизаций, где-то объединенных, где-то только взаимодействующих друг с другом, а где-то изолированных друг от друга. На смену конвергенции культур, народов, земного человечества придет дивергенция космического человечества. Следствием этого будет то, что темпы развития-становления разных космических цивилизаций будут весьма различными.

Эволюция и революция в человеческом обществе

Выше, в разделе «Философская картина мира» были рассмотрены такие предельно широкие понятия, как становление, развитие, эволюция, революция. Зона действия обозначаемых этими понятиями процессов, безусловно, выходит за рамки человеческой истории. Тем не менее, стоит поразмышлять над их категориальным статусом применительно к ней. Ведь они как меридианы и параллели позволяют определить направление исторического процесса, возможные пути-дороги на длительную перспективу.

Человеческая история — *продолжение* истории живой природы и в качестве такового она не хуже и не лучше последней. Как и в истории живой природы, в ней есть место для эволюций и революций. Она — *арена* эволюционных и революционных процессов.

В последние два-три века в связи с известными историческими событиями, процессами понятия эволюции и революции стали предметом ожесточенных споров и дискуссий. К ним, как ни к каким другим понятиям, применим тезис

Т. Гоббса: если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы. Консервативно настроенные люди вообще против любых изменений: и революционных, и эволюционных. Умеренные эволюционисты за постепенные изменения-преобразования, за реформы, но против революций. Революционеры, конечно, за революционный путь преобразования общества, хотя они не отвергают и путь реформ (но только не вместо революции, а после нее). И, наконец, ультрареволюционеры-ультрарадикалы за перманентную, непрерывную революцию и против эволюционных изменений-преобразований.

Крайние взгляды, нужно, безусловно, отсечь как абиотические, противоестественные, антигуманные. Умеренные взгляды с той и другой стороны заслуживают того, чтобы относиться к ним серьезно. Сторонники социальной эволюции утверждают, что для общества как большой массы, статистического ансамбля людей наиболее естественны, соразмерны медленные, постепенные изменения. Сторонники социальной революции утверждают, что общество подобно живому организму имеет устойчивую форму, организацию, которую можно изменить лишь скачком, т. е. что переход от одного способа организации общества к другому невозможен эволюционным путем. Те и другие правы по-своему. Каждый из них видит общество с одной стороны. Эволюционисты слишком большое значение придают содержанию, считают, что его изменением можно добиться всего, а форму предлагают не трогать, не изменять. Революционеры, напротив, преувеличивают значение формы (вернее, не формы, а ее изменения), считают, что от изменения формы зависит всё, а содержание — этакое приложение к форме, которое автоматически меняется вслед за ее изменением. Эволюционисты «молятся» на старое, потому что оно старое. Революционеры «молятся» на новое, потому что оно новое.

Революция без эволюции — социальное потрясение, катастрофа. Эволюция без революции — социальный застой, болото, медленная смерть.

Сторонники эволюции и революции должны осознать, что для общества в равной степени важны революция и эволюция, и дого-

вориться друг с другом. Ожесточение споров, войн белых и красных должно уйти в прошлое. Приверженцы старого пусть знают, что новое рано или поздно придет на смену старому или потеснит его; с ним лучше разбираться спокойно, по-человечески, без крови и насилия, лучше договариваться, а не драться. Сторонники нового пусть знают, что насилие над старым, торопливость, забегание вперед может обернуться поражением нового.

Оказывается, *не все, что люди называют революцией,* ***на самом деле*** *является революцией*. Общественные потрясения и государственные перевороты сами по себе не являются революциями. Революция — такое изменение формы общества (общественного строя), которое ведет к переходу от низшего к высшему. Всякое другое употребление слова «революция» является осознанным или неосознанным искажением его смысла, политической спекуляцией или наивной демагогией.

Оценить тот или иной общественный процесс как революцию можно скорее всего лишь ретроспективно, задним числом, по прошествии определенного, достаточно длительного времени. (Выше я говорил, что революция имеет смысл революции лишь в логической связке с эволюцией. Она должна быть подготовлена эволюцией и проверена, испытана на прочность эволюцией же.)

Особенности русской революции 1917 года и ее уроки

> Революция разрушительна как ледоход и в то же время как ледоход освобождает реку от сковывающего ее льда.

Общество существует в определенных рамках и если в результате его развития рамки начинают стеснять его, оно начинает ломать их и вот эта ломка называется революцией.

Я не отделяю октябрь от февраля. Это фактически был единый революционный процесс, который продолжался еще много-много лет.

Прошло уже свыше ста лет. Это большое расстояние, даже по историческим меркам. И мы видим: революция грандиоз-

ная, оказавшая гигантское влияние на ход мировой истории.

Революции в Нидерландах, в Англии 17-го века и во Франции конца 18 века протекали в парадигме повышения градуса индивидуализма, права частной собственности, других индивидуальных прав человека... Их называли буржуазными революциями.

Великая русская революция протекала прямо противоположным образом, в парадигме повышения градуса коллективизма, противопоставления общего блага частной пользе и даже уничтожения частной собственности. Поначалу она шла стихийно, в чем-то повторяя путь западноевропейских революций. Завершилась же радикальным Октябрьским переворотом, как идеологическая революция, нацеленная на построение коммунистического, гиперколлективистского общества, на уничтожение частной собственности.

Этот опыт великой русской революции был в чем-то положительным, в чем-то отрицательным. Однозначной оценки здесь быть не может. На примере этой революции, 73-х лет ее осуществления человечество испробовало путь создания коллективистского общества, для которого неприемлем институт частной собственности. Опыт оказался, в конечном счете, неудачным.

Но можно ли на этом основании утверждать, что годится прямо противоположный путь — построения общества, основанного на приоритете частной собственности, на приоритете индивидуальных прав человека? Нет, нельзя! Этот путь тоже полон отрицательных эффектов вплоть до саморазрушения в результате депопуляции. Индивидуалисты не воспринимают жизнь индивида как звено в цепи жизни рода. Индивидуализм в принципе не приемлет идеологии продолжения рода. А без продолжения рода нет будущего. Коренная Европа и белая часть Америки вымирают.

Здесь нельзя не вспомнить идею конвергенции двух систем, выдвинутую Питиримом Сорокиным и подхваченную впоследствии нашим академиком А. Д. Сахаровым. Последний в конце 60-х годов пытался обосновать идею соединения-синтеза положительных сторон индивидуалистической и кол-

лективистской моделей общества (капитализма и коммунизма).

Сахаровская идея конвергенции двух систем возникла в нашей стране не на пустом месте. Ей предшествовали попытки реформирования народного хозяйства в середине 60-х годов. Председатель правительства А. Н. Косыгин пытался реформировать экономику на началах соединения плана и рынка, двух типов экономики — чисто плановой, командно-административной, и рыночной, капиталистической. Но, к сожалению, генсек Л. И. Брежнев и поддерживающие его консервативно настроенные коммунисты не дали хода реформе. В итоге наша страна продолжала двигаться в сторону саморазрушения, того, что мы называем крахом СССР и командно-административной системы управления.

В 90-х годах прошлого века прозападно настроенные либералы попытались повернуть руль экономики в сторону чисто рыночных отношений, что де рынок сам всё урегулирует. Опять шараханье в крайность и опять незадача.

И только теперь, по прошествии 100 лет после великой русской революции, нам стало ясно, что **красные и белые в равной степени неправы, что жизнь в обществе должна быть построена на балансе коллективного и индивидуального, государственного и частного, плана и рынка, сильной президентской власти и сильного гражданского общества.**

Раздел пятый
ФИЛОСОФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.
Формы и методы человеческой деятельности. Философская методология

Да здравствуют музы,
да здравствует разум!

А. С. Пушкин

Итак, переходим к последней части философии: философии деятельности или, по-другому, философской методологии. В нее входят креатология (теория творчества), философия мышления, теория познания (гносеология, эпистемология), учение о практике (праксеология), теория игры, искусства, спорта.

Философия, как уже говорилось в самом начале, — это также и учение о формах взаимодействия человека с окружающим миром, о способах и методах человеческой деятельности. В таком качестве она служит общим методом познания и практики. Мало иметь представление о мире в целом, мало знать, чего хочет человек, надо также разрабатывать вопросы *успешной* деятельности по освоению (познанию и преобразованию) мира. Предметом методологической "части" философии является человеческая деятельность в ее многообразных формах, иными словами, взаимодействие субъекта (человека и общества) с объектом (объективным миром). В центре философской методологии стоит проблема соотношения идеального и реального как концентрированное выражение общей проблемы соотношения субъективного и объективного.

Глава 16. Деятельность, субъект, объект

Деятельность, субъект, объект образуют семейство категорий. Субъект и объект — крайние члены семейства. Деятельность связывает их и потому является ключевой категорией в этом семействе.

Как подсистема категорий деятельность, субъект и объект располагаются в координатах двух пар категорий: возможности и действительности, внутреннего и внешнего[1].

16.1. Деятельность

Категория деятельности отражает особую форму бытия, присущую живому. Она характеризует *взаимоопосредствование* возможности и действительности, внутреннего и внешнего.

В аспекте действительности деятельность выражает *сущность* субъекта.

В аспекте возможности она выступает как *свобода*.

Со стороны внутреннего к деятельности примыкает *субъект*, а со стороны внешнего — *объект*.

Интуитивно ясно, что субъект воплощает внутреннее в деятельности, а объект — внешнее. Этимология слов говорит о том же. “Субъект” происходит от латинского subjectus — лежащий внизу, находящийся в основе, от sub — под и jacio — бросаю, кладу основание. “Объект” — от позднелатинского “objectum”, а это последнее от латинского “objicio”, от корней “ob” — против, и “jacere” — бросать, т. е. противолежащий.

Кроме того, в этимологии этих слов (sub и ob) угадывается их соответственность тождеству и противоположности.

---

[1] Внутреннее и внешнее здесь понимаются обобщенно — как внутреннее противоречие, необходимость, закон, порядок и т. п., с одной стороны, и как внешнее противоречие, случайность, явление, хаос и т. п., с другой.

Деятельность — такая форма отношения (взаимодействия) вещей, когда одна из «вещей» становится *субъектом* деятельности (организмом), а другие вещи по отношению к ней приобретают статус *объекта* деятельности (становятся *предметами* и в целом *средой* для организма). Как реальная форма бытия «вещей» деятельность возникает на стадии *живой* природы. Неорганические тела, вещи не осуществляют никакой деятельности. Она присуща только сложноорганизованным образованиям и связана с процессами *отражения* (*информации*) и *управления*.

Деятельности, кроме сущности и свободы, соответственны такие категориальные формы, как сложное противоречие, организм, поведение, развитие. *Реально* деятельность осуществляется лишь в неразрывной связи с ними. Если мы видим организм (а не просто тело), то значит он осуществляет деятельность. Если мы наблюдаем процесс развития, то это значит, что он протекает в рамках деятельности организма и т. д.

Деятельность, как и указанные категориальные формы, бывает разной степени сложности. Простейшей формой деятельности является жизнедеятельность одноклеточных организмов. А самой сложной формой из известных — человеческая деятельность. К сожалению, до сих пор некоторые исследователи рассматривают деятельность как специфически человеческую форму отношения к окружающему миру. Это — устаревшее понимание деятельности[1]. Оно препятствует ее осмыслению как категории мышления и, соответственно, как «формы бытия», включенной в естественную систему категориальных определений мира. Современная наука далеко ушла от антропоцентрической точки зрения и обобщила многие понятия, которые носили антропоморфный характер. Здесь прежде всего следует упомянуть понятия силы и энергии, затем понятия управления и информации. Настал черед обобщить и понятие деятельности, тем более что оно самым тесным образом связано с последними, имеет с ними, в сущности, один уровень общности.

[1] См., например: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 151.

На следующей странице дана *диаграмма (структурная схема) человеческой деятельности*. Как видно из схемы, категории «цель», «средство», «результат» развертывает деятельность в плане возможности и действительности (по вертикали), а категории «субъект» и «объект» в плане внутреннего и внешнего (по горизонтали).

Категории «цель» и «результат» выражаются в понятиях «*целенаправленность*"[1] (движение от постановки цели к результату) и «*целеполагание*» (движение от достигнутого результата к новой цели).

Ясно, что человек и высшие животные осуществляют свою деятельность в рамках целеполагания и целенаправленности, т. е. для них «цель», «средство», «результат» — вполне различимые и значимые моменты деятельности.

А как быть с простейшими живыми организмами, растениями, у которых нет и намека на целеполагающую и целенаправленную деятельность? Ясно, что и у них в примитивной форме есть то, что лежит в основе целеполагания и целенаправленности. Я имею в виду *целесообразность*. Она свойственна *всему* живому.

Целесообразность лежит в основе всякой деятельности, а целеполагание и целенаправленность являются как бы надстроечными элементами, развивающими и дифференцирующими целесообразность. Эти «надстроечные элементы» выражаются или сводятся к триаде «цель-средство-результат». В этой триаде "цель" отчетливо принадлежит к «*возможной*» составляющей деятельности, а "результат" к "*действительной"* составляющей. «Средство» же является *посредствующим* звеном между целью и результатом, иными словами, *опосредует* цель и результат. В более широком смысле средство является тем элементом деятельности, с помощью которого осуществляется *взаимоопосредствование* возможности и действительности.

(Напомним, что деятельность есть взаимоопосредствование указанных категориальных форм. Средство и служит таким опосредствующим фактором. Сама этимология слова говорит за это).

[1] Близким по смыслу к этому понятию является понятие «целеустремленность».

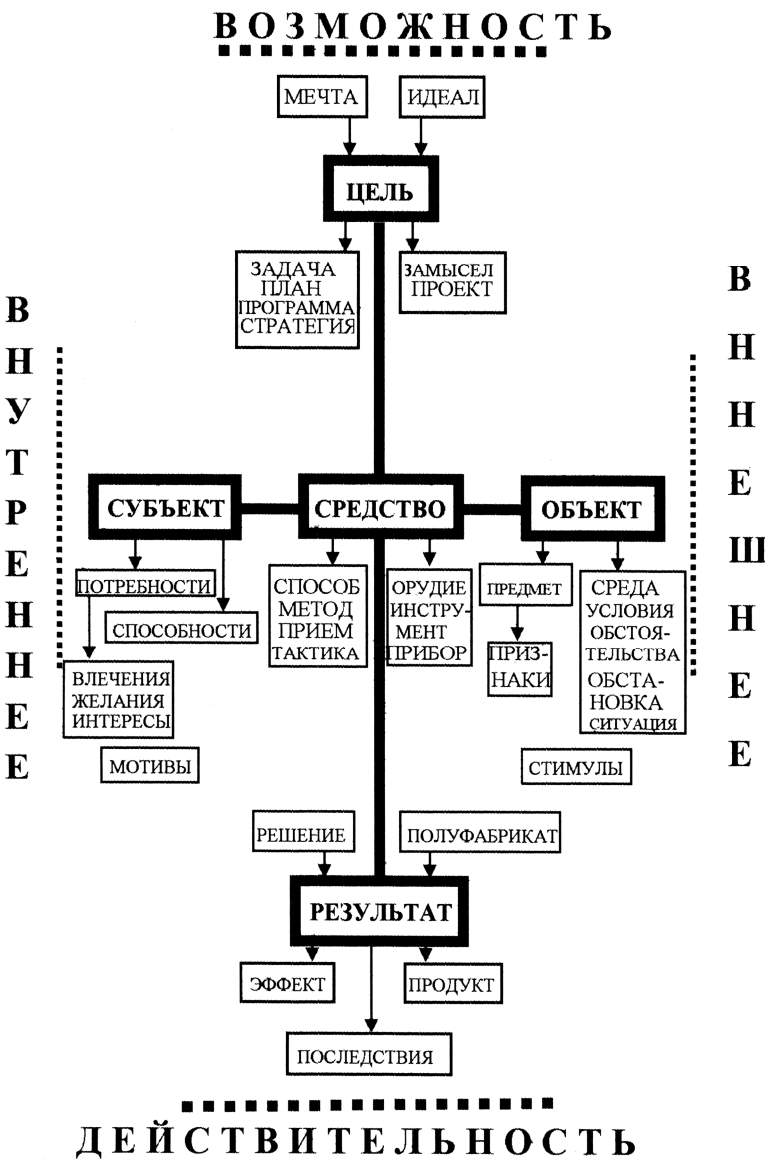


Рис. 26. Диаграмма (структурная схема)
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Средство является посредствующим звеном не только между целью и результатом, но и между субъектом и объектом. Оно опосредует субъект-объектное отношение или, шире, отношение между внутренним и внешним. Без этого опосредствования нет освоения субъектом объекта, а, следовательно, нет и деятельности. По тому, насколько развиты и совершенны средства, можно судить о степени развития и сложности деятельности, о глубине освоения субъектом объекта. Благодаря средству деятельность осуществляет взаимоопосредствование внутреннего и внешнего. Субъект и объект — это опосредованные и опосредуемые внутреннее и внешнее.

Чем сложнее и совершеннее деятельность, тем глубже она опосредует, охватывает субъект и объект; субъект становится все больше деятельным, культурным, а объект все больше вовлекается в орбиту деятельности субъекта, осваивается, окультуривается. Внутренняя культура субъекта и культура окружающей среды, культурная среда — вот что создает, формирует, «делает» деятельность. Подобно движению от цели к результату и от достигнутого результата к новой цели есть и движение от субъекта к объекту и от объекта к субъекту. В своих развитых формах это движение воплощается в практической, управляюще-преобразовательной деятельности (движение от субъекта к объекту, «опредмечивание»), научно-познавательной деятельности (движение от объекта к субъекту, «распредмечивание») и игровой (художественной и спортивной) деятельности (взаимодвижение субъекта и объекта).

16.2. Целесообразность, целеполагание, целенаправленность

Целесообразность, целеполагание и целенаправленность не только развертывают деятельность в плане возможности и действительности, но и в определенном смысле связывают, опосредуют внутреннюю и внешнюю стороны, факторы деятельности. Так, целесообразность можно рассматривать как «комбинацию» (взаимоопосредствование) *причинности*, относящейся к миру явлений, и *законосообразности*. Она, с одной стороны, имеет вид причинности (одно полагается другим,

например, функция или орган живого организма имеет основание не в себе, а в целом), с другой, она имеет замкнутый вид, зациклена (та же функция или орган существуют и развиваются на основании собственных законов). Или возьмем такой пример: мы моем яблоки перед едой. Воздействуя на них таким образом, мы запускаем «механизм» причинной связи: одно явление — мойка — вызывает другое явление — очищение поверхности яблок от грязи и микробов. Второе есть следствие первого. В то же время это второе заранее предполагалось в качестве цели мойки. Причинно-следственная связь как бы замкнулась на себе, зациклилась. В результате действия субъекта оказываются *целесообразными*, буквально сообразными цели, а не просто цепью причин и следствий. Обратная связь означает постоянное соотнесение цели с промежуточными результатами. По смыслу своему она является опосредствующим звеном между целью и результатом, т. е. ее роль аналогична роли *средства*. Отрицательная обратная связь, по всей видимости, играет роль *корректирующего* средства. Положительная обратная связь — роль *усиливающего* средства.

Категория цели, как основание целеполагающей и целенаправленной деятельности, — не только достояние человеческого сознания, но необходимый элемент всякой психической деятельности. Когда парящий в небе орел видит на земле бегущего зайца, то он устремляется к зайцу как к цели. Орел ставит перед собой общую цель (образ зайца, имеющий значение цели), ищет и выбирает конкретную цель (соотносит конкретный образ бегущего зайца с общим образом-целью) и затем стремится достичь ее. Ориентировочная деятельность, свойственная не только человеку, но и животным, имеющим психику, *в принципе* невозможна без целеполагания и целенаправленных действий. Говоря об этом, мы, однако, не ставим знак равенства между человеческими целями и целями животных. Между ними имеется глубокое качественное различие. Человеческая деятельность на порядок выше деятельности самых развитых животных. Об этом можно судить хотя бы по таким признакам человеческого целеполагания как способность мечтать или выдвигать идеи. У животных цели име-

ют, так сказать, конкретно-ситуативный характер. Они не «заглядывают» далеко в будущее.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие (не очень большое, но и не очень маленькое) или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

16.3. Цель, средство, результат

В структурной схеме (см. выше, рис. 26, стр. 476) главными категориями определены *цель, средство, результат, субъект и объект.* Вокруг каждой категории группируются более частные категории-понятия, которые удобно именовать субкатегориями. Категория цели, например, является родительской категорией, группирующей вокруг себя такие понятия, как *мечта, идеал, план, программа, стратегия, задача, проект, замысел*.

Как видно из схемы, вертикальная ось «*цель-результат*» делит «пространство" между субъектом и объектом на две половины. Соответственно понятия, подчиненные цели, средству и результату, делятся на две группы, "размещаются» влево от вертикальной оси (ближе к субъекту) и вправо от оси (ближе к объекту). Первую группу понятий будем называть *субъектными* целями, средствами, результатами; вторую группу понятий — *объектными* целями, средствами, результатами. Так, *план, программа, задача, стратегия* относятся в основном к действиям субъекта, а *проект, замысел* ориентированы на объект, точнее, характеризуют воображаемый, мыслимый *предмет*. *Мечта* ориентирована на желательные изменения в жизни субъекта, а *идеал* указывает на объект, предмет как цель стремлений или образец для подражания (этот объект, предмет может быть воображаемым и тем не менее субъект отделяет его от себя).

Способ, метод, прием, алгоритм, правило являются субъектными средствами, так как они относятся к действиям субъекта, характеризуют их содержание, порядок, последовательность. А *орудие, инструмент, прибор* и т. п. являются объект-

ными средствами, т. е. являются теми или иными *предметами*, используемыми в качестве средств.

Решение и *эффект* являются субъектными результатами (результатами действий субъекта), а *полуфабрикат, продукт, изделие* — объектными результатами (в виде тех или иных *предметов*).

Субкатегории цели, средства и результата можно классифицировать не только по линии «субъект-объект», но и по линии «верх-низ» (цель-результат»). Наиболее удалены от результата такие субкатегории цели, как “мечта», «идеал». Они соответственно помещены над ней (дальше от результата).

В самом деле, *мечта* — это лишь слабый проблеск цели, «прожект», нечто весьма эфемерное, далекое еще (или просто далекое) от осуществления. Если сама цель настоятельно «требует» поиска средств или даже предполагает их наличие, то *мечта* не «думает» или еще не «думает» о средствах, не «ищет» их, она в некотором смысле «беззаботна» и может быть совершенно оторвана от действительности (вспомним маниловские мечтания, вошедшие в поговорку и заклейменные как «маниловщина»). С точки зрения возможности своего осуществления мечта носит еще в значительной мере случайный (маловероятный) характер. Цель в собственном смысле — это уже такая возможность, которая наряду с элементом случайности содержит в себе и элемент необходимости (выше говорилось о цели как «законе» деятельности). Цель, конечно, может и не осуществиться, но человек рассматривает ее как необходимость и предпринимает для ее осуществления серьезные, порой весьма рискованные шаги.

Итак, я указал на б***о***льшую удаленность мечты от действительности по сравнению с целью, что, однако, не обесценивает ее. Если говорить по большому счету, то следует сказать, что мечта совершенно необходима для целеполагания и целеустремленности. *Всякая большая цель начинается с мечты и «подогревается” ею, пока не достигнута*

Примерно то же можно сказать об *идеале*. Он выражает стремление человека к совершенству и совершенному. Поскольку совершенствование беспредельно, постольку и идеал

кажется недостижимым. Тем не менее, человек, не останавливающийся на достигнутом, всегда стремится к идеалу.

Теперь, если взглянем на место ниже цели слева, то увидим такие понятия, как *план, программа, задача, стратегия*. Они и по смыслу своему «стоят» где-то между целью и средством (со стороны субъекта). План — это конкретизация цели с точным указанием промежуточных этапов (заданий, целей), сроков их прохождения и достижения цели. План может по своему содержанию приближаться к программе. Последняя — это уже в определенном смысле *цель-средство*. Она включает в себя помимо того, что есть в плане, и указание на некоторые общие средства достижения цели, общие алгоритмы деятельности. В то же время «программа» не предусматривает *весь* объем средств для достижения цели, не детализирует их. (Сравним, например, программу и устав партии. Программа — это в основном целевая установка партии на длительный период, содержащая «дерево» целей; а Устав — это конкретные организационные принципы деятельности партии и кодекс поведения членов партии).

В самом низу структурной схемы располагаются субкатегории, характеризующие результативную сторону человеческой деятельности. Возьмем *решение*. С одной стороны, решение — это уже какой-то результат (при решении математических задач решение полностью совпадает с результатом). А с другой, в контексте реальной деятельности, предусматривает кроме мыслительных операций и какие-то физические действия по достижению результата, между решением и результатом всегда существует определенная дистанция. Мы знаем из практики, что не всякое решение выполняется или выполняется, но не полностью, переход от решения к реальному результату — извечная проблема хозяйствования. Таким образом решение еще не вполне является результатом (этакий «недорезультат») и его место на структурной схеме непосредственно над категорией «результат» слева, между средством и результатом. Решению соответствует объектный «недорезультат» — *полуфабрикат*.

Субкатегория «*последствия*» располагается на схеме ниже субкатегорий «аффект» и «продукт». И по своему реальному

содержанию она является как бы результатом результата, вторичным, третичным, четвертичным и т. д. результатом. Говорят еще об *отдаленных* последствиях. Люди, стремясь к получению непосредственных результатов — эффекта и продукта, не всегда думают о последствиях своей деятельности. Они порой живут, действуют по принципу: «после меня хоть потоп». На самом деле, в перспективе жизни учитывать последствия не менее важно, чем ставить цели и добиваться конкретных результатов. Например, сейчас перед обществом остро стоит проблема *охраны окружающей среды*. Она возникла как раз в результате деятельности людей, ориентировавшихся раньше на непосредственные итоги (такие-то продукты, такие-то полезные эффекты).

Таким образом, система субкатегорий цели, средства и результата, изображенная на структурной схеме, наглядно показывает, каким должно быть мышление человека, когда он рефлексирует по поводу деятельности, когда он ставит цели и стремится к их достижению.

16.4. Субъект и объект

В структурной схеме (рис. 26) *субъект* и *объект* изображены как субкатегории деятельности, как ее стороны, моменты. На самом же деле это не совсем так. Хотя, безусловно, деятельность «делает» субъект субъектом, а объект объектом, они все же не входят целиком в состав деятельности как ее моменты. Взаимоотношения субъекта и объекта, их взаимодействие *шире* собственно деятельности. Объект действует на субъект не только в рамках деятельности последнего, но и просто как стихийная сила, т. е. абсолютно независимо от субъекта и его деятельности. С другой стороны, субъект может воздействовать на объект не в рамках деятельности, а как одно материальное тело воздействует на другое или другие, лишь в силу своего присутствия.

В этой связи более правильно располагать субъект и объект *около*, по обе стороны категории деятельности и присоединять к ней *незамкнутыми* линиями (скобками). Указанные категории, с одной стороны, не включены непосредственно в

объем категории деятельности, а, с другой, явственно относятся к ней, определены ею.

Высказанные замечания по поводу частичной включенности субъекта и объекта в деятельность носят принципиальный характер, это особенно касается категории «объект». Философы, явно или неявно абсолютизирующие категорию деятельности, рассматривают объект только как включенный в деятельность и, следовательно, зависимый от субъекта. Они, конечно, правы в том, что *в деятельности* субъект и объект *взаимо*зависимы, связаны, так сказать, одной «веревочкой». Однако, если рассматривать указанные категориальные формы в более широком контексте — всей реальности, мира в целом, то их взаимозависимость не кажется абсолютной. За пределами деятельности она превращается в более или менее одностороннюю зависимость субъекта от объекта (объективного мира). Можно сказать так: субъект в конечном счете зависим от объекта, определяется им, а объект в конечном счете независим от субъекта, существует сам по себе. Субъект, правда, может *называть* весь мир объектом своей деятельности. Но мир от этого наименования не становится на самом деле объектом. И даже от деятельности субъекта он не становится таковым. Объектом становится лишь какая-то ничтожная часть мира, то, что называют окружающим миром.

Применительно к миру в целом объект часто называют *объективной реальностью, объективным миром*. В этом качестве он справедливо характеризуется как независимый от субъекта (человека и человечества).

Итак, субъект и объект в их категориальном значении *соразмерны* деятельности. Это, в частности, означает, что они “функционируют” не только как человеческие категории, но и вообще как категории живого. Поскольку любое живое взаимодействует с окружающей средой в форме деятельности, постольку оно выступает по отношению к ней как субъект по отношению к объекту. Конечно, нам трудно представить, что какая-нибудь амеба или растение являются субъектами. Но это так, поскольку они *живут*, т. е. осуществляют деятельность. Во взаимоотношениях амебы, растения с окружающим миром неизбежно возникает контрпозиция “субъект-объект”,

т. е. одно (организм) — нечто активное, действующее, осуществляющее выбор, а другое (окружающая среда) — нечто воспринимаемое, изменяемое, преобразуемое, являющееся объектом воздействия-выбора.

Раз возникнув, субъект-объектные отношения развивались-усложнялись по мере развития-усложнения живого. Субъектность одноклеточного организма минимальна. А вот субъектность высшего животного по многим параметрам приближается к субъектности-субъективности человека. Высшее животное имеет развитую психику и, следовательно, осуществляет сложную целеполагающую-ориентировочную-предметную деятельность, делающую его субъектом без всяких оговорок.

В дальнейшем будем говорить о субъекте-человеке и объекте его деятельности.

Субъект. Субъект-человек имеет ярко выраженную двойственную природу. С одной стороны, он субъект-индивид, а, с другой, совокупный субъект: от минимальной группы людей, каковой, скажем, является семья, до человеческого общества в целом, человечества. В этом дуэте субъектов отдельный человек, естественно, играет первую скрипку, является первичным субъектом.

В языке двойственная природа человека-субъекта проявляется в том, что слово “человек” употребляется как в разделительном, так и в собирательном смысле. В разделительном смысле “человек” — индивидуум, личность, живое существо. В собирательном смысле “человек” — человечество, человеческий род, человеческое общество (например, в высказывании “человек осваивает космос”). См. подробнее о двойственной природе человека-субъекта выше, стр. 279 (п. 12.2).

Совокупный субъект существует благодаря *общению* субъектов-индивидов. Общение — особая форма деятельности. Она осуществляется исключительно между субъектами. Ее особенность в том, что субъекты последовательно-попеременно и/или параллельно играют роль объектов друг для друга.

Объект является родовым понятием (родительской категорией), группирующим вокруг себя целый ряд понятий, таких как *предмет, среда, условия, обстоятельства, обстановка*.

Субъект непосредственно направляет свои усилия не на весь объект, а лишь на его «часть», которую обычно называют предметом. Последний в буквальном смысле есть то, что *метит* в глаза, что стоит *перед* субъектом. Предмет является либо объектом познания, либо объектом преобразовательной, предметной деятельности человека. Он то в объекте, на что *направлено* в первую очередь или в данный момент внимание субъекта как познающего или практического деятеля.

Следует отличать *предмет* от *вещи*, тела, отдельного материального образования. Не всегда границы предмета совпадают с границами отдельного материального образования. Если вещь проявляет себя в отношениях с другими вещами через свойства, то *предмет* по отношению к субъекту — через *признаки*. (Совершенно недопустимо с точки зрения категориальной логики подставлять в триаду «вещь-свойство-отношение» вместо вещи предмет или вместо свойства признак. Триада «предмет-признак-отношение к субъекту» отличается от триады «вещь-свойство-отношение» *в принципе, категориально*). Вещи, их свойства и отношения существуют независимо от каких-либо субъектов и их деятельности. А предметы и их признаки определяют себя лишь в рамках отношения «субъект-объект». Например, каменная соль обладает свойством растворяться в воде (ее жидком состоянии). Для воды это свойство каменной соли не является признаком, т. к. оно ей совершенно безразлично. Ведь вода не субъект и она не преследует каких-либо целей, чтобы воспользоваться свойством растворимости каменной соли. Для человека же свойство растворимости при определенных условиях может стать признаком. В этом случае каменная соль уже не просто материальное тело, вещь, а *предмет*, удовлетворяющий или мешающий удовлетворению потребности человека. Если человеку нужно сделать воду соленой, то он бросает туда щепотку соли, зная наперед, что она обладает признаком растворимости.

Признаком не обязательно должно быть свойство вещи. У певчих птиц признаком является пение, которое отнюдь нель-

зя назвать свойством (ведь и сами птицы — живые существа, а не вещи). Признаком может быть все, что характеризует предмет с точки зрения его значимости для субъекта.

Вообще говоря, триада «вещь-свойство-отношение» преобразуется в системе категорий «субъект-деятельность-объект» в такие цепи категорий: «субъект-способность-деятельность» и «предмет-признак (функция)-отношение к субъекту (функционирование)».

Итак, предмет — это «часть» объекта, на которую направлено внимание субъекта и с которой он «работает», непосредственно «имеет дело». А что же представляет собой другая «часть» объекта? Это, по-видимому, такая «часть», которая принимает «участие» в деятельности субъекта, влияет на его судьбу, но на которую непосредственно не направлено внимание субъекта и он не «работает» с ней. Эту «часть» объекта называют по-разному: *средой, условиями, обстоятельствами, обстановкой, ситуацией* и т. д. Обычно проводят различие между благоприятными и неблагоприятными условиями, обстоятельствами. Благоприятные условия способствуют деятельности субъекта, неблагоприятные — мешают. В истории человеческой мысли всегда остро стояла проблема: в какой мере обстоятельства влияют на человека, а человек может повлиять на обстоятельства. Является ли человек марионеткой в «руках» обстоятельств или же он — хозяин своей судьбы? В отношении неблагоприятных обстоятельств действует жизненное правило, которое можно выразить в следующем афоризме: «Человек только тогда достигает чего-либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств».

Идеальное и реальное (психическое и физическое)

Соотношение идеального и реального — концентрированное выражение соотношения субъективного и объективного.

Идеальное — отражение и/или проект реального.

16.5. Виды человеческой деятельности

На схеме «*Виды человеческой деятельности*» (см. ниже) наглядно показана двусторонняя связь между субъектом и

объектом. Если познание и практика — *противоположно* направленные формы связи субъекта с объектом, то игровая (художественная и спортивная) деятельность — *промежуточная* форма связи. Не являясь по-настоящему ни познавательной, ни практической деятельностью, она включает в себя элементы той и другой. В сфере субъекта ей соответствует чувство (эмоция), занимающее промежуточное положение между знанием и потребностью (для искусства — это чувства любви, гармонии, красоты, прекрасного; для спорта — это чувства соревнования, борьбы, преодоления).

Описание схемы «Виды человеческой деятельности» (см. на сл. стр. рис. 27). На самом верху субъект, внизу — объект, по бокам: слева — отражение, справа — управление — координаты, в которых рассматриваются разные виды человеческой деятельности. К субъекту примыкает психическая сторона человеческой деятельности, к объекту — физическая. Физическая и психическая стороны человеческой деятельности связываются с помощью, прежде всего, познания и преобразования.

Познание — это преимущественно отражательная деятельность, осуществляющая перевод материального в идеальный план (распредмечивание). В познании субъект стремится разделять то, что разделено в объекте, и соединять то, что соединено в объекте[1].

Напротив, управляюще-преобразовательная деятельность осуществляет “перевод” идеального в материальный план (опредмечивание). В этой деятельности субъект стремится разделять то, что соединено, и соединять то, что разделено (т. е. он поступает прямо противоположно тому, что он делает в процессе познания).

На схеме видно, что познавательная и управляюще-преобразовательная виды деятельности противоположны в своей направленности. Физическая и психологическая стороны человеческой деятельности соединяются прежде всего с их

[1] Еще Аристотель указал на этот критерий познавательной деятельности: “...истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное — связанным, а ложное — тот, кто думает обратно тому, как дело обстоит с вещами” (Метафизика 1051b 3-6). — Аристотель. Соч. в 4-х т.т. Т. 1, М., 1976. С. 250.

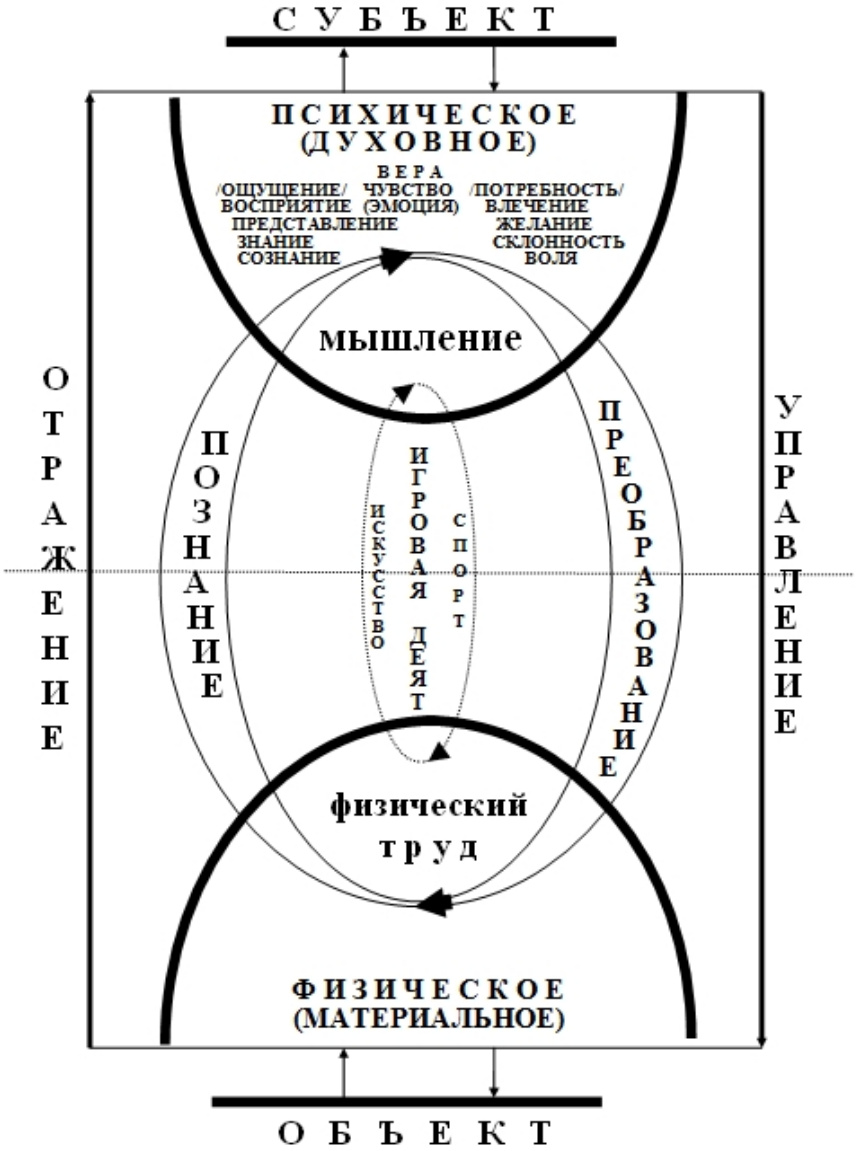


Рис. 27. Схема “Виды человеческой деятельности”

помощью. Целью познавательной деятельности является получение знаний, а целью управляюще-преобразовательной деятельности является приобретение блага.

В общем и в целом человеческая деятельность существует именно в этом противотоке двух противоположных видов деятельности (т. е. даже в индивидуальном плане каждый человек, кем бы он ни был, все равно как целостное существо осуществляет и познавательную и преобразовательную деятельность). Если в познании мы стремимся максимально объективизировать себя (стремление разделить то, что разделимо в объекте, и соединить то, что соединимо в объекте), то в управляюще-преобразовательной деятельности мы стремимся навязать объекту свою волю, субъективизировать его, стать хозяевами объекта-мира (т. е. разделить в объекте то, что соединимо, и соединить то, что разделено).

Познание и *практика* — противоположные и опосредующие друг друга формы деятельности. Практика опосредует познавательную деятельность в виде эксперимента и приборного-инструментального наблюдения. Познание опосредует практическую деятельность в виде прикладных наук (технических, сельскохозяйственных, медицинских, педагогических, юридических, политических, экономических).

Игровая (художественная и спортивная) деятельность — это промежуточная форма деятельности. В художнике/спортсмене имеет место в ослабленном виде и движение от материального к идеальному, и от идеального к материальному. Эта форма не дает по-настоящему ни знаний, ни блага.

Физический труд реализуется на уровне общества в виде трудовой деятельности рабочих и крестьян.

16.6. Труд, отдых, игра, творчество

Если рассматривать деятельность человека с точки зрения диалектики цели и бесцельности, то можно видеть, что она выступает в разных формах в зависимости от того, какой из указанных моментов преобладает. К таким формам деятельности следует прежде всего отнести *труд* и *отдых*. В трудо-

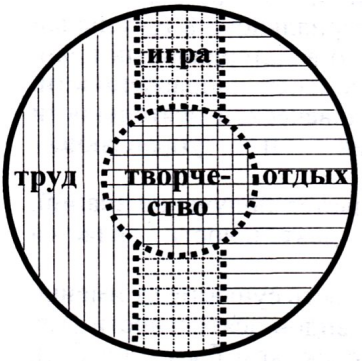


Рис. 28. Диаграмма "Формы человеческой деятельности»

вой деятельности преобладает целевой момент (напряжение цели), в отдыхе преобладает бесцельность (отвлечение от главной цели).

На рис. 28 дана *диаграмма*, в которой наглядно-логически выражено соотношение различных форм деятельности с точки зрения диалектики цели и бесцельности. На диаграмме труд и отдых изображены как противоположные формы деятельности. Это и на самом деле так. Совершенно очевидно также, что между ними должна быть промежуточная форма деятельности. На эту "роль» претендует *игра* (игровая форма деятельности). Она отчасти свойственна труду, а отчасти — отдыху (есть формы труда, включающие в себя игровой элемент, и формы отдыха в виде спортивно-оздоровительных игр). В то же время игра как форма деятельности не сводится ни и труду, ни к отдыху. Значит, она «располагается» где-то между трудом и отдыхом, занимает промежуточное положение между ними (на диаграмме игра помещена между трудом и отдыхом и отделена от них прямыми пунктирными линиями; пунктирный характер линий указывает на плавность перехода от одной формы деятельности к другой). В качестве примера игры как особой формы деятельности, сочетающей в себе элементы труда и отдыха, можно привести игру детей.

М. В. Демин справедливо отмечает противоречивый, как бы сказать, серьезно-несерьезный характер игры. «Приходится констатировать, — пишет он, — что проблема игры, игровой деятельности находится лишь в начальной стадии своего развития. В значительной мере такая ситуация сложилась в результате своеобразия и противоречивости игрового феномена. С одной стороны, игра представляется как бы несерьезным, бесполезным и не стоящим большого значения явлением. С другой стороны, при более пристальном рассмотрении она же оказывается далеко не простым, фундамен-

тальным феноменом действительности, тесно связанным с глубочайшими истоками человеческой активности и потому превращается в весьма серьезную и нелегкую проблему научного исследования»[1].

Нельзя не согласиться с М. В. Деминым в том, что игра «не ограничивается первоначальным периодом в жизни человека, а является необходимой и существенной составляющей деятельности во все без исключения периоды его жизни»[2].

Если в труде, трудовой деятельности мы видим высшее напряжение цели, а в отдыхе, напротив, некоторую бесцельность времяпрепровождения, то в игре, в различных ее формах мы видим постепенный переход от напряжения цели к бесцельности или от бесцельности к напряжению цели.

«Что же касается специфики игры, — пишет М.В. Демин, — отличающей последнюю от неигровой деятельности, то она связана со свободным проявлением сил в процессе человеческой активности и с достижением результата, не имеющего утилитарного характера. Игра — не такая деятельность, которая осуществляется под давлением практической необходимости. И хотя игра, как труд и как всякая деятельность, предполагает преодоление препятствий, это такая активность, процесс реализации которой доставляет удовольствие, проистекающее главным образом от свободного, самопроизвольного применения человеческих сил". (Там же)

Диапазон форм игры простирается от самых серьезных, практически значимых (военные маневры, деловые игры) до самых несерьезных, кажущихся абсолютно бесцельными (детские игры, игры на отдыхе).

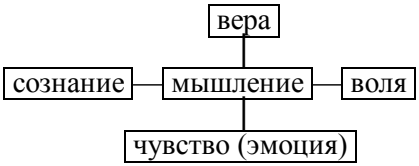
О творчестве и его отношении к труду, отдыху, игре см. ниже, стр. 562.

16.7. Психика

Психика — высший орган управления поведением человека. Она имеет сложную структуру, которая обобщенно выражается в такой схеме:

---

[1] *Демин М. В.* Природа деятельности. М., 1984. С. 94.
[2] Там же. С. 96.



Сознание и **воля** — полюсы психики. **Сознание** венчает ту сторону психики, которая выражается в виде ощущений, восприятий, представлений, понимания, знания. Оно характеризует способность адекватно отражать действительность (вариант: отражательную способность психики). **Воля** венчает ту сторону психики, которая выражается в виде влечений, желаний, потребностей, интересов. Она есть способность человека управлять своим поведением.

Мышление объединяет сознание и волю, веру и чувства. Оно выражается в виде таких умственных способностей, как ум, рассудок, разум.

Вера и **чувства** (**эмоции**) выражают по отдельности устойчивость психики и ее изменчивость, лабильность.

Иногда психику представляют как состоящую из двух уровней или частей: сознания и подсознания или сознательного и бессознательного. Это весьма упрощенная модель психики. В ней используется простая логическая операция: дихотомическое деление (П делится на < С и не-С >). На самом деле структура психики намного сложнее. То, что называют подсознанием или бессознательным, относится отчасти и к воле, и к мышлению, и к вере, и к чувствам-эмоциям. (См. выше схему психики; в этой схеме сознание составляет, условно говоря, не половину психики, а одну пятую!)

Вообще нужно сказать, что психику человека нельзя представлять ни как состоящую из двух частей, ни как состоящую из пяти частей. Указанные «части» на самом деле взаимопроникают и опосредуют друг друга, составляют одно целое. В воле есть элемент сознания, а в сознании есть элемент воли. В чувствах присутствуют все другие элементы: и сознание, и воля, и мышление, и вера. Вера может быть эмоционально окрашенной, а может быть осмысленной-рациональной, может быть волевой-действенной, а может быть осознанной-созерцательной. И т. д., и т. п.

То же самое можно сказать о психике в ее отношении к человеку как целому. Это такая «часть», которая неразрывно связана с человеком и с другой «частью» человека, которую обычно именуют телом. Да, о психике и психическом говорят порой как о чем-то отдельно существующем, вне связи с остальными сторонами человеческой деятельности. Это либо научная абстракция (у психологов), либо представление, основанное на идее бессмертия души и возможности ее отделения от тела.

Выше было сказано, что психика — высший орган управления поведением человека. Это значит, что ее можно сравнить с генералом, который командует армией. А под армией в таком случае следует понимать тело человека. Невозможно представить психику (душу) без тела, как невозможно представить (действующего) генерала без армии.

Виктор Цой пел:

Если есть стадо — есть пастух,
Если есть тело — должен быть дух

Душа и дух

Душа и дух различаются тем, что в понятии «душа» выделяется-подчеркивается индивидуальная составляющая духовно-психического, а в понятии «дух» — надиндивидуальная составляющая, то, что привязывает-приобщает человека к человечеству, к его культуре (в религиозной интерпретации — к Богу, ко всему божественному).

В чем причина противопоставления духа (души) и тела? Почему люди вновь и вновь пытаются их разделить и противопоставить? Ведь этим занимаются не только религиозно настроенные люди. Много таких среди философствующих (их называют идеалистами), аскетствующих и мистически настроенных. Дело в том, что человек, в отличие от животных, общается-взаимодействует с внешним миром не только с помощью телесных органов — органов чувств и действия, — но и с помощью искусственных средств — письменности, технических средств связи, технических средств действия-движения. Соответственно, психика человека, в отличии от психики животного, формируется и функционирует не только

на основе ***телесного*** контакта-взаимодействия с окружающим миром, но и на основе упомянутых ***внетелесных*** искусственных средств. Отсюда относительная независимость человеческой психики (души, духа, мышления, сознания, воли, чувств) от **телесного**, т. е. от **тела.** Очевидно, что психика человека **меньше** зависит от его тела, чем психика животного от тела этого животного. Точнее, не меньше, а **меньше и больше**, в чем-то меньше, в чем-то больше[1]. То есть рамки связи, взаимодействия, взаимоопосредствования человеческих психики и тела как бы **раздвигаются**: в чем-то связь становится сильнее, а в чем-то слабее, в чем-то проще, в чем-то сложнее, в чем-то более непосредственной, а в чем-то более опосредованной и т. д.

Так вот, возможность противопоставления духа и тела вытекает из осознанного или неосознанного ***акцентирования внимания*** на моменте относительной независимости человеческой психики от тела. Такое акцентирование внимания может наступить в результате неумеренного использования искусственных средств общения-взаимодействия с окружающим миром и возникновения иллюзии, что наши телесные органы чувств-действия не более, чем передатчики-проводники ощущений и действий, что они играют в нашей жизни исключительно инструментально-техническую роль. Например, книжник (книжный червь, книжная душа) рассматривает свое тело почти как чужое, а то и как чуждое, враждебное своему духу, как темницу-тюрьму своей души. В настоящее время в связи с компьютерной революцией и появлением интернета создается еще более благоприятная почва для противопоставления духа и тела. На смену традиционному, книжному в своей основе (религиозному и философскому) идеализму приходит информационно-компьютерный идеализм-виртуализм.

Вера

Вера — уверенность, основанная на опыте жизни и желании достичь-иметь (или не иметь, избежать) что-либо. Веру

[1] Например, жизнь и судьба (в том числе психика, душа, дух) пианиста неизмеримо больше зависят от состояния, особенностей формы его рук, чем жизнь, психика высшего животного от состояния и формы его конечностей.

обычно противопоставляют знанию. В самом деле, вера «действует» как раз там, где знания отсутствуют или их не хватает, но сильно желание достичь-иметь или не иметь, избежать. Вера, как и воля, движет человеком (известный психолог Л. С. Выготский был прав, когда писал: «Без известного фанатизма невозможно найти, защищать, воплощать истину»). Например, человек верит в свою «звезду» и старается делать всё, чтобы его «звезда» стала явью. Вера похожа также на мечту. Как и мечта, она «подогревает» или «согревает» человека психологически. «Блажен, кто верует, тепло ему на свете» — говорил поэт.

Чаще всего вера касается будущего. Будущее не имеет такой определенности, как настоящее (не говоря уже о прошлом). Возможность разных вариантов будущего и необходимость предпочтения лучшего-хорошего худшему-плохому заставляют человека настраиваться на волну веры.

Вера деятельностна по своей сути. Она нужна в больших делах, когда для достижения цели требуются значительные усилия, жертвы или терпение. Вера нужна в общении, в отношениях между людьми или между людьми и высшими животными. Один человек верит или доверяет другому. Без этой веры-доверия невозможно конструктивное, плодотворное общение, вообще невозможна совместная деятельность.

Веру так каковую нередко путают с религиозной верой. Вот два примера:

В американском сериале “Крутой Уокер” раскаявшийся бандит, отец семейства, уверовавший в Иисуса Христа, говорит: “Я говорю не о религии. Я говорю о вере. Если ни во что не веришь, жизнь становится пустой”.

Или: “Мы все были как бы атеистами. А люди верили. Ведь без веры вообще нельзя жить” (слова журналиста, прозвучавшие по НТВ 11 февраля 1996 г.)

Комментарий. В том и другом случае явная подмена понятий: религиозная вера подменяется верой вообще — раз без веры жизнь пуста или нельзя жить, значит, нужна вера в бога. Нужность религиозной веры обосновывается ссылками на необходимость веры вообще.

Верующие скорее всего не осознают этой подмены понятий. Они просто пытаются монополизировать и веру, и свое понимание веры.

Если человек называет себя верующим, то это вовсе не значит, что он — единственный носитель-хранитель веры. Нет человека, который не верил бы ни во что. Разуверившийся решительно во всём, как правило, кончает жизнь самоубийством. Верующий — это человек, который абсолютизирует веру, который ставит ее выше знания, разума, морали и т. д.

Вера и убеждение

Нередко высказывают мнение, что вера и убеждение — одно и то же. Такое мнение характерно для верующих. Они склонны сдвигать весь спектр жизнезначимых духовных феноменов в сторону веры. Однако и нерелигиозно настроенные ученые, писатели порой не видят разницы между тем и другим. В действительности же вера и убеждение весьма различны. Вера имеет эмоционально-волевую основу, а в убеждении помимо эмоционально-волевой компоненты значителен элемент мышления и практического опыта. Вера может быть слепой. Убеждение же не бывает слепым. Оно может быть ошибочным, но не слепым. Верить могут из чувства подражания, уважения или там, где не хватает знаний или существует реальная неопределенность ситуации. Например, человек может верить в то, что он будет жить долго, что он достигнет чего-либо или одержит победу.

Убеждения составляют костяк мыслительного багажа человека. Они направляют его жизнь и деятельность, делают твердым его характер, не дают “растекаться мысли по древу”. ***Без убеждений человек подобен флюгеру: куда ветер подует, туда и он.***

Если вера “принимается на веру”, то убеждение складывается, формируется в процессе критического размышления. Нечто становится убеждением лишь после серьезной апробации, мыслительной и/или опытной. Поверить человек может сразу, в один момент, лишь на основе эмоционально-волевого импульса-решения. *Убедиться* же в чем-либо, а тем более сформировать жизнезначимое убеждение человек может лишь в результате более или менее длительного опыта, на основе критического размышления, сопоставления разных мнений, точек зрения, разных вариантов понимания-представления одного и того же.

Для убеждения нужен труд мысли, для веры же достаточно эмоционально-волевого импульса.

Конечно, как вера бывает разной степени глубины, так и убеждения бывают поверхностными или глубокими. Здесь они похожи. Но: глубина веры зависит от глубины эмоций, переживаний, а глубина убеждения — прежде всего от глубины мысли, размышления.

В убеждении есть элемент веры, а в вере есть элемент убеждения. Они не разделены китайской стеной, как не разделены этой стеной мышление, чувства, воля, сознание.

16.8. Сознание

Основой сознания является знание. Человек только тогда имеет сознание, когда знает, что он есть и что он что-то видит, слышит, чувствует и т. д. Состояние потери сознания — состояние, когда человек перестает получать информацию из внешнего мира.

В известном смысле сознание — минимальное знание о себе и окружающем, знание себя и окружающего.

Сознание — самоощущение + самоотчет.

Несчастное и преступное сознание

Люди с несчастным и преступным сознанием исходят из того, что «мир полон зла», что все или большинство людей погрязли в грехе, порочны, эгоисты, сволочи и т. д. и т. п.

Несчастное сознание — это сознание жертвы, а преступное сознание — сознание злодея.

Человек с несчастным сознанием пассивно относится к злу, как жертва, жалуется, кричит, вопит, но сам ничего не делает.

Человек с преступным сознанием, считая всех или большинство людей злодеями, и себя считает таким же. Такой человек рассуждает: раз люди плохие, то нечего с ними церемониться, а можно и нужно обращаться с ними, как они того заслуживают, т. е. жестоко, безжалостно.

Некоторые философы вольно или невольно подыгрывают людям с преступным сознанием, объявляя, в частности, человека ошибкой природы, самым мерзким существом на Земле и т. д.

Проявления несчастного и/или преступного сознания:

Женщины считают мужчин эгоистами, животными и т. п. (Героиня телесериала «Марш Турецкого», поставленного по одно-

именной книге Фридриха Незнанского, говорит: «Да мужиков нет нормальных, Саш»)

Мужчины считают женщин потаскушками, глупыми созданиями.

Представители одной национальности (рода, племени, расы) считают других низшими существами, грязными, подлыми, дикими.

Представители одной религиозной конфессии считают представителей других религиозных конфессий или неверующих неверными, т. е. ущербными, неполноценными и даже врагами.

Преступники в оправдание своих преступных действий, как правило, ссылаются на всеобщую испорченность, порочность, глупость людей.

Преступное сознание — это сознание человека, оправдывающего свои преступные действия (мошенничество, воровство, насилие, убийство) ссылкой на то, что все или большинство людей — такие сякие (мошенники, воры, вымогатели, насильники, одним словом, сволочи, подонки).

Еще одна особенность несчастного и преступного сознания: абсолютизация конфликтных отношений между людьми, деление всех людей на победителей и побежденных, на господ и рабов.

Вот как порой рассуждают люди с преступным сознанием: «или всех грызи или лежи в грязи» («Фома Гордеев» М. Горького); «либо ты ешь, либо тебя едят», либо властвуешь, либо подчиняешься» («закон тайги» — так говорит бригадир сплавщиков в кинофильме «Хозяин тайги»).

Самосознание

Самосознание — сознание себя самого, как личности, как нечто самодостаточное. Самосознание включает в себя самооценку, самоощущение, самоуважение, рефлексию, самокритику. Это «способность человека посмотреть на себя как бы со стороны» (неизв. источник).

16.9. Воля

Что такое воля, как не мысль, переходящая в дело?

А.А. Бестужев (Марлинский)

Психика в целом ответственна за поведение человека. Воля — та часть психики, которая *непосредственно* управляет

поведением человека. Иными словами, *воля есть способность человека управлять своим поведением.*

В каком отношении воля находится к разуму (уму, мышлению)? Ведь и разум управляет поведением человека. Если воля управляет непосредственно, то разум — опосредованно, через волю. Он — главноуправляющий поведением человека. Можно привести такое сравнение. Возница непосредственно управляет лошадьми: либо подгоняет, либо притормаживает их, либо направляет прямо — в право — в лево. Это воля. Седок отдает указания вознице: куда, как и когда ехать. Это разум-ум. Вместе возница и седок составляют то, что называют психикой человека. В таком случае телом человека являются упряжка лошадей и повозка.

Воля складывается из *терпения* и *настойчивости*, терпения переносить трудности-страдания и настойчивости в достижении цели. Терпение — пассивная воля, настойчивость — активная воля.

Как укреплять свою волю?

Учиться терпеть. — Я занимаюсь бегом на длинные дистанции и давно пришел к выводу, который звучит как афоризм: чем длиннее дистанция, тем сильнее воля.

Развивать настойчивость. — «Основное правило воспитания воли: нельзя воспитывать волю взрывами. Это ежедневный процесс. Поставил себе цель — нужно постоянно «бить в точку». Разве покончишь, например, с сутулостью, если сегодня за своей осанкой следишь, а завтра согнулся за уроками в три погибели. Воспитать волю нелегко. Но чем больше на твоем счету выполненных собственных приказов, тем легче управлять собой» *(Б. С. Алякринский)*.

Я давно выработал для себя формулы поведения, которыми стараюсь руководствоваться в жизни:

"Отсутствие самодисциплины ведет к тому, что даже маленькие препятствия преодолеваются с большим трудом".

"Слабые духом склонны все усложнять, сильные, напротив, упрощать".

"Склонность слабых людей — винить других в своих несчастьях".

Положительные волевые качества человека: мужество, храбрость, отвага, смелость, сила духа.

Отрицательные волевые качества: трусость, робость, боязливость, малодушие.

Выше я говорил о воле в одном значении: как способность человека управлять своим поведением. Она — крепкий характер и узда, настойчивость и терпеливость. Это так. С другой стороны, о воле нередко говорят в значении: вольничанье, своеволие, "что, хочу, то и ворочу".

С одной стороны, мы *воспитываем волю (вырабатываем силу воли, характер)*. В этом случае воля нечто упорядочивающее, генерирующее порядок в поведении.

С другой, мы *вольничаем, своевольничаем, ведем себя непредсказуемо*, в соответствии с тем, что нам взбредет в голову (произвол, воля царская, необузданная воля-прихоть-причуда тирана, воля-каприз женщины, избалованного ребенка и т. д.). В этом случае воля есть стихийная сила, нечто дезорганизующее, нарушающее порядок.

Своя воля может быть хуже неволи. Нет ничего страшнее, чем стать принужденным собственными желаниями или прихотями. Литературный пример: «Непривычно Корниле Егорычу ходить по мелкоштучному паркету, не умеет он ни сесть ни стать в комнатах, строенных не на житье, а людям напоказ. Душно ему в своем доме, сбылась над ним пословица: «Своя воля страшней неволи». (Мельников-Печерский, Красильниковы).

Таким образом, **воля в общем значении соединяет силу воли и желание, необходимость "надо" и случайность "хочу"**.

16.10. Язык

Слова — деньги духа

Язык — более или менее упорядоченная совокупность знаков, прежде всего слов. Последние составляют основу естественного языка. Слова — это такие совокупности знаков, которые могут быть произнесены (устная речь), а могут быть написаны или набраны с помощью технического устройства (письменность, текст).

Речь — по преимуществу устная форма естественного языка.

Над естественным языком надстраиваются различные формы искусственных языков (математический, компьютерный и т. д.).

Язык замещает и\или опосредует формы деятельности, доставшиеся нам от животных: ощущение, восприятие, представление, чувство, оценку, мышление, действие, общение.

Язык позволяет оперировать всеми указанными формами деятельности как бы параллельно им или в их отсутствие/неполное присутствие. Ощущение — когда мы говорим, например: горячо, холодно. Восприятие — когда мы говорим, например: вижу слона, слышу песню. Представление — когда мы говорим: представляю, воображаю дом в деревне, русалку. Чувство — когда мы говорим: я страдаю, я люблю, я переживаю. Мышление — когда мы говорим: я думаю так-то и так-то.

Говорящее, словесное, вербальное мышление — мнение, суждение, рассуждение.

Говорящее интуитивное мышление — мнение.

Говорящее логическое мышление — рассуждение.

Действие — когда мы говорим: я кушаю, я одеваюсь, я пишу.

Высказывание — универсальная форма словесного выражения ощущений, восприятий, представлений, чувств (эмоций), оценок, действий, актов мышления. Эта форма словесного выражения является по большей части устной.

Текст — письменная или набранная с помощью технических устройств форма словесного выражения всех указанных форм деятельности.

16.11. Опыт

Опыт — совокупность знаний и умений, приобретаемых или приобретенных человеком в непосредственном взаимодействии с объектом или с другим человеком при решении жизненной или профессиональной задачи. В опыте знания и умения обычно существуют нераздельно, поддерживают, питают друг друга.

Опыт — непосредственная деятельность, непосредственный контакт субъекта с объектом. Это прежде всего чувственный и двигательный опыт (с использованием органов чувств, движения и действия). Это также и опыт, связанный с использованием разных материальных средств (инструментов, приборов, машин и механизмов, живых организмов и существ).

Опытный человек — человек, приобретший знания и умения в процессе решения жизненных или профессиональных задач.

Говорят: приобрести опыт, передать опыт, “на горьком опыте”, проверить опытным путем.

Виды опыта: житейский, жизненный опыт; научный опыт (эксперимент); практический опыт. Говорят еще об отрицательном и положительном опыте, удачном и неудачном опыте, полезном и вредном опыте, горьком, печальном, безрадостном опыте.

Глава 17. Мышление

Побеждай сперва мыслью, а потом делом.
А. В. Суворов. Наука побеждать.

...Думать — это значит ставить вопросы и пытаться находить ответы на них.
В. Рубцов

Как мы думаем, так и живем.
Лучше думаем — лучше живем.

17.1. Как мы думаем?

Думать о том, ***как мы думаем*** — привилегия *Разума*, *высшей* способности мышления. Кто желает повысить свои умственные способности, не просто мыслить, а мыслить *разумно,* тот должен постоянно отдавать себе отчет в том, *как* он думает и, соответственно, больше знать о процессе мышления как таковом. Мышление о мышлении имеет также важное практическое значение. Знаменитый физик Кельвин, возражая сторонникам узкой специализации студентов, заметил: “Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации”.

Прежде всего, *что такое мышление*? В самом общем виде это — *постановка и решение задач* на идеальном, психическом уровне. Задачи могут быть самые разные. Нет ни одного вида деятельности, который не предполагал бы решение задач. Даже во сне человек думает и, следовательно, решает задачи.

Как видно из схемы “Виды человеческой деятельности” (см. выше рис. 27, стр. 488), мышление объединяет на идеальном, психическом уровне три формы деятельности: познавательную, игровую (художественную/ спортивную) и управляюще-преобразовательную. Оно, следовательно, не сводится ни к одной из этих форм деятельности. Между тем среди фи-

лософов и ученых довольно распространено понимание мышления как познавательной деятельности. С нашей точки зрения, это односторонняя и потому неверная трактовка мышления. Между мышлением и познанием есть существенное различие и не только в том, что познание включает в себя также чувственные формы отражения.

Мышление в равной степени "участвует" как в познавательной, так и в управляюще-преобразовательной деятельности, т. е. является идеальным орудием познания и управления-преобразования. Последние противоположны по своей направленности, о чем говорилось выше. Мышление осуществляет на идеальном, психическом уровне их взаимодействие (взаимопереход, взаимоопосредствование).

Итак, как процесс решения задач мышление предполагает использование тех или иных средств.

Мыслительные средства условно можно разделить на два класса:

способности мышления — собственно мыслительные средства (ум, разум, рассудок, вероятностное мышление);

категории мышления — мыслительные средства, отображающие структуру мира, выражающие связь мышления со всем, что находится за его пределами.

Кроме того, мышление как форма деятельности нормативно по своей сути, т. е. имеет нормативное ядро в виде ***здравомыслия***, ***здравого смысла***.

Рассмотрим сначала способности мышления.

17.2. Способности мышления

К способностям мышления относятся *ум, разум, рассудок, вероятностное мышление*. Этим способностям соответствуют четыре вида мыслей:

интуитивная мысль (догадка) — произведение УМА;

логическая мысль (вывод, заключение) — произведение РАССУДКА;

предположение — вероятностная мысль;

идея — мысль РАЗУМА.

Ум и рассудок — противоположные способности мышления.

В естественном языке между ними, как правило, проводится разграничение и порой весьма существенное. К слову “ум” присоединяются эпитеты: “живой”, “яркий”, “острый”, “блестящий”, “пытливый”, “оригинальный”, “необыкновенный”, “парадоксальный”. К слову “рассудок” такие эпитеты неприложимы. Деятельность рассудка понимается как нечто сухое, схематичное, неживое.

О важном значении дистинкции[1] ума и рассудка говорил наш замечательный философ П. Я. Чаадаев. Он называл “воображение и рассудок” двумя “*великими началами духовной природы*”.

Если Ум способен вырабатывать, генерировать новые мысли из немыслительного материала, то Рассудок способен организовывать мысли, выводить одни мысли из других. Ум отвергает готовые, устоявшиеся мыслительные штампы. Он — поклонник вечно меняющегося живого опыта общения с реальной действительностью. Он черпает мысли из этого опыта, а не высасывает их из пальца и не заботится при этом об их соответствии прежним мыслям. Рассудок же подобно пауку ткет паутину мыслей из самого себя. Он консервативен, сам себе ставит границы и не пытается выйти за их пределы. Рассудочное мышление не рождает новых мыслей. Оно только перерабатывает, организует имеющиеся в наличии. В противоположность рассудку ум переменчив и даже анархичен. Он — низвергатель всех канонов, правил, традиций. В своем крайнем выражении живой ум алогичен и парадоксален.

Ум и Рассудок — односторонние и потому низшие способности мышления. Разум включает в себя то, что присуще уму и рассудку, и потому лишен их односторонности. Он — высшая способность мышления. Разум с одинаковым успехом умеет *вырабатывать* новые мысли и *организовывать* их.

Если Рассудок — консервативное мышление, а Ум — импульсивное, скачкообразное мышление, то Разум — развивающееся мышление.

Ниже дана *диаграмма (структурная схема) мышления* (рис. 29).

[1] Дистинкция — различие, разделение.

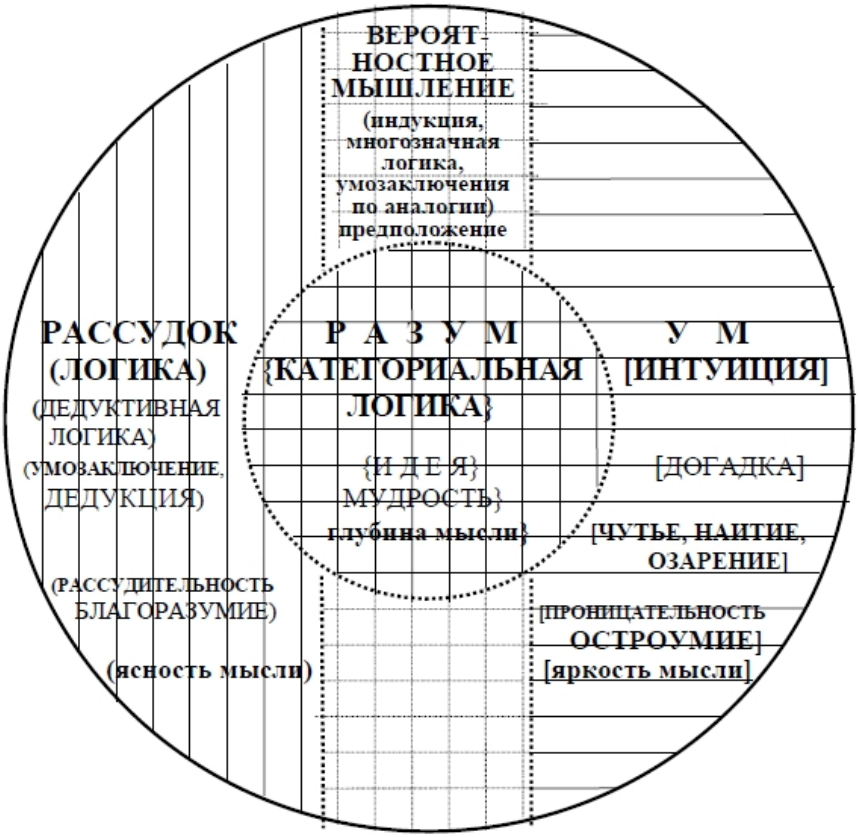


Рис. 29

На диаграмме в наглядно-логической форме представлено соотношение трех различных способностей мышления. Между рассудком и умом расположено промежуточное “пространство” мышления, отделенное от них вертикальными линиями. В этом “пространстве”, которое справедливо назвать *вероятностным мышлением*, рассудок и ум плавно переходят, перетекают друг в друга. В центральном круге, залезающем на “территории” рассудка и ума, расположен Разум. Он осуществляет органический синтез, взаимоопосредствование Рассудка и Ума. Чем шире круг охватывает “территории” Рассудка и

Ума, тем величественнее и глубже сам Разум.

Вероятностное мышление или промежуточное "пространство", способность мышления. Если рассудок уподобить твердому кристаллу, а ум — газу, то вероятностное мышление — это как бы жидкое состояние мышления. (Разум в таком случае можно уподобить живому организму, в котором присутствуют все три агрегатные состояния вещества).

Промежуточная способность — это то, чем занимаются индуктивная, многозначная, вероятностная логики. Умозаключения, основанные на таких логиках, являются вероятностными, не носят категорического характера (как дедуктивные умозаключения) и в то же время они, в отличие от чисто интуитивных мыслей, строятся по определенным правилам, т. е. в известном смысле логичны.

Ум есть способность мышления извлекать многое из немногого**.** ("Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять"[1]).

Напротив, рассудок есть способность мышления извлекать немногое из многого (из всей массы материала быстро находить то, что нужно). Это можно сравнить с таким бытовым примером. Если в жилой комнате много разных вещей и все они лежат в беспорядке, то очень трудно отыскать нужную вещь. И, наоборот, если вещи лежат в определенном порядке, то нужную вещь найти значительно легче. Так обстоит дело и с мышлением. Поскольку рассудок организует мыслительный материал, то благодаря ему из многого можно быстро извлечь то, что нужно в данный момент.

Если благодаря уму человек может довольствоваться малым, тем, что есть, — то благодаря рассудку он умело ориентируется в океане знания, мыслительного материала.

Известный афоризм Гераклита гласит: многознание уму не научает. Если сопоставить афоризм с тем, что было сказано об уме и рассудке, то можно увидеть, что в нем неявно проводится разграничение этих двух способов мышления. Рассудок зиждется на многознании. Умом же человек может обладать

[1] *Бруно Дж.* Диалоги. М., 1949. С. 448.

вопреки многознанию, эрудиции. Особенность ума и состоит в том, что он проявляет свою силу наиболее полно как раз в тех случаях, когда мало знаний, не хватает информации.

Умным мы называем не того, кто много знает, а того, кто до всего (или, во всяком случае, до многого) доходит своим умом. Рассудок же необходимо предполагает эрудицию, многознание. Без этого он не может командовать мыслями, сдерживать их своевольное течение. Если знаний мало, то они свободно плавают в океане мышления, не поддаваясь, так сказать, кристаллизации, упорядочиванию. Если же знаний много, то им становится тесно; сталкиваясь, взаимодействуя, они постепенно образуют кристаллическую решетку мышления.

Рассудок и ум опираются на разные психические способности. Рассудок — на память; ум — на воображение. Это подметил еще Р. Декарт. Сопоставляя рассудок и ум как дедукцию и интуицию, он писал: дедукция — ум памяти; интуиция — ум воображения.

Орудием деятельности ума является *интуиция*. Орудием деятельности рассудка — (*дедуктивная*) *логика*. А. Пуанкаре писал: “Одни прежде всего заняты логикой; читая их работы, думаешь, что они продвигались вперед шаг за шагом с методичностью Вобана, который готовит штурм крепости, ничего не оставляя на волю случая. Другие руководствуются интуицией и с первого удара добиваются побед, но иногда ненадежных, так же как отчаянные кавалеристы авангарда”.

Если механизм интуиции лежит, в сфере интимно психологического, то механизм логики лежит в сфере родового, общечеловеческого, исторического. Ум и рассудок, интуиция и логика так относятся друг к другу как неповторимое, индивидуальное и общее, родовое, повторяющееся, как случайное и необходимое, явление и закон.

Логическое рассуждение игнорирует случайности психического процесса. Более того, они — его враги. Напротив, интуитивная мысль возникает именно на гребне таких случайностей, аномалий. Нельзя, конечно, сказать, что интуитивная мысль всецело случайна, но ей все же присущ элемент случайности, чего не скажешь о логической мысли, необходимо

(однозначно) вытекающей по строго определенным правилам из исходных посылок. Логическое мышление — мышление по правилам[1]. Интуитивное мышление — мышление без правил.

Ум — это гибкость мышления, своевольная игра мыслей. Рассудок — это жесткость мышления, упорядоченность мыслей, их строго направленное течение. В этом плане ум и рассудок, интуицию и логику можно рассматривать как *случайностный* и *необходимостный* "механизмы" мышления. Поскольку разум соединяет то и другое, он — *свободное* мышление.

В рассудочном мышлении заложена тенденция к *догматическому* пониманию действительности, к абсолютизации определенности, устойчивости, неизменности, к абсолютизации законосообразности, порядка. Напротив, в интуитивном мышлении заложена возможность *релятивистского* понимания действительности, абсолютизации неопределенности, изменчивости, случайности, беспорядка.

Если интуиция и логика — совместимые противоположности, то рассудочность и алогизм — несовместимые противоположности, крайности. Рассудочность — абсолютизация логики; алогизм — абсолютизация интуиции.

Существуют различные типы человеческого мышления в зависимости от того, какая способность преобладает. Если преобладает рассудок, то это рассудочное, дискурсивное мышление. Если преобладает ум, то это — афористическое, фрагментарное, интуитивистское мышление[2]. Если в мышлении одинаково сильны позиции ума и рассудка, то это — разумное, диалектическое мышление. Если в мышлении одинаково слабы позиции ума и рассудка, то это — эмпирическое, вероятностное мышление.

Можно привести примеры философов, для которых характерен какой-то один тип мышления. Например, в мышлении

---

[1] Основными правилами логического мышления являются так называемые законы логики: тождества, запрета противоречия, исключенного третьего, достаточного основания.

[2] Разновидностью такого мышления является мистическое мышление (умонастроение).

Спинозы, Лейбница, Х. Вольфа явно преобладала рассудочность, для Л. Фейербаха, Ф. Ницше или нашего Н. А. Бердяева характерно живое, интуитивно-афористическое мышление. Философами-эмпириками рационалистического толка были Гоббс, Локк. Философами-эмпириками иррационалистического толка — Беркли, Юм.

В пользу того, что *разум соединяет противоположные способности мышления*, говорит такой факт. Различные философы, в зависимости от склонности к тому или иному типу мышления, то сближают разум с рассудком (благо, есть термин, который одинаково применим к тому и другому: ratio, рациональное, рационализм), логизируют его и противопоставляют интуиции, эмоциям, то сближают разум с интуитивным способом мышления и противопоставляют логическому, рассудочному, дискурсивному мышлению.

Различие между Рассудком и Разумом проявляется в их отношении к чувствам, эмоциям. Если рассудок "спорит" с чувствами, действует помимо их и даже подавляет их, то разум стремится к гармонии, согласию с чувствами. Разум не подавляет чувства, а включает их в себя, управляет ими. Рассудку чувства не нужны, они даже мешают ему. Разум же опирается на чувства. Ведь существенным элементом разумного мышления является интуиция, а она невозможна без эмоций, без определенного эмоционального настроя. Разумное мышление — это творческое мышление и в качестве такого оно не может творить без вдохновения.

Об отношении ума, рассудка и разума к чувствам можно сказать еще так. Ум ближе других способностей мышления "стоит" к чувствам. Он "опаляется" их огнем. И хотя по сравнению с чувствами ум холоден и трезв, по сравнению с рассудком он выглядит живым, пламенным. Рассудок наиболее удален от чувств и поэтому кажется ледяным, мертвым, сухим. Разум и близок к чувствам, и далек от них.

Положительные качества человеческого мышления распределяются неодинаково между различными способностями. Ум сообщает мышлению живость, свежесть, остроту, яркость, оригинальность. Рассудок сообщает мышлению ясность, про-

зрачность, определенность. Глубокомыслие — черта Разума.

УМ ЯРОК, РАССУДОК ЯСЕН, РАЗУМ ГЛУБОК.

Ум воспитывает проницательность и остроумие, является источником смекалки (в частности, хитрости). Рассудок — отец благоразумия, рассудительности. Разум рождает мудрость.

То же можно сказать о распределении *отрицательных качеств человеческого мышления*. Рассудочность, косность, догматизм, консерватизм свойственны тем, у кого преобладает рассудочная способность мышления. Напротив, безрассудство, парадоксальность, импульсивность, склонность к мистицизму свойственны тем, у кого преобладает интуитивная способность мышления.

Рассудок и ум — простые, нерефлектирующие способности мышления. Они непосредственно направлены на предмет мышления, находящийся вне его. *Разум же — это рефлектирующая способность мышления*. Он в известном смысле, является мышлением о мышлении, метамышлением. Одним словом, разум направлен не только на предмет вне мышления, но и на само мышление.

Способность рефлексирования дает разуму большие преимущества перед умом и рассудком. Благодаря ей разум может отдавать себе отчет в том, что он делает, контролировать себя выбирать и проверять эффективность тех или иных мыслительных средств.

Разум — совесть мышления, судья в собственном стане. Он оценивает, какое средство использовать в той или иной ситуации, искать ли помощь у интуиции, довериться ей, или же руководствоваться логикой, расчетом.

В отличие от разума ум и рассудок безотчетны. Человек, живущий умом или рассудком, может думать о себе, давать отчет в своих действиях, но при этом он не задумывается над тем, *как* он думает, не анализирует ход своего мышления и т. д. и т. п.

Если ум и рассудок — непосредственные способности мышления, то разум — опосредованное мышление, т. е. его направленность на объект опосредуется направленностью на

само мышление. Разум осмысляет весь ход размышления, как бы освещает его изнутри, высвечивает.

Ум, разум, рассудок по-разному относятся к связи *общего* и *частного*. Если в *рассудке* мы видим диктат общего над частным, а в *уме* — диктат частного над общим, то в *разуме* одинаково сильны позиции общего и частного. Прав был И. Кант, утверждавший: “разум есть способность видеть связь общего с частным”. Рассудок выводит частное из общего, подгоняет, подводит частное под общее. Ум ищет общее в частном, основывает общее на частном. В рассудке частное опосредует общее: (О — Ч — О)

В уме общее опосредует частное: [Ч — О — Ч]. В разуме имеет место взаимоопосредствование частного и общего: (О — [Ч — О) — Ч].

Человек, который обладает Разумом, т. е. может мыслить разумно, не всегда пользуется этой способностью. Он может пользоваться только рассудком или только умом, если, конечно, это оправдано ситуацией. Например, при решении простой вычислительной или логической задачи нет необходимости привлекать силы Разума; здесь вполне можно обойтись логикой, расчетом. С другой стороны, когда требуется незамедлительное решение умственной задачи, некогда раздумывать, рассчитывать и разум не может проявить себя в должной мере, на помощь приходит интуиция, ум проявляет свою находчивость. Разум не отменяет другие способности мышления. Он является, образно говоря, тяжелой артиллерией мышления, с помощью которой сокрушают лишь наиболее мощные преграды.

С точки зрения рассмотренной структуры мышления эволюцию мышления отдельного человека можно представить следующим образом.

В детском возрасте гибкость мышления не знает границ; это скорее не гибкость, а разорванность, фрагментарность, почти полная бесформенность, неопределенность, ненаправленность, хаотичность. В этом возрасте встречаются лишь отдельные островки направленного мышления. Чем ближе к зрелому возрасту, тем мышление человека все больше определяется, становится направленным, упорядоченным. Это происходит благодаря естественному развитию, накоплению информации, знаний и умений.

В зрелом возрасте мышление человека приобретает достаточную определенность, жесткость, но вместе с тем оно не утрачивает и своей гибкости. В этом возрасте гибкость и жесткость, ум и рассудок идут рядом, помогая друг другу, дополняя друг друга. Вот почему именно в этом возрасте мышление человека наиболее могуче и продуктивно.

Ближе к старости, к концу жизни мышление становится менее гибким, нарушается равновесие между гибкостью и жесткостью в сторону преобладания жесткости. Старик силен своим рассудком, многознанием, благоразумием, но он не способен вырабатывать новые идеи. Мышление старика — все более окостеневающее мышление.

Помимо мыслей, идей важное место в структуре мышления занимают ***убеждения***. Они составляют верхний этаж мышления или, напротив, лежат в глубинах мышления, определяют самые основы мышления и поведения человека.

Если рассматривать убеждения как верхний этаж мышления, то здесь вырисовывается такая схема-иерархия:

Мыслей может быть много, очень много, бесчисленное количество. И большей частью они случайны. Идеи — важные, значимые для человека мысли. А вот убеждения — не просто идеи, а такие регулятивы мысли-поведения, которые настраивают человека на определенный лад-стиль жизни.

Убеждения, безусловно, относятся не вообще к мышлению, а к сфере Разума. Они — идеи и притом такие, которые определяют, конституируют жизнь человека.

17.3. Качества мышления (хитрость, мудрость)

Хитрость

Гегель говорил: “хитрость — слабость ума”. Это утверждение верно лишь отчасти. Человек порой вынужден хитрить, поскольку не знает иных способов решить проблему. Конечно, стремление везде и всюду хитрить, обманывать отнюдь не свидетельствует о большом уме хитрящего. Но в

иных ситуациях применение хитрости существенно облегчает решение проблемы или даже является единственным способом ее решения. Военная хитрость — необходимая вещь. Она свидетельствует отнюдь не о слабости ума военачальников, а, напротив, об их уме-мудрости. В хоккее спортсмены применяют много разных хитростей. Например, используют финт — обманное движение. То же в конкурентной борьбе... Одним словом, человек применяет хитрость там, где ему нужно кого-нибудь обмануть.

Хитрость — вполне положительное качество мышления. Слабостью ума она становится в тех случаях, когда используется как единственная способность мышления.

Хитрость обычно применяют в тех случаях, когда один ум сталкивается с другим умом, человеческим или животным. Хитрость — это смекалка в конфронтационных отношениях с людьми и животными, смекалка, применяемая в ситуации обмана.

Когда человек постоянно хитрит в отношениях с другими людьми, это значит, что он находится с ними в состоянии конфронтации, противоборства, конфликта, вражды, войны. Здесь могут быть два объяснения: 1) человек вынуждается обстоятельствами к такому поведению (например, дитя по отношению к взрослым или женщина по отношению к мужчине или слабый человек по отношению к сильным и недобрым людям); 2) человек, настроенный на волну конфронтации с другими людьми либо из-за болезненной мнительности, либо из-за патологической злобности.

Мудрость

Мудрость — качество Разума, высшей способности мышления. Это качество соединяет в себе все положительные свойства мышления. Более того, мудрость интегрирует основные ценности жизни. “Разумность, — писал Николай Кузанский, — есть знание истины, чувство красоты и желание блага”. И в самом деле, в мудрости добро, красота и истина соединяются как в фокусе. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово “синергизм”. Она не является в отдельно-

сти, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

О мудрости можно сказать очень многое. Вот некоторые тезисы:

Для того, чтобы быть мудрым, нужно две вещи: опыт и труд мысли.

Мудрый человек — здравомыслящий; он избегает крайностей. (П. Буаст: “Чтобы стать циником, нужно быть умным, чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым”)

Мудрый человек способен решать и решает большие задачи. (“Сильный телом одолеет одного, сильный мудростью одолеет многих”)

Мудрый человек впитывает в себя мудрость многих. (Вудберри: “Знанием может владеть ум ученого, но мудрость — это дыхание народа”)

Мудрый человек становится таковым лишь благодаря себе. (М. Монтень: “Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью”. Л. Н. Толстой: “Для того, чтобы человеку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать”).

Мудрость — сплав личного опыта и коллективного разума людей.

Мудрый человек по-хорошему всеяден, любознателен и пытлив, извлекает пользу из всего. (Индийская мудрость: “Мудр человек, умеющий всюду найти достойное изучения и из каждой незначительной вещи извлечь полезный для себя урок”. Д. Рёскин: “Мудрый находит себе помощь во всем, потому что его дар состоит в том, чтобы извлекать добро из всего”).

Мудрый человек — дальновидный, прозорливый. (Китайская мудрость: “мудрый человек не лечит болезни, а предотвращает их”).

Мудрость — воплощение глубины разума, притом бездонной. Правильно сказал Олджер: “Ученый человек — сосуд, мудрец — источник”.

Мудрость — соединение знания с благом (Эсхил: “Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны”. “Мудр — кто знает нужное, а не многое”).

Мудрость рождается в союзе знания и умения. Она не в том, чтобы владеть истиной, а в том, чтобы уметь находить истину. И не в том, чтобы уметь, а в том, чтобы знать, как научиться умению.

Мудрость не в знании самом по себе, а в том, чтобы уметь применять знание на деле, и не в умении самом по себе, а в том, чтобы принимать решения со знанием дела.

17.4. Рассудок (дедуктивная логика)

Рассудок и логика

Слово “рассудок” в естественном языке употребляется и в значении “дедуктивное мышление”, и в значении “вероятностное мышление”. В обоих случаях люди *рассуждают*, а поэтому мыслят *рассудком*. Я предлагаю под деятельностью рассудка понимать только дедуктивное мышление, дедуктивную логику, поскольку именно дедукция является в наибольшей степени мышлением по правилам, *правильным* мышлением. А правильное, строго логическое мышление — идеал ясного рассудка, недвусмысленного, четкого рассуждения.

То же можно сказать о логике. Под ней понимают любое упорядоченное мышление (а в отдельных случаях и объективный порядок — когда говорят о логике вещей). Мыслительный же порядок бывает разный: больший или меньший, подобный порядку в кристаллическом теле или в жидкости, порядку в живом организме или в сообществе организмов. Соответственно, и логики строят разные: формальную и неформальную, дедуктивную и индуктивную или вероятностную, двузначную и многозначную, символическую или математическую и диалектическую, категориальную, органическую и т. д. Если использовать критерий “больше порядка, больше логики”, то названия логики заслуживает именно дедуктивное (силлогистическое) рассуждение. Мышление же вероятностное лишь отчасти является логичным и поэтому по-настоящему не заслуживает того, чтобы его именовали логическим.

Дедукция, рассуждение

Как уже говорилось, логика — это прежде всего дедукция (выведение, по-русски).

Дедукция сама по себе есть нечто формальное и пустое; она имеет смысл лишь в общем контексте мышления и человеческой деятельности вообще.

Логическое мышление, деятельность рассудка, рассуждение — это, образно говоря, раскладывание по полочкам и пользование полочками. Хорошей иллюстрацией такого раскладывания и пользования является открытие и утверждение периодического закона.

Вот что писал об этом Д. И. Менделеев: “Утверждение закона возможно только при помощи вывода из него следствий, без него невозможных и не ожидаемых, и оправдания тех следствий в опытной проверке. Поэтому-то, увидев периодический закон, я со своей стороны (1869-1871) вывел из него такие логические следствия, которые могли показать — верен или нет... Без такого способа испытания не может утвердиться ни один закон природы. Ни Шанкартуа, которому французы приписывают право на открытие периодического закона, ни Ньюлэндс, которого выставляют англичане, ни Л. Майер, которого цитировали как основателя периодического закона, не рисковали предугадывать свойства неоткрытых элементов, изменять “принятые веса атомов” и вообще считать периодический закон новым, строго поставленным законом природы, могущим охватывать еще доселе необобщенные факты, как это сделано мною с самого начала.”

О том же писал Б. Рассел: «Роль, которую играет в науке дедукция, гораздо значительнее, чем предполагал Бэкон. Часто, когда нужно проверить гипотезу, происходит длительный дедуктивный процесс от гипотезы к некоторым последствиям, которые могут быть проверены наблюдениями. Обычно дедукция является математической, и в этом отношении Бэкон недооценивал важность математики в научных исследованиях».

Сфера применения дедукции:

1) все формы деятельности, в которых используются правила, нормы, каноны и т. п. Яркий пример: нормотворческая (законодательная) и нормоприменительная деятельность в юридической практике;

2) все формы деятельности, в которых используется математика и производятся математические расчеты;

3) все формы деятельности, в которых производятся измерения.

Уже из этого неполного перечня форм деятельности можно сделать вывод, что дедукция используется практически во всех формах деятельности. Иными словами, никакая человеческая деятельность невозможна без дедуктивного мышления.

Одной из самых характерных сфер жизни, в которой дедуктивная логика действует по максимуму, является юриспруденция. Когда закон принят, то его соблюдение основывается прежде всего на дедукции. (Например: "За такое-то воровство по закону полагается такое-то наказание. Иванов совершил это воровское деяние. Следовательно, ему полагается такое-то наказание".) Не случайно поэтому будущие юристы во всем мире изучают логику в *обязательном* порядке. Не случайна также популярность выражения: Fiat justitia et pereat mundus ("Да свершится правосудие и да погибнет мир" или "Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир"). Этот девиз принадлежит германскому императору Фердинанду I (1556-1564). Его истолковывают двояко: в положительном и критическо-ироническом смыслах. В первом случае мы имеем дело с абсолютизацией дедуктивной логики (шире: порядка вообще). Во втором — с нормальной реакцией здравомыслящих людей, понимающих ограниченность дедуктивной логики применительно к человеческой жизни. Различие между буквой и духом закона основано как раз на различии этих двух подходов к дедукции.

Итак, логическое мышление протекает в форме *рассуждения*, *деятельности Рассудка*. Положительная форма рассуждения — доказательство, обоснование тезиса. Отрицательная форма — критика, опровержение.

Рассуждение — это цепь умозаключений. Умозаключение — элементарная клеточка рассуждения.

Умозаключение, в свою очередь, состоит из суждений, а суждения — из понятий. Суждения и понятия могут полноценно "работать" как формы мысли лишь в составе умозаключения. Суждение вне умозаключения — всего лишь мнение. Понятие вне суждения — всего лишь представление.

Таким образом, в основе рассуждения лежат три логические формы мышления: понятие, суждение, умозаключение.

Рассуждение протекает по определенным правилам, име-

нуемым законами логики. Традиционно называются четыре основных закона:

Закон тождества — всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественной самой себе (**а** есть **а** или **а** = **а**).

Согласно этому закону каждая мысль в процессе данного рассуждения сохраняет одно и то же содержание, сколько бы она ни повторялась. Иными словами, закон требует определенности, то есть ясности и точности мысли. Он направлен против туманности, расплывчатости в мыслях, в рассуждениях, в аргументации.

В жизни мы нередко сталкиваемся с людьми, которые выражаются туманно, двусмысленно, перескакивают с одной мысли на другую. Именно о них говорят: «С ворон начал, а на сорок перевел» или «Начал за здравие, а кончил за упокой».

Закон тождества служит также основой взаимопонимания людей. Поговорка «Я ему про Фому, а он мне про Ерему» иллюстрирует как раз нарушение этого закона в человеческом общении.

Закон запрета противоречия — два несовместимых друг с другом суждения не могут быть одновременно и в одном и том же отношении приемлемыми, правильными; по крайней мере одно из них неприемлемо, неправильно, ошибочно (— «неправильно, что **а** и не-**а»** или $\neg(\mathbf{p} \wedge \neg\mathbf{p})$.

«Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, противоположное его собственному» — говорил Аристотель.

Закон запрещает отвечать на один и тот же вопрос, в одно и то же время и в одном и том же смысле “да” и “нет”. Он учит последовательности в рассуждении, помогает распознавать логические ошибки, уловки и софизмы. Вот литературный пример: в поэме Гоголя «Мертвые души» при покупке мертвых душ Чичиков говорит Собакевичу:

« — Вы, кажется, человек умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фу-фу. Что ж он стоит? Кому нужен?

— Да вот вы же покупаете, стало быть, нужен.

Здесь Чичиков закусил губу и не нашелся, что отвечать».

Закон исключенного третьего — два противоречащих суждения не могут быть вместе правильными, приемлемыми или неприемлемыми, неправильными: одно из них необходимо правильно; другое необходимо ошибочно (**a** есть либо **b**, либо не-**b** или p∨ p).

Этот закон является основой важного метода доказательства, так называемого доказательства “от противного”.

Закон достаточного основания — всякая мысль признается правильной, если она имеет достаточное основание. Если есть **a**, то есть и его основание **b**.

Этот закон утверждает, что всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, правильность которых доказана практикой. Когда мы утверждаем что-то, то мы не должны делать это голословно, а обязаны обосновать наше утверждение, доказать его правильность. Закон требует обоснованности, доказательности, то есть связи любой мысли с действительными фактами, примерами из реальной жизни, а также с научно обоснованными законами, теоретическими положениями. Он предостерегает против необоснованных, декларативных суждений, “волевых” решений, слепого преклонения перед авторитетами.

Пределы дедуктивной логики

Дедукция — наиболее точный способ мышления и в то же время (по принципу “крайности сходятся”) наиболее уязвимый, шаткий. Отправным пунктом дедукции является общее утверждение, которое либо является формулировкой твердо установленного закона природы, либо принимается на веру, либо условно допускается. В двух случаях из трех оно может быть ошибочным!

17.5. Вероятностное мышление

Человеческое мышление носит большей частью вероятностный характер. Вероятностное мышление занимает промежуточное положение между (дедуктивной) логикой и интуицией. Одним своим “концом” оно перетекает в дедуктивное мышление, другим — в интуитивное мышление.

Вероятностное мышление выражается, по крайней мере, в

трех формах: умозаключений (неполной) индукции, умозаключений по аналогии и выводов от утверждения следствий к утверждению оснований.

Главным действующим “лицом” вероятностного мышления является предположительная мысль или, короче, предположение. Последнее играет в вероятностном мышлении такую же роль, какую расчет или силлогизм — в дедуктивной логике, догадка — в интуитивном мышлении, идея — в разумном мышлении.

Предположение

Имеется определенная путаница в использовании слов “предположение” и “догадка”. Даже в толковых словарях их взаимоопределяют: догадку как предположение, а предположение как догадку. Действительно, и то и другое нуждается в проверке-подтверждении. Но: в правильности догадки человек уверен, не сомневается, а в правильности предположения он изначально неуверен.

Когда человек *делает предположение*, то он заранее (!) исходит из того, что предположение —только один из вариантов ответа-решения, что это *может быть*, может быть так, а может быть иначе. Когда же человек *догадывается*, то он поначалу воодушевлен, не сомневается в правильности догадки, считает, что найден правильный ответ, правильное решение, что это *так и не иначе*.

Сама конструкция слова “предположение” указывает на вероятностный характер суждения: пред–положение, т. е. то, что еще не полагается безусловно, однозначно, а выставляется как *могущее быть* положением (полагаться).

В догадке нечто утверждается или отрицается категорически, безусловно. Догадка для самого догадывающегося — не предположение, а нечто состоявшееся, найденное.

Предположение предвосхищает положение с той или иной степенью вероятности, а догадка предвосхищает результат как что-то уже найденное, категорически, без сомнения. Вспомним категорическое-радостное восклицание Архимеда “Эврика!” (“Нашел!”).

В догадке человек либо прав, либо неправ (ошибается),

либо пан, либо пропал (третьего не дано!). Одним словом: “либо-либо”.

В предположении нет этого строгого “либо-либо”. Человек как бы вычисляет степень своей правоты, допускает, что прав лишь в какой-то степени, иными словами, допускает возможность ошибки. В предположении граница между правильностью и ошибочностью размыта, подвижна.

Еще одно существенное различие между предположением и догадкой: их отношение к эмоциям-чувствам. Предположение бесстрастно, безразлично к ним. Догадка же рождается, как правило, на гребне эмоционального возбуждения-подъема и затем создает положительный эмоциональный фон для последующих действий по ее реализации-утверждению. Догадка порой настолько воодушевляет человека, что на время он может стать невменяемым (тот же Архимед, по легенде, выскочил из ванны голым и с криком “Нашел!” побежал по улице своего города).

17.6. Ум (интуиция)

Чутье, наитие, умонастроение, догадка

Чутье в одном из основных значений — способность угадывать, догадываться. В сущности, чутье — русский эквивалент интуиции.

Наитие — почти тоже, что и чутье, состояние вдохновенной мысли, умственного вдохновения. — *По наитию* — рождение мысли в результате вдохновения ума.

Умонастроение — своеобразный сплав мысли и чувства, буквально: ума и настроения. Настрой ума — некоторая предрасположенность ума к тому или иному направлению-течению мыслей.

Догадка — интуитивная мысль, иными словами, мысль, рожденная интуицией. Догадка относится к чутью (интуиции) так же, как отдельная мысль к мышлению в целом или акт, действие к способности, действительное к возможному.

Что нужно для развития чутья, интуиции?

1. Набираться опыта как можно больше: жизненного — для развития интуиции вообще, и специального (в частной, избранной деятельности) — для развития специальной (профессиональной и иной специфической) интуиции.

2. Быть по возможности всеядным, интересоваться всем. Богатство опыта, жизненных наблюдений и впечатлений — основа хорошей интуиции.

В самом деле, в интуиции важен момент связывания самых различных предметов, кажущихся на первый взгляд совершенно чуждыми друг другу. Это связывание тем более вероятно, чем *многообразнее, богаче* опыт человека.

3. Развивать в себе эмоциональное начало (через любовь, искусство, спортивные и иные игры).

Хороший эмоциональный фон (неравнодушие, страстность) служит питательной средой или играет провоцирующую роль в возникновении *вдохновения*. А без вдохновения невозможно рождение интуитивной мысли. С. В. Рахманинов, например, говорил, что на его творчество влияет “любовь — никогда не ослабевающий источник вдохновения. Она вдохновляет как ничто другое. Любовь становится стимулом для расцвета интеллектуальной энергии”.

4. Развивать невербальное, картинное, образное мышление. Картины и образы позволяют охватить одним разом (единым взором) много разных вещей. Это охватывание-схватывание — хорошая питательная среда интуиции.

5. Развивать воображение, способность к фантазии. Декарт говорил: “интуиция — ум воображения”. Точно сказано! Без развитого воображения не может быть развитой интуиции.

6. Развивать способность мечтать, строить планы. Бескрылый человек не способен творить, открывать или созидать новое.

Мечта задает вектор поиска, подталкивает к поиску, подогревает вновь возникшую мысль, в целом создает положительный эмоциональный фон для возникновения мысли и ее последующего утверждения.

7. Развивать дерзость (в хорошем смысле слова), не бояться идти на риск. Дерзание, смелость — необходимое условие

интуиции. Человек, боящийся вступить в область неизведанного, не может рассчитывать на развитую интуицию.

Ограниченность и абсолютизация интуиции

Интуиция — великая вещь, но без союза с логикой она беспомощна и даже вредна, превращается в легкомыслие и/или мистицизм.

В известной степени абсолютизацией интуиции является характерное для многих философов прошлого понимание ее как способности непосредственного постижения истины без предварительного логического рассуждения.

См.: "Интуиция — "способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства" — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 216).

На самом деле интуиция не может дать готовое знание или готовую идею. Она в лучшем случае *ведет* к знанию или к идее, но не более. Дело в том, что интуиция не имеет доказательной силы и, кроме того, далеко не всегда "попадает в точку". Мысли, возникшие интуитивным путем, могут быть как истинными, так и ложными, как ценными, так и бесполезными или даже вредными. Поэтому, чтобы узнать, какие из них истинные (ценные), а какие ложные (бесполезные, вредные), нужно выйти за пределы интуитивного мышления и подвергнуть их логическому или эмпирическому/практическому испытанию или тому и другому вместе.

Интуицию можно принимать лишь постольку, поскольку она является источником новых мыслей; большего от нее ждать нельзя.

От понимания интуиции как способности непосредственного постижения истины один шаг к мистическому умонастроению. Питательная почва последнего — это когда человек полагается только на интуицию, т. е. на воображение и чувство и не считается ни с какими доводами рассудка или разума. (О мистике см. выше, стр. 444).

17.7. Разум (диалектическое мышление)

Идея — мысль Разума

«Ум человека складывается из совокупности его идей. Без идей нет ума» — говорил К. Гельвеций. Идея является самой богатой, самой содержательной "формой" мышления и в качестве таковой играет важную роль в теоретическом и практическом освоении мира. В ней наиболее ярко выражены творческие потенции человеческого Разума. Не случайно виднейшие представители идеалистической философии прошлого — Платон и Гегель — отводили ей главное место в своих учениях.

Рассмотрим подробнее вопрос об идее как мысли Разума.

Благодаря идее мышление *развивается* и *становится*, находится в процессе развития и становления. Этот факт не означает, конечно, что связь мышления с действительностью (являющейся для него внешним фактором) не играет никакой роли в его развитии и становлении. Мышление развивается и становится под влиянием самых различных факторов (в том числе внешних), однако все они объединены и центр объединения находится в мышлении. Эти центром является идея. Она интегрирует все его внутренние и внешние связи.

Диалектика идеи

Идея, будучи сложным, многогранным феноменом мышления, заключает в себе множество разных противоречий[1], которые вместе и обусловливают ее специфичность. К числу наиболее характерных противоречий, присущих идее, можно отнести противоречия задачи и ее решения, субъективного и объективного, логики и интуиции.

Идея с точки зрения соотношения задачи и ее решения. Идеи возникают не сами по себе, а лишь в ответ на возникновение проблем. Когда проблема становится объектом целеполагающей деятельности человека, она приобретает качество

[1] Здесь и далее слово "противоречие" употребляется не в формально-логическом смысле, а в значении "диалектическое противоречие".

задачи и уже в таком качестве (поставленной задачи) ведутся поиски ее решения. Появление какой-нибудь идеи означает, что найден ключ к решению проблемы-задачи. Но ключ к решению — это еще не само решение; поэтому идея, не будучи *уже* проблемой-задачей, не является *еще* решением. Она занимает промежуточное положение между ними, соединяет их.

Таким образом, идея, с одной стороны, содержит в себе предварительное решение задачи, а, с другой, является руководящим принципом для поисков окончательного решения задачи. Она как бы подытоживает некоторые результаты поисков и в то же время руководит дальнейшими поисками.

Назначение идеи как раз в том, что она осуществляет переход от постановки задачи к ее решению. На языке противоречия это означает, что идея, осуществляя переход от возникновения и обострения противоречия (постановки задачи и поисков ее решения) к его разрешению и соединяя, таким образом, противоположные (восходящую и нисходящую) ступени проблемно-задачного противоречия, является самым ответственным моментом, кульминацией, ядром этого противоречия, как бы противоречием в противоречии.

Идея с точки зрения соотношения субъективного и объективного. В идее находит свое отражение не только то, что получено человеком от созерцания и познания, но также интересы и цели человека. Субъективность идеи выражается в том, что она является результатом страстной заинтересованности человека и сама, в свою очередь, вдохновляет и мобилизует его.

Таким образом, идея органически объединяет в себе субъективные устремления автора (эмоционально-волевой момент) и объективное содержание чувственных и мыслительных образов (восприятий, представлений, понятий, знаний). Она связывает отражательную функцию человеческой психики с регулятивной, является точкой соприкосновения, взаимопереплетения сознания и воли, соединяет пассивность восприятия-памяти и активность воли, объективность знания и субъективность цели. Она, с одной стороны, — понятие (представление) о чем-либо, с другой, — принцип деятельности. Будучи отображением находящегося вне мышления объекта (действительного, мнимого или возможного), идея в то

же время является руководящим и организующим началом деятельности.

Идея с точки зрения соотношения логики и интуиции. Идея не является в отдельности ни логической, ни интуитивной мыслью. Она — продукт совместной "работы" интуитивного и логического мышления.

По мнению П. В. Копнина идея "не может быть чисто логически с необходимостью выведена из той совокупности знаний, на которой основывается постановка проблемы". И, действительно, поскольку содержанием идеи является новое, небывалое, которое прежде отсутствовало в наличном мыслительном опыте человека, постольку она не может логически следовать из тех мыслей, которые основываются на этом опыте. Сама по себе логика раскрывает лишь то, что в неявном виде содержится в исходных посылках. М. Бунге в этой связи справедливо отмечает, что "*одна* логика никого не способна привести к новым идеям, как *одна* грамматика никого не способна вдохновить на создание поэмы и теория гармонии — на создание симфонии"[1].

Но идея не может быть и порождением одной только интуиции. Это видно из следующего. Всякая интуитивная мысль является мыслью лишь постольку, поскольку она *осознана.* Осознание же интуитивной мысли не является простой фиксацией (регистрацией) ее в сознании. Оно носит активный характер. Вновь родившуюся мысль человек сразу же подвергает рациональной обработке, применяет к ней те или иные критерии, определяет ее соответствие наличным знаниям, убеждениям, интересам (подробнее см. об этом ниже). В результате первоначальная интуитивная мысль приобретает черты *логически выверенной* мысли или же отбрасывается.

Таким образом, идея объединяет в себе черты интуитивной и логической мысли. В истоках своих (по происхождению) она — интуитивная мысль; в определении же, оформлении своем она — логическая (или, точнее, логически выверенная) мысль.

О логике и интуиции кратко было сказано выше. Здесь добавлю следующее.

---

[1] *Бунге М.* Интуиция и наука. М., 1967. С. 109.

В философской и научной литературе стал общепризнанным взгляд на соотношение логики и интуиции как единство двух противоположных способов мышления. Этот взгляд отвергает как сведение интуиции к логике, так и их абсолютное противопоставление.

Некоторые исследователи полагали, например, что интуитивное мышление отличается от последовательного логического рассуждения лишь своим быстродействием или же выключением средних звеньев из цепи рассуждения.

Действительно, наряду с творческой интуицией существует бессознательное логическое мышление. Рассуждение, вычисление или расчет могут происходить без участия сознания. На его поверхности выступают лишь исходные данные и результат. Бессознательный логический процесс возможен благодаря тому, что после многократного повторения одних и тех же логических операций, решения однотипных логических задач вырабатывается устойчивый стереотип, автоматизм мышления.

Возникновение интуитивной мысли — акт уникальный. Она — плод неповторимой ситуации и неповторимой индивидуальности человека. Совсем иное дело — логический вывод, который можно повторить сколько угодно. Он удобен как раз тем, что его могут воспроизвести, повторить другие люди и даже компьютеры.

Интуитивная мысль — произведение живое живого человека, она рождена всем его существом, является результатом синтеза всех его качеств, способностей. Для выведения же логической мысли не требуется всего комплекса психических способностей и особенностей человека. Достаточно сказать, что она безразлична к чувствам, эмоциям, которые в отдельных случаях даже мешают ей.

Творчество — конкретная деятельность конкретного человека. Поэтому оно необходимо включает в себя как момент общего, родового, так и момент индивидуального, неповторимого. Логика представляет в мышлении общее, родовое, а интуиция — индивидуальное, неповторимое. Без их взаимодействия невозможен творческий процесс.

Место идеи в творческом процессе

Идея является такой мыслью, которая дает ключ к пониманию творческого процесса. Благодаря идее творческий процесс совершается не как стихийный, неуправляемый, аморфный процесс, в котором к результату приходят путем проб и ошибок, а как управляемый, осмысленный, разумно организованный процесс.

Значение идеи для творческого процесса состоит в том, что она осуществляет переход от постановки творческой задачи к ее решению. Как нельзя обойти момент перехода от поисков к решению, так нельзя перешагнуть через идею, пройти мимо нее. Именно идея содержит в себе *заряд нового* — то, ради чего совершается творческий процесс. Ее возникновение и последующая реализация — непреложный закон творчества. Все коллизии творческих поисков и находок сходятся в идее, как в фокусе. Она — "душа" творческого процесса, его самодвижущий принцип.

Идея "делит" творческий процесс на три этапа.

Первый этап — этап постановки задачи и поисков ее решения — выполняет, главным образом, отрицательную работу: человек последовательно все больше убеждается в том, что прежние знания и умения, старые способы решения не годятся для решения данной задачи.

На втором этапе совершается переход от постановки задачи к ее решению, возникает идея. Этот этап является ключевым для творческого процесса, так как от него зависит, будет ли творческий процесс подобен процессу искания методом проб и ошибок или же он почти с самого начала будет разумно ориентированным процессом. Чем ответственнее подходит человек к выдвижению и формулированию идеи решения, тем вероятнее правильность идеи и тем менее вероятен бесплодный путь проверки-реализации ошибочной идеи.

Переход от поисков к решению не является одномоментным процессом. Идея возникает не сразу, не вдруг. Между ее зарождением как интуитивной мысли и оформлением существует определенная дистанция — этап сознательной работы мысли. Эта дистанция может быть едва заметной, малоосознаваемой и, тем не менее, она обязательно существует.

Ранее уже говорилось о том, что интуитивная мысль прежде, чем стать идеей, подвергается проверке, испытанию, апробируется с помощью наличных мыслительных средств (знаний, логики, убеждений). Эти процедуры осуществляются или должны осуществляться по определенным параметрам, критериям. Отсутствие последних может привести к двум нежелательным крайностям в оценке идеи: когда обыкновенную рядовую мысль принимают за идею. В этом случае имеет место переоценка мысли, некритический подход, который нередко приводит к излишней трате сил и времени по реализации такой "идеи". Подобную ошибку чаще всего совершают сами авторы этих псевдоидей. И, наоборот, когда недооценивают идею, принимают ее за рядовую мысль, вследствие чего не предпринимаются шаги по ее реализации. Такая ошибка допускается обычно при передаче идей от одних людей к другим: мысль автора идеи не осмысливается другими как идея. Поэтому, чтобы не было переоценки или недооценки значимости той или иной мысли, необходимо следовать правилам, критериям, по которым можно было бы определить идею.

Критерии нужны не только для минимизации, устранения произвола в оценке идеи. Они важны сами по себе, как условия выдвижения, состоятельности идеи. Особенно они нужны, если идее предшествует не одна интуитивная мысль, а несколько, некоторое множество конкурирующих мыслей. В этом случае возникает задача отбора, а критерии определения идеи приобретают характер критериев отбора. Вообще скорее исключением, чем правилом, является формирование идеи из одной интуитивной мысли. Идеи часто можно уподобить граммам радия, добываемым из тонн руды или крупицам золота в золотоносном песке.

Итак, каковы критерии определения идеи? Любая интуитивная мысль становится познавательной или практической идеей, если она испытана, апробирована с помощью двух основных критериев: критерия возможной истинности и критерия возможной полезности.

Критерий возможной истинности определяет: противоречит или не противоречит вновь возникшая мысль имеющимся знаниям о предмете мысли. Этот критерий устанавливает *логическую со-*

вместимость новой идеи с прежними знаниями (имеются в виду проверенные в опыте, на практике знания)[1]. Он позволяет *мысленным* путем установить вероятную (возможную) истинность (= правдоподобность) новой мысли или же ее явную ложность, ошибочность. В этом критерии отмечен момент *возможности*, так как нельзя вполне утверждать, что отобранные с его помощью мысли являются *действительно* правильными, истинными. (Последнее слово здесь принадлежит опыту, практике). Среди отобранных мыслей могут оказаться и ложные, которые не обнаружены вследствие недостаточности наличных знаний автора идей.

Критерий возможной истинности тем точнее и определеннее, чем полнее знания человека о предмете мысли. Его точность и эффективность зависит также от того, насколько человек сумел в своем сознании отделить зерна от плевел, знания от субъективных мнений, верований, предрассудков. Если граница между знанием и тем, что заменяет знание, расплывчата, неопределенна и человек не знает по-настоящему, что является действительным знанием, а что недоказанным мнением, то критерий возможной истинности будет тогда выдавать ложные мысли за истинные или, наоборот, отсеивать вместе с ложными такие мысли, которые на поверку могут оказаться истинными. В первом случае авторы ложных идей напрасно тратят силы и время на их реализацию. Во втором случае отвергаются ценные в познавательном отношении идеи, что тормозит прогресс.

Зависимость критерия возможной истинности от индивидуального сознания говорит о его субъективности. У разных людей имеется разный уровень знаний и культуры; поэтому они по-разному будут оценивать свои мысли. Если, например, для одного человека очевидна ложность идеи, то другой, располагая меньшим объемом знаний, может не заметить ее.

Тем не менее указанный критерий имеет объективные основания. В современном обществе образование человека в значительной степени стандартизировано. Если человеку доверяют работу, требующую определенной квалификации, то, вероятно, учитывают при этом, что он должен обладать известным минимумом знаний, который позволял бы ему выполнять эту работу. Общезначимость и, соответственно, объективность критерия возможной истинности оп-

[1] Указанному критерию близок по смыслу *принцип соответствия*, выдвинутый Н. Бором в 1913 году. Согласно этому принципу новая теория не может быть истинной, если она не согласуется со старой теорией, где та была справедлива, где содержание старой теории было подтверждено опытом.

ределяются в целом высоким уровнем образования современного человека.

Теперь о *критерии возможной полезности*. Если для определения познавательной идеи основным является рассмотренный выше критерий возможной истинности, то для определения практической идеи таковым является критерий возможной полезности. Этот критерий требует соответствия идеи (ее мыслимого содержания и связанной с ней работы по реализации) интересам людей.

С точки зрения критерия возможной полезности идея должна выражать интересы, потребности, вообще субъективные устремления людей. Без этого она лишена практической силы и значения. Мысленное связывание идеи с теми или иными интересами необходимо для того, чтобы еще до реального практического действия была определена, осознана возможная практическая значимость предвосхищаемого в идее продукта-результата.

Критерий возможной полезности требует четкого осознания потребностей, интересов, установления их иерархии, соподчиненности. Только при условии выполнения этого требования он может быть с успехом использован для оценки практической значимости идей.

Будучи основным для определения практических идей данный критерий важен также для определения познавательных идей. Ведь с осуществлением последних связаны порой практически непреодолимые трудности или это осуществление требует слишком больших затрат/жертв.

Критерий возможной полезности имеет для определения *познавательных* идей то значение, что с его помощью выдвигаются на первый план идеи, осуществление которых отвечает насущным интересам людей. Этот критерий играет, однако, подчиненную, вспомогательную роль в определении познавательных идей. Он может затормозить или ускорить выдвижение и реализацию указанных идей, но он бессилен выявить или уничтожить, зачеркнуть их познавательную ценность. Последняя определяется исключительно критерием возможной истинности.

Примерно то же самое можно сказать о роли критерия возможной истинности в определении *практических* идей. Он, безусловно, необходим для определения практической идеи. В самом деле, только та практическая идея может быть осуществлена, материализована, которая выверена познанием, основана на познании объективных закономерностей. Печальный пример практической идеи, не выверенной познанием, — идея вечного двигателя. Сколько напрасных усилий было затрачено на ее реализацию! Даже после от-

крытия закона сохранения энергии находились горе-изобретатели, пытавшиеся создать вечный двигатель.

Особый статус имеют *художественные* идеи. Они не сводимы ни к познавательным, ни к практическим идеям. Соответственно и критерий их определения особый. Этот критерий оценивает художественную, эстетическую ценность вновь возникшей мысли. Его можно было бы назвать *критерием возможной художественности (эстетичности)*. Данный критерий предельно вариативен и всецело зависит от художественного вкуса и эстетических предпочтений автора идеи.

Кроме указанных критериев большое значение имеет также *общий методологический критерий*. Он определяет соответствие идеи исходным методологическим, философским принципам-установкам. Критерий позволяет отбирать методологически состоятельные идеи.

Третий этап творческого процесса — этап решения проблемы-задачи, *реализации* идеи. На этом этапе возможность решения превращается в действительность. Необходимым условием такого превращения является ***функционирование*** идеи, что предполагает наличие у нее определенных ***функций***. Эти функции являются своего рода каналами или формами реализации идеи и, соответственно, формами разрешения присущих ей противоречий. Благодаря функциям идея выходит как бы за пределы самой себя.

К основным функциям идеи относятся: синтетическая, регулятивная и эвристическая.

Синтетическая функция. Вновь родившаяся идея не сразу ведет к конечному продукту. До своего практического воплощения или проверки она должна развернуться в *систему мыслей.* В научном познании на основе идеи разрабатывается *гипотеза* — развернутое теоретическое построение; в практической деятельности — *проект*; в искусстве — *художественный замысел*. Идея не годится для реализации в том виде, в каком она первоначально существует. Без системы подчиненных ей мыслей-следствий она как бы “висит в воздухе”, слабо связана с “земной основой” (со всем умственным опытом человека, за которым стоит чувственный и практический опыт). Это отчетливо можно видеть на примере гипотетической идеи. Сама по себе, как первоначальное предположение, она

принципиально непроверяема. Для того, чтобы осуществить проверку идеи, на ее основе нужно построить гипотезу, а из гипотезы вывести следствия, непосредственно проверяемые на опыте.

Если только что возникшая идея как бы приоткрывает дверь в мир неизведанного, несозданного, и человек лишь "заглядывает" в эту дверь, то развернутая в систему мыслей она "заставляет его войти" в открытую дверь и показывает перед ним неисчислимые богатства нового.

В процессе развертывания идеи в систему мыслей как раз и реализуется одна из ее основных функций — синтетическая.

Синтетическая функция идеи, осуществляя переход к системе мыслей, "решает" двуединую задачу: *расчленение* идеи на множество разных мыслей и сохранение ее как *целостного* образования. С одной стороны, в полном соответствии с законами дедукции, возникает логический "куст" мыслей, а, с другой, идея, не переходя полностью в этот "куст" (не растворяясь в нем), становится главной, основной, центральной мыслью возникающей системы. (Вот откуда, кстати, определение идеи как основной мысли произведения, открытия или изобретения). Здесь происходит синтез логики и интуиции: идея (и присущий ей интуитивный момент) *снимается* логической операцией расчленения, деления и одновременно *сохраняется* как основная мысль.

Регулятивная функция. Уже проблема-задача направляет мысль, но лишь идея нацеливает ее на конкретный результат. Являясь поворотным пунктом от поисков к решению, она служит средством ориентации в задаче, играет роль руководящего принципа для поисков окончательного решения задачи. Регулятивная функция, с одной стороны, *дисциплинирует* мышление человека, удерживает его в определенном направлении, не позволяет "растекаться мыслям по древу", а, с другой, *активизирует*, *мобилизует мышление,* "подталкивает" его в нужном направлении. Имея в виду эту вторую сторону, можно сказать, что *в идее, как ни в каком другом мыслительном образовании, выражен активный характер человеческого мышления.* Будучи первым проблеском решения, она вселяет

уверенность в успехе, в перспективность его усилий, эмоционально заряжает, вдохновляет его.

(Регулирующий характер идеи выступает как бы в чистом виде в случае патологического нарушения мыслительного процесса, когда субъективная установка больного, вступая в конфликт с объективными фактами, оформляется в навязчивую, сверхценную или бредовую идею.)

Регулятивная функция является формой разрешения присущего идее проблемного противоречия. Она осуществляет самопереход идеи от предварительного решения проблемы-задачи (являющегося по своему характеру проблематическим-незавершенным) к окончательному решению. Будучи процессуальной, она неуклонно ведет идею через все трудности задачи к самоосуществлению. Если бы идея не обладала регулятивной функцией, то заложенное в ней содержание, не использованное для преодоления трудностей задачи, осталось бы на уровне догадки-предположения.

Эвристическая функция. Идея не только синтезирует, не только регулирует, но обновляет и даже революционизирует мышление человека. Она — скачок в мир несозданного, неоткрытого.

Эвристическая значимость идеи обусловлена тем, что она содержит в себе *возможность нового* — нового знания, нового предмета, нового произведения искусства. Она так или иначе *ведет* к новому освоению действительности: теоретическому — познанию ее, или практическому — преобразованию ее. Идеи как первопроходцы или геологи-разведчики открывают новые пути познания и преобразования действительности. Даже очень старые, но еще не реализованные идеи заставляют людей вести поиски. Такой, например, была идея атомизма. Прошло более двух тысяч лет, прежде чем она воплотилась в научную теорию атомного строения вещества. Пока идея не реализована и не опровергнута, она эвристически значима.

По идеям можно судить о дерзновенности человеческого разума. Известное требование Н. Бора “безумных” идей является как раз констатацией того факта, что чем новее, оригинальнее, “безумнее” идея, тем больше шансов на успех она

имеет, так как для создания фундаментальной физической теории нужны поистине революционные идеи.

Достижение нового в творческой деятельности не является самоцелью. Оно направлено на разрешение противоречия между субъектом деятельности — человеком и объектом деятельности — окружающей действительностью. Поэтому эвристическая функция идеи, будучи средством достижения нового, является в то же время формой разрешения присущего идее субъект-объектного противоречия.

17.8. Категориальный строй мышления

Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий.

И. Кант

Категории, как уже говорилось раньше (см. п. 7.4, стр. 126), — структурные элементы мысли, которые фигурируют в философской литературе под именем философских категорий-понятий. Человек думает, решает умственные задачи не иначе как с помощью *категорий*. Последние — инструменты мышления, идеальные орудия человеческой деятельности.

Когда философы обсуждают проблему категорий как свое внутреннее дело, т. е. как проблему исследования и систематизации *философских* категорий, то нельзя не увидеть некоторый отпечаток профессиональной ограниченности, субъективности на этой проблеме. В зависимости от личного опыта и склада ума одни философы считают эту проблему искусственной, надуманной, вчерашним днем философии, а другие считают ее важной, заслуживающей внимания *философской* проблемой. В том и другом случае проблема категорий субъективно ограничена и не поддается разумному решению. Суть в том, что надо выйти за рамки этой проблемы и взглянуть на дело шире, не с чисто философских, узко цеховых позиций, а с точки зрения объективной, естественной систематики категорий. Хотят или не хотят философы обсуждать проблему категорий, независимо от них она властно заявляет о себе как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления.

Бессознательно люди давно уже мыслят системно. Для этого они выработали целый комплекс вопросов: что? кто? чей? когда? где? куда? откуда? как? какой? каким образом? в какой мере? сколько? почему? отчего? зачем? для чего? ради чего? как возможно? что делать? и т. д. В этих вопросах отчетливо проглядывают категориальные формы мышления. (Философы, кстати, являются своего рода повивальными бабками, помогающими рождению, т. е. осознанию людьми категорий мышления — под видом философских категорий и понятий.)

Категориальная логика мышления

Категории функционируют, работают, действуют в нашем мышлении, хотим мы этого или нет, более того, они формируют, организуют, упорядочивают мышление. В самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Люди мыслят в той степени, в какой они пользуются категориями.

Каждая категория — не только момент системы, но и сама является системой более частных категорий и понятий. Она — вершина гигантской пирамиды понятий. И в целом система категорий — это вершина пирамиды всех человеческих понятий. Как с помощью трех десятков букв в алфавите выражается все богатство человеческого языка, так с помощью нескольких десятков категорий выражается все многообразие человеческих понятий и, соответственно, объективного мира.

Категориальный строй мышления выражает его упорядоченность, соответствующую упорядоченности реального мира. В свое время французский ученый *Л. Леви-Брюль* выдвинул теорию об *алогическом* или *дологическом* характере мышления первобытного человека. Критикуя эту теорию, отечественный ученый *В. П. Алексеев* в книге "Становление человечества" показал, что человек с самого начала руководствовался в своей деятельности "рационально-логическими правилами", которые являются, по его словам, отражением "важнейших природных отношений"[1].

[1] *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984. С. 242-244.

Выдающийся русский филолог-славист *А. А. Потебня* более ста лет назад писал о происхождении категорий:

"...труды обособившихся наук и таких-то по имени ученых являются здесь (в истории языка. — *Л.Б.*) лишь продолжением деятельности племен и народов. Масса безымянных для нас лиц, масса, которую можно рассматривать как одного великого философа, уже тысячелетия совершенствует способы распределения по общим разрядам и ускорения мысли и слагает в языке на пользу грядущим плоды своих усилий"[1].

Итак, в самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок.

Если мы бессознательно пользуемся стихийно сложившейся категориальной логикой мышления, то спрашивается, зачем нужно еще открывать ее, строить адекватную систему философских категорий? Дело в том, что настоящая "отдача" категорий мышления как идеальных орудий деятельности возможна лишь при условии осознания их в системе. Стихийное, полуосознанное использование категорий чревато постоянными "кренами", абсолютизацией одних категорий в ущерб другим.

Осознание категориальной логики в ходе исторического развития человеческой мысли протекало неравномерно. Отсюда, в частности, разноголосица философских учений и взглядов. Категориальная культура мышления может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления, а через нее — об объективной системе форм бытия, категориальных определений мира.

Категориальная логика выступает у философов в виде категориальной картины мира. См. об этом выше п. 7.7, стр. 131.

Как категории работают-проявляют себя?

Категории мышления формируются и функционируют, как правило, помимо сознания человека и выступают либо (1) в виде образов-символов, либо (2) в языке, либо (3) в виде поня-

[1] *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 641-642.

тий, либо (4) в различных формах и методах деятельности.

(1) ***Образы-символы категорий*** весьма многообразны. Вот некоторые примеры:

круг-шар часто служил для древних людей образом-символом вечности, незыблемости, порядка;

В древнегреческой философии образом-символом всеобщего изменения-движения было выражение "*все течет*" (panta rei).

В китайской философии своеобразными образами-символами-понятиями были *ян* и *инь*. Исходное значение: пасмурная и солнечная погода или теневая и солнечные стороны (например, горы и ущелья). Древнекитайские мыслители использовали бинарность данного противопоставления для выражения многих противоположных и сменяющих друг друга явлений-сил: света и тьмы, солнца и луны, огня и воды, активности и пассивности, мужского и женского начал, неба и земли, порядка и беспорядка и т. п.

знак "∞" является символом математической бесконечности;

"*круг времени*" и "*стрела времени*" являются образами-символами временной обратимости и необратимости.

"*Золотая середина*" — образ-символ меры.

В выражении "ничто не ново под луной" *луна* является образом-символом неизменности, вечного повторения одного и того же.

В пушкинской строке "*И случай — бог-изобретатель*" мы видим образ случайности. Такую же категориально-образную функцию выполняют выражения "*жребий брошен*", "*мы все ходим под богом*", "*стечение обстоятельств*".

(2) ***Выражение категорий в языке***.

1. Категории прежде всего выражаются в *структуре* языка, в *членораздельной* речи. Грамматические части речи — пусть весьма приблизительно и упрощенно — выражают основные категории мышления. Имя существительное — материю, тело, вещь, организм, существо. Имя прилагательное — качество. Имя числительное — количество. Глагол — движение, действие, деятельность.

Особое место в структуре языка занимают местоимения и

местоименные наречия. Они являются своеобразными языковыми эквивалентами-заместителями категорий. Можно составить такую таблицу (см. на сл. стр.).

Вопросительные местоимения и местоименные наречия — это самые настоящие пра- или прото-категории.

По мере того, как подрастающий человек осваивает членораздельную речь, формируется категориальный строй его мышления. Наиболее интенсивно это происходит в возрасте "почемучки", так талантливо описанном К. И. Чуковским в книге "От двух до пяти". Когда ребенок задает окружающим бесчисленные вопросы, то он не просто любопытствует, собирает-впитывает в себя информацию, а учится мыслить *категориями, при помощи категорий*. Ведь вопросы задаются им в основном в форме вопросительных местоимений и наречий.

Фундаментальный характер некоторых вопросов давно был осознан людьми. Свое понятие о категориях Аристотель строил в значительной мере на основе вопросительных слов: "что?" (категория сущности), "сколько?" (категория количества), "какой?" (категория качества) и т. д. Арабский философ IX века Абу Юсуф Якуб бен Исхак аль-Кинди писал: "Чтобы познать что-либо, следует ответить на четыре вопроса: Есть ли это? Что это? Каково это? Почему это?". Английский писатель Р. Киплинг выразил примерно эту же мысль в поэтической форме (перевод С. Я. Маршака):

Есть у меня шестерка слуг, проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, — все знаю я от них.
Они по знаку моему являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему, Кто, Что, Когда и Где.

Нельзя не упомянуть также Раймунда Луллия. Стремясь переработать схоластическую логику, он выдвинул ряд новых идей. Среди них — учение о вопросах. Вопросы, по Луллию, служат орудием открытия истины. Он разделял их на девять групп: "ли?", "что?", "из чего?", "почему?", "как велико?", "какого качества?", "когда — где?", "чем?", "как?"[1].

[1] См.: *Берков В. Ф.* Вопрос как форма мысли. Минск, 1972. С. 12.

ТАБЛИЦА ЭКВИВАЛЕНТОВ-ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ КАТЕГОРИИ

виды местоимений и наречий / **категорий**	*вопросительные местоимения*	*другие местоимения, наречия*	*отрицательные местоимения, наречия (тени категорий)*
материя, тело, вещь, объект, предмет	что? что-то что-именно	что-то, что именно, этот, тот, нечто	ничто
живое существо, человек, субъект	кто?	кто-то, кто именно, некто, все, каждый	никто
качество	какой?	такой, этакий, какой-то, какой именно, некий	никакой
свойство	чей?	чей-то чей именно	ничей
количество	сколько? насколько? который?	столько, настолько, несколько больше, меньше	нисколько
движение	куда? откуда?	сюда, туда, отсюда, оттуда	никуда ниоткуда
время	когда?	теперь, сейчас, раньше, потом, иногда, всегда	никогда
пространство	где?	здесь, там, везде, повсюду	нигде
мера	в какой мере?	в меру	
причина	почему? отчего? по какой причине? вследствие чего?	потому, поэтому оттого, из-за того, из-за этого по причине этого вследствие этого	
возможность	можно? как возможно?	можно возможно	нельзя, невозможно
действительность	в самом деле? на самом деле? действительно ли?	действительно, в самом деле	недействительно
случайность	что случилось?	по случаю	
явление	что произошло? что такое?		
цель	зачем? с какой целью?	затем, с целью	незачем бесцельно
средство	как? каким образом?	так, этак, вот так,	никак
результат	какой результат? что в результате?		без результата
деятельность, действие	что делать?		

Интересно еще отметить, что в риторике есть так называемые *семь вопросов*: Quis?, Quid?, Ubi?, Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Эти вопросы призваны, развивая мысль, выявлять лицо, деяние, место, соучастников, цель, способ и время[1].

2. Категории выражаются также в словах, предложениях, фразах, текстах, т. е. не только в структуре языка, но и в его содержании, материале. Возьмем для примера категорию возможности. Вокруг нее — целый куст отдельных слов, словосочетаний, выражений: *мочь, можно, могущий, возможно, невозможно, возможный, возможность, может быть, как можно, через не могу, по возможности, по мере возможности, есть возможность, насколько возможно, иметь возможность, дать возможность, реальная возможность, абстрактная (формальная) возможность, юридическая возможность, фактическая возможность, большие возможности, безграничные возможности, упущенная возможность, любопытная возможность, интересная возможность, возможность роста, при первой возможности, до последней возможности, "если бы молодость знала, если бы старость могла!", "хочу и могу"*. Это лишь немногие слова, словосочетания и выражения, обозначающие разные стороны категории возможности. Если же взять предложения, фразы, тексты, в которых фигурирует рассматриваемая категория, то их бесчисленное множество. В них, в этой стихии языка, она живет, функционирует, действует, развивается. И так обстоит дело с каждой категорией мышления.

(3) В *понятиях* категории не просто выражаются, а осознаются, осмысливаются.

То, что обычно называют философскими категориями, на самом деле — понятия-категории, т. е. понятия, представляющие, выражающие категории мышления. Это всегда нужно иметь в виду при исследовании-использовании философских категорий и понятий. Они лишь отображение категорий мышления. А отображение может быть неверным, искажен-

[1] См.: *Сомов В.* По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 109.

ным, неполным и т. д. История философии дает вторичный материал для исследования категорий мышления. Первичный материал — в естественном мышлении и языке, в различных формах, методах и результатах человеческой деятельности. Некоторые философы ошибочно ставят знак равенства между естественным и обыденным мышлением и на этом основании третируют первое, утверждая, что только философское мышление — мышление в категориях и только философы знают, что такое категории. Это высокомерие философов опасно. Оно ведет к самоизоляции и творческому бесплодию.

С другой стороны, труд философов нужно уважать, потому что именно в философских понятиях категории по-настоящему осознаются, осмысливаются как структурные элементы мысли.

(**4) О выражении категорий в различных формах и методах деятельности** см. ниже п. “Методологическая функция категориальной логики” на стр. 547.

“Кухня” категориальной логики

Логика предмета требует, чтобы я рассказал хотя бы в общих чертах о “кухне” категорий, о том, что собственно представляет собой категориальная логика.

Пока твердо установлено, что категории располагаются парами (диадами) или триадами (обнаружены связи типа "пространство-время", "необходимость-случайность", "качество-мера-количество"). Философы давно пытаются открыть связи более высокого порядка — не между отдельными категориями, а между категориальными парами, семействами. Пока эти попытки не увенчались сколько-нибудь неоспоримыми находками. Тем не менее они продолжаются, не могут не продолжаться, так как философы никогда не смирятся с полухаотическим представлением выявленного множества категорий и понятий.

Итак, категории рассматриваются философами обычно в составе определенных категориальных блоков или подсистем. Это значит, что каждая категория является либо противоположностью другой, либо промежуточным звеном, либо синтезом противоположных категориальных определений.

Кроме того, каждая категория сама является системой более частных категорий и понятий. Выше я уже говорил о том, что категория потому и категория, что внутри себя образует систему понятий, являясь в подлинном смысле категорией, т. е. разрядом, классом определенного рода понятий.

Подчиненные категории понятия выражают различные ее стороны, моменты и частные виды. Эти понятия по отношению к категории являются *субкатегориями*. Например, субкатегориями количества, выражающими ее отдельные стороны, являются непрерывное и дискретное. Частными видами категории являются такие ее субкатегории, как "величина", "множество", "число". Категория по отношению к своим субкатегориям выступает как *родительская* категория.

Помимо субкатегорий существуют такие понятия, которые носят межкатегориальный характер, т. е. объединяют в себе различные категориальные определения. Это можно объяснить так. Мышление имеет определенную категориальную структуру. Категории — узловые пункты в сети мышления. Кроме них существует большое количество общих понятий, которые либо распределены между категориями, т. е. входят в понятийный аппарат отдельных категорий, либо принадлежат сразу двум или нескольким категориальным семействам и, следовательно, носят межкатегориальный характер.

Благодаря *межкатегориальным понятиям* категории как бы отражаются друг в друге, скрещиваются, сплавляются. Это аналогично тому, как химические элементы, вступая в химическую связь, образуют те или иные химические соединения. Межкатегориальные понятия — это "химические соединения" различных категорий.

Два примера. Основное значение категории "качество" представлено понятием "качество" и фиксируется ее положением в подсистеме "качество-мера-количество". А одно из отраженных значений категории (отражение ее в категории "изменение") представлено такими межкатегориальными понятиями, как "превращение", "скачок", "качественное изменение". Далее, если "величина", "множество", "число" являются чисто количественными понятиями, т. е. относятся только к категории количества, то такие понятия, как "длина", "раз-

мер", "объем" имеют не только количественное содержание. Они являются своеобразным симбиозом двух категориальных форм мышления: количества и пространства. Это количественно-пространственные понятия.

Таким образом, категории, с одной стороны, жестко закреплены, зафиксированы в одном положении (месте системы категорий), а с другой, они "гуляют" по всей системе категорий в виде отраженных значений межкатегориальных понятий, отражаясь практически во всех других категориях.

Представление о межкатегориальных связях и понятиях снимает дилемму гибкости и жесткости системы категорий, обнаруживает совместимость того и другого. Жесткость категории обусловлена ее "привязанностью" к одному и только одному месту в системе категорий. Гибкость категории обусловлена ее рефлексией (отражением) в других категориях.

Нужно иметь в виду также следующее. Трудность исследования и использования категорий состоит в том, что их языковые носители — слова употребляются неоднозначно в языковой практике, в философской и научной литературе. Наряду с категориальными значениями функционируют различные формы некатегориального значения слов, обозначающих категории. Отсутствие ясного понимания этого факта приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий.

Практически нет ни одной категории, которая выражалась бы однозначным словом-термином. Слова, выражающие те или иные философские категории, являются *многозначными*. Категориальное значение для них — не единственное. Этот факт необходимо учитывать при исследовании и сознательном применении категорий.

Слова, обозначающие категории, употребляются, по крайней мере, в трех некатегориальных значениях: 1) узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории. Например, понятие "вещество" является частным по отношению к категории материи; 2) расширенном значении. Например, слово "качество" употребляется в значении "определенность предмета вообще" или слово "действительность" — в значении "реальность"; 3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию. Например, слово "мера"

употребляется в значении "мероприятие" или слово "качество" — в значении "признак предмета".

Чем же обусловлена многозначность слов, обозначающих категории? Ответ следует искать в истории языка. Этимология категориальных слов восходит к синкретическим (слитным, недостаточно дифференцированным, определенным) понятийным формам-представлениям, содержание которых, как правило, намного шире содержания выкристаллизовавшихся впоследствии категорий мышления. Существование различных форм некатегориального значения слов-категорий как раз и связано с тем, что категории лишь постепенно определились в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание категориальных понятий на разных этапах их формирования как категорий.

Категории мышления — структурные элементы мысли и как таковые могут быть представлены наглядно-схематически. Язык схем и наглядных образов — особый язык, не сводимый к словесному описанию. Он несет такую смысловую нагрузку, такую информацию, которую очень трудно и порой невозможно передать с помощью обычного языка, рассуждений. Наглядно-схематическое представление категорий так же важно, как и их словесное описание. Оно позволяет осмыслить, охватить единым взором сложные взаимоотношения категорий. Словесное описание развертывает мысль во времени и порой нелегко осмыслить рассуждения в целом. Наглядно-схематическое представление развертывает мысль в пространстве, что позволяет осуществить мысленный синтез огромного материала, спрессованного в категориях. Кроме того, наглядно-схематическое представление в некотором смысле более точно, более адекватно (по сравнению со словесным развертыванием во времени) передает реальное соотношение категорий, будь то объективные категориальные определения или категории мышления. Ведь в самой объективной реальности и, соответственно, в мышлении многочисленные категориальные определения "даны" одновременно, без выведения, как существующие друг возле друга, взаимозависимые, взаимопроникающие. Например, качественные и количественные определения присущи одновременно любым материальным объектам, а не следуют одно за другим, как у Гегеля.

Система категорий, выраженная наглядно-схематически, т. е. в табличном виде (в виде *таблицы категорий,* см. выше, стр. 137), позволяет отчетливо проследить логические связи и соотношения между категориями.

Наглядно-логическая схема объединяет два типа соотношения категорий:

а) *взаимозависимость* противоположных категорий, предполагающая наличие промежуточного, переходного звена между ними; это один тип триады ("противоположное-промежуточное-противоположное");

б) *взаимоопосредствование* (синтез) противоположных категорий; это — другой тип триады ("тезис-антитезис-синтез").

(В скобках заметим, для Аристотеля было характерно мышление по типу "противоположное-промежуточное-противоположное", а для Гегеля — мышление по типу "тезис-антитезис-синтез". Аристотель был первооткрывателем первого типа категориального мышления, Гегель — первооткрывателем второго типа категориального мышления).

В неорганической природе реализуется первый тип соотношения категориальных определений (взаимозависимость противоположных сторон). В живой природе и человеческом обществе к первому типу "прибавляется" второй тип соотношения категориальных определений (взаимоопосредствование). См. выше на стр. 214 (рис. 14) поясняющую наглядно-логическую схему "Агрегатные состояния вещества и живой организм, их соотношение". Категориальные определения, характерные для неорганического мира, разделены и исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Категориальные определения, характерные для живой природы, подобно живым организмам переплетают "крепким узлом" категориальные определения неживой природы.

Методологическая функция категориальной логики

Категориальный строй мышления выражает *категориальную логику*, ту высшую логику мышления, которая объединяет интуицию и рассудочную логику. Располагаясь в определенном порядке в некотором воображаемом пространстве мыш-

ления категории осуществляют смысловую группировку материала, играют роль опорных пунктов, координат, ориентиров мысли. Система категорий есть именно система опорных пунктов, координат, ориентиров мышления.

Как *опорные пункты* категории не дают мысли "гулять" в безбрежном пространстве воображения, не дают ей "растекаться по древу".

Как *координаты*, *ориентиры* категории определяют положение мысли и направляют ее в определенное русло. В этом смысле систему категорий можно уподобить координатной сетке меридианов и параллелей на глобусе. Она позволяет оценить любые факты и суждения, отделить зерна истины от шелухи ложных представлений.

Методологическая функция категориальной логики реализуется как в виде общего ориентира познавательной и практической деятельности, так и через совокупность методов, вытекающих из оценки значения отдельных категорий.

На сл. стр. приводится таблица некоторых категорий и соответствующих им методов, способов, отраслей деятельности.

Эта таблица наглядно показывает связь отдельных категорий с теми или иными методами, способами, отраслями человеческой деятельности.

Из нее также видно, что категории явно или неявно действуют, функционируют в мышлении человека, реализуют себя или начали реализовать себя в виде отдельных *осознанных* методов, форм деятельности. Например, категорию случайности люди издавна бессознательно использовали в виде способа проб и ошибок, азартных игр или когда бросали жребий. А теперь они совершенно сознательно кладут ее в основу метода случайного поиска, вероятностно-статистических методов.

Осознанный подход к категориям, к категориальной логике позволит как раз провести своего рода инвентаризацию, классификацию методов и форм деятельности, оценить их достаточность или недостаточность с точки зрения полноты охвата категорий. Из таблицы, например, можно уже сейчас видеть, что одни категории хорошо "представлены" в тех или иных методах, формах деятельности, а другие категории слабо представлены.

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИИ И СООТВЕТСТВУЮЩИХ ИМ МЕТОДОВ И ФОРМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т. д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
СПЕЦИФИЧЕСКОЕ	спецификация
МЕРА	стандартизация, нормативная деятельность, нормирование
КОЛИЧЕСТВО	счет, измерение, вычисление, математический анализ, арифметика, алгебра, математика
ПРОСТРАНСТВО	геометрия, топология
ВРЕМЯ	хронология, хронометрия
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	кинематика (раздел механики)
ПОКОЙ	статика (раздел механики)
ИЗМЕНЕНИЕ	преобразование, трансформация
СОХРАНЕНИЕ	консервация, консервирование, стабилизация, хранение, охрана
РАЗВИТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ	генетический метод, сравнительно-исторический метод, эмбриология, эволюционная биология, историография, философия истории
ПРОТИВОРЕЧИЕ	деловые игры, конкретные ситуации, метод противопоставления, конфликтология и т. д.
ТОЖДЕСТВО РАЗЛИЧИЕ	сравнение (различение — отождествление), идентификация
ПОВЕДЕНИЕ	этология (наука о поведении), этикет
СЛУЧАЙНОСТЬ	путь проб и ошибок, бросание жребия, метод случайного поиска, лотерея
ВЕРОЯТНОСТЬ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	вероятностно-статистические методы, математическая статистика
ЯВЛЕНИЕ, СЛЕДСТВИЕ	описание, наблюдение, эксперимент
ЗАКОН, СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНА	объяснение, понимание, диагностика (техническая, медицинская), этиология
ВОЗМОЖНОСТЬ	прогнозирование, предвидение, футурология
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	методология, теория познания, праксеология
ЦЕЛЬ	планирование, программно-целевой метод
СРЕДСТВО	метод, способ, прием, методика, алгоритм
РЕЗУЛЬТАТ	теория эффективности

17.9. Здравомыслие, здравый смысл (норма в мышлении, нормальное мышление)

Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность. Нормальное мышление, здравомыслие, здравый смысл — это всё чрезвычайно важные понятия, обозначающие мыслительную норму. *Вообще здоровье* характеризует нормальное состояние человеческого организма, а *здравомыслие* — нормальное состояние человеческого мышления.

Могут спросить: в чем разница между здравомыслием и мышлением вообще? Понятие здравомыслия указывает на то, что мышление, как и человек вообще, может быть здоровым, нормальным, а может быть нездоровым, больным, ненормальным, патологическим. Если есть здравомыслие, то есть и ненормальное, болезненное, больное, патологическое мышление. В последнем случае я имею в виду не столько больное мышление в психиатрическом, медицинском смысле, сколько ненормальное мышление, существующее в пределах психического здоровья или на грани психического здоровья и болезни. Психически здоровый человек может мыслить (размышлять, рассуждать), опираясь не на здравый смысл, а на что-то другое, например, подчиняясь воле чувств, предаваясь безудержной фантазии или желая удивить, поразить воображение обывателя.

Здравомыслящее поведение — ядро осмысленного поведения. Осмысленным мы находим все то, что освещено светом разума, мышления. Здравый же смысл мы видим не в том, что является просто осмысленным, а в том, что соответствует нашим представлениям о жизни-здоровье как в масштабах отдельного “я”, так и в масштабах коллективного “я” разных уровней (семьи, коллектива, нации, человечества). Человек, например, может осмысленно (из-за тягот жизни) пойти на самоубийство, но оправдать этот его поступок с позиции здравого смысла никак нельзя. Лишающий себя жизни — тем более лишается здоровья, а это отнюдь не здравое поведение.

Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность, обозначающая границы нормального, здорового мышления,

здравомыслия. Регулирующая роль здравого смысла очевидна. Опираться на здравый смысл — значит держать в узде свое мышление, эмоции, воображение, волю, т. е., с одной стороны, направлять мышление в нужное русло, а, с другой, не позволять ему "растекаться по древу".

Здравомыслие — это когда человек не торопится делать выводы и одновременно не затягивает с выводами, в меру рассудителен и в меру безрассуден, в меру осторожен и в меру смел, в меру верит и в меру не верит, в меру сомневается и в меру не сомневается, в меру надеется и в меру не надеется, в меру боится и в меру не боится.

Здравомыслие — это самооценка в меру, не выше, но и не ниже.

Здравомыслие — это трезвый взгляд на вещи, на жизнь, не через розовые очки, но и не через черные; это взгляд глазами с нормальным зрением, ни опьяняюще-романтический, прекраснодушный, ни цинически-разочаровывающий, мрачный.

Здравомыслящий человек по возможности мыслит логически, не любит парадоксы. Парадоксальное мышление — это либо манерное, либо больное мышление, либо то и другое. В первом случае человек играется, играет в мышление, работает на публику. Ж. Лабрюйер чисто по-французски высмеял такое мышление. "Парадоксальный ум, — говорил он, — относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации". Во втором случае человек находится на грани психического заболевания, его мышление-сознание близко к тому, чтобы быть разорванным, раздвоенным.

С другой стороны, здравомыслящий человек не увлекается логикой до последнего, оставляет место для интуиции, фантазии, полета мысли. Исключительно логично мыслящий человек — рассудочен, нуден в общении (зануда), педант, пунктуалист, действующий как автомат-робот и попадающий от этого обычно впросак.

Здравомыслие — мера во всем, даже в том, чтобы соблюдать меру.

Разница между здравомыслием и здравым смыслом не по содержанию, а в их отнесенности к разным объектам. Здравомыслие, здравая мысль — это непосредственная нормативная

оценка мышления, мысли. Здравый смысл — это опосредованная нормативная оценка мышления, мысли — через оценку того, что человек говорит, делает. Здравый смысл мы ищем не в самом мышлении, а в словах и поступках человека. На это указывают такие выражения: “в том, что он говорит, есть здравый смысл”; “в делах своих, в решениях и предложениях опираться на здравый смысл”; “выступать с позиции здравого смысла”; “он делает так вопреки здравому смыслу”; “противоречит (не противоречит) здравому смыслу”.

К истории вопроса. В. Шаповаловым недавно была предложена такая версия происхождения понятия здравого смысла:

“Понятие здравого смысла восходит к понятию “общее чувство”, впервые разработанному древнегреческим философом Аристотелем (384-382 гг. до н.э.). Аристотель считал, что помимо пяти чувств — зрения, осязания, слуха, вкуса, обоняния — существует еще одно. Его он назвал общим чувством. Этот термин впоследствии был переведен на латинский язык как sensus communis, — откуда он и вошел в европейские языки. Согласно Аристотелю, существуют такие восприятия, которые рассчитаны на прием не одним из пяти чувств отдельно, а всеми. Это, например, фигура, движение или покой, величина и др. Движение мы можем воспринять зрением, осязанием (по создаваемым колебаниям воздуха), слухом и т. д. Общее чувство координирует восприятия отдельных органов чувств. Оно собирает восприятия, общие для всех. Благодаря действию общего чувства, мы воспринимаем не отдельные свойства предмета, а весь предмет целиком. Общее чувство согласует данные отдельных чувств между собой. Оно не дает впасть в крайность или односторонность, — как случилось бы, если бы мы целиком доверились только одному из чувств. Таким образом, общее чувство, в понимании Аристотеля — это основа согласованности и сбалансированности восприятия”[1].

Эта версия, как мне кажется, является несколько узкой и односторонней. Несомненно, аристотелевское “общее чувство” сыграло свою роль в становлении понятия здравого смысла. Но не оно только. Понятия здравомыслия и здравого смысла имеют *свою* историю. И эта история связана скорее с формированием понятий здоровья и мышления (мысли). Во

[1] *Шаповалов В.* Здравый смысл, философия и наука. — В: “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

всяком случае, русский язык указывает на это совершенно недвусмысленно: слова “здравый смысл”, “здравомыслие” соединяют понятия здоровья и мышления, мысли, смысла (последнее понятие, несомненно, является мыслительной категорией, очень близкой по своему значению понятию мысли; “смысл” и “мысль” буквально сливаются в словах “осмысление”, “осмыслить”).

Древние греки, да и другие древние народы задолго до Аристотеля имели достаточно ясное представление о том, что такое здравомыслие, здравый смысл. В псевдоплатоновских “Определениях” мы находим, по крайней мере, три термина, характеризующие с разных сторон указанные понятия. Это прежде всего термин “здравомыслие” (ennoia): “*Здравомыслие* (ennoia) — стройность мысли”. Затем “рассудительность” и “разумность”:

По свидетельству Диогена Лаэртского стоик Гекатон в книге “О добродетелях” утверждал, что “здоровье сосуществует и последует такой умственной добродетели как здравомыслие (sophrosyne), подобно тому, как свод бывает крепок, когда он умело возведен” (VII, 90. С. 274)

В Новое время понятие здравого смысла как бы заново рождается и прежде всего как критерий для отличения разумного от неразумного (иррационального).

Так у *Д. Локка* “здравый смысл” противопоставляется безудержной фантазии, “естественному суеверию”, странным мнениям, нелепым религиозным обрядам, религиозному исступлению, фанатизму.

Д. Локк еще не проводил различия между разумом и здравым смыслом. В самом деле, “разум” и “здравый смысл” — близкие по смыслу понятия и в ряде случаев могут использоваться как синонимы. Между мышлением вообще (а слово “разум” употребляется нередко Локком, да и многими другими философами, именно в этом значении) и здравомыслием не очень большая разница. В своей основе человеческое мышление является здоровым, буквально, здравомыслием. И лишь в некоторых ситуациях оно может давать сбои, быть болезненным, больным, патологическим.

Д. Юм в своих работах часто использовал понятие здравого смысла и именно как нормативную, мерную категорию, с помощью которой человек избегает крайностей в своих суждениях и оценках, старается держаться золотой середины.

Юм вслед за Локком рассматривал здравый смысл как защиту-преграду от иррационалистических измышлений. В одном месте он язвительно замечает:

"Если бы это богословие не выходило за пределы разума и здравого смысла, его доктрины казались бы слишком легкими и общеизвестными. По необходимости приходится возбуждать изумление, прибегать к таинственности, стремиться к темноте и неясности и представлять возможность проявлять свои качества тем благочестивым приверженцам, которые желают воспользоваться случаем, чтобы укротить свой непокорный разум с помощью веры в самые непостижимые софизмы"[1].

В русском языке, как я уже говорил, существует целое семейство слов, словосочетаний, характеризующих в разных аспектах понятие здравого смысла: это и здравомыслие, и здравая мысль, и больной, гнилой смысл, и т. д.

То же мы наблюдаем в английском языке. Это и common sense, и judic iousness (здравомыслие), и gut sens...

Во французском языке здравый смысл звучит как bon sens (буквально: хороший, добрый, благой смысл) — так еще у Декарта в "Рассуждении о методе".

Здравый смысл никоим образом нельзя оценивать как чувство. В основе здравого смысла лежит мысль, мышление. Чувство в двух своих основных значениях — как эмоция и как ощущение — ничего общего с мыслью, мышлением не имеет. В переносном смысле, конечно, возможно употребление слова "чувство" в значении, близком к "мысли", "мышлению" (например, в выражении "у меня такое чувство", которое означает догадку, чутье, наитие). Но переносное значение — слишком нетвердая почва для определения понятий.

Здравым смыслом обладает подавляющее большинство людей. Если человек дожил до взрослого возраста, то он по определению обладает здравым смыслом. Без здравомыслия и

[1] *Юм Д.* Естественная история религии. Гл. XI. — В: Д.Юм. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1996. С. 353.

шагу нельзя сделать во взрослой жизни. Человек нездравомыслящий очень быстро попадает в ситуацию, делающую его больным, инвалидом или даже лишающую его жизни.

Против оценки здравого смысла как действующего лишь в "стенах домашнего обихода". Здравый смысл порой оценивают как нечто сугубо ограниченное, действующее лишь "в стенах" домашнего обихода... Длительное время в нашей стране господствовала точка зрения Ф. Энгельса, отождествлявшая здравый смысл с метафизическим (т.е. антидиалектическим) мышлением. Ф. Энгельс писал:

"Этот (метафизический — *Л.Б.*) способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления, хотя и является правомерным, и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса..." (Анти-Дюринг. Введение)

Это пренебрежение здравым смыслом дорого обошлось нашей стране. Безумные утопические проекты последователей К. Маркса — Ф. Энгельса в России, большевиков-коммунистов, стоили гигантских материальных и людских жертв. Ф. Энгельс был безусловно неправ, когда оценивал здравый смысл столь односторонне. Пренебрежение здравым смыслом — это пренебрежение умственным здоровьем. Ведь здравый смысл — отнюдь не нечто ординарное, обыденное, консервативное. Здравый смысл — *здоровое* мышление! А здоровое мышление, здравомыслие действует везде! И в "стенах домашнего обихода", и в незнакомых ситуациях, и в экстремальных условиях. Руал Амундсен первым дошел до Южного полюса и остался жив. А Роберт Скотт дошел лишь вторым и на обратном пути погиб. Почему? Потому что в действиях

Амундсена было больше здравого смысла, чем в действиях Скотта. Амундсен воспользовался испытанным средством передвижения в полярных странах — собачьими упряжками. Скотт же решил попробовать таких экзотических животных как пони (карликовые лошади).

К сожалению, подобное понимание здравого смысла (как чего-то ординарного) проникает в справочные издания[1].

Большое заблуждение представлять здравый смысл как что-то поверхностное. Здравый смысл нужен и при разработке абстрактных научных теорий, и в глубокомысленных философских рассуждениях. Относительно последних можно даже сказать: нет глубокомыслия там, где нет здравого смысла. А то, что считают глубокомысленным, но противоречащим человеческому здравому смыслу, на самом деле не является таковым. Ведь глубокомыслие путают порой с туманными, неясными, сложными выражениями, рассуждениями.

Здравый смысл бывает ординарным и неординарным. Ординарно здравомыслящий человек может не понять неординарно здравомыслящего. И наоборот, для неординарно здравомыслящих людей ординарное здравомыслие может показаться пресным, скучным, серым.

В любом случае пренебрежительно-уничижительное отношение к здравому смыслу как таковому — симптом нездравомыслия, того, что у человека не всё в порядке с головой.

Пределы здравого смысла. Здравомыслие — фундамент, основа для принятия разумных решений. Как здоровье нужно человеку для полноценной, деятельной жизни, так и здравомыслие нужно ему для полноценного, деятельного мышления.

С другой стороны, здравомыслие необходимо, но недостаточно. Здесь опять можно сравнить его со здоровьем вообще. Здоровье само по себе не гарантирует человеку полноценной, полнокровной жизни. Оно лишь условие, предпосылка такой жизни. Если здоровый человек ведет себя очень скромно, “не хватает звезд с неба” (субъективный фактор) или “в тисках обстоятельств” (объективный фактор), то он не реализует себя

[1] См., например: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 164.

в полной мере как творческое, деятельное существо. Точно так же и здравомыслие. Оно лишь условие, предпосылка для творческого мышления, для полета мысли. Оно отнюдь не гарантирует принятие разумных решений, не защищает в полной мере человека от ошибок.

Можно продолжить аналогию здравомыслия со здоровьем. Как здоровье не бывает абсолютным, идеальным (а лишь практическим), так и здравомыслие не бывает идеальным. Абсолютно здравомыслящих людей не бывает!

Разнокачественность и разноколичественность здравомыслия. Далее, как здоровье разное у разных людей, индивидуализировано и типологизировано, так и здравомыслие разное у разномыслящих людей, индивидуализировано и типологизировано. Говорят о разном качестве и разном количестве здоровья. Точно также можно говорить о разном качестве и количестве здравомыслия.

Разнокачественность здравомыслия обнаруживается прежде всего в следующем. У одного человека оно *логически* ориентировано (хороший "логик"), у другого — *интуитивно* ориентировано (с хорошей интуицией), у третьего — одинаково (сильно, средне, слабо) выражены логическая и интуитивная составляющие мышления. Сравните: здоровье Аполлона и здоровье Геркулеса, здоровье крестьянина и здоровье горожанина.

Далее, разнокачественность здравомыслия выражается в различном соотношении *конструктивной* (позитивной, утвердительной) и *критической* (скептической) составляющих мышления. У одних здравомыслящих людей больше выражена конструктивная (утвердительная) составляющая мышления, а у других — критическая, скептическая составляющая мышления. Конечно, при нарушении баланса конструктивного и критического мышления мы можем наблюдать нездравомыслие: в одном случае догматизм, легковерие, фанатизм, в другом — всеразрушающий скептицизм, недоверчивость, болезненная мнительность.

(Когда говорят о здоровом скептицизме, то имеют в виду, что человек, с одной стороны, не догматик, не фанатик, а, с другой, в меру скептичен, не злоупотребляет скепсисом).

Разноколичественность здравомыслия выражается в том, что один человек в большей степени здравомыслящ, другой — в меньшей. Сравните: крепкое и слабое здоровье.

Далее, один и тот же человек может быть здравомыслящим в решении относительно простых задач, касающихся, например, быта, удовлетворения органических потребностей, и нездравомыслящим при решении сложных задач, требующих от человека широты мышления, обширных познаний. Верующий-фанатик может нормально мыслить в пределах своего дома, семьи, хозяйства и патологически мыслить в более широком контексте социального поведения, например, делая выбор в пользу террора, убийства, самоубийства и т. п.

Здравомыслие можно развивать и корректировать. Здравомыслие не является чем-то данным от природы, от бога. Это — развивающаяся категория. Оно может развиваться и само по себе, и в результате сознательных усилий.

Естественным образом здравомыслие развивается по мере взросления человека. Здравомыслие ребенка весьма ограничено, неразвито, буквально является комнатно-домашним. Такого здравомыслия не хватает для того, чтобы вести самостоятельную жизнь. Здравомыслие взрослого человека — это *развитое* здравомыслие. Благодаря ему взрослый человек *способен* к самостоятельной жизни.

В свою очередь, у взрослых людей здравомыслие может быть развито в большей или меньшей степени и в разных направлениях. У всех взрослых имеется некоторое базовое здравомыслие (как основной обмен веществ в организме). Над ним надстраиваются и развиваются специализированные здравомыслия — в зависимости от того или иного вида профессиональной деятельности. Здравомыслие философа — одно, здравомыслие ученого — другое, здравомыслие художника — третье, здравомыслие политического деятеля — четвертое и т. д. Очень разнятся между собой здравомыслие крестьянина и горожанина.

Здравомыслие нуждается в постоянной подпитке и тренировке. Оно уменьшается как шагреневая кожа, если человек бездействует, не эксплуатирует свой мозг. Для здравомыслия

нужен труд мысли! Вместе с тем, чем образованнее и культурнее человек, тем при прочих равных условиях развитее его здравомыслие.

Нездравомыслие, больной смысл (non compos mentis (лат.) — не в здравом уме). Как помимо здоровых людей есть много болеющих, больных, инвалидов, так и помимо здравомыслящих есть много людей с болезненным, больным или даже инвалидным мышлением. Мыслительные патологии также многообразны, как многообразно здравомыслие. В количественном плане патологическое мышление можно подразделить на болезненное, больное и инвалидное. В качественном плане патологическое мышление можно подразделить на догматическое и сверхкритическое, сверхлогическое (рационалистическое) и сверхинтуитивное (иррационалистическое).

Пример иррационального мышления — мистическое умонастроение.

Нездравомыслие не всегда бывает выражено явно. Порой его трудно распознать. Человек может обладать литературным талантом, красно говорить и при этом источать ядовитые мысли. Известен также феномен ложной мудрости.

Говорят: рыба гниет с головы. Последствия от нездравомыслия бывают весьма печальные. В наше время, когда взаимовлияние людей значительно усилилось, нездравомыслие отдельных философов, писателей, политиков может быть губительным для многих людей, чревато негативными социальными последствиями...

Отслеживать, изучать, изобличать различные формы больного мышления и, напротив, развивать, пропагандировать философию здравого смысла — двуединая задача, от решения которой зависит судьба человечества.

Как мы думаем, так и живем

«Горе от ума» — так называлась знаменитая пьеса А. С. Грибоедова. Еще говорят: «рыба с головы гниет». И в самом деле, ум — главноуправляющий поведением человека; в качестве такового он несет основную долю ответственности за это поведение. И радость от ума, и горе от ума. **Наша жизнь зависит от качества и направления наших мыслей. Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем — лучше живем.**

Что значит лучше думать?

1. Лучше думать — это значит соблюдать баланс между логикой и интуицией.

По возможности мыслить логически, не скачками и озарениями, а анализом и рассуждением.

С другой стороны, развивать интуицию, богатство воображения, полет фантазии.

2. Лучше думать — это значит научиться управлять своими мыслями.

3. Лучше думать — это значит настраивать себя на хорошее и лучшее, быть оптимистом.

4. Лучше думать — это значит ничего не принимать на веру и не отвергать с порога, в меру сомневаться и в меру верить-доверять.

Глава 18. Творчество

18.1. Жизнедеятельность

Жизнь в целом включает в себя все виды деятельности. Жизнь современного человека, как правило, раздваивается на общую жизнедеятельность и специализированные виды деятельности. К последним относятся различные виды профессиональной или любительской деятельности. О них речь пойдет в следующих разделах.

Общая жизнедеятельность достаточно синкретична и целостна. Это то, что обычно называют житейской жизнью или обычной, повседневной жизнью. В ней познание и практика не разделяются. Человек в обычной жизни ведет себя просто как живое существо, одновременно как познающее и практически действующее. Он ест, пьет, двигается, одевается, раздевается, бодрствует, спит, слушает, смотрит, нюхает, обоняет, отправляет естественные надобности, ухаживает за собой, ведет хозяйство, общается, заботится о ком-то, чувствует, переживает и т. д.

18.2. Сущность творчества

Творчество — деятельность, приводящая к открытию или созданию нового:

– к новому знанию в случае познания-открытия

– к новому благу в случае изобретения

– к новой красоте, эстетике в случае художественной деятельности

– к новым достижениям в спорте.

Как видим, новое в творчестве — не вообще новое, не любое новое, а новое, имеющее то или иное положительное значение для человека. Исходя из этого следует выделить три аспекта творчества:

1. Творчество как создание духовных и материальных ценностей — ценностный (аксиологический) аспект.

2. Творчество как создание или открытие нового, небывалого — эвристический аспект.

3. Творчество как самовыражение, самоутверждение и самосовершенствование человека — гуманистический аспект.

Основные элементы всякого творчества: ***вдохновение*** *и* ***труд***.

Вдохновение — настрой на творчество, творческое горение. По А. С. Пушкину «вдохновение есть живое расположение души к творчеству».

С другой стороны, одного расположения души к творчеству мало. Эдисон утверждал, что гений составляет один процент вдохновения и 99 процентов пота.

Творчество имеет много общего с игрой. Можно даже сказать: в основе всякого творчества лежит игровая деятельность. Однако творчество нельзя изображать только как игру. Оно, во-первых, так же серьезно, целенаправленно, как и труд. Творческий труд — необходимый элемент творческого процесса.

Во-вторых, во всяком творчестве присутствует то, что характерно для отдыха — некоторая бесцельность, рассредоточенность, расслабленность, наслаждение. Творчество не просто является промежуточным звеном между трудом и отдыхом, а органически связывает их, включая их в себя. Труд и отдых в творчестве не перемежаются, а опосредствует друг друга. В самом существе творческого труда лежит вдохновение. Последнее создает особую атмосферу творчества — приподнятость, горение, радость, раскованность, чувство полета. И отдых творческого человека — это, по существу, не отдых, а деятельный труд мысли, чувства, воли. Нередко именно во время отдыха открывают или изобретают новое.

Интересен спор между теми, кто понимает творчество как терпение, и теми, кто понимает его как вдохновение. Лев Толстой, например, любил изречение Бюффона “Гений — это терпение”. С другой стороны, В. Г. Белинский писал: “Гений не есть, как сказал Бюффон, терпение в высочайшей степени, потому что терпение есть добродетель посредственности”.

И каждый по-своему прав. Творчество — это и терпение, и вдохновение, и труд, и наслаждение, и “муки творчества” и “радость творчества”. Ш. Фурье как-то сказал: “Мораль приказывает нам любить труд, но пусть она сумеет сначала сделать его приятным”. В этом пожелании Ш. Фурье выражено извечное стремление человека не просто к труду, а к творческой деятельности, соединяющей полезное и приятное, труд и отдых, наслаждение. Ведь именно творчество делает труд приятным. И именно творчество составляет сущность человеческой деятельности.

Талант и гений

Творческий человек проходит такой путь формирования и развития своих способностей:

задаток → способность → талант → гений

Задаток — возможность появления той или иной способности. Он, как правило, генетически предопределен. Не всякий задаток превращается в способность. Для этого нужна не только генетика, но и благоприятные почва-среда-обстоятельства.

Способность — психофизиологическое средство деятельности. Например, способность к передвижению (ходьбе, бегу), конкретно способность двигать ногами соответствующим образом.

Творческая способность — способность открывать или созидать что-то новое, нужное людям.

Дар — случайная составляющая способности, таланта, гения, то что дается человеку от рождения и в силу стечения обстоятельств. Еще говорят, дар — подарок судьбы. Дар — то, что человек якобы не заслужил своим трудом-деятельностью, а получил готовым от своих родителей, учителей, в силу случайного стечения обстоятельств.

Даром называют также необычную способность к чему-либо, якобы случайную по своему происхождению, не полученную человеком в результате труда, учения, опыта, а данную ему “от бога”. В таком случае говорят об одаренности, даровитости.

Призвание — расположение к творчеству.

Талант — просто творческая способность.

Гений — высшая творческая способность

Таланты, во-первых, развивают то, что создается гениями и, во-вторых, подготавливают почву для появления новых гениев. Иными словами, талант — творец нового, но это новое — детализация, конкретизация, развитие того, что уже создано гением или намек, провозвестник того, что будет создано гением.

Таланты — творческие эволюционеры, субъекты творческой эволюции. Они бывают разной степени: большей или меньшей (просто талант — большой талант). И разных видов (по качеству).

Гений — творческий революционер; он создает не просто новое, а небывалое, что существенным образом меняет жизнь человека.

Как соотносятся гений и злодейство, могут ли гении быть злыми? А. С. Пушкин был безусловно прав, когда утверждал, что гений и злодейство — «две вещи несовместные». В самом деле, что такое гений? Это творческая, а, значит, созидательная, конструктивная способность. Злодейство же, любое злодейство — это, безусловно, разрушительное, деструктивное деяние. Гений не разрушает, а созидает. Зло не созидает, а разрушает. Не случайно то, что литературные образы-символы зла — гётевский Мефистофель и лермонтовский Демон — несли с собой смерть и разрушение. В частности, Мефистофель погубил Маргариту, а Демон — Тамару.

Существуют разные виды творчества:

- познание, познавательная деятельность;
- практическое творчество (управление, обучение, изобретение);
- игра, игровая деятельность (художественное творчество и спортивная деятельность).

Особым видом творчества является родительский труд, воспроизводство человека, животворчество. Он включает в себя все вышеуказанные виды творчества.

18.3. Познание

Познание — движение, переход от незнания к знанию, от меньшего знания к большему знанию.

Противоположности, в которых движется познание:

истина ↔ ложь
знание ↔ заблуждение
известное ↔ неизвестное

В познавательной деятельности центральным является понятие истины. Истина — соответствие наших мыслей объективной реальности. Знание — мысль, соответствующая объективной реальности, адекватно отображающая ее.

Рис. 30

Кроме указанных элементов познания существуют еще теневые категории: незнание, заблуждение, ложь.

Рядом дана диаграмма “Соотношение знания, незнания, заблуждения и истины, неистины, лжи” (рис. 30).

Соотношение истины и знания таково: истина — цель познания; знание — результат познания. Истина — то, что ищут. Знание — то, что получают.

Предположение, гипотеза — то, что лежит на полпути между незнанием и знанием.

Истина — это знание в возможности, знание как цель.

Знание — это действительность истины, истина как результат.

Как только мы устанавливаем истину, она тут же становится знанием. Истина, перешедшая в знание, уже не истина. В знании она умирает, как в действительности умирает перешедшая в нее, реализовавшаяся возможность.

Знание и заблуждение

Знание — мысль, соответствующая действительности, истинная мысль. Противоположностью знания является заблуждение.

Заблуждение — представление, не соответствующее действительности, ложное представление. Это — незнание, выдаваемое, принимаемое за знание; ложное представление, выдаваемое, принимаемое за истинное.

Предрассудок — заблуждение, принимаемое без рассуждения, до всякого рассуждения, на веру.

Итак, в нашем сознании помимо знания содержится много такого, что можно оценить как *незнание, выдаваемое за знание*. Как природа не терпит пустоты, так и ум человеческий не терпит отсутствия знания. Он стремится к полноте знания. Поскольку знать всё невозможно, а **хочется**, то вольно или невольно человек начинает в ситуации, когда он не знает, выдумывать, воображать некое псевдознание. Так возникает заблуждение.

Никто не застрахован от заблуждений. Поэтому познание — это не только движение от незнания к знанию или от менее полного к более полному знанию, но и процесс освобождения от заблуждений, движение от заблуждения к знанию.

Единственная сфера, в которой с заблуждениями борются осознанно — это наука. Очень редко, когда ученые упорствуют в заблуждениях, поскольку сама наука чистит себя, активно очищается от заблуждений. **Ученый в той мере ученый, в какой он самокритичен, свободен от заблуждений**. Из всех видов человеческой деятельности наука наиболее объективна и беспристрастна. Некоторые, выдающие себя за ученых (астрологи, парапсихологи, уфологи и т. п.), на самом деле псевдоученые, поскольку они часто незнание выдают за знание, т. е. в большой степени подвержены заблуждению.

Заблуждение

Итак, в нашем сознании помимо знания содержится много такого, что можно оценить как *незнание, выдаваемое-принимаемое за знание*. «Незнание — еще не порок — говорил Ж.-Ж. Руссо. — Порочно лишь заблуждение. Заблуждаются же люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими».

Почему же люди вновь и вновь попадают в сети самообма-

на? Как природа не терпит пустоты, так и ум человеческий не терпит отсутствия знания. Он стремится к полноте знания. Поскольку знать всё невозможно, а **хочется**, то вольно или невольно человек начинает в ситуации, когда он не знает, выдумывать, воображать-добывать некое псевдознание. Так возникает заблуждение.

Это одна причина возникновения заблуждений. Другая: человек действует, ищет и, соответственно, блуждает, т. е. тыкается туда-сюда и это блуждание-тыкание приводит порой к заблуждению. Перефразируя известное древнеримское изречение, можно сказать: "человеку свойственно заблуждаться". Заблуждение — это ошибка познания, которую человек не сознает.

Истина и ложь

Иногда истину сопоставляют с заблуждением. Это неверно. Противоположностью истины является ложь, истинного — ложное.

Истина — соответствие наших мыслей объективной реальности. Ложь — несоответствие наших мыслей объективной реальности. Еще Платон писал: "...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе — лжет"[1].

Движение к истине состоит, по крайней мере, из двух этапов: поиска и установления истины.

Поиск истины начинается обычно с вопроса "что есть истина?" Этот вопрос возникает тогда, когда человек сопоставляет разные мнения-представления об одном и том же или начинает сомневаться в истинности того или иного мнения-представления.

Установление истины — акт перехода от незнания к знанию, в частном случае, от заблуждения к знанию. В последнем случае говорят о прозрении.

[1] *Платон*. Кратил. 385b // Собр. соч. в 4 т.: Т. 1. М., 1990.

Ложь во спасение

«Во имя нравственных максим Фихте готов был растоптать живую жизнь. Близкий романтикам Генрик Стеффенс рассказывает о своем столкновении с философом по поводу абсолютного запрета говорить неправду. Он привел Фихте такой пример: роженица опасно больна, а ее ребенок умирает в соседней комнате, любое потрясение будет стоить ей жизни. Ребенок умер; вы сидите у ее постели, и она спрашивает вас о состоянии младенца, правда убьет ее, что вам следует ответить? «Вопрос должен остаться без ответа», — сказал Фихте. «Это равносильно тому, — возразил Стеффенс, чтобы сказать: дитя нет в живых. Я предпочту сказать неправду и назову эту ложь правдой, моей правдой». На это Фихте закричал в возмущении: «Такой правды, которая принадлежала бы единичному человеку, не существует, не ты повелеваешь ей, а она тобой. Если женщина умрет, узнав истину, то она должна умереть». Стеффенс почувствовал, что им не понять друг друга»[1].

Фихте, как истинный идеалист, предпочитал идеальное материальному, общее единичному (отдельному, частному). Соответственно, он готов пожертвовать единичным ради общего, отдельным случаем обмана (во имя спасения) ради общего правила «не лгать», запрета говорить неправду.

Или другой пример, который находим в романе К. Симонова «Живые и мертвые»: полковник Баранов повел себя на войне как трус и покончил с собой. К генералу Серпилину приходит вдова Баранова, просит сообщить подробности смерти мужа. Узнав, что сын Барановой идёт добровольцем мстить за отца, Серпилин говорит, что её муж пал смертью храбрых, хотя на самом деле покойный застрелился во время выхода из окружения под Могилёвом: «Снова сделав над собой усилие, он сказал это не столько для нее, сколько для ее сына, которому она будет писать на фронт».

Правда

Правда — это истина, которая выражает или затрагивает чьи-либо интересы, иными словами, это истина-ценность. Ес-

[1] *Гулыга А.* Шеллинг. М., 1984. С. 72.

ли правда соответствует интересам (является положительной истиной-ценностью), то за нее борются, ее отстаивают, защищают, распространяют. Если она противоречит интересам (является отрицательной истиной-ценностью), то против нее борются, ее пытаются скрыть, утаить или извратить, исказить.

Замечательные слова о правде сказал Н. К. Михайловский: «всякий раз, как приходит мне в голову слово "правда", я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда-истина и правда-справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. Правда, — в этом огромном смысле слова, — всегда составляла цель моих исканий. Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению в правде-истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную, — такова задача всей моей жизни... Все меня занимало исключительно с точки зрения великой двуединой правды».

Своеобразный аспект в феномене правды отметил писатель В. М. Шукшин: «И в приступе дурной правды он сказал ему, что его жена живет с агрономом». Видите, оказывается, бывает «дурная правда» как бывает «ложь во спасение». Правда со знаком минус и ложь со знаком плюс...

Или вот еще один аспект: «Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна» (У. Блейк). — Действительно, правда-матка — не всегда благо.

Знание и ценность

Знание нельзя рассматривать как абсолютную ценность.

Во-первых, не всякое знание полезно и, более того, оно может быть вредным. Вот что говорил по этому поводу *Сократ*: «…обладание прочими знаниями без знания того, что является наилучшим, по-видимому, редко приносит пользу, большей же частью вредит тому, кто владеет такими знаниями. [...] Поэтому нужно, чтобы и государство, и душа, желающие правильно жить, держались этого знания — совершенно так же, как должен больной держаться врача или чело-

век, желающий совершить безопасное плавание, — кормчего.» (См.: Платон. Алкивиад II).

О вредности иного знания говорят такие поговорки: «Меньше знаешь — лучше спишь» или «Доброе неведение лучше худого знания».

В кинофильме «Моя любовь» (СССР, 1940-й год) — очень поучительная история с усыновленным ребенком сестры… Девушка столкнулась с тем, что она должна была усыновить полуторагодовалого ребенка своей умершей сестры, притом, что она по совету врача никому не должна была говорить, что это не ее ребенок, даже своему возлюбленному. В итоге возлюбленный стал выяснять, откуда ребенок и этим погубил свою любовь. Его друг, также любивший девушку, не раздумывая, стал помогать ей в уходе за ребенком. Он готов был принять ее с этим ребенком, не спрашивая, откуда ребенок. Вот пример того, как поиск истины может быть не во благо, а во зло, и, наоборот, благом является сохранение тайны.

Знание само по себе ничего не значит. Это просто информация о чем-либо. Ей можно придать значение, а можно и не придать. Она может играть какую-то роль в принятии решений, а может не играть. Например, США знали о предстоящих террористических актах 11 сентября 2001 г., но не придали значения этой информации. 14 сент. 2001 г. поступило сообщение из Германии, что некий заключенный, иранец звонил в ФБР США в начале сентября и сообщил о готовящихся терактах. Но там не придали значения этому сообщению, посчитав иранца сумасшедшим. (Об атаке террористов на Международный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне 11 сентября).

Во-вторых, нужно помнить: познание — лишь один из видов человеческой деятельности, лишь часть жизни и в качестве таковой его нужно соразмерять с другими частями жизни и с жизнью в целом. Знание как цель познания не обладает абсолютной ценностью, т. е. ради достижения знания не все средства хороши. Иными словами, в отношении знания действует общий принцип: цель не оправдывает средства.

Например, ради познания неоправданны моральные издержки. Так, достойны осуждения якобы научные опыты на-

цистских врачей в лагерях смерти и японских «специалистов», испытывавших действие отравляющих газов в лагерях военнопленных.

Примеры ненужности и вредности знания:

1. В СМИ сообщают в неумеренных дозах негативную информацию, которая настраивает людей на отрицательное отношение к миру и жизни (всё плохо, всё рушится, мир полон зла) или просто травмирует психику людей (показывая и смакуя сцены насилия, убийства, гибели людей). Например, в новостных программах (радио, телевидение) информация о стихийных бедствиях, катастрофах, преступлениях, авариях, несчастных случаях и т. п. негативных явлениях жизни явно преобладает над позитивной информацией. Возникла даже циничная сентенция по этому поводу: "журналисты любят плохие новости".

2. В СМИ практически в ультимативном порядке людей заставляют смотреть и слушать рекламу, которая большей частью не нужна людям (я, например, не собираюсь покупать дорогой автомобиль, жилплощадь, женские прокладки, всевозможные лекарства, БАДы и т. п., но я вынужден воспринимать рекламу всего этого, поскольку в противном случае лишаюсь возможности смотреть и слушать то, что мне хочется). Во-первых, эта принудительная реклама замусоривает мозг людей ненужной информацией, а, во-вторых, она часто вредна (например, реклама лекарств и БАДов) или опасна, ориентируя на ценности сомнительного свойства (потребительство, шопомания, гедонизм). Кроме того, сам факт прерывания рекламой целостных программ, фильмов делает нас поголовно невротиками (куда смотрит психиатрическая служба России?!).

3. Или всё более широко применяемая система тестирования для оценки уровня подготовки учащихся (студентов). Например, ЕГЭ. Эта система предполагает угадывание правильного ответа из четырех-пяти предлагаемых вариантов ответа. Получается, 3-4 варианта ответа являются неправильными, ложными. А что это означает по сути? — Нам сообщают ненужную, мусорную информацию. Мы большей частью ее отвергаем, выбирая правильный ответ. Но всё равно наш мозг как губка впитывает эту ненужную информацию и она так или иначе оказывает влияние на наше мышление и поведение.

В теории информации есть такая интересная, животрепещущая проблема — информационный шум. С ним борются, его пы-

таются минимизировать. А тут, в этих тестах нас буквально заваливают кучами информационного мусора-шума.

4. О вредности некоторых книг говорил еще в середине XVIII века английский писатель-романист Генри Филдинг (1707 - 1754): «Дурные книги могут так же испортить нас, как и дурные товарищи».

Дурными могут быть не только книги, но и фильмы, театральные постановки, картины, скульптуры, песни…

Сведение, информация

Сведение — отображение/описание/объяснение/знание, подготавливаемое для передачи другому, передаваемое другому или получаемое от других. Информация (от лат. informatio — ознакомление, разъяснение) — первоначально то же, что и сведение. В связи с развитием в последние десятилетия кибернетики, информатики, информационной техники понятие информации наполнилось новым смыслом. Теперь информация понимается как сведение, которое можно перевести на язык машины. Информация неотделима от процессов управления. Это значит, что она не является свойством всех материальных образований. Смысл информа-ции имеет лишь то, что служит целям управления. Вне процессов управления нет информации. А управление мы видим лишь в живой природе и человеческом обществе.

Следует отметить, что в связи с бурным развитием информационной техники и технологии у некоторой части специалистов, ученых и философов возникло **преувеличенное** представление о значении информации в жизни людей. Стали создаваться наукообразные и околонаучные теории, в которых пытаются с помощью понятия информации объяснить всё и вся. Духовное, идеальное, оказывается, имеет информационную природу. Мышление — всего лишь некоторый процесс переработки информации. А нынешнее общество оценивается без тени сомнения как информационное.

Я рассматриваю такое состояние умов как информационный идеализм-редукционизм. Он ничем не лучше вульгарного материализма Бюхнера, Фогта, Молешотта, гносеологического идеализма кантианцев, энергетизма В. Освальда.

Описание

Описание — фиксация, констатация, протокольная запись данных опыта (наблюдения и/или эксперимента).

Истолкование, интерпретация, объяснение

Истолкование, интерпретация — совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо данным (явлениям, сведениям, текстам, картинам).

Объяснение — истолкование, призванное установить истину. Объяснить — значит пролить свет на то, что является непонятным, загадочным, запутанным. Не всегда объяснение достигает цели, т. е. бывают ложные объяснения или объяснения, вводящие в заблуждение.

Понимание

Понимание — род знания, знание того, что скрыто от непосредственного взгляда, восприятия, что требует для своего обнаружения “шевеления мозгами”. Для понимания всегда нужен труд мысли.

Иногда понимание противопоставляется знанию. В романе Вениамина Каверина "Два капитана" один мальчик говорит другому (Сане Григорьеву): " — Знаешь, что это такое, невеста? — Знаю (Саня) — Знаешь, да не понимаешь". В самом деле, знание бывает формальным, поверхностным, знанием явления (а не сущности). Понимание — это всегда проникновение в суть явления.

Первичное и вторичное знание

1. Первичное знание — знание, получаемое впервые, в процессе познания.

Оно существует в двух видах:

1) вненаучное знание;

2) научное знание.

2. Вторичное знание, получаемое одним человеком от другого, других в учебном-образовательном процессе.

Вторичное знание существует в трех видах:

1) вторичное знание как эхо первичного знания;

2) вторичное знание как эхо прикладного (технического, медицинского, педагогического, юридического и т. п.) знания;

3) вторичное знание как знание продуктов умственной, духовной деятельности (философское знание, богословское знание, знание художественной литературы и т. п.).

Именно недостаток вторичного знания порождает феномен, именуемый **невежеством**. Невежественный — это человек, который не знает то, что знают другие-многие.

Этапы познания

1) Постановка цели-задачи. Человек, во-первых, обнаруживает, что он что-то не знает и это незнание беспокоит его или мешает ему в его деятельности. Во-вторых, эту познавательную проблему он не просто осознает, а формулирует в виде задачи: ставит перед собой задачу устранить эту проблему, т. е. узнать то, что он не знает.

На этой стадии ставится задача найти истину.

Конкретно поиск истины человек начинает с того момента, когда он убеждается, что прежнее объяснение сомнительно, ложно или противоречиво, т. е. существуют разные, исключающие друг друга предположения-версии, объясняющие одно и то же. Иными словами, человек начинает искать истину в ситуации, когда он знает или подозревает ложь, ложное мнение.

Истину человек находит тогда, когда в массе сведений и мнений он отыскивает единственно верное.

2) Решение познавательной задачи. На этой стадии формулируется идея, на ее базе строится гипотеза, а из гипотезы выводятся следствия, которые должны быть подтверждены фактами в результате наблюдений и экспериментов.

18.4. Индивидуальное и коллективное познание

Индивидуальное познание отчасти входит в индивидуальный вненаучный опыт человека, а отчасти — в коллективное (научное) познание, если субъект индивидуального познания

принадлежит к сообществу ученых, деятелей науки. Во втором случае индивидуальное познание подчиняется стандартам научной деятельности.

Индивидуальное познание первого рода (вненаучное познание) может существовать как вместе с индивидуальной научной деятельностью, так и самостоятельно, если человек не занимается научной деятельностью. Это индивидуальное познание как правило неотделимо от остального индивидуального опыта жизни-деятельности человека, вплетено в ткань этого опыта. Индивидуальный опыт человека — нечто, включающее в себя и элементы познания, и элементы игровой (художественной, спортивной) деятельности, и элементы управления-преобразования. Если в науке человек выдвигает и проверяет *гипотезы-теории*, то во вненаучном индивидуальном познании он выдвигает и проверяет *предположения*.

Наука — форма коллективного познания, ставшая специальной областью человеческой деятельности. Она возникла в результате разделения человеческой деятельности на познавательную, художественную, управляюще-преобразовательную и другие. Одни люди стали заниматься по преимуществу познанием, другие — по преимуществу управлением-преобразованием и т. д.

Человек, занимающийся научной деятельностью, является не просто познающим субъектом, а ученым, деятелем науки, субъектом *научно*-познавательной деятельности. Он вольно или невольно сообразует свои познавательные устремления-средства с познавательными устремлениями-средствами других ученых.

18.5. Формы индивидуального познания

Индивидуальное познание осуществляется в форме ощущений, восприятий и представлений. Они — психические формы отражения реальности или, как еще говорят, чувственные формы познания.

Ощущение — отражение отдельных свойств, признаков предметов.

Восприятие — целостное отражение предметов и их отношений.

Представление — обобщенное отражение предметов, их признаков и отношений, основанное на сопоставлении во времени разных восприятий и ощущений.

Различие между ними, как в математике — между точкой, линией и плоскостью или между первым измерением (линией), вторым измерением (плоскостью), третьим измерением (объемом-телом).

Нужно помнить, что указанные формы чувственности могут искаженно отражать реальность. Именно в таких случаях говорят о видимости, кажимости, о миражах, фантомах, галлюцинациях, видениях.

Насколько сложно осмысление ощущений и восприятий как форм познания, можно видеть на таком примере*: оазис в пустыне* — мираж или реальность? Когда человек видит оазис, то он задается вопросом, что это: мираж, видимость, кажимость или реальность? Если он заранее знает, что в этом месте не может быть оазиса, то оценивает свое восприятие оазиса как мираж, иллюзию зрения. Если он заранее знает, что в этом месте должен находиться оазис, то оценивает свое восприятие оазиса как истинное свидетельство существования оазиса в данном месте. Если он заранее не знает, должен быть в этом месте оазис или нет, то он оценивает свое восприятие оазиса в зависимости от того, знает ли он что-нибудь о миражах в пустыне или нет. Если он не знает о возможности миражей, то примет вид***е***ние оазиса за истину. Если он заранее знает о возможности миражей, то скорее всего задастся вопросом: оазис в этом месте — мираж или реальность? То есть займет позицию сомневающегося, признающего равновероятность истины и лжи.

Одним словом, ощущения, восприятия, представления являются в той мере формами познания, в какой они содержат элементы знания, т. е. адекватно отражают реальность. Иными словами, ни ощущение, ни восприятие, ни представление не дают автоматически знания. Последнее — форма *мысли*, *осмысление* ощущений, восприятий, представлений как соответствующих реальности, адекватно отображающих ее.

18.6. Наука (коллективное познание)

В науке в наибольшей степени выражено стремление человека к познанию. Современная наука — конгломерат различных дисциплин. Их можно условно разделить на естественные, гуманитарные, математические, прикладные (технические, медицинские, сельскохозяйственные, педагогические) науки.

Как и всякая форма коллективной деятельности наука структурирована и ее структурированность выражается прежде всего в том, что она представляет собой единство теории и эмпирии.

Теория — система знаний, форма науки

Эмпирия — накопление знаний, содержание науки, наблюдение и/или эксперимент.

В соответствии с этим делением науки следует различать теоретические и эмпирические знания.

Теоретическое знание — знание закона (закон науки, принцип)/

Эмпирическое знание — знание явления (факт).

Теоретическое знание объясняет, что происходит.

Эмпирическое знание описывает, что происходит.

Теория — *объяснение* и *предсказание*, эмпирия — *описание*. В целом они нацеливают человека на *понимание* того, что происходит.

Теория и эмпирия взаимозависимы. На зависимость эмпирии от теории указывали А. Эйнштейн («Лишь теория решает, что мы ухитряемся наблюдать!») и И. П. Павлов («Если не имеешь в голове идей, то не увидишь фактов»). О зависимости теории от эмпирии свидетельствуют два крылатых выражения: «факты — упрямая вещь» и «факты — воздух науки».

Взаимодействие между теорией и эмпирией осуществляется благодаря гипотезе (положительная связь) и критике (отрицательная связь).

Ниже приводится структурная схема науки (рис. 31).

Гипотеза осуществляет положительную связь теории и эмпирии (когда теория и эмпирия предполагают друг друга).

Теоретическая гипотеза — когда теория предполагает эмпирию.

Рис. 31

Эмпирическая гипотеза — когда эмпирия предполагает теорию.

Критика осуществляет отрицательную связь (когда теория и эмпирия отрицают друг друга).

Теоретическая критика — когда теория отрицает или поправляет эмпирию. Пример: Д. И. Менделеев на основе своей периодической системы химических элементов указал на ряд неточностей в эмпирической оценке некоторых элементов.

Эмпирическая критика — когда эмпирия отрицает или поправляет теорию. Пример: наблюдения над движением Меркурия вокруг Солнца показали, что существуют расхождения между реальным движением Меркурия и теоретическими расчетами орбиты этой планеты, основанными на законах ньютоновской механики. Эта эмпирическая критика выявила недостаточность старой физической теории в объяснении некоторых астрофизических явлений.

Гипотеза и критика не исключают в абсолютном смысле друг друга. Гипотеза, как правило, ставит что-то под сомнение, а критика опирается на гипотезу.

Существует ошибочное мнение, что в познании мы движемся от явлений к открытию законов и закономерностей. На самом деле, движение от явлений к законам и от законов к явлениям обоюдно. В этой связи можно говорить о двух типах научных открытий:

— открытия явлений (например, инфракрасного и ультрафиолетового излучений, неизвестных ранее небесных тел);

— открытия законов и закономерностей.

Гипотеза

Необходимой формой перехода от незнания к знанию в любой области науки является гипотеза.

Гипотеза — форма развития знаний, представляющая собой обоснованное предположение либо о закономерном порядке, других существенных связях между явлениями, либо о существовании какого-либо явления, свойства, эффекта и т. п.

При выдвижении и построении гипотез пользуются аналогией, индукцией и дедукцией.

Построение гипотезы сопровождается выдвижением *предположения*, которое является логической сердцевиной гипотезы и формулируется в виде отдельного суждения или системы взаимосвязанных суждений о закономерных связях явлений или отдельных явлениях. Выраженное в предположении суждение всегда имеет ослабленную эпистемическую модальность, является проблематичным суждением, в котором содержится лишь вероятный ответ.

Возникающее при построении гипотезы предположение рождается в результате попытки решить познавательную задачу на основе анализа всех ее условий.

Важную роль в возникновении гипотезы играет *интуиция*. Однако научная гипотеза — это не просто догадка, фантазия или допущение, а опирающееся на конкретные материалы, и тем самым *обоснованное* предположение.

Таким образом, любая гипотеза имеет исходные данные, или *основания*, и конечный результат — *предположение*. Она включает также обработку исходных данных и логический переход к предположению. Завершающий этап познания — *проверка* гипотезы, превращающая предположение в достоверное знание или опровергающая его.

Виды гипотез. Гипотезы бывают описательными и объяснительными, эмпирическими и теоретическими, общими, частными и единичными.

Эмпирическая гипотеза — предположение, основанное на осмыслении (в частном случае: обобщении) фактов; она ведет от эмпирии к теории. Примером такой гипотезы является планетарная модель атома, выдвинутая Резерфордом в 1911 году на основе наблюдений над рассеянием альфа-частиц в веще-

стве (лишь одна из 8000 альфа-частиц возвращалась назад, что свидетельствовало о наличии очень небольшого ядра внутри атома).

Теоретическая гипотеза — предположение, основанное на сопоставлении фактов и некоторых общих представлений (образно говоря, открытие, сделанное на кончике пера). Она ведет от теории к эмпирии. Примером теоретической гипотезы является гипотеза Леверье о существовании планеты Нептун (на основе вычислений, базировавшихся на законах ньютоновской механики и данных об орбите планеты Уран).

В зависимости от объекта исследования различают гипотезы общие, частные и единичные. *Общей* гипотезой называют обоснованное предположение о закономерных связях в природе и обществе и об эмпирических регулярностях. *Частная* гипотеза — обоснованное предположение о существовании, происхождении и особенностях некоторого класса конкретных объектов, о тех или иных повторяющихся событиях и явлениях. *Единичная* гипотеза — обоснованное предположение об уникальных явлениях и событиях.

Версия. При объяснении сложных явлений (исторических, социальных, политических, экономических, юридических) часто выдвигают ряд гипотез, по-разному объясняющих эти сложные явления. Такие гипотезы называют версиями (от лат. versare — видоизменять).

Условия выдвижения и состоятельности гипотезы

Первое условие: **соответствие фактам**. Гипотеза не должна противоречить известным и проверенным фактам. Если среди известных фактов имеется хотя бы один, с которым гипотеза не согласуется, она должна быть отброшена или переформулирована так, чтобы охватить всю совокупность фактов, для объяснения которых она предложена.

Второе условие: **соответствие известным законам науки, существующим научным теориям**. Всякая новая гипотеза, объясняющая явления и законы данной предметной области, не должна вступать в противоречие с другими теориями, истинность которых для этой же предметной области уже доказана.

Третье условие: **соответствие общим методологическим принципам научного познания**. Это условие играет роль критерия для отбора научных гипотез и отсева ненаучных.

Прежде всего выдвигаемая гипотеза должна быть доступна опытно-экспериментальной или вообще практической *проверке*. Это условие проверяемости гипотезы тесно связано с другим условием, а именно с необходимостью *дедуктивного развертывания* гипотезы, т. е. из гипотезы должны быть выведены следствия, которые могут быть сопоставлены с теми или иными фактами. Наконец, среди условий состоятельности гипотезы следует отметить и *критерий простоты* или требование, чтобы гипотеза была максимально простой и способной из одного принципа или допущения объяснить все факты, для объяснения которых она выдвигается.

Построение и проверка гипотезы

Построение и проверка гипотезы складывается из следующих этапов.

Первый этап — постановка задачи.

Второй этап — поиски способов решения задачи.

Третий этап — выдвижение предположения, знаменующего собой предварительное решение или переход от поисков к решению.

Четвертый этап — выведение вытекающих из гипотезы следствий.

Пятый этап — сопоставление следствий с фактами.

18.7. Рост научного знания. Научный прогресс, научные революции

Согласно Т. Куну для «нормальной науки» характерно решение текущих задач, опирающихся на соответствующую научную парадигму. **Парадигма** — совокупность принципов, норм, законов, теорий, методов, определяющих развитие науки в конкретный период ее истории. Нормальные (эволюционные) периоды в становлении науки сменяются революциями. Они связаны с открытиями явлений, которые не вписываются в рамки старой парадигмы. Возникновение и утвержде-

ние новой парадигмы знаменует революцию в науке.

Сейчас философы говорят о разных типах рациональности. В этих разговорах продолжается поиск ответа на вопрос, что такое разум, какую роль он играет в жизни человека. В них также можно видеть желание многих философов и ученых уйти от жесткой альтернативы "рационализм–иррационализм" или "рационализм–эмпиризм". Рациональность звучит как-то помягче рационализма. От безудержного восхваления разума в откровенном рационализме и почти патологической ненависти к нему в столь же откровенном иррационализме перешли к своеобразному плюралистическому представлению рациональности, к обсуждению вопроса о разных типах рациональности.

18.8. Практика

Практическая деятельность — перевод идеального в реальное, управление-преобразование: себя, общества и окружающей природы[1]. Цель и результат практической деятельности — благо, добро в широком смысле. Иными словами, ради блага человек осуществляет разные формы управляюще-преобразовательной деятельности. Оно является центральной категорией практики.

Благо (ценность)

В самом общем виде *благо (ценность)* — то, что удовлетворяет наши потребности-желания или служит их удовлетворению.

Понятие блага отличается от понятия ценности тем, что оно обозначает безусловно положительную ценность, является антитезой зла. Понятие же ценности может употребляться и с эпитетом «отрицательная», т. е. в значении понятия зла. **Ценностный** подход основан на оценке того, что такое «хо-

[1] В естественном языке слово «практика» употребляется главным образом в значении «деятельность людей, в ходе которой они, воздействуя на материальный мир и общество, преобразуют их; деятельность по применению чего-н. в жизни, опыт. (См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка).

рошо» и что такое «плохо». Он противоположен познавательному или истинностному подходу, в частности, различению истины и лжи или знания и заблуждения.

Понятие *ценности* в общепринятом смысле означает признание «способности» тех или иных предметов удовлетворять определенной потребности или желанию. Ценность — то, что служит средством удовлетворения человеческих потребностей-желаний. Это ценность в собственном смысле или благо, добро. Отрицательно оценивается все, что препятствует удовлетворению потребностей-желаний. Это — отрицательная ценность или зло.

Существует определенная иерархия ценностей, различающихся между собой по степени значимости для человека.

Это, *во-первых*, ценности, которые являются **нужными**, **необходимыми** средствами удовлетворения потребностей. Например, воздух, продукты питания, одежда, предметы первой необходимости.

Во-вторых, это ценности, которые не являются строго необходимыми, но приносят **пользу**. Это такие средства, которые помогают лучшим удовлетворить наши потребности или отвечают нашим желаниям. Полезными могут быть такие блага, без которых человек может обойтись, т. е. которые не являются необходимыми. С другой стороны, если существует выбор между различными необходимыми благами, то предпочтение отдается тому благу, которое является более полезным по сравнению с другими необходимыми благами. Как правило, полезность характеризует различную степень соответствия того или иного предмета нашим потребностям-желаниям. Иными словами, полезность является мерой соответствия предмета нашим потребностям-желаниям.

В-третьих, кроме необходимой и полезной существует еще ценность **приятного**. Приятным является все, что вызывает положительные эмоции, что доставляет нам удовольствие, наслаждение, радость. Приятное окрашивает жизнь в радужные краски, заряжает бодростью, всей гаммой положительных эмоций или освобождает-защищает от отрицательных эмоций, отвлекает от тягостных переживаний. Не являясь в каждом отдельном случае полезным или необходимым, приятное в целом является жизненно важным для человека.

Необходимое (нужное), полезное и приятное можно в известном смысле сопоставить категориям необходимости, вероятности (свободы) и случайности.

Полезное занимает особое место в этой триаде. Оно может быть синонимом ценного (блага). Так, полезность продуктов труда рассматривают обычно в самом общем смысле, как их ценность. Полезными объявляются не только продукты, которые являются в собственном смысле полезными, но и продукты, имеющие характер необходимой ценности, и продукты, которые доставляют нам приятное. Полезность оказывается *общей мерой* соответствия тех или иных средств нашим потребностям-желаниям. Конечно, правильнее было бы говорить не о полезности, а о ценности продуктов труда, но так уж исторически сложилось, что материальные средства характеризуют через понятие полезности. Понятие же ценности чаще всего применяют к духовным и моральным объектам оценки.

Кроме того, понятие полезности нередко связывают с понятием утилитарности, а это последнее противопоставляют духовным, гуманитарным, эстетическим ценностям. Сохраняется также различие полезного и приятного.

Одним словом, указанные трактовки полезности (в узком смысле) делают ее не совсем удобной для характеристики общей меры соответствия продуктов труда нашим потребностям-желаниям. Об этом всегда нужно помнить.

Ценность (полезность) — оценочная категория, благодаря которой мы оцениваем предметы с точки зрения их соответствия нашим потребностям-желаниям. Она не является внутренним качеством предмета, хотя, с другой стороны, как оценочное определение предмета, не находится вне предмета, «не висит в воздухе». Здесь следует одинаково избегать крайностей субъективистского и объективистского истолкования этой категории. С одной стороны, нельзя отрывать ценность (полезность) от предмета, от его естественных свойств, качественной определенности и провозглашать ее самодовлеющей категорией, которая якобы зависит только от желаний и прихотей человека. С другой, нельзя отождествлять ценность (полезность) с предметом и его качеством (свойствами). Иначе

возникает иллюзия, будто предмет изначально определен как благо, как ценность, как средство удовлетворения наших потребностей. (Так иногда думают люди; они, как говорил один известный классик, «приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она годится в пищу человека».)

По утверждению Шекспира, ничто не является хорошим или плохим, — все зависит от того, как мы смотрим на вещи.

Важно подчеркнуть отличие *ценности*, *полезности вообще* от *потребительной ценности* предмета. Если потребительная ценность определяется тем, насколько предмет удовлетворяет ту или иную потребность (желание), то ценность (полезность) определяется тем, насколько предмет соответствует всей совокупности наших потребностей и желаний.

Удовлетворить ту или иную потребность — еще не значит быть полезным. Все зависит от того, ***какая*** это потребность и ***какой*** предмет удовлетворяет потребность. Известно, что наряду с естественными и разумными потребностями-желаниями существуют противоестественные, извращенные, ложные. Удовлетворение последних отнюдь не приносит пользу человеку, а, напротив, разрушает его тело и дух. Такими потребностями-желаниями являются, например, потребность в постоянном опьянении, в наркотиках, пресыщенные и извращенные вкусы, наклонности.

Ценность, полезность определяет отношение предмета не к одной какой-то потребности или желанию, а к человеку как личности, к совокупности его потребностей-желаний. Было бы ошибочно думать, что потребности и желания не связаны друг с другом. Все они являются лишь частичными выражениями человека как субъекта потребления. Взаимодействуя друг с другом, потребности могут как гармонировать между собой, так конфликтовать. Вообще, там, где есть многообразие (а потребности-желания многообразны), есть и возможны конфликты-противоречия. Удовлетворение одной потребности может препятствовать удовлетворению другой. Это касается не только взаимоотношения разумных и неразумных по-

требностей, но и взаимоотношения различных разумных потребностей. Поэтому все потребности лучше рассматривать не как рядоположенные, а в системе, как единое целое, как одну большую потребность. Именно по отношению к этой большой потребности и определяется ценность предмета. Она тем выше, чем больше предмет соответствует отдельной частной потребности и чем выше место этой потребности в иерархии потребностей, составляющих одну большую потребность.

Ценность, полезность предмета, как было сказано выше, определяется не только тем, какую потребность он удовлетворяет, но и тем, каким он является сам, т. е. каково его качество и количество. В одних случаях предмет удовлетворяет в том качестве и количестве, в каком он существует в природе. Однако, чаще человек не удовлетворяется природными качеством и количеством предметов, изменяет их, приспосабливая к своим потребностям. Качество продуктов труда является как раз таким измененным качеством. Особенность его состоит в том, что в отличие от природного оно не только делает предмет пригодным для удовлетворения потребностей, но и понижает пригодность предмета (понижает уровень удовлетворения потребностей). Здесь налицо противоречие. Продукт труда одновременно повышает и понижает уровень удовлетворения наших потребностей. Возьмем хлеб. Этот продукт удовлетворяет нашу потребность в питании. Но хлеб не растет в том качестве, в каком мы его потребляем. Его производят. Это значит, что затрачиваются человеческие силы. Траты же увеличивают потребность в питании. Круг замыкается. Хлеб, поскольку он потребляется, удовлетворяет нашу потребность в питании. Но хлеб же, поскольку он производится, увеличивает нашу потребность в питании. Полезным оказывается не тот хлеб, который просто удовлетворяет потребность, а тот, который обеспечивает удовлетворение потребности в большей степени, чем ее неудовлетворение.

Таким образом, если в потреблении человек удовлетворяет свои потребности, как бы гасит их, то в производственной деятельности, в труде он, напротив, затрачивая силы, расходуя энергию, увеличивает свои потребности.

Виды практики

Практику можно условно разделить на три вида:

1. *Управление-преобразование себя и окружающих*: быт, забота о себе и окружающих; самосохранение-саморазвитие-самосовершенствование; питание, защита, любовь-деятельность, рождение и воспитание детей, домоводство, одежда, гигиена-лечение, туалет, физическая культура, косметика.

2. *Управление-преобразование общества*: забота об обществе, управление людьми, поддержание-развитие-совершенствование общества, общественных, межчеловеческих отношений. Виды: госслужба, политика, руководящая работа, административная, хозяйственная деятельность, педагогическая (обучение и образование) деятельность, медицинская деятельность (здравоохранение).

3. *Управление-преобразование окружающей природы*: забота об окружающей природной среде, о поддержании баланса "природа-человек-общество". Виды: архитектурно-техническая деятельность, преобразование природы; освоение космоса; сельскохозяйственная деятельность; экологическая деятельность, охрана окружающей среды.

Изобретение

Изобретение — нерв практической деятельности человека. Оно присутствует во всех видах практики. Суть изобретения — создание нового блага. «Изобретательский гений — отец богатства» — говорил Сократ. А. Эйнштейн, работавший в патентном бюро и сам сделавший несколько изобретений, следующим образом характеризовал изобретение: это «новая комбинация уже известных оборудований для наиболее экономного удовлетворения человеческих потребностей»[1]. С этим определением можно согласиться, если, во-первых, под оборудованиями понимать любые средства (не только технические), и, во-вторых, выражение «для наиболее экономного удовлетворения человеческих потребностей» обоб-

[1] См.: *Френкель В. Я., Явелов Б. Е.* Эйнштейн — изобретатель. М., 1982. С. 134.

щить до «для лучшего удовлетворения человеческих потребностей».

Хорошо известно техническое изобретательство. Меньше знают об изобретательстве в других сферах практической деятельности. Селекционная работа, генная инженерия в сельском хозяйстве и медицине, реформы в государственном управлении — далеко не полный перечень видов изобретательства.

18.9. Игровая деятельность

Игра как элемент присутствует во всех видах деятельности (и в труде, и в отдыхе, и в познании, и в мышлении, и в практической деятельности), но как особый вид деятельности она протекает в трех формах: детская игра, искусство (художественная деятельность) и спорт.

Детская игра занимает-развлекает ребенка и подготавливает его к взрослой жизни. Например, игра девочки в куклы. Это и занятие-развлечение, и подготовка к различным взрослым ролям (матери, жены, врача и т. п.). Формы детской игры весьма многообразны. В них проигрываются основные сценарии жизни и некоторые наиболее распространенные виды профессиональной деятельности.

Во взрослой жизни на смену детской игре приходят игры-развлечения (как формы отдыха), игры-дела (деловые игры, военные и иные игры-маневры) и специальные формы игровой деятельности, не связанные напрямую ни с трудом, ни с отдыхом, ни с познанием, ни с практикой. Это искусство и спорт. И то, и другое — лишь игра, “жизнь понарошку”. Но: искусство “проигрывает” ситуации с целью воспитания и развития чувств, в частности достижения гармонии, согласия (красоты, прекрасного), а спорт “проигрывает” ситуации с целью воспитания и развития волевых качеств, в частности с соревновательной целью, чтобы совершенствовать бойцовские качества, ощутить вкус борьбы, преодоления, победы, добиться благодаря этому высоких результатов в физическом и умственном развитии.

Искусство ближе к познавательной деятельности, спорт — к преобразовательной, практической.

В русском языке слово «спорт» появилось сравнительно недавно. Оно укоренилось лишь в XX веке. А до него в этом значении обычно употребляли слово «игра». Так и Л. Н. Толстой, говоря у двух видах забав, вместо слова «спорт» употребляет слово «игра». Толстой не вполне прав, разделяя игру и искусство. Любая забава есть игра. И искусство — тоже игра. Только в игре-спорте главное — игра **сил** физических и духовных, борьба, преодоление «понарошку». А в игре-искусстве главное — игра **чувств**, эмоциональная жизнь «понарошку».

Особо следует сказать о **цирке**. Его обычно рассматривают как вид искусства. В нем, однако, много такого, что свойственно спорту. Ведь по большей части он демонстрирует возможности человека, показывает его силу. Цирк включает клоунаду, акробатику, эквилибристику, музыкальную эксцентрику, иллюзионизм, демонстрирует возможности дрессировки животных и т. д.

18.10. Искусство (художественная деятельность)

Искусство — квази- как бы познание и квази- как бы практика.

Если познание — перевод реального в идеальный план, а практика — перевод идеального в реальное, то искусство — способ взаимосогласования и/или “выяснения отношений” идеального и реального, их *взаимо*переход. Особенность искусства по сравнению с познанием и практикой в том, что оно не является “дорогой с односторонним движением”, т. е. либо движением от реального к идеальному (в случае познания), либо движением от идеального к реальному (в случае практической деятельности). Искусство — именно *взаимо*движение идеального и реального, когда они, с одной стороны, “идут” навстречу друг другу, к согласию и гармонии, а, с другой, как бы спорят друг с другом, “выясняют отношения”, выясняют

“кто есть кто” (кто сильнее, важнее, главнее). Результатом поисков согласия и гармонии является красота, прекрасное. Результатом “выяснения отношений” является, как правило, безобразное. Когда идеальное и реальное (дух и тело) “договариваются” — получается прекрасное. Когда они “не договариваются” — получается безобразное, уродливое.

Прекрасное и безобразное, красота и уродство — полюсы художественной деятельности.

В силу своего промежуточного характера (между познанием и практикой) искусство включает в себя в какой-то мере обе эти противоположные формы деятельности. Отсюда разность мнений относительно его статуса.

Одни акцентируют внимание на познавательном значении искусства и даже рассматривают его как форму познания. Так понимали искусство в марксистской философии. Недавно по Евроньюс в программе, посвященной современному искусству, прозвучало: «Ведь дело искусства — исследовать мир, а не выносить суждения».

Другие акцентируют внимание на преобразовательной стороне искусства, что оно меняет реальность, как будет угодно художнику. Английский скульптор Генри Мур говорил, например: «Искусство — плод воображения, а не отражение реальности».

Главная категория в искусстве — красота или прекрасное.

Правда, в современном искусстве появилось мода изображать все, связанное с человеком в смысле антикрасоты (абстрактная живопись, театр абсурда или балет Мориса Бежара и т. д.), но в конечном счете художник все же ориентируется на красоту, потому что красота — это гармония жизни. Любовь делает жизнь гармоничной, а красота, хотя и не делает ее гармоничной, но украшает ее. Она как бы делает жизнь эмоционально-гармоничной. Благодаря красоте человек *настраивается* на прекрасное, на гармонию, на лад (согласие, порядок жизни).

В искусстве мы проигрываем ситуации, которые могут случиться в жизни, в познании и практике (прекрасное, безобразное, комическое, драматическое, трагическое, возвышенное, низкое). Это “проигрывание” необходимо человеку (человечеству) для того, чтобы психологически и физически

подготовиться к реальным ситуациям любви, труда и борьбы, к реальной жизни.

Искусство — “жизнь понарошку”, которая позволяет лучше *наладить* жизнь настоящую (заметьте, кстати: наладить — от слова «лад», т. е. красота-гармония). Л. Н. Толстой справедливо писал: «Как происходит совершенствование знаний, т. е. более истинные, нужные знания вытесняют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит совершенствование чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей высшими, более добрыми, более нужными для этого блага. В этом назначение искусства» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 308).

В искусстве как в жизни всего полно: и возвышенного, и среднего, и низкого. С одной стороны, Девятая симфония Бетховена или Патетическая симфония Чайковского, с другой, какой-нибудь шлягер типа песни про черного кота или народная частушка с не совсем приличным содержанием. С одной стороны, «Возвращение блудного сына» Рембрандта или «Боярыня Морозова» Сурикова, с другой, как-нибудь лубок или карикатура.

Ошибаются как те, кто понимает искусство исключительно как катарсис, как очищающее, облагораживающее и возвышающее душу человека, так и те, кто утверждает безыдейность, имморализм искусства, кто понимает его сугубо утилитарно или в духе эстетического плюрализма и хаотизма.

О том, что нужно разное искусство (от возвышенного, героического до низкого, комического) говорили давно. Вот и наш М. В. Ломоносов в свое время выступил с теорией трех штилей.

Видами искусства являются изобразительное искусство (живопись, скульптура, графика, архитектура...), музыка, художественная литература, театр, кино, эстрада и т. д.

Помимо чистого искусства, не заинтересованного ни в получении знания, ни в получении блага, есть искусство, включенное непосредственно в познавательную или практическую деятельность. Это — прикладное искусство, с одной стороны, и научно-популярная литература, научно-художественная деятельность, с другой.

18.11. Спорт

> Это — люди будущего, — говорил *А. П. Чехов* о спортсменах. — И настанет время, когда все будут такими же сильными. В этом счастье страны.

Спорт, как и искусство, является промежуточной (между познанием и практикой) формой деятельности. Целью спортивной деятельности является не благо, не истина и не красота, а ***сила*** как таковая, которая рождается/выявляется в результате победы над противником (действительным или воображаемым, очным или заочным). В спорте самое главное: кто сильнее. Сила может быть интеллектуальной (например, в шахматах), может быть физической (например, в поднятии тяжестей), а может быть смешанной, интеллектуально-физической (например, в волейболе, теннисе, технических видах спорта).

В словарях русского языка[1] *спорт* характеризуется как составная часть физической культуры. Это совершенно неверно. Во-первых, существуют чисто интеллектуальные виды спорта — шахматы, шашки, карты и т. п. Во-вторых, есть такие виды спорта (например, технические), в которых интеллектуальная составляющая может быть на равных с физической или даже превосходить ее.

Вообще, спорту не повезло в философии. Если искусству философы уделяли много внимания, возникли даже специализированные направления осмысления искусства (эстетика, философия искусства), то спорт философы не воспринимали всерьез, как важный вид человеческой деятельности. В итоге мы видим перекос в осмыслении человеческой деятельности в целом, а именно, сдвиг в сторону созерцательно-познавательной стороны. Мало того, что философы грешили преувеличенным вниманием к сфере познания (даже разум часто называли познающим, а мышление рассматривали как абстрактную-теоретическую-высшую ступень познания), — и

[1] См., например: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1991; Словарь иностранных слов. М., 1982.

в сфере игровых форм деятельности они отдавали предпочтение познавательноподобным формам, прежде всего искусству.

Как и искусство, спорт подразделяется на чистый и прикладной. Например, так называемый большой спорт, олимпийские виды спорта всецело относятся к чистому спорту или спорту ради спорта. Спорт же в армии носит прикладной характер; он служит исключительно целям боевой подготовки. Или джигитовка у горцев.

Спорт можно подразделить на следующие виды: 1. Умственные: шахматы, шашки, карты... 2. Физические: тяжелая и легкая атлетика, футбол, хоккей, бильярд, стрельба... 3. Коллективные: футбол, хоккей, волейбол... 4. Индивидуальные: тяжелая атлетика... 5. Коллективно-индивидуальные: эстафета (лыжи, биатлон, коньки, бег и т.д.). 6. Очно-игровые: футбол... 7. Заочно-игровые: тяжелая атлетика... 8. Нетехнические: легкая и тяжелая атлетика... 9. Технические: автомобильные, мотогонки... 10. Нехудожественные: бег... 11. Полухудожественные: фигурное катание, гимнастика... 12. Художественные: спортивные танцы на льду, художественная гимнастика...

Задачи и упражнения по философии

К разделу «Введение. Что такое философия?»

1. Что я знаю о философии, философах и что я о них думаю?

Эта задача предлагается для письменной студенческой работы на первом семинарском занятии по философии. На написание работы отводится не более 20 минут.

Возможен вариант с устными ответами без подготовки в режиме экспресс-опроса.

2. *Знаменитый английский физик Кельвин заявил сторонникам узкой специализации студентов*: "Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации". — *Что он имел в виду? Как Вы думаете? Попробуйте привести примеры, поясняющие его заявление.*

3. Как Вы объясните такое разногласие философов: одни (рационалисты) утверждают верховенство разума, мышления в жизни человека, а другие (иррационалисты) отвергают это верховенство. Кажется очевидным непререкаемый авторитет разума и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п. Рационалисты любят декартовское "я мыслю, следовательно, существую". Иррационалистам ближе шекспировские слова: "есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам". Первые делают акцент на силе разума, а вторые — на его бессилии. Кто из них прав? — *Дайте развернутый ответ.*

4. Как преподавать философию?[1]

— *Дайте развернутый ответ.*

5. Примеры философских утверждений:

С. Караганов, политолог: «Человек несовершенен» (телеканал «Культура», «Культурная революция» 12.01.06).

[1] Выбор задачи — исключительно по желанию студента.

Л. Фейербах, философ: «Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека».

Гесиод, историк: «Ранее всего был Хаос». («Теогония»)

А. Эйнштейн, физик: «Бог не играет в кости».

Почему эти утверждения философские?

Приведите свои примеры философских утверждений. Можете воспроизвести чужие утверждения или придумать сами.

К разделу «История философии»

6. *Что означают слова Сократа:* "Я знаю, что ничего не знаю"? — *Прокомментируйте.*

7. В 1508 году Папа Юлий II пригласил Рафаэля для росписи помещения в Ватикане. Рафаэль написал четыре фрески. Среди них — «Афинская школа», в центре которой художник расположил Платона и Аристотеля с характерными жестами: Платон указывает пальцем вверх, а Аристотель показывает на землю, словно обводит рукой окружающий мир. Как Вы думаете, какой смысл заложен в жестах античных мыслителей?*

Дайте развернутый ответ.

8. *Проведите сравнительный анализ* мысли Ансельма Кентерберийского «верю, чтобы понимать» и мысли Пьера Абеляра «понимаю, чтобы верить».*

9. Декарт утверждал: Я мыслю, следовательно, существую. *Это утверждение имеет, как минимум, два различных смысла. Какие они?*

10. Кант утверждал: «Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий».

— *Что он имел в виду? Дайте развернутый ответ.*

11. Гегель говорил: "Ложно лишь то, что абсолютизируется". — *Что он имел в виду? Прокомментируйте.*

12. Одни возлагают на Ф. Ницше ответственность за злодеяния фашизма в XX веке. Другие утверждают, что этот философ не несет ответственности за злодеяния фашизма. *Кто прав? Ответ аргументируйте.*

---

* Эта и другие задачи со звездочкой взяты из: Рабочая тетрадь студента. М.: МИРЭА, 2002. Составитель Л. Ф. Матронина.

13. З. Фрейду приписывают такую фразу: «Каждый человек — психопат. Разница между людьми в этом отношении заключается только в том, что одни знают, что они психопаты, а другие и не подозревают об этом».

Данное высказывание логически некорректно.

Объясните, в чем логическая уязвимость этого высказывания, и дайте ему свою оценку.

К разделу «Философская картина мира»

14. *Оцените и прокомментируйте высказывание Л. Фейербаха*: «Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека».

15. *Прокомментируйте слова М. В. Ломоносова*:

“Оным умникам… легко быть философами, выучась наизусть три слова: **бог так сотворил**, и сие дая в ответ вместо всех причин”.

16. *Кто, по Вашему мнению, прав? Прокомментируйте*

А. Умный видит неизмеримую область возможного (Д. Дидро).

Б. Необразованный человек склонен оперировать пустыми возможностями (Гегель).

17. Существует ли мир сам по себе, от века или он создан и управляется богом?

Какой вариант ответа Вы выбираете и почему?

18. Создан ли мир Богом? Да или нет? — *Какой вариант ответа Вы предпочитаете и почему?*

19. Чего в мире больше: порядка или беспорядка? Можно ли вообще так ставить вопрос?

Дайте развернутый ответ.

20. *Как Вы оцениваете эти два взаимоисключающие высказывания*:

Гегель: “... все духовное лучше какого бы то ни было продукта природы” (Гегель. Соч. Т. XII. С. 31).

Р. Майер (биолог): “Природа в ее простой истине является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа” (Цит. по: *Кузнецов Б. Г.* А. Эйнштейн. М., 1963. С. 117).

21. Возможно ли наше мышление (можем ли мы мыслить) без использования фундаментальных категорий (материи и движения,

качества, количества, меры, пространства и времени, возможности и действительности, необходимости и случайности, причины и следствия и т. д.)? — *Ответ аргументируйте, приведите примеры*.

22. Весьма распространенной является ошибка, когда следствие принимается за причину, а причина — за следствие.

Приведите примеры этой ошибки.

23. Представьте себе легендарный корабль Тезея, который дряхлеет и который все время приходится подновлять, меняя постепенно одну доску за другой. Наконец, наступает такой момент, когда не осталось уже ни одной старой доски. Спрашивается, перед нами тот же самый корабль или другой?

Ответ аргументируйте.

24. Можно ли считать случайностью открытие Америки Колумбом в 1492 г. *

Дайте развернутый ответ.

25. Дайте оценку факту распада Советского Союза с точки зрения категорий необходимости и случайности[1].

26. Является ли форма конкретного дерева необходимой или случайной?[2]

27. *Рассудите*:

«Нет бога кроме случая, а удача — пророк его». (Джек Лондон, писатель).

«В искусстве, как и в жизни, ничего случайного нет». (Маргарита Терехова, актриса).

28. *Что означает выражение А. Эйнштейна* «Бог не играет в кости». *Как Вы его оцениваете?*

29. Противоречие — хорошо или плохо? К. Поппер против Гегеля:

Гегель утверждал: «Противоречие — корень всякого движения и жизненности».

К. Поппер был не менее категоричен: «...как только противоречия признаются, вся наука должна разрушиться».

---

[1] Задача взята из: *Книгин А. Н.* Учение о категориях: Учебное пособие. Томск, 2002. С. 260.

[2] См. предыдущую сноску.

Кто из них прав или оба неправы или возможен третий вариант ответа?

30. В стихотворении «Движение» А. С. Пушкин сопоставляет два ряда явлений в аспекте соотношения мыслимого и видимого (чувственно воспринимаемого):

Движенья нет, сказал мудрец брадатый
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый,
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей

Что хотел сказать А.С. Пушкин этим стихотворением? Прокомментируйте.

К разделу «Философия человека»

31. *Кто, по Вашему мнению, прав и почему?*

А. Человек есть мера всех вещей (Протагор).

Б. Не надо мерить температуру общества, ставив градусник себе под мышки (современный политолог).

Прокомментируйте.

32. Всё ли в жизни зависит от нас? Если нет, то в какой степени наша жизнь зависит от нас?

— Дайте развернутый ответ.

33. *Рассудите:*

А. Песталоцци И. Г., знаменитый педагог, основоположник теории начального обучения, утверждал: «Человека образуют обстоятельства». Марк Аврелий советовал: «Если не можешь изменить обстоятельства — измени отношение к ним».

Б. Балашов Л.Е.: «Человек только тогда достигает чего-либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств».

34. На вопрос «иметь или быть?» Э. Фромм, автор книги с таким названием, ответил: «быть!». А как бы Вы ответили на этот вопрос?*

— Дайте развернутый ответ.

35. *Кто, по Вашему мнению, прав и почему?*

А. Как много есть на свете вещей, которые мне не нужны (Сократ).

Б. Если вещь не годна для одной цели, ее можно употребить для другой (Лао цзы).

Прокомментируйте.

36. *Рассудите:*

Жизнь — это праздник, на который мы пришли. (Древнеиндийская мудрость)

Жизнь — не сад, в котором растут только одни цветы. (И. А. Гончаров, “Обрыв”)

37. *Что хотел сказать Биант, один из семи греческих мудрецов, этой фразой*: «Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало и много»?

— Попробуйте реконструировать ход его мысли.

38. С возрастом время жизни увеличивается или уменьшается?

— Дайте развернутый ответ.

39. Что (чего) Вы ждете от жизни?

— Дайте развернутый ответ.

40. Как надо жить, чтобы нам было лучше?

— Дайте развернутый ответ.

41. Существуют два полярных мнения о смерти.

А. *Платон* устами Сократа утверждал: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью». (Федон, 63e-64a). *А. Шопенгауэр* в книге "Мир как воля и представление" (Т. 2, гл. XLI) главу о смерти начинает так: «Смерть — поистине гений-вдохновитель, или мусагет философии; оттого Сократ и определял последнюю как θανάτου μελέτη (подготовку к смерти [греч.])».

Б. *Б. Спиноза*: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». (Б. Спиноза. Этика. — См.: Спиноза Б. Избр. произв. Т. 1, М., 1957. С. 576).

— Кто из них прав? Дайте развернутый ответ.

42. *Кто, по Вашему мнению, прав и почему?*

М. Монтень: «Конечная точка нашего жизненного пути — это смерть, предел наших стремлений, и если она вселяет в нас ужас, то можно ли сделать хотя бы один-единственный шаг, не дрожа при этом, как в лихорадке? Лекарство, применяемое невежественными людьми — вовсе не думать о ней. Но какая животная тупость нужна для того, чтобы обладать такой слепотой! Таким только и взнуздывать осла с хвоста… и нет ничего удивительного, что подобные люди нередко попадаются в западню.» (Опыты, гл. XX).

Б. Спиноза: «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни». (Этика)

— Дайте развернутый ответ.

43. А.С. Пушкин говорил в стихотворении "Я памятник воздвиг себе":

Нет, весь я не умру
Душа в заветной лире мой прах переживет
И тленья убежит

Как понимать эти его слова? Мы знаем, что Пушкин умер давно, в 1837 году. *А что же не умерло в нем, что осталось от него? Жив ли сейчас поэт Пушкин?*

44. *Смертен человек или бессмертен? Или он в чем-то смертен и в чем-то бессмертен?*

45. *Как Вы относитесь к идее отмены смертной казни? Ответ аргументируйте.*

46. *Что хотел сказать автор*?

Человечество не табун лошадей, который надо прокормить, а клуб, в который надо записаться (Честертон, англ. писатель).

47. П. Я. Чаадаев: «Любовь к отечеству — прекрасная вещь. Но еще более высокая — любовь к истине».

Мераб Мамардашвили: "Я люблю свободу больше, чем родину".

— Дайте оценку этим высказываниям, прокомментируйте.

48. *Прокомментируйте*: Мудрому человеку вся земля открыта. Ибо хорошей душе отечество — весь мир. (Демокрит, V век до н. э.)

49. *Какая разница между патриотизмом и национализмом? Приведите примеры того и другого*.

50. *Прав ли Ф. И. Тютчев, говоря*:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

51. *Россия: Восток или Запад? Или что-то другое?*

52. *Согласны ли Вы с утверждением* «Мы не Европа и не Азия. Мы — русские» (Телепередача «Русский дом», 3-й канал TV 31.08.03). *Прокомментируйте*.

53. *Царь Николай I* представил задавшему вопрос французу немца, поляка, калмыка, еврея, грузина из своего окружения и добавил: каждый из них по отдельности — своей национальности, а все вместе — русские!

— Согласны ли Вы с Николаем I? Ваше мнение. Дайте развернутый ответ.

54. *Объясните, почему золотое правило поведения называют золотым?*

Справка. Отрицательная и положительная формулировки золотого правила: “не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе”; “поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой”.

55. *Какое из следующих высказываний можно охарактеризовать как частный случай золотого правила поведения? Объясните.*

1) Человек должен... довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе (Т. Гоббс).

2) Свобода заключается в праве делать все, что не вредит другим (Клаудиус).

3) О свободе надо судить по степени свободы самых низших (Дж. Неру).

4) Делай, что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем (из сборника тюремных афоризмов).

Справка. Отрицательная и положительная формулировки золотого правила: “не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе”; “поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой”.

56. *Можно ли считать следующее утверждение частным вы-*

ражением золотого правила поведения?

“Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные” (из фильма Жака Ив Кусто 1984 г.).

Справка. Отрицательная и положительная формулировки золотого правила: “не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе”; “поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой”.

57. *Что хотел сказать Шекспир устами Катарины, героини своей пьесы*?

“Сила женщины — в ее слабости”.

58. *Как Вы оцениваете утверждение*:

“Если Бога нет, то всё позволено” (из “Братьев Карамазовых” Ф. М. Достоевского). — *Дайте развернутый ответ.*

59. Становятся ли люди лучше, существует ли моральный прогресс? — *Дайте развернутый ответ*.

60. Откуда в мире зло? Можно ли бороться со злом и если можно, то можно ли устранить зло совсем?

— *Дайте развернутый ответ.*

61. *Как Вы считаете*: человек по своей природе добр, зол или не добр и не зол? — *Дайте развернутый ответ, аргументируйте*.

62. Правилен ли толстовский тезис о непротивлении злу насилием или прав И. А. Ильин со своим антитезисом — о сопротивлении злу силою? И нужно ли вообще бороться со злом? — *Дайте развернутый ответ.*

63. Как Вы понимаете счастье? — *Дайте развернутый ответ.*

64. Что нужно для того, чтобы быть счастливым?

— *Дайте развернутый ответ.*

65. Некоторые люди осознанно стремятся к самосовершенствованию. Как Вы относитесь к этой идее (самосовершенствования)? Нужно ли человеку совершенствоваться? И если нужно, то в каком направлении (каких направлениях)?

— *Дайте развернутый ответ.*

66. Как Вы думаете: существует защита от дурака[1] (можно ли защититься от дурака)? Варианты ответа: да, нет или как-то по-другому.

— Ответ аргументируйте, приведите примеры, подтверждающие Вашу точку зрения.

67. Почему добрым быть хорошо, а злым — плохо?

— Дайте развернутый ответ, приведите примеры.

68. *Как Вы считаете:* доброта — редкое или обычное явление?

Ответ аргументируйте, приведите примеры, подтверждающие Вашу точку зрения.

69. *Что такое зло в моральном смысле?*

— Дайте развернутый ответ, приведите примеры.

70. *Рассудите:*

А) Для Сократа добро совпадает с знанием и отсутствие знания является единственным источником всякого морального несовершенства;

Б) Кант утверждал нечто обратное: «Чтобы быть честными и добрыми и даже мудрыми и добродетельными, мы не нуждаемся ни в какой науке и философии».

— Дайте развернутый ответ.

71. *Как Вы оцениваете тезис* «цель оправдывает средства». — *Ответ аргументируйте.*

72. С одной стороны, существует расхожее мнение «цель оправдывает средства» (вариант: «для достижения цели все средства хороши»). С другой, многие убеждены в том, что «цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель». *Рассудите. Где правда? Ответ аргументируйте.*

73. *Оцените и прокомментируйте утверждение Эркюля Пуаро:* «Большинство из нас эгоисты; но не все в этом признаются» (к/ф «Пуаро Агаты Кристи»).

---

[1] Защита от дурака — расхожее выражение, означающее возможность (или невозможность) защититься или защитить кого (что)-либо от необдуманных. глупых, ошибочных действий другого человека (других людей).

74. *Ответьте на вопрос:* можно ли быть злым и одновременно счастливым? или: может ли злой человек быть счастливым?

— Ответ аргументируйте.

75. Согласно Ф. Ницше любовь есть «выражение эгоизма»[1]. В. С. Соловьев, напротив, утверждал, что подлинная любовь — перемещение центра «Я» в другого, преодоление эгоизма. *А как Вы считаете? Ответ аргументируйте*.

76. Фихте утверждал: не должно быть брака без любви и любви без брака. А Вы как думаете?

— Дайте развернутый ответ.

77. *Что означает выражение* «деньги не пахнут»? По-латински оно звучит так: «Non olet peccunia». Это слова, сказанные римским императором Веспасианом сыну, который выразил неудовольствие по поводу обложения налогами общественных отхожих мест[2].

— Дайте развернутый ответ.

78. Прав ли автор этого утверждения: «Будем лучше думать о людях, и они на самом деле станут лучше»?

— Ответ аргументируйте, приведите примеры.

79. Какая связь между призывом Жан-Жака Руссо «Назад к природе!» и лозунгом Французской революции «Мир хижинам; война дворцам!»?

— Дайте развернутый ответ.

80. Руссо называл далекое прошлое золотым веком; он критиковал цивилизацию и прогресс. "Назад к природе!" — его призыв.

На это Вольтер ехидно заметил: “Когда я слушаю Руссо, мне хочется встать на четвереньки и бежать в лес”.

— Кто из них прав? Оцените и прокомментируйте.

81. Т. Гоббс утверждал: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех» (Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 152.)

Прав ли Т. Гоббс? Оцените и прокомментируйте.

---

[1] Ф. Ницше. Воля к власти. № 362.

[2] «Тит (сын императора Веспасиана. – *Л. Б.*) упрекал отца, что и нужники он обложил налогом; тот взял монету из первой прибыли, поднес ее к носу и спросил, воняет ли она. «Нет», — ответил Тит. «А ведь это деньги с мочи», — сказал Веспасиан» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей).

82. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями*:

Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно (лорд Актон). (Сравн.: Ш. Монтескье «Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет предела»).

Вообще власть не портит людей. Когда у власти дураки, то они портят власть. (Б. Шоу).

— Дайте развернутый ответ.

83. *Куда движется человечество? К гибели, к лучшему или к чему-то другому?*

84. В одной телепрограмме (ТВЦ, ноябрь 2005 г.) обсуждался вопрос: «Почему у нас не любят богатых?». *Как бы Вы ответили на этот вопрос?*

85. Совместимы ли политика и мораль? *Ответ аргументируйте.*

86. Совместимы ли бизнес (предпринимательство) и мораль? *Ответ аргументируйте.*

87. Оцените три высказывания о человеке:

А. *Диоген* говорил, что когда он видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек — самое разумное из живых существ, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека.

Б. *В. А. Жуковский*: «При мысли великой, что я человек, всегда возвышаюсь душой».

В. *Марк Твен:* «Меня бесконечно поражает, что мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую, смехотворную канитель».

Что Вы думаете по поводу этих трех высказываний и вообще разных мнений об одном и том же. Кто, по Вашему мнению, прав или ближе к истине?

88. Супружеская измена: говорить или молчать? *Дайте развернутый ответ*.

89. Иногда можно слышать: «добро должно быть с кулаками». *Прокомментируйте это высказывание. Согласны ли Вы с ним?*

90. *Оцените высказывание испанского художника Сальвадора Дали*: «Я богат потому, что мир полон кретинов». *Как его можно квалифицировать с моральной точки зрения?*

91. «Не стоит она [высшая гармония] слезинки хотя бы только того замученного ребенка, который бил себя кулачонком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «Боженьке». (Ф. М. Достоевский. Роман «Братья Карамазовы»). *Проведите анализ этого высказывания, дайте свою оценку.*

92. Одни говорят: «Честность — лучшая политика», другие утверждают, что «Политика — грязное дело». *Кто прав (ближе к истине)? Ответ аргументируйте.*

93. Иногда можно слышать рассуждения типа "честный — глупый, а умный тот, кто умеет обманывать". Злодей Яго из трагедии Шекспира "Отелло" говорит: "Я предпочту быть умным. Честность — дура. И губит тех, кто с ней" (см. отечественный кинофильм "Отелло").

А Вы как считаете? Дайте развернутый ответ.

94. *Оцените высказывание*: «Свобода — это право делать всё, что не запрещено законом» (Ш. Монтескье). *Ответ аргументируйте.*

95. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями:*

«Сколько ни говори «халва, халва», во рту слаще не станет» (восточная поговорка, приписывают Ходже Насреддину).

«Если человеку долго говорить, что он свинья, я вас уверяю, он захрюкает» (из рассказа А. М. Горького)

96. *Нельзя жить так подробно.*

Любопытно сопоставление двух ситуаций:

1. Буддистский монах так любил всё живое, что когда ходил — подметал перед собой дорогу специальным веником, чтобы, не дай бог, не наступить на какого-нибудь муравья или жучка. Всё хорошо... вот только сколько муравьёв и жучков было убито и покалечено этим веником — никто не считал (из Интернета).

2. Лев Толстой и комар. Гуляют как-то Лев Николаевич с другом по парку (фамилия друга, кажется, Чагин). А тут комар впился в щеку Льва Николаевича. Тот возьми да прихлопни комара — аж кровь пошла. Чагин и говорит: «Как же так, Лев Николаевич, вы все

непротивленье злу насильем проповедуете — а комара-то вон убили. Убили же!» Л.Н. и отвечает: «Дорогой друг, **нельзя жить так подробно**… (из Интернета)

Приведите другие ситуации-примеры, когда справедлива формула "нельзя жить так подробно".

97. *Рассудите:*

А. Шопенгауэр: «Есть одна только врожденная ошибка — это убеждение, будто мы рождены для счастья».

В. Г. Короленко: «Человек создан для счастья как птица для полета».

98. *Как Вы относитесь к идее заключения брачного контракта?*

99. А. С. Пушкин говорил о себе в стихотворении «Памятник»: «И милость к падшим призывал». С другой стороны, Ф. Ницше требовал: «Падающего подтолкни». *Рассудите.*

100. Что такое совесть? Какую роль совесть играет в жизни человека? — *Дайте развернутый ответ.*

101. Русская поговорка утверждает: «Первый снег — не зима, первая зазноба — не невеста». С другой стороны, распространено мнение, отраженное в таких словах песни: «А любовь всегда бывает первою и другою быть не должна \ Самой нежною и самой верною и всегда одна». (Песня М. Фрадкина, слова Е. Долматовского). — *Рассудите*.

102. *Как Вы объясните видимое противоречие двух утверждений*:

Хочешь освободиться от пороков, — сторонись порочных примеров (*Сенека*. Нравственные письма к Луцилию).

Каждый человек должен входить в жизнь, умея сопротивляться вредному влиянию. Не оберегать человека от вредного влияния, а учить его сопротивляться (*А. С. Макаренко*).

103. Из сериала «Богиня прайм-тайма». В разговоре с женой журналист Бахрушин сказал: «Когда дело доходит до жизни и смерти, кто думает про мораль?!»

Вопрос: Вы согласны или не согласны с этим утверждением и почему?

104. Вы обедаете один у себя дома. *Вопрос*: имеет ли какое-либо

отношение этот Ваш обед к морали? Можно ли его оценивать с моральной точки зрения? Или он вне морали?

105. *В чем сходство и различие двух поговорок:*
«В чужой монастырь со своим уставом не ходят»,
«С волками жить — по-волчьи выть»?

106. *Рассудите*:
Т. Гоббс утверждал: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех» (Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 152).
Л. Н. Толстой же говорил: «Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насилием, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смирнее ходили по кругу» — Л. Н. Толстой. Закон насилия и закон любви. III.
Кто из них прав? Или возможен другой ответ?

107. *Как Вы объясните видимое противоречие двух утверждений, рассудите:*
1. Хочешь мира — готовься к войне. (Древнеримское изречение)[1]
2. Если в начале пьесы на стене висит ружье, то к концу пьесы оно должно выстрелить. (А. П. Чехов)

108. Афганская поговорка гласит: «Человек тверже камня, нежнее цветов». — *Как Вы понимаете эту поговорку? Права ли она? Ответ аргументируйте, приведите примеры.*

К разделу «Философия деятельности»

109. Л. Н. Толстой любил изречение Бюффона “Гений — это терпение”. С другой стороны, В. Г. Белинский писал: “Гений не есть, как сказал Бюффон, терпение в высочайшей степени, потому что терпение есть добродетель посредственности”.
Кто из них прав? Или возможен другой ответ?

[1] Хочешь мира — готовься к войне. Si vis pacem, para bellum — латинская фраза, авторство которой приписывается римскому историку Корнелию Непоту. Кстати, «готовься к войне» по-латыни будет "para bellum", отсюда название пистолета.

110. *Как Вы объясните видимое противоречие двух утверждений*:

А. Один ум хорошо, а два лучше.

Б. Лучше один плохой генерал, чем два хороших.

111. *Рассудите:*

А. Люди перестают мыслить, когда перестают читать. (*Д. Дидро*)

Б. Поменьше читать! Те, кто много читают, отвыкают самостоятельно мыслить. (*Д. Гранин*. Иду на грозу).

— Дайте развернутый ответ.

112. Что такое глупость? Приведите примеры глупости в словах и в поступках-делах.

113. Один знаменитый человек (Сократ) утверждал: “Я знаю, что ничего не знаю”. Другой не менее знаменитый человек (Д. И. Менделеев) возразил ему: "Древнегреческий мудрец говорил: я знаю, что я ничего не знаю. — Да он и не знал, а мы знаем..." (“Основы химии”)

Кто из них прав? Оцените и прокомментируйте.

114. *Как Вы объясните видимое противоречие двух утверждений*:

А. Правда хорошо, а счастье лучше.

Б. Платон мне друг, но истина дороже.

115. *Рассудите, кто прав и почему:*

1) "Реальные факты менее интересны, чем фантазии и заблуждения" (из телевизионной рекламы 1998-1999 гг.)

2) «Наука удивительнее мифов» (из научно-познавательного фильма «Загадки природы» Би-би-си, 2005 г.).

116. Существуют пять состояний знания и незнания:

1. когда мы знаем, что знаем
2. когда мы знаем, что не знаем
3. когда мы не знаем, что знаем
4. когда мы не знаем, что не знаем
5. когда мы не знаем, но думаем, что знаем (когда незнание выдается за знание).

Приведите примеры каждого из этих состояний.

117. *Попробуйте объяснить:* в чем сходство и различие между истиной и правдой?

118. *Попробуйте объяснить:* в чем различие между знанием и верой? (под верой имеется в виду вера вообще, а не религиозная вера).

119. Что есть истина*? — Попробуйте дать ответ, не заглядывая в учебники, словари и энциклопедии.*

120. *Как Вы объясните видимое противоречие двух утверждений*:

А. Всё познается в сравнении.

Б. Сравнение всегда хромает. (Януш Корчак, известный педагог, говорил еще более резко: «Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение»).

121. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями*:

А. «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (библейский проповедник Экклезиаст).

Б. «Знание — сила» (Ф. Бэкон) (сравн. подобное: «знать больше сегодня — значит быть более сильным завтра» — Э. Теллер).

122. *Рассудите*:

А. Меньше знаешь — лучше спишь.

Б. Не зная броду — не суйся в воду.

Эти поговорки говорят об одном — о знании, но почему они поразному оценивают значение знания в жизни человека? *Дайте развернутый ответ*.

123. Одни считают интуицию высшей формой познания, другие — атавизмом, доставшимся нам от животных.

А Вы как думаете? Дайте развернутый ответ.

124. *Прокомментируйте следующее утверждение, исходящее от Гегеля:*

Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна.

— Дайте развернутый ответ, приведите примеры.

125. В чем сущность дилеммы «сциентизм — антисциентизм», возможно ли ее решение? *

Дайте развернутый ответ.

126. А. Эйнштейн утверждал: «Лишь теория решает, что мы ухитряемся наблюдать!». Примерно о том же говорил И. П. Павлов: «Если не имеешь в голове идей, то не увидишь фактов».

— Что они имели в виду? Дайте развернутый ответ.

127. *Кто, по Вашему мнению, прав? Прокомментируйте*

А.: "...художественные произведения должны создаваться не для изучения и не для цеховых ученых, а они... должны быть понятны и служить предметом наслаждения непосредственно сами по себе. Ибо искусство существует не для небольшого замкнутого круга, не для немногочисленных очень образованных людей, а в целом для всего народа." (Гегель. Соч. Т. XII. С. 280) [Сравн.: "Искусство принадлежит народу" (В. И. Ленин)]

Б.: "Глубоко ложен принцип "искусство для всех". В нем выявляется ложная демократизация. "Искусство для всех" вовсе не подразумевает необходимой ясности и простоты, это было бы прекрасно, — нет, в нем есть гибельное требование об урезке роста мастера в уровень современными ему невежеством и дурным вкусом, требование "общедоступности", азбучности и полезности. Искусство никогда не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку, в глубоких и скрытых тайниках его души.

Искусство должно быть "для каждого", но отнюдь не для всех. Только тогда оно сохранит отношение индивидуальности к индивидуальности, которое и составляет смысл искусства, в отличие от других ремесел, обслуживающих вкусы и потребности множеств." (М. Волошин. Заметки 1917 года)

128. Древние философы выдвинули девиз "Подвергай всё сомнению". *Что они имели в виду? Как можно истолковать этот девиз?*

129. *Рассудите, кто прав*:

А. «Наука удивительнее мифов». Из научно-познавательного фильма «Загадки природы».

Б. «Реальные факты менее интересны, чем фантазии и заблуждения». Из телевизионной рекламы (телеканал ОРТ, 1999 г.).

— Дайте развернутый ответ.

130. Справедливо ли утверждение «Практика — критерий истины»? *— Дайте развернутый ответ.*

131. *Герой одного фильма сказал:* «Если хочешь учиться — будь готов считаться дураком и тупицей». *Прокомментируйте это высказывание. Согласны ли Вы с ним?*

132. Существуют две взаимоисключающие позиции в вопросах философии управления. Они выражаются в поговорках:

Каков поп, таков и приход (отрицательный вариант: рыба с головы гниет).

Свита делает короля. (Короля делает [играет] свита).

Рассудите.

133. Встречаются каратист и самбист. *Кто из них победит? Ответ аргументируйте.*

Разное

134. *Верите ли вы в судьбу? Что такое судьба?*

135. *Что такое, по-Вашему, притча?* Два примера:

А. (Притча о самаритянине) "И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?

Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего как самого себя.

Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай и будешь жить.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился. И подошед перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем (...) Кто из этих троих, думаешь, ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же" (Евангелие от Луки 10; 25-37).

Б. (Притча “Буриданов осел”) Некий философ, которого звали Буридан, уезжая, оставил своему ослу две одинаковые охапки сена. Осел не мог решить, с какой охапки начать, и умер с голоду.

136. *Прокомментируйте*

“Когда начинается война, первой жертвой надо считать истину” (Р. Киплинг)

137. *Прокомментируйте следующее утверждение*:
“Во всем нужна мера, даже в том, чтобы соблюдать ее”.

138. *Какое из двух мнений Вас больше устраивает? Почему?*
А. “Не в силе правда, а в правде сила”.
Б. “Кто сильнее, тот и прав” (вариант: “Сильный всегда прав”).

139. *В чем изъян следующего утверждения*:
“С ними человечно — быть жестоким, жестоко — быть человечным” (так сказала Екатерина Медичи, мать французского короля Карла IX, в оправдание резни гугенотов, устроенной в Варфоломеевскую ночь).

140. *В чем противоречивость, логическая некорректность следующего рассуждения*:
"Наслаждение — антипод любви, и не потому, что оно не может сопровождать любовь, а потому, что их сущность отличается (например, объект любви может постареть, любовь — нет, она неподвластна времени)" (цитата из книги).

141. *Прав ли Бисмарк, говоря*: "Это только дураки учатся на собственном опыте. Я же предпочитаю учиться на опыте других." — *Оцените и прокомментируйте.*

142. Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями:
А. «...ничто великое в мире не совершалось без страсти» (Гегель. Соч. Т. VIII. С. 23-24)
Б. «Сильные страсти — слабые нервы» (из кинофильма). Или: «Под сильными страстями часто скрывается только слабая воля» (В. О. Ключевский).
— *Дайте развернутый ответ.*

143. *Прокомментируйте, насколько правильно употребление слов “материалист” и “идеалист” в следующем анекдоте*:
В суде разводится пожилая пара.
Судья спрашивает у мужа о причинах развода.
Муж отвечает, что причины чисто философские и поясняет, что он материалист, а жена идеалистка.
В разговор вступает жена: “Я отдала ему всю свою романтическую возвышенную душу, а он говорит, что ему нужно молодое тело”.

144. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями*:

А. Не то, что мните вы, природа,
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык. (*Ф. И. Тютчев*)

Б. «Красота — в глазах смотрящего» (народная мудрость). Или: «В пустыне нет красоты. Красота в душе араба» (*А. М. Горький*).

145. *Правильно ли утверждение:*

«Мы не замечаем прекрасного до тех пор, пока не лишаемся его» (из кинофильма).

— Дайте развернутый ответ.

146. *Что означает выражение* "золотая середина"? *Приведите примеры, поясняющие это выражение.*

147. Один автор сказал: «Добродетель кончается там, где начинается глупость». Прав ли он?

Рассудите и приведите примеры, подтверждающие Вашу точку зрения.

148. Платон в 4-м веке до н.э. утверждал: «тело — темница души». Мишель Фуко в XX веке сказал нечто противоположное: «душа — тюрьма тела». *Рассудите*.

149. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя поговорками:*

«Своя воля страшней неволи».

«Хоть тяжелая доля, да всё своя воля».

В каких случаях эти поговорки справедливы? Приведите примеры.

150. Существует расхожая фраза: «Спрос рождает предложение». С другой стороны, умные предприниматели убеждены: «Спрос надо формировать», опираясь на прямо противоположное «предложение рождает спрос».

А Вы как считаете? Дайте развернутый ответ.

151. Древнекитайский мыслитель говорил: «Не дай вам Бог жить в эпоху перемен» (приписывается Конфуцию).

С другой стороны, Боб Парсон, президент известной американской компании, столь же категорично утверждал: «Стабильность —

для мертвецов».

Кто из них прав? Рассудите.

152. Существует целый класс высказываний, которые носят характер дилеммы «или-или» («либо то, либо другое; третьего не дано»). Это либо поговорки, либо устойчивые выражения, либо высказывания известных авторов.

Примеры:

1. «Пан или пропал».
2. «Хвост вытянули — нос увяз, нос вытянули — хвост увяз».

Приведите другие примеры.

153. Вы часто слышали поговорку «лучше синица в руке, чем журавль в небе». *Приведите аналогичные и противоположные по смыслу высказывания. Прокомментируйте их.*

154. *Как Вы объясните видимое противоречие между двумя утверждениями*:

А. «Хоть горшком назови, только в печку не ставь»

Б. «Как вы лодку назовёте, так она и поплывет» (вариант: «Назвался груздем — полезай в кузов»).

Пояснения и методические рекомендации

1. ***Предлагаемые задачи и упражнения*** **не носят специфически учебного характера** и поэтому могут использоваться для самых разных целей, в том числе: 1) для написания эссе, небольших философских работ, 2) в качестве тем для обсуждения, дискуссий, 3) для конкурсных заданий.

2. ***Задача по философии*** указывает на философскую проблему и/или помогает ее решить (устранить).

3. ***Упражнение по философии*** тренирует мыслительные способности, развивает и совершенствует ум, способствует закреплению знаний (сведений) по философии.

4. ***Распределение задач и упражнений по разделам учебного курса.*** Задачи и упражнения для удобства преподавания распределены (с известной долей условности) по пяти разделам учебного курса («что такое философия?», «история философии», «философское понимание мира», «философия человека», «философия деятельности»). Кроме того, в отдельный раздел «Разное» помещены задачи и упражнения, которые

трудно отнести к какому-то одному разделу учебного курса.

Распределение задач и упражнений по разделам учебного курса не означает автоматически, что они предлагаются студентам в том же порядке, по разделам. Допустимы самые разные варианты.

На экзамене по философии рекомендуется давать задачи и упражнения без указания их принадлежности к тем или иным разделам учебного курса.

5. ***Критерии оценки ответа***:

1) обстоятельность (от нескольких предложений до 1-3 страниц; ответы типа “да”, “нет” не принимаются);

2) аргументированность (логическая обоснованность, связность, использование примеров);

3) точность (ответ именно на этот вопрос и ни на какой другой).

6. ***Ответы на задачи и упражнения*** можно давать как в письменном, так и в устном виде. В последнем случае ответы могут стать предметом обсуждения-дискуссии на семинарском занятии.

Письменные ответы-работы студенты могут готовить непосредственно на семинарском занятии (10-30 минут в зависимости от характера задачи и наличия достаточного времени) или как домашние задания.

7. ***Задачи могут использоваться как материал для проведения диспутов.*** В этом случае назначаются или выбираются участники диспута, выступающие «за», «против» и занимающие третью позицию. В случае альтернатив участники распределяются между альтернативами. По каждой позиции или альтернативе выступает один студент; у него могут быть помощники или совыступающие.

8. ***На зачете или экзамене студенту следует предоставить право выбирать*** как минимум из двух вариантов задач/упражнений. В остальных случаях — на усмотрение преподавателя.

Литература

К разделу «Что такое философия»

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М., 1992.
Никифоров А.Л. Природа философии: Основы философии. — М.: Идея-Пресс, 2001.

К разделу «Краткий очерк истории философии»

Гегель. Лекции по истории философии.
Рассел Б. История западной философии.
Чанышев А.Н. Философия древнего мира: Для вузов. — М.: Высш. школа, 1999.
История русской философии: Для вузов / Ред.-сост. П.П. Апрышко. — М.: Республика, 2001.
Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рольф, 2001.
Гулыга А. Кант.
Гулыга А. Гегель.

К разделу «Философская картина мира»

Аристотель. Категории.
Аристотель. Метафизика.
Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики.
Поппер К. Лекция “Об облаках и часах” — К. Поппер. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 596-557.
Растригин Л. А. Этот случайный, случайный, случайный мир. — М., 1974.
Тарасов Л. В. Мир, построенный на вероятности. — М., 1984.
Категории «закон» и «хаос». — Киев, 1987.
Книгин А. Н. Учение о категориях. Учебное пособие. — М., 2002.

К разделу «Философия человека»

Платон. Диалоги «Пир», «Федон», «Государство»

Аристотель. Никомахова этика.
Сенека. Нравственные письма к Луцилию.
Монтень М. Опыты.
Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости.
Соловьев В. С. Оправдание добра.
Поппер К. Открытое общество и его враги.
Проблема человека в западной философии. Сборник переводов. — М., 1988.
Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1985.
Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. — М.: Мол. гвардия, 1982.
Куртц Пол. Искушение потусторонним. — М., 1999.
Куртц Пол. Мужество стать. Добродетели гуманизма. — М., 2000.
Хайек Ф.А. Дорога к рабству. — журн. «Вопросы философии», 1990, №№ 10, 11, 12.
Карнеги Д. Как перестать беспокоиться и начать жить.
Карнеги Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей.
Борзенко И.М., Кувакин В.А., Кудишина А.А. Основы современного гуманизма: Учебное пособие для вузов. — М.: Российское гуманистическое общество, 2002.

К разделу «Философия деятельности»

Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы.
Поппер К. Логика научного исследования.
Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. Исследование процесса научного познания. Пер. с англ. — М., 1984.
Демин М. В. Природа деятельности. — М., 1984.

Ко всем разделам

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН; Предс. науч.-ред. совета В.С. Степин. — М.: Мысль, 2000-2001.
Тейчмен Д., Эванс К. Философия. Руководство для начинающих. — М., 1997.
Волков Г. Н. Сова Минервы. — М., 1973.

Книги автора

1. Жизнь, смерть, бессмертие. — М.: ACADEMIA, 1996. — 96 с.
2. Как мы думаем? — М.: ACADEMIA, 1996. — 60 с.
3. Мир глазами философа. (Категориальная картина мира). — М.: ACADEMIA, 1997. — 293 с.
4. Критика марксизма и коммунизма. — М.: ACADEMIA, 1997. — 69 с.
5. Золотое правило поведения. — М., 1996. — 20 с. (2-е издание, испр., дополн. — М.: ACADEMIA, 1999. — 23 с.)
6. Что такое философия? М., 1998. — 33 с. (2-е издание, испр., дополн. — М.: ACADEMIA, 1999. — 33 с.)
7. Соответствия и антисоответствия между категориями. Проблемы категориальной логики. — М.: ACADEMIA, 1998. — 51 с.
8. Либерализм и свобода. — М.: ACADEMIA, 1999. — 19 с.
9. О любви. — 2-е изд., расшир. — М.: МЗ Пресс, 2001. — 56 с.
10. Россия и мир на рубеже веков-тысячелетий. Что было и что будет. — М. — 28 с.
11. Гуманистический манифест. — М., 2000. — 15 с.
12. Россия и мир на рубеже веков-тысячелетий (что было и что будет). — М., 2001-2001. — 28 с.
13. Практическая философия. — М.: МЗ Пресс, 2001. — 320 с.
14. Философия для жизни. Пособие по практической философии. — М.: МЗ Пресс, 2001. — 56 с.
15. Об опасности наркотиков и прелестях жизни без них. Заметки философа. — М., 2001. — 30 с.
16. Мысли о религии. — М., 2001. — 28 с.
17. Негатив жизни: антикультура и антифилософия. — М.: ACADEMIA, 2002. — 39 с.
18. Человек среди людей. (Как вести себя в обществе?). — М.: ACADEMIA, 2002. — 61 с.
19. Ошибки и перекосы категориального мышления. — М.: МЗ Пресс, 2002. — 137 с.
20. Занимательная философия. Аудиокнига. — М.: Ардис, 2009.
21. Этика: Учебное пособие. — 3-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2010. — 216 с.
22. Задачи и упражнения по философии: Учеб. пособие. — 2-е изд. — М.: ИТК «Дашков и К°», 2019. — 48 с.
23. Занимательная философия. — 6-е изд. — М: ИТК «Дашков и К°», 2019. — 414 с.

Указатель имен

Абеляр П. 52, 595
Августин Блаженный 51, 52
Авенариус Р. 75
Айвазовский И.К. 119
Айер А. 109
Алексеев В.П. 537
Альберт Великий 62
Алякринский Б.С. 499
Амундсен Р. 555, 556
Анаксагор 40
Анаксимандр 37, 38
Анаксимен 38
Анисов А.М. 41
Ансельм Кентерберийский 52, 595
Антисфен 48, 49
Аристотель 22, 27, 39, 44, 47-49, 52, 53, 56, 62, 111, 163, 177, 208, 222, 231, 269, 361, 365, 367, 423, 428, 442, 487, 540, 547, 552, 553, 595
Архимед 521

Бежар, Морис 590
Бейль Пьер 50
Беккерель А. 371
Белинский В.Г. 97-100, 311, 320, 562, 608
Бергсон А. 141, 182
Бердяев Н.А. 97, 102, 103, 296, 510
Беркли Дж. 64, 124, 510
Берталанфи Л. 178
Бестужев (Марлинский) А.А. 498
Бетховен Л. 34, 111, 267, 268, 415, 419, 591
Биант 599
Бисмарк О. 813
Блауберг И.В. 167, 173
Блейк У. 569
Бобах В. 11
Бовуар де, С. 108
Бодрийяр Ж. 112
Бор Н. 130, 531
Бородин А.П. 96, 299
Боуви 334
Брэдли Д. 182
Брежнев Л.И. 174, 471
Бруно Дж. 44, 55, 226, 507
Буаст П. 515
Бунге М. 527
Буридан Ж. 367, 612
Бэкон Ф. 27, 33, 56-58, 61, 517, 610
Бюффон 562, 608
Бюхнер 572

Васнецов В.М. 96
Вебер М. 381
Вересаев В.В. 178
Вернадский В.И. 97, 103, 104
Веспасиан, римский император 604
Витгенштейн Л. 109
Вишневский Вс. 397
Волошин М. 611
Вольтер Ф. 64-66, 604
Вольф Х. 510
Воробьев Е.З 366
Врубель М.А. 284
Вудберри 515
Выготский Л.С. 495

Галеви Д. 92
Галилей Г. 393
Гартман Н. 136
Гаспаров М.Л. 391
Гассенди П. 182
Гегель 22, 23, 60, 68, 69, 71-75, 78-80, 87, 96, 100, 105, 111, 121, 122, 140, 154, 163, 167, 206, 207, 214, 235, 246, 258, 263, 264, 266, 359-363, 365, 435, 525, 547, 595-597, 610, 611, 613
Гейзенберг В. 130
Гейне Г. 34
Гекатон, стоик 553
Гельвеций 64, 66, 525
Геодакян В.А. 138
Гераклит 38, 39, 315, 507
Гердер И.Г. 403
Геродот 403
Герцен А.И. 97-100, 376
Гесиод 595
Гёте И. 564

Гитлер 74, 89-91, 94
Глинка М.И. 96
Гоббс Т. 22, 56, 61, 63, 182, 263, 336, 358, 381, 390, 403, 408, 468, 510, 601, 604, 608
Гоголь Н.В. 96, 99, 519
Голсуорси Д. 322
Гольбах П. 64, 66, 359, 360
Гомер 34, 403
Гончаров И.А. 599
Гораций 315
Горький М. 498, 606, 614
Гранин Д. 609
Грибоедов А.С. 560
Грин, Александр 372
Гук Р. 317
Гулыга А.В. 12, 568
Гумилев Л.Н. 23
Гуссерль Э. 107

Давыдов Ю.Н. 618
Дали, Сальвадор 606
Дарвин Ч. 88, 111
Декарт Р. 22, 25, 56, 58, 59, 67, 120, 140, 182, 183, 256, 317, 508, 523, 554, 595
Делёз Ж. 112
Демидов В.И. 320, 321
Демокрит 34, 40, 41, 44, 49, 600
Державин Г.Р. 285, 315
Деррида Ж. 112
Демин М.В. 490, 491
Джеймс У. 108
Джонсон С. 336
Дидро Д. 64, 66, 320, 596, 609
Диоген Лаэртский (Лаэрций) 553
Диоген из Синопа 49, 605
Добролюбов Н.А. 97
Долматовский Е. 607
Достоевский Ф.М. 96, 97, 297, 415, 602, 606
Дро Н. 380

Евтушенко Е. 435
Екатерина Вторая 334
Екатерина Медичи 235, 613
Ерофеев Виктор 431

Жоль К.К. 36
Жуковский В.А. 278, 605

Зигварт Х. 263
Зенон из Китиона (стоик) 50
Зенон Элейский 39, 43
Зубов А.А. 285, 287

Иванов А. 444
Иларион, митрополит 95
Иоанн, евангелист 365, 367
Ильенков Э.В. 79
Ильин И.А. 420, 421, 453, 602

Каверин, Вениамин 573
Камю А. 108
Кант И. 12, 22, 64, 67-71, 87, 119, 289, 362, 363, 403, 404, 536, 595, 603
Капица С.П. 421
Караганов С.А. 394
Карнап Р. 109
Карнеги Д. 33, 334
Кастанеда К. 110, 111
Кельвин (Томсон, Уильям) 503, 594
Кинг, Мартин Лютер 84
Кинди, аль-Кинди 540
Киплинг Р. 295, 540, 612
Киреевский И.В. 98
Кларк, Артур 450
Клаудиус М. 601
Ключевский В.О. 613
Книгин А.Н. 597
Колумб 597
Конт О. 75-77, 85, 113
Конфуций (Кун-цзы) 33, 35, 36, 403, 614
Коперник 393
Копнин П.В. 527
Короленко В.Г. 607
Корчак Я. 610
Косыгин А.Н. 471
Крамской И.Н. 336
Кристи, Агата 603
Ксенофан 38, 39
Кузанский Николай 55
Кун Т. 113, 581
Кусто, Жак-Ив 358, 602
Кьеркегор С. 26, 88
Кювье Ж. 274

Лабрюйер Ж. 234, 334, 551
Лакатос И. 113

Ламарк Ж.-Б. 274
Ламенэ Ф.Р. 408
Ламетри Ж. 67
Ламонт К. 417, 418
Лао-цзы 36, 599
Лаплас П.С. 129
Леви В. 33
Левита Р.Я. 380, 381
Леви-Брюль Л. 537
Левкипп 34
Лейбниц Г. 56, 63, 263, 335, 367, 510
Ленин В.И. 67, 80, 103-105, 167, 395, 398, 400, 401, 435, 611
Лермонтов М.Ю. 32, 96, 564
Лигачев Е.К. 399
Лиотар Ж.-Ф. 112
Лобачевский Н.И. 96
Локк Д. 22, 27, 56, 62, 63, 182, 382, 403, 510, 553, 554
Ломоносов М.В. 96, 591, 596
Лондон Джек 124, 597
Лука, евангелист 403, 612
Луллий, Раймунд 540
Людовик XV 316

Майер Р. 23, 596
Макаренко А.С. 334, 424, 607
Мамардашвили М. 600
Марк Твен 605
Маркс К. 62, 76, 78-86, 104, 105, 120, 125, 167, 177, 268, 269, 397, 399, 555
Марсель Г. 108
Маршак С.Я. 540
Маслоу А. 297
Матронина Л.Ф. 595
Матфей, евангелист 403
Мах Э. 75
Мельников-Печерский П.И. 500
Менделеев Д.И. 96, 517, 578, 609
Мизес Л. 380, 381
Милль Дж.С. 378
Михайловский Н.М. 177, 569
Мичурин И.В. 281
Молешотт 372
Монтень М. 33, 50, 515, 600
Монтескье Ш. 382, 383, 605, 606
Мур, Генри 590
Мусоргский М.П. 96
Мюллер, Герберт Дж. 360

Наполеон 74
Некрасов Н.А. 431
Непот, Корнелий 608
Неру Дж. 601
Нестеров М.В. 437
Николай I, император 601
Ницше Ф. 74, 88-94, 416, 443, 510, 595, 604, 607
Ньютон И. 317

Ожегов С.И. 248, 295, 582
Ойкен В. 381
Окуджава Б. 392
Олджер 515
Олкотт 44
Освальд В. 572
Оуэн Р. 398

Павлов И.П. 577, 610
Парандовский, Ян 419, 420
Парменид 38, 39, 120
Парсонс, Боб 614
Пастер Л. 371
Перминов В.Я. 256
Песталоцци И.Г. 62, 397, 598
Петр Великий 96, 111
Пико делла Мирандола 54
Пиррон 50
Пирс Ч. 108
Писарев Д.И. 97, 334
Питтак 403
Пифагор 22, 38-40
Планк М. 218
Платон 18, 23, 40, 43-48, 52, 61, 177, 312, 361, 391, 525, 567, 570, 595, 599, 614
Плеханов Г.В. 97
Попов А.С. 96
Поппер К. 25, 74, 109, 110, 113, 163, 175, 234, 235, 361, 362, 597
Потебня А.А. 538
Протагор 41, 42, 598
Пушкин А.С. 36, 96, 124, 312, 430, 453, 472, 562, 564, 598, 600, 607

Радищев А.Н. 96
Рассел Б. 265, 517
Рафаэль Санти 13, 111, 443, 595
Рахманинов С.В. 96, 111, 523
Рейхенбах Г. 109

Рембрандт 34, 111, 591
Ремер О. 182, 183
Репин И.Е. 96
Ретюнских Л. 11
Рескин Д. 515
Рёпке В. 381
Рузвельт Ф. 111
Руссо Ж.-Ж. 49, 64-66, 281, 334, 362, 416, 566, 604

Салтыков-Щедрин М.Е. 322
Сартр Ж.-П. 108
Сахаров А.Д. 470
Светоний 604
Секст Эмпирик 50
Сенека 50, 320, 392, 607
Симонов К. 568
Сковорода Г.С. 96
Скотт Р. 555, 556
Скрябин А.Н. 96
Смит А. 380
Сократ 43, 44, 587, 595, 599, 603, 609
Соловьев В.С. 93, 97, 101-103, 118, 124, 280, 283, 389, 404, 405, 604
Сомов В. 542
Сорокин, Питирим 470
Спенсер Г. 75
Спиноза Б. 22, 56, 59-61, 118, 182, 258, 359, 510, 599, 600
Сталин И.В. 401
Стасов В.В. 42
Суворов А.В. 503
Суриков В.И. 96, 591
Сэй Ж.-Б. 380

Тарковский А. 453
Тацит 360
Тахо-Годи А.А. 44
Тейяр де Шарден П. 443
Теллер Э. 610
Терехова, Маргарита, актриса 597
Тертуллиан 439
Толанд Д. 140
Толстой Л.Н. 49, 96, 97, 102, 111, 283, 316, 328, 343, 381, 390, 420, 435, 436, 515, 562, 589, 591, 602, 606, 608
Томмасиус Х. 403
Третьяков В.Т. 112
Тютчев Ф.И. 601, 614

Уайльд О. 424
Уемов А.И. 263
Умов Н.А. 97
Уэллс Г. 438

Фалес 37, 38, 403
Фейерабенд П. 113
Фейербах Л. 42, 71, 77, 78, 84, 86, 269, 390, 510, 595, 596
Фердинанд I, император 517
Ферма П. 183
Федоров Н.Ф. 97, 103
Филдинг, Генри 572
Филофей, старец 95
Фихте И.Г. 71, 568, 604
Фогт 572
Фома Аквинский 52, 53
Форд Г. 111
Фрейд З. 106, 596
Фромм Э. 123, 598
Фуко, Мишель 112, 614
Фурье Ш. 332, 563

Хайдеггер М. 108, 122-124, 235
Хайек Ф. 381
Хейз 360
Хомяков А.С. 98

Цедлиц 12
Циолковский К.Э. 97, 103, 454
Цицерон 42
Цой, Виктор 493

Чаадаев П.Я. 97-99, 505, 600
Чайковский П.И. 96, 435, 591
Чапек К. 322
Чернышевский Н.Г. 97, 99-101
Чертков В.П. 291
Честертон Г.К. 600
Чехов А.П. 592, 608
Чижевский А.Л. 97, 103
Чуковский К.И. 540

Шаповалов В. 552
Шекспир У. 25, 34, 42, 111, 121, 235, 343, 452, 585, 602, 606
Шеллинг В.Й. 71, 289
Шердаков В.Н. 447
Шлик М. 109
Шмидт Г. 360

Шопенгауэр А. 33, 71, 87, 88, 96, 232, 233, 376, 404, 599, 607
Шоу Б. 322, 383, 605
Шредингер Э. 130, 220, 221
Шукшин В.М. 569
Шуман Р. 318

Эдисон 111, 562
Эйнштейн А. 111, 130, 191, 577, 587, 595, 597, 611
Экклезиаст 56, 610
Эмерсон Р.У. 154
Эмпедокл 40
Энгельс Ф. 76, 78, 79, 104, 167, 181, 399, 463, 464, 555
Энезидем 50
Эпикур 49, 50, 154
Эразм Роттердамский 55
Эсхил 515

Юдин Э.Г. 173
Юлий II, папа римский 595
Юм 50, 64, 65, 510, 554
Юстиниан 51

Яблочков П.Н. 96
Ясперс К. 108

Diels 44

Zeller E. 41

Об авторе:

БАЛАШОВ Лев Евдокимович

Философ, работает в Институте философии Российской академии наук и в Российском философском обществе. Автор свыше 20 книг, в том числе: «Мир глазами философа», «Практическая философия», «Этика», «Жизнь, смерть, бессмертие», «Как мы думаем?», «Либерализм и свобода», «Занимательная философия».

В этих и других книгах автора излагаются основы его философской концепции.

Учебное издание

БАЛАШОВ Лев Евдокимович

ФИЛОСОФИЯ

Учебник (систематический курс)

Книга издана в авторской редакции

Сертификат соответствия № РОСС RU.АВ51.НО5316

Подписано в печать 14.01.2019. Формат 60х90 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 39.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 183-93-23
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;
office@dashkov.ru — офис; http://www.dashkov.ru

Отпечатано: Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

ISBN 978-5-394-03367-4